УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8 (74). №3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

ISSN 2413-1733

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых комуникаций
Учредитель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, протокол №6 от 20 сентября 2022 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.
Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
Подписано в печать 20.09.2022. Формат 70x100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.
Дата выхода в свет «__»._____. 20__г.

Отпечатано в Издательском доме
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
http://sn-law.cfuv.ru

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 3-6.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.141

СПЕЦИФИКА СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДАТА И ШАРИАТА КАК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ У МУСУЛЬМАН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ашурбекова А. А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Настоящая статья посвящена исследованию вопросов соотношения адата и шариата в регулировании общественных отношений в Российской Империи в регионах, населенных мусульманами. В работе доказывается, что по мере освоения мусульманских районов, Россия проводила политику поступательной инкорпорации с дальнейшей ассимиляцией. В работе доказывается, что влияние русского закона на адаты было минимальным и касалось в основном административной части функционирования судебных органов. Российская администрация разрешала применять шариат в регулировании семейных отношений и решать спор в суде кади по обоюдному согласию сторон (договорная подсудность). Выявлено, что к концу XIX в. в мусульманских районах Российской империи благодаря политике «мягкой силы» было сформировано единое правовое поле, которое позволило не только поддерживать общий порядок, но и способствовало единообразию применения шариата в соответствии с общеимперскими нормами на всей вновь присоединенной территории.

Ключевые слова: Российская Империя, правовой обычай, адат, шариат, мусульманство, адатные суды.

Российская Империя в XIX в. уже была многонациональным государством и у правительства сложилась определенная политика в отношении неславянских подданных. В частности, речь шла о поступательной инкорпорации с дальнейшей ассимиляцией. Сложившейся практикой было лояльное отношение к религии и традициям иных народов. Оставление иноверцам и инородцам их обычаев в качестве основного источника права было частью национальной политики Российской Империи. Присоединение Северного Кавказа к России продолжалось со 2-й половины XVIII в. до 60-х гг. XIX в., Туркестанского края с 1865 по 1868 гг., позже всех, в 90-х гг. XIX в. присоединена Закаспийская область. Правовое освоение новых земель началось с административной регламентации. Управление преимущественно осуществлялось по старым законам и народным обычаям с помощью авторитета местных фамилий (родов). Русская администрация традиционно старалась не затрагивать уклад местного населения, отменив лишь самые нежелательные обычаи, в частности, была запрещена работорговля, выступали также против суровых положений шариата.

Адат как свод обычного права действовал у народов Кавказа, Сибири, Киргизских степей (Туркестанский край). Естественно, при многих общих чертах были и существенные различия, особенно, если речь шла о кочевых народах. С одной стороны, русская администрация разрешала применение адата и даже поддерживала его, с другой стороны, в целях нераспространения ислама, ограничивалось применение шариата, который имел разновеликое распространение. Изменение формирования местной власти, контроль над народными судами существенно повлияли на родовой быт, семейную жизнь и уклад мусульманских народов.

Адат действовал как обычное право горцев в двух основных сферах применения – как в семье и клане, так и между кланами в сельской общине. Категория «адат» повсеместно раскрывалась в трех смыслах: обычай, берущий исток из народного предания; закон определенной местности; способ разбирательства судебных дел (процессуальный обычай). Так, А.И. Руновский при описании Кодекса Шамиля утверждал, что до имамата в Дагестане горцы для регламентации домашней жизни и суда использовали обычай – «адат». Адат им раскрывался как «неписанные правила, которыми руководствовались с незапамятных времен народы, пребывающие в полудиком состоянии и ведущие более или менее патриархальный образ жизни» [1, с. 2-3]. Адат, как упоминалось, рассматривался и с процессуальной точки зрения – древние судебные органы и процессуальные обычаи, они были неотделимы от всего массива обычаев, и в целом составляли особую материально-процессуальную правовую систему обычного права. Адатные суды как обычно-правовой феномен не имели стабильной организации, это были суды ad hoc, что для кочевых народов было наиболее приемлемым. Однако в ряде местностей адатные суды стали действовать на постоянной основе и по традиции формирование состава судей осуществлялось всей общиной из наиболее авторитетных, достойных ее членов.

Несмотря на то, что адат – это обычное право, нельзя сказать, что его содержание было неизвестно. Как и обычное право других государств, адаты были объединены в сборники в XIV-XVIII вв. и в XIX в., но данная практика была не у всех народов. В частности, черкесы письменных законов не имели и древние обычаи передавали устно, кроме того, каждое племя руководствовалось собственным адатом, хотя в целом они были во многом схожи. Впоследствии кабардинский адат был признан наиболее справедливым и укоренился у всех племен черкесов [2].

В отличие от других норм адат со временем корректировался, адатные суды выносили решения по спорам, не упомянутым в адате, по аналогии – в соответствии с духом адата. Со временем новые решения становились обычаями, модернизируя адат. Суды у черкесов использовали исключительно нормы адата, однако с укреплением мусульманства стал широко применяться и шариат (как письменный закон). Между тем, адат был более понятен и привычен многим народам, в то время как с шариатом еще были малознакомы, поэтому предпочтение отдавалось первому. Более того, даже после введения повсеместного применения шариата сторонам давалось право выбора, и они могли выбрать применимое право: либо адат, либо шариат, исходя из выгоды для себя в каждом конкретном случае.

Шариат в доктрине середины XIX в. рассматривался и как особая философия нравственности, и как гражданское право магометан. Из такого понимания шариата правительство выстраивало свою администрацию. Публичные отношения регулировались общеимперскими законами, в то время как частное право осталось в сфере действия обычая. В качестве основных источников права стали использовать различные сборники исламской правовой доктрины.

В конце XVIII в. изучение шариата было важным для определения лиц, обладающих властью над мусульманским населением. Была установлена иерархическая система духовных лиц, некий механизм мусульманского протогосударства. Однако четкой регламентации их полномочий не было установлено. Духовное лицо в соответствии со своим саном и глубокими познаниями мусульманского права имел право судить. В XIX в. правительство постаралось изложить порядок применения ша-

риата и закрепить полномочия духовных лиц в соответствии с европейским правопониманием. Шариат был наделен статусом религиозного учения, которое не может вмешиваться в область действия светского права. В сферу регулирования мусульманского права попали завещания, клятвы, греховное поведение и управление собственностью мечетей. Российская администрация разрешала применять шариат в регулировании семейных отношений и решать спор в суде кади по обоюдному согласию сторон (договорная подсудность).

В течение XIX в. мусульманский закон смягчил адат, ввел новые институты, скорректировал правовое положение женщины. Адат как синтез права, правосознания, правовой культуры и уклада жизни, отражающий преемственность поколений, с укоренением новой веры воспринял многие ценности мусульманства. Благодаря шариату, адат из хаотичного переплетения разновременных правил приобрел некую стройную систему. При сравнении адата Северного Кавказа и адата кочевых народов, где шариат не оказал сильного влияния, просматривается, что адат отвечал критериям разумности и справедливости, существующих на определенном историческом этапе развития народа. С изменением критерия справедливости, меняется и адат, что практически не присутствует в шариате. Сильной стороной шариата является его доктринальность, позволяющая при стабильности основ обновляться.

Главным противостоянием адата и шариата являлась единая сфера применения. Их объединяла духовная основа. Мирное сосуществование стало возможным в силу признания шариатом обычая как основы нормативного регулирования и схожести в процессуальных вопросах, в частности, использования присяги. Разделение сфер применения между шариатом и адатом сложилось спонтанно. Обычное право преимущественно регулировало отношения семьи и клана. Выделяли адат как древний закон, «правила старины» и обычное право на основе традиций мусульманского права, которое у каждого народа имело свою специфику. Традиции мусульманского права оказали наиболее сильное влияние на брачно-семейные и наследственные отношения и закрепились достаточно прочно, чему способствовала политика Российской империи в XIX в.

Сходство судебных обычаев мусульманских народов свидетельствует о близости обычаев родовой общины. Но адаты, регулирующие брачно-семейные отношения у киргизов, имели свои особенности. Н.Н. Малышев отмечал, что слова «право» в том смысле, как это понимают европейцы, у кочевников нет [3, с. 4-5]. Есть слово «хак» – истина, Бог, право на что-то. А обычай, согласно которого решаются все житейские дела и осуществляется суд, именуется словом «занг» или «адат». Н.И. Гродеков отождествлял категории «занг» и «адат», говоря лишь о разнице происхождения слова [4, с. 20].

До середины XIX в. обычное право применялось практически без влияния религиозных норм, и только к концу XIX в. с развитием образования, в основном мусульманской грамотности, шариат стал оказывать заметное влияние на нормы обычного права. Для мусульманского права в Российской империи конца XIX в. сложилась нетипичная ситуация – одномоментное действие трех совершенно различных по природе и действию источников права: адата, шариата и российского закона. Постепенная исламизация кавказского и азиатского регионов Российской империи, а также крайне лояльное отношение к регламентации частной жизни

местного населения и максимальное сохранение традиций и культуры привели к установлению совершенно уникального опыта.

Таким образом, влияние русского закона на адаты было минимальным и касалось в основном административной части функционирования судебных органов. Смягчение обычных и религиозных норм в отношении правового положения женщин связано с влиянием русского законодательства и постепенной русификации населения. Проблемы применения и сочетания шариата и адата подпитывались неопределенностью статуса адатных судов (народных судов, судов биев). В связи с этим, невозможно однозначно установить соотношение адата и шариата, однако можно выявить периоды наибольшего тесного взаимовлияния этих источников права.

Список литературы:

1.Руновский А.З. Кодекс Шамиля / [Соч.] А. Руновского. - Санкт-Петербург, 1862. - 54 с.
2.Дубровин Н.А. История войны и владычества русских на Кавказе / [Соч.] Н. Дубровина. Т. 1-6. - Санкт-Петербург : тип. Деп. уделов, 1871-1888.
3.Малышев Н.Н. Обычное семейное право киргизов // Временник Демидовского юридического лицея. – 1904. – Кн. 89. – С. 3-24.
4.Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области / Н. И. Гродеков. - Ташкент: Типолитогр. С. И. Лахтина.- Т. 1: Юридический быт. - 1889. - 205 с.

Ashurbekova A.A. The specifics of the correlation and interaction of adat and sharia as the main sources of legal regulation among muslims of the Russian Empire // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 3-6.

This article is devoted to the study of the relationship between adat and Sharia in the regulation of public relations in the Russian Empire in the regions inhabited by Muslims. The paper proves that as the development of Muslim areas, Russia pursued a policy of progressive incorporation with further assimilation.

Keywords: Russian Empire, legal custom, adat, Sharia, Islam, adat courts.

Spisok literatury:

1. Runovskij A.Z. Kodeks SHamilya / [Soch.] A. Runovskogo. - Sankt-Peterburg, 1862. - 54 s.
2.Dubrovin N.A. Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze / [Soch.] N. Dubrovina. T. 1-6. - Sankt-Peterburg : tip. Dep. udelov, 1871-1888.
3.Malyshev N.N. Obychnoe semejnoe pravo kirgizov // Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo liceya. – 1904. – Kn. 89. – S. 3-24.
4.Grodekov N.I. Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti / N. I. Grodekov. - Tashkent: Tipolitogr. S. I. Lahtina.- T. 1: YUridicheskij byt. - 1889. - 205 c.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 7-16.

УДК 342.951

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ «ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ»

Басова Ю. Ю.
Крымский юридический института (филиала)Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье проведен анализ научной, справочной литературы, норм действующего законодательства относительно определения гносеологической характеристики понятия «чрезвычайная ситуация».

В настоящее время на федеральном уровне вопросы предупреждения и ликвидации негативных последствий чрезвычайных ситуаций являются крайне актуальными. Это обусловлено двумя факторами, во-первых, значительным их количеством, а во-вторых, значительными материальными убытками. Кроме того, не менее важным является вопрос, связанный с обеспечением прав и свобод гражданина в указанных условиях.

Целью исследования является формирование научной концепции относительно гносеологической характеристики чрезвычайной ситуации, а именно, определение и характеристика ее признаков, а также, формирование целостной классификации чрезвычайных ситуаций.

Проанализированы признаки чрезвычайных ситуаций, его неотъемлемые свойства, наличие которых позволяет отличить чрезвычайную ситуацию от других негативных явлений. Аргументировано, что к основным признакам чрезвычайной ситуации относятся: наличие реальной, возможной (потенциальной) или неизбежной опасности для человека, общества или государства; комплексность существующей опасности относительно личности, общества, государства; создание новых, временных органов управления, а также перераспределение полномочий; необходимость применения чрезвычайных, ограничительных мер, реорганизация системы государственного управления.

Автором проанализированы различные научные подходы к определению видов чрезвычайных ситуаций, а также взгляды ученых на проблему классификации чрезвычайных ситуаций в различные исторические периоды развития нашей страны. Гносеологический анализ позволил сформировать теоретическую концепцию классификации чрезвычайных ситуаций, а именно: чрезвычайные ситуации природного характера; чрезвычайные ситуации техногенного характера; чрезвычайные ситуации биолого-социального характера; чрезвычайные ситуации социально-политического характера.

Ключевые слова: гносеология, классификация, признаки, научные подходы, характеристика, чрезвычайные ситуации.

Теоретические проблемы познания права, как специфического социального объекта, является предметной областью правовой гносеологии. Ее основная задача заключается в изучении предпосылок и условий достоверного познания права, в достижении истинного знания о праве и правовых явлениях [1, с. 9].

Исходной позицией и ведущей идеей юридической гносеологии (гносеологии юридического правопонимания) является научное познание о природе, свойствах, характеристике закона, познавательное отношение к действующему праву, попытка теоретического (философско-правового, научного) осмысления его объективной природы, выяснения его роли и назначения, постижения его истины. Этот путь познания приводит к исходной гносеологической схеме в сфере теоретического понимания и изучения права [2, с. 93].

«Гносеологический аспект – отражает способ познания, приемы, практические пути, а также, теоретические построения, позволяющие сделать соответствующие выводы. Для этого исследователь должен иметь знания о свойствах предметов и яв-

лений, о законах природы. Таким образом, онтологическая сторона составляет объективный смысл его гносеологической стороны, и уже в силу этого последняя не может существовать без первой и наоборот. Онтологическое и гносеологическое выступают как, две стороны одного и того же процесса, процесса осознания человеком своего отношения к действительности.

Следует заметить, что содержание любого понятия определяется совокупностью существенных признаков, которые содержатся в данном понятии. Существенными признаками являются наличие или отсутствие каких-либо свойств, которые выделяют конкретный предмет (явление) от других предметов (явлений) [3, с. 67].

Одним из основных признаков чрезвычайной ситуации, отличающих ее от других явлений – опасность этой ситуации. Этимологический анализ понятия «опасность» показывает, что она может быть не только реальной, но и потенциальной (возможной), а также неизбежной (т.е. наступления которой неизбежно произойдет). При этом, опасность возникает для жизненно важных интересов личности и общества.

Как объект опасности, жизненно важные интересы представляют систему потребностей, удовлетворение которых обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства в целом [4, с. 36]. К жизненно важным интересам человека можно отнести те блага, которые предоставляются ему от рождения, а именно: права и свободы, закрепленные в действующем законодательстве. К жизненно важным интересам общества и государства можно отнести: конституционный строй, государственный суверенитет, территориальную целостность, материальные, культурные и духовные ценности.

Следующим признаком является комплексность существующей опасности для личности, общества, государства. Чрезвычайная ситуация может характеризоваться большим количеством погибших и раненых, значительными экономическими убытками, разрушением жилых и социальных помещений, инженерных сооружений, промышленных объектов, незаконным переходом государственной границы значительным количеством лиц. Следует заметить, что незаконная миграция характерна для чрезвычайных ситуаций любого характера. Массовая незаконная миграция прослеживалась во время вооруженных конфликтов в Грузии, Азербайджане, Абхазии и других постсоветских странах, странах Ближнего Востока (Иран, Ирак, Кувейт, Египет, Ливия, Сирия).

Продолжая характеристику признаков отметим, что в случаи возникновения чрезвычайной ситуации происходит изменение системы государственного управления, то есть создаются новые, временные органы управления, а также, происходит перераспределение полномочий между органами государственной власти, местного самоуправления и органами, отвечающими за ликвидацию негативных последствий чрезвычайной ситуации.

Итак, основными признаками чрезвычайной ситуации являются:

– наличие реальной, возможной (потенциальной) или неизбежной опасности для человека, общества или государства;

– комплексность существующей опасности относительно личности, общества, государства;

– создание новых, временных органов управления, а также перераспределение полномочий;

– необходимость применения чрезвычайных, ограничительных мер, реорганизация системы государственного управления.

По нашему мнению, указанные признаки отражают все особенности понятия «чрезвычайная ситуация» в онтологической связи со всеми элементами правовой системы (нормами права, правоотношениями, особенностями статуса субъектов и т.д.).

В рамках гносеологической характеристики чрезвычайной ситуации, важным является вопрос их классификации. Отметим, что в научных трудах, законодательных актах существует значительное количество критериев классификации чрезвычайных ситуаций, а именно: по масштабам распространения, по вызванными убытками, по количеству погибших, по количеству необходимых сил и средств для ликвидации негативных последствий чрезвычайной ситуации, по источнику происхождения негативного фактора и т.д.

Б. Порфирьев в монографии «Управление в чрезвычайных ситуациях» впервые предложил критерии классификации чрезвычайной ситуации. К ним ученый относит следующие:

– временный (внешняя неожиданность, внезапность возникновения, быстрое развитие событий);

– социально-экологический (человеческие потери, массовая гибель животных, уничтожение урожая, заражение сельскохозяйственных земель);

– экономический (значительный экономический ущерб, разрушение коммуникаций, необходимость значительных материальных затрат для осуществления восстановительных работ, нарушение функционирования или разрушения значительной части производственных мощностей);

– организационно-управленческий (возникшая ситуация, характеризуется, прежде всего, сложностью прогнозирования развития событий, принятием управленческих решений, проведением масштабных эвакуационных мероприятий, проведением спасательных работ, привлечением большого количества специальной техники);

– социально-политический (усиление внутриполитической и международной напряженности, огромный социальный резонанс) [5, с. 34].

Наиболее распространенной в научных исследованиях является классификация чрезвычайных ситуаций по источнику возникновения, согласно которой, выделяют чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера. В то же время, кроме указанных видов явлений (событий), в обществе возникают и другие обстоятельства, которые обладают всеми признаками чрезвычайной ситуации.

Однако, ни один из действующих нормативных правовых актов не содержит в своем содержании целостную классификацию данных явлений, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости и актуальности исследования данного вопроса. Так, например, в Федеральном конституционном Законе от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» только в определении военное положение отмечает, что он вводится в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

При разработке федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайного положении» законодатель ограничился только лишь перечислений ситуаций, которые являются основанием для введения данного режима: чрезвычайные ситуации техногенного, природного и экологического характера, в част-

ности, эпидемии, эпизоотии, ситуации, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий; попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захват или присвоение власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо принципиальных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления».

Вместе с тем, Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» предусматривает классификационные признаки чрезвычайных ситуаций, в частности: территория распространения, объемы нанесенных или ожидаемых экономических убытков, количества людей, которые погибли. Согласно указанному Постановлению ситуации разделены на: а) чрезвычайную ситуацию локального характера; б) чрезвычайную ситуацию муниципального характера; в) чрезвычайную ситуацию межмуниципального характера; г) чрезвычайную ситуацию регионального характера; д) чрезвычайную ситуацию межрегионального характера; е) чрезвычайную ситуацию федерального характера [6].

Анализ указанных нормативных правовых актов показывает, что утвержденная классификация выглядит, формализовано и не дает четкого представления о спектрах причин и условий возникновения чрезвычайных ситуаций. В некоторой степени, указанную проблему разрешают утвержденные в данной области ГОСТы, в частности: ГОСТ Р 22.0.02-94 Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения основных понятий [7]; ГОСТ Р 22.8.01-96 Ликвидация чрезвычайных ситуаций общие требования [8]; ГОСТ Р 22.0.03-95 Природные чрезвычайные ситуации термины и определения [9]; ГОСТ Р 22.0.09-95 Чрезвычайные ситуации на акваториях Термины и определения [10]; ГОСТ Р 22.0.08-96 Техногенные чрезвычайные ситуации. взрывы Термины и определения [11].

В современных научных исследованиях возникли взгляды относительно дополнения классификационных признаков чрезвычайных ситуаций по территории распространения, а именно: дополнить действующее законодательство чрезвычайными ситуациями межгосударственного уровня. Примерам таких ситуаций являются: авария на Чернобыльской атомной электростанция в апреле 1986 года, землетрясение, которое вызвало цунами и аварию на атомной электростанции в Японии 2011 г., внутренние вооруженные конфликты высокой интенсивности в Египте, Ливии, Сирии, Украине.

Если выделение природных и техногенных чрезвычайных ситуаций является традиционным для нашей правовой системы, то современное развитие общества обуславливает возникновение новых угроз и ситуаций, к которым можно отнести чрезвычайные ситуации биолого-социального характера.

Профессор М.П. Киреев считает, что к причинам возникновения чрезвычайных ситуаций следует отнести явления природного, техногенного, биолого-социального характера [12, с. 335]. Позиция ученого, основывается, прежде всего, на положениях ГОСТ Р 22.0.02-94 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. термины и определе-

ния основных понятий», ГОСТ Р 22.0.04.97 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения» в соответствии с которыми, биолого-социальная чрезвычайная ситуация — это состояние, при котором в результате возникновения источника биолого-социальной чрезвычайной ситуации на определенной территории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, существования сельскохозяйственных животных и произрастания растений, возникает угроза жизни и здоровью людей, широкого распространения инфекционных болезней, потерь сельскохозяйственных животных и растений [13]. Придавая данным явлениям конкретную юридическую конструкцию, профессор И.Е. Ильичев указывает, что «ГОСТ формирует обширный пакет терминов и определений, характеризующих данные чрезвычайные ситуации во всем многообразии их проявлений [14, с. 14]. Одновременно, профессор М.П. Киреев справедливо отмечает: «современная Россия столкнулась с распространением биологического патогена COVID-19, вызвавшим чрезвычайную ситуацию биолого-социального характера [12, с. 336].

Несмотря на то, что биолого-социальные чрезвычайные ситуации были определены ГОСТ Р 22.0.02-94 еще в 1994, на законодательном уровне данный вид чрезвычайных ситуаций был определен только в 2020 г. в Федеральном законе от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» [15]. Указанный закон закрепил полномочия органов государственной власти по вопросам обеспечения биологической безопасности, правовой статус граждан в сфере обеспечения биологической безопасности, а также определены перечень мероприятий и порядок их реализации по вопросам защиты населения и окружающей среды.

Продолжая исследование классификации чрезвычайных ситуаций, в рамках научной дискуссии, следует проанализировать вопрос относительно сущности обстоятельств, указанных в Федеральном конституционном законе 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», в п. «а» ст. 3 Федерального конституционного закона 30.05.2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», в Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Вынуждены констатировать, что действующее федеральное законодательство не дает четкого понимания сущности указанных обстоятельств. В отечественных научных исследованиях данный вопрос также не нашел однозначного решения, что свидетельствует о его сложности и важности, как в теоретическом, так и практическом значении. Ведь для современной России актуальность решения указанной научной проблематики является очевидной, в связи с возможностью возникновения таких негативных явлений.

Оригинальную классификацию предложил С.А. Старостин. По его мнению, чрезвычайные ситуации необходимо разделять по сфере проявления на: природные (стихийные) бедствия (землетрясение, наводнения, цунами, извержение вулкана); техногенные (т.е. чрезвычайные ситуации, возникновение которых вызвано авариями, катастрофами на промышленных объектах, транспортных и других хозяйственных объектах); комбинированные (возникновение чрезвычайных ситуаций автор связывает с наличием комплекса причин, сочетанием природного, техногенного и социального фактора, а именно: необоснованная застройка города может привести к оползням, а следовательно, к разрушению жилых домов и гибели людей и т.д.) криминальные (межнациональные конфликты, массовые беспорядки в населенных

пунктах и местах лишения свободы, захват особо важных объектов, заложников, совершения террористических актов) [16; 17; 18]. Ученый в монографии «Чрезвычайное положение» справедливо отмечает: «большинство чрезвычайных ситуаций криминального характера точно соответствуют составам некоторых статей УК РФ» [17, с. 77].

Б.П. Кондрашов среди чрезвычайных ситуаций природного, техногенного выделяет и чрезвычайные ситуации криминального характера, которые создают угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства, которая требует принятия неотложных адекватных мер правового, экономического, организационного и иного характера. К таким чрезвычайным ситуациям ученый относит все обстоятельства, которые указаны в п. «а» ст. 3 Федерального конституционного закона 30.05.2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [19, с. 248].

О наличии чрезвычайных ситуациях социального характера отмечает В.И. Пьянников [20, с. 14-15] и определяет их как: «наступление на определенной территории социально-значимых правовых последствий обстоятельств (событий) общественно-политического характера, связанных с возникновением или обострением противоречий и конфликтов в сфере социальных отношений, которые могут повлечь (или повлекли) за собой человеческие жертвы, причинение вреда здоровью, значительный имущественный ущерб или нарушения условий жизнедеятельности населения».

Авторский коллектив учебника «Административное право» указывает на существование ряда особых правовых режимов, связанных с возникновением чрезвычайных ситуаций криминогенного, природного, экологического и техногенного характера [21, с. 441].

Изучение сущности обстоятельств, перечисленных в федеральном законодательстве показывает, что в природе их возникновения находится две взаимосвязанных составляющих: социум и государство.

Следует отметить, что социальная составляющая возникновения указанных обстоятельств обусловлена «аномией», т.е. состоянием индивида или общества, при котором ослаблено или приостановлено действие ценностно-нормативных регуляторов поведения. Объективной основой возникновения аномии является наличие тех обстоятельств, которые всегда существуют: «разрыв между желанностью целей и допустимостью их при помощи нормативно оправданных способов» [22].

Социальная составляющая подобных обстоятельств, представляет собой сложное, многомерное явление жизни общества и характеризуется:

– возникновением у индивида и общества внутреннего состояния неприятия господствующих в обществе политических отношений, что обуславливает возникновения состояния в обществе, когда осознаваемые права и свободы оказываются под угрозой;

– наличием неэффективных стратегий и технологий осуществления высшим политическим руководством страны государственной политики, негативными последствиями которых имеют, прежде всего, экономический характер (снижение уровня жизни, высокий уровень безработицы, распространение бедности, приостановление (отмена) социальных обязательств государства (льгот, субсидий, пособий, пенсий и т.д.).

– наличием серьезной социальной (политической) нестабильности и неопределенности;

– снижением доверия к институтам власти, что обусловлено: недовольством (уровнем и условиями жизни, качеством управления, обслуживания и т. д.), несогласием (с общим курсом развития, внешней, внутренней и экономической политикой), другие негативные эмоции – разобщённость, незащищённость, несправедливость, беспокойство, раздражение, ксенофобия, ненависть и др. [22; 23; 24, с. 25].

Относительно второй составляющей данных обстоятельств, отметим, что они, как правило, имеют политическое содержание и направлены на неконституционную смену политического режима, отстранения высшего политического руководства от управления государством, изменения (разрушения) действующей политической системы страны, организация и проведения массовых акций протеста с выдвижением политических требований и зачастую приобретающих характер «кровопролитной гражданской войны».

Анализ научной и справочной литературы, практики деятельности уполномоченных органов государственной власти, дает возможность к чрезвычайным ситуациям социально-политического характера отнести следующие события: совершение или реальная угроза совершения террористического акта, нападение или покушение на экипаж воздушного морского судна), похищение (попытка похищения) или уничтожение воздушного или морского судна, захват заложников, провоцирование или организация межнациональных и межконфессиональных конфликтов, массовых беспорядков, попытки захвата государственной власти или изменения конституционного строя государства путем, непредусмотренные действующим законодательством или путем насилия, блокирование или захват особо важных, стратегических объектов или местностей, массовый переход государственной границы населением с территории сопредельных государств, вследствие, возникновения на территории государствах явлений, препятствующих проживанию населения, вооруженная агрессия или угроза нападения на Российскую Федерацию.

Подводя итог, следует отметить, что гносеологический анализ позволил сформировать теоретическую концепцию классификации чрезвычайных ситуаций, а именно: чрезвычайные ситуации природного характера; чрезвычайные ситуации техногенного характера; чрезвычайные ситуации биолого-социального характера; чрезвычайные ситуации социально-политического характера.

Список литературы:

1. Скурко Е. В. Основания современной гносеологии права (теоретический и практический аспекты). // Ленинградский юридический журнал. 2010. №2. – С 8-21.
2. Философия права: Учебное пособие / Отв. ред.: Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Статут, 2018. – 224 с.
3. Иванов Е. А. Логика: [учеб.] / Иванов Е. А. – М. : Изд-во БЕК, 1998. – 309 с.
4. Сергеев А. Б. Процессуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам в чрезвычайных ситуациях: дисс. … докт. юрид. наук : 12.00.09 / Сергеев Андрей Борисович. – М., 2003. – 366 с.
5. Порфирьев Б. Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации / Порфирьев Б. Н. – М. : Наука, 1991. – 136 с.
6. О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://base.garant.ru/12153609/#friends#ixzz3sOPopGUP (дата обращения 20.04.2022).
7. ГОСТ Р 22.0.02-94 Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения основных понятий [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-

deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-0-02-94-bezopasnost-v-chrezvychaynyh-situaciyah-terminy-i-opredeleniya-osnovnyh-ponyatiy (дата обращения 20.04.2022).
8. ГОСТ Р 22.8.01-96 Ликвидация чрезвычайных ситуаций общие требования [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-8-01-96-likvidaciya-chrezvychaynyh-situaciy-obshchie-trebovaniya (дата обращения 20.04.2022).
9. ГОСТ Р 22.0.03-95 Природные чрезвычайные ситуации термины и определения [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-0-03-95-prirodnye-chrezvychaynye-situacii-terminy-i-opredeleniya (дата обращения 20.04.2022).
10. ГОСТ Р 22.0.03-95 Природные чрезвычайные ситуации термины и определения [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-0-03-95-prirodnye-chrezvychaynye-situacii-terminy-i-opredeleniya (дата обращения 20.04.2022).
11. ГОСТ Р 22.0.08-96 Техногенные чрезвычайные ситуации. взрывы Термины и определения [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-0-08-96-tehnogennye-chrezvychaynye-situacii-vzryvy-terminy-i-opredeleniya (дата обращения 20.04.2022).
12. Киреев М.П., Федоров Р.В. Деятельность ОВД в чрезвычайных ситуациях: морально-психологическая среда // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - №5., - Т. 14. - С. 334–337.
13. ГОСТ 22.0.04.97 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200009375 (дата обращения 20.04.2022).
14. Ильичёв И.Е. О понятии и классификации чрезвычайных ситуаций // ППД. 2020. №1. С. 6–19.
15. Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372659/ (дата обращения 20.04.2022).
16. Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях (правовые и организационные аспекты) : автореф. доктор. юрид. наук. – 2000.
17. Старостин С.А. Чрезвычайное положение: монография. Москва: Проспект, 2019. 120 с.
18. Старостин С.А. МВД России в системе защиты от чрезвычайных ситуаций: Монография. Рязань, 2004.
19. Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые стредства её обеспечения: дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Кондрашов Борис Петрович. – М., 1998. – 302 с.
20. Пьянников В.И. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел республики Казахстан при чрезвычайных ситуациях социального характера. дис. канд. юрид наук: 12.00.11. – М., 2021, 203 с.
21. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. М.: Норма, 2008.
22. Политические протесты в современном обществе [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://articlekz.com/article/8033 (дата обращения 20.04.2022).
23. Келасьев О.В., Казаков С.В., Лейес А.Ю. Специфика коммуникации власти и населения в контексте массового публичного протеста [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://ecsocman.hse.ru/data/914/825/1219/007-Kelasev.pdf (дата обращения 20.04.2022).
24. Кинсбурский А. В., Топалов М. Н. Социальная напряжённость и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // СНиСП. 2016. №1 (13). – С. 20–34.

Basova J. J. Gnoseological characteristics the concept of «emergency» // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 7-16.

The article analyzes the scientific, reference literature, the norms of the current legislation regarding the definition of the epistemological characteristics of the concept of "emergency".

Currently, at the federal level, the issues of preventing and eliminating the negative consequences of emergency situations are extremely relevant. This is due to two factors, firstly, their significant number, and secondly, significant material losses. In addition, no less important is the issue related to ensuring the rights and freedoms of a citizen in these conditions.

The aim of the study is to form a scientific concept regarding the epistemological characteristics of an emergency, namely, the definition and characterization of its features, as well as the formation of a holistic classification of emergency situations.

The signs of emergency situations, its inherent properties, the presence of which makes it possible to distinguish an emergency situation from other negative phenomena, are analyzed. It is argued that the main signs of an emergency include: the presence of a real, possible (potential) or imminent danger to a person, society or state; the complexity of the existing danger in relation to the individual, society, state; the creation of new, temporary governing bodies, as well as the redistribution of powers; the need to apply emergency, restrictive measures, reorganization of the public administration system.

The author analyzes various scientific approaches to determining the types of emergency situations, as well as the views of scientists on the problem of classifying emergency situations in various historical periods of the development of our country. The epistemological analysis made it possible to form a theoretical concept of the classification of emergency situations, namely: emergency situations of a natural nature; man-made emergencies; emergency situations of a biological and social nature; emergency situations of a socio-political nature.

Key words: epistemology, classification, features, scientific approaches, characteristics, emergency situations.

Spisok literatury:

1. Skurko E. V. Osnovaniya sovremennoy gnoseologii prava (teoreticheskiy i prakticheskiy aspektyi). // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. 2010. #2. – S 8-21.
2. Filosofiya prava: Uchebnoe posobie / Otv. red.: N.N. Chernogor, O.Yu. Ryibakov; In-t zakonodat. i sravnit. pravovedeniya pri Pravitelstve RF. – M.: Statut, 2018. – 224 s.
3. Ivanov E. A. Logika: [ucheb.] / Ivanov E. A. – M. : Izd-vo BEK, 1998. – 309 s.
4. Sergeev A. B. Protsessualnyie problemyi dosudebnogo proizvodstva po ugolovnyim delam v chrezvyichaynyih situatsiyah: diss. … dokt. yurid. nauk : 12.00.09 / Sergeev Andrey Borisovich. – M., 2003. – 366 s.
5. Porfirev B. N. Gosudarstvennoe upravlenie v chrezvyichaynyih situatsiyah: analiz metodologii i problemyi organizatsii / Porfirev B. N. – M. : Nauka, 1991. – 136 s.
6. O klassifikatsii chrezvyichaynyih situatsiy prirodnogo i tehnogennogo haraktera: Postanovlenie Pravitelstva RF ot 21 maya 2007 g. # 304 [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://base.garant.ru/12153609/#friends#ixzz3sOPopGUP (data obrascheniya 20.04.2022).
7. GOST R 22.0.02-94 Bezopasnost v chrezvyichaynyih situatsiyah. Terminyi i opredeleniya osnovnyih ponyatiy [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-0-02-94-bezopasnost-v-chrezvychaynyh-situaciyah-terminy-i-opredeleniya-osnovnyh-ponyatiy (data obrascheniya 20.04.2022).
8. GOST R 22.8.01-96 Likvidatsiya chrezvyichaynyih situatsiy obschie trebovaniya [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-8-01-96-likvidaciya-chrezvychaynyh-situaciy-obshchie-trebovaniya (data obrascheniya 20.04.2022).
9. GOST R 22.0.03-95 Prirodnyie chrezvyichaynyie situatsii terminyi i opredeleniya [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-0-03-95-prirodnye-chrezvychaynye-situacii-terminy-i-opredeleniya (data obrascheniya 20.04.2022).
10. GOST R 22.0.03-95 Prirodnyie chrezvyichaynyie situatsii terminyi i opredeleniya [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-0-03-95-prirodnye-chrezvychaynye-situacii-terminy-i-opredeleniya (data obrascheniya 20.04.2022).
11. GOST R 22.0.08-96 Tehnogennyie chrezvyichaynyie situatsii. vzryivyi Terminyi i opredeleniya [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://44.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/2-organizaciya-meropriyatiy-grazhdanskoy-oborony/2-1-normativno-pravovye-akty/2-4-normativno-pravovye-akty-mchs-rossii/gost/gost-r-22-0-08-96-tehnogennye-chrezvychaynye-situacii-vzryvy-terminy-i-opredeleniya (data obrascheniya 20.04.2022).
12. Kireev M.P., Fedorov R.V. Deyatelnost OVD v chrezvyichaynyih situatsiyah: moralno-psihologicheskaya sreda // Probelyi v rossiyskom zakonodatelstve. - 2021. - #5., - T. 14. - S. 334–337.
13. GOST 22.0.04.97 «Bezopasnost v chrezvyichaynyih situatsiyah. Biologo-sotsialnyie chrezvyichaynyie situatsii. Terminyi i opredeleniya» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200009375 (data obrascheniya 20.04.2022).
14. IlichYov I.E. O ponyatii i klassifikatsii chrezvyichaynyih situatsiy // PPD. 2020. #1. S. 6–19.

15. Federalnyiy zakon ot 30.12.2020 # 492-FZ «O biologicheskoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372659/ (data obrascheniya 20.04.2022).
16. Starostin S. A. Upravlenie organami vnutrennih del pri chrezvyichaynyih situatsiyah (pravovyie i organizatsionnyie aspektyi) : avtoref. doktor. yurid. nauk. – 2000.
17. Starostin S.A. Chrezvyichaynoe polozhenie: monografiya. Moskva: Prospekt, 2019. 120 s.
18. Starostin S.A. MVD Rossii v sisteme zaschityi ot chrezvyichaynyih situatsiy: Monografiya. Ryazan, 2004.
19. Kondrashov B. P. Obschestvennaya bezopasnost i administrativno-pravovyie stredstva eYo obespecheniya: diss. ... dokt. yurid. nauk : 12.00.02 / Kondrashov Boris Petrovich. – M., 1998. – 302 s.
20. Pyannikov V.I. Pravovyie i organizatsionnyie osnovyi deyatelnosti organov vnutrennih del respubliki Kazahstan pri chrezvyichaynyih situatsiyah sotsialnogo haraktera. dis. kand. yurid nauk: 12.00.11. – M., 2021, 203 s.
21. Bahrah D.N., Rossinskiy B.V., Starilov Yu.N. Administrativnoe pravo. M.: Norma, 2008.
22. Politicheskie protestyi v sovremennom obschestve [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://articlekz.com/article/8033 (data obrascheniya 20.04.2022).
23. Kelasev O.V., Kazakov C.B., Leyes A.Yu. Spetsifika kommunikatsii vlasti i naseleniya v kontekste massovogo publichnogo protesta [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://ecsocman.hse.ru/data/914/825/1219/007-Kelasev.pdf (data obrascheniya 20.04.2022).
24. Kinsburskiy A. V., Topalov M. N. Sotsialnaya napryazhYonnost i massovyie aktsii protesta (k voprosu o mehanizme deystviya) // SNiSP. 2016. #1 (13). – S. 20–34.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 17-23.

УДК 347.9

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ СТОРОНАМИ В КОНТЕКСТЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Борецкая Л. Р.

Университет прокуратуры Российской Федерации

В статье анализируются способы злоупотребления процессуальными правами как в арбитражном, так и гражданском процессах. Рассматривается введение принципа добросовестности в цивилистический процесс. Проводится анализ отдельных способов злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе.

Исследуется судебная практика по различным видам процессуальных злоупотреблений, применяемых в цивилистическом процессе. Выделяется цель предъявления встречного иска, как одного из способов злоупотребления процессуальными правами. Анализируется судебная практика по несвоевременному предъявлению встреченного иска и предъявлению встречного иска на завершающем этапе судебного разбирательства.

В статье рассматриваются такие способы злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе как: несвоевременное представление суду доказательств; дозированное представление доказательств; непредставление доказательств; несвоевременное заявление ходатайств; неявки, а иногда и многочисленные неявки в судебные заседания; переговоры с целью «примирения», т.е. обращение к процедуре медиации; переговоры по заключению мирового соглашения; изменение подсудности; подача подуманного иска для приостановления основного и другие.

Проведенный анализ указывает, на острую необходимость законодательного закрепления в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве «принципа добросовестности», раскрытия понятия «добросовестные действия», а так же закрепления дефиниции «злоупотребление процессуальными правами».

Ключевые слова: суд, истец, ответчик, судебная защита, иск, цивилистический процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, злоупотребление правом, способы злоупотреблений, добросовестность, принцип добросовестности, иск, встречный иск.

Злоупотребление процессуальными правами вытекает из реализации права на судебную защиту.

Различные аспекты злоупотреблений процессуальными правами были отражены в работах таких ученых как: Д.М. Ананьин, О.Н. Бармина, М.А. Боловнев, В.Г. Бородкин, Д.Б. Володарский, И.Н. Кашкарова, П.П. Ланг, Е.А. Шабашо, А.В. Юдин и другие.

М.А. Боловнев при исследовании «Эффективности противодействия злоупотреблениям процессуальными правами», отмечает, что злоупотребление процессуальными правами выражается в форме превышения пределов реализации субъективных прав [1, с. 4].

В определении Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 798-О указано, что установление судом факта злоупотребления правом может иметь место лишь с учетом содержания регулирующих конкретные отношения правовых норм и после исследования и оценки поведения участников гражданско-правовых отношений, с тем чтобы их правомерные действия не могли быть поставлены им в вину и повлечь для них негативные последствия [2].

Причем, именно суд, в своем решении даст оценку действию стороны, злоупотребила она своим процессуальным правом или реализовала свое право согласно принципу добросовестности.

В п.2 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 23.12.2021 года «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» [3] указано, на необходимость судам учитывать принцип добросовестности, лиц участвующих в деле.

Необходимо положительно оценить данный пункт Постановления, так как давно назрела необходимость закрепления принципа добросовестности.

Мы неоднократно в своих научных работах [4, с. 21-24; 5, с. 296-299] обращали внимание на необходимость введения принципа добросовестности в цивилистический процесс.

Реализуя свои процессуальные права, стороны цивилистического процесса очень часто нарушают принцип добросовестности, причем в правоприменительной практике очень остро стоит вопрос таких нарушений.

Судебная практика свидетельствует о недобросовестном использовании сторонами своих процессуальных прав и о множественных злоупотреблениях сторонами своими процессуальными правами. Причем способы злоупотреблений, отраженных в конкретных судебных актах, свидетельствуют об их многообразии. Анализируя способы злоупотребления процессуальными правами необходимо остановиться на некоторых из них.

Право на предъявление встречного иска, регламентированное ст. 137 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ) [6] и ст. 132 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [7], является одним из действенных способов защиты ответчика, однако судебная практика свидетельствует о применении института встречного иска недобросовестными ответчиками для затягивания, воспрепятствования рассмотрению дела, о чем свидетельствует многочисленная судебная практика.

Предъявление встречного иска на завершающем этапе судебного разбирательства суды неоднократно признавали злоупотреблениями правами.

Так, в Постановлении восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2019 г. по делу № А46-428/2019 [8], апелляционная инстанция расценила вывод первой инстанции обоснованным, в котором подача встречного иска признана злоупотреблением правом.

В другом случае в Постановлении семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 марта 2021 г. по делу № А60-63801/2020 [9], апелляционная инстанция признает правильным вывод суда первой инстанции о необходимости возврата встречного искового заявления, указывая, что принятие встречного иска приведет к

затягиванию рассмотрения дела и нарушению прав истца по первоначальному иску на судопроизводство в разумный срок.

Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 11 октября 2019 г. по делу № А50-15371/2019 [10] так же устояли судебные акты нижестоящих судов, в которых так же предъявление встречного иска было признано как злоупотребление правом. Суд установил, что производство по делу возбуждено с 17.05.2019, учитывая, что общество «Градиент» было своевременно извещено о начавшемся судебном процессе (определение суда о принятии искового заявления к производству им было получено 27.05.2019), суды пришли к выводу о том, что предъявление ответчиком встречного иска 01.07.2019, поданного за пределами установленных судом сроков раскрытия доказательств (10.06.2019) и за два дня до истечения срока предоставления дополнительных объяснений (03.07.2019), направлено на затягивание рассмотрения дела и признано злоупотреблением правом. Суды исходили из недоказанности ответчиком невозможности подачи встречного искового заявления в более ранние сроки.

Возвращая встречное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что принятие встречного иска приведет к затягиванию срока рассмотрения первоначального иска; совместное рассмотрение обоих исков не способствует более быстрому и правильному их рассмотрению, повлечет усложнение процесса и увеличение процессуального срока рассмотрения дела.

Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2016 № 08АП-8131/2016 по делу № А75- 353/2016 [11] так же содержит в себе фиксацию злоупотребления процессуальным правом путем подачи встречного иска. Еще одним способом злоупотребления правами при помощи встречного иска, является его предъявление не только на завершающем этапе судебного разбирательства, а еще и с недостатками его оформления, для применения института оставления иска без движения, с целью затягивания судебного разбирательства.

Затягивание рассмотрение дела по существу может быть из-за несвоевременного представления суду доказательств, дозированное представление доказательств, непредставление доказательств, вплоть до непредставления доказательств, в случае обязания определением суда представления таких доказательств.

Так, Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 августа 2015 г. № Ф02-3730/15 по делу № А33-18105/2014 [12] указано злоупотребление путем непредставления документов, несмотря та то, что суд обязал в своем определении.

Суд признал ненадлежащее исполнение товариществом своих процессуальных обязанностей, выразившееся в непредставлении запрошенных судом документов при наличии возможности их представления, является недобросовестным поведением при рассмотрении дела, приведшим к необоснованному затягиванию судебного разбирательства, к дезорганизации судебного процесса и к созданию препятствий для рассмотрения дела по существу. В этой связи суды правильно и обоснованно квалифицировали соответствующее поведение товарищества как проявление неуважения к суду, в связи с чем правомерно наложили на него судебный штраф.

О подобных злоупотреблениях свидетельствует и Постановление арбитражного суда Северокавказского округа от 04 сентября 2014 года по делу № А15-235/2013

[13], Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.04.2016 № Ф01-73/2016 [14], Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2014 № 17АП-1598/2014-ГК по делу № А50-19460/2013 [15].

Еще одним способом злоупотребления процессуальными правами является несвоевременное заявление ходатайств.

Свидетельством применения данного злоупотребления является Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2015 № Ф03-428/2015 по делу № А24- 3418/2013 [16], в котором отражено ходатайство ООО «ЕвроКом» о проведении строительной экспертизы по делу, которое было заявлено подрядчиком в последнем судебном заседании. Суд кассационной инстанции поддержал вывод суда первой инстанции об отклонении данного ходатайства на основании части 5 статьи 159 АПК РФ, учитывая длительность рассмотрения данного дела и отсутствие доказательств со стороны подрядчика о наличии каких-либо препятствий ранее заявить такие ходатайства.

Неявки, а иногда и многочисленные неявки в судебные заседания тоже можно расценивать как способ злоупотребления процессуальными правами.

Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 02 марта 2017 г. по делу № 33-7735/17, неявка в судебное заседание в течении трех раз, признана ненадлежащим использованием своих процессуальных прав истцом.

Еще одним способом злоупотребления является ссылка на неполучение корреспонденции по имеющемуся в материалах дела адресу.

Так в Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.10.2014 № Ф05-10997/14 по делу № А40-160556/13-31- 1482 [17] суд установив, что ссылка на не проживание по месту регистрации и не получение почтовой корреспонденции является риском гражданина и юридического лица, все неблагоприятные последствия которого несут сам гражданин или юридическое лицо (часть 2 статьи 41 АПК РФ).

Приведенный перечень способов злоупотреблений не является исчерпывающим, его можно дополнить такими способами как: заявление отводов; переговоры с целью «примирения», т.е. обращение к процедуре медиации, переговоры по заключению мирового соглашения; изменение подсудности; подача подуманного иска для приостановления основного и другие.

По мнению О.А. Бенедской существуют самые разнообразные проявления процессуальной шиканы, однако описать исчерпывающим образом не возможно, так как появляются новые способы в свете отрабатываемых на практике приемов отстаивания интересов в суде, и не всегда законодатель и ВС РФ способны отреагировать оперативно [18].

Добросовестно или недобросовестно реализуют стороны свои процессуальные права в конечном счете – оценивает суд. Однако, все приведенные примеры судебной практики свидетельствуют о необходимости закрепления, как в арбитражном процессуальном, так и в гражданском процессуальном законодательстве «принципа добросовестности», раскрытия понятия «добросовестные действия», а также закрепления дефиниции «злоупотребление процессуальными правами».

Список литературы:

1.Боловнев М. А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: /М.

А. Боловнев; автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.15. – Омск, 2018. – 24с.
2.Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 798-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фрущака Анатолия Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 291.6, 291.11, 291.12, 291.13 и 291.14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72121532 (дата обращения 20.04.2022).
3.Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» № 46 от 23.12.2021 года: – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404664/ (дата обращения 20.05.2022).
4.Борецкая Л.Р. Нарушение принципа добросовестности в аспекте реализации сторонами своих процессуальных прав в гражданском и арбитражном процессе // Принципы гражданского и арбитражного процесса: генезис и проблемы реализации в судебной практике: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции 1 декабря 2020 года, г. Ростов-на-Дону / под редакцией канд. юрид. наук, доц. С.В. Студенниковой; канд.юрид.наук, доц. Н. В. Сараева. Ростов-н/ Д., 2021. – С.21-24.
5.Борецкая Л.Р. К вопросу о нарушении принципа добросовестности сторон в цивилистическом процессе // Крымские юридические чтения. Прокуратура России: в преддверии 300-летия: Сб. материалов всероссийской науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 17-18 июня 2021 г.). В 2 томах / под общ. ред. Н.Н. Колюки; сост. С.В. Герасимовский, А.П. Сергеева — Симферополь, 2021. — Т.1. — С.296-299.
6.Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [в редакции от 16 апреля 2022] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
7.Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [в редакции от 30 декабря 2021] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
8.Постановление восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2019 г. по делу № А46-428/2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: //https://sudact.ru/arbitral/doc/zEePDcCeEVZQ/ (дата обращения 20.04.2022).
9.Постановление восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 марта 2021 г. по делу № А60-63801/2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:// https://sudact.ru/arbitral/doc/Ad7P9azZd1Hb/ (дата обращения 20.04.2022).
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11 октября 2019 г. по делу № А50-15371/2019[Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: // https://zakony.online/doc/f09-73542019-a50-153712019-postanovlenie/ (дата обращения 20.04.2022).
11. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2016 № 08АП-8131/2016 по делу № А75- 353/2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://base.garant.ru/61533212/ (дата обращения 17.04.2022).
12. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 августа 2015 г. № Ф02-3730/15 по делу № А33-18105/2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://base.garant.ru/37655243/ (дата обращения 20.04.2022).
13. Постановление арбитражного суда Северокавказского округа от 04 сентября 2014 года по делу № А15-235/2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/465011644 (дата обращения 20.04.2022).
14. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.04.2016 № Ф01-73/2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://base.garant.ru/39652646/ (дата обращения 20.04.2022).
15. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2014 № 17АП-1598/2014-ГК по делу № А50-19460/2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://docs.subschet.ru/fas3/B86C933AC1956B6F44257CBD005DEC70.html (дата обращения 29.04.2022).
16. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2015 № Ф03-428/2015 по делу № А24- 3418/2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://base.garant.ru/39657746/ (дата обращения 20.04.2022).
17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.10.2014 № Ф05-10997/14 по делу № А40-160556/13-31- 1482 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://base.garant.ru/41700842/ (дата обращения 20.04.2022).
18. Бенедская О.А. Преюдиция в арбитражных и третейских судах: теоретические и прикладные проблемы в свете запрета злоупотребления процессуальными правами // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 221.

Boreckaya L. R. Features of the implementation of certain procedural rights by the parties in the context of the abuse of procedural rights in the civil process // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 17-23.

The article analyzes the ways of abuse of procedural rights in both arbitration and civil proceedings. The introduction of the principle of good faith in the civil process is considered. The analysis of separate methods of abuse of procedural rights in the civil process is carried out. The judicial practice on various types of procedural abuses used in the civil process is being investigated. The purpose of filing a counterclaim is singled out as one of the ways of abuse of procedural rights. The jurisprudence on the untimely filing of a counterclaim and the filing of a counterclaim at the final stage of the trial is analyzed.

The article discusses such ways of abuse of procedural rights in the civil process as: untimely presentation of evidence to the court; dosed presentation of evidence; failure to provide evidence; untimely filing of applications; non-appearance, and sometimes numerous non-appearances in court sessions; negotiations for the purpose of "reconciliation", i.e. access to the mediation procedure; negotiations to conclude a settlement agreement; change of jurisdiction; filing a tentative claim to suspend the main one and others.

The analysis carried out indicates the urgent need for legislative consolidation in civil procedural and arbitration procedural legislation of the “principle of good faith”, disclosure of the concept of “good faith actions”, as well as fixing the definition of “abuse of procedural rights”.

Keywords: court, plaintiff, defendant, judicial protection, claim, civil process, civil process, arbitration process, abuse of right, methods of abuse, good faith, principle of good faith, claim, counterclaim.

Spisok literatury:

1. Bolovnev M. A. Effektivnost' protivodejstviya zloupotrebleniyam processual'nymi pravami: / M. A. Bolovnev; avtoref. dis. kand. yurid. nauk : 12.00.15. – Omsk, 2018. – 24 s.
2. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26.03.2019 № 798-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Frushchaka Anatoliya Vasil'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniyami statej 291.6, 291.11, 291.12, 291.13 i 291.14 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'i 10 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72121532 (data obrashcheniya 20.04.2022).
3. Postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda RF «O primenenii Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii pri rassmotrenii del v sude pervoj instancii» № 46 ot 23.12.2021 goda: – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404664/ (data obrashcheniya 20.05.2022).
4. Boreckaya L.R. Narushenie principa dobrosovestnosti v aspekte realizacii storonami svoih processual'nyh prav v grazhdanskom i arbitrazhnom processe // Principy grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa: genezis i problemy realizacii v sudebnoj praktike: sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii 1 dekabrya 2020 goda, g. Rostov-na-Donu / pod redakciej kand. yurid. nauk, doc. S.V. Studennikovoj; kand.yurid.nauk, doc. N. V. Saraeva. Rostov-n/ D., 2021.-S.21-24.
5. Boreckaya L.R. K voprosu o narushenii principa dobrosovestnosti storon v civilisticheskom processe // Krymskie yuridicheskie chteniya. Prokuratura Rossii: v preddverii 300-letiya: Sb. materialov vserossijskoj nauch.-prakt. konf. (g. Simferopol', 17-18 iyunya 2021 g.). V 2 tomah / pod obshch. red. N.N. Kolyuki; sost. S.V. Gerasimovskij, A.P. Sergeeva — Simferopol', 2021. — T.1. — S.296-299.
6. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ [v redakcii ot 16 aprelya 2022] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
7. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ [v redakcii ot 30 dekabrya 2021] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3012.
8. Postanovlenie vos'mogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 25 dekabrya 2019 g. po delu № A46-428/2019 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: //https://sudact.ru/arbitral/doc/zEePDcCeEVZQ/ (data obrashcheniya 20.04.2022).
9. Postanovlenie vos'mogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 30 marta 2021 g. po delu № A60-63801/2020 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL:// https://sudact.ru/arbitral/doc/Ad7P9azZd1Hb/ (data obrashcheniya 20.04.2022).
10. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 11 oktyabrya 2019 g. po delu № A50-15371/2019[Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: // https://zakony.online/doc/f09-73542019-a50-153712019-postanovlenie/ (data obrashcheniya 20.04.2022).
11. Postanovlenie Vos'mogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 22.09.2016 № 08AP-8131/2016 po delu № A75- 353/2016 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://base.garant.ru/61533212/ (data obrashcheniya 17.04.2022).
12. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 17 avgusta 2015 g. № F02-3730/15 po delu № A33-18105/2014 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://base.garant.ru/37655243/ (data obrashcheniya 20.04.2022).
13. Postanovlenie arbitrazhnogo suda Severo-kavkazskogo okruga ot 04 sentyabrya 2014 goda po delu № A15-235/2013 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL:https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/465011644 (data obrashcheniya 20.04.2022).
14. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 14.04.2016 № F01-73/2016 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL:https://base.garant.ru/39652646/ (data obrashcheniya 20.04.2022).
15. Postanovlenie Semnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 27.03.2014 № 17AP-1598/2014-GK

po delu № A50-19460/2013 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://docs.subschet.ru/fas3/B86C933AC1956B6F44257CBD005DEC70.html (data obrashcheniya 29.04.2022).
16. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 31.03.2015 № F03-428/2015 po delu № A24- 3418/2013 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://base.garant.ru/39657746/ (data obrashcheniya 20.04.2022).
17. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 03.10.2014 № F05-10997/14 po delu № A40-160556/13-31- 1482 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://base.garant.ru/41700842/ (data obrashcheniya 20.04.2022).
18. Benedskaya O.A. Preyudiciya v arbitrazhnyh i tretejskih sudah: teoreticheskie i prikladnye problemy v svete zapreta zloupotrebleniya processual'nymi pravami // Vestnik grazhdanskogo processa. 2019. № 4. S. 221.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 24-30.

УДК 342

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Грицюк М. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В настоящей статье, идеология государства рассматривается как постоянный спутник и неотъемлемая часть государственности как таковой. Далее отмечается, что несмотря на существование в демократических государствах, в том числе и российском, запретов государственной идеологии, государство всё же не может существовать без некоторой совокупности идей, которые определяют цели, задачи и вектор развития того или иного государства.

В статье аргументирована позиция пересмотра отношения к идеологии. Предлагается рассмотреть её как комплекс общественно предпочитаемых и реализуемых государством ценностных ориентаций. Затрагивается вопрос о возрождении национальной идеологии, которая должна занять своё подобающее место в жизни российского общества.

Ключевые слова: Идеология, идеология государства, государственная идеология, идеологическая составляющая, деидеологизация общества, национальная идеология.

В последние годы в России актуализировалась дискуссия о государственной идеологии. Тема активно обсуждается как в научных, так и в политических кругах. Нельзя не согласиться с О.В. Вольтер, что «мнения участников этой дискуссии разделились. Одни полагают, что в обществе, основанном на принципах политического и идейного плюрализма, никакой идеологии, претендующей на роль государственной, не должно быть. Напротив, приверженцы создания государственной идеологии видят в ней важный инструмент консолидации российского общества» [1, с. 4].

В отечественной историографии проблема государственной идеологии (национальной идеи) всегда обсуждалась достаточно активно. Многие ученые посвящали свои труды истории и теории национальной идеи, на основе которой взрастала российская государственность: Н. Бердяев, И. Ильин, В. Розанов, П. Савицкий, Е. Трубецкой, Б. Чичерин и др. [2, 3, 4].

Российская государственная идеология начала своё зарождение ещё во времена становления государства российского, когда единство и независимость были необходимы для его выживания. По мере развития российского государства, появилась основополагающая национальная идея о великодержавности, которая проявлялась уже в Российской империи и сохранилась в общественной памяти до настоящего времени. С приходом советской власти была принята марксистско-ленинская государственная идеология, которая стала официальной и безальтернативной, и использовалась как основа для построения советского государства.

После развала СССР, в России проводились реформы, которые отвергли не только государственную идеологию, но и идеологию вообще. Новые реформаторы, бравшие пример с запада, утверждали о лживости коммунистической идеологии [5] и, что России не нужна идеология [6, 7]. В Конституции России было закреплено идеологическое многообразие. В статье 13 Конституции Российской Федерации [8] говорится о том, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной

или обязательной. Наряду с этим в статье 14 Конституции Российской Федерации [8] содержится положение о недопустимость установления какой-либо религии в качестве государственной или обязательной.

Давайте попробуем разобраться, может ли государство существовать без идеологии?

Современный русский философ А.Г. Дугин понимает под идеологией «мировоззрение, которое искусственно создается людьми и распространяется для реализации конкретных социально-политических целей» [9, с. 540]. По его убеждению, мировоззрение в процессе трансформации традиционного общества в общество светское (секулярное) становится идеологией. Козырев М.С., под идеологией видит «совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, интересов общественных групп, отражающая так или иначе те социальные условия, в которых они находятся» [10, с. 26].

Исходя из выше изложенного, идеология – это некая система или совокупность взглядов и идей, в которых отображается восприятие определённой группой людей окружающей действительности (по преимуществу социальной), а также их отношение к этой действительности, интересы, цели, намерения и умонастроения.

Государственная идеология – это те идеалы и ценности, которых придерживается государство в осуществлении своих задач, та модель общественного и государственного устройства, достижение которой является целью государственной власти [11, с. 119].

В процессе реализации государственной политики, власть проводит некие принципы и идеалы, заложенные в Конституции, и заключаются они в общепринятых идеях демократии, свободы, торжества права, выраженных в нормах действующей Конституции Российской Федерации. Даже при том условии, что на государственном уровне закреплен принцип отказа от государственной идеологии, Конституция РФ определяет пять базовых идей государственности: демократический, федеративный, правовой, социальный и светский [12].

Эти идеи могут меняться в зависимости от политической ситуации, на государственном уровне может пропагандироваться идеологическое многообразие, но, тем не менее, идеи государственности всегда присутствуют в любом государстве, и играют системообразующую роль в его развитии. Хабибулин А.Г. и Рахимов Р.А. утверждают, что «Государственная идеология в любой из ее форм является столь же неотъемлемым признаком всякого государства, как общепризнанные признаки, такие, как государственный суверенитет, территория, право, механизм управления. Ослабление идеологических основ гибельно для государства» [13].

Бредихин А.Л. указывает, что «современные демократические государства, не имея определенной идеологии, тем не менее, осуществляют идеологическую функцию. Идеология здесь представляется набором идеологем и идеологических установок, которые государство считает необходимым реализовать во всех сферах общественной жизни» [11, с. 120, 121]. Он отмечал, что «в Российской Федерации сформировалось новое направление, в рамках которого осуществляется идеологическая функция государства – стратегическое планирование. То есть, государством принимаются документы стратегического планирования, определяющие основные направления развития государства, а идеологическая функция проявляется в их об-

народовании, информационном сопровождении с целью формирования одобрительного отношения населения» [11, с. 121].

Козлова Е.И. и Кутафин О.Е. отмечали, что «определяющими «идеологическими» постулатами являются общепризнанные и доказавшие свою эффективность принципы. В первую очередь это приоритет прав и свобод человека и политический плюрализм, заключающийся в создании возможностей оказывать влияние на политический процесс всем социально-политическим или иным организациям, деятельность которых имеет политический аспект и находится в рамках конституции» [14, с.115]. «Закон – это аспект материализации господствующей идеологии и фундаментальная категория государственного суверенитета. Он сам становится своеобразной идеологией, призванной формировать социальное единство» [15, с. 53].

Государство не может существовать без некоторой совокупности идей, которые, и призваны двигать государство в том или ином направлении. Идеология необходима любому государству, она является его спутником и неотъемлемой частью наряду с его суверенитетом, территорией, публичной властью, системой национального законодательства, флагом, гимном, армией, полицией, судебной властью, законами.

В Конституции России закреплены определённые и общепринятые идеи, такие как равенство, свобода, справедливость, закреплены ориентиры в виде демократических принципов. Конституция является документом, который закрепляет государственные идеи, но при этом, в ней в самой запрещается любая государственная идеология. Парадокс даже в том, что запрет государственной идеологии и есть государственная идеология.

Вся эта идеологическая борьба противников государственной идеологии показывает, что концепция деидеологизации государства также утопична, как и попытка насаждения единственной и обязательной государственной идеологии. Поэтому можно с уверенностью сказать, что все теории деидеологизации являются несостоятельными.

Государство не может существовать без идеологии. Полный отказ от идеологии в принципе невозможен, поскольку отсутствие определенных идеологических установок, которые находятся в Конституции и других законах, пагубно повлияет на развития государства. Идеи и цели нужны государству в первую очередь для его существования и его развития.

Как писал Флиер А. в своей работе «О новой культурной политике России», деидеологизация социума порождает условия абсолютного ценностного и познавательного релятивизма, а само бытие становится случайно-событийным и в итоге бессмысленным. Нейтрализация идеологической компоненты в правовом менталитете ведет к атомизации и распаду общества. Одна из задач, которые стоят перед Россией, – восстановление социального статуса и престижа понятия «идеология» как комплекса общественно предпочитаемых и реализуемых государством ценностных ориентаций. Ибо идеология является объективно необходимым структурообразующим компонентом духовной культуры и русского менталитета. Отсутствие национальной идеологии деформирует в известных пределах национальный менталитет, лишает его самобытности [16]. Идея тотальной деидеологизации России – иллюзия, поскольку общество не может быть вне идеологии, ибо оно не может существовать вне интересов и ценностей, вне процессов их осознания [17].

Также, опираясь на основные идеологические постулаты, закреплённые в Конституции, государство для успешного развития должно иметь стратегический план развития, цели и некий инструментарий достижения поставленных целей и задач. В этом стратегическом плане развития должна быть концепции развития, содержаться основные закономерности его дальнейшего пути и идеи общественного совершенствования.

С одной стороны, обязательная и единственная государственная идеология запрещена Конституцией российского государства, но с другой стороны, существует идеология государства, которая проявляется в самой же Конституции, в виде демократических принципов, проявляется в развитии государства, в основах его деятельности, соответствующих идеям, ценностям, устремлениям, которые обеспечивают сохранность и национальную безопасность Российской Федерации.

Хотелось бы отметить, что намерения большинства стран скрыть государственную идеологию, вполне понятно и объяснимо. Так как существуют неудачные опыты идеологической регламентации общественной и государственной жизни. Можно вспомнить советский опыт российского государства, который привел в конечном итоге к краху государственности и отсутствию ориентиров дальнейшего развития на постсоветском пространстве. Но, несмотря на попытки скрыть государственную идеологию, можно смело утверждать, что идеология всегда была и остается постоянным спутником государственности как таковой.

Если идеология всегда была и есть неотъемлемой частью государства, и проявляется она в демократических идеалах и принципах, закреплённых в Конституции РФ, и в стратегическом плане развития Российского государства, то нужно пересмотреть проблему, связанную с национальной идеологией российского государства.

Российскому обществу нужна национальная идея, так как закрепление в Конституции РФ идеологического многообразия не дало своих результатов, а вместо этого наступила идеологическая пустота, которую, верхушки государственной власти, уже много лет пытаются заполнить, разрабатывая в связи с этим национальную идею, которая могла бы мобилизовать и консолидировать российский народ.

Однако механически скопированные с запада либеральные ценности, так и не смогли мобилизовать российское общество, как это было сделано в начале XX века большевиками, в их проекте строительства будущего общества. Либеральные ценности, которые ставят в основу удовлетворение всех потребностей, не имеют нравственного содержания, а значит, российское государство долго на этих ценностях не сможет просуществовать, так как в России человек всегда жил высшими смыслами и ценностями, и эти ценности были базовыми для общества и государства. В России всегда традиционно на первом месте стояли добро, мир, красота, любовь к ближнему, любовь к Родине, истина, чувство долга и совесть. Все материальные ценности, такие как достаток, комфорт, сытость, благополучие, являются только средство для достижения высших ценностей.

Народы, к которым относятся, к примеру, государства Западной Европы, предпочитают материальные и земные ценности и блага. В этих государствах традиционно большую роль играют идеи свободы, правового равенства, материального благополучия и такую цивилизацию можно условно назвать цивилизацией потребления. Ставя материальные ценности во главе общественной жизни, отодвигая этим

на второстепенный план ценности нравственно-духовные, государство идёт по пути деградации и заканчивается это гибелью государства и общества.

Национальная идеология российской государственности лежит в истоках её духовной, нравственной и религиозной истории, так как в основе культурной и национальной идентичности любого народа лежат именно религиозные и нравственные особенности. Эти особенности впоследствии формируют нравы, менталитет, правосознание общества. Для Российского государства такой государствообразующей и культурообразующей особенностью является православие. Поэтому, с моей точки зрения, в формировании национальной идеологии российской государственности, в современных условиях, основополагающим должно выступать нравственное развитие нашего народа, а не только экономическая или политическая стабильность и безопасность.

В России с 1993 г. в Конституции закреплены ценности общества потребления и правового государства, так как реформы после распада Советского Союза проводились с заимствованием достижений западной цивилизации, построенной на ценностях материальных, а не духовно-нравственных. Между тем развитые западные государства претерпевают не лучшие времена, которые сопровождаются бедностью, наличием социальных болезней, нищетой. Наличие демографической катастрофы, высокого процента суицида, экологических бедствий, дефицита сострадания и милосердия, гомосексуализма и иных извращений, наркотизации, эгоизации общества, потери смысла жизни, есть результат духовного кризиса, разрушения традиционных ценностей. Г. Дж. Берман, подчеркивая кризис правосознания современного жителя западных стран говорил следующее: «Человек Запада находится в гуще беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правового мышления» [18].

Все это заставляет пересмотреть, закреплённые в Конституции РФ 1993 г., либеральные ценности. В связи с этим необходимо, на мой взгляд, конституционализировать базовые ценности, путём закрепления их в тексте действующего Основного Закона государства. Если постепенно вносить изменения в либерально-демократическую идеологию правового государства, то можно изменить её на идеологию нравственно-правового государства, построенную на традиционных духовно-нравственных ценностях.

Подводя итоги вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Не смотря на запрет Конституцией РФ обязательной и единственной государственной идеологии, она остаётся постоянным спутником и неотъемлемой частью государственности как таковой. Государство не может существовать без некоторой совокупности идей, которые определяют вектор его развития. Именно совокупность идей и ценностей, составляет приоритеты государственного развития и вытекающие из них цели и задачи. Несмотря на явный запрет идеологии, нормы Конституции содержат идеологическую составляющую, закрепляя основные демократические достижения российского государства и права. Идеология является необходимым компонентом любой формы коллективного бытия людей, а поэтому государство должно пересмотреть отношения к идеологии, но, не рассматривая его однобоко, а именно как комплекс общественно предпочитаемых и реализуемых государством ценностных ориентаций, и в этом контексте не следует смешивать политический плюрализм с деидеологизацией общества. В Конституции РФ должно произойти изменение её

ценностных оснований, должна возродиться национальная идеология, основанная на традиционных духовно-нравственных ценностях.

Список литературы:

1. Вольтер О.В. Феномен российской государственной идеологии как духовнополитической основы государственной целостности России: история и современность: Автореф. дисс. … докт. полит. наук : 23.00.01 / Вольтер, Ольга Владимировна. Ростов-на-Дону, 2010. С. 55.
2. Бердяев, Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955. 159 с. URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1937_042_0.html (дата обращения: 07.04.2022).
3. Ильин, И. О русской идее. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin/russid.php (дата обращения: 07.04.2022).
4. Розанов В.В. Возле «Русской идеи». Впервые опубликовано: «Русское слово». 1911. 19 июля. № 165. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_vozle_russkoy_idei.html (дата обращения: 07.04.2022).
5. Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. С. 206.
6. Bell D. The End of Ideology. Glenon, 1960.
7. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры: пер. с англ. М.: Новое издательство, 2008. С. 249.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) ст. 13, 14 Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.04.2022).
9. Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007. С. 540.
10. Козырев М.С. Идеология и ее роль в российском государственном управлении. Монография. - М.: НУ ОАОУ, 2013. С. 26.
11. Бредихин А.Л. Идеология и государственность. // Научный журнал «Экономика, Социология, Право», 2020, № 2(18) С. 119-121; Режим доступа: http://profit-brgu.ru/wp-content/numbers/2020-N2/2020-N2.pdf.
12. Поярков С. Ю. Политический режим и конституционализм (историкоидеологический аспект). Краснодар: Вольная Н.Н., 2010.
13. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3.
14. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2009. С. 115.
15. Власть. Очерки современной политической философии Запада. - М.: 1989. С. 53.
16. Флиер А. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. 1994. N 5. С. 19.
17. Козин Н. Идентификационный кризис России // Свободная мысль. 2002. N 5. С. 51.
18. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 13.

Hrytsiuk M. V. To the question of the ideology of the russian statehood // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 24-30.

In this article, the ideology of the state is considered as a constant companion and an integral part of statehood as such. It is further noted that despite the existence in democratic states, including the Russian one, of the prohibitions of state ideology, the state still cannot exist without a certain set of ideas that determine the goals, objectives and vector of development of a state.

The article argues the position of revising the attitude towards ideology. It is proposed to consider it as a set of value orientations socially preferred and implemented by the state. The issue of the revival of the national ideology, which should take its rightful place in the life of Russian society, is touched upon.

Keywords: Ideology, state ideology, ideology of the state, ideological component, deideologization of society, national ideology.

Spisok literatury:

1. Vol'ter O.V. Fenomen rossijskoj gosudarstvennoj ideologii kak duhovnopoliticheskoj osnovy gosudarstvennoj celostnosti Rossii: istoriya i sovremennost': Avtoref. diss. … dokt. polit. nauk : 23.00.01 / Vol'ter, Ol'ga Vladimirovna. Rostov-na-Donu, 2010. S. 55.
2. Berdyaev, N. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Parizh: YMCA-Press, 1955. 159 s.URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1937_042_0.html (data obrashcheniya: 07.04.2022).
3. Il'in, I. O russkoj idee. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin/russid.php (data obrashcheniya: 07.04.2022).
4. Rozanov V.V. Vozle «Russkoj idei». Vpervye opublikovano: «Russkoe slovo». 1911. 19 iyulya. № 165. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_vozle_russkoy_idei.html (data obrashcheniya: 07.04.2022).
5. Gajdar E. Gosudarstvo i evolyuciya. M.: Evraziya, 1995. S. 206.
6. Bell D. The End of Ideology. Glenon, 1960.

7 Pajps R. Russkij konservatizm i ego kritiki: Issledovanie politicheskoj kul'tury: per. s angl. M.: Novoe izdatel'stvo, 2008. S. 249.
8. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) st. 13, 14 Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 04.04.2022);
9. Dugin A.G. Obshchestvovedenie dlya grazhdan Novoj Rossii. M., 2007. S. 540.
10. Kozyrev M.S. Ideologiya i ee rol' v rossijskom gosudarstvennom upravlenii. Monografiya. - M.: NU OAOU, 2013. S. 26.
11. Bredihin A.L. Ideologiya i gosudarstvennost'. // Nauchnyj zhurnal «Ekonomika, Sociologiya, Pravo», 2020, № 2(18) S. 119-121; Rezhim dostupa: http://profit-brgu.ru/wp-content/numbers/2020-N2/2020-N2.pdf.
12. Poyarkov S.YU. Politicheskij rezhim i konstitucionalizm (istorikoideologicheskij aspekt). Krasnodar: Vol'naya N.N., 2010.
13. Habibulin A.G., Rahimov R.A. Gosudarstvennaya ideologiya: k voprosu o pravomernosti kategorii // Gosudarstvo i pravo. 1999. № 3.
14. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Konstitucionnoe pravo Rossii: ucheb. - 4-e izd., pererab. i dop. - M.: Prospekt, 2009. S. 115.
15. Vlast'. Ocherki sovremennoj politicheskoj filosofii Zapada. - M.: 1989. S. 53.
16. Flier A. O novoj kul'turnoj politike Rossii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1994. N 5. S. 19.
17. Kozin N. Identifikacionnyj krizis Rossii // Svobodnaya mysl'. 2002. N 5. S. 51.
18. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya. M., 1994. S. 13.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 31-36.

УДК 340.141

ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОНЯТИЕ

Долгов С. Ф.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Настоящая статья посвящена переосмыслению такого понятия, как правовой обычай, в соответствии с нынешними реалиями в сфере Интернет-пространства. Анализируются различные подходы к раскрытию такого понятия, как «правовой обычай», кроме того приводится его понимание в разные исторические эпохи. Проводится соотношение понятий «правовой обычай» в его традиционном понимании с понятием «правовой Интернет-обычай», выявляются их сходства и различия. Кроме того, проводится исследование признаков, свойственных именно правовому Интернет-обычаю, которые также соотносятся с признаками, характерными традиционному правовому обычаю. Кроме того, в данной научной работе выделяется дополнительная проблема, связанная со сферой Интернет-пространства, которая требует самостоятельного исследования. По результатам исследования предлагается внесение определенных корректировок в понимание правового обычая с учетом установленных признаков Интернет-обычая, современных тенденций и реалий.

Ключевые слова: обычай, правовой обычай, правовой Интернет-обычай, Интернет-пространство, признаки правового Интернет-обычая.

В юриспруденции давно сформировалось устоявшееся убеждение относительно правового обычая – он является самым старейшим источником права. Еще до формирования государственности существовали определенные правила поведения, обычаи, регулирующие отношения между людьми, которые можно назвать своего рода прототипом правового обычая. Указанные обычаи возникали непосредственно между участниками – физическими лицами, без каких-либо промежуточных связей, элементов, технических устройств. При этом, как тогда, так и сейчас не требовалось какой-либо фиксации указанных обычаев на материальном носителе. В последующем с формированием государственности и развитием законодательства часть ранее сформировавшихся обычаев трансформировалась в государственное право, при этом не перестали функционировать также нормы обычного права.

Нормы обычного права появляются в определенный этап развития конкретного общества в результате их неоднократного традиционного применения и теряют свою практическую значимость с развитием государственно-правовых институтов, превращаясь уже в кодифицированные нормы [1].

Понятие «обычное право» предлагалось различными учеными-юристами, при этом в разное время оно трактовалось по-разному.

Так, обычай начал действовать уже в период Древнего Рима и существует по настоящее время. Аристотель делил законы на два вида: общий и частный. К частным он относил те законы, которые исходят от государства и обладают письменной формой. Общими законами он называл обычаи, признанные обществом [2, с. 59].

Ряд положений памятника права Древнего Рима Законов XII таблиц, в последующем повлиявшим на кодифицированные нормы Русской Правды, предусматривали, что при неисполнении обязательства (неуплаты долга и др.) кредитор был вправе наказывать должника. Так, согласно Законам XII таблиц, если должник не упла-

тил долг, то он поначалу получал так называемые 30 дней свободы, то есть отсрочку уплаты долга. В случае невыплаты в указанный срок должник брался под стражу на 60 суток. После этого его выводили на площадь перед населением, где озвучивали сумму долга. Затем вызывали третьих лиц, например, родственников должника, для его выкупа. При отсутствии желающих выкупить должника, кредитор имел право продать должника в рабство, либо отрезать часть тела должника на свое усмотрение. Данная мера ответственности применялась в отношении ленивых должников, которые не желали отрабатывать честно свой долг перед кредитором, тем самым нарушая условия договора [3].

В работе Н. Дювернуа «Источники права и суд в древней России» указано, что с древнейших времен под юридическим обычаем принято понимать «дело простой привычки поступать в известных случаях известным образом» [4, с. 5].

В настоящее время, например, в торговых отношениях, есть яркий показатель применяемого обычая, у которого отсутствует свое нормативно-правовое закрепление, но при этом он является устоявшимся правилом поведения в современном гражданском обороте. Обычай покупки товаров у поставщика оптовыми партиями по цене значительно ниже, нежели при розничной купли-продажи, считается очень важным механизмом взаимодействия хозяйствующих субъектов современного товарооборота. Приведенный обычай помогает участникам отношений производить взаимовыгодный обмен и куплю-продажу товаров, работ и услуг. Указанный обычай – это лишь один из многочисленных примеров правомерного поведения в сфере предпринимательской деятельности.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время в Российском законодательстве имеется определение понятию обычай. Так, в ст. 5 ГК РФ под обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе [5].

Приведенные примеры понятий правовых обычаев из различных исторических эпох обладают одной общей чертой – указанные обычаи формировались непосредственно между субъектами правоотношений, которые контактировали друг с другом в реальном времени, территориально находясь в одном месте, их взаимодействие можно было увидеть, то есть указанные отношения носили естественный, живой характер.

Конец XX века и XXI век, помимо прочего, характеризуется бурным развитием Интернет-технологий и отношений в этой области. При этом развитие указанных отношений происходит быстрыми темпами, и законодатель не успевает реагировать на происходящие общественные изменения в этой области, а соответственно принимать нормативно-правовые акты для регулирования развивающихся правоотношений на благо самого общества и государства. То есть законодатель не поспевает за развитием общественных отношений в Интернет-пространстве.

События, происходящие в Интернете, не могут полностью контролироваться государственной властью, нормативно-правовыми актами, традиционными методами правового регулирования. Дело в том, что в Интернет-пространстве зачастую затруднительно идентифицировать конкретных субъектов правоотношений, для этого требуется длительное время, в этой связи урегулировать данные правоотно-

шения представляется затруднительно. При этом, приведенные обстоятельства не являются основанием к тому, чтобы законодатель обходил стороной данную сферу в вопросе правового регулирования. Здесь возникает определённый парадокс: с одной стороны, законодатель не успевает формировать адекватное, современное правовое регулирование отношений в Интернет-пространстве, а с другой стороны, «отсталость» традиционных методов правого регулирования не означает, что, например, споры, которые возникают в Интернет-пространстве, не способны разрешиться развитым сообществом его пользователей в соответствии с определенным правилами, в соответствии с природой Интернета [6].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время непрерывно-складывающиеся и развивающиеся отношения в Интернет-пространстве могут быть самостоятельно урегулированы лишь на основании определенных правил поведения самих пользователей Интернет-сети. Здесь возникает резонный вопрос: являются ли указанные правила обычаями в традиционном их понимании, или имеют свои особенности.

Как говорилось выше, обычай – это сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. При этом, все обычаи, независимо от исторических эпох формировались между субъектами правоотношений, которые контактировали друг с другом в реальном времени, находясь территориально в одном месте, их взаимодействие можно было увидеть, то есть указанные отношения носили естественный, живой характер.

В настоящей научной работе речь идет о правилах поведения, которые формируются в Интернет-пространстве. Далее необходимо ответить на ранее поставленный вопрос: являются ли указанные правила обычаями в традиционном их понимании или имеют свои особенности. Для этого необходимо выделить конкретные признаки формируемых правил поведения в Интернет-пространстве и соотнести их с признаками традиционного правового обычая. Далее для удобства будем называть правило поведения в Интернет-пространстве – Интернет-обычай.

Первый признак, который характеризует Интернет-обычай – это сфера его применения, которой является непосредственно Интернет-пространство. Именно здесь он формируется и находит свое применение. Данная сфера фактически является не овеществленной и взаимодействие субъектов правоотношений происходит в виртуальном формате, без реального контакта. В свою очередь традиционный обычай формируется в результате реального, живого взаимодействия субъектов правоотношений.

Второй признак заключается в том, что Интернет-обычай регулирует общественные отношения, которые возникают и изменяются дистанционно, т.е. субъекты правоотношений непосредственно не контактируют друг с другом. Более того, они могут находиться на разных континентах Земного шара, в отличие от традиционного обычая, который регулирует отношения непосредственно между взаимодействующими друг с другом субъектами.

Из предыдущего признака вытекает третий, который заключается в том, что Интернет-обычай регулирует отношения, где представляется довольно затруднительно достоверно идентифицировать субъекта, вступающего в правоотношения. Так как

взаимодействие происходит дистанционно, то не всегда есть возможность идентифицировать личность своего оппонента [7]. По данному поводу разрабатываются различные системы идентификации, о которых нет необходимости вести речь в данной работе, так как это предмет отдельного исследования. В свою очередь, традиционный правовой обычай регулирует отношения, где субъекты видят друг друга в реальном времени и могут проверить друг у друга документы, удостоверяющие личность, статус, полномочия и т.п.

Далее можно выделить четвертый признак Интернет-обычая. Его суть состоит в следующем: он регулирует отношения, где присутствует промежуточное, связывающее несколько субъектов друг с другом, звено в виде Интернета, который объединяет в одну сеть большое количество компьютеров, иной цифровой техники с выходом в Интернет и их пользователей. Конкретного собственника и местонахождения у Интернета нет, ведь это лишь цифровая сеть, состоящая из множества компьютеров. Без Интернета в принципе невозможны указанные отношения, более того вовсе отпадает актуальность изучения Интернет-обычая [8]. По данному признаку Интернет-обычай также отличается от традиционного, так как последний регулирует правовые отношения, где отсутствуют дополнительные элементы, имеются лишь субъекты, взаимодействующие непосредственно друг с другом.

Пятый признак Интернет-обычая заключается в следующем. Интернет-обычай регулирует такие общественные отношения, где субъекты вступают в них при помощи различных технических устройств: персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны, смарт-часы и т.д. Без использования указанных средств фактически невозможно вступить в Интернет-отношения. Указанный признак Интернет-обычая не свойственен традиционному правовому обычаю, так как последний регулирует отношения субъектов, которые вступают в них без использования каких-либо технических средств.

По общему правилу традиционные правоотношения возникают между конкретными субъектами без какого-либо посредника и правовой обычай регулирует непосредственно их правоотношения. В отношениях, складывающихся в сфере Интернет-сети, всегда присутствует третье лицо – субъект хозяйствующей деятельности, предоставляющий услугу в виде доступа к сети Интернет: провайдеры, операторы сотовой связи и т.д. Таким образом в данных отношениях минимальное количество участников – три; двое из них – это сами субъекты правоотношений, третий – лицо, предоставляющее доступ к Интернету [9]. В этой связи указанные отношения усложняются и требуют более детальной проработки, что может на первоначальном этапе формирования Интернет-законодательства обеспечить именно Интернет-обычай. Это есть шестой признак Интернет-обычая.

В качестве седьмого признака Интернет-обычая можно выделить скорость его образования и применения. В настоящее время в Интернет-пространстве существует очень быстрая система коммуникаций, которая осуществляется при помощи программного обеспечения. В этой связи Интернет-обычаи могут образовываться и начать применяться очень быстро, в течение нескольких лет, месяцев или даже часов, например, при широко распространенной подписке на автоматические средства обслуживания и обновления [6]. В свою очередь, если вести речь о традиционном правовом обычае, то должно пройти определенное, довольно-таки длительное время, чтобы индивидуальные прецеденты, определенная практика, ориентир на обык-

новения стали правовым обычаем – 40 лет, несколько поколений, или определенная дата, как, например, в Великобритании [10].

В результате проведенного теоретико-правового анализа понятия правовой обычай, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, правила поведения субъектов, которые формируются в Интернет-пространстве, также следует называть правовыми обычаями, которые характеризуются как общими признаками, присущим традиционным правовым обычаям, так и собственными признаками.

Во-вторых, к собственным признакам, характеризующим правовой Интернет-обычай, следует отнести следующие:

- правовой Интернет-обычай применяется исключительно в Интернет-пространстве;
- правовой Интернет-обычай регулирует общественные отношения, которые возникают и изменяются дистанционно без непосредственного взаимодействия субъектов;
- правой Интернет-обычай регулирует отношения, в которых затруднительно достоверно идентифицировать субъекта, с которым вступаешь в правоотношения;
- правовой Интернет-обычай регулирует отношения, где присутствует промежуточное, связывающее несколько субъектов друг с другом, звено в виде Интернета, который объединят в одну сеть большое количество компьютеров, иной цифровой техники с выходом в Интернет и их пользователей;
- правовой Интернет-обычай регулирует такие общественные отношения, где субъекты вступают в них при помощи различных технических устройств: персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны, смарт-часы и т.д.;
- правовой Интернет-обычай регулирует отношения, которые состоят минимум из трех участников: двое из них – это сами субъекты правоотношений, третий – лицо, предоставляющее доступ к Интернету (провайдеры, операторы сотовой связи и т.д.);
- правовой Интернет-обычай образуется и начинает применяться очень быстро, в течение нескольких лет, месяцев или даже часов.

Таким образом, традиционное понятие правовой обычай необходимо обновить в соответствии с нынешними реалиями, дополнив его вышеприведенными признаками, свойственными правовому Интернет-обычаю.

Список литературы:

1. Большой юридический словарь, под ред. Сухарева А.Я., Крутских В.Е., 2-е изд. (Инфра-М, Москва, 2000) 388.Большой юридический словарь, под ред. Сухарева А.Я., Крутских В.Е., 2-е изд. (Инфра-М, Москва, 2000) 388.
2. Античные риторики (ред. А.А.Тахо-Годи). М.: Изд. Московского университета, 1978. - 352 с.
3. Ефимова Ольга Александровна. Правовой обычай: историко-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-obychay-istoriko-pravovoy-aspekt (дата обращения: 10.11.2021).
4. Н.Дювернуа Источники права и суд в древней России. Опыты истории Русского гражданского права. М.: Изд-во Катков и Ко, 1869. С.5.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
6. Лисицын-Светланов И.А. Правовой обычай в Интернете // Труды Института государства и права РАН. 2010. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-obychay-v-internete (дата обращения: 10.12.2021).

7. Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit // Recueil Dalloz. — 12 avril 2018. — № 14/7771. URL: https://www.dalloz.fr/lien?famille=revues&dochype=RECUEIL%2FCHRON%2F2018%2F1521 (дата обращения: 01.12.2021).
8. De Filippi P., Hassan S. Blockchain technology as a regulatory technology: from code is law to law is code // First Monday. – Number 12-5. – December 2016. – Vol. 21. – URL: http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/7113/5657#p1 (дата обращения: 10.11.2021).
9. Pouwelse J., Garbacki P., Epema D., Sips H. (2005) The Bittorrent P2P File-Sharing System: Measurements and Analysis. In: Castro M., van Renesse R. (eds) Peer-to-Peer Systems IV. IPTPS 2005. Lecture Notes in Computer Science, vol 3640. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/11558989_19 (дата обращения: 01.12.2021).
10. Фетищев, Д. Становление прецедентного права в англосаксонской правовой системе / Д. Фетищев // Российский следователь. – 2007. – № 24. – С. 36-38.

Dolgov S.F. Legal custom: a modern view of the concept // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 31-36.

This article is devoted to the reinterpretation of such a concept as a legal custom, in accordance with the current realities in the field of Internet space. In addition, a study is being conducted on the features peculiar to the legal Internet custom. According to the results of the study, it is proposed to make certain adjustments to the understanding of legal custom, taking into account the established signs of Internet custom.

Keywords: custom, legal custom, legal Internet custom, Internet space, signs of legal Internet custom.

Spisok literatury:

1. Bolshoy yuridicheskiy slovar. pod red. Sukhareva A.Ya.. Krutskikh V.E.. 2-e izd. (Infra-M. Moskva. 2000) 388.Bolshoy yuridicheskiy slovar. pod red. Sukhareva A.Ya.. Krutskikh V.E.. 2-e izd. (Infra-M. Moskva. 2000) 388.
2. Antichnyye ritoriki (red. A.A.Takho-Godi). M.: Izd. Moskovskogo universiteta. 1978. - 352 s.
3. Efimova Olga Aleksandrovna. Pravovoy obychay: istoriko-pravovoy aspekt // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. 2017. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-obychay-istoriko-pravovoy-aspekt (data obrashcheniya: 10.11.2021).
4. N.Dyuvernua Istochniki prava i sud v drevney Rossii. Opyty istorii Russkogo grazhdanskogo prava. M.: Izd-vo Katkov i Ko. 1869. S.5.
5. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // Sobraniye zakonodatelstva RF. 05.12.1994. № 32. st. 3301.
6. Lisitsyn-Svetlanov I.A. Pravovoy obychay v Internete // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2010. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-obychay-v-internete (data obrashcheniya: 10.12.2021).
7. Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit // Recueil Dalloz. — 12 avril 2018. — № 14/7771. URL: https://www.dalloz.fr/lien?famille=revues&dochype=RECUEIL%2FCHRON%2F2018%2F1521 (дата обращения: 01.12.2021).
8. De Filippi P., Hassan S. Blockchain technology as a regulatory technology: from code is law to law is code // First Monday. – Number 12-5. – December 2016. – Vol. 21. – URL: http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/7113/5657#p1 (дата обращения: 10.11.2021).
9. Pouwelse J., Garbacki P., Epema D., Sips H. (2005) The Bittorrent P2P File-Sharing System: Measurements and Analysis. In: Castro M., van Renesse R. (eds) Peer-to-Peer Systems IV. IPTPS 2005. Lecture Notes in Computer Science, vol 3640. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/11558989_19 (дата обращения: 01.12.2021).
10. Fetishchev. D. Stanovleniye pretsedentnogo prava v anglosaksonskoy pravovoy sisteme / D. Fetishchev // Rossiyskiy sledovatel. – 2007. – № 24. – S. 36-38.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 37-42.

УДК 341.1/8

КОНСУЛЬСКИЕ ИММУНИТЕТЫ И ПРИВИЛЕГИИ В ДОГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИИ

Емельянов А. С., Сафронова Е. В.

Юго-Западный государственный университет
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена истории становления и развития института консульских иммунитетов и привилегий в договорной практике России. За годы существования институт консульских иммунитетов и привилегий претерпел ряд трансформаций: период двусторонней взаимообусловленности; период региональной кодификации; период универсальной систематизации; период универсальной и двусторонней дивергенции. В работе вскрываются закономерности генезиса института, анализируются современные тенденции его развития, прогнозируются перспективы дальнейшей эволюции. Исследование проведено на основе анализа универсальных, региональных и двусторонних соглашений, участником которых является Россия. Авторы пришли к заключению, что за 300 лет институт консульских иммунитетов и привилегий претерпел ряд преобразований, его договорное закрепление базировалось на международных обычаях, сформировавшихся в практике межгосударственных отношений. В настоящее время, несмотря на международную унификацию консульских иммунитетов и привилегий, на двустороннем уровне они отличаются немалым разнообразием. Общей тенденцией последних десятилетий выступает их сближение с дипломатическими

Ключевые слова: привилегии, иммунитеты, консульская служба, консульский договор, Венская конвенция о консульских сношений 1963 г., консульское должностное лицо.

Возникновение консульской службы России относится к периоду правления императора Петра I. Этот процесс связан с распространением идей меркантилизма и активизацией внешней торговли Российской империи. В историографии доминирует точка зрения, что мысль о создании сети консульских учреждений Петру I подсказал русский посол шведского происхождения Иоганн Людвиг Люберас. В представленной императору записке дипломат рекомендовал командировать консулов, призванных управлять ходом внешней торговли России, в ряд европейских городов (Амстердам, Берлин, Бордо, Лондон, Венецию, Лиссабон, Любек, Кадикс, Копенгаген и др.) [12, с. 56-57].

Аккредитация первых российских консулов проходила в 1715-1723 гг. Российские консульские учреждения сразу приобрели статус государственных органов. Уже в первых аккредитационных документах российские власти требовали наделения консулов привилегированным статусом. Так, в 1723 г. император Петр I в обращении к испанскому королю Филиппу V просил предоставить российским консулам таких привилегий, какие «других коронованных глав иностранные такогожъ характера консулы употребляют» [11, с. 89].

Уже в период зарождения консульских отношений они стали строиться на принципе взаимности. Так, в мае 1724 года Франция потребовала предоставления своему консулу особых преимуществ, которые ранее ему не предоставлялись (в частности: освобождение от российской юрисдикции, налоговые привилегии и др.). В императорском указе от 23 декабря 1724 г. говорилось, «что французскому консулу приви-

легии согласно предъявленным от него пунктам даны будут, если взаимно такие же привилегии будут даны нашему консулу во Франции» [13, с. 90-92]. Принцип взаимности не распространялся лишь на восточные страны, где консулы пользовались правом внеземельности и наделялись функцией консульской юрисдикции. Одним из первых соглашений, где был закреплен особый статус консула в восточных странах, стал трактат о торговле с Турцией 1783 г., согласно которому российским подданным предоставлялся капитуляционный режим. В соответствии с ним на консулов не распространялась юрисдикция государства пребывания, кроме того, они получили право неприкосновенности, налоговый иммунитет, судебную юрисдикцию в отношении российских подданных; помещение консульства и жилище консула могло стать убежищем. Позднее аналогичный объем иммунитетов и привилегий был закреплен в соглашении с Ираном 1828 г., с Японией и Китаем в 1858 г [11, с. 91].

Консульские отношения России и европейских стран долгое время регулировались международными обычаями и базировались на принципе взаимности. Первые специальные двусторонние консульские договоры появляются лишь во второй половине XIX в. (с Францией в 1874 г.; с Германией в 1874 г.; с Италией в 1875 г.; с Испанией в 1876 г.). Именно в них консульские иммунитеты и привилегии получают договорное закрепление. Согласно нормам консульской конвенции России с Францией 1874 г., по образцу которой заключались последующие договоры, консулы, находящиеся в российском подданстве, не могли быть «подвергаемы ни аресту, ни тюремному заключению, кроме как за такие дела и действия, которые по законам того и другого государства подлежат ведению суда с присяжными заседателями»; они освобождались «от военного постоя и воинских повинностей, от налогов, прямых и личных» и др. [8]. При этом освобождение от юрисдикции государства пребывания базировалось на функциональном принципе, предполагавшем освобождение консулов от административной и уголовной юрисдикции только в отношении действий, совершаемых при исполнении служебных обязанностей.

С середины XIX в. начинается доктринальное осмысление института специальной защиты международных агентов. В международной практике привилегированное положение консулов и дипломатов обозначалось различными терминами, в частности: «льготы», «привилегии», «преимущества», «изъятия», «освобождения», «прерогативы», «иммунитеты». В работах Д.А. Наумова [10], А.П. Вейнера [1], С.М. Горяинова [4], О.О. Эйхельмана [14], П.Е. Казанского [6] предлагались различные подходы к классификации консульских иммунитетов и привилегий. Особое значение имел подход О.О. Эйхельмана, который впервые в науке международного права предложил классифицировать их на личные иммунитеты и привилегии и консульского учреждения в целом. Позднее эта идея была реализована в процессе международной кодификации консульского права.

В конце XIX в. вопрос консульских иммунитетов и привилегий стал предметом многостороннего международного согласования, в котором Российская империя также принимала участие. В 1873 г. с целью организации совместной научно-исследовательской деятельности по предложению бельгийского юриста Густава Ролена-Жакмэна с участием России была создана международная неправительственная организация – Институт международного права. Сессии Института, на которых обсуждались важнейшие вопросы права и международных отношений, проходили ежегодно. В 1888 г. (Лозанна), в 1891 г. (Гамбург), в 1892 (Женева) и в 1896 г. (Ве-

неция) обсуждалась проблема кодификации консульских иммунитетов и привилегий. В 1896 г. на сессии в Венеции был принят проект Регламента о консульских привилегиях. Документ состоял из 21 статьи и унифицировал сложившуюся международную практику [7]. Регламент закрепил концепцию функционального характера консульских иммунитетов.

Однако несмотря на продуманность и научную согласованность документа, он так и остался проектом. Вопрос международной кодификации консульского права был решен только в 1963 г., в связи с принятием Венской конвенции о консульских сношениях, вступившей в силу 19 марта 1967 г.

СССР ратифицировал конвенцию только в 1989 г. До принятия конвенции консульские отношения строились преимущественно на двусторонних договоренностях. Так, еще до Второй мировой войны СССР заключил ряд двусторонних консульских договоров с Польшей (1924 г.), Германией (1925 г.), Швецией (1927 г.), Чехословакией (1935 г.), а также ряд договоров общего характера, затрагивавших консульские вопросы.

После войны заключение двусторонних консульских конвенций продолжилось. После распада СССР Россия стала правопреемницей около 70 консульских договоров. Самостоятельно Российская Федерация за 30 лет заключила еще более 20 консульских соглашений, преимущественно с бывшими республиками СССР.

Необходимо отметить, что объем консульских иммунитетов и привилегий в них далеко не тождественен и отличался от стандартов, установленных на универсальном уровне. Однако дивергенция Венского стандарта и двусторонних договоренностей ему не противоречит. Согласно п. 2 статьи 73 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., ратифицированной 182 странами (по состоянию на ноябрь 2021 г.), допускается «государствам заключать международные соглашения, подтверждающие, дополняющие, распространяющие или расширяющие ее положения» [2]. Поэтому перечень иммунитетов и привилегий в двухсторонних конвенциях может быть более широким, но сокращение объема не допускается.

Генезис консульских отношений РФ, показал, что только два действующих сегодня договора были заключены до принятия Венской конвенции 1963 г. (с ФРГ в 1958 г. и Австрией в 1959 г.). Ряд соглашений появились до вступления Венской конвенции в силу (с США в 1964 г., с Францией, Финляндией и Японией в 1966 г.).

Развитию консульских отношений способствовал процесс деколонизации. В 70-е гг. был заключен ряд конвенций со странами, получившими независимость (с Сомали в 1971 г., Анголой в 1976 г., Гвинеей в 1976 г., Сирией в 1976 г., Мозамбиком в 1977 г. и др.). В 80-е гг. география российских консульских отношений активно расширялась. В 1980 г. было заключено соглашение с Мали, в 1981 г. с Кампучией, в 1982 г Лаосом и Эквадором, в 1984 г. с Маврикия, в 1985 г. с Ливией, в 1986 с Сейшельскими островами, в 1988 с Турцией и др. В 90-е перечень консульских учреждений расширился в основном за счет республик бывшего СССР.

Анализ двусторонних консульских конвенций с участием России показал, что объем, содержащихся в них консульских иммунитетов и привилегий шире того, что содержатся в Венской конвенции 1963 г.

Ряд соглашений в отношении юрисдикции, базируется на идее «функционального иммунитета», однако немало конвенций, согласно которым консулам предоставляется широкий «личный иммунитет», равный дипломатическому. Причем устано-

вить логику договорного процесса в этом отношении не представляется возможным. Так, в статье 15 консульской конвенции между СССР и Республикой Кипр, заключенной 8 февраля 1978 г. говорится: «Консульские должностные лица и члены их семей, проживающие вместе с ними, пользуются иммунитетом от юрисдикции государства пребывания, кроме гражданских исков» [9]. Аналогичная норма содержится в консульских конвенциях: между СССР и Великобританией (от 2 декабря 1965 г.); СССР и Анголой (от 26 мая 1976 г); СССР и Мексикой (от 18 мая 1978 г.); между СССР и КНДР (от 17 апреля 1985 г.); РФ и Польшей (от 22 мая 1992 г.); РФ и Венгерской Республикой (от 12 января 2001 г.) и др.

Схожая ситуация наблюдается и при определении объема неприкосновенности помещений консульских учреждений. Унифицированной является лишь норма о неприкосновенности консульских архивов. Само помещение консульского учреждения в одних конвенциях защищается аналогично дипломатическому представительству (например, в конвенциях между СССР и США от 1 июня 1964 г., СССР и Швецией от 30 ноября 1967 г., СССР и Норвегией от 7 декабря 1971 г., СССР и Эквадором от 10 декабря 1982 г., СССР и Ливией от 14 октября 1985 г., РФ и Польшей от 22 мая 1992 г. и др.). В других такая защита не носит абсолютного характера (в частности, в конвенциях между СССР и Австралией от 5 февраля 1990 г., РФ и Эстонией от 2 декабря1992 г., РФ и Пакистаном от 8 июля 1997 г., РФ и Сербией и Черногорией от 7 ноября 2005 г. и др.).

Можно констатировать, что комплекс консульских иммунитетов и привилегий в действующих конвенциях Российской Федерации, ближе к стандарту, установленному Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г., а не Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г. Так, в подавляющем числе консульских конвенций России закрепляется абсолютная неприкосновенность консульских учреждений; немалое количество соглашений устанавливают неприкосновенность консульских должностных лиц, а также освобождение от юрисдикции государства пребывания за исключением нескольких изъятий в отношении гражданских исков.

Тенденция сближения консульских и дипломатических иммунитетов и привилегий проявляется также в том, что многие страны не обмениваются самостоятельными консульскими учреждениями. Консульские функции выполняют специальные отделы при посольствах, сотрудники которых пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами.

В последнее время в научной литературе [5, 12, 15] и политических заявлениях звучат призывы к реформированию института привилегий и иммунитетов, что связано фактами злоупотребления ими. Так, известный британский и австралийский ученый Джеффри Рональд Робинсон считает, «что дипломатическая неприкосновенность имела смысл во времена холодной войны, когда дипломаты действительно работали во враждебном окружении и могли попасть в какую-нибудь ловушку, однако сейчас она уже устарела» [5]. Очевидно, что данную точку зрения разделяют далеко не все исследователи. В частности, профессор Лондонского университета Саут Бэнк Крейг Баркер полагает, что институт иммунитетов и привилегий – «это необходимый инструмент. Он защищает дипломатов, работающих за границей» [5].

Полагаем, что в условиях обострения международной обстановки вообще и российско-американского дипломатического противостояния последних лет в частно-

сти, говорить о реформировании международного института привилегий и иммунитетов не приходится, тем более в сторону их уменьшения.

Таким образом, за 300 лет институт консульских иммунитетов и привилегий претерпел ряд преобразований. Его договорное закрепление базировалось на международных обычаях, сформировавшихся в практике межгосударственных отношений. В настоящее время, несмотря на международную унификацию консульских иммунитетов и привилегий, на двустороннем уровне они отличаются немалым разнообразием. Общей тенденцией последних десятилетий выступает их сближение с дипломатическими.

Список литературы:

1.Вейнер А.П. Консулы в христианских государствах Европы и Североамериканских Соединенных штатах. – Спб.: Тип. кн. В.П. Мещерского, 1894.- 251 с.
2.Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kdmid.ru/default.aspx (дата обращения 03.01.2021).
3.Ганюшкин Б.В. Правовое положение консульств и их персонала // Московский журнал международного права. – 1999.- №3.- С. 166-175.
4.Горяинов С.М. Руководство для консулов. – Спб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. – XVI, 791 с.
5.Джон Келли Не пора ли упразднить дипломатический иммунитет? [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/info/11657461 (дата обращения 03.01.2021).
6.Казанский П. Введение в курс международного права. – Одесса: Экономическая типография и литография, 1901. – XII, 386 с.
7.Кононова Н.А. Регламент о консульских привилегиях как первая попытка кодификации консульского права //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.-Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 104-107.
8.Консульская конвенция России с Францией от 20.03.1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр.2. –Т.49. – Спб., 1876. – С. 216-220. – № 53865.
9.Консульская конвенция между Союзом Советских Социалистических Республики Республикой Кипр от 8 февраля 1978 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.kdmid.ru/default.aspx (дата обращения 03.01.2021).
10. Наумов Д.А. Консульское право Европы и Америки. – М.: В тип. Степановой, 1856. –224 с.
11. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской Империи в XVIII – начале XX в. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 275 с.
12. Свищев А. Актуальность существования дипломатического иммунитета вновь ставится под сомнение // Версия. 2017. № 25. - С. 11-15.
13. Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. – Ч.1.- М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899.- 678 с.
14. Эйхельман О.О. Консульское право. – Житомир: Типография и литография наследников С.Бродовича, 1886.- 128 с.
15. Чистоходова И.А. Теоретические основы обоснования дипломатических привилегий и иммунитетов // Вестник РУДН, сер. Юридические науки, 2005.- № 1 (17).- С. 116-123.

Emelyanov A.S., Safronova E.V. Consular immunities and privileges in the contractual practice of Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 37-42.

The article is devoted to the history of the formation and development of the institute of consular immunities and privileges in the contractual practice of Russia. Over the years, the institution of consular immunities and privileges has undergone a change: a period of bilateral interdependence; a period of regional codification; a period of universal systematization. The paper reveals the patterns of the genesis of the institute, analyzes the current trends of its development, predicts the prospects for further evolution. The study is based on the analysis of universal, regional and bilateral agreements to which Russia is a party.

Keywords: privileges, immunities, consular service, consular contract, Vienna Convention on Consular Relations of 1963, consular officer.

Spisok literatury:

1.Vejner A.P. Konsuly v hristianskih gosudarstvah Evropy i Severoamerikanskih Soedinennyh shtatah. – Spb.: Tip. kn. V.P. Meshcherskogo, 1894.- 251 s.
2.Venskaya konvenciya o konsul'skih snosheniyah ot 24 aprelya 1963 g. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.kdmid.ru/default.aspx (data obrashcheniya 03.01.2021).
3.Ganyushkin B.V. Pravovoe polozhenie konsul'stv i ih personala // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 1999.- №3.- S. 166-175.
4.Goryainov S.M. Rukovodstvo dlya konsulov. – Spb.: Tipografiya I.N. Skorohodova, 1903. – XVI, 791 s.
5.Dzhon Kelli Ne pora li uprazdnit' diplomaticheskij immunitet? [Elektronnyj resurs]. URL: https://tass.ru/info/11657461 (data obrashcheniya 03.01.2021).
6.Kazanskij P. Vvedenie v kurs mezhdunarodnogo prava. – Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya i litografiya, 1901. – XII, 386 s.
7.Kononova N.A. Reglament o konsul'skih privilegiyah kak pervaya popytka kodifikacii konsul'skogo prava //Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.-Tambov: Gramota, 2011. № 8 (14): v 4-h ch. CH. III. C. 104-107.
8.Konsul'skaya konvenciya Rossii s Franciej ot 20.03.1874 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – Sobr.2. –T.49. – Spb., 1876. – S. 216-220. – № 53865.
9.Konsul'skaya konvenciya mezhdu Soyuzom Sovetskih Socialisticheskih Respubliki Respublikoj Kipr ot 8 fevralya 1978 goda [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.kdmid.ru/default.aspx (data obrashcheniya 03.01.2021).
10. Naumov D.A. Konsul'skoe pravo Evropy i Ameriki. – M.: V tip. Stepanovoj, 1856. –224 s.
11. Safronova E.V. Stanovlenie i razvitie konsul'skoj sluzhby Rossijskoj Imperii v XVIII – nachale XX v. – SPb.: Izdatel'stvo «YUridicheskij centr Press», 2002. – 275 s.
12. Svishchev A. Aktual'nost' sushchestvovaniya diplomaticheskogo immuniteta vnov' stavitsya pod somnenie // Versiya. 2017. № 25. S. 11-15.
13. Ulyanickij V.A. Russkie konsul'stva za granicej v XVIII v. – CH.1.- M.: Tip. G. Lissnera i A. Geshelya, 1899.- 678 s.
14. Ejhel'man O.O. Konsul'skoe pravo. – ZHitomir: Tipografiya i litografiya naslednikov S.Brodovicha, 1886.- 128 s.
15. CHistohodova I.A. Teoreticheskie osnovy obosnovaniya diplomaticheskih privilegij i immunitetov // Vestnik RUDN, ser. YUridicheskie nauki, 2005.- № 1 (17).- S. 116-123.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 43-49.

УДК 340.121

ТЕОРИЯ ЕДИНСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВОЛИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВЛАСТЕЙ В. М. ГЕССЕНА

Квасова О. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируются взгляды Владимира Матвеевича (Вольфа Мунишевича) Гессена (1868–1920 гг.) – известного политического деятеля, доцент Санкт-Петербургского университета, профессора Александровского лицея, депутата II Государственной Думы на проблему организации государственной власти. Его можно назвать одним из родоначальников российской теории конституционного государства, базировавшейся на идее единства государственной воли при дифференциации властей. Гессен был сторонником идеи единства государственной воли, исходящей от верховной власти. Понятие верховной и государственной власти нетождественны. Верховная власть – есть власть законодательная, признаками которой выступает повсеместность, непрерывность и потенциальная неопределенность компетенции. В.М. Гессен не разделял идею ограничения и самоограничения верховной власти, сторонниками которой был целый ряд отечественных и зарубежных ученых. Гессен полагал, власть верховного органа неограниченна. Закон ограничивает лишь подзаконную правительственную власть.

Ключевые слова: верховная власть, государственная власть, правовое государство, теория разделения властей, правовая доктрина, государственное право.

Становление науки государственного права в России пришлось на вторую половину XIX – начало XX вв., что было связано с развитием идей конституционализма и внутригосударственными политическими процессами. В данный период российское государствоведение было сосредоточено на изучение западноевропейской доктрины, исследование зарубежного конституционного опыта, популяризацию идей парламентаризма, правового государства, охраны прав и свобод личности, разделения властей.

В отечественной историографии есть немало работ, посвященных или затрагивающих проблему становления науки государственного права [1, 2, 3, 4, 5]. Первое такое исследование появилось еще в дореволюционный период. Это была статья В.М. Гессена «Очерки истории науки государственного права», опубликованная в 1911 г. в Известиях Санкт-Петербургского Политехнического института [6], в которой автор связывал генезис науки «с торжеством конституционного строя». Большинство советских и современных исследователей (И.Д. Левин, Н.Я. Куприц, В.А. Туманов, Ю.В. Пуздрач, А.С. Автономов, Н.А. Богданова, Ю.Л. Шульженко, В.А. Томсинов, А.О. Лебедев, А.Б. Дидикин и др.) относят становление науки государственного ко второй половине XIX - началу XX в., связывая этот процесс с развитием конституционализма, вызванного социально-экономическими предпосылками.

Генезису науки государственного права, детерминированному развитием конституционного законодательства, способствовало развитие сети научных коммуникаций, институционализация государственно-правового знания, популяризация идеи в периодической печати, развитие университетского образования.

В этот период появилась целая плеяда талантливых ученых, развивавших различные направления государственно-правовой мысли: юридический позитивизм, либерализм, социологический позитивизм.

В трудах видных российских государствоведов Н.Н. Ворошилова (1839-1873 гг.), Б. Н. Чичерина (1828–1904 гг.), А.Д. Градовского (1841–1889 гг.), А.С. Алексеева (1851-1916 гг.), Н. М. Коркунова (1853–1904 гг.), В.В. Ивановского (1854-1926 гг.), П. И. Новгородцева (1866–1924 гг.), В.М. Гессена (1868-1920 гг.), Н.И. Лазаревского (1868-1921 гг.), Ф.Ф. Кокошкина (1871-1918 гг.), С. А. Котляревского (1873–1939 гг.), П.А. Казанского (1866-1947 гг.), Н.А. Захарова (1883-? гг.) и др. проблема осмысления природы государственной власти и ее организации была основной. Можно утверждать, что даже в либеральной доктрине среди сторонников конституционного и правового государства в чистом виде сторонников идеи разделения государственной власти на три ветви в российской либеральной науке государственного права практически не было.

Большой вклад в исследование проблемы организации государственной власти внес Владимир Матвеевич (Вольф Мунишевич) Гессен (1868–1920 гг.) – известный политический деятель, доцент Санкт-Петербургского университета, профессор Александровского лицея, депутат II Государственной Думы. Его можно назвать одним из самых последовательных сторонников учения Монтескье, которого он считал родоначальником теории конституционного государства. В 1916 г. он защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Основы конституционного строя» [7], а в 1912 г. вышла его книга «Общее учение о государстве [8].

Обе эти работы явились изложением концептуальным изложением взглядов ученого на государство, государственную власть, механизм государства.

В.М. Гессен как представитель либеральной политико-правовой мысли был увлечен идеями конституционного государства, основоположником теории которого считал Монтескье. В своей докторской диссертации он целую главу посвятил анализу теории распределения властей. По его мнению, французский правовед видел в системе разделения властей основную гарантию политической свободы. При этом саму идею политической свободы он связывал с человеком (гражданином), его безопасностью и неприкосновенностью прав, главная угроза которым исходила из сосредоточения всех ветвей власти в одних руках.

В «Основах конституционного строя» В.М. Гессен дал комплексный критический анализ теории Монтескье и представил свою концепцию конституционного государства, начало формирования которой было положено еще в «Общем учении о государстве». Необходимо отметить эта работа охватывала более широкий круг вопрос теоретических вопросов, включая идею единства государственной власти. Докторская диссертация явилась объективированием взглядов ученого на идеальное государство.

Анализируя концепцию Монтескье, В.М. Гессен находил в ней ряд противоречий и ошибок, основную из которых видит в смешении двух идей: обособления (независимости) властей и их уравновешения, предлагая свою интерпретацию учения – теорию обособления (координации) властей.

Главной ошибкой В.М Гессен считал идею независимости властей. По его мнению, уравновешенная триада властей имеет недостаточно оснований. У Монтескье

термин «обособление» тождественен «независимости». Между тем, независимость законодательной, правительственной и судебной власти имеет разные основания.

Ошибку Гессен видит в том, что «триада властей Монтескье покоится не на одном, а на двух, друг от друга отличных разграничительных принципах: формальном – при отделении законодательной власти от правительственной - и материальном - при отделении судебной власти от той и другой. Одним и тем же термином - термином обособления властей - обозначаются явления различного порядка: обособление органов законодательной и правительственной власти и отделение функции власти судебной от функции других властей» [9].

В.М. Гессен считал, что законодательная и исполнительная функции государственной власти однородны по материальному содержанию. Очевидно, что назначение правительства не ограничено исполнением законов, правительство также наделяется правотворческой функцией. Он не видел принципиального различия в нормативно-правовых актах, принимаемых правотворческими органами, как законодательными, так и исполнительными.

Органы законодательной и исполнительной власти, в отличие от судебной, призваны править страной. «Законодательная и правительственная власти – активны; они принимают решения по своей инициативе, ибо цель этих решений – осуществление понимаемого правильно или неправильно общественного блага. Судебная власть пассивна. Именно потому, что судебная функция отлична от функции других властей, судебная власть должна быть независимой от них» [9].

В.М. Гессен приходит к выводу, что независимой является только судебная власть. Законодательная и исполнительная власть должны быть обособлены (дифференцированы), но не разделены.

«Не подлежит сомнению, заключает он, – что теория уравновешения властей, возникшая на почве механической концепции государства, противоречит принципу единства и нераздельности государственной власти» [9].

Гессен был сторонником идеи единства государственной воли, исходящей от верховной власти, сосредоточенной в законодательном органе. «Если действительно государственная власть едина, то в государстве всегда и необходимо существует верховная власть, воля которой, именуемая законом, определяя организацию и деятельность остальных властей, стоит выше их всех» [9].

Гессен доказывал, что именное обособление, а не разделение властей составляет основу конституционного строя, сторонником которого он был. «Единственным существенным (essentiale) признаком – необходимым и достаточным – конституционного государства, – писал он, – является участие народа или народного представительства в осуществлении государственной власти [9].

Существенные недостатки учения Монтескье В.М. Гессен видел и в его концепции народного представительства. По его мнению, в доктрине Монтескье дается характеристика не народного, а корпоративного представительства; наблюдается явное несоответствие идеи народного представительства и естественно-правовой теории народного суверенитета. «Это противоречие, – писал он, – заключается не только в том, что народ, удивительно умеющий выбирать, но совершенно неспособный к законодательству, отнюдь не является сувереном, но и в том, что народ, как его понимает Монтескье, существенно отличается от народа естественно-

правовой доктрины» [9]. Гессену импонировали идеи Руссо о неотчуждаемом и непредставляемом суверенитете, принадлежащим народу.

Суть концепции В.М. Гессена об обособлении (дифференциации) властей базируется на идее единства государственной воли, исходящей от представительной (законодательной) власти, но не концентрирующей в себе все функции власти, которые должны быть обособлены, но не разделены.

Анализируя понятие «государственная власть», Гессен доказывал, что необходимо отказаться от идеи отождествления этой категории с понятием «верховная власть» и подверг критике «волюнтарную теорию» власти. Ученый отмечал, что наиболее распространенным и даже аксиоматичным определением государственной власти с точки зрения «волюнтарной» теории было определение государственной власти как власти «воли, господствующей над подвластными» [9].

Новая интерпретация этой теории, появившаяся в XIX в., определяет, что власть, существующая в государстве, принадлежит не ему (государству), а воле лиц (физических или юридических) ее осуществляющих. Еще одной оригинальной идеей его современников Гессен считал теорию отрицания волевого характера государственной власти Н.М. Коркунова.

Профессор Коркунов исходил из того положения, что явления государственного властвования не поддаются объяснению не только как проявление единой воли, но и вообще, как проявление воли. Например, властвует какая-то идея или человек через обаяние святости (или гениальности), но против своей воли. В связи с этим, существуют два вида властвования: властвование воли и властвование, несмотря на отсутствие властвующей воли. По мнению Н.М. Коркунова: «Государственная власть – это сила, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства» [8, с. 163].

Гессен не разделял точки зрения, что сознание гражданами их зависимости от государства является причиной воздействия граждан на государство, т.к. воздействие власти на гражданина состояние постоянное. Кроме того, вывод Коркунова о принудительном характере государственной власти, Гессен считал противоречащим всей его теории. Наибольшей критике он подверг идею «психической основы государственного властвования» [8, с. 167].

Гессен отмечал, что господствующей в науке государственного права выступает точка зрения, что «государственная власть – это власть самого государства» [8, с. 168]. Государственная власть, как коллективная (юридическая) личность, обладает самостоятельной коллективной волей. Государственная власть, – по его мнению, – воля самого государства. Органы государства – это учреждения и лица, которые осуществляют государственную власть. Необходимо отметить, что такая точка зрения распространена в германской литературе государственного права (Г. Иеллинек К. Гербер, П. Лабанд и др.), а также во французской публицистике (А.Эсмен, Л. Мишу и др.).

Гессен полагал, что говорить о воле государства с точки зрения психологии недопустимо, т.к. точка зрения психологическая не совпадает с юридической. Государство не живет психической жизнью, понятие «психика государства» абсурдно. Не органы государственной власти, утверждал он, а само государство, как таковое является субъектом власти. «Публично-правовые обязанности закреплены не за органами государства, а за ним самим» [8, с. 168]. «В этом, и только в этом смысле, и

можно говорить от том, что государственная власть есть воля государства» [8, с. 168].

В.М. Гессена можно назвать самым последовательным противником психологической теории государства. Он неоднократно говорил об опасности проекции психологических подходов на юриспруденцию вообще и определение государственной власти в частности. Наиболее опасным для прогресса правовой науки, ученый считал, научный синкретизм, который не различает ни задач, ни методов различных наук. «Наука права, вообще, и наука публичного права, в особенности, … страдает от привлечения в ее область психологических, политических и философских проблем» [8, с. 168].

Единство государственной власти проявляется в ее организации. «В каждом государстве необходим верховный орган власти, являющийся решающей инстанцией по отношению во всем остальном. Без верховного органа государство невозможно и немыслимо. Организация верховного органа может быть различна; - суверенным органом может быть: одно лицо, выборная коллегия, весь народ; возможна и комбинация этих начал (…). – но верховный орган должен быть един, какова бы ни была его организация. Единство государственной власти выражается … в наличности суверенного органа, носителя верховной власти, объединяющего и определяющего организацию государства» [8, с. 170].

Единство государственной власти в пространстве означает верховенство в пределах собственной территории, а единство во времени «выражается в ее безусловной непрерывности».

Необходимыми общими принципами верховной власти, по мнению Гессена, выступает повсеместность и непрерывность, а также «потенциальная неопределенность компетенции государственной власти» [8, с. 170-171]. Последний признак, считал он, отличает государственную власть от власти других публично-правовых корпораций. «Государственная власть есть воля государства, отличающаяся потенциальной неопределенностью компетенции.

При этом суверенитет Гессен не считал признаком государственной власти. Он отмечал, что в науке государственного права существует несколько понятий суверенитета: во-первых, как свойства, характеризующего государственную власть; во-вторых, как свойства, определяющего положения высшего органа государственной власти; в-третьих, как синоним государственной власти [8, с. 54-55].

Гессен, разделял мнение Иеллинека, что суверенитет (верховность) – это право исключительного самоопределения власти [8, с. 57]

Государственная власть, по мнению Гессена, есть воля государства, но непосредственно осуществлять свою власть государство не может. Власть осуществляется через людей, действующих от имени государства. Государство функционирует посредством своих органов. В государстве, по его мнению, «должен быть один и только один верховный суверенный орган; этого требует принцип единства государственной власти» [8, с. 170-171].

В.М. Гессен не разделял идею ограничения и самоограничения верховной власти, сторонниками которой был целый ряд отечественных и зарубежных ученых (Г. Иеллинек, А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, Л.А. Тихомиров, П.Е. Казанский, Н.А. Захаров и др.). Так, Г. Иеллинек, А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов и др. полагали, что верховная власть ограничивается принимаемыми ею законами. «Издавая закон,

– писал Иеллинек, – государство юридически связывает его нормами не только индивидов, но и свою собственную деятельность» [10, с. 315]. По мнению Л.А. Тихомирова верховная власть юридически неограниченна, но не абсолютна. Самодержавные монархи несут нравственную ответственность перед Богом и народом. П.Е. Казанский, В.Д. Катков, Н.А. Захаров допускали самоограничение власти, установленное законом, моральными и религиозными нормами.

Гессен полагал, власть верховного органа неограниченна. Закон ограничивает лишь подзаконную правительственную власть. Однако идею Л.А. Тихомирова, П.Е. Казанского, Н.А. Захарова, что верховная власть не абсолютна, поддерживал, но по другим основаниям. Юридическую неограниченность, – отмечал он, – нельзя смешивать с неограниченностью фактической. Говорить об омнипотенции государственной, – писал он, – нельзя. Нужно строго различать фактическую возможность власти от юридической дозволенности. «Верховный орган ограничен факторами внутренними и внешними» [8, с. 172]. Внутренние границы власти образует психологическая природа лиц, являющихся органами государства. Внешние рамки определяются «границами, до которых распространяется повиновение подданных».

В.М. Гессен полагал, что верховная власть – это власть учредительная. Ученый полагал, что в каждом государстве должна быть власть, которая могла бы изменять политический строй, форму правления в условиях трансформации социально-экономических условий. Ученый пришел к выводу: «Верховный суверенный орган характеризуется: 1) неограниченностью своей власти (которую не следует смешивать с омпипотенцией). 2) наличием учредительных функций» [8, с. 175]. Еще одной функцией верховной власти он считал законодательство, но при этом делал оговорку: «функция эта не всегда и не обязательно входит в компетенцию органов верховной власти» [8, с. 173].

В.М. Гессен, признавал государство лицом публичного права и, соответственно, правоспособным субъектом. «Признавая государство правовым субъектом, - делал вывод профессор, – мы тем самым признаем, что право, посредством создания самостоятельной государственной воли, закрепляет за государством публично-правные обязанности граждан» [8, с. 190].

Идею придания статуса верховной – власти законодательной Гессен развил в работе «Основы конституционного права» [9].

Таким образом, В.М. Гессен полагал, что государственная власть едина и нераздельна. Понятие верховной и государственной власти нетождественны. Верховная власть – есть власть законодательная, признаками которой выступает повсеместность, непрерывность и потенциальная неопределенность компетенции.

Список литературы:

1. Андреева Г.Н. Советская наука государственного права буржуазных стран (1917–1936 гг.): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1980. - 198 с.
2. Дидикин А.Б. Становление и развитие конституционного права России как отраслевой юридической науки: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. - 24 с.
3. Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. - М., 1980;
4. Левин И.Д. Буржуазная наука государственного права. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. - 399 с.
5. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. - М.: Зерцало-М, 2010. – 334 с.
6. Гессен В.М. Очерки истории науки государственного права // Известия Санкт-Петербургского Политехнического института. - 1911. - Т. 16. - С. 55-91.

7. Гессен В. М. Основы конституционного права (издание 2-е).- Петроград: Издание юридического книжного склада "Право", типо-литография товарищества А. Ф. Маркс, 1918.- 445 с.
8. Гессен В.М. Общее учение о государстве: Лекции, читанные в С.[анкт]-Петербургском политехническом институте / В. М. Гессен. - СПб.: Типо-лит. И. Трофимова, 1912. – 190 с.
9. Гессен В. М. Основы конституционного права (издание 2-е). – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1918 // https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/
10. Иеллинек Г. Общее учение о государстве. Право современного государства. Т. 1 / Под ред.: Гессен С.И. - 2-е изд., испр. и доп. - С.-Пб.: Н. К. Мартынов, 1908. – 626 с.

Kvasova O.A. Theory of the unity of the state will and differentiation of authorities V.M. Hessen // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 43-49.

The article analyzes the views of Vladimir Matveevich (Wolf Munishevich) Hessen (1868-1920), a well-known politician, associate professor of St. Petersburg University, professor of the Alexander Lyceum, deputy of the II State Duma on the problem of the organization of state power. He can be called one of the founders of the Russian theory of the constitutional state, based on the idea of the unity of the state will in the differentiation of authorities.

Keywords: supreme power, state power, rule of law, theory of separation of powers, legal doctrine, state law.

Spisok literatury:

1. Andreeva G.N. Sovetskaya nauka gosudarstvennogo prava burzhuaznyh stran (1917–1936 gg.): Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 1980.- 198 s.
2. Didikin A.B. Stanovlenie i razvitie konstitucionnogo prava Rossii kak otraslevoj yuridicheskoj nauki: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2009.- 24 s.
3. Kupric N.YA. Iz istorii gosudarstvenno-pravovoj mysli dorevolyucionnoj Rossii.- M., 1980;
4. Levin I.D. Burzhuaznaya nauka gosudarstvennogo prava.- M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. - 399 s.
5. Tomsinov V.A. YUridicheskoe obrazovanie i yurisprudenciya v Rossii vo vtoroj treti XIX veka.- M.: Zercalo-M, 2010. – 334 s.
6. Gessen V.M. Ocherki istorii nauki gosudarstvennogo prava // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Politekhnicheskogo instituta.- 1911.- T. 16.- S. 55-91.
7. Gessen V. M. Osnovy konstitucionnogo prava (izdanie 2-e).- Petrograd: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada "Pravo", tipo-litografiya tovarishchestva A. F. Marks, 1918.- 445 s.
8. Gessen V.M. Obshchee uchenie o gosudarstve: Lekcii, chitannye v S.[ankt]-Peterburgskom politekhnicheskom institute / V. M. Gessen. - SPb.: Tipo-lit. I. Trofimova, 1912. – 190 s.
9. Gessen V. M. Osnovy konstitucionnogo prava (izdanie 2-e). – Petrograd: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1918 // https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/
10. Iellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. Pravo sovremennogo gosudarstva. T. 1 / Pod red.: Gessen S.I.. - 2-e izd., ispr. i dop. - S.-Pb.: N. K. Martynov, 1908. – 626 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 50-55.

УДК 342.9; 658

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИННОВАЦИОННОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА ПОЛУОСТРОВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Коноплев В. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье проанализированы отдельные аспекты реализации форм государственно-частного партнерства в образовании на территории Республики Крым. Установлено, что на сегодня на территории полуострова в основном реализуется такая форма государственно-частного партнерства в образовании, а именно, - институциональная. Эффективность развития данной формы позволит расширить научные, технические и финансовые возможности Университета, как одного из основных элементов научно-образовательного кластера.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; Республика Крым; образование; кластер; научно-образовательный кластер.

Одной из ключевых задач, которая стоит перед современным государством, является формирование совместного образовательного и научно-технического пространства, в котором на основе взаимодействия высших учебных заведений и различных производственных кластеров будут созданы необходимые условия для развития высокоэффективных междисциплинарных инициатив: развития совместных прикладных и фундаментальных междисциплинарных научных проектов; формирование и реализация необходимых образовательных программ; организация курсов повышения квалификации; консолидация ресурсов для создания новых объединенных исследовательских центров. Одним из способов выполнение данной задачи является использование различных форм сотрудничества, к которым можно отнести государственно-частное партнерство.

Мировой опыт показывает, что государственно-частное партнерство является одним из способов эффективной реализации экономических и социальных проектов. В последнее время через использование различных форм такого сотрудничества происходит развитие ведущих образовательных учреждений, демонстрирующих значительные успехи в плане повышения качества и эффективности подготовки специалистов. В результате этого произошло усиление интереса со стороны государства к бизнес-структурам, с позиции использования их потенциала для финансирования и развития ведущих образовательных учреждений [1, с. 56].

Следует согласиться с мнением И.И. Савченко, Н.Г. Сидоровой, которые указывают, что государственно-частное партнерство в широком смысле выступает как феномен смешанной экономики, в узком смысле – как инструмент экономической политики в условиях новой индустриализации общественного, поскольку является средством (способом), используемым для обеспечения устойчивого роста экономики всех уровней [2, с. 99-100].

Анализ практики реализации данного партнерства показывает, что на сегодня выделяют несколько форм его осуществления, в частности: инстуциональные фор-

мы, государственные контракты, концессионная форма и др. Рассмотрим некоторые из них, с учетом практики деятельности органов власти Республики Крым.

Итак, в рамках инстуциональной формы следует рассмотреть основные направления деятельности органов власти Республики Крым в сфере формирования и развития регионального инновационного научно-образовательного кластера, связанного с осуществлением цифровой трансформации социальной сферы и государственного управления.

В соответствии со Стратегией в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной среды и государственного управления, которая утверждена постановлением Совета министров Республики Крым от 20 августа 2021 № 487 [3], целью цифровой трансформации является повышение удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных (муниципальных) услуг, снижения издержек бизнеса при взаимодействии с государством и т.д.

Необходимым и определяющим условием успешной реализации указанных целей на территории полуострова является наличие правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе цифровой трансформации на субъектовом уровне. Именно это обуславливает необходимость создания соответствующей юридической платформы на базе учебных заведений полуострова, что позволит: обеспечить разработку научно-обоснованных нормативных правовых актов Республики Крым и г. Севастополя для эффективного внедрения цифровой трансформации отраслей экономики, социальной среды и государственного управления на территории полуострова; юридическое сопровождение деятельности бизнес-сообщества в условиях санкционных ограничений на территории Республики Крым и г. Севастополя; правовое регулирование бизнес-логистической деятельности участников цифровой трансформации отраслей экономики, социальной среды и государственного управления; создание научных лабораторий, которые станут полигоном для отработки эффективности управленческих решений по отраслевым направлениям; осуществление подготовки кадрового ресурса на базе созданных новых кафедр по направлениям правового обеспечения отраслевых экосистем; проведение правового просвещения бизнес-сообщества; проведение фундаментальных научных исследований по вопросам государственного управления в отраслевых направлениях Цифровой Экономики, информационной безопасности и противодействия киберпреступности и др. [4, с. 43-45].

Разработанные и апробированные нормативные правовые акты, управленческие решения и методы государственного управления по отраслевым направлениям могут стать основой для дальнейшего внедрения проектов цифровой трансформации отраслей экономики, социальной среды и государственного управления на территории Российской Федерации.

Следует отметить, что на сегодня в Республике Крым имеется практика реализации инстуциональных форм реализации государственно-частного партнерства, а именно: «власть – бизнес – университет» в муниципальном образовании городской округ Симферополь. Данное взаимодействие закреплено в Решении Симферопольского горсовета Республики Крым от 19.12.2017 № 1462 «О стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым на период до 2030 года» (далее – Стратегия) [5], согласно

которой одной из важнейших задач является «формирование инфраструктуры инноваций».

Важно отметить, что решение указанной задачи направлено на развитие системы стимулирования инновационных процессов, в том числе путем активизации кооперации между организациями образования, науки, малыми, средними и крупными предприятиями. Реализация указанной задачи включает следующие мероприятия:

- создание индустриальных парков на базе неиспользуемых промышленных земель, в том числе вдоль железных дорог и пр.;
- разработка и реализация образовательных программ для школьников и студентов в сфере инноваций;
- создание сети центров технического досуга для молодежи, центров молодежного инновационного творчества [6];
- реализация проекта создания научно-технологической долины с особыми условиями для деятельности высокотехнологичных фирм в рамках кластеров Республики Крым и Симферополя;
- создание системы инженерно-технического сопровождения предприятий малого и среднего бизнеса на этапе разработки и внедрения новых технологий и продуктов (технико-экономическое обоснование, техническая документация и сопровождение).

Также одной из основных задач Стратегии является создание технопарка в сфере высоких технологий, который представляет собой форму территориальной интеграции коммерческих и некоммерческих организаций науки и образования, финансовых институтов, предприятий и предпринимателей, взаимодействующих между собой, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, осуществляющих формирование современной технологической и организационной среды с целью инновационного предпринимательства и реализации венчурных проектов. Реализация проекта «Технологическая (цифровая) долина Симферополя» предполагает комплекс мер, в том числе выход на федеральный и региональный уровень с предложениями о создании Цифровой долины Симферополя, основной специализацией которой будет являться разработка и внедрение уникальных технических продуктов с высокой долей научной составляющей. Предполагается выпуск не массовой продукции, а разработок в единичном экземпляре.

В рамках Цифровой долины будут созданы Центр возобновляемой энергетики, Центр технологий бережливого производства, Центр развития точного приборостроения и др. Предполагается тесное взаимодействие с вузами городского округа Симферополь, Республики Крым и Российской Федерации, а также открытие в КФУ им. В.И. Вернадского базовых кафедр по различным направлениям специализации Цифровой долины Симферополя, привлечение специалистов в реализацию промышленных проектов, формирование филиалов ведущих вузов Российской Федерации (МГУ им. М.В. Ломоносова, МФТИ, МГТУ им. Баумана, РАНХиГС и др.).

Большое значение среди институциональных форм государственно-частного партнерства в образовании имеет создание совместных образовательных структур, деятельность которых будет направлена на решение социально-значимых задач Республики Крым. Одной из таких задач является создание и развитие федерального санаторно-курортного кластера, разработка правового обеспечения его функционирования, закрепление особого статуса городов-курортов Республики Крым. Важ-

но отметить, что приоритетным направлением развития Крыма является формирование современного рекреационного комплекса, характеризующегося конкурентоспособностью (в том числе и на мировом рынке), востребованностью, разнообразием предлагаемых туристических услуг и услуг санаторно-курортного лечения.

На эффективность его функционирования, существенное влияние оказывают как неразрешенные длительное время вопросы правового статуса крымских городов-курортов, так и проблемы, связанные с неудовлетворительным состоянием мелиоративных и жилищно-коммунальных сетей большинства населенных пунктов региона.

В результате сохраняющихся недоработок нормативно-правовой базы, несмотря на все усилия муниципальной власти, многие из тенденций, характерных для предыдущих этапов, сохраняются и сегодня: продолжается нарушение исторических природных ландшафтов новым многоэтажным строительством, сохраняются риски сокращения площади зеленых насаждений, окончательно не решена проблема незаконного строительства и доступа к береговой линии, не восстановлены утраченные парки и ландшафты. Необходим комплексный подход на федеральном/субъектном уровне, предусматривающий оперативное совершенствование законодательства по данному направлению.

Разработка и реализация такого проекта может стать экспериментальным образцом развития и трансфера инновационных технологий для создания условий комфортного проживания, отдыха и бизнеса в рекреационных зонах Республики Крым.

Данная форма может реализовываться путем создания Научно-исследовательских и образовательных центров развития рекреационных зон; базовых (совместных) кафедры предприятий – партнеров. Основными задачами таких подразделений должны стать: организация взаимодействия между образовательными учреждениями, органами государственной власти и предпринимательскими структурами региона; правовое, научное и информационное обеспечение совместных проектов, а также организация межрегионального сотрудничества с университетами, территориально располагающимися в зоне с аналогичными рекреационными проблемами; содействие оперативному внедрению результатов совместной деятельности в практику.

Кроме того, создание таких структур позволяют повысить качество подготовки студентов, обеспечить эффективное взаимодействие профессорско-преподавательского состава с практиками, интегрировать существующие промышленные технологии в образовательный процесс, возможность включения профессорско-преподавательского состава в состав совместных рабочих групп по разработке системы нормативных правовых актов, проведению правовых экспертиз нормативных правовых актов и их проектов.

Важной особенностью реализации механизма создания совместных образовательных структур является то, что он реализуется в форме образовательных кластеров, которые чаще всего создаются при участии и поддержке региональных органов власти и частных партнеров на базе ведущих профильных образовательных учреждений [1, с. 56].

Говоря о крымском опыте формирования и функционирования образовательных кластеров, важно затронуть Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Отметим, что Программа развития Крымского федерального университе-

та им. В.И. Вернадского» на 2015–2024 годы устанавливает, что стратегической целью КФУ является использование ресурсов и научно-образовательного потенциала университета для формирования единой системы непрерывного образования, интегрированной в общероссийское научно-образовательное пространство и способной решать практические задачи развития региона в стратегическом партнерстве с органами власти регионального и федерального уровней, академическим сообществом и бизнес-сообществом.

Практическая реализация указанной цели осуществляется путем решения ряда задач, в том числе создания современного научно-исследовательского и инновационного комплекса, обеспечивающего международный уровень исследований и разработок для решения актуальных проблем развития региона, для решения которой планируется осуществление следующих мероприятий: интеграция научной и образовательной деятельности в рамках проведения исследований по приоритетным научным направлениям; создание конкурентоспособных научных лабораторий и центров, оснащенных современным оборудованием, по актуальным для университета темам в рамках приоритетных направлений исследований; формирование и развитие учебно-исследовательских центров, интегрированных с компаниями крупного бизнеса и ориентированных на целевую подготовку специалистов, создание и внедрение новых технологий в интересах крупных компаний; создание исследовательского комплекса, ориентированного на получение новых знаний и технологий, обеспечивающего их эффективное внедрение; формирование центров компетенций и экспертизы по направлениям, актуальным для устойчивого развития Республики Крым и г. Севастополя; развитие инновационной деятельности университета, в том числе в партнерстве с предприятиями и организациями реального сектора экономики. При этом реализация инновационных проектов и разработок по заказу организаций реального сектора экономики будет способствовать увеличению доходов университета от выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; коммерциализация результатов научно-технической деятельности.

Реализация вышеуказанных мероприятий окажет многоаспектное и системное влияние на развитие университета, социальной сферы и экономики Республики Крым, будет способствовать созданию различных предпосылок для укрепления социально-политической стабильности.

Таким образом, указанное свидетельствует, что Университет призван стать ядром инновационного научно-образовательного кластера, продолжить интеграцию образовательной и научной деятельности и бизнеса в Республике Крым, а также укрепить свои позиции в дальнейшем развитии технологической базы для исследований и внедрения современных технологий в производство и социальную сферу.

Подводя итог, отметим, что повышение роли университета в устойчивом социально-экономическом развитии региона за счет формирования эффективных организационно-экономических механизмов взаимодействия университета, органов власти, бизнес-структур и общественных организаций будет способствовать росту качества жизни населения, уровня профессиональной квалификации специалистов, инновационного и производственного потенциала региона.

Список литературы:

1. Степанов Ю.В. Современные формы реализации частно-государственного партнерства в образовании // Вестник евразийской науки. – 2012. – № 4 (13). –С. 56.

2. Савченко И.И., Сидорова Н.Г., Кочева Е.В., Матев Н.А. Государственно-частное партнерство в России: современное состояние и проблемы развития // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2015. 1 (73). – С. 99-112.
3. Стратегией в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной среды и государственного управления, утвержденная постановлением Совета министров Республики Крым от 20 августа 2021 № 487 Электронный ресурс. Режим доступа. - URL https://rk.gov.ru/ru/document/show/29907 (дата обращения 06.07.2022).
4. Коноплев В.В. Основные направления организационно-правового сопровождения государственного управления в сфере цифровой экономики в Российской Федерации // Материалы XIV Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения): в 4 ч. Том. Часть 2, 2018. С. 43-45.
5. Решение Симферопольского городского совета Республики Крым от 19.12.2017 №1462 «О стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым на период до 2030 года» Электронный ресурс. Режим доступа. - URL http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW509;n=33813#9vqStAT6mc8rQW18 (дата обращения 06.07.2022).
6. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 30.09.2016 №1217-р «Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») по внедрению в Республике Крым лучших практик Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации и целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности региона» Электронный ресурс. Режим доступа. URL https://minek.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minek/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php2bGm7u_rasp_1217-16_10092019.pdf (дата обращения 06.07.2022).

Konoplev V.V. The main activities of the authorities of the Republic of Crimea in the field of formation and development of the regional innovative scientific and educational cluster of the peninsula: questions of theory and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 50-55.

The article analyzes certain aspects of the implementation of public-private partnerships in education in the Republic of Crimea. It has been established that today on the territory of the peninsula this form of public-private partnership in education is mainly implemented, namely: institutional. The effectiveness of the development of this form will expand the scientific, technical and financial capabilities of the University, as one of the main elements of the scientific and educational cluster.

Key words: public-private partnership; Republic of Crimea; education; a cluster; scientific and educational cluster.

Spisok literaturyi:

1. Stepanov Yu. V. Sovremennyie formyi realizatsii chastno-gosudarstvennogo partnerstva v obrazovanii // Vestnik evraziyskoy nauki. – 2012. – # 4 (13). –S. 56.
2. Savchenko, I. I., Sidorova, N. G., Kocheva, E. V., & Matev, N. A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii: sovremennoe sostoyanie i problemyi razvitiya // Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie. – 2015. 1 (73). – S. 99-112.
3. Strategiey v oblasti tsifrovoy transformatsii otrasley ekonomiki, sotsialnoy sredyi i gosudarstvennogo upravleniya, utverzhdennaya postanovleniem Soveta ministrov Respubliki Kryim ot 20 avgusta 2021 # 487 Elektronnyiy resurs. Rezhim dostupa. - URL https://rk.gov.ru/ru/document/show/29907 (data obrascheniya 06.07.2022).
4. Konoplev V.V. Osnovnyie napravleniya organizatsionno-pravovogo soprovozhdeniya gosudarstvennogo upravleniya v sfere tsifrovoy ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii // Materialyi XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kutafinskie chteniya): v 4 ch. Tom. Chast 2, 2018. C. 43-45.
5. Reshenie Simferopolskogo gorodskogo soveta Respubliki Kryim ot 19.12. 2017 #1462 «O strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya gorodskoy okrug Simferopol Respubliki Kryim na period do 2030 goda» Elektronnyiy resurs. Rezhim dostupa. - URL http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW509;n=33813#9vqStAT6mc8rQW18 (data obrascheniya 06.07.2022).
6. Rasporyazhenie Soveta ministrov Respubliki Kryim ot 30.09.2016 #1217-r «Ob utverzhdenii Plana meropriyatiy («dorozhnoy kartyi») po vnedreniyu v Respublike Kryim luchshih praktik Natsionalnogo reytinga sostoyaniya investitsionnogo klimata v sub'ektah Rossiyskoy Federatsii i tselevyih modeley uproscheniya protsedur vedeniya biznesa i povyisheniya investitsionnoy privlekatelnosti regiona» Elektronnyiy resurs. Rezhim dostupa. - URL https://minek.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minek/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php2bGm7u_rasp_1217-16_10092019.pdf (data obrascheniya 06.07.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 56-67.

УДК 341.231.14:341.217

ПРАВО НА ДОСТУП К НАУЧНЫМ ЗНАНИЯМ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Пастухова Л. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Развитие искусственного интеллекта не оправдало ожиданий в отношении беспрепятственного распространения научной информации, поскольку право интеллектуальной собственности существенно влияет на этот процесс. Осуществление основных прав человека, обеспечивающих его физическое существование, во многом зависит от реализации человеком права на участие в научном прогрессе, объём которого существенно расширился за счет развития стандартов под эгидой международного сотрудничества в рамках ЮНЕСКО. Акты договорных органов ООН и ЮНЕСКО закрепили признание со стороны государств права на доступ к научным знаниям. Развитие концепции открытого доступа и открытой науки было вызвано, с одной стороны, развитием самой науки, с другой (негативной), существующими бизнес-моделями распространения научной информации и возрастанием неравенства и дискриминации в этой сфере. На данный момент внедрение концепции открытого доступа и науки происходит посредством деятельности неправительственных международных ассоциаций, а также в рамках ЕС. Существующие международные нормы (как договорные, так и рекомендательные) не могут четко установить соотношение права интеллектуальной собственности и права на участие в научном прогрессе и пользования его результатами, определив лишь тенденции превалирования интересов сохранения жизни и здоровья человека. Государство должно, кроме всего прочего, обеспечить необходимый баланс между необходимостью обеспечения национальных интересов и продвижением открытого доступа.

Ключевые слова: права человека, ЮНЕСКО, Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах 1966 г., право на участие в научном прогрессе и пользование его результатами, открытая наука.

Больше половины целей устойчивого развития, задекларированных ГА ООН в 2015 г. [1], могут быть достигнуты с помощью научного прогресса, эффективность которого неразрывно связана с реализацией соответствующих прав человека.

Закрепление в ст. 27 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. [2] обязательства государств по обеспечению и поощрению *права человека на участие в научном прогрессе* и *пользование* его благами, а также на *защиту авторских интересов*, являющихся результатом научных трудов, подтвердило всеобщее признание этих обязательств государствами, по крайней мере, на политическом уровне. Появление *договорной* формы выражения показало важность и необходимость юридического закрепления этого права человека. Так, ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее – МПЭСКП) «расширила» объём обязательств государств, включив, соответственно, уважение *свободы научных исследований* и ряд других обязательств (*охрану, развитие и распространение* достижений науки, *поощрение и развитие* международных контактов и сотрудничества в научной области), определив при этом *право человека на пользование* результатами научного прогресса [3].

В рамках межамериканской системы защиты прав человека действуют нормы, идентичные ст. 15 МПЭСКП [4]. Ст. 42 *Арабской Хартии прав человека* [5] отличается от универсального договора отсутствием регламентации необходимых обеспечительных средств. В ст. 13 *Хартии ЕС об основных правах* регламентируется ува-

жение *свободы научных исследований* от каких-либо ограничений [6]. *Декларация прав человека АСЕАН* закрепляет (в ст. 32, 33) признание государствами-участниками *права на пользование благами научного прогресса*, необходимости *защиты авторских прав* и обязательства *достигнуть полной реализации* указанных прав человека [7]. *Протокол по правам женщин в Африке* к *Африканской хартии прав человека и народов* (ч. 2. ст. 12) содержит обязательства по обеспечению женщин *научным образованием* [8]. Таким образом, в рамках существующих региональных систем защиты прав человека признаётся, в том или ином объёме, *право на участие и пользование благами научного прогресса*, право *автора на защиту возникающих в связи с этим интересов*, обязательство по *обеспечению международного сотрудничества в сфере развития науки*. Вопрос только в том, насколько изменилась ситуация, в которой «право пользоваться благами научно-технического прогресса «… находится на крайнем пределе спектра экономических, социальных и культурных прав» [9, с. 58]. Ведь, не смотря на значительный вклад международных органов и организаций в поощрение и развитие упомянутых прав, представители экспертного сообщества сходятся во мнении, что признание *науки* правом человека [10] так до конца и не завершилось.

Среди негативных факторов, обусловливающих недостаточное юридическое признание, называют отношение к этому праву исключительно как *инструменту доступа к материальным благам* (наука определяется как средство их достижения) и *отсутствие чёткого понимания механизма стимулирования* участия в научном прогрессе. Действительно, проблемы понимания природы и реализации *права на участие в научном прогрессе и пользование его результатами* часто поднимаются в работах представителей не только юридической науки, но и других гуманитарных, а также естественных наук [11], подтверждая признанную взаимосвязь права на участие в научном прогрессе с другими правами человека и различными сферами его жизнедеятельности. Необходимо признать, что указанные права и свободы все ещё остаются «неизвестной территорией», по сравнению с другими «классическими» правами человека [12, с. 575].

Часть исследователей и экспертов предлагают объединять эти права и свободы под общим термином «*право человека на науку*» [13] как показателем группового объекта отношений между индивидуумом и государством или между индивидуумами, вкладывая при этом в упомянутое понятие широкий контекст, отображенный, в частности, в рекомендациях ЮНЕСКО (например, *Рекомендация в отношении научной деятельности и научных работников (исследователей)* 2017 г. [14, с. 141–154]). Такую терминологию можно использовать для краткости обозначения, но в содержательном плане она ничего не изменяет.

В одной из недавних работ была выдвинута идея о выделении группы так называемых «*научных прав*» [9, с. 54], определяющих обязательства по уважению свободы научных исследований, авторских прав, права на работу, на объединения, развитию научных исследований и сотрудничества и т.п. Авторы подчёркивают тем самым, что субъектами «научных прав» являются, в первую очередь учёные, а «права на науку» – все индивидуумы.

Право на участие в научном прогрессе является одновременно и *отраслевым* принципом *права международного сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций* [15].

Было бы логичным, нормы, регламентирующие права и свободы человека в сфере научного прогресса (более полно содержащиеся в МПЭСКП 1966 г.), дифференцировать с точки зрения природы соответствующих им обязательств государств: *цели* (*пользование* индивидуумом результатами научного прогресса и их практическое применение, *участие* индивидуумов в этом прогрессе) достигаются с помощью *средств* (уважение *свободы научных исследований; защита интересов автора, охрана, развитие и распространение* достижений науки; *поощрение и развитие* международных контактов и сотрудничества в научной области). Оценка выполнения обязательств-целей осуществляется посредством оценки обязательств-средств, при этом каждое из этих обязательств, в свою очередь, состоит из позитивных и негативных элементов.

При определении содержательного наполнения обязательств государств необходимо понимать, что эти права (получившие признание со стороны международного сообщества в середине XX века), как и любые другие, представляют собой возможности, *необходимые индивидууму* для его *существования и развития* [16], и эволюционируют эти возможности в силу изменений в различных сферах жизнедеятельности человека. Исходя из абстрактности формулировок предписаний, закрепивших их содержание, затруднённости процесса изменения существующих международных договоров, особенно важным представляется *эволюционное* толкование таких норм со стороны, прежде всего, международных органов, которое должно опираться на необходимые возможности в сфере науки для *современного* человека. Анализ практики государств в этом случае, скорее, в части деятельности в рамках международных организаций [17], позволяет установить предел объёма *признания* соответствующих обязательств. Изучаемые нормы получили развитие при реализации целей международного сотрудничества в сфере образования, науки и культуры под эгидой ЮНЕСКО, которая ранее предложила проект ст. 15 [18, с. 1177] для рассмотрения Комиссией ООН по правам человека при разработке МПЭСКП 1966 г. Международная имплементация целей ЮНЕСКО обеспечивается, в том числе, с помощью её актов, положения которых [19] использовались Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) при подготовке *Замечания общего порядка № 25* (далее – Замечание) [20].

Предшествующая принятию Замечания работа экспертов [21][1], обмен мнениями с договорными сторонами (171 участник), свидетельствуют о том, что этот документ, по крайней мере для целей МПЭСКП, содержит *современное понимание* и отображает существующий консенсус сообщества государств *на универсальном уровне* в отношении путей достижения *удовлетворения потребностей* современного человека в *сфере научного прогресса* (Комитет не стал внедрять предложенный учёными и докладчиком термин «право на науку»).

В Замечании выделены *элементы права* [20, п. 15–20], а именно *наличие* (самого научного прогресса, охраны и распространения его результатов), *доступность*

[1] Были определены необходимые элементы обязательств: a) доступ к благам науки (результаты, а также научный прогресс, который включает в себя развитие критического мышления и способности заниматься научной деятельностью) для всех без дискриминации, b) обеспечение возможности для всех вносить вклад в научную деятельность в сочетании со свободой, необходимой для научных исследований; c) участие отдельных лиц и сообществ в принятии решений в отношении направлений этой деятельности; и d) благоприятная среда, способствующая сохранению, развитию и распространению науки и техники.

(научного прогресса и его результатов без *дискриминации*), *качество* (научных данных), *приемлемость* (как возможность применения в разных социокультурных контекстах), и *защита* свободы научных исследований. В соответствии с этими элементами определены необходимые *средства национально-правовой имплементации* [20, п. 85–89]: создание нормативного регулирования, защищающего от всех форм дискриминации; разработка национального плана по *продвижению* и *распространению* научного прогресса среди всех людей с учётом защиты от вводящей в заблуждение *псевдонауки*, а также обеспечения *этических* стандартов в науке; определение *критериев* для мониторинга реализации права пользоваться плодами научного прогресса на национальном уровне; а также создание судебных и административных механизмов, которые позволят жертвам нарушения этого права получить доступ к соответствующим средствам правовой защиты. Важно также и то, что в документе устанавливается [20, п. 58–62] *приоритетность обеспечения права на участие в научном прогрессе во взаимосвязи с правом на здоровье, питание и образование* по отношению к уважению права *интеллектуальной собственности*, тем самым подтверждая сформулированное ранее положение о том, что для обеспечения такого баланса «не следует создавать неоправданных преимуществ для частных интересов, а следует должным образом учитывать общественные интересы, заключающиеся в получении широкого доступа к новым знаниям» [22, п. 17].

Данное Комитетом толкование содержания права на участие в научном прогрессе подтверждает преобладание в структуре обязательств именно обязательств позитивного характера, требующих от государства комплекса мер. При этом не следует забывать, что на положения ст. 15 МПЭСКП распространяются концепции «*постепенной реализации*», «*максимума доступных ресурсов*» и «*минимальных основных обязательств*», отображённые в ст. 2 МПЭСКП. По убеждению Комитета, «на каждое государство-участник возлагается минимальное основное обязательство по обеспечению соблюдения, по крайней мере, минимальных основных уровней каждого из прав». Тем не менее «на государстве лежит бремя демонстрации того, что оно добивается ощутимого прогресса в деле полной реализации рассматриваемых прав» [23]. Очевидно, что определение эффективности внутригосударственной имплементации (органом международного контроля, физическими лицами, наконец) – задача не простая. Показатели обеспечения доступа к результатам (вакцины, интернет, лекарства, технологии и т.д.), соблюдения при этом недискриминации, выявить возможно. А вот как определить степень исполнения обязательств по таким элементам, как качество или же приемлемость? К тому же, перспективы достижения универсальных стандартов указанных прав человека в обозримом будущем, учитывая фактор различия уровней экономического и социального развития государств мира, весьма сомнительны.

Рассматривая такой элемент права на участие в научном прогресс, как *наличие,* хотелось бы обратить внимание на определённые Комитетом обязательства относительно поощрения *открытой науки* и публикации научных исследований в *открытых источниках* и доступности для общественности данных и результатов исследований, финансируемых государством. Эти обязательства требуют, кроме поддержки государством национального научного сообщества, также и тесного международного сотрудничества. При этом, в перечень минимальных «основных обязательств» [20, п. 52] они не вошли – в контексте открытости научных данных для выполнения

минимального объёма их обязательств государства фактически должны принять общий рамочный закон, а также разработать национальную стратегию по реализации, а именно охране, развитию и распространению достижений науки. В этом контексте особенно важным, в первую очередь, для занимающихся наукой индивидуумов является дальнейшее развитие положений, касающихся доступа к научным знаниям: *литературе и данным*. В исследовании, проведённом AAAS[2] на основе опросов представителей научного сообщества, открытый доступ к научной литературе и данным определялся в качестве наиболее важного из соответствующих обязательств государств [24, с. 7–8]. Как указано выше, на сегодня, соответствующие обязательства уже включены в Замечание № 25.

Вопросы доступности научных знаний рассматриваются уже не одно десятилетие как экспертным сообществом, так и ММПО [25] и МНПО[3]. Говоря о юридической науке, следует вспомнить и о движении в пользу признания *правовой информации* достоянием человечества и, соответственно, её открытости для общественности разных государств. Как известно, определённая часть правовой информации содержит и научные данные (подготовительные нормопроектные материалы, комментарии к законодательству и т. д.) и в этом аспекте она, как подчёркивает *Декларация о свободном доступе к праву* 2003 г. [26], должна быть общедоступной аналогично.

Развитие технологий передачи информации открыло новые возможности для исследователей со всего мира в контексте обмена опытом и результатами своих исследований. Свободный доступ способствует повышению научного и социального качества исследований и стипендий [27, с. 37], государства получают выгоду от того, что результаты финансируемых ими исследований способствуют возрастанию их общего как внешнеполитического, так и социально-культурного влияния в мире.

В Российской Федерации учёные должны ежегодно обеспечивать показатели публикационной активности в периодических изданиях, индексируемых в базах SCOPUS, Web of Science и т. д., не имея при этом, зачастую, финансовых возможностей оплатить публикацию. Кроме того, представляя исследование в таких базах, необходимо учитывать и научную разработку поднимаемой в исследовании проблематики со стороны зарубежных учёных. А каким образом можно иметь об этом представление, если доступ к большинству иностранных юридических журналов, к примеру, платный? Вот и получается, что сотрудники тех научно-исследовательских и образовательных учреждений, которые способны финансировать подписки на дорогостоящие зарубежные библиотечные системы, оказываются в неоспоримом преимуществе перед коллегами из тех учреждений, которые такими возможностями не обладают.

Концепция открытого доступа к научной литературе в качестве общественной инициативы получила закрепление в *Декларации Будапештская инициатива «Открытый доступ»* 2002 г. [28], *Заявление Бетесда о публикациях в открытом до-*

---

[2] Американская ассоциация продвижения науки (пер. с англ. «American Association for the Advancement of Science»).

[3] Постоянное повышение стоимости подписок на научные журналы либо цены за чтение (загрузку) определённых публикаций приводит к неравенству исследователей из стран с различным уровнем благосостояния, а также даже в пределах одного государства (профессор – студент), что в своё время и подтолкнуло общественность и международные организации к продвижению идеи открытого доступа к научным знаниям.

ступе 2003 г. [29], *Берлинской декларации об открытом доступе к знаниям в области естественных и гуманитарных наук* 2003 г. [30], где «*доступ*» определяется как *право на чтение, загрузку и печать, а также право на копирование, распространение, поиск, сканирование и получение*. Вопросы имплементации положений и прогресса в достижении поставленных целей *Берлинской декларации* (в том числе стратегии по замене существующей бизнес-модели подписки, лежащей в основе большинства современных научных журналов, прозрачными и устойчивыми моделями открытого доступа) обсуждаются на ежегодных *Конференциях по открытому доступу*, проводимых *Всемирным альянсом по открытому доступу*. Международный совет по науке (ICSU)[4] также разработал и активно продвигает ряд инициатив в этой области, определив в качестве принципов: всеобщий открытый доступ к своду научных знаний должен быть открыт как авторам, так и читателям; открытость лицензий научных публикаций, разрешающих повторное использование и интеллектуальный анализ текста и данных; сохранение свода научных знаний для обеспечения открытого доступа для будущих поколений [31].

Принятые в рамках ЮНЕСКО международные акты также содержат положения о необходимости «содействия открытому доступу к научной литературе» (например, п. 36 *Рекомендации в отношении научной деятельности и научных работников (исследователей)* 2017 г. гласит: «В целях развития науки как общественного блага государствам-членам следует поощрять и облегчать доступ к научным знаниям, в том числе свободный доступ» [14, с. 151]). В *Рекомендации в отношении открытой науки* 2021 г. в п. 6 [32, с. 7] дано определение «*открытой науки*», как конструкции, объединяющей различные компоненты (движения и практики), направленные на то, чтобы: 1) сделать многоязычные научные знания открытыми, доступными, а также пригодными для повторного использования для всех; 2) активизировать научное сотрудничество и обмен информацией на благо науки и общества; а также 3) открыть процессы создания, оценки и передачи научных знаний общественным деятелям за пределами традиционного научного сообщества. В п. 7 под «*открытыми научными знаниями*» понимается *открытый доступ* в том числе и *к научным публикациям* (рецензируемые журнальные статьи и книги, исследовательские отчёты и материалы конференций), которые предлагается издателям распространять на *платформах онлайн-публикаций с открытым доступом и/или депонировать и сразу же делать доступными в открытых онлайн-репозиториях после публикации* (п. 7 а) [32, с. 9]. На международном уровне сотрудничества Европейский Союз, к примеру, начиная с *Рекомендации Еврокомиссии о доступе к научной информации и о её сохранении* 2012 г. [33] внедряет политику открытого доступа через такие проекты, как «FP7» [34] и «Horizon Europe» [35].

На данный момент в рамках различных инициатив (как на уровне ЕС, так и на уровне международных общественных объединений) используются несколько моделей открытого доступа [36]: **а)** *самоархивирование* (также называемое *«зелёным» открытым доступом*) – опубликованная статья или окончательная рецензируемая рукопись архивируется (депонируется) автором или представителем в онлайн-репозиторий до, одновременно или после её публикации; **б)** *публикация в открытом доступе* (также называемая *«золотым» открытым доступом*) – статья сразу

[4]Российская академия наук является участником ICSU.

после публикации предоставляется в режиме открытого доступа (в такой модели оплата расходов на публикацию переносится с читателей (оплата через подписку) на автора, часто за счёт единовременной платы («платы за обработку статьи»); обычно плату вносит университет, научно-исследовательский институт или расходы покрывают за счёт субсидий и других моделей финансирования); **в)** «*бриллиантовый*» *открытый доступ* – журналы и платформы не взимают плату ни с авторов, ни с читателей (журналы *Diamond Open Access* представляют собой издательские инициативы, управляемые сообществом, а также возглавляемые академическими кругами или же принадлежащие им; по оценкам экспертов от 17 000 до 29 000 таких журналов по всему миру (по состоянию на конец 2021 г.) публикуют от 8 до 9% от общего числа статей и 45% от всех публикаций в открытом доступе [37, с. 3].

В Российской Федерации концепция открытой науки и *свободного доступа* реализуется через такие общественные проекты, как, к примеру, КиберЛенинка и деятельность Ассоциации «Открытая наука». Некоторое время назад ИНИОН и МГУ стали размещать свои журналы на этой платформе по открытой лицензии Creative Commons Attribution (CC BY). В связи с принятием Замечания № 25 и Рекомендации ЮНЕСКО 2021 г. в отношении открытой науки надеемся на разработку и внедрение внутригосударственной политики, направленной на реализацию положений указанных документов, к тому же государства проголосовали за обязательства по разработке качественных, а также количественных показателей контроля внедрения положений Рекомендации.

Таким образом, современное понимание содержания *права на участие в научном прогрессе и пользование результатами его благ* включает целый комплекс прав и свобод и, в том числе, должно исходить из наличия у индивидуумов права на доступ к научным знаниям (прежде всего, научной литературе и данным) и наличия у государства обязанности поощрять и обеспечивать такой доступ (прежде всего, по финансируемым государством исследованиям). Научные знания (как информация) являются ещё и объектом других прав, а значит и толковать право на свободу получения информации (ст. 19 МПГПП) необходимо с учётом научного характера такой информации. Соответственно, государство может ограничить открытый доступ к научным данным в целях, допустимых нормами современного международного права прав человека. Вследствие этого необходимо законодательно установить критерии пределов права на доступ к научным знаниям с учётом дискреционных полномочий государства в этом вопросе. С другой стороны, существующие международные обязательства в сфере права интеллектуальной собственности ставят под сомнение возможность получения бесплатного доступа к знаниям из частного сектора науки. На изменение существующих моделей опубликования результатов научной деятельности будут влиять: во-первых, социализация концепции открытого доступа; во-вторых, возрастание понимания зависимости между правом на доступ к научным знаниям, правом на пользование результатами научного прогресса, а также реализацией основных физических прав человека. Достижение целей открытого доступа будет постепенно обеспечиваться именно за счёт указанных обстоятельств, с минимальным участием возможного международного контроля ввиду его ограниченности периодическими докладами и рекомендациями.

Список литературы:

1.Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года/A/RES/70/1 [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/a/res/70/1 (дата обращения 22.03.2022).
2.Всеобщая декларация прав человека *Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.* [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (дата обращения 22.03.2022).
3.Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах *Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года.* [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения 22.03.2022).
4.Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights, «Protocol of San Salvador», O.A.S. Treaty Series No. 69 (1988), entered into force November 16, 1999 // Basic Documents Pertaining to Human Rights in the Inter-American System. OEA/Ser.L.V/II.82 doc.6 rev.1 at 67 (1992).
5.Arab Charter on Human Rights. ST/HR/]CHR/NONE/2004/40/Rev.1 [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://digitallibrary.un.org/record/551368. (дата обращения 22.03.2022)
6.Charter of Fundamental Rights of the European Union (2016/C 202/02) [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:FULL&from=EN. (дата обращения 22.03.2022)
7.ASEAN Human Rights Declaration [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://asean.org/asean-human-rights-declaration/. (дата обращения 22.03.2022).
8.Protocol to the African Charter on human and peoples' rights on the rights of women in Africa [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Women/WG/ProtocolontheRightsofWomen.pdf. (дата обращения 22.03.2022).
9.Human Germline Modification and the Right to Science: A Comparative Study of National Laws and Policies / ed. by *Boggio A., Romano C. P. R., Almqvist J.* Cambridge, UK; New York, USA: Cambridge University Press, 2020. XLIII, 636 p.
10. Science as a human right: the need of a unified concept [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://en.unesco.org/news/science-human-right-need-unified-concept (дата обращения 22.03.2022).
11. *Neimark B. D., Vermeylen S.* Pushing the Potential of a Human Right to Science: Precarious Labourers and Basic Rights in Conservation Science and Bioprospecting / Benjamin D. Neimark, Saskia Vermeylen [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.iss.nl/sites/corporate/files/20-ICAS_CP_Neimark_and_Vermeylen.pdf (дата обращения 22.03.2022).
12. The Universal Declaration on Human Rights: A Common Standard of Achievement / ed. by *G. Alfredsson, A. Eide*. Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 1999. XXXV, 782 p.
13. *Mancisidor M.* Is There Such a Thing as a Human Right to Science in International Law? / Mikel Mancisidor // ESIL Reflections. April 7, 2015. Vol. 4, is. 1 [Электронный ресурс] [Режим доступа]: http://www.esilsedi.eu/sites/default/files/Mancisidor%20Reflection%20%28Word%29.pdf (дата обращения 22.03.2022).
14. Акты Генеральной конференции. 39-я сессия (Париж, 30 октября – 14 ноября 2017 г.). Том 1: Резолюции. Париж: ЮНЕСКО (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры). VIII, 176 с.
15. *Шугуров М. В.* Международно признанное право человека и народов на участие в научно-технологическом прогрессе и использовании его результатов: проблемы эффективного осуществления // Право и образование. 2011. № 6. С. 92–104.
16. *Шмельова Г. Г.* Короткий російсько-український та українсько-російський термінологічний словник: Теорія держави і права / Галина Георгіївна Шмельова. Сімферополь: Таврія, 2005. 96 с.
17. Declaration on the Use of Scientific and Technological Progress in the Interests of Peace and for the Benefit of Mankind [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://digitallibrary.un.org/record/189603 (дата обращения 22.03.2022).
18. *Saul B., Kinley D., Mowbray J.* The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: Commentary, Cases and Materials / Ben Saul, David Kinley, Jacqueline Mowbray. 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. LXIII, 1292 p.
19. International Declaration on Human Genetic Data, adopted by the General Conference of UNESCO on 16 October 2003 [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000133171_rus.page=48 (дата обращения 22.03.2022).
20. UN Doc. E/C.12/GC/25; 30 April 2020. *Замечание общего порядка № 25 (2020) о науке и экономических, социальных и культурных правах (пункты 1 b), 2, 3 и 4 статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)*. 23 p.
21. *Shaheed F.* The Human Right to Science: new Directions for Human Rights in Science / Farida Shaheed, (Bern, 22 May 2015) [Электронный ресурс] [Режим доступа]:

https://www.ohchr.org/Documents/Issues/CulturalRights/Presentation_FShaheed_Bern_May2015.pdf (дата обращения 22.03.2022).
22. UN Doc. E/C.12/2001/15; 14 December 2001. Вопросы существа, возникающие в ходе осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Последующая деятельность после дня общей дискуссии по статье 15.1 c), понедельник, 26 ноября 2001 года. *Права человека и проблемы интеллектуальной собственности*. Заявление Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. 10 p.
23. Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights (Maastricht, January 22-26, 1997) [Электронный ресурс] [Режим доступа]: http://hrlibrary.umn.edu/instree/Maastrichtguidelines_.html (дата обращения 22.03.2022).
24. *Weigers Vitullo M., Wyndham J.* Defining the Right to Enjoy the Benefits of Scientific Progress and Its Applications: American Scientists' Perspectives / AAAS Science and Human Rights Coalition (Report prepared by Margaret Weigers Vitullo and Jessica Wyndham), October 2013. III, 27 p. DOI: 10.1126/srhrl.aaa0028 [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.aaas.org/sites/default/files/content_files/UNReportAAAS.pdf (дата обращения 22.03.2022).
25. OECD Doc. OECD/LEGAL/0347; 14 December 2006. Recommendation of the Council concerning Access to Research Data from Public Funding (revised on 20 January 2021). OECD, 2022. 14 p. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0347 (дата обращения 22.03.2022).
26. Declaration on Free Access to Law [Электронный ресурс] [Режим доступа]: http://www.worldlii.org/worldlii/declaration/ (дата обращения 22.03.2022).
27. *Willinsky J.* The Access Principle: The Case for Open Access to Research and Scholarship / John Willinsky. 1st ed. Digital Libraries and Electronic Publishing, 2005. 312 p.
28. Будапештская инициатива «Открытый доступ» 2002 г. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.budapestopenaccessinitiative.org/read/russian-translation/ (дата обращения 22.03.2022).
29. Bethesda Statement on Open Access Publishing [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.researchgate.net/publication/48547523_The_Bethesda_Statement_on_Open-Access_Publishing (дата обращения 22.03.2022).
30. Berlin Declaration on Open Access to Knowledge in the Sciences and Humanities / [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://openaccess.mpg.de/Berlin-Declaration (дата обращения 22.03.2022).
31. Opening the Record of Science: Making Scholarly Publishing Work for Science in the Digital Era. Paris, France: International Science Council, 2021. 88 p. http://doi.org/10.24948/2021.01 [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://council.science/wp-content/uploads/2020/06/2020-02-19-Opening-the-record-of-science.pdf (дата обращения 22.03.2022).
32. UNESCO Doc. SC-PCB-SPP/2021/OS/UROS. UNESCO Recommendation on Open Science. Paris, France: UNESCO, 2021. 36 p. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379949 (дата обращения 22.03.2022).
33. C(2012) 4890 final. Commission Recommendation of 17.7.2012 on access to and preservation of scientific information. Brussels, 17.7.2012 [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/C(2012)4890_0/de00000000627063?rendition=false (дата обращения 12.04.2022).
34. FP7 in Brief: How to get involved in the EU 7th Framework Programme for Research. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. 32 p. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.ehu.eus/documents/2458339/2849729/fp7-inbrief_en.pdf/84bd26a8-ab12-469a-8ed9-475917b36cd1?t=1411241328000 (дата обращения 12.04.2022).
35. Horizon Europe – Investing to Shape our Future. European Commission, 2021. 42 p. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/presentations/horizon_europe/ec_rtd_he-investing-to-shape-our-future.pdf (дата обращения 12.04.2022).
36. Background Note on Open Access to Scientific Publications and Open Research Data. Directorate-General for Research and Innovation (RTD). Brussels, April 2016 (update: July 2016). 15 p. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/documents/ec_rtd_background-note-open-access.pdf (дата обращения 22.03.2022).
37. *Ancion Z., Borrell-Damián L., Mounier* P., *Rooryck J., Saenen B.* Action Plan for Diamond Open Access / Zoé Ancion (French National Research Agency), Lidia Borrell-Damián (Science Europe), Pierre Mounier (OPERAS), Johan Rooryck (cOAlition S), Bregt Saenen (Science Europe). March 2022. DOI: 10.5281/zenodo.6282402 [Электронный ресурс] [Режим доступа]: https://www.scienceeurope.org/media/t3jgyo3u/202203-diamond-oa-action-plan.pdf (дата обращения 22.03.2022).

The Right to Access Scientific Knowledge: International Legal Regulation and Providing for It // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 56-67.

The development of AI has not lived up to expectations regarding the unhindered dissemination of scientific information, since intellectual property law significantly affects this process. The implementation of basic human rights that ensure his physical existence largely depends on the realization of the human right to participate in scientific progress, the scope of which has significantly expanded due to the development of standards under the auspices of international cooperation within the framework of UNESCO. Acts of UNESCO and of the United Nations treaty bodies secured the recognition by states of the right to access to scientific knowledge. The development of the concept of open access and open science was caused, on the one hand, by the development of science itself, and, on the other (negative), by the existing business models for the dissemination of scientific information and the increase in inequality and discrimination in this area. At the moment, the implementation of the concept of open access and science takes place through the activities of non-governmental international associations, as well as within the EU. Existing international norms, both contractual and recommendatory, cannot clearly establish the relationship between intellectual property rights and the right to participate in scientific progress and to use its results, having only determined the trends in the prevalence of the interests of preserving human life and health. The state must, among other things, ensure the necessary balance between the need to ensure national interests and the promotion of open access.

Key words: human rights, UNESCO, 1966 International Covenant on Social, Economic and Cultural Rights, right to participate in and benefit from scientific progress, open science.

Spisok literatury:

1. Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda/A/RES/70/1 [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/a/res/70/1 (data obrashcheniya 22.03.2022).
2. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka Prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 goda. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (data obrashcheniya 22.03.2022).
3. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskih, social'nyh i kul'turnyh pravah Prinyat rezolyuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (data obrashcheniya 22.03.2022).
4. Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights, «Protocol of San Salvador», O.A.S. Treaty Series No. 69 (1988), entered into force November 16, 1999 // Basic Documents Pertaining to Human Rights in the Inter-American System. OEA/Ser.L.V/II.82 doc.6 rev.1 at 67 (1992).
5. Arab Charter on Human Rights. ST/HR/]CHR/NONE/2004/40/Rev.1 [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://digitallibrary.un.org/record/551368. (data obrashcheniya 22.03.2022)
6. Charter of Fundamental Rights of the European Union (2016/C 202/02) [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:FULL&from=EN. (data obrashcheniya 22.03.2022)
7. ASEAN Human Rights Declaration [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://asean.org/asean-human-rights-declaration/. (data obrashcheniya 22.03.2022).
8. Protocol to the African Charter on human and peoples' rights on the rights of women in Africa [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Women/WG/ProtocolontheRightsofWomen.pdf. (data obrashcheniya 22.03.2022).
9. Human Germline Modification and the Right to Science: A Comparative Study of National Laws and Policies / ed. by Boggio A., Romano C. P. R., Almqvist J. Cambridge, UK; New York, USA: Cambridge University Press, 2020. XLIII, 636 p.
10. Science as a human right: the need of a unified concept [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://en.unesco.org/news/science-human-right-need-unified-concept (data obrashcheniya 22.03.2022).
11. Neimark B. D., Vermeylen S. Pushing the Potential of a Human Right to Science: Precarious Labourers and Basic Rights in Conservation Science and Bioprospecting / Benjamin D. Neimark, Saskia Vermeylen [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.iss.nl/sites/corporate/files/20-ICAS_CP_Neimark_and_Vermeylen.pdf (data obrashcheniya 22.03.2022).
12. The Universal Declaration on Human Rights: A Common Standard of Achievement / ed. by G. Alfredsson, A. Eide. Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 1999. XXXV, 782 p.
13. Mancisidor M. Is There Such a Thing as a Human Right to Science in International Law? / Mikel Mancisidor // ESIL Reflections. April 7, 2015. Vol. 4, is. 1 [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: http://www.esilsedi.eu/sites/default/files/Mancisidor%20Reflection%20%28Word%29.pdf (data obrashcheniya 22.03.2022).

14. Akty General'noj konferencii. 39-ya sessiya (Parizh, 30 oktyabrya – 14 noyabrya 2017 g.). Tom 1: Rezolyucii. Parizh: YUNESKO (Organizaciya Ob"edinyonnyh Nacij po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury). VIII, 176 s.
15. SHugurov M. V. Mezhdunarodno priznannoe pravo cheloveka i narodov na uchastie v nauchno-tekhnologicheskom progresse i ispol'zovanii ego rezul'tatov: problemy effektivnogo osushchestvleniya // Pravo i obrazovanie. 2011. № 6. S. 92–104.
16. SHmel'ova G. G. Korotkij rosijs'ko-ukraïns'kij ta ukraïns'ko-rosijs'kij terminologichnij slovnik: Teoriya derzhavi i prava / Galina Georgiïvna SHmel'ova. Simferopol': Tavriya, 2005. 96 s.
17. Declaration on the Use of Scientific and Technological Progress in the Interests of Peace and for the Benefit of Mankind [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://digitallibrary.un.org/record/189603 (data obrashcheniya 22.03.2022).
18. Saul B., Kinley D., Mowbray J. The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: Commentary, Cases and Materials / Ben Saul, David Kinley, Jacqueline Mowbray. 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. LXIII, 1292 p.
19. International Declaration on Human Genetic Data, adopted by the General Conference of UNESCO on 16 October 2003 [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000133171_rus.page=48 (data obrashcheniya 22.03.2022).
20. UN Doc. E/C.12/GC/25; 30 April 2020. Zamechanie obshchego poryadka № 25 (2020) o nauke i ekonomicheskih, social'nyh i kul'turnyh pravah (punkty 1 b), 2, 3 i 4 stat'i 15 Mezhdunarodnogo pakta ob ekonomicheskih, social'nyh i kul'turnyh pravah). 23 p.
21. Shaheed F. The Human Right to Science: new Directions for Human Rights in Science / Farida Shaheed, (Bern, 22 May 2015) [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/CulturalRights/Presentation_FShaheed_Bern_May2015.pdf (data obrashcheniya 22.03.2022).
22. UN Doc. E/C.12/2001/15; 14 December 2001. Voprosy sushchestva, voznikayushchie v hode osushchestvleniya Mezhdunarodnogo pakta ob ekonomicheskih, social'nyh i kul'turnyh pravah. Posleduyushchaya deyatel'nost' posle dnya obshchej diskussii po stat'e 15.1 s), ponedel'nik, 26 noyabrya 2001 goda. Prava cheloveka i problemy intellektual'noj sobstvennosti. Zayavlenie Komiteta po ekonomicheskim, social'nym i kul'turnym pravam. 10 p.
23. Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights (Maastricht, January 22-26, 1997) [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: http://hrlibrary.umn.edu/instree/Maastrichtguidelines_.html (data obrashcheniya 22.03.2022).
24. Weigers Vitullo M., Wyndham J. Defining the Right to Enjoy the Benefits of Scientific Progress and Its Applications: American Scientists' Perspectives / AAAS Science and Human Rights Coalition (Report prepared by Margaret Weigers Vitullo and Jessica Wyndham), October 2013. III, 27 p. DOI: 10.1126/srhrl.aaa0028 [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.aaas.org/sites/default/files/content_files/UNReportAAAS.pdf (data obrashcheniya 22.03.2022).
25. OECD Doc. OECD/LEGAL/0347; 14 December 2006. Recommendation of the Council concerning Access to Research Data from Public Funding (revised on 20 January 2021). OECD, 2022. 14 p. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0347 (data obrashcheniya 22.03.2022).
26. Declaration on Free Access to Law [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: http://www.worldlii.org/worldlii/declaration/ (data obrashcheniya 22.03.2022).
27. Willinsky J. The Access Principle: The Case for Open Access to Research and Scholarship / John Willinsky. 1st ed. Digital Libraries and Electronic Publishing, 2005. 312 p.
28. Budapeshtskaya iniciativa «Otkrytyj dostup» 2002 g. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.budapestopenaccessinitiative.org/read/russian-translation/ (data obrashcheniya 22.03.2022).
29. Bethesda Statement on Open Access Publishing [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.researchgate.net/publication/48547523_The_Bethesda_Statement_on_Open-Access_Publishing (data obrashcheniya 22.03.2022).
30. Berlin Declaration on Open Access to Knowledge in the Sciences and Humanities / [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://openaccess.mpg.de/Berlin-Declaration (data obrashcheniya 22.03.2022).
31. Opening the Record of Science: Making Scholarly Publishing Work for Science in the Digital Era. Paris, France: International Science Council, 2021. 88 p. http://doi.org/10.24948/2021.01 [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://council.science/wp-content/uploads/2020/06/2020-02-19-Opening-the-record-of-science.pdf (data obrashcheniya 22.03.2022).
32. UNESCO Doc. SC-PCB-SPP/2021/OS/UROS. UNESCO Recommendation on Open Science. Paris, France: UNESCO, 2021. 36 p. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379949 (data obrashcheniya 22.03.2022).

33. C(2012) 4890 final. Commission Recommendation of 17.7.2012 on access to and preservation of scientific information. Brussels, 17.7.2012 [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/C(2012)4890_0/de00000000627063?rendition=false (data obrashcheniya 12.04.2022).
34. FP7 in Brief: How to get involved in the EU 7th Framework Programme for Research. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. 32 p. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.ehu.eus/documents/2458339/2849729/fp7-inbrief_en.pdf/84bd26a8-ab12-469a-8ed9-475917b36cd1?t=1411241328000 (data obrashcheniya 12.04.2022).
35. Horizon Europe – Investing to Shape our Future. European Commission, 2021. 42 p. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/presentations/horizon_europe/ec_rtd_he-investing-to-shape-our-future.pdf (data obrashcheniya 12.04.2022).
36. Background Note on Open Access to Scientific Publications and Open Research Data. Directorate-General for Research and Innovation (RTD). Brussels, April 2016 (update: July 2016). 15 p. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/documents/ec_rtd_background-note-open-access.pdf (data obrashcheniya 22.03.2022).
37. Ancion Z., Borrell-Damián L., Mounier P., Rooryck J., Saenen B. Action Plan for Diamond Open Access / Zoé Ancion (French National Research Agency), Lidia Borrell-Damián (Science Europe), Pierre Mounier (OPERAS), Johan Rooryck (cOAlition S), Bregt Saenen (Science Europe). March 2022. DOI: 10.5281/zenodo.6282402 [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: https://www.scienceeurope.org/media/t3jgyo3u/202203-diamond-oa-action-plan.pdf (data obrashcheniya 22.03.2022).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 68-82.

УДК 340

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С «ОПАСНЫМИ И ПРИЛИПЧИВЫМИ» БОЛЕЗНЯМИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА[1]

Петрищева Н. С.

Юго-Западный государственный университет

Статья посвящена исследованию нормативных правовых актов, устанавливающих систему противоэпидемических мероприятий в Российской империи в первой половине XVIII века. Анализируются указы и документы делопроизводства, содержащиеся в журналах и определениях Правительствующего Сената и позволяющие представить комплексный характер разрешения проблемы сохранения эпидемиологического благополучия государства законодателем. Рассматриваются общие тенденции государственно-правовой политики, направленные на предупреждение и борьбу с «заразительными» болезнями, в том числе путем введения уголовной ответственности вплоть до смертной казни за нарушения карантинных предписаний.

Ключевые слова: эпидемия, санитарные нормы, противоэпидемические мероприятия, моровой поветрие, моровая язва, чума.

Мировая история хранит множество свидетельств о страшных эпидемиях, сотрясавших человечество в различные периоды и их губительных последствиях. Первые достоверные упоминания о возникновении «заразительных» болезней в Древнерусском государстве содержатся еще в летописных источниках XI века. Вместе с тем, появление любой угрозы для национальной безопасности государства стимулирует совершенствование механизма государственно-правового противодействия. По мере распространения инфекционных болезней и накопления знаний об их контагиозности возникали и первые противоэпидемические мероприятия (захоронение трупов в специально отведённых местах, выставление застав, опечатывание «зараженных» домов, окуривание жилища и одежды можжевельником и т.п.). В результате, к началу XVIII в. накопился значительный нормативный опыт и сформировалась практика применения санитарных мер по предупреждению инфекционных болезней.

В 1704 г. в Россию пришло известие о появлении чумы в Константинополе, откуда она стремительно переместилась в Польшу, а уже в феврале 1705 г. стали поступать сообщения о проникновении «заразы» во Львов и Волынь. После Полтавской битвы чума была перенесена шведскими войсками в Скандинавские страны, свирепствовала в Германии, Прибалтике и вскоре перекинулась на уезды Псковской и Новгородской губерний. По свидетельству доктора медицины Николая Куприянова меры предпринятые Петром I были достойны похвалы «… встретив заразу со своими войсками на полькой границе царь тотчас отдал приказ посадить войска на суда в Мариенбурге и отправить их в Ревель, где отделялась дивизия от дивизии на несколько миль и рота на версту от роты, места, зараженные поветрием окружить

[1] Данная Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851—2020—0033).

заставами и лишить всякого сообщения с другими, а дома в которых вымирали сжигать со всем что в них находилось» [1,12].

Несмотря на то, что Российская империя имела практический опыт борьбы с «опасными и прилипчивыми болезнями», всякий раз появление новой «заразы» требовало от правительства стремительной мобилизации всех ресурсов. Так, 7 июля 1710 г. был опубликован сенатский указ «Об учреждении по дорогам застав для предохранения от морового поветрия»[2]. На основании данного указа вводились следующие ограничения: на всех путях, идущих от Черкасских городов выставлялись военные заставы, запрещалось пропускать всех следующих в Калугу и прочие города Московской области, устанавливалась уголовная ответственность с наказанием вплоть до смертной казни через повешенье, всем кто попытается обойти заставы и тем, кто «худо будет смотреть и пропустит». Вслед за ним 17 сентября 1710 г. вышел указ «Об осторожности от морового поветрия, оказавшегося в Торжке и Хотиловском яме и о не пропуске без пашпартов проезжающих людей» [3]. Под страхом смертной казни указ запрещал пропускать в Новгород, Тверь и Москву всех лиц, следующих из «зараженных» мест.

Стремясь предотвратить перенос инфекции почтовой службой 29 сентября 1710 г. Ямскому приказу направлено распоряжение «О приеме на заставах во время заразительной болезни писем издали и о держании оных на ветру и окуривании можжевельником» [4]. Документ вводил особый порядок приема и санитарной обработки почтовых писем: их следовало получать на безопасном расстоянии, распечатывать, два-три часа проветривать, окуривать можжевельником, запечатывать и только после переправлять далее. Для объезда «зараженных» территорий перестраивалось сообщение между Петербургом и Москвой через Ладогу, Тихвин, Устюжну, Железопольскую и Кашин. В этой связи 17 ноября 1710 г. стольнику Матвею Головину отправлено постановление «О выдачи по учрежденному от Санкт-Петербурга до Москвы тракту через Ладогу и прочие города по подорожным подводам одним курьерам» [5]. При этом почтовые лошади и подводы предоставлялись только курьерам, доставляющим «государевы письма», всем прочим выдача подорожных запрещалась. Таким образом, правительство пыталось предотвратить повсеместное распространение инфекции, ограничивая работу почтовой службы доставкой исключительно государственной корреспонденции.

Однако, несмотря на все предпринятые меры, заглушить эпидемию не удалось. Она продолжала бушевать на Украине. Поэтому, 27 августа 1711 г. Сенат своим указом постановил учредить в городах Киевской губернии заставы, по случаю продолжающейся в Чернигове «моровой язвы», приостановив любое перемещение между Россией и Малороссией [6]. Дальнейшее развитие инфекции вынудило законодателя опубликовать 17 октября 1711 г. указ «Об учреждении в Киевской губернии застав по случаю оказавшейся в городе Нежине моровой язвы» [7]. В соответствии с указом вокруг Нежина выставлялись заставы с караулами, запрещались все въезды и выезды из города, начальникам Смоленской, Азовской, Московской губерний предписывалось строго следить, чтобы никто из «моровых мест» в их губернии допущен не был.

Этим же указом объявлялось «моровое поветрие» в армии, поэтому всем офицерам и прочим воинским чинам, ехавшим из армии в Москву или иные местности,

надлежало являться с подорожными грамотами к Киевскому губернатору, т.е. без его письменного дозволения пределы губернии не покидать, за нарушение обозначенных требований вводилось наказание по артикулу военному «…чего достойны будут».

Очередное сообщение о вспышке чумы в Константинополе поступило в Россию в 1712 г. от русского посла. И вновь, Сенат отреагировал стремительно, постановив учредить заставы в Киевской губернии [8]. Подтверждая правила, введенные предыдущими указами, Киевскому губернатору Дмитрию Михайловичу Голицыну предписывалось немедленно задержать российского посла Петра Толстого выбывшего из турецкой столицы. Его следовало изолировать в Киеве до особого распоряжения. Впрочем, подобные карантинные меры распространялись на всех лиц, прибывающих из Османской империи.

В 1718 г. проявления чумы были зафиксированы в Старооскольской и Белгородской провинциях. Сенатским указом от 24 октября 1718 г. в провинции из аптекарского приказа направлялись лекари для освидетельствования признаков «моровой язвы» на людях, далее документ содержал традиционное требование об устроении крепких застав на дорогах и установлении на тех же дорогах виселиц для публичного устрашения нарушителей [9].

Тем не менее «моровая язва» проникла на территорию Азовской и Киевской губерний. С подробной инструкцией в губернии был командирован капитан гвардии Горохов. В его задачу входило донесение до местных властей царского распоряжения об организации застав от Днепра до Дона, запрете любого прохода или проезда минуя заставы под страхом смертной казни. Предписывалось дома умерших со всем имуществом и скотом сжечь, курьеров, следующих из «зараженных» мест, останавливать на заставах, письма принимать через огонь, трижды переписывать и только третью копию направлять адресату, а оригинал оставлять на заставе [10]. В этот раз своевременно предпринятые меры позволили не допустить широкого распространения эпидемии, за пределы Киевской и Азовской губерний она не вышла.

1720 год вошел в историю мировых эпидемий как год «Марсельской бубонной чумы». Она свирепствовала на юге Франции и вызвала настоящее смятение в Европе. В ответ на сообщения о появлении «прилипчивой болезни» Петр I распорядился: во-первых, пропускать все корабли, идущие из Франции в Ригу, Ревель, Архангельск в пристани, только при наличии специального разрешения-паспорта, выданного российский послом в Париже, во-вторых, генерал-губернаторам, губернаторам, вице-губернаторам, воеводам пограничных городов направить инструкцию «О мерах и распоряжениях для недопущения из-за границы морового поветрия» [11]. В соответствии с Инструкцией всех въезжающих из моровых мест следовало останавливать на таможенных постах и держать на карантине не менее шести недель, подробно расспрашивать об эпидемии, письма «принимать через огонь». В случае проявления признаков моровой болезни в селении, немедленно прерывать с ним всякую коммуникацию, «зараженные» дома сжигать со всем имуществом, людей выводить в пустынные места.

В результате предпринятых мер в тот год «чумная язва» Россию обошла. Во всяком случае, в соответствии с указом от 10 марта 1720 г. «О возобновлении ярмарки в городе Риге и учреждении оной по-прежнему» [12] снимались запреты на проведение ярморочных торгов, а в апреле 1720 г. указом «О снятии застав, где была мо-

ровая язва и о предостерегательных средствах против оной, если где впредь откроется» [13] воеводе Шацкой провинции Ляпунову наказывалось в Великороссийских и Малороссийских городах и Слободских полках заставы убрать и объявить населению о свободе перемещения.

В 1722 г. был принят знаменитый Морской регламент Петра Великого [14], в котором подробно определялся порядок действий в случае прибытия в российские порты кораблей из мест где зафиксировано «моровое поветрие». В соответствии с Морским регламентом офицеру на брандвахте (дежурный корабль у входа в гавань) надлежало немедленно задержать судно, доложив главному командиру порта. Далее на корабль отправлялись доктор и офицеры для осмотра людей и установления точного временного промежутка с момента предположительного прохождения корабля через опасные зоны. Если на людях обнаруживались признаки чумы, корабль отсылали обратно в море. Когда это не представлялось возможным, в силу технических повреждений судна, корабль сжигали, людей обязательно купали в море, переодевали в чистое платье и отправляли на отдаленные острова. При этом документ требовал «…кормить их как своих». После полного излечения, людей еще шесть недель держали на карантине. Особенно пристально предписывалось в Регламенте осматривать купеческие корабли, прибывающие из Франции и иных мест, где свирепствует «зараза».

Тот факт, что, российское правительство внимательно следило за эпидемической обстановкой в соседних государствах и при малейшей угрозе проникновения чумы на территорию империи вводило карантинные ограничения подтверждает направленная в 1725 г. Инструкция генерал-майору Г.П. Чернышеву об управлении Азовской губернией. Губернатору вменялось в обязанность: «...поведывать накрепко о за поветрии пограничных государств, и уведав о том, учинить в той губернии своей в пристойных местах немедленно заставы крепкие, и поступать как о том указы повелевают» [15]. Подобные инструкции получали губернаторы всех приграничных территорий.

Еще одним нормативным актом, содержащим санитарно-эпидемические нормы, стала Инструкция Московской полицмейстерской канцелярии [16]. Пункт 39 Инструкции требовал от всех жителей города в случае появления в их домах заболевших «моровой язвой» или иной прилипчивой болезнью немедленно сообщать в полицмейстерскую канцелярию. За утаивание сведений о заболевших вводились штрафные санкции.

В 1726 г. эпидемия чумы снова разразилась в Константинополе, в связи с чем в октябре 1726 г. Верховный тайный совет направил Сенату Указ «О не пропуске никого из-за границы через Днепр в Киев без выдерживания карантина по случаю распространившегося в Царьграде поветрия». Указ содержал стандартные требования – не пропускать через заставы приезжих из моровых мест без выдерживания «обыкновенного» карантина» [17].

Однако в 1727 г. чума снова проникла на территорию России и появилась в Астрахани. Интерес представляет система предохранительных мер, против распространения эпидемии, введенная астраханским губернатором Иваном Алексеевичем фон Менгденом. Сначала Астрахань была окружена крепкими заставами, заразившихся людей выводили в поле вместе со священниками для совершения над ними христи-

анских обрядов и предупреждения разноса инфекции духовными лицами, «зараженные дома» со всем имуществом сжигали. Но в июне 1728 г. в самый разгар эпидемии губернатор распорядился выслать всех жителей Астрахани на поля, бугры и ватаги. До наступления осени они жили в шалашах, для заболевших шалаши возводились на расстоянии не менее версты от лагеря. Любая попытка прямого контакта с заразившимися каралась смертной казнью [18]. По сообщениям Н.К. Щепотьева, ординатора астраханского военного госпиталя эпидемия нанесла огромный урон Астраханской губернии, погибло более половины всех жителей. В итоге комплекс карантинных ограничений позволил не выпустить эпидемию за пределы губернии.

Накопленный законодательный опыт борьбы с эпидемиями первой четверти XVIII в. был обобщен и систематизирован в опубликованном 12 сентября 1728 г. императорском «Наказе губернаторам, воеводам и их товарищам» [19]. Параграф 38 Наказа «Еже ли где явится моровая язва» содержал исчерпывающий перечень установленных законодателем противоэпидемических мероприятий. Во-первых, при проявления первых признаков «заразного» заболевания в любой местности, после проведения освидетельствования докторами или лекарями немедленно доносить об этом в Сенат. Вокруг «заповетренных» селений и городов выставлять крепкие заставы, запрещая любой проход и проезд. Во-вторых, губернаторам и воеводам губерний и провинций, граничащих с «зараженными» территориями, надлежало устанавливать крепкие заставы и перекрывать все въезды в свои губернии из «моровых мест». В-третьих, людей из «зараженных» домов выводить в пустынные места и огораживать завалами леса, пищу и питье оставлять на безопасном расстоянии, не допуская контактов. В-четвертых, дома со всем имуществом скотом и лошадьми, где это было возможно без ущерба соседним строениям сжигать или не допускать в них проникновения. В-пятых, всех приезжающих из «моровых мест» на заставах помещать на шестинедельный карантин, письма и бумаги принимать через огонь, трижды переписывать, и только последнюю копию направлять адресату. Уголовная ответственность в форме смертной казни распространялась на всех, кто попытается обойти заставы, кроме представителей дворянского сословия, последних необходимо было держать под крепкими караулами до особого указания Сената. Исключение, установленное для дворянства представляется вполне закономерным, сословный характер уголовной ответственности являлся неотъемлемым атрибутом законодательства России XVIII века.

В исследуемый период сообщения о «заразительных болезнях» постоянно поступали в Петербург с разных частей Российской империи. Как показывает анализ журнала определений Правительствующего Сената в 1732 г. рассматривались донесения: от лейб-гвардии Преображенского полка поручика Петра Салтыкова о том, что в его вотчине Новосельской волости Вяземского уезда «…крестьяне по всем деревням все лежат и много мрут, на день человек по пяти» [20, с. 2]; из Устюжского уезда о приключившихся в тамошних краях болезнях «…во всех волостях чад ходит и в каждом доме не без болеющего» [20, с. 4]; от статского советника и Казанской губернии губернатора графа Мусина-Пушкина о том, что на одном драгуне появилась язва по осмотру лекаря «болезнь опасная» [20, с. 7]. Следует отметить, что ни одно из обращений не осталось без проверки. В указанные волости в обязательном порядке направлялись уполномоченные должностные лица, и лекари для точного освидетельствования болезни с предписаниями действовать в соответствии

с параграфом 38 Наказа губернаторам, воеводам и их товарищам. Не одно из указанных сообщений не подтвердилось.

Новые тревожные сообщения о распространении чумы на юге Российской империи поступили в Петербург в 1738 г. от командующего войсками Б.К. Миниха. Чума была зафиксирована в Очакове, Кинбурне, Запорожской Сечи. Кабинет министров отреагировал целой серией именных указов, направленных командующим полками о принятии всех мер предосторожности против распространения «опасной и прилипчивой» болезни, при этом по мере нарастания эпидемии изменялась тональность правительствующих указов от методов убеждения к методам угрозы и принуждения.

В частности, в Указе лейб-гвардии майору Гамфу от 10 июля 1738 г. правительство ограничилось требованием введения традиционных карантинных мер для локализации распространения инфекции пределами Очакова [21, с. 52-53]. Указ лейб-гвардии Измайловского полка майору Шипову от 26 июля 1738 г. уже напротив обнаруживает открытое беспокойство и негодование министров о ненадлежащем исполнении предписаний, следствием которых стало проникновение эпидемии на территорию Российской империи. Документ составлен на основе поступивших в Сенат донесений о вспышках чумы в Белгородской провинции и рапорта полкового лекаря Едигея в медицинскую канцелярию, обнаружившего признаки заболевания чумой в слободских полках Св. Луки, Сенков, Купенк [21, с. 86-87].

В Указе от 30 июля 1738 г. тому же майору лейб-гвардии Шипову в ответ на его сообщение о случаях заболевания опасной болезнью не только в Изюмском, но и Харьковском полках приводится общий перечень предупредительных мер. А именно, закрыть зараженные местности, отделить здоровых от больных, никого не выпускать, народу в «тамошних местах» в профилактических целях давать пить по ложке жидкого дегтю, скотину запереть, на всех дорогах караулы выставить, ответственность за неисполнение установленных требований целиком возложить на командиров полков [21, с. 101-102].

Не могли не отразиться в законодательстве опасения правительства по поводу столь стремительного распространении «прилипчивой» болезни и ее возможного проникновения в столицу. 26 июля 1738 г. опубликован Сенатский указ «О мерах по искоренению свирепствующей в Белгороде дикой болезни» [22]. В Белгородскую провинцию направлялись действительный статский советник Алексей Баскаков, доктор от Медицинской канцелярии и лекарь с медикаментами. На Баскакова возлагалась задача установления строжайшего надзора за возведением крепких застав с надежными офицерами и составление регулярных рапортов в Сенат о развитии эпидемической обстановки. Советник наделялся абсолютными полномочиями по наведению порядка на заставах, его распоряжения объявлялись обязательными для всех губернаторов, вице-губернаторов, провинциальных и городовых воевод под угрозой «жесточайшего взыскания» в случае неисполнения. Однако, в условиях острого дефицита медицинских кадров, вместо доктора от медицинской канцелярии в провинцию был направлен только лекарь Бекман.

Спустя месяц, правительство явно обеспокоенное ситуацией на юге России где «…людей померло немало» издает новый указ «О мерах по искоренению свирепствующей около Белгорода прилипчивой болезни» [22]. В документе, несмотря на

признание проблемы недостатка служилых кадров для дежурства на «редких» заставах, отчетливо звучит требование во чтобы то не стало обеспечить тотальный контроль за перемещением населения: «…опасные места, где возможно, завалить лесом, а где лесов нет или весьма мало, в тех местах окопать землей … и накрепко денно и ночно смотреть дабы никто из тех опасных мест и через оные отнюдь проехать и никак прокрасться не могли». «Малолюдство» на заставах предписывалось решить за счет привлечения солдат Белгородского и Киевского гарнизонов, отставных и крестьянских людей. Но особенно тщательно законодатель подходит к вопросу обеспечения безопасности при передаче почтовой корреспонденции. Данный акт содержит подробную инструкцию по организации почтовых станов, требуя учредить две заставы, не доезжая Белгорода и после него, содержать на них «потребное» число надежных курьеров, копиистов и писцов. На каждой заставе следовало трижды переписывать письма и менять курьеров, и только последнюю (шестую) копию письма с новым курьером отправлять в Санкт-Петербург.

Озадаченность кабинета министров развитием эпидситуации на юге страны обнаруживается в Указах ген.-кригс-комиссару кн. Трубецкому «О неполучении от него «к немалому удивлению» никаких известий о бывших в Очакове и в тех сторонах болезнях» [21, с. 132-133] и Указе от 20 августа 1738 г. майору лейб-гвардии Шипову [21, с. 156-157] об отсутствии рапортов по ситуации на Украине и в слободских полках. Причем, если от кн. Трубецкого кабинет министров требует впредь еженедельных отчетов, то в указе майору Шипову акцентируется внимание на «безбожном и безответственном» отношении командиров, пропускающих людей из «зараженных» местностей. Таких командиров Указ именует не иначе как «государевы злодеи», что свидетельствует о причисление такого рода составов к особо тяжким государственным преступлениям. В тоже время в поисках альтернативных методов борьбы с эпидемиями правительство сулит вознаграждение майору в случае успешного преодоления болезни.

Следующий Указ направленный министрами 12 сентября 1738 г. майору Шипову «О получении от него к великому прискорбию, известия о распространении опасной и прилипчивой болезни сверх прежних в Украине мест, на Гадяцкий полк и другие места, об одобрении принятых им мер предосторожности и о принятии их впредь, согласно с предписаниями, изложенными в указе, послать в малороссийские и слободские полки строгие и под смертной казнью ордеры об осмотре всех жителей и пр.» [21, с. 227-230] подтверждает введенные ранее карантинные ограничения и требует полностью заблокировать село Княжичи. Понимая, что зачастую население опасаясь остаться без крова и нажитого имущества утаивало сведения о возможных контактах с заболевшими, данный указ в целях усиления безопасности предписывает почтовые станы от Севска до Киева перенести на безопасное расстояние, для отправки сообщений в Москву дополнительно поставить заставы: не доезжая Белого города и после него, а также близ Севска, на заставах менять курьеров, все бумаги обрабатывать уксусом. Более того, полковникам, сотским и прочим старшинам слободских полков в городах, селах, деревнях, местечках обследовать «всех наличных обывателей» и выяснить не было ли с марта месяца пришлых людей с низу Днепра, Запорожской Сечи, из слободских и малороссийских полков, Курского уезда Белгородской провинции и, если таковые будут обнаружены немедленно изолировать вместе с домочадцами. При этом, законодатель обращает внимание на отсутствие

надзора за исполнением государственных указов и постановляет всякого «дерзнувшего нарушить карантинные ограничения приговаривать к расстрелу».

К данному Указу прилагалась копия письма полкового лекаря Эдигея о состоянии «проветривающей» в Изюме болезни [21, с. 231-232]. По мнению лекаря, главная вина в размножении «заразы» состоит в «худых учреждениях города», своевременно не принявших меры по выявлению и изоляции заболевших лиц. В результате обстановка достигла критического предела, в городе не осталось людей не только способных ухаживать за больными, но и захоронить умерших. Кроме того, усугубляла ситуацию беспечность самих жителей, перебирающихся в «заражённые дома» после смерти их хозяев. Эдигей сообщает, что еженедельно подавал рапорты о текущем состоянии болезни в Медицинскую и Изюмскую канцелярии, а также генеральному штаб-доктору Шрейберу, однако не по одному из них не получил ответа.

Безусловно, в условиях отсутствия должного надзора за соблюдением карантинных предписаний, слабого уровня медицинских знаний и острого дефицита медицинских кадров: «….я нахожусь здесь один, с подлекарем Корнелиусом…, а из ротных фельдшеров при здешней всей команде обретаются токмо два человека и те больны…» [21, с. 232], подавить эпидемию в короткие сроки вряд ли представлялось возможным.

Между тем, обращают на себя внимание попытки законодателя предупредить даже отдельные случаи перемещения потенциальных носителей вирусной инфекции. Так, в Указе министров от 21 сентября 1738 г. «О мерах предосторожности от опасных болезней, появившихся в некоторых местах об устройстве картина в заражённых местностях с сожжением домов, об убиении и сожжении с рассуждения «докторского» скота в случае появления заразы среди него» [21, с. 251-252] содержится предписание разыскать выехавшего в Москву из местечка Лютенки майора Юрия Еропкина и его родных, разъехавшихся по другим местностям. При обнаружении указанных лиц правительство требовало их немедленной изоляции.

К октябрю 1738 г. вспышки чумы продолжали фиксировать на юге России, на что указывают очередные Указы кабинета министров «О порядке осмотра курьеров, приезжающих из Украины, из мест в коих явилась язвительная прилипчивая болезнь с подтверждением прежних указов о принятии мер предосторожности против распространения указанных болезней» [21, 303-304] и «Об усмотрении с прискорбием из доношения Шипова о появлении в многочисленных новых местах опасной болезни в следствии весьма оплошного смотрения и предостережения со стороны властей, с подтверждением прежних указов о приятии всех мер предосторожности против распространения означенной болезни и с повелением иметь постоянное сношение по сему делу с ген-фельдмаршалами гр. Ф. Минихом и ф. Леси, войска коих пребывают в Украине» [21, с. 322-323].

Как видим, из документов опасная болезнь продолжала проявляться в новых местах, при этом фигурировали конкретные разносчики заразы «…на одном пришедшем с Днепровских порогов и еще … от прихожего тамошнего жителя из Бахмутской провинции». Ответственность за распространение болезни целиком возлагалась на командиров слободских полков, проигнорировавших в очередной раз императорские указы и допустивших проникновение заразы в Белгородскую провинцию.

Таким образом, имея возможность установить нулевого пациента, бездеятельность властей допускала развитие эпидемии.

Несмотря на все требования Кабинета о своевременном оповещении командующих войсками гр. ф. Миниха и гр. ф. Лесси о случаях чумы в конкретных местностях, сообщения от кн. Трубецкого, советника Баскакова и прочих служилых поступали крайне нерегулярно. Впрочем, неоднократное переписывание писем на заставах и многочисленные санитарные манипуляции неименуемо влекли за собой увеличение сроков доставки корреспонденции. Тем более, что обеспокоенное правительство в отдельные периоды и вовсе запрещало отправку «опасных» писем в столицу.

В ноябре 1738 г. опубликован интересный Сенатский Указ «О мерах к пресечению прилипчивых болезней» [24], где правительство проявило заботу и беспокойство о содержании простых людей, выселенных на пустыри. Во избежание роста заболевших в холодное время года, было велено для таких жителей строить в пустынных местах теплые покои (шалаши или казармы), расселять «…по пропорции», т.е. без тесноты, зараженных от больных отделять, пристойными лекарствами лечить, здоровых беречь всеми «удобовымышленными» способами: не позволять контактировать с заболевшими и их пищей, заставлять окуривать себя можжевельником, употреблять в пищу разогретый деготь и чеснок.

Похожее распоряжение содержится в журнале определений и доношений Правительствующего Сената за 1739 г. В ответ на сообщение о появившейся при Оренбургской экспедиции в лагере сибирского полка на драгунах, солдатах и обретающихся в Миясской крепости обывателях «опасной болезни от которой люди скоропостижно умирают» Кабинет распорядился отделить больных от здоровых в особливое удобное место и смотреть чтобы они в нынешнее осеннее время нужды в одежде и в пище не понесли [20, с. 27].

В тоже время, министрам поступали сообщения об отдельных нарушениях на заставах. К примеру, в донесении воронежского вице-губернатора Лукина значилось о задержании людей, проходящих мимо застав с признаками «моровой язвы». Пойманных нарушителей следовало обязательно допросить. И прежде всего выяснить, каким образом они обошли заставы, если сами в обход – немедленно расстрелять, если же кто пропустил, то выведать «кто и с какой целью такую дерзость учинил». Из указа кн. ген-фельдмаршалу гр. ф. Лесси от 14 ноября 1738 г. следовало, что острая нехватка в его войсках провианта, фуража и прочей провизии случилась по вине задержки на заставах, причем не только провизии, но и офицеров, следующих из безопасных мест [21, с. 377-379]. В ответ, правительство делегировало гр. ф. Лесси право учинить на заставах порядки по собственному усмотрению, всех виновных и преднамеренно допустивших нарушения арестовывать и судить по закону.

Безусловно нарушения на заставах не являлись редкостью, в тоже время вряд ли исполнимым представляется установление тотального контроля за перемещением населения южных губерний, тем более в условиях ведения активных военных действий.

До конца 1739 г. вести о вспышках чумы приходили из Харькова, Азова, Воронежа, Белгорода, Изюма и других мест. Только к началу 1740 г. можно говорить о затухании эпидемии на Украине. О чем свидетельствует очередной именной указ генерал – майору Шипову «Об открытии ярмарок в Малороссии, по случаю пресе-

чения опасной болезни» датированный 10 мая 1740 г. Данный Указ снимает запрет на проведение ярмарок в малороссийских городах, разрешая приезжать «всяким людям с товарами». Правда, опасаясь рецидива, законодатель предупреждает «…ежели где опасная болезнь появиться, то немедленно такие приезды запретить» [25].

Южные губернии России в это время являлись далеко не единственным источником эпидемической опасности. Так, в ноябре 1738 г. кабинет министров издаёт резолюцию на доклад Сената «О не пропуске в Россию людей и товаров из мест, где свирепствует моровое поветрие» [26]. Появление Указа вызвано необходимостью урегулировать вопросы транспортировки товаров из Персии через Астрахань. Поскольку в отдельных персидских районах были зафиксированы вспышки чумы правительство ввело запрет на ввоз иранских товаров. Это наносило весомый ущерб транзитной торговле шелком сосредоточенной в руках российского, армянского и иранского купечества. Пользуясь с 1735 г. правом беспошлинной торговли персидские купцы упорно наращивали объемы ввозимого в Астрахань шелка-сырца, введение карантинных ограничений явно не вписывалось в их «программу обогащения». В связи с чем в Сенат поступила челобитная от представителей Персидской Армянской кампании Ивана Варнакова, Давыда Гаврилова о пропуске их товаров, вывезенных еще летом из благополучных мест. Товары выдержали двойной карантин, из-за чего пришли в негодность и потеряли половину стоимости от закупочной цены. Интересно, что после погрузки и проверки товара в числе прочих в них «…не ведомо каким случаем» оказались три полутайки (тюка) Генжинского шелка, вывезенного как раз из «зараженной» провинции. Учитывая данное обстоятельство, кабинет министров постановил: после выдерживания шестинедельного карантина пропускать людей и товары из безопасных мест, а шелк Генжинский удержать на заставе и в Россию не пускать до специального разрешения, и впредь людей и товары из «заповетренных» мест не пропускать [26].

В тоже время, получив сведения о появлении опасной болезни в княжестве Литовском в марте 1739 г. кабинет министров приказал от Рижской губернии к Польше и Литве учредить заставы и кроме чужестранных с паспортами, никого за границу не пропускать, а приезжающих оттуда заставлять выдерживать шестинедельный карантин [27]. Однако, учитывая последствия введения ограничительных мер для государственной казны в документе санкционировалось: если рижские купцы торгуют в тех местах и городах где опасные болезни не зафиксированы, то пропускать их с товарами свободно.

Разумеется, «южная эпидемия 1738-1740 гг.» заставила законодателя обратить пристальное внимание на предупреждение заноса «прилипчивых» болезней в Россию из «неблагополучных» приграничных областей. Прежде всего, определялись потенциально опасные зоны, при них на заставах строились карантинные дома. По Указу императрицы Елизаветы Петровны от 22 февраля 1755 г. «Об учреждении при пограничных таможнях карантинных домов и об определении к ним докторов» [28] такие учреждения для осмотра и задержания в случае необходимости всех приезжающих и товаров появились в Василькове и Смоленске. Карантинным домом заведовал доктор, (лицо, имеющее высшую медицинскую степень). На остальных заставах, подведомственных главным форпостам, служили лекари. Учитывая, что

устройство и содержание карантинных учреждений с лекарями требовало дополнительных расходов из казны, к тому же длительные проверки и задержки товаров на границе влекли за собой немалые убытки для торговых людей, правительство серьезно и обстоятельно подходило к вопросу устройства подобных заведений. Как следует из Указа от 15 апреля 1755 г. «О неимении при пограничных Сеньковской, Тайповской, Дерптской таможнях карантинных домов и об устройстве таковых при Бахмутской и Царицынской» [29] открытие карантинных домов на внутренних таможнях через которые напрямую не проходили турецкие товары не являлось целесообразным. В тоже время Воронежской губернской канцелярии поручалось подготовить и представить Штатс-конторе смету на строительство карантинных учреждений при вновь открытых заставах (Бахмутская и Царицынская) пропускающих товары из Крыма и Кубани откуда «…самая опасность есть». Астраханской губернской канцелярии вверялось подготовить обоснование наличия или отсутствия необходимости открытия Кизлярского карантинного дома с лекарем. В самой Астраханской губернии таможня была организована еще в 1737 г. Сенатским Указом от 28 июня «О бытие в Астраханской губернии на персидской границе брандвахтам и заставам, для предосторожности от морового поветрия» [30]. Спустя 20 лет в 1757 г. указом от 13 мая «О бытие в Астрахани губернскому доктору» [31] вводилась должность штатного доктора.

Проведенный анализ нормативных актов показал, что в первой половине XVIII в. над Российской империей неоднократно нависала угроза масштабного распространения эпидемических болезней. Достоверных оснований утверждать, что отмеченные нами инфекционные вспышки являлись чумой не выявлено. Для обозначения такого рода болезней законодатель использует весьма разнообразную терминологию: опасная и прилипчивая, заразительная, дикая болезнь, моровое поветрие, моровая язва, чумная язва. По всей вероятности, подобные определения подчеркивали высокий риск развития контагиозной инфекции. В тоже время не всегда опасные болезни признавались прилипчивыми, и напротив не всякая прилипчивая болезнь объявлялась опасной.

Поэтому, введение строгих карантинных мер предваряло квалифицированное медицинское заключение, подтверждающее или опровергающее факты заболевания чумой.

На протяжении всего периода правительство находились в постоянном поиске новых и совершенствовании давно известных санитарно-эпидемических мероприятий. К примеру, еще в начале XVIII в. безопасным признавалось переписывание писем трижды, а в середине столетия писали шесть и более копий, бумагу обрабатывали уксусом и окуривали можжевельником. Больных отделяли от здоровых и выселяли в отдаленные места, на приграничных таможнях для выдерживания карантина, срок которого в среднем составлял шесть недель, строили специальные дома.

Изобилие поступающих в Сенат сообщений о возможных проявлениях чумной инфекции из различных уголков страны указывает на значимость превентивного направления государственно-правовой противоэпидемической политики. Абсолютно логичным представляется, стремление законодателя купировать инфекционные очаги. В связи с чем, все государственные указы содержат требования о возведении крепких застав и запрете любого перемещения населения. Собственно, как показала

пандемия COVID-19, и в настоящее время строжайшая изоляция является самый действенным способом борьбы с эпидемиями.

Список литературы:

1. Куприянов, Н.Г. История медицины России в царствование Петра Великого, составленная Николаем Куприяновым, доктором медицины, действительным членом Общества русских врачей и Общества попечения о раненых и больных воинах. / Н.Г. Куприянов. - Санкт-Петербург: тип. Я. Трея, 1872. - 16 с. - // Российская государственная библиотека: [сайт]. – 2022. - URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003585213 (дата обращения: 11.04.2022). – Текст: электронный.
2. Об учреждении по дорогам застав для предохранения от морового поветрия от 7 июля 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 4. - № 2280. – Текст непосредственный.
3. Об осторожности от морового поветрия, оказавшегося в Торжке и Хотиловском яме и о не пропуске без пашпартов проезжающих людей от 17 сентября 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года.] – Т. 4. - № 2296. – Текст непосредственный.
4. О приеме на заставах во время заразительной болезни писем издали и о держании оных на ветру и окуривании можжевельником от 29 сентября 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 4. - № 2200. – Текст непосредственный.
5. О выдачи по учрежденному от Санкт-Петербурга до Москвы тракту через Ладогу и прочие города по подорожным подводам одним курьерам от 17 ноября 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 4. - № 2209. – Текст непосредственный.
6. Об учреждении в городах Киевской губернии застав, по случаю продолжающейся в Чернигове моровой язвы от 27 августа 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 4. - № 2418. – Текст непосредственный.
7. Об учреждении в Киевской губернии застав по случаю оказавшейся в городе Нежине моровой язвы от 17 октября 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 4. - № 2441. – Текст непосредственный.
8. Об учреждении в Киевской губернии впредь до указа застав, для предосторожности от моровой язвы, появившейся Константинополе от 7 августа 1712 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 4. - № 2568. – Текст непосредственный.
9. О посылке из Аптекарского приказа в Старооскольскую и Белгородскую провинции лекарей для осмотра на людях моровой язвы, об устроении на дорогах крепких застав и в удобных местах виселец, дабы, никто не проезжал, под смертной казнью от 24 октября 17123 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 5. - № 3234. – Текст непосредственный.
10. Инструкция гвардии капитану Горохову, - отправленному в Киевскую и Азовскую губернии по случаю открывшегося там морового поветрия от 17 ноября 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 5. - № 3237. – Текст непосредственный.
11. Инструкция пограничных городов генерал-губернаторам, губернаторам, вице-губернаторам и воеводам. – О мерах и распоряжения для недопущения из-за границы морового поветрия // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 6. - № 3702. – Текст непосредственный.
12. О возобновлении ярмарки в городе Риге и учреждении оной по-прежнему от 10 марта 1720 // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 6. - № 3539. – Текст непосредственный.
13. О снятии застав где была моровая язва и о предостерегательных средствах против оной, если где впредь откроется от 5 апреля 1720 г. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 6. - № 3562. – Текст непосредственный.
14. Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского от 5 апреля 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 6. - № 3937. – Текст непосредственный.
15. Инструкция генерал-майору Чернышеву. – Об управлении Азовской губернией от 22 апреля 1725 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 7. - № 4700. – Текст непосредственный.
16. Инструкция, данная Московской Полицмейстерской канцелярии от 10 декабря 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 6. - № 4130. – Текст непосредственный.

17. О не пропуске никого з-за границы через Днепр и в Киев без выдерживания карантина, по случаю распространившегося в Царьграде поветрия от 26 октября 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 7. - № 4972. – Текст непосредственный.
18. Щепотьев, Н. К. Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии / Н.К. Щепотьев, орд. Астрах. воен. госпиталя. – Казань : тип. Ун-та, 1884. - [2], II, II, 164 с. - // Библиотека русского географического общества : [сайт]. – 2022. - URL: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216722 (дата обращения: 11.04.2022). – Текст: электронный.
19. Наказ генерал-губернаторам и воеводам, и их товарищам, по которому они должны поступать // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 8. - № 5333. – Текст непосредственный.
20. Сенатский архив. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1888-1913. - 26 см. Журналы и определения Правительствующего сената: [Некоторые журналы и определения Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг.]. – 1889. – 647, 71 с. // Российская государственная библиотека: [сайт]. – 2022. - URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003585213 (дата обращения: 09.04.2022). – Текст: электронный.
21. Сборник Русского исторического общества. – СПб. -Тип. А. Траншеля. – 1867-1916. // РУНИВЕРС: [сайт]. – 2022. – URL: https://runivers.ru/lib/book9408/482792/(дата обращения: 09.04.2022). – Текст: электронный.
22. О мерах к искоренению свирепствующей в Белгороде дикой болезни от 26 июля 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. - № 7623. – Текст непосредственный.
23. О мерах по искоренению свирепствующей около Белгорода прилипчивой болезни от 1 сентября 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. - № 7648. – Текст непосредственный.
24. О мерах к пресечению прилипчивой болезни от 20 ноября 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. - № 7691. – Текст непосредственный.
25. Об открытии ярмарок в Малороссии, по случаю пресечения опасной болезни от 10 мая 1740 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.11. – № 8101. – Текст непосредственный.
26. О непропуске в Россию людей и товаров из мест, где свирепствует моровое поветрие от 20 ноября 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. – № 7693. – Текст непосредственный.
27. О предосторожностях и мерах к отвращению опасных болезней, распространившихся в Княжестве Литовском от 8 марта 1739 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. – № 7772. – Текст непосредственный.
28. Об учреждении при пограничных таможнях карантинных домов, и об определении к ним докторов от 22 февраля 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.14. - № 10.365. – Текст непосредственный.
29. О неимении при пограничных Сеньковской, Тайповской и Дерптской таможнях карантинных домов и об устройстве таковых при Бахмутской и Царицынской от 15 апреля 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.14. - № 10.393 – Текст непосредственный.
30. О бытии в Астраханской губернии на Персидской границе брандвахтам и заставам, для предотвращения от морового поветрия от 28 июня 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. - № 7299 – Текст непосредственный.
31. О бытии в Астрахани губернскому доктору от 15 мая 1757 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.14. - № 10.725 – Текст непосредственный.

Petrishcheva N.S. Historical experience of combating «dangerous and sticky» diseases in the legislative acts of the Russian state of the first half of the XVIII century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 68-82.

The article is devoted to the study of normative legal acts establishing a system of anti-epidemic measures in the Russian Empire in the first half of the XVIII century. The decrees and paperwork documents contained in the journals and definitions of the Governing Senate are analyzed and allow presenting the complex nature of solving the problem of preserving the epidemiological well-being of the state by the legislator. The general trends of state and legal policy aimed at preventing and combating "contagious" diseases, including through the introduction of criminal liability up to the death penalty for violations of quarantine regulations, are considered.

Keywords: epidemic, sanitary standards, anti-epidemic measures, pestilence, pestilence, plague.

Spisok literatury:

1.Kupriyanov, N.G. Istoriya mediciny Rossii v carstvovanie Petra Velikogo, sostavlennaya Nikolaem Kupriyanovym, doktorom mediciny, dejstvitel'nym chlenom Obshchestva russkih vrachej i Obshchestva popecheniya o ranenyh i bol'nyh voinah. / N.G. Kupriyanov. - Sankt-Peterburg: tip. YA. Treya, 1872. - 16 s. - // Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka: sajt. – 2022. - URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003585213 (data obrashcheniya: 11.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
2.Ob uchrezhdenii po dorogam zastav dlya predohraneniya ot morovogo povetriya ot 7 iyulya 1710 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 4. - № 2280. – Tekst neposredstvennyj.
3.Ob ostorozhnosti ot morovogo povetriya, okazavshegosya v Torzhke i Hotilovskom yame i o ne propuske bez pashpartov proezzhayushchih lyudej ot 17 sentyabrya 1710 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 4. - № 2296. – Tekst neposredstvennyj.
4.O prieme na zastavah vo vremya zarazitel'noj bolezni pisem izdali i o derzhanii onyh na vetru i okurivanii mozhzhevel'nikom ot 29 sentyabrya 1710 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 4. - № 2200. – Tekst neposredstvennyj.
5.O vydachi po uchrezhdennomu ot Sankt-Peterburga do Moskvy traktu cherez Ladogu i prochie goroda po podorozhnym podvodam odnim kur'eram ot 17 noyabrya 1710 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 4. - № 2209. – Tekst neposredstvennyj.
6. Ob uchrezhdenii v gorodah Kievskoj gubernii zastav, po sluchayu prodolzhayushchejsya v CHernigove morovoj yazvy ot 27 avgusta 1711 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 4. - № 2418. – Tekst neposredstvennyj.
7.Ob uchrezhdenii v Kievskoj gubernii zastav po sluchayu okazavshejsya v gorode Nezhine morovoj yazvy ot 17 oktyabrya 1711 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 4. - № 2441. – Tekst neposredstvennyj.
8.Ob uchrezhdenii v Kievskoj gubernii vpred' do ukaza zastav, dlya predostorozhnosti ot morovoj yazvy, poyavivshejsya Konstantinopole ot 7 avgusta 1712 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 4. - № 2568. – Tekst neposredstvennyj.
9.O posylke iz Aptekarskogo prikaza v Starooskol'skuyu i Belgorodskuyu provincii lekarej dlya osmotra na lyudyah morovoj yazvy, ob ustroenii na dorogah krepkih zastav i v udobnyh mestah viselec, daby, nikto ne proezzhal, pod smertnoj kazn'yu ot 24 oktyabrya 17123 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 5. - № 3234. – Tekst neposredstvennyj.
10. Instrukciya gvardii kapitanu Gorohovu, - otpravlennomu v Kievskuyu i Azovskuyu gubernii po sluchayu otkryvshegosya tam morovogo povetriya ot 17 noyabrya 1718 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 5. - № 3237. – Tekst neposredstvennyj.
11. Instrukciya pogranichnyh gorodov general-gubernatoram, gubernatoram, vice-gubernatoram i voevodam. – O merah i rasporyazheniya dlya nedopushcheniya iz-za granicy morovogo povetriya // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 6. - № 3702. – Tekst neposredstvennyj.
12. O vozobnovlenii yarmarki v gorode Rige i uchrezhdenii onoj po-prezhnemu ot 10 marta 1720 // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 6. - № 3539. – Tekst neposredstvennyj.
13. O snyatii zastav gde byla morovaya yazva i o predosteregatel'nyh sredstvah protiv onoj, esli gde vpred' otkroetsya ot 5 aprelya 1720 g. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 6. - № 3562. – Tekst neposredstvennyj.
14. Reglament o upravlenii Admiraltejstva i verfi i chast' vtoraya Reglamenta Morskogo ot 5 aprelya 1722 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 6. - № 3937. – Tekst neposredstvennyj.
15. Instrukciya general-majoru CHernyshevu. – Ob upravlenii Azovskoj guberniej ot 22 aprelya 1725 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 7. - № 4700. – Tekst neposredstvennyj.
16. Instrukciya, dannaya Moskovskoj Policmejsterskoj kancelyarii ot 10 dekabrya 1722 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 6. - № 4130. – Tekst neposredstvennyj.
17. O ne propuske nikogo z-za granicy cherez Dnepr i v Kiev bez vyderzhivaniya karantina, po sluchayu rasprostranivshegosya v Car'grade povetriya ot 26 oktyabrya 1726 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 7. - № 4972. – Tekst neposredstvennyj.
18. SHCHepot'ev, N. K. CHumnye i holernye epidemii v Astrahanskoj gubernii / N.K. SHCHepot'ev, ord. Astrah. voen. gospitalya. - Kazan' : tip. Un-ta, 1884. - [2], II, II, 164 s. - // Biblioteka russkogo geograficheskogo obshchestva : sajt. – 2022. - URL: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216722 (data obrashcheniya: 11.04.2022). – Tekst: elektronnyj.

19. Nakaz general-gubernatoram i voevodam, i ih tovarishcham, po kotoromu oni dolzhny postupat' // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T. 8. - № 5333. – Tekst neposredstvennyj.
20. Senatskij arhiv. - Sankt-Peterburg: Senatskaya tip., 1888-1913. - 26 sm. ZHurnaly i opredeleniya Pravitel'stvuyushchego senata: [Nekotorye zhurnaly i opredeleniya Senata za 1732, 1735, 1737, 1738 i 1739 gg.]. - 1889. - 647, 71 s. // Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka: sajt. – 2022. - URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003585213 (data obrashcheniya: 09.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
21. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb. -Tip. A. Transhelya. – 1867-1916. // RUNIVERS: sajt. – 2022. - URL: https://runivers.ru/lib/book9408/482792/(data obrashcheniya: 09.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
22. O merah k iskoreneniyu svirepstvuyushchej v Belgorode dikoj bolezni ot 26 iyulya 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.10. - № 7623. – Tekst neposredstvennyj.
23. O merah po iskoreneniyu svirepstvuyushchej okolo Belgoroda prilipchivoj bolezni ot 1 sentyabrya 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.10. - № 7648. – Tekst neposredstvennyj.
24. O merah k presecheniyu prilipchivoj bolezni ot 20 noyabrya 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.10. - № 7691. – Tekst neposredstvennyj.
25. Ob otkrytii yarmarok v Malorossii, po sluchayu presecheniya opasnoj bolezni ot 10 maya 1740 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.11. - № 8101. – Tekst neposredstvennyj.
26. O nepropuske v Rossiyu lyudej i tovarov iz mest, gde svirepstvuet morovoe povetrie ot 20 noyabrya 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.10. - № 7693. – Tekst neposredstvennyj.
27. O predostorozhnostyah i merah k otvrashcheniyu opasnyh boleznej, rasprostranivshihsya v Knyazhestve Litovskom ot 8 marta 1739 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.10. - № 7772. – Tekst neposredstvennyj.
28. Ob uchrezhdenii pri pogranichnyh tamozhnyah karantinnyh domov, i ob opredelenii k nim doktorov ot 22 fevralya 1755 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.14. - № 10.365. – Tekst neposredstvennyj.
29. O neimenii pri pogranichnyh Sen'kovskoj, Tajpovskoj i Derptskoj tamozhnyah karantinnyh domov i ob ustrojstve takovyh pri Bahmutskoj i Caricynskoj ot 15 aprelya 1755 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.14. - № 10.393 – Tekst neposredstvennyj.
30. O bytii v Astrahanskoj gubernii na Persidskoj granice brandvahtam i zastavam, dlya predotvrashcheniya ot morovogo povetriya ot 28 iyunya 1737 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.10. - № 7299 – Tekst neposredstvennyj.
31. O bytii v Astrahani gubernskomu doktoru ot 15 maya 1757 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda. – T.14. - № 10.725 – Tekst neposredstvennyj.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 83-89.

УДК 342.9

ПРАВОТВОРЧЕСТВО ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ

Пономаренко А. А.
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье сформулированы цели, задачи и принципы правотворчества органов государственной власти в условиях цифровизации.

Обращено внимание на изменении подходов к его пониманию как отражения потребностей современного социума и повседневной деятельности участников общественных отношений, использующих информационно-телекоммуникационные системы.

Отмечено, что основная цель цифровизации правотворчества – это снижение транзакционных издержек в деятельности органов государственной власти при разработке нормативных правовых актов посредством создания общего цифрового пространства для субъектов правотворчества различных уровней в рамках подготовки правовых документов с использованием технологий совместной работы и инструментов интеллектуализации основных процессов нормотворчества.

Установлено, что цифровизация в правотворчестве используется для решения следующих задач: предоставления субъектам правотворческой деятельности дополнительных инструментов для поддержки их усилий и мыслительных способностей при разработке нормативных правовых актов; создания условия для доступности населению права в целом, а также процедур и результатов правотворчества, в том числе их открытости и прозрачности; вовлечения в процесс правотворчества большего количества граждан и представителей экспертного сообщества; повышения уровня культуры современного правотворчества; минимизации внутреннего субъективизма данной деятельности и преодоления конфликтность интересов и др.

В условиях цифровизации правотворчество органов государственной власти базируется на следующих принципах: экономии средств и нормативной экономии, планирования развития цифрового правотворчества, системности принимаемых решений, сочетания нескольких инструментов, преодоления информационной избыточности, постоянного технического совершенствования подготовки правовых актов.

Ключевые слова: правотворчество, органы государственной власти, цифровизации, цели, задачи, принципы.

Начало XXI в. охарактеризовалось экстенсивным развитием цифровых технологий, применение которых изменило содержание общественно-экономических связей, привело к трансформации системы взаимодействия между органами государственной власти, общественными институтами и отдельными гражданами, а также актуализировало вопросы приведения механизма правового регулирования общественных отношений к реалиям правовой действительности.

Более того, мировой кризис в политической и экономической сферах, опосредованный кардинальной перестройкой геополитической ситуации, поставил перед Россией глобальные задачи, направленные на обеспечение её лидирующей позиции на мировой арене, а также создание условий для обеспечения прав и свобод граждан, независимо от факторов, дестабилизирующих её прогрессивное развитие.

Уделяя значительное внимание цифровизации всех отраслей российского общества, В. Путин неоднократно обращал внимание как на роли соответствующих процессов в обеспечении качества жизни человека, так и на задачах государства в «использовании мощного технологического потенциала в интересах людей, их благо-

получия», как фактора обеспечения лидерства России в глобальной конкуренции. При этом, он прямо указывал, что создание условий для доступности технологий будущего гражданам страны, использование их для достижения национальных целей развития является «миссией государства, ученых, инженеров инновационного бизнеса» [1].

Практика социального развития показала, что реализация этих задач сегодня невозможна без цифровизации процессов государственного управления в целом и правотворческой деятельности государственных органов в частности.

Ускорителем внедрения процессов цифровизации в правовую сферу стала и пандемия, вызванная глобальным распространением COVID-19. Потребность в социальном дистанцировании, минимизации рисков заражения коронавирусом привела к оптимизации деятельности органов государственной власти, процессов судопроизводства, оказания юридической помощи гражданам, личного приема граждан, предоставления государственных услуг и т.д.

Считаем, что использование современных информационно-телекоммуникационных систем позволило снизить риск влияния ограничений, связанных с пандемией, на обеспечение прав и свобод человека, функционирование системы государственной власти, разработку, обсуждение и принятие нормативных правовых актов, судебную и правозащитную практику.

Рассматривая цифровизацию в праве, необходимо отметить, что оно, будучи системой норм, регулирующих общественные отношения, развивается динамично, следуя за характером этих отношений, а цифровизация – это один из факторов воздействия на возникновение и динамику общественных отношений.

В связи с этим, следует признать, что исследование этой проблемы выступает одним из направлений научного поиска. Базовые положения цифровизации прав в целом, а также отдельных его отраслей изложены в публикациях (преимущественно научных статьях) А.А. Васильева, Ю.А. Гавриловой, Е.А. Громовой, Я.Е. Ефимовой, М.В. Залоило, В.Д. Зорькина, Е.В. Каменских, В.В. Коноплёва, М.А. Рожкова, Д.А. Пашенцева, А.Н. Пилипенко, Н.В. Сильченко, И.В. Тепляшина, Т.Я. Хабриевой, Т.В. Щукиной и др.

В тоже время, научное обеспечение дальнейшего развития правотворчества органов государственной власти в условиях цифровизации сегодня сформировалось как самостоятельное направление юридической науки, обеспечивающее решение актуальной и важной для государства теоретической и прикладной задачи.

В данной публикации предполагается определить цели, задачи и принципы правотворчества органов государственной власти в условиях цифровизации.

Для достижения этой цели целесообразно: уточнить цель, сформулировать задачи и выделить основные принципы правотворчества органов государственной власти.

Рассматривая цифровизацию как фактор, меняющий основы конструирования правовой реальности, следует согласиться с мнением М.В. Залоило и Д.А. Пашенцева, которые считают, что «…формирующаяся цифровая реальность меняет представление об окружающем мире… Любая правовая норма, изначально представленная в знаковой форме, получает свое значение, выражаясь в конкретных действиях этих субъектов. Право при таком подходе понимается не как система норм, а как повседневная деятельность людей по их реализации» [2, с. 232].

В связи с этим процессы конструирования норм права должны соответствовать насущным потребностям современного общества, отражая изменение в правосознании граждан и определяя содержание правотворчества.

В современных условиях правотворчество, оставаясь неизменным по сути, трансформируется по мере изменения регулируемых правом общественных отношений, в том числе происходящих под воздействием цифровизации [2, с. 233]. При этом, «цифровое нормотворчество» развивается на основе двух подходов: а) «от модели» (формирование нормативных правовых актов на основе цифровых моделей); б) «от бумаги» (трансформация классического бумажного законодательства в правила, пригодные одновременно для использования как человеком, так и машиной) [3, с. 202].

В отечественной и зарубежной литературе «цифровое правотворчество» рассматривается и как элемент системы «умного» регулирования в сфере публичного управления (модель «smart regulation»), при котором фокус внимания сосредоточен не на правиле поведения, которое должно быть сформулировано, а на проблеме, которую необходимо решить.

Содержание данной модели позволяет выделять, анализировать и решать проблемы на макро- и микроуровнях. На первом уровне путем консолидирования усилия субъектов, потенциально способных влиять на решение проблемы, обеспечивается совершенствование не конкретного акта, а всей системы регулирования, выявление всех возможных центров принятия решения (местных, региональных, национальных, наднациональных) и включение их в механизм устранения проблемы.

В свою очередь, на микроуровне – осуществляется поиск механизмов воздействия, способных эффективно решить проблему в конкретной ситуации. При этом, в расчет принимаются не только сугубо юридические инструменты, но и социальные, психологические, экономические факторы, оказывающие влияние на участников регулируемого процесса [4].

Экстраполяция общих целей правотворчества на условия цифровой реальности позволяет выделить их следующие группы: а) создание новых и оптимизация действующих нормативных правовых регуляторов для эффективного управления общественным отношениями в период цифровизации; б) устранение тех нормативных правовых регуляторов, необходимость в которых отпадает в связи с процессами цифровизации.

По нашему мнению, основной целью цифровизации правотворчества является снижение транзакционных издержек (совокупность затрат ресурсов и времени, а также потерь) в деятельности органов государственной власти при разработке нормативных правовых актов посредством создания для субъектов правотворческой деятельности различных уровней общего цифрового пространства в рамках подготовки правовых документов с использованием технологий совместной работы и инструментов интеллектуализации основных процессов нормотворчества.

Минимизировать соответствующие издержки позволяет: безбумажное взаимодействие основных участников процессов подготовки проектов актов; совместное редактирование текстов проектов правовых актов в режиме онлайн, включая интеллектуализацию такой работы; создание панели управления для лиц, принимающих решения, позволяющей в режиме реального времени отслеживать ход работы над проектами; полная прослеживаемость и обеспечение надлежащей открытости про-

цесса разработки нормативных актов.

Немаловажным аспектом достижения этой цели выступает создание прикладных систем, позволяющих воплотить в реальность разработанные теоретические и нормативные модели процессов правотворчества, оптимизируемых на основе цифровых технологий.

Например, в 2019 г. в рамках реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика России» предполагалось создание Единой национальной системы разработки и принятия регуляторных решений в России», цель создания которой – формирование единой национальной среды взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений на основе безбумажного взаимодействия между разработчиками законодательных инициатив и совместного редактирование текстов проектов нормативных правовых актов в режиме онлайн и объединения ресурсов существующих систем: проектов нормативно-правовых актов (regulation.gov.ru), официального порталов актов, утвержденных президентом и правительством (pravo.gov.ru) и базы законопроектов Госдумы (sozd.parliament.gov.ru.) (реализация приостановлена в связи со расторжением госконтракта с разработчиком) [5; 6]. В связи с чем, окончательные сроки реализации «цифровой платформы законотворчества» принесены на неопределённый срок.

Показательным является тот факт, что результатами создания этой системы, указанными в техническом задании, являлись: осуществление правового эксперимента по переводу части регуляторных решений в цифровой формат (машиночитаемые нормы права); использование в процессе разработки НПА механизмов семантического анализа текста для автоматических подсказок корректных формулировок, связок с существующими документами и актами, нахождения противоречий, коррупциогенных факторов и неоднозначно интерпретируемых норм в законодательстве; отказ от бумажного документооборота и обеспечение юридической значимости совместной электронной разработки и согласования НПА путем интеграции с единой платформой юридически значимого электронного документооборота и внедрение сквозной электронной подписи, что обеспечит сокращение сроков выпуска документов; масштабирование использования системы на уровень субъектов Российской Федерации (приложение № 1 к Техническому заданию) [7].

Также в России разработана Концепция развития технологий машиночитаемого права (основанного на онтологии права изложения определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения [8].

Одной из составляющих развития этой технологий является применение её механизмов в сфере нормотворчества, которое позволит:

а) повысить скорость и качество нормотворчества за счет мониторинга правоприменения, осуществляемого непрерывно, в том числе и за счет автоматического сбора и оценки судебной практики по наиболее неоднозначным и оспариваемым в судебном порядке предметам спора, а также в ходе выявления наиболее распространенных нарушений в рамках проведения контрольно-надзорных мероприятий;

б) снизить влияние человека на нормотворческий процесс путём уменьшения числа субъективных ошибок или трактовки лицом, участвующим в нормотворче-

ской деятельности, результатов, отраженных в правовом документе;

в) автоматизировать правовую экспертизу с помощью создаваемого на базе искусственного интеллекта ассистента субъекта правотворчества, позволяющего оценить соблюдение правил юридической техники и точность указания ссылок на иные законы и подзаконные акты, выявить признаки коррупциогенных норм и коллизий с положениями других актов и, при необходимости, предложить правки;

г) создавать условия для публикации нормативных правовых актов с машиночитаемой разметкой для возможности их прочтения и корректной интерпретации без участия человека, в том числе действующих редакций актов с учётом внесенных изменений.

Изучение учебных и научных публикаций, текстов государственных и целевых программ, а также документов по их реализации показало, что цифровизация в правотворчестве используется для решения следующих задач: предоставления субъектам правотворческой деятельности дополнительных инструментов для поддержки их усилий и мыслительных способностей при разработке нормативных правовых актов; создания условия для доступности населению права в целом, а также процедур и результатов правотворчества, в том числе их открытости и прозрачности; вовлечения в процесс правотворчества большего количества граждан и представителей экспертного сообщества; повышения уровня культуры современного правотворчества; минимизации внутреннего субъективизма данной деятельности и преодоления конфликта интересов; гармонизации интересов различных групп в рамках института легального лоббирования и др.

Среди принципов, которые необходимо учитывать при включении цифровых инструментов в правотворчество, выделяются:

- экономии средств и нормативной экономии (направлен на применение средств, которые минимизируют ограничительно-репрессивный потенциал правовых норм за счет включения возможностей правового позитивного стимулирования);

- планирования развития цифрового правотворчества (обеспечивает планомерное и поэтапное внедрение цифровых механизмов в правотворчество органов государственной власти различных уровней, рациональное распределение финансовых и материальных ресурсов, а также прогнозирование и устранение возможных рисков);

- системности принимаемых решений (связан с всесторонним изучением факторов, которые влияют на принятие решений в области цифровизации правотворчества, автоматизации анализа информации, поступающей от субъектов нормотворчества на различных уровнях);

- сочетания нескольких инструментов (предусматривает такое комбинирование цифровых средств, которое обеспечивает повышение эффективности их действия);

- преодоления информационной избыточности (направлен на устранение дублирования норм, содержащихся в федеральных законах – в законодательстве субъектов федерации, а законодательных предписаний – в подзаконных актах);

- постоянного технического совершенствования подготовки правовых актов (отражает необходимость соответствия правотворческой деятельности техническому прогрессу, использование возможностей информационно-телекоммуникационных систем как обязательного инструмента (основного средства) повышения его качества) и др.

Подводя итог, отметим, что дальнейшее развитие правотворчества органов государственной власти в условиях цифровизации предусматривает консолидацию усилий теоретиков, практиков и представителей органов нормотворчества всех уровней, направленную на: обновление понятийного аппарата цифровизации правовых процессов и их нормативное закрепление; разработку федерального закона, объектом регулирования которого будут выступать общественные отношения в области использования цифровых инструментов в процессе нормотворческой деятельности; разработку нормативно-технологических схем внедрения цифровых технологий в процессы стратегического планирования нормотворчества, подготовки, оценки проектов правовых актов, контроля за их реализацией, моделирования ситуаций его применения (в первую очередь, искусственного интеллекта и технологии «больших данных»); трансформацию системы подготовки специалистов, участвующих в правотворческой деятельности, в первую очередь, юристов, учитывающую перспективы развития информационных технологий в ближайшей перспективе; проведение и апробацию научных исследований, в том числе и фундаментальных, направленных на решение наиболее актуальных проблем в области цифровизации правовой реальности и др.

Список литературы:

1.В. Путин призвал наращивать темпы цифровой трансформации в России (12.11.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/11/12/895706-putin-prizval-naraschivat (дата обращения: 11.07.2022 г.).

2.Пашенцев Д. А. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4(44). – С. 231-235.

3.Амелин, Р. В. Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 200-204.

4.Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14-29.

5.О Федеральной государственной информационной системе «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений»: Приказ Минэкономразвития России от 09.07.2019 № 40 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

6.Минэкономразвития расторгло полумиллиардный ИТ-контракт с НИИ «Восход» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zoom.cnews.ru/soft/news/top/2022-05-11_minek_rastorglo_polumilliardnyj (дата обращения: 11.07.2022 г.).

7.Техническое задание по разработки подсистем «Личный кабинет», «Разработка документов» (модуль формирования рабочей группы, модуль совместной работы, модуль протоколирования действий пользователя, модуль версионности), «Согласование документов», «Коммуникации», «Электронная подпись», «Интеграционная шина», «Администрирование», «Разработка документов» (модуль «Текстовый редактор»), «Интеллектуализация», «База знаний», «Мониторинг», функциональных возможностей для смартфонов и планшетов федеральной государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений» (дата опубликования 07.06.2021) [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.07.2022 г.)

8.Концепция развития технологий машиночитаемого права: утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15.09.2021 № 31) [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Ponomarenko A.A. Law-making of state authorities in the conditions of digitalization: goals, objectives and principles // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 83-89.

The article formulates the goals, objectives and principles of lawmaking of public authorities in the context of digitalization.

Attention is drawn to the change in approaches to its understanding as a reflection of the needs of modern

society and the daily activities of participants in public relations using information and telecommunication systems.

It is noted that the main goal of digitalization of lawmaking is to reduce transaction costs in the activities of public authorities in the development of regulatory legal acts by creating a common digital space for lawmaking subjects of various levels in the preparation of legal documents using collaborative technologies and tools for intellectualizing the main processes of rulemaking.

It has been established that digitalization in lawmaking is used to solve the following tasks: providing the subjects of lawmaking activity with additional tools to support their efforts and mental abilities in the development of regulatory legal acts; creating conditions for the accessibility of the law to the population in general, as well as the procedures and results of lawmaking, including their openness and transparency; involvement in the law-making process of more citizens and representatives of the expert community; raising the level of culture of modern lawmaking; minimizing the internal subjectivism of this activity and overcoming the conflict of interests, etc.

In the context of digitalization, the law-making of public authorities is based on the following principles: cost savings and regulatory savings, planning the development of digital law-making, systematic decision-making, a combination of several tools, overcoming information redundancy, continuous technical improvement in the preparation of legal acts.

Keywords: lawmaking, public authorities, digitalization, goals, objectives, principles.

Spisok literatury:

1. V. Putin prizval narashchivat' tempy cifrovoj transformacii v Rossii (12.11.2021) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/11/12/895706-putin-prizval-naraschivat (data obrashcheniya: 11.07.2022 g.).
2. Pashencev D. A. Vozdejstvie sovremennyh cifrovyh tekhnologij na soderzhanie i harakter pravotvorcheskoj deyatel'nosti: teoretiko-pravovoj aspekt / D. A. Pashencev, M. V. Zaloilo // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4(44). – S. 231-235.
3. Amelin, R. V. Transformaciya prava pod vozdejstviem cifrovyh tekhnologij: novye trebovaniya k podgotovke yuristov / R. V. Amelin, S. E. CHannov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. – 2019. – T. 19. – № 2. – S. 200-204.
4. Davydova, M. L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva / M. L. Davydova // ZHurnal rossijskogo prava. – 2020. – № 11. – S. 14-29.
5. O Federal'noj gosudarstvennoj informacionnoj sisteme «Nacional'naya edinaya sreda vzaimodejstviya vsekh uchastnikov normotvorcheskogo processa pri podgotovke regulyatornyh reshenij»: Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 09.07.2019 № 40 [Elektronnyj resurs]. — Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».
6. Minekonomrazvitiya rastorglo polumilliardnyj IT-kontrakt s NII «Voskhod» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://zoom.cnews.ru/soft/news/top/2022-05-11_minek_rastorglo_polumilliardnyj (data obrashcheniya: 11.07.2022 g.).
7. Tekhnicheskoe zadanie po razrabotki podsistem «Lichnyj kabinet», «Razrabotka dokumentov» (modul' formirovaniya rabochej gruppy, modul' sovmestnoj raboty, modul' protokolirovaniya dejstvij pol'zovatelya, modul' versionnosti), «Soglasovanie dokumentov», «Kommunikacii», «Elektronnaya podpis'», «Integracionnaya shina», «Administrirovanie», «Razrabotka dokumentov» (modul' «Tekstovyj redaktor»), «Intellektualizaciya», «Baza znanij», «Monitoring», funkcional'nyh vozmozhnostej dlya smartfonov i planshetov federal'noj gosudarstvennoj informacionnoj sistemy «Nacional'naya edinaya sreda vzaimodejstviya vsekh uchastnikov normotvorcheskogo processa pri podgotovke regulyatornyh reshenij» (data opublikovaniya 07.06.2021) [Elektronnyj resurs]. — Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 09.07.2022 g.)
8. Koncepciya razvitiya tekhnologij mashinochitaemogo prava: utverzhdena Pravitel'stvennoj komissiej po cifrovomu razvitiyu, ispol'zovaniyu informacionnyh tekhnologij dlya uluchsheniya kachestva zhizni i uslovij vedeniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti (protokol ot 15.09.2021 № 31) [Elektronnyj resurs]. — Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 90-94.

УДК 342

О ВЛИЯНИИ СМЕНЫ ВЛАСТИ НА СИРИЙСКИХ ГРАЖДАН НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СИРИИ В ХОДЕ СИРИЙСКОЙ ВОЙНЫ С 2011 Г.

Тофан М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена изучению последствий передачи власти террористическим и курдским организациям на северо-востоке Сирии для жизни сирийских граждан во время сирийской войны с 2011 г.

После перехода власти из рук сирийского государства в руки террористов, таких как Исламское государство Ирака и Леванта, и курдов, таких как поддерживаемые США Сирийские демократические силы, появились новые законы и правила, направленные на ограничение прав граждан Сирии**.**

Новая ситуация принесла строгие правила. Были запрещены выезды, началась принудительная воинская повинность, закрыты школы, детей использовали в террористических операциях, помимо расстрела многих граждан, отвергших новую власть, женщин брали в плен и продавали, а в отношении езидов было применено наказание за геноцид, которое считалось неправильным.

Ключевые слова: сирийская конституция, образование**,** дети**,** терроризм**,** ИГИЛ, женщины, война**.**

Одной из важнейших черт, отличающих города северной и восточной Сирии, является религиозный и национальный плюрализм, где проживают арабы, армяне, ассирийцы, халдеи и курды. Конституция Сирии гарантирует права всех религиозных меньшинств и национальностей и защищает от всякой дискриминации.

Это то, что предусмотрено во всех сирийских конституциях например, в Конституции 1973 года стать (25) гласит, что граждане равны в правах и обязанностях, а статья (27) предусматривает право граждан свободно осуществлять свои права в соответствии с положениями закона [1].

До войны сирийская конституция и законы регулировали все отрасли государства в области образования и управления учреждениями, гарантируя права граждан, такие как труд, и равенство женщин в жизни с мужчинами.

До начала сирийской войны в 2011 г. образовательная политика в Сирийской Арабской Республике достигала положительных результатов по сравнению с соседними странами. Что касается школьного образования, то была принята политика обязательного и бесплатного образования с первого по девятый класс, и все конституции после обретения независимости предусматривали бесплатное образование и стремление государства предоставить бесплатное образование всем гражданам, считая образование естественным правом каждого гражданина например, конституция Сирии 1950 года в статье (28) гласит, что образование является бесплатным и обязательным, и образование являются правом каждого гражданина [2].

Количество школ увеличилось с темпом роста 6% с 2005/2006 г. по 2009/2010 г., доля учащихся, зачисленных с темпом роста 4,7%, в дополнение к количеству учителей с темпом роста 5,2% [3].

После начала войны в Сирии сфера образования пострадала, так как многие школы были разрушены и превращены в террористические центры ИГИЛ и Свободной сирийской армией, которые являются одними из самых кровавых организаций.

В городе Ракка, что на востоке Сирии, который уже несколько лет находится под контролем ИГИЛ и Свободной сирийской армии, в 2014 году отменили сирийские учебные программы и приняли собственную учебную программу, затем разрушили многие школы и закрыли частные институты [4].

В результате военных действий многие семьи были вынуждены мигрировать в другие сирийские города или за пределы Сирии, но в районах действия террористических организаций ситуация была иной для детей, которые были вынуждены бросить школу и искать возможности трудоустройства, чтобы помочь своим семьям. В этих сложных условиях возникла проблема отсева из школы в результате войны и невыполнения сирийской конституции на территориях, контролируемых террористам. Международная Организация Труда заявила, что детский труд имеет негативные психологические, физические и психические последствия, помимо того, что он лишает детей образования и подвергает их эксплуатации. Также вопрос о детском труде регулируется тремя основными международными конвенциями: Конвенцией МОТ № 138 о минимальном возрасте для приема на работу и Рекомендацией № 146 (1973 г.); Конвенция МОТ № 182 о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда и Рекомендация № 190 (1999 г.) и Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка. Эти конвенции определяют концепцию детского труда и составляют основу законодательства о детском труде, принятого подписавшими государствами [5].

В Международный день образования, ЮНЕСКО заявила, что в Сирии насчитывается более 2,4 миллиона детей, не посещающих школу, из которых примерно 40 процентов составляют девочки. В 2020 году это число, вероятно, увеличилось в результате воздействия пандемии Covid-19.

По данным переписи населения 2016 года, школу бросили около полутора миллионов учащихся, а в Турции и Ливане школу бросили около миллиона учащихся [6, с. 224-225].

Другим явлением, вызванным войной, является вербовка детей для участия в боевых действиях и обучение их совершению террористических актов. Именно это произошло на севере и востоке Сирии, где террористические организации полагались на детей, вербуя их и лишая их образования, в дополнение к наличию поколения детей, рожденных в районах, контролируемых террористами, которые будут будущими бойцами ИГИЛ [7, с. 10].

Сегодня дети-беженцы сталкиваются с рядом проблем, таких как социальная травля, ряд психосоциальных проблем и уход из школы ради работы, но УВКБ ООН оказало некоторую помощь в районах конфликтов на севере и востоке Сирии.

Например, создание пространств, известных как «Дружественные к детству пространства», которые предоставляют детям безопасное пространство для игр и обучения. В 2018 г. под руководством группы волонтеров в рамках этого проекта получили помощь 13 856 детей-беженцев [8].

Христиане подвергались жесточайшим преследованиям и преступлениям под властью ИГИЛ, а также со стороны Сирийских демократических сил, курдского ополчения, которое сегодня контролирует несколько районов на северо-востоке Сирии.

В 2015 году, вскоре после начала налетов на Сирию, Путин прямо заявил, что будет защищать христиан от западной интервенции: «В Леванте Сирии и Ливане

около двух миллионов православных христиан и около 5 миллионов христиан по всему Ближнему Востоку. Независимо от результатов президентских выборов в Америке, Белый Дом жаждет посеять хаос в этом богатом нефтью регионе путём поддержки таких фанатичных исламистских организаций, как ИГИЛ и «Фронт Аль-Нусра», а это название сирийской франшизы «Аль-Каиды». Подобное мнение находит отклик у сирийских христиан даже после того, как США приняли резолюцию о геноциде. «Выдавать Асада за диктатора это западная пропаганда», заявил халдейский архиепископ Алеппо Антуан Аудо в интервью немецкому новостному каналу n-tv. «В войне погибло много христиан, но их убили не только правительственные войска. Почему Запад не говорит о политических фракциях, которые убивают людей не только здесь, но и в Турции и Саудовской Аравии?» Его коллега, архиепископ Алеппо Жан-Климент Жанбарт, после начала российских налетов в октябре прошлого года добавил: «Пока действовали только США и Европа, мы, несмотря на их бомбардировки, не видели никаких результатов, но с российским вмешательством все, вероятно, изменится» [9].

Что касается прав сирийских женщин под властью сирийского государства и в период распространения терроризма на северо-востоке Сирии, то при простом сравнении мы обнаруживаем, что ситуация резко изменилась и положение женщин сильно ухудшилось. С 1970 года правительство Сирийской Арабской Республики работало над устранением всех препятствий и решением проблем, мешающих работе женщин, начиная с утверждения концепций гендерного равенства и принятия концепций справедливости с 1996 по 2005 год, установив национальную стратегию в отношении женщин в Сирийской Арабской Республике, которая была принята сирийским правительством в его девятом пятилетнем плане на 2001–2005 годы [10].

В исследовании представительства женщин в арабских парламентах, писатель Мона Файяд в своем исследовании «Женщины и политика», в которое вошли пятнадцать стран (Алжир, Бахрейн, Иордания, Кувейт, Марокко, Ливан, ОАЭ, Йемен, Катар, Судан, Тунис, Палестинская автономия, Саудовская Аравия, Сирия), обнаружил, что самый высокий процент представительства женщин в парламенте приходится на Сирийскую Арабскую Республику 12 %, за ней следует Тунис с 11,5 %, а самый низкий процент в Йемене 3 % [11, с. 16].

Что касается времен ИГИЛ, то сирийские женщины страдали от худших и самых жестоких форм несправедливости и пыток. Террористическая организация практиковала метод запугивания, раннего брака несовершеннолетних, обращения в рабство и продажи женщин, а также вербовки некоторых из них для ведения боевых действий и бомбардировок. Террористическая организация воспользовалась отсутствием у женщин мужей, чтобы воевать или выезжать за пределы Сирии, а также препятствовала работе под тем предлогом, что работа приведет к смешению с противоположным полом [12].

Война создала новые условия и образ жизни, отличный от той конституционной жизни, к которой привыкли сирийцы. Для детей стало нормальным не ходить по утрам в школу, участвовать в боевых действиях и искать возможности для работы. Эти явления были порождены войной, и нарушения прав детей и их права на достойную жизнь повторяются во многих странах, страдающих от войн, без решения со стороны государств или международных организаций по правам человека и детей.

Передача власти террористам и потеря равенства и демократии для сирийских граждан на северо-востоке Сирии создали уникальную модель легитимности сирийского режима, чтобы выжить перед лицом международной волны неприятия сирийского режима во главе с президентом Башар аль-Асадом, который добился многих успехов во всех сферах. Сирия занимала второе место в рейтинге самых безопасных и свободных от преступности стран до наступления хаоса, и распространения терроризма в 2011 г. и в дополнение к верховенству закона, равенству и поощрению участия женщин в политической и практической жизни.

Несмотря на международное осуждение преступлений ИГИЛ и Сирийских демократических сил, Соединенные Штаты Америки по сей день остаются в силе в Сирийских демократических силах без какого-либо уважения к международным уставам и договорам.

По сей день граждане-христиане северо-восточной Сирии в городах Хасака, Камышла и Аль-Маликия страдают от притеснений и террора со стороны Сирийских демократических сил и турецких нападений на них с целью перемещения и демографических изменений в регионе.

Список литературы:

1. Конституция Сирийской Арабской Республики 1973 года с поправками к ней от 11.06.2000 [Электронный ресурс]. URL: http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5518&cat=413&.
2. Конституция Сирии 1950 г. Окончательный текст Конституции, одобренный Учредительным собранием 1950 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitutionnet.org/sites/default/files/syrian_constitution_-1950-arabic.pdf.
3. Махмуд Эль-Сайед, Система образования в Сирии как реальность, основные проблемы и прогресс. Дамаск. 2010. 930 с.
4. Муханнад Аль Кати, Сложная сцена... об образовании на севере и северо-востоке Сирии [Электронный ресурс]. URL: https://www.noonpost.com/content/34929.
5. UNICEF Data: Monitoring the situation of children and women - Child labour https://data.unicef.org/topic/child-protection/child-labour/.
6. Абир Мухаммад Сорур, Перемещение и его связь с отсевом из школы. В свете войны в Сирии. Дамаск. 2020. С. 224, 225.
7. Дейч, Т. Л. Сирийский кризис и борьба с терроризмом: международный аспект / Т. Л. Дейч // Конфликтология / nota bene. – 2017. – № 2. – С. 10.
8. Оказание жизненно необходимой помощи и поддержка сообщества. Годовой отчет 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/End%20of%20Year%202018%20Ar.pdf.
9. Спенцерова Т., Сирия: «геноцид христиан» и «святая война» [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20160402/235964840.html.
10. Обзор достижений и проблем в области поощрения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, часть первая, на веб-сайте Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/womenwatch/daw/Review/responses/SYRIAN-ARAB-REPUBLIC-Arabic.pdf
11. Канават Лама, Политическое участие сирийских женщин в период между Матном и маргинализацией. Париж. 2016. С. 16.
12. Сексуальное насилие с применением оружия в Сирии в отношении женщин: Один из инструментов политического угнетения и дальнейшего демонтажа и обнищания общества и женщин [Электронный ресурс]. URL: https://www.wilpf.org/wp-content/uploads/2020/10/7.30pm-Arabic_Sexual-violence-report_singlepages.pdf.

Tofan M. On the impact of the change of power on Syrian citizens in north-east Syria during the Syrian war since 2011 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 90-94.

The article is devoted to the study of the consequences of the transfer of power to terrorist and Kurdish organizations in the north-east of Syria for the life of Syrian citizens during the Syrian war since 2011.

Since power shifted from the hands of the Syrian state to terrorists such as the Islamic State of Iraq and the Levant and Kurds such as the US-backed Syrian Democratic Forces, new laws and regulations have emerged to limit the rights of Syrian citizens.

The new situation brought strict rules. Travel was banned, compulsory military service began, schools were closed, children were used in terrorist operations, in addition to the execution of many citizens who rejected the new government, women were captured and sold, and against the Yezidis, the punishment for genocide was committed against them and were considered incorrect.

Key words: Syrian constitution, education, children, terrorism, ISIS, women, war.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Sirijskoj Arabskoj Respubliki 1973 goda s popravkami k nej ot 11.06.2000 [Elektronnyj resurs]. URL: http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5518&cat=413&.
2. Konstituciya Sirii 1950 g. Okonchatel'nyj tekst Konstitucii, odobrennyj Uchreditel'nym sobraniem 1950 g. [Elektronnyj resurs]. URL: https://constitutionnet.org/sites/default/files/syrian_constitution_-1950-arabic.pdf.
3. Mahmud El'-Sajed, Sistema obrazovaniya v Sirii kak real'nost', osnovnye problemy i progress. Damask. 2010. 930 s.
4. Muhannad Al' Kati, Slozhnaya scena... ob obrazovanii na severe i severo-vostoke Sirii [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.noonpost.com/content/34929.
5. UNICEF Data: Monitoring the situation of children and women - Child labour https://data.unicef.org/topic/child-protection/child-labour/.
6. Abir Muhammad Sorur, Peremeshchenie i ego svyaz' s otsevom iz shkoly. V svete vojny v Sirii. Damask. 2020. S. 224, 225.
7. Dejch, T. L. Sirijskij krizis i bor'ba s terrorizmom: mezhdunarodnyj aspekt / T. L. Dejch // Konfliktologiya / nota bene. – 2017. – № 2. – S. 10.
8. Okazanie zhiznenno neobhodimoj pomoshchi i podderzhka soobshchestva. Godovoj otchet 2018. [Elektronnyj resurs]. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/End%20of%20Year%202018%20Ar.pdf.
9. Spencerova T., Siriya: «genocid hristian» i «svyataya vojna» [Elektronnyj resurs]. URL: https://inosmi.ru/20160402/235964840.html.
10. Obzor dostizhenij i problem v oblasti pooshchreniya gendernogo ravenstva i rasshireniya prav i vozmozhnostej zhenshchin, chast' pervaya, na veb-sajte Organizacii Ob"edinennyh Nacij [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.un.org/womenwatch/daw/Review/responses/SYRIAN-ARAB-REPUBLIC-Arabic.pdf.
11. Kanavat Lama, Politicheskoe uchastie sirijskih zhenshchin v period mezhdu Matnom i marginalizaciej. Parizh. 2016. S. 16.
12. Seksual'noe nasilie s primeneniem oruzhiya v Sirii v otnoshenii zhenshchin: Odin iz instrumentov politicheskogo ugneteniya i dal'nejshego demontazha i obnishchaniya obshchestva i zhenshchin [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.wilpf.org/wp-content/uploads/2020/10/7.30pm-Arabic_Sexual-violence-report_singlepages.pdf.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 95-101.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ

Алфёров С. Н.
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье актуализируется необходимость определения понятия административных правонарушений коррупционной направленности, а также установления особенностей административной ответственности за их совершение.

Приведены статистические данные, иллюстрирующие состояние противодействия коррупционным правонарушениям (преступлениям и административным правонарушениям). Отмечено существование негативных тенденций, связанных с ростом преступлений коррупционной направленности и низким уровнем взыскиваемости административных штрафов по делам об административных коррупционных правонарушениях. С учетом анализа положений антикоррупционного законодательства, учебных и научных публикаций выделены: законодательные признаки правонарушений, связанных с коррупцией; особенности административной ответственности за коррупционные правонарушения; признаки и виды административных коррупционных правонарушений и др.

Сделан вывод о том, что в отсутствие официального перечня административных коррупционных правонарушений целесообразно относить к их числу лишь незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП), а к числу правонарушений, связанных с коррупцией – незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего, либо бывшего государственного или муниципального служащего (ст. 19.29 КоАП).

Ключевые слова: коррупция, коррупционное правонарушение, административное коррупционное правонарушение, административная ответственность.

В условиях развития негативных явлений в России, вызванных кризисными процессами мирового масштаба, актуализируется вопрос о необходимости минимизации воздействия коррупции на экономику, государственное управление и другие сферы общественной жизни. Повышение эффективности противодействия коррупции, ставшего частью государственной политики и приоритетом в деятельности органов публичной власти, сегодня, как никогда, важно для нейтрализации влияния на процессы реформирования отраслей экономики, получающих государственную поддержку, обеспечивающих реализацию социально-значимых проектов, финансирование программ развития нашей страны в ближайшей и отдаленной перспективе.

На одной из пресс-конференций В. Путин указал, что «…борьба с коррупцией – чрезвычайно важная вещь, мы уделяем ей большое внимание, придаем большое значение и будем делать все для искоренения коррупции в самом широком смысле этого слова» [1].

С учётом комплекса проводимых в Российской Федерации реформ, борьба к коррупционными правонарушениями, как административно-наказуемыми, так и преступными, осуществляется на принципах активности государственных и общественных институций в выявлении факторов, порождающих возникновение коррупционной ситуации, оперативного пресечения коррупционных деяний, безусловного привлечения к юридической ответственности лиц, виновных в их совершении,

а также исключения для коррупционеров возможности пользоваться незаконно полученными средствами.

Солидаризуясь с международным сообществом, Россия обеспечила криминализацию основных противоправных деяний, связанных с коррупцией, закрепив их основные виды в уголовном законодательстве, а в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП РФ – ответственность юридических лиц за совершение актов коррупции (ст. 19.28 КоАП РФ).

Несмотря на масштабность антикоррупционной деятельности правоохранительных органов, широкое привлечение к ней институтов гражданского общества и инструментов цифровизации экономических процессов, необходимо отметить существование негативных тенденций, связанных с ростом преступлений коррупционной направленности и низким уровнем взыскиваемости административных штрафов по делам об административных коррупционных правонарушениях.

Например, статистка Генеральной прокуратуры России за 2019-2021 гг. показывает, что число преступлений коррупционной направленности выросло с 30 991 в 2019 году до 35 051 в 2021 году (+ 12,6%, а по сравнению с 2020 годом – на 13,8 %). Более половины из них составляют факты взяточничества (18,6 тыс.), число которых возросло на четверть. Еще около 12 тыс. приходится на другие должностные преступления, предусмотренные гл. 30 УК РФ. В каждом третьем случае размер взятки не превышал 10 тыс. рублей (+33,3 %, 7 тыс.). Материальный ущерб, причиненный преступлениями данного вида, в 2021 году составил 63 921 292 тыс. руб. (+9,7%); сумма возмещенного материального ущерба увеличилась по сравнению с 2020 г. на 37,1% и составила 21 865 250 тыс. руб. [2]

Что касается административных коррупционных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена частями 1-3 статьи 19.27 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», то, по данным судебной статистики, за аналогичный период административному наказанию за их совершение подвергалось: в 2019 и 2020 г. – 345; 2021 г. – 370 юридичеких лиц (+7,8 %). Основным видом административного наказания во всех случаях выступал административных штраф, сумма которого составляла в 2019 г. – 566 244 764 руб. (уплачено – 121 466 666 руб.; – 78,55%); в 2020 г. – 471 808 556 руб. (уплачено – 121 069 223 руб.; – 74,4%); в 2021 г. – 486 146 350 руб. (уплачено – 189 335 250 руб.; – 61,1%) [3]. Общая «недополученная» государством сумма штрафов – 1 092 328 531, что составляет, к примеру, около 10% размера годового бюджета Еврейской АО на 2020 г. и плановый период 2021-2022 г. [4].

Приведенные выше данные, а также анализ других результатов правоприменения свидетельствуют, что имеющийся арсенал административной ответственности используется еще недостаточно. В первую очередь, это проявляется в отсутствии группы самостоятельных норм, устанавливающих ответственность за коррупционные административные правонарушения, положений об усиленной административной ответственности представителей государственных служащих и других лиц выполняющих государственные и публичные функции, неэффективном функционировании механизма принудительного взыскания административных штрафов в отношении юридических лиц (например, арест имущества в целях обеспечения исполнения постановления о назначении административного наказания по ст. 19.28 КоАП

РФ в 2021 г. применялся 209 раз (административное наказание было назначено 370 лицам) и др.

Целью данной публикации является изучение и характеристика административных правонарушений коррупционной направленности с позиций их особенностей и конструкции понятия.

Достижение данной цели предусматривает: уяснение легального понятия коррупционного правонарушения и его признаков, закреплённых в действующем законодательстве; анализ норм КоАП РФ, содержащих признаки коррупционных противоправных деяний; формулирование на основе выявленных признаков понятия «административные правонарушения коррупционной направленности».

Следует отметить, что в современной административно-правовой науке существует достаточное число исследований, посвященных антикоррупционной проблематике. Так, изучению коррупции в системе государственной службы, административно-правового механизма противодействия этому негативному явлению, юридической ответственности за коррупционные деяния уделяли внимание А.Б. Артемьев, В.В. Астанин, Г.В. Вершицкая, Б.В. Волженкин, А.И. Долгова, Д.Г. Заброда, С.К. Илий, Э.Р. Исламова, А.С. Квитчук, А.В. Куракин, Д.К. Нечевин, К.В. Севрюгин, Т.Я. Хабриева, А.А. Шевелевич и ряд других авторов.

Базируясь на существующих подходах к пониманию правовой природы коррупции и её проявлений, рассмотрение особенностей административных правонарушений коррупционной направленности целесообразно проводить, исходя из нормативного закрепления этой категории.

Так, Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» содержит легальное понятие коррупции. Определение коррупции в нескольких вариантах дает ст. 1 данного Закона:

1) злоупотребление служебным положением либо полномочиями, дача либо получение взятки, коммерческий подкуп либо другое незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

2) совершение деяний, указанных выше, от имени или в интересах юридического лица [5].

Буквально толкование этой нормы показывает, что законодатель:

а) назвал ряд коррупционных правонарушений, за совершение которых действующим законодательством предусмотрена уголовная ответственность: злоупотребление служебным положением либо полномочиями, дача либо получение взятки, коммерческий подкуп;

б) определил признаки противоправных деяний, которые могут быть расценены и как преступления, и как правонарушения, за которые предусмотрены другие виды юридической ответственности;

в) выделил в самостоятельную группу коррупционные деяния, совершенные от имени или в интересах юридического лица, не обозначив вид ответственности, который наступает за их совершение.

В свою очередь, в юриспруденции коррупционные правонарушения в зависимости от вида юридической ответственности подразделяются на:

а) коррупционные преступления;

б) иные коррупционные правонарушения: коррупционные гражданско-правовые деликты, коррупционные дисциплинарные проступки, коррупционные административные правонарушения.

По нашему мнению, к особенностям административной ответственности за коррупционные правонарушения следует относить:

а) введение сигнальных аспектов предупреждения совершения деяний, влекущих административную ответственность за коррупционные правонарушения, путем внесения нарушителя в Единый государственный реестр лиц, совершивших коррупционные или связанные с коррупцией правонарушениях);

б) особое основание инициации: юридический состав коррупционного правонарушения, связанного с коррупцией;

в) четко выраженные родовой (государственный порядок и установленный порядок управления) и непосредственный (нормальная деятельность лиц, которые выполняют функции государства) объекты посягательства;

г) формальный состав таких правонарушений;

д) специальный субъект (физическое лицо, которое, как правило, достигло восемнадцатилетнего возраста, и которое в соответствии с действующим законодательством выполняет ряд специфических функций государства или местного самоуправления, приравнивается к ним, постоянно или временно выполняет организационно-распорядительные или административно хозяйственные обязанности в юридических лицах, или другие лица, в случае предоставление ими определенным выше лицам неправомерной выгоды);

е) вина только в форме прямого умысла;

ж) более жесткие, в сравнении с другими составами административных правонарушений и некоторыми уголовными наказаниями, санкции;

з) существование наряду с административной ответственностью дисциплинарной (освобождение от должности или иное отстранение от выполнения функций государства), а также иных правовых запретов и ограничений, установленных антикоррупционным законодательством, в том числе и связанных с привлечением к административной ответственности [6].

Раскрывая общее понимание коррупционного правонарушения, отметим диалектическую связь частного и общего понятий, вида («коррупционное правонарушение») и рода («правонарушение»).

В связи с этим, деяние признается административным коррупционным правонарушением, если оно: является умышленным; содержит признаки коррупции; совершено определенным субъектом – лицом, имеющим соответствующий статус; за него законом не установлена другая, кроме административной, юридическая ответственность .

Необходимо указать, что в административно-правовой доктрине отсутствует единый подход в отношении содержания понятия «коррупционные административные правонарушения», не выработаны четкие критерии отнесения административных правонарушений к коррупционным.

Так, Э.Р. Исламова, используя категорию «административное коррупционное правонарушение», характеризуют её как «…нарушения требований законодательства о противодействии коррупции, ответственность за которые установлена КоАП РФ» [7].

Ростовцева Ю.В., Квитчук А.С., Хмара А.М. оперируют термином «административные правонарушения коррупционного характера», считая, что они представляют собой противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, содержащее признаки коррупции и влекущее причинение вреда интересам личности и государству, за совершение которого предусмотрена административная ответственность [8-9].

Г.В. Вершицкая и С.К. Илий полагают, что целесообразно определить круг «административных правонарушений коррупционной направленности», под которыми понимается «…действие (бездействие) физического или юридического лица, совершенное умышленно либо по неосторожности как с использованием своего служебного положения, так и с отступлением от своих прямых прав и обязанностей» [10-11].

Обобщая доктринальные позиции по данному вопросу, необходимо поддержать мнение тех учёных-административистов, которые обращают внимание на необходимость применения термина «административные коррупционные правонарушения», т.е. обладающие признаками коррупции правонарушения, ответственность за которые установлена КоАП РФ.

В связи тем, что КоАП РФ содержит лишь одно «коррупционное административное правонарушение», предусмотренное ст. 19.28 КоАП, то предлагаем его следующее понятие – это деяние (действие или бездействие) юридического лица либо его должностного лица, состоящее в нарушении установленного порядка реализации интересов юридического лица путем передачи, предложения или обещания лицам, указанным в ст. 19.28 КоАП РФ, незаконного вознаграждения.

Исходя из содержания ст. 19.28 КоАП РФ, можно выделить и другие виды административных коррупционных правонарушений юридических лиц в зависимости от:

1) характера противоправного поведения субъекта: действие, бездействие;

2) предмета незаконного вознаграждения: деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, имущественные права;

3) размера, на который посягают вышеназванные деяния: действия, совершенные в крупном размере; действия, совершенные в особо крупном размере;

4) субъектов, в интересах которых совершаются такие действия: должностных лиц; лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации; иностранных должностных лиц; действия, должностного лица публичной международной организации.

Что касается «административных правонарушений коррупционной направленности», то для них присущи отдельные признаки коррупции, такие, как:

- принадлежность субъекта противоправного деяния к категории лиц, подпадающих под действие антикоррупционного законодательства;
- совершение противоправного деяния, связанного с незаконным использованием финансов, имущества, других ресурсов, принадлежащих государству, органом местного самоуправления и др.;
- использование служебного или публичного статуса для получения личной выгоды;

- совершения в сфере публичных отношений (выборов, государственных закупок, расходования средств государственного бюджета, лицензионно-разрешительной деятельности и т.д.).

Думается, что к числу таких правонарушений, в соответствии с указанными признаками, могут быть отнесены административно наказуемые деяния, закреплённые в КоАП РФ: гл. 5 (ст. 5.16–5.20, 5.45–5.48, 5.50, 5.52;) гл. 7 (ст. 7.27, 7.31, 7.31.1); гл. 14 (ст. 14.25), гл. 15 (ст. 15.14, 15.21); гл. 19 (ст. 19.8.1, ст.19.9, ст. 19.28, ст. 19.29).

Таким образом, в научной литературе сложилось два подхода к определению круга административных правонарушений коррупционной направленности.

Первый, узкий, включающий в себя исключительно правонарушения, имеющие нормативно закреплённые признаки коррупции (ст. 19.28 КоАП РФ). Основным аргументом в пользу первого подхода является существующая законодательная конструкция диспозиции данного правонарушения.

Широкий подход – соответственно увеличивает число таких составов за счет наличия у ряда правонарушений одного или нескольких признаков коррупции. Использование этого подхода направлено на: усовершенствование статистического учёта противоправных деяний, связанных с коррупцией, возможную систематизацию групп правонарушений, объединенных едиными объектами или субъектами; распространения антикоррупционных запретов или ограничений на другие административные правонарушения, имеющие признаки коррупции и др.

Обобщая изложенное, необходимо сделать вывод о том, что при отсутствии официального перечня административных коррупционных правонарушений целесообразно относить к их числу лишь незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП РФ), а к числу правонарушений, связанных с коррупцией – незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего (ст. 19.29 КоАП РФ).

Отнесение иных составов административных правонарушений к числу коррупционных, является условным, однако может быть учтено при организации профилактики коррупции в различных отраслях государственной деятельности и экономики, проведении научных исследований, а также антикоррупционного просвещения.

Список литературы:

1. Путин: борьба с коррупцией не должна использоваться как инструмент политической борьбы (20.08.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/12181413?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 12.07.2022).
2. Состояние преступности в России (январь декабрь 2021 года): статистический сборник. – М., Генеральная прокуратура, 2022, 64 с.
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2019, 2020, 2021 гг.: форма № 1-АП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения 12.07.2022).
4. Бюджеты субъектов РФ в цифрах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bujet.ru/article/396309.php/ (дата обращения 12.07.2022).
5. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.07.2022 г.).
6. Алфёров С.Н. Особенности административно-правовой ответственности за коррупционные правонарушения / С. Н. Алфёров // Форум права. – 2011. – № 4. – С. 9–14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2011-4/11acmzkp.pdf. (дата обращения 12.07.2022).
7. Исламова Э.Р. Участие прокурора в производстве по делам об административных коррупционных

правонарушениях: учебное пособие, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015, С. 5.
8. Ростовцева Ю.В. Административная ответственность за коррупционные правонарушения в системе государственной службы // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2012. - № 3. – С. 47-52.
9. Квитчук А.С., Хмара А.М. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 2 (62). – С. 60.
10. Вершицкая Г.В. Особенности правовой квалификации коррупционных правонарушений // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Том 17. – № 1. – С. 20.
11. Илий С.К. Административные правонарушения коррупционной направленности // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 460-468.

Alferov S.N. Administrative corruption offenses: the concept and features of responsibility for their commitment // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 95-101.

The article updates the need to define the concept of administrative offenses of a corruption orientation, as well as to establish the features of administrative responsibility for their commission.

Statistical data illustrating the state of counteraction to corruption offenses (crimes and administrative offenses) are given. It is noted that there are negative trends associated with the growth of corruption-related crimes and the low level of collection of administrative fines in cases of administrative corruption offenses.

Taking into account the analysis of the provisions of anti-corruption legislation, educational and scientific publications, the following are highlighted: legislative signs of offenses related to corruption; features of administrative responsibility for corruption offenses; signs and types of administrative corruption offenses, etc.

It is concluded that in the absence of an official list of administrative corruption offenses, it is advisable to include only illegal remuneration on behalf of a legal entity (Article 19.28 of the Code of Administrative Offenses), and illegal involvement in labor activity or work or the provision of services by a state or municipal employee or a former state or municipal employee (Article 19.29 of the Code of Administrative Offenses).

Keywords: corruption, corruption offense, administrative corruption offense, administrative responsibility

Spisok literatury:

1. Putin: bor'ba s korrupciej ne dolzhna ispol'zovat'sya kak instrument politicheskoj bor'by (20.08.2021) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://tass.ru/politika/12181413?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (data obrashcheniya 12.07.2022).
2. Sostoyanie prestupnosti v Rossii (yanvar' dekabr' 2021 goda): statisticheskij sbornik. – M., General'naya prokuratura, 2022, 64 s.
3. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah za 12 mesyacev 2019, 2020, 2021 gg.: forma № 1-AP [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (data obrashcheniya 12.07.2022).
4. Byudzhety sub"ektov RF v cifrah [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://bujet.ru/article/396309.php/ (data obrashcheniya 12.07.2022).
5. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii korrupcii» ot 25.12.2008 № 273-FZ [Elektronnyj resurs]. — Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 09.07.2022 g.).
6. Alfyorov S.N. Osobennosti administrativno-pravovoj otvetstvennosti za korrupcionnye pravonarusheniya / S. N. Alfyorov // Forum prava. – 2011. – № 4. – S. 9–14 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2011-4/11acmzkp.pdf. (data obrashcheniya 12.07.2022).
7. Islamova E.R. Uchastie prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnyh korrupcionnyh pravonarusheniyah: uchebnoe posobie, Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury RF, 2015, S.5.
8. Rostovceva YU.V. Administrativnaya otvetstvennost' za korrupcionnye pravonarusheniya v sisteme gosudarstvennoj sluzhby // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2012. – № 3. – S. 47-52.
9. Kvitchuk A.S., Hmara A.M. Administrativnaya otvetstvennost' za korrupcionnye pravonarusheniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2004. – № 2 (62). – S. 60.
10. Vershickaya G.V. Osobennosti pravovoj kvalifikacii korrupcionnyh pravonarushenij // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. – 2017. – Tom 17. – № 1. – S.20.
11. Ilij S.K. Administrativnye pravonarusheniya korrupcionnoj napravlennosti // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2015. – № 5. – S. 460-468.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 102-107.

УДК 341.43

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Биляев В. А.
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются и анализируются системные элементы содержания административно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации. Статус иностранных граждан в Российской Федерации граждан определяется как совокупность урегулированных нормами законодательства прав и обязанностей индивида, являющегося иностранным гражданином, которые связаны с обеспечением безопасности в сфере экономики и управления, поддерживаются государственными и муниципальными гарантиями, и обеспечиваются охраной и контролем за их соблюдением. Автор обращает внимание на необходимости полноценного законодательного урегулирования вопросов, связанных с административно-правовым статусом иностранных граждан в Российской Федерации с целью воспрепятствования злоупотреблениям должностными обязанностями и коррупционным правонарушения, закономерным следствием которых являются нарушения действующего законодательства, а также прав и свобод личности.

Ключевые слова: административно-правовой статус, иностранные граждане, административная правосубъектность, административная правоспособность, административная дееспособность.

Стремительная информатизация и цифровизация современного российского общества объективно предопределяют качественное усовершенствование административно-управленческих механизмов регулирования общественных отношений и их адаптации потребностям настоящей эпохи. Главной особенностью административно-правовых отношений является особая правовая характеристика их субъектов, придающая им в конкретном содержательном смысле качество специализированных. Такие субъекты характеризуются наличием предметно определенного административно-правового статуса. Административно-правовой статус нормативно конкретизирован в отношении основной, в области административно-правовых отношений, группы властных субъектов, к которым относится государство, в лице органов, реализующих властные полномочия, а также их должностных лиц и государственных служащих. В то же время, взаимодействие с властными субъектами и структурами физических лиц и законодательно определенные возможности для такого взаимодействия, закрепленные, прежде всего, Конституцией РФ, требуют урегулирования специального правового положения последних. Учитывая, при этом, активные глобализационные процессы, нельзя в данных вопросах также игнорировать постоянное вовлечение иностранных граждан в сферу административно-правовых отношений в качестве субъектов, обладающих особым административно-правовым статусом.

Различные аспекты административно-правового статуса личности продолжительное время пребывают в сфере научного внимания. Комплексные исследования рассматриваемого направления осуществлялось многими известными учеными, в том числе: Аксеновым А.Б., Витруком, Н.В., Гринь А.В., Дерябиной Т.П., Захаровым В.В., Ионовой Д.Ю., Ланцовым С.А., Макеевой, В.Н., Сидоровой, А.В., Скоро-

пуповым Ю.И., Таукибаевой Ш.Ж., Шилкиным А.М., Шулежко В.И., Шулежко В.И., а также и другими.

Однако, на текущий момент, закрепленный в нормативных актах административно-правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации, являющийся составной частью универсального правового статуса личности, не в полной мере соответствует потребностям сложившейся общественной и правовой реальности, в том числе общепризнанным международно-правовым стандартам и поэтому нуждается в усовершенствовании. Необходим научный анализ самого юридического понятия административно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации, что и является целью настоящей статьи.

Человек, как основной автономный актор отношений, складывающихся в обществе, выступает законным субъектом любых правоотношений, в том числе, административно-правовых. В этой, а также и в других сферах общественной жизнедеятельности он может реализовывать свои права и обязанности в качестве гражданина, лица без гражданства, иностранного гражданина, бипатрида и т.д. Комплекс соответствующих прав, которыми наделена личность, сообразно ее общественно-правовому статусу, включая права, входящие в сферу административно-правовых отношений, требует государственного обеспечения и защиты, что достигается путем оптимальной нормативной регламентации.

Фундаментальные положения определяющие правовой статус личности, которые закреплены в гл. 2 Конституции РФ, основываются на основополагающем правиле, в соответствии с которым главной обязанностью государства является признание, соблюдения и защита прав личности, независимо от ее правового статуса, что соответствует общепризнанным международно-правовым принципам, включая Декларацию прав и свобод гражданина, принятую постановлением Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1.

Доктринальное определение правового статуса личности традиционно предполагает соотнесение легального положения индивидуума, сообразно тем правам и обязанностям, которыми он обладает. В зависимости от сферы правового регулирования (отрасли права) в которой складываются общественно-правовые отношения в связи с вовлечением человека в их орбиту, различным представляется и его правовой статус [1]. Иными словами, речь идет о различных горизонтах взаимоотношений человека с общественной средой [2].

Основные права и обязанности человека, которые гарантируются Российской Федерацией, закреплены во Всеобщей декларация прав человека 1948 г. и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. Так статьи 3 и 7 Всеобщей декларации прав человека закрепляют безусловное равенство перед законом и неприкосновенность всех людей независимо от их конкретной гражданской принадлежности или ее отсутствия. Также статья 13 данного документа предусматривает равные возможности для всех людей, независимо от их гражданского правового статуса, связанные с выбор места жительства или пребывания, а также пересечения в указанных целях государственных границ. Упоминаемое положение служит общепризнанным основанием для иностранных граждан постоянно или временно проживать (находиться) на территории другого государства, реализуя при том весь комплекс необходимых жизненных потребностей и прав, пребывая, одновременно, в статусе иностранца [3].

Соблюдение принципа равноправия является своеобразным индикатором необходимого минимального уровня цивилизованности общества и страны. В то же время, для различных стран закономерно свойственна собственная правовая специфика. Правовой статус личности всегда рознится в зависимости от особенностей взаимоотношений, которые складываются между такой личностью, с одной стороны, а также обществом и государством – с другой. Уровень и особенности таких взаимоотношений у граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, беженцев и т.д. в системе определенных государственно-правовых координат отличаются. Наиболее обширным спектром прав, включая политические права, всегда обладают граждане страны. Одновременно, на них же распространяется и наибольший объем обязанностей. Например, таких как, обязательная военная служба или всеобщая воинская повинность. Такое необходимое «уравнивание», в свою очередь, свидетельствует об отсутствии какой-либо законодательной дискриминации представителей других, не относящихся к гражданам категорий.

В более широком и полноценном представлении правовой статус личности является понятием комплексным, состоящим из взаимосвязанных элементов, образующих его системно-содержательную сущность. Элементами, образующими административно-правовой статус личности, выступают ее права и обязанности, включая, как отмечают многие современные исследователи, различные виды юридической ответственности. Необходимым элементом, характеризующим статус физического лица, является его административная правосубъектность, включающая такие компоненты, как правоспособность и дееспособность в административно-правовом понимании. Про этом, главной особенностью административной правосубъектности иностранных граждан является то, что, для указанной категории лиц, она возникает после пересечения ими государственной границы Российской Федерации. Прекращения такого статуса обусловлено тремя случаями: оставлением территории Российской Федерации, смертью или приобретением гражданства РФ. Для граждан страны, особенности возникновения и прекращения состояния административной правосубъектности принципиально иные. Для них такое правовое состояние возникает с момента рождения и прекращается в результате смерти или прекращения гражданства.

Учитывая мнение В.И. Шулежко, элементами административно-правового статуса иностранного гражданина, должны являться его административная правосубъектность, а также права, обязанности, запреты и ответственность. Принципиально не противоречит такому подходу и раскрытие содержания данного понятия посредством характеристики индивидуальных прав, свобод, юридических обязанностей и ответственности лица [4]. В свою очередь, М.В. Витрук полагает, что в комплекс элементов, раскрывающих содержание данного понятия, наряду с совокупностью прав и обязанностей физического лица, должны входить его законные интересы [5].

Учитывая приводимые выше мнения ученых, считаем, что обязательными составляющими административно-правового статуса иностранных граждан в РФ являются их права и обязанности. Все иные элементы, так или иначе, из них вытекают, т.е. имеют производный, по своему существу, характер. Отдельно, по нашему мнению, также следует выделить такой необходимый производный элемент как правовые гарантии (государственные, муниципальные), которые направлены на ре-

ализацию прав и обязанностей лица, сообразно его административно-правовому статусу.

Теоретическое деление прав и обязанностей иностранных граждан в сфере административного права и управления, может осуществляться согласно различным критериям. Одним из основных здесь выступает критерий волеизъявления, согласно которому рассматриваемые права и обязанности подразделяются на абсолютные (обусловленные фактором прямого волеизъявления) и относительные. Последние зависят от наличия фактических возможностей их осуществления. Комплекс общих прав и обязанностей иностранных граждан не зависит от сферы государственного или муниципального управления. Так каждый иностранец имеет право на обжалование незаконных действий. В свою очередь специальные права и обязанности всегда рассматриваются применительно к определенной сфере государственного управления – образование, медицина и т.д.

Конкретно-индивидуальная составляющая прав и обязанностей иностранного гражданина зависит от ряда объективных факторов, включая его образовательный уровень (знание государственного языка), специальные профессиональные качества, состояние здоровья, возраст и т.д. [6]. В то же время, основополагающим для правильного понимания административной правоспособности иностранных граждан является принцип или презумпция равенства. Презумпция равенства, в широком системном представлении, всегда предполагает обеспечение равного распределения необходимых благ и возможностей в обществе. Учитывая положения Конституций РФ (ч. 2 ст. 18) права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, чем обусловлена необходимость регулирования административно-правового статуса иностранных граждан в сфере государственного управления на уровне законодательных актов. Также, как и в отношении граждан страны, административная правоспособность иностранных граждан не может отчуждаться или иным образом ограничиваться за исключением случаев, предусмотренных законодательством и оправданных необходимыми общественными потребностями.

Административная дееспособность иностранных граждан является способностью таких лиц, в результате своих действий приобретать соответствующие субъективные права и реализовывать возложенные на них законом юридические обязанности, т.е. осуществлять их. Основания для ограничения административной дееспособности иностранных граждан общие. Так, учитывая положения статьи 2.8 КоАП РФ физическое лицо не подлежит административной ответственности если в момент совершения описываемых законом действий такое лицо «находилось в состоянии невменяемости, т.е. не могло осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики» [7].

Таким образом, административно-правовой статуса иностранных граждан в Российской Федерации граждан представляет совокупность урегулированных нормами законодательства прав и обязанностей индивида, являющегося иностранным гражданином, связанных с обеспечением безопасности в сфере экономики и управления, поддерживаемых государственными и муниципальными гарантиями, и обеспечиваемых охраной и контролем за их соблюдением. Необходимое урегулирование в законодательстве вопросов, связанных с административно-правовым статусом ино-

странных граждан в Российской Федерации должно стать естественным и необходимым барьером, препятствующим таким пагубным явлениям как злоупотребления должностными обязанностями и коррупционные правонарушения, закономерным следствием которых являются нарушения действующего законодательства, а также прав и свобод личности.

Список литературы:

1. Верин, А.Ю. К вопросу о структуре правового статуса личности / А.Ю. Верин // ВЭПС. – 2012. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-pravovogo-statusa-lichnosti. – Текст: электронный.
2. Дерябина, Т.П. Человек и закон. Правовой статус гражданина / Т.П. Дерябина, Н.В. Попов // Успехи в химии и химической технологии. – 2015. – №5 (164). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-zakon-pravovoy-status-grazhdanina. – Текст: электронный.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/30b3f8c55f65557c253227a65b908cc075ce114a/. – [Текст]: электронный.
4. Шулежко, В.И. Понятие административно-правового статуса гражданина Российской Федерации / В.И. Шулежко // Наука и современность. 2017. №51. С. 53 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-administrativno-pravovogo-statusa-grazhdanina-rossiyskoy-federatsii. – Текст: электронный.
5. Витрук, Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / ред. В.А. Патюлин. Москва: Наука, 1979. – С.147.
6. Сайдукова, С.Ю. К вопросу о создании административных судов в Российской Федерации / Сайдукова С.Ю. // Вестник БГУ. – 2013. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-administrativnyh-sudov-v-rossiyskoy-federatsii-1. – Текст: электронный.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.– [Текст]: электронный.

Bilyaev V. A. On the question of the concept of the administrative and legal status of foreign citizens in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 102-107.

The article examines and analyzes the system elements of the content of the administrative and legal status of foreign citizens in the Russian Federation. The status of foreign citizens in the Russian Federation of citizens is defined as a set of rights and obligations regulated by the norms of legislation of an individual who is a foreign citizen, which are related to ensuring security in the field of economics and management, are supported by state and municipal guarantees, and are provided with protection and control over their observance. The author draws attention to the need for a full-fledged legislative settlement of issues related to the administrative and legal status of foreign citizens in the Russian Federation in order to prevent abuse of official duties and corruption offenses, the natural consequence of which are violations of current legislation, as well as individual rights and freedoms.

Keywords: administrative and legal status, foreign citizens, administrative legal personality, administrative legal capacity, administrative capacity.

Spisok literatury:

1. Verin, A.YU. K voprosu o strukture pravovogo statusa lichnosti / A.YU. Verin // VEPS. – 2012. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-pravovogo-statusa-lichnosti. – Tekst: elektronnyj.
2. Deryabina, T.P. CHelovek i zakon. Pravovoj status grazhdanina / T.P. Deryabina, N.V. Popov // Uspekhi v himii i himicheskoj tekhnologii. – 2015. – №5 (164). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-zakon-pravovoy-status-grazhdanina. – Tekst: elektronnyj.
3. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/30b3f8c55f65557c253227a65b908cc075ce114a/. – [Tekst]: elektronnyj.
4. Shulezhko, V.I. Ponyatie administrativno-pravovogo statusa grazhdanina Rossijskoj Federacii / V.I. SHulezhko // Nauka i sovremennost'. 2017. №51. S. 53 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-administrativno-pravovogo-statusa-grazhdanina-rossiyskoy-federatsii. – Tekst: elektronnyj.
5. Vitruk, N.V. Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v socialisticheskom obshchestve / red. V.A. Patyulin. Moskva: Nauka, 1979. – S.147.

6. Sajdukova, S.YU. K voprosu o sozdanii administrativnyh sudov v Rossijskoj Federacii / Sajdukova S.YU. // Vestnik BGU. – 2013. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-administrativnyh-sudov-v-rossiyskoy-federatsii-1. – Tekst: elektronnyj.
7. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 01.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.– [Tekst]: elektronnyj.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 108-114.

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕШЕХОДОВ ИЛИ ИНЫХ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОЦЕССЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ (КРОМЕ ВОДИТЕЛЕЙ МЕХАНИЧЕСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 264 УК РФ)

Кашкаров А. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В публикации рассмотрены особенности состав правонарушений, предусмотренных ст. 12.29 КоАП РФ и ст. 12.30 КоАП РФ, а так же преступлений, предусмотренных ст. 267^1 УК РФ и ст. 268 УК РФ. В работе отмечена актуальность проблемы административной и уголовной ответственности пешеходов или иных лиц, участвующих в процессе дорожного движения (кроме водителей механических транспортных средств, предусмотренных ст. 264 УК РФ). Описаны общие признаки указанных составов правонарушений и преступлений, установлены специфические признаки квалификации правонарушений и преступлений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. В статье приведены общие статистические показатели, которые обосновывают необходимость существования в отечественном административном и уголовном законодательстве норм, которые предусматривают ответственность пешеходов, пассажиров и иных участников дорожного движения. Отдельно освящена проблема административно-правового и как следствие уголовно-правового статуса лиц, которые управляют средствами индивидуальной мобильности. Отмечено, что нормы административно-деликтного и уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения органично дополняют друг друга, однако законодательная техника, закрепления норм об ответственности за правонарушения и преступления не в полной мере последовательна.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; преступление; административное правонарушение; нарушение Правил дорожного движения; нарушение правил эксплуатации транспортного средства; пешеход; пассажир.

Безопасность дорожного движения является одним из приоритетов государственной политики, с целью его достижения в России реализуется Национальный проект «Безопасные качественные дороги» элементом которого является федеральный проект «безопасность дорожного движения», реализуемый Министерством внутренних дел Российской Федерации. Согласно планируемых показателей федерального проекта «Безопасность дорожного движения» количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 100 тыс. населения, чел. с 10,2 в 2021 году должно снизиться до 8,4 в 2024 г. и до 4 в 2030 г., а количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 10 тыс. транспортных средств, чел. с 2,58 в 2021 г. до 2,21 в 2024 г. и до 1,01 в 2030 году [6]. В 2021 г. в России возбуждено 182 999 545 дел об административных правонарушениях в сфере БДД, а также зарегистрировано 84 610 преступления в сфере БДД [3, с. 5]. Согласно исследований, проведённых научным центром безопасности дорожного движения МВД России на территории государства, снизилось количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) с 203 597 в 2012 г. до 133 331 в 2021 г. Также снизился дорожно-транспортный травматизм с 27 991 смертей в 2012 г. до 14 874 в 2021 г. [3, с. 5].

Транспортные средства и транспортная инфраструктура обеспечивают планомерное и поступательное развитие экономики государства, сопровождают реализацию социальных программ, вместе с тем они выступают и источниками повышенной опасности, что ставит перед государством задачу обеспечения безопасности в указанной сфере. Безопасность в сфере дорожного движения, а также регулирование и охрана общественных отношений в сфере дорожного движения достигается различными средствами, в том числе и правовыми.

К правовым мерам охраны и регулирования относятся меры, предусмотренные административным, административно-деликтным и уголовным правом.

Не секрет, что общественные отношения в сфере безопасности должного движения регламентируется Федеральным законом от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – Федеральный закон № 196-ФЗ) и Постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (далее ПДД).

Согласно ст. 2 Федерального закона № 196-ФЗ участником дорожного движения признается лицо, принимающее непосредственное участие в процессе дорожного движения в качестве водителя транспортного средства, пешехода, пассажира транспортного средства.

Спектр участников дорожного движения достаточно широк, и он не ограничивается исключительно лицами, управляющими автомобилем, трамваем либо трактором, самоходным дорожно-строительным и иной самоходной машиной, а также транспортными средствами, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

Перечень транспортных средств, управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право определён в ст. 25 Федерального закона № 196-ФЗ, к ним относятся: мотоциклы, автомобили, автомобили с прицепом, автобусы, трамваи, троллейбусы, мопеды, трициклы и квадроциклы.

Иные участники дорожного движения признаются пешеходами, пассажирами или лицами, управляющими другими средствами передвижения. Иные средства передвижения – это велосипеды, средства индивидуальной мобильности, гужевой транспорт.

Из всего массива административных правонарушений выявленных в 2021 году (182 999 545) в сфере БДД по вине пешеходов совершено 1 532 476 правонарушения (0,8 %) [3, с. 5].

Исследователи отмечают, что наличие в действующем законодательстве норм устанавливающих ответственность пешеходов за нарушения ПДД объясняется тем, что вне зависимости от места совершения наезда на пешехода тяжесть последствий в ДТП, произошедших по вине пешехода, выше в 2 раза и более, чем в случаях нарушения ПДД водителями транспортных средств [5, с. 189]. Также отмечается, что изучение материалов показало, что проблема травматизма пешеходов по вине велосипедистов усугубляется (в 2015 г. было зарегистрировано 35 факта наездов велосипедистов на пешеходов; в 2016 г. – 65 случая; в 2017 г. – 73; 2018 г. – 169;

2019 г. – 211). Подавляющее большинство наездов совершается на тротуарах и пешеходных дорожках, также имеют место наезды на пешеходных переходах, отмечается, что травматизм по вине велосипедистов будет возрастать [5, с. 192-193].

С развитием технологий все большую популярность приобретают средства индивидуальной мобильности (новые электрические средства передвижения (гироскутеры, сегвееви, моноколеса, электроскейты, электросамокаты и т.д.) – далее СИМ)). Использование СИМ обусловлено относительной экономической доступностью, распространённостью, компактностью, высокой мобильностью. В последние 7 – 9 лет органами внутренних дел регистрируются правонарушения связанные со столкновениями СИМ с автотранспортом и наездом СИМ на пешеходов. Конкретно правовой статус лиц управляющими СИМ пока не определен. Лица, управляющие СИМ приравниваются к пешеходам, однако по фактическим физическим показателям (масса, скорость, габариты) СИМ не соответствует действительности. Отмечается, что использование СИМ представляет существенную опасность, как самим пользователям, так и пешеходам. Это объяснимо тем, что при движении по автомобильным дорогам они являются наиболее уязвимыми участниками дорожного движения, а при движении в пешеходной зоне представляют опасность пешеходам [5, с. 192-193].

Наличие СИМ (новых электрических средств передвижения), неопределённость правового статуса СИМ, а также правового статуса лица, управляющего СИМ ставит перед административно правовой доктриной вопрос, требующий скорейшего разрешения [4]. Одним из предлагаемых способов решения указанной проблемы является предложение о внесении изменений в ПДД и ст. 12.29 КоАП РФ и изложение её в следующей редакции: «нарушение Правил дорожного движения пользователем средства индивидуальной мобильности; лицом, управляющим велосипедом, либо возчиком (за исключением лиц, указанных в части 1 настоящей статьи, а также водителя транспортного средства) влечёт наложение … » [2]. Хотя в теории административного права встречается и иная точка зрения, согласно которой нет необходимости вводить новые определения в ПДД и существующих норм вполне достаточно [7].

Вместе с тем снижается количество ДТП с участием гужевого транспорта с 91 случая в 2012 г. до 13 в 2020 г., что объяснимо тем, что данный вид транспорта используется населением все меньше и теряет свою популярность.

Приведённые статистические данные и экспертные мнения свидетельствуют о необходимости изучения вопроса администативно-деликтной и уголовной ответственности пешеходов и иных участников дорожного движения, которые не управляют транспортными средствами требующие специальное разрешение.

Ныне действующий КоАП РФ предусматривает две статьи в которые обеспечивают охрану общественных отношений в сфере безопасности дорожного движения от противоправных посягательств со стороны пешеходов, пассажиров или иных участников дорожного движения (за исключением водителя транспортного средства). К ним относятся ст. 12.29 КоАП РФ «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным лицом, участвующим в процессе дорожного движения», которая структурно состоит из трех частей и двух самостоятельных составов административного правонарушения, а также ст. 12.30 КоАП РФ «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным участником дорожного движения, по-

влёкшее создание помех в движении транспортных средств либо причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего», которую следует признавать специальной нормой по отношению к ст. 12.29 КоАП РФ и смежной к ст. 268 УК РФ «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта».

Спектр уголовно-правовых норм, обеспечивающих возможность привлечения к ответственности пешеходов, пассажиров или иных участников дорожного движения, как нам представляется, не ограничивается исключительно ст. 268 УК РФ. Мы полагаем, что уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения от противоправных действий со стороны пешеходов, пассажиров или иных участников дорожного движения также обеспечивает ст. 267^1 УК РФ «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств».

Отметим общность объектов административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.29 КоАП РФ и 12.30 КоАП РФ и объектов преступлений, предусмотренных ст. 267^1 УК РФ и ст. 268 УК РФ, мы полагаем, что им выступают общественные отношения обеспечивающие безопасность в транспортной сфере. Дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ и факультативным объектом правонарушения, предусмотренным ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ выступает здоровье человека, также факультативным объектом преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ выступает жизнь человека.

Отметим, что исследуемые правонарушения и преступления в сфере транспортной безопасности являются предметными при условии, что они совершены лицами, управляющими транспортными средствами (СИМ, велосипед, гужевой транспорт).

Раскрывая объективную сторону указанных выше правонарушений и преступлений следует исходить из того, что указанные нормы административно-деликтного и уголовного законодательства относятся к бланкетным нормам.

Для уяснения содержания и сущности противоправных деяний, предусмотренных ст. 12.29 КоАП РФ и 12.30 КоАП РФ законодатель отсылает правоприменителя к Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»), так как в нормах КоАП РФ определен именно этот нормативный правовой акт. Исходя из этого можно сделать вывод, что привлечь к ответственности пассажира метрополитена, за нарушение правил пользования транспортом по ст. 12.29 КоАП РФ или по ст. 12.30 КоАП РФ невозможно, так как Правила пользования Петербургским метрополитеном, утвержденные постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 29.09.2020 № 776.

Нормы уголовного законодательства такой конкретизации не имеют, в ст. 268 УК РФ законодатель определил, что деяние должно выражаться нарушением правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, что существенно расширяет характеристику общественно опасного деяния по сравнению с характеристикой деяний, которые предусмотрены ст. 12.29 КоАП РФ или ст. 12.30 КоАП РФ. Правила обеспечивающие безопасность движения и эксплуатации транспортных средств определяются не только Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения», но и иными нормативными правовыми актами. В результате чего можно сделать вывод,

что положения УК РФ имеют более универсальный характер для раскрытия содержания общественно опасных деяний в сфере обеспечения транспортной безопасности. С целью унификации административно-деликтного и уголовного законодательства, обеспечивающего охрану общественных отношений в сфере транспортной безопасности представляется, что целесообразным изложить диспозиции ст. 12.29 КоАП РФ и ст. 12.30 КоАП РФ аналогично с диспозицией ст. 268 УК РФ.

Правонарушение, предусмотренное ч. 1 и ч. 2 ст. 12.29 КоАП РФ согласно законодательной техники изложения относится к правонарушениям с формальным составом, в отличии от правонарушения предусмотренного ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ, при квалификации которого необходимо наступление последствий в виде причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего.

Состояние опьянения, предусмотренное ч. 3 ст. 12.29 КоАП РФ является квалифицирующим признаком правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.29 КоАП РФ.

В правоприменительной практике возникает затруднение при квалификации правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.30 КоАП РФ, с какого момента считать его оконченным. Хрестоматийным является тезис согласно, которого правонарушение с формальным составом считаются оконченным с момента совершения общественно опасного деяния, а правонарушение с материальным составом будет признаваться оконченным с момента наступления общественно опасных последствий. Конструируя ч. 1 ст. 12.30 КоАП РФ законодатель использует неоднозначный приём для характеристики объективной стороны, а именно деяние, которое характеризуется нарушением Правил дорожного движения должно породить последствие, в виде создания помех в движении транспортных средств. Однако, создание такого рода последствий в виде «помех в движении транспортных средств» не всегда может иметь материальное выражение. По этой причине целесообразно сформулировать норму, предусмотренную ч. 1 ст. 12.30 КоАП РФ иным образом, закрепив материальный признак последствий в например «… повлекшее причинение существенного вреда».

Характеризуя объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 267^1 УК РФ следует исходить из того, что данный состав преступления следует относить к так называемым составам угроз [1? с/ 159-160], так как законодатель определил, что преступление образует возможность наступления общественно опасных последствий в виде «действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств», то есть преступление будет считаться оконченным с момента возникновения угрозы безопасной эксплуатации транспортных средств.

Раскрывая сущность и содержание вины, следует указать, что законодатель определил, что вина в правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ и преступлении, предусмотренном ст. 268 УК РФ характеризуется исключительно неосторожной формой вины. Исходя из содержания ч. 2 ст. 24 УК РФ вина преступления, предусмотренного ст. 267^1 УК РФ характеризуется исключительно умышленной формой. Вина иных правонарушений в исследуемой сфере может характеризоваться как умышленной, так и неосторожной формой.

Субъектом правонарушений, предусмотренных ст. 12.29 КоАП РФ и ст. 12.30 КоАП РФ, а также преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ может выступать любой участник дорожного движения, за исключением водителей транспорт-

ных средств, а также лиц, указанных в ст. 263 УК РФ ст. 264 УК РФ. Однако законодатель дифференцирует административно-деликтную ответственность пешеходов, а также пассажиров и лиц, управляющих велосипедом, либо возчиком или других лиц, непосредственно участвующих в процессе дорожного движения в ст. 12.29 КоАП РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 267^1 УК РФ может выступать любое физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, так как конкретного указания на характеристику лица, которое может признаваться субъектом преступления, в данной статье уголовного закона отсутствует.

Подводя итог, следует отметить, что нормы административно-деликтного и уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения органично дополняют друг друга, однако законодательная техника, закрепления норм об ответственности за правонарушения и преступления не в полной мере последовательна.

Список литературы:

1.Благов Е.В. Признаки состава преступления: традиции и реальность // Lex russica (Русский закон). 2017. № 6 (127). С. 156-165, с. 159-160

2.Мишина Ю. В. К вопросу об участии в дорожном движении пользователей средств индивидуальной мобильности // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. №1 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uchastii-v-dorozhnom-dvizhenii-polzovateley-sredstv-individualnoy-mobilnosti (дата обращения: 06.07.2022).

3.Профили безопасности дорожного движения субъектов Российской Федерации 2021: статистический сборник / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, А.С. Ермаганбетов и др.; под общ. Ред. Д.В. Митрошина, С.А. Рыжова – Москва: ФКУ «Научный центр БДД МВД России», 2022. – 100 с.

4.Сойников С.А. Особенности определения административно-правового статуса участников дорожного движения, использующих современные технические средства передвижения (средства индивидуальной мобильности) // Вестник экономической безопасности. 2020. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-opredeleniya-administrativno-pravovogo-statusa-uchastnikov-dorozhnogo-dvizheniya-ispolzuyuschih-sovremennye (дата обращения: 06.07.2022).

5.Состояние и тенденции безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2011-2020 годах: Аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. – 368 с., с. 189

6.Федеральный проект «Безопасность дорожного движения» // https://bkdrf.ru/about/safetyroads

7.Числов А.И., Поделякин А.А. Вопросы, связанные с определением правового статуса участников дорожного движения, использующих электрические средства передвижения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-svyazannye-s-opredeleniem-pravovogo-statusa-uchastnikov-dorozhnogo-dvizheniya-ispolzuyuschih-elektricheskie-sredstva (дата обращения: 06.07.2022).

Kashkarov A. A. Features of administrative and criminal liability of pedestrians or other persons involved in the process of road traffic (except for drivers of motor vehicles provided for in article 264 of the criminal code of the Russian Federation) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 108-114.

The publication examines the features of the composition of offenses provided for in Article 12.29 of the Administrative Code of the Russian Federation and Article 12.30 of the Administrative Code of the Russian Federation, as well as crimes provided for in Article 267^1 of the Criminal Code and Article 268 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper notes the urgency of the problem of administrative and criminal liability of pedestrians or other persons involved in the process of road traffic (except for drivers of motor vehicles provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation). The general signs of the specified compositions of offenses and crimes are described, specific signs of qualification of offenses and crimes in the field of road safety are established. The article presents general statistical indicators that substantiate the need for the existence in the domestic administrative and criminal legislation of norms that provide for the responsibility of pedestrians, passengers and other road users. The problem of the

administrative-legal and, as a consequence, the criminal-legal status of persons who manage means of individual mobility is separately consecrated. It is noted that the norms of administrative-tort and criminal legislation in the field of road safety complement each other organically, however, the legislative technique of fixing the norms on liability for offenses and crimes is not fully consistent.

Keywords: traffic safety; crime; administrative offense; violation of traffic rules; violation of vehicle operation rules; pedestrian; passenger.

Spisok literatury:

1.Blagov E.V. Priznaki sostava prestupleniya: tradicii i real'nost' // Lex russica (Russkij zakon). 2017. № 6 (127). S. 156-165, s. 159-160

2.Mishina YU. V. K voprosu ob uchastii v dorozhnom dvizhenii pol'zovatelej sredstv individual'noj mobil'nosti // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2020. №1 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uchastii-v-dorozhnom-dvizhenii-polzovateley-sredstv-individualnoy-mobilnosti (data obrashcheniya: 06.07.2022).

3.Profili bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya sub"ektov Rossijskoj Federacii 2021: statisticheskij sbornik / K.S. Bakanov, P.V. Lyahov, A.S. Ermaganbetov i dr.; pod obshch. Red. D.V. Mitroshina, S.A. Ryzhova – Moskva: FKU «Nauchnyj centr BDD MVD Rossii», 2022. – 100 s.

4.Sojnikov S.A. Osobennosti opredeleniya administrativno-pravovogo statusa uchastnikov dorozhnogo dvizheniya, ispol'zuyushchih sovremennye tekhnicheskie sredstva peredvizheniya (sredstva individual'noj mobil'nosti) // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2020. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-opredeleniya-administrativno-pravovogo-statusa-uchastnikov-dorozhnogo-dvizheniya-ispolzuyuschih-sovremennye (data obrashcheniya: 06.07.2022).

5.Sostoyanie i tendencii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii v 2011-2020 godah: Analiticheskij obzor. M.: FKU «NC BDD MVD Rossii», 2022. – 368 s., s. 189

6.Federal'nyj proekt «Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya» // https://bkdrf.ru/about/safetyroads

7.CHislov A.I., Podelyakin A.A. Voprosy, svyazannye s opredeleniem pravovogo statusa uchastnikov dorozhnogo dvizheniya, ispol'zuyushchih elektricheskie sredstva peredvizheniya // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-svyazannye-s-opredeleniem-pravovogo-statusa-uchastnikov-dorozhnogo-dvizheniya-ispolzuyuschih-elektricheskie-sredstva (data obrashcheniya: 06.07.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 115-123.

УДК: 342.9

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В КОНСТРУКЦИИ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Лихачёв С. В., Ракша Н. С.

В статье представлен анализ и характеристика основных направлений классификации правил обеспечения безопасности дорожного движения в конструкции механизма административного принуждения. Установлено, что разработка и совершенствование правовых основ обеспечения безопасности дорожного движения выступают необходимым и основным условием развития системы обеспечения безопасности личности и государства в целом.

Акцентировано на том, что для создания и поддержания необходимого уровня защищенности объектов безопасности необходима разработка системы правовых норм, регулирующих отношения в рассматриваемой сфере. С учетом юридического содержания нормативных предписаний, предложено общеобязательные правила в сфере безопасности дорожного движения разделить на четыре вида: обязывающие, запрещающие, разрешительные и рекомендательные, которые отражают основные способы регулирующего воздействия правил на отношения в сфере дорожного движения.

В статье использован ряд методов научного исследования, в частности, анализ, синтез, классификация, формально-логический, сравнительно- правовой, историко-правовой и др.

Ключевые слова: основные правила, обеспечение, безопасность, дорожное движение, механизм, административное принуждение, законность, правовое регулирование, эффективное применение, усовершенствование.

Достижение максимального уровня соблюдения всех законодательно прописанных правил во всех без исключения сферах жизнедеятельности современного общества, а также эффективное функционирование всего механизма государственной власти, в соответствие с Конституцией РФ, является приоритетной задачей развития российского государства. Среди основных элементов механизма обеспечения законности, современная правовая наука выделяют институт административного принуждения, эффективное применение которого обязательно приведет к повышению уровня законности в государстве, доверию граждан к правоохранительным органам, усилению общественной безопасности и общественного порядка в целом, и в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, в частности. Исходя из этого, исследование основных правил обеспечения безопасности дорожного движения и основных критериев их классификации в механизме обеспечения безопасности дорожного движения, является весьма актуальным вопросом.

В системе административно-правовых средств обеспечения безопасности дорожного движения, как известно, основное место занимают различные общеобязательные правила. Необходимо, прежде всего, отметить, что эти правила составляют определенную часть отрасли административного права, поэтому в комплексе им присущи все черты, присущие праву.

Общеобязательные правила, которые действуют на автотранспорте, являются необходимым и весьма важным организационно-правовым инструментом, без их регулирующего или охранного влияния невозможно осуществлять правильную организацию дорожного движения, обеспечивать соблюдение требований безопасности, а в целом – более эффективное его развитие. Их содержанию определяются

границы должного поведения работников транспортных предприятий, их руководителей, граждан, представителей контрольно-надзорных органов, общественных формирований.

Правила предоставляют перечисленным субъектам права и устанавливают для них обязанности, а также предусматривают гарантии реализации этих прав и обязанностей. Иначе говоря, благодаря влиянию этих правил, создается надлежащий правовой режим на автотранспорте и в области дорожного хозяйства, который отвечает интересам государства, транспортных предприятий, учреждений, организаций и граждан [1, с. 34-36].

Чтобы выяснить сущность общеобязательных правил, касающихся обеспечения безопасности дорожного движения, чрезвычайно важно определить их признаки, специфические черты, которые позволяют выделить эти правила в отдельную группу. Основная особенность этих правил состоит в том, что они включают в себя санкции в виде мер административного наказания. Соблюдение общеобязательных правил обеспечивается применением всех видов юридической ответственности – дисциплинарной, материальной, уголовной, однако главную роль в их реализации выполняет все же административная ответственность [2, с. 75-80].

Наряду с административными наказаниями, невыполнение правил влечет в соответствующих случаях, применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а также других мер пресечения, т.е. для обеспечения выполнения общеобязательных правил применяются все виды административного принуждения.

Другой их особенностью следует признать также наличие в их массиве многих норм технико-юридического характера. Например, правила технической эксплуатации транспортных средств, нарушение которых может повлечь наложение административного взыскания, нормативными актами вообще не устанавливаются, т.е. это чисто технические нормы. Однако их выполнение или невыполнение затрагивает общественные интересы, поэтому государство предоставляет им обязательный характер, включая их соблюдение к содержанию правовых норм. Включение той или иной технической нормы содержания нормы права и предоставления им, таким образом, общеобязательного характера, означает, что выполнение этих технических норм становится тем надлежащим поведением, к которому призывает государство и соблюдение которого является юридической обязанностью субъекта.

Нарушение такой нормы правообязанным лицом влечет за собой, как и невыполнение юридической обязанности, применение мер ответственности.

Как особенность общеобязательных правил, касающихся обеспечения безопасности дорожного движения, следует признать их конкретизирующее назначение, т.е. преимущественно подзаконный характер правовых актов, в которых устанавливаются эти правила.

Таким образом, общеобязательные правила, касающиеся обеспечения безопасности дорожного движения, можно определить, как предписания правовых и технико-юридических норм, которые устанавливаются и охраняются государством для закрепления и регулирования общественных отношений, возникающих в сфере дорожного движения, с целью обеспечения его высокой эффективности и безопасности.

В настоящее время большинство правил как обязательных для выполнения предписаний многократного применения содержится в нормативно-правовых актах различного уровня и юридической силы. Это официальные документы, результат правотворчества компетентного государственного органа. Технико-юридические нормы (их техническая часть) могут содержаться в различных инструктивно-методических документах, которые не являются юридическими актами, санкции за их нарушение всегда устанавливаются нормативно-правовыми актами [3, с. 47-52].

Основу содержания общеобязательных правил, действующих на транспорте, составляют конституционные нормы о правах и свободах человека, его жизни и здоровье, неприкосновенности и безопасности; о деятельности государственных органов (их должностных лиц), направленные на воплощение в жизнь конституционных гарантий в сфере дорожного движения.

Значимость проблемы обеспечения безопасности дорожного движения, ее комплексность и масштабность выдвинули настоятельную необходимость принятия 10.12.1995 г. ФЗ РФ «О безопасности дорожного движения» и на его основе новых Правил дорожного движения. Указанный закон является основой законодательного обеспечения сферы автомобильного транспорта. Его принятие и последующие изменения, заполнили пробелы в правовом регулировании общественных отношений в области организации дорожного движения, в требованиях, предъявляемых к транспортным средствам, улицам и дорогам, участникам дорожного движения, государственным органам и общественным организациям; позволили унифицировать основные требования по предупреждению дорожно-транспортным происшествий и правонарушений.

Принятие указанного Закона, подтверждающего государственную значимость проблемы, способствует повышению уровня правового воспитания участников дорожного движения. Содержание общеобязательных правил в этой сфере определяется также и многими другими законодательными актами РФ.

Всесторонне выяснить сущность, содержание и целевую направленность общеобязательных правил, касающихся обеспечения безопасности дорожного движения, позволяет рассмотрение их системы, для чего предлагаем разделить их на определенные группы, т.е. провести классификацию.

Приступая к классификации, необходимо обратить внимание на то, что каждое правило действует не автономно, а во взаимосвязи с предписаниями других норм (например, регулирующих обеспечение общественной безопасности, охрану окружающей среды, собственности и т.п.). Наиболее четко это проявляется в соотношении регулятивных (правоустанавливающих) и правоохранительных норм, которые охватывают правила, которые касаются обеспечения безопасности дорожного движения.

Регулятивные нормы (в правовой системе их большинство) устанавливают юридические права и обязанности участников отношений, рассчитаны на правомерное поведение людей. В отличие от регулятивных, правоохранительные нормы закрепляют меры государственного принуждения за совершение правонарушений. Они применяются для прекращения неправомерного поведения людей, всегда содержат санкции.

Взаимодействие регулятивных и правоохранительных норм состоит из того, что первые определяют положительные действия людей, а другие – выражают отрицательную реакцию государства на неправомерное поведение, содержат в себе меры государственного воздействия. Так, регулятивные нормы, которые содержатся в ФЗ РФ «О безопасности дорожного движения», охраняются также и нормами законодательства об административных правонарушениях.

В зависимости от различного характера действий (регулятивного или правоохранительного) правовых норм, государство закрепляет и охраняет существующие отношения, способствует развитию новых целесообразных и прогрессивных отношений или препятствует негативным явлениям.

Весь комплекс различных правил, которые касаются обеспечения безопасности дорожного движения, целесообразно классифицировать по следующим основаниям: 1) по предмету регулирования; 2) по органам, устанавливающим правила; 3) по юридическому содержанию и юридическому характеру предписаний; 4) по сфере действия во времени, пространстве и по кругу лиц [4, с. 50-52].

В зависимости от предмета регулирования, выделяют следующие группы правил: правила эксплуатации транспортных средств; правила содержания и эксплуатации автомобильных дорог; правила перевозки людей; правила проезда железнодорожных переездов; правила остановки и стоянки, правила перевозки опасных грузов; правила проведения технического осмотра транспортных средств; правила допуска к управлению транспортными средствами и правила допуска транспортных средств к участию в дорожном движении и т.п.

Существенный интерес представляет классификация общеобязательных правил с учетом органов, которые их устанавливают, поскольку этим определяется их юридическая сила и источники.

Как известно, нормы права содержатся, главным образом, в нормативных актах, которыми являются официальные документы органов государственной законодательной и исполнительной власти правотворческого характера.

В правовом регулировании деятельности полиции, связанной с обеспечением безопасности дорожного движения, важную роль играют нормы Конституции РФ, которые устанавливают принципы деятельности должностных лиц полиции как представителей органов исполнительной власти: гуманизм, законность, приоритетность прав и свобод человека, гласность и т.п.; права граждан на неприкосновенность личности, собственность, обжалование действий должностных лиц, более того, конституционное право человека на свободу передвижения по территории РФ, закрепленное Конституцией РФ, включает возможность свободного передвижения по автомобильным дорогам, в том числе право свободного въезда и выезда из РФ на автомобиле. Именно это право является базовым для возникновения и реализации других правоотношений в сфере дорожного движения. Естественно, что Конституция России непосредственно деятельность полиции в названной сфере не регулирует, но она является основой для принятия законов и подзаконных актов в сфере организации дорожного движения, управления им, а также обеспечения его безопасности.

Центральное место в системе общеобязательных правил, связанных с безопасностью дорожного движения, занимают законы и другие законодательные акты РФ, имеющих высшую юридическую силу (после Конституции). Они принимаются Гос-

ударственной Думой РФ единственным органом власти, который выступает от имени всего народа РФ, а также всероссийским референдумом.

Следует отметить, что термин «закон» в данном случае применяется как обобщающее понятие, поскольку под ним понимаются все нормативные акты, имеющие юридическую силу закона, или, иначе говоря, законодательные акты. К ним относятся, кроме собственно законов, основы законодательства, кодексы, уставы, положения и другие акты, которые принимаются законодателем РФ.

Законодательные акты в сфере дорожного движения можно условно разделить на два вида: те, что регламентируют организацию дорожного движения и те, которые регламентируют деятельность полиции по обеспечению безопасности дорожного движения. ФЗ РФ «О безопасности дорожного движения» можно считать универсальным, однако его положения мы рассмотрим во второй группе законодательных актов. Первую группу составляет законодательство о собственности, которое закрепляет права граждан на владение, пользование и распоряжение транспортными средствами, Гражданский кодекс РФ (по вопросам о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, которым признается автомобиль), и др.

В рамках нашего исследования первостепенное значение имеют законодательные акты, условно отнесенные ко второй группе. Среди них: ФЗ РФ «О безопасности дорожного движения», «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», Кодекс РФ об административных правонарушениях, и др.

Основным из них является ФЗ РФ «О безопасности дорожного движения» от 10 декабря 1995 г. с последующими изменениями и дополнениями; он определяет базовые и исходные принципы, лежащие в основе правового регулирования дорожного движения. Сферой его действия являются общественные отношения в сфере дорожного движения и безопасности на дороге. В Законе определена компетенция органов государственной власти и местного самоуправления, условия и порядок получения удостоверения водителя, а также основания для лишения прав водителя. В нем установлен круг субъектов, участвующих в правоотношениях в сфере дорожного движения, а также круг субъектов, которые являются непосредственными участниками дорожного движения, их права, обязанности и ответственность, в том числе ответственность органов государственной власти. Кроме того, указанный Закон регулирует правоотношения, связанные с правоохранительной и правоприменительной деятельностью компетентных государственных органов в сфере дорожного движения, в том числе и в области безопасности дорожного движения [5, с. 105].

Важнейшую роль в системе законодательных актов, регулирующих деятельность полиции по обеспечению безопасности дорожного движения, играет ФЗ от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Несмотря на то, что данный Закон во многом нуждается в усовершенствовании, он в основном достаточно полно закрепил права полиции, в том числе и в указанной сфере, которые позволяют ей выполнять возложенные на нее задачи и функции. В Законе, в частности, закреплена система мер административного принуждения, которые полиция имеет право применять с целью укрепления законности и правопорядка, предупреждения и пресечения правонарушений и привлечения виновных к административной ответственности.

Некоторые права полиции в Законе определяются лишь в общем виде, детализируются они в других законодательных и подзаконных актах (например, право применять административное задержание детально урегулировано КоАП РФ, право

проведения освидетельствования водителей, находящихся в состоянии опьянения – Порядком проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденного Приказом Минздрава России от 18.12.2015 № 933н и т.п.).

Регулирование полномочий полиции относительно применения специальных мер административного пресечения осуществляется исключительно или в основном ФЗ РФ «О полиции». Этим нормативным актом урегулированы полномочия по применению мер физического воздействия, специальных мер и огнестрельного оружия.

Так, Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) является правовым актом, имеющим первостепенное значение в системе законодательства об административной ответственности в сфере дорожного движения. КоАП РФ содержит полный перечень составов административных проступков, которые посягают на безопасность дорожного движения, их подведомственность, полномочия органов по рассмотрению данной категории дел, порядок вынесения и исполнения постановлений о наложении административных наказаний и др.

Среди актов Президента РФ, которые имеют значение для правового регулирования деятельности полиции по обеспечению безопасности дорожного движения, можно указать, например, Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения «О министерстве внутренних дел РФ». В нем установлены полномочия МВД в различных отраслях, закреплена обязательность его решений по вопросам безопасности дорожного движения и других определенных законодательством вопросов для центральных и местных органов исполнительной власти, предприятий, учреждений, организаций, а также решены некоторые другие важные вопросы.

Правительство РФ, Президент РФ, согласно возложенных на них полномочий, также устанавливают и утверждают ряд общеобязательных правил, несоблюдение которых влечет применение мер административного принуждения органами полиции с целью обеспечения безопасности дорожного движения. В частности, правовой статус ГИБДД, кроме Закона «О полиции» дополнительно определен в Положении от 15.06.1998 г. № 711 «О Государственной инспекции безопасности дорожного движения».

Следует указать, что основное большинство правовых норм, регулирующих деятельность полиции по обеспечению безопасности дорожного движения, содержится в ведомственных нормативных актах Министерства внутренних дел РФ, которые являются предметом пристального внимания представителей различных отраслей правовой науки. Необходимо также обратить внимание на то, что каждый вид нормативных актов имеет свой уровень правового регулирования, т.е. существует тесная взаимосвязь между юридической силой нормативных актов и кругом общественных отношений, которые они регулируют.

Несмотря на то, что становление и развитие правового государства требует расширения сферы регулирования общественных отношений законом, законодательное регулирование не может охватить всех этих отношений. То же самое можно сказать и о нормативных актах Президента и Правительства РФ.

Что же касается санкционирования ведомственного правотворчества, то в ФЗ РФ «О полиции», нормативные акты МВД РФ были прямо названы среди других актов, которые являются правовой основой деятельности полиции. Понятно, что эти акты

являются подзаконными и должны отвечать всем нормативным актам, которые имеют по ним более высокую юридическую силу.

В последнее время был осуществлен ряд важных мер по совершенствованию ведомственного регулирования, с этой целью осуществляется государственная регистрация нормативных актов министерств и других органов исполнительной власти. Государственной регистрации подлежат нормативные акты любого вида, если они затрагивают права, свободы и законные интересы граждан или имеют межведомственный характер.

Органы юстиции, на которые возложено осуществление государственной регистрации указанных актов, при этом контролируют соответствие их действующему законодательству РФ. Значение этой деятельности заключается в том, что ведомственный нормативный акт может вступить в силу только через 10 дней после регистрации. Порядок регистрации детально урегулирован соответствующим Положением, утвержденным Постановлением Правительства РФ.

Компетенция органов местного самоуправления в сфере регулирования дорожного движения закреплена также в законодательстве о безопасности дорожного движения. К их компетенции относят такие полномочия: контроль за организацией обучения различных социальных и возрастных групп населения Правилам дорожного движения, планирование мероприятий, связанных с профилактикой его безопасности и контроль за их соблюдением; контроль за подготовкой и повышением квалификации водителей, техническим обслуживанием и ремонтом транспортных средств, обеспечением развития сферы этих услуг; организация дорожного движения на территории города и района согласно генеральных планов, проектов детального планирования и застройки населенных пунктов; осуществление и финансирование мероприятий, связанных с профилактикой детского дорожно-транспортного травматизма; осуществление работы по пропаганде безопасности дорожного движения; организация системы мероприятий, касающихся медицинского обеспечения безопасности дорожного движения и контроль за их реализацией и др.

Таким образом, с учетом юридического содержания предписаний, общеобязательные правила можно разделить на четыре вида: обязывающие, запрещающие, разрешительные и рекомендательные, отражающие основные способы регулирующего воздействия правил на отношения в сфере дорожного движения.

Обязывающие правила содержат властные требования к работникам транспортных предприятий или граждан совершить определенные действия, указанные в них. Запрещающие правила предусматривают предписания, указывающие на недопустимость определенного поведения под страхом применения воздействия (административного, дисциплинарного и т.п.). Разрешительные правила, устанавливая возможность для исполнителей действовать в рамках их предписаний, предоставляют им право выбора соответствующего варианта поведения в дозволенных рамках. Рекомендательные правила включают конкретные советы исполнителям, как поступить в определенных конкретных обстоятельствах.

Если же исходить из юридического характера правил, то их можно разделить на две группы. Правила первого вида определяют содержание обязанностей, прав и ответственности участников дорожных отношений, их юридические возможности. Процессуальные правила предусматривают процедуру практической реализации материальных норм.

В зависимости от действия во времени, общеобязательные правила, касающиеся обеспечения безопасности дорожного движения, могут быть ограниченными или неограниченными по срокам действия. Большинство правил действует постоянно, т.е. каким-либо сроком не ограничено. По действию в пространстве можно выделить правила общегосударственного и местного масштаба.

Учитывая круг лиц, на которых распространяется действие предписаний общеобязательных правил, касающихся безопасности дорожного движения, можно выделить такие группы: те, что регулируют деятельность должностных лиц и других работников транспортных предприятий и других предприятий, деятельность которых связана с дорожным движением; те, что определяют обязанности граждан – участников дорожного движения; те, что устанавливают функции представителей контрольно-надзорных органов, их полномочия по применению мер административного воздействия.

Список литературы:

1. Вдовиченко В.В. Использование источников доказывания в области обеспечения безопасности дорожного движения с целью совершенствования административного законодательства на примере Брянской области / В.В. Вдовиченко // Наука и практика. – 2014. – № 1 (58). – С. 34-36.
2. Лихачёв С.В. Реформирование института административной ответственности в условиях развития современной России / С.В. Лихачёв // Сб. мат-лов Всероссийской научно-практич. конф. «Юридическое образование и юридическая наука в России: современные тенденции и перспективы развития» (к 15-летию юридического факультета Курского государственного университета): сб. науч. работ / отв. ред. Т.Н. Ильина. – Курск. Гос. ун-т. – Курск: КГУ, 2019. – С 75-80.
3. Фиалковская И.Д. Значение административного принуждения как метода государственного управления / И.Д. Фиалковская // Административное право и процесс. – 2018. – № 4. – С. 47-52.
4. Занина Т.М. Административно-правовые основы регулирования системы обеспечения безопасности дорожного движения / Т.М. Занина, А.И. Четверикова // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 50-52.
5. Лимарев Д.А. ГИБДД как специальный субъект контрольно-надзорной деятельности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения / Д.А. Лимарев // Соблюдение прав человека и гражданина в деятельности сотрудников органов внутренних дел: сборник материалов Всероссийской заочной конференции. – Краснодар, 2014. – С. 105-110.
6. Панкова О.В. Практика применения КоАП РФ о правонарушениях в области дорожного движения: научно-практич. пособ. / О.В. Панкова. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - «Издательство Юрайт», 2016. 265 с.
7. О полиции: Федеральный закон № 3-ФЗ от 07 февраля 2011 г. (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/ document/ cons_ doc_LAW_110165 (дата обращения 27.06.2022)
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон № 195-ФЗ от 20 декабря 2001 г. (ред. от 13.07.2022 г). – URL:// http://www.consultant.ru/ document/ cons_ doc_ LAW_34661/
9. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон № 196-ФЗ от 10 декабря 1995 г. (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (дата обращения: 15.06.2022).
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г. (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.06.2022).
11. Об утверждении Положения «О министерстве внутренних дел РФ и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 06.06.2022). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/
12. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения (вместе с «Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации»): Указ Президента РФ от 15.06.1998 г. № 711 (ред. от 19.02.2021). – URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_ doc_LAW_ 19010/ (дата обращения: 15.06.2022).
13. Порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (ред. от 25.03.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_ 195274/2323a75a063b0c343c7d77cd5809bcabe59146f5/ (дата обращения: 15.06.2022).

Sergey V. L., Natalia S. R. The basic rules of road safety in the design of the mechanism of administrative coercion // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 115-123.

The article presents the analysis and characteristics of the main directions of classification of traffic safety rules in the construction of the mechanism of administrative coercion. It is established that the development and improvement of the legal framework for ensuring road safety are a necessary and basic condition for the development of the system of ensuring the safety of the individual and the state as a whole.

It is emphasized that in order to create and maintain the necessary level of security of security facilities, it is necessary to develop a system of legal norms regulating relations in this area. Taking into account the legal content of regulatory prescriptions, it is proposed to divide generally binding rules in the field of road safety into four types: binding, prohibiting, permissive and advisory, which reflect the main ways of regulating the impact of rules on relations in the field of road traffic.

The article uses a number of methods of scientific research, in particular, analysis, synthesis, classification, formal-logical, comparative-legal, historical-legal, etc.

Keywords: basic rules, provision, safety, traffic, mechanism, administrative enforcement, legality, legal regulation, effective application, improvement.

Spisok literatury:

1. Vdovichenko V.V. Ispol'zovanie istochnikov dokazyvaniya v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya s cel'yu sovershenstvovaniya administrativnogo zakonodatel'stva na primere Bryanskoj oblasti / V.V. Vdovichenko // Nauka i praktika. – 2014. – № 1 (58). – S. 34-36.
2. Lihachyov S.V. Reformirovanie instituta administrativnoj otvetstvennosti v usloviyah razvitiya sovremennoj Rossii / S.V. Lihachyov // Sb. mat-lov Vserossijskoj nauchno-praktich. konf. «YUridicheskoe obrazovanie i yuridicheskaya nauka v Rossii: sovremennye tendencii i perspektivy razvitiya» (k 15-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Kurskogo gosudarstvennogo universiteta): sb. nauch. rabot / otv. red. T.N. Il'ina. – Kursk. Gos. un-t. – Kursk: KGU, 2019. – S 75-80.
3. Fialkovskaya I.D. Znachenie administrativnogo prinuzhdeniya kak metoda gosudarstvennogo upravleniya / I.D. Fialkovskaya // Administrativnoe pravo i process. – 2018. – № 4. – S. 47-52.
4. Zanina T.M. Administrativno-pravovye osnovy regulirovaniya sistemy obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya / T.M. Zanina, A.I. CHetverikova // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 4. S. 50-52.
5. Limarev D.A. GIBDD kak special'nyj sub"ekt kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya / D.A. Limarev // Soblyudenie prav cheloveka i grazhdanina v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del: sbornik materialov Vserossijskoj zaochnoj konferencii. – Krasnodar, 2014. – S. 105-110.
6. Pankova O.V. Praktika primeneniya KoAP RF o pravonarusheniyah v oblasti dorozhnogo dvizheniya: nauchno-praktich. posob. / O.V. Pankova. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – «Izdatel'stvo YUrajt», 2016. – 265 s.
7. O policii: Federal'nyj zakon № 3-FZ ot 07 fevralya 2011 g. (poslednyaya redakciya). – URL: http://www.consultant.ru/ document/ cons_ doc_LAW_110165 (data obrashcheniya 27.06.2022)
8. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: Federal'nyj zakon № 195-FZ ot 20 dekabrya 2001 g. (red. ot 13.07.2022 g). – URL:// http://www.consultant.ru/ document/ cons_ doc_ LAW_34661/
9. O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: Federal'nyj zakon № 196-FZ ot 10 dekabrya 1995 g. (poslednyaya redakciya). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (data obrashcheniya: 15.06.2022).
10. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): Federal'nyj zakon № 51-FZ ot 30 noyabrya 1994 g. (poslednyaya redakciya). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data obrashcheniya: 15.06.2022).
11. Ob utverzhdenii Polozheniya «O ministerstve vnutrennih del RF i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po sub"ektu Rossijskoj Federacii»: Ukaz Prezidenta RF ot 21.12.2016 № 699 (red. ot 06.06.2022). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/
12. O dopolnitel'nyh merah po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (vmeste s «Polozheniem o Gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii»): Ukaz Prezidenta RF ot 15.06.1998 g. № 711 (red. ot 19.02.2021). – URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_ doc_LAW_ 19010/ (data obrashcheniya: 15.06.2022).
13. Poryadok provedeniya medicinskogo osvidetel'stvovaniya na sostoyanie op'yaneniya (alkogol'nogo, narkoticheskogo ili inogo toksicheskogo): Prikaz Minzdrava Rossii ot 18.12.2015 № 933n (red. ot 25.03.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_ 195274/2323a75a063b0c343c7d77cd5809bcabe59146f5/ (data obrashcheniya: 15.06.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 124-132.

УДК 342.25

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМИ АГЛОМЕРАЦИЯМИ

Лукманов И. Д.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

В условиях укрупнения мегаполисов и формирования городских агломераций обнажилась проблема одновременно эффективного и демократического способа управления этими сложносоставными образованиями. В научной литературе указаны различные модели управления городскими агломерациями. При этом в настоящей статье сделан акцент именно на государственную модель управления, обладающей рядом как положительных, так и негативных аспектов. По мнению автора, реализация государственной модели управления возможна исключительно при задействовании нового института территориальной организации публичной власти: федеральной территории. В статье предлагается определение государственной модели управления городской агломерации под которой понимается форма организации публичной власти с приданием статуса федеральной территории городской агломерации, при которой формируются только органы публичной власти федеральной территории, которым переданы полномочия органов местного самоуправления и органов государственной власти по управлению федеральной территорией для достижения целей ее создания и функционирования. В исследовании сделан вывод, что государственная модель управления городской агломерации может служить как временная мера, вызываемая особыми условиями социально-экономического и политического развития, которая будет отменена по мере изменения этих условий.

Ключевые слова: местное самоуправление, городские агломерации, государственная модель управления.

На протяжении последнего десятилетия развитие городских агломераций находится в фокусе внимания органов государственной власти, результатом чего является создание планов и стратегий по формированию высоко урбанизированных территорий [17]. На сегодняшний момент в Российской Федерации фактически сложилось около сорока городских агломераций (с населением от 500 тыс. чел.), в которых проживает более 73 млн. человек, что составляет практически 52 процента от всего населения страны. С точки зрения пространственного развития городские агломерации представляют собой крупные и сложносоставные образования. Будучи центрами экономического роста, агломерации решают задачу перехода к инновационному и социально ориентированному развитию страны. В то же время развитие городских агломераций должно укладываться в рамки конституционной модели организации публичной власти в Российской Федерации. В этой связи актуализируется вопрос о поиске научно обоснованных решений, позволяющих обеспечить эффективное управление городскими агломерациями на основе сочетания государственных и самоуправленческих начал. По мнению некоторых экспертов, «это вопрос будущего нашей страны» [15].

Несмотря на то, что в юридической и экономической литературе неоднократно указывалось на необходимость принятия законодательных решений, необходимых для формирования и полноценного функционирования городских агломераций [11, 12], в настоящее время отсутствуют специальные правовые механизмы, которые

регулируют статус, порядок и принципы формирования, а также организационную систему публичной власти в городских агломерациях. Неурегулированность рассматриваемых вопросов на законодательном уровне, не позволяет в должной мере провести оценку соотношения централизации и децентрализации в отношениях между органами публичной власти, действующими на территории городских агломераций.

При этом в Российской Федерации существует актуальная проблема муниципального управления, требующая принятия определенных политико-правовых мер со стороны государственной власти. Так, организация местного самоуправления в небольшом городе и крупном мегаполисе – центре городской агломерации практически не дифференцированы. К примеру, Новосибирск, являющийся административным центром Сибирского федерального округа, Новосибирской области, центром Западно-Сибирского экономического района с населением более 1 млн. 620 тыс. человек и город областного подчинения Шатура с населением 36 тыс. чел. обладают идентичным статусом муниципального образования – городским округом. Организация публичной власти, а именно местного самоуправления в них регулируется идентичными нормами Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ).

В этой связи можно сделать вывод, что существующие положения Федерального закона № 131-ФЗ не обладают необходимой функциональной и организационной гибкостью, так как, полномочия, возлагаемые на муниципальные образования, не всегда соответствуют их возможностям, уровню социально-экономического развития муниципальных образований. Указанный вывод применим и в отношении городских агломераций.

В федеральном законодательстве отсутствуют нормы, определяющие городскую агломерацию как отдельный пространственно-управленческий феномен. Учитывая, что де-факто городские агломерации продолжают формироваться естественным образом на территории страны, а действующие нормы не соотносятся со стремительно возникающими новыми общественными отношениями, необходима разработка отдельного правового регулирования городских агломераций.

В то же время можно отметить отдельные попытки внедрения механизмов, способствующих развитию городских агломераций. В частности, разрабатываются новые формы финансового стимулирования межмуниципального сотрудничества муниципальных образований. Министерством финансов Российской Федерации был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – законопроект) [13]. Согласно содержанию законопроекта, планируется внесение изменений в Бюджетный кодекс Российский кодекс в целях создания финансовых стимулов для развития инфраструктуры в городских агломерациях и повышения их роли в качестве территорий опережающего развития и точек экономического роста.

При этом необходимо отметить, что форма указанного соглашения о межмуниципальном сотрудничестве не утверждена, однако, законопроектом предполагается, что порядок заключения соглашений будет определяться уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования в соответствии с общими требованиями, установлен-

ными Правительством Российской Федерации.

Учитывая существующие примеры организации публичной власти в городах федерального значения, в которых сформировалась государственно-муниципальная модель управления, представляется необходимым рассмотреть прогнозируемый вариант реализации на практике исключительно государственной модели управления в условиях городских агломераций. По нашему мнению, на сегодняшний момент с учетом имеющихся правовых условий такой сценарий развития событий возможен исключительно при задействовании нового института территориальной организации публичной власти: федеральной территории.

Рассматриваемый институт был введен в отечественную конституционно-правовую практику Законом о поправке. Согласно обновленной части 1 статьи 67 Конституции Российской Федерации предполагается, что федеральные территории создаются в соответствии с федеральным законом, которым должна быть установлена и организация публичной власти в них.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З, толкуя новую норму, указал, что в буквальном смысле речь не идет о придании федеральным территориям статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации (абзац 2 пункта 3.1 Заключения). Однако Суд не дал ответа на вопрос о том, может ли организация публичной власти на федеральных территориях быть выведена за рамки федеративных отношений и отношений местного самоуправления [14].

Отсутствие юридически выверенной модели законодательного регулирования, как и модели организации публичной власти на федеральных территориях обусловили обращение к указанной тематике внимания целого ряда научных исследований. Е.В. Гриценко считает, что новелла о федеральных территориях не вписывается в прежнюю конституционную концепцию [5]. Н.Л. Пешин указывает, что статус федеральной территории можно сопоставить с «уровнем административно-территориальных единиц субъектов РФ с той принципиальной разницей, что статус федеральной территории регулируется федеральным законом, а не нормативными актами субъектов РФ» [10]. Однако существует мнение, что в федеративном государстве административно-территориальные единицы могут иметь лишь субъекты федерации [1, с. 127, 7, 8, с. 210].

По мнению автора, такая территориальная организация публичной власти возможна, однако необходимо законодательно закрепить определение термина федеральной территории, а также критерии для наделения определенной территории специальным федеральным статусом: максимальная площадь территории, численность жителей, наличие определенной инфраструктуры и т.д. В противном случае, существует риск бесконтрольного включения территорий множества муниципальных образований и возможно даже территорий нескольких субъектов Российской Федерации в одну федеральную территорию.

Указанные риски существуют по причине того, что конституционная новелла о федеральной территории в точной мере не определяет порядок их создания. Федеральный законодатель пошел по пути принятия специального федерального закона в каждом случае создания федеральной территории, определяя особенности статуса территории и организации власти внутри данной территориальной структуры. В настоящее время принят Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О фе-

деральной территории «Сириус» (далее – Закон о федеральной территории). Таким образом, в качестве возможного варианта организации публичной власти в городских агломерациях можно рассмотреть модель организации публичной власти, изложенную в рассматриваемой федеральном законе.

В целях настоящего исследования под государственной моделью управления городской агломерации предполагается понимать форму организации публичной власти с приданием статуса федеральной территории городской агломерации, при которой формируются только органы публичной власти федеральной территории, в том числе их территориальные и отраслевые подразделения, которым переданы полномочия органов местного самоуправления и органов государственной власти по управлению федеральной территорией для достижения целей ее создания и функционирования.

Де-юре, управление федеральной территории «Сириус» осуществляется не органами государственной власти, а органами публичной власти федеральной территории, де-факто указанные органы являются государственными, так как формируются федеральными органами государственной власти. Некоторые исследователи также приходят к выводу, что органы публичной власти федеральной территории по своей правовой природе являются государственными органами [6].

К примеру, Совет федеральной территории «Сириус» формируется сроком на пять лет в составе 17 членов, из которых 7 членов назначаются при участии органов государственной власти. Одновременно с этим, положения Закона о федеральной территории определяют, что в органах публичной власти федеральной территории устанавливаются государственные должности, а указом Президента Российской Федерации устанавливаются должности федеральной государственной гражданской службы.

Стоит отметить, что в осуществлении местного самоуправления согласно Федеральному закону № 131-ФЗ участвует население, в то время как аналогичные положения Закона о федеральной территории допускают к управлению только граждан Российской Федерации, что дополнительно указывает на государственные начала организации системы публичной власти на федеральной территории «Сириус».

В научной литературе Закон о федеральной территории подвергся критике [6, 9, 10]. С определенной долей условности с замечаниями, представленными исследователями, можно согласиться, однако в целях исследования необходимо сделать акцент на положения закона, которые в той или иной степени ограничивают право граждан на осуществление местного самоуправления на федеральной территории.

Так, частью 2 статьи 2 Закона о федеральной территории установлено, что местное самоуправление в федеральной территории «Сириус» осуществляется проживающими на ее территории гражданами непосредственно в формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также через органы публичной власти федеральной территории «Сириус», осуществляющие в том числе полномочия органов местного самоуправления городского округа (включая решение вопросов местного значения городского округа), определенные Федеральном законом № 131-ФЗ, другими федеральными законами, если такие полномочия не переданы для осуществления органам местного самоуправления городского округа город-курорт Сочи Краснодарского края.

При этом Федеральный закон № 131-ФЗ определяет структуру органов местного

самоуправления, в которую входят представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

В системе органов публичной власти федеральной территории «Сириус» ни один из вышеуказанных органов местного самоуправления не создается, формируются следующие органы публичной власти федеральной территории:

1. Совет федеральной территории «Сириус» – представительный орган федеральной территории «Сириус», возглавляемый председателем.

2. Администрация федеральной территории «Сириус» - исполнительно-распорядительный орган, возглавляемый главой администрации.

3. Иные органы публичной власти федеральной территории «Сириус», если их образование предусмотрено Уставом федеральной территории «Сириус».

При этом, орган публичной власти, обладающий статусом высшего должностного лица федеральной территории в системе отсутствует. Задача главы муниципального образования обеспечивать координацию всех органов местного самоуправления, контролировать их, представлять интересы в отношениях с другими органами публичной власти. Отсутствие аналогичного органа в системе публичной власти федеральной территории может повлечь дисгармонию всей системы, например, конкуренцию председателя представительного органа и главы администрации. Контрольно-счетный орган также не включен в систему публичной власти федеральной территории, что не позволит в должной степени анализировать действия исполнительно-распорядительного органа на предмет соблюдения законодательства, в особенности в финансово-экономической деятельности.

Как указывалось, администрацией федеральной территории «Сириус» руководит глава администрации федеральной территории «Сириус» на принципах единоначалия. Глава администрации федеральной территории «Сириус» назначается Советом федеральной территории «Сириус» на срок до пяти лет. При этом конкурсная процедура по избранию руководителя исполнительно-распорядительного органа федеральной территории, в которых может принять участие любой из жителей федеральной территории «Сириус» не предусматриваются, что ограничивает права граждан на решение вопросов местного значения посредством органов местного самоуправления, формируемых при их непосредственном участии, и вступает в противоречие с принципом народовластия и принципом равенства прав и свобод человека и гражданина.

Закон о федеральной территории устанавливает, что органы публичной власти федеральной территории «Сириус» осуществляют полномочия органов местного самоуправления городского округа, однако указанные органы не формируются согласно положениям Федерального закона № 131-ФЗ. При этом, осуществление полномочий местного самоуправления органами публичной власти федеральной территории «Сириус» не определено в Федеральном законе № 131-ФЗ, в отличии от возможности наделять отдельными государственными полномочиями органы местного самоуправления, что свидетельствует о недопустимости совмещения полномочий

органов публичной власти федеральной территории и органов местного самоуправления.

Указанная позиция нашла свое подтверждение в правоприменительной практике. Так, Верховный Суд Российской Федерации указал на запрет двойного статуса Москвы - как субъекта Российской Федерации и единого муниципального образования [16]. В зарубежной научной литературе также признается (в том числе и судами), что «легитимная роль муниципальных органов власти в качестве представителей местных сообществ, не должна быть никем узурпирована» [18].

Как известно, формы непосредственного участия, а также основные способы их реализации закреплены в Федеральном законе № 131-ФЗ, иные условия определяются законами субъектов Российской федерации и муниципальными правовыми актами.

Закон о федеральной территории также допускает возможность участия граждан в управлении федеральной территории, определяя перечень форм, однако условия реализации раскрываются только в Уставе федеральной территории «Сириус», изменения в который вносятся в более упрощенном виде, чем в федеральный закон. При этом в указанном перечне отсутствуют высшие формы народовластия – референдум и выборы, а также голосование по отзыву выборного должностного лица федеральной территории.

Таким образом, вышеизложенные положения Закона о федеральной территории являются примером игнорирования требований статьи 12 Конституции Российской Федерации, согласно которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, а также части 2 статьи 130 Конституции Российской Федерации указывающей, что местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

При реализации государственной модели управления, если брать в качестве примера порядок организации публичной власти на федеральной территории «Сириус отчетливо прослеживается широта дискреционных полномочий органов публичной власти федеральной территории, которые фактически осуществляют полномочия местной власти.

Модель организации публичной власти в городских агломерациях, выстроенная по аналогии с моделью, реализуемой в настоящий момент на федеральной территории «Сириус», ограничит права населения на самоуправление в большей степени, чем государственно-муниципальная модель управления, практикуемая в городах федерального значения, ввиду замещения институтов местного самоуправления органами публичной власти федеральной территории, статус которых не определен в Конституции Российской Федерации [2].

Безусловно, государственная модель управления на примере федеральной территории «Сириус» обладает рядом положительных достоинств. К их числу можно отнести:

1) наличие единой управленческой структуры, позволяющее эффективнее координировать действия подконтрольных структур и организаций;

2) единые стандарты оказания публичных услуг населению;

3) наличие больших финансовых ресурсов.

Все вышеуказанные положительные характеристики нивелируются следующими

существенными недостатками.

1. Не просто дефицит, а практически полное отсутствие демократического участия населения в управлении федеральной территории. В условиях реализации государственной модели управления решения по вопросам местного значения будут приниматься не населением непосредственно или органами местного самоуправления, а органами публичной власти городской агломерации.

2. Преобразование нескольких муниципальных образований в одно публично-правовое образование с государственным управлением «может создавать благоприятные условия для формирования и реализации коррупционных схем, для сближения, а порой и слияния институтов и структур муниципальной власти с теневым капиталом и криминалом» [3].

3. Централизованное управление, как правило, неэффективно с точки зрения оказания услуг и распределения ресурсов, и особенно тогда, когда оно фактически является монополистом при отсутствии реальной конкуренции. В рамках централизованного управления обычно производится стандартизированный набор общественных благ и услуг. Подобный набор, ориентированный на некое абстрактное большинство, не учитывает плюрализма существующих потребностей и зачастую оказывается излишним (или, наоборот, недостаточным) с точки зрения интересов конкретных лиц.

Очевидно, правотворческий вектор деятельности государственной власти указывает на усиление влияния органов государственной власти в сфере местного самоуправления в организационном аспекте и расширяет дискрецию федерального законодателя, что может ограничить конституционные права граждан на осуществление местного самоуправления. Повсеместное ограничение местного самоуправления государственными структурами в условиях городских агломераций недопустимо, что в последствии может привести к негативным социально-экономическим и политическим последствиям.

В этой связи, установление государственного управления городской агломерацией «можно оправдать только как временную меру, вызываемую особыми условиями социально-экономического и политического развития, которая будет отменена по мере изменения этих условий» [4, с. 97].

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: В 2 т. 4-е изд. М., 2010. Т. 2.
2. Андриченко Л. В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 48-59.
3. Бондарь Н.С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 36 - 55.
4. Васильев В. И., Постников А. Е., Помазанский А. Е. Развитие демократических принципов и институтов на муниципальном уровне: правовые основы: монография М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2017.
5. Гриценко Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете Российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4(137). С. 80-97. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2022).
6. Ежукова О. А. Территории с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 36-45. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2022).
7. Нарутто С.В., Шугрина Е.С., Исаев И.А., Алебастрова И.А. Территория в публичном праве. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2022).
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В.Д. Зорькин, Л.В. Лазарев. М.,

2010.
9. Лексин И. В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 28-33. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2022).
10. Пешин Н. Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 35-40. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2022).
11. Семеко Г. В. Территориальные реформы во Франции: от децентрализации к рецентрализации государственного управления // Ars Administrandi. Искусство управления. 2017. Т. 9. № 3. С. 476-492;
12. Шугрина Е. С., Миронова Г. В. Общая характеристика российских агломераций: соотношение de juro и de facto // Местное право. – 2018. – № 1. – С. 3-24. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2022)
13. Законопроект «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования межбюджетных отношений» URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=124617 (дата обращения: 10.07.2022).
14. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037 (дата обращения: 10.07.2022).
15. Концепция развития правового статуса городских агломераций. URL: https://yalta.rk.gov.ru/ru/document/show/20025 (дата обращения: 10.05.2022).
16. Определение Верховного Суда РФ от 06.10.2000 N 5-Г00-111 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2022).
17. Парламентские слушания от 27 мая 2021 года на тему «Актуальные вопросы координации социально-экономического развития муниципальных образований в рамках агломераций» URL: http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/127220/ (дата обращения: 10.07.2022).
18. Lidstone D. Assessment of the Municipal Acts of the Provinces and Territories. Vancouver, 2004. P. 6.

Lukmanov I. D. Government model of urban agglomerations management // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 124-132.

In the conditions of the enlargement of megacities and the formation of urban agglomerations, the problem of both an effective and democratic way of managing these complex formations has been revealed. Various models of management of urban agglomerations are indicated in the scientific literature. At the same time, this article focuses specifically on the state management model, which has a number of both positive and negative aspects. According to the author, the implementation of the state management model is possible only with the involvement of a new institution of territorial organization of public power: the federal territory. The article proposes a definition of the state model of urban agglomeration management, which is understood as a form of organization of public power with the status of a federal territory of an urban agglomeration, in which only public authorities of the federal territory are formed, to which the powers of local self-government bodies and state authorities for the management of the federal territory are transferred to achieve the goals of its creation and functioning. The study concludes that the state model of urban agglomeration management can serve as a temporary measure caused by special conditions of socio-economic and political development, which will be canceled as these conditions change.

Keywords: local self-government, urban agglomerations, state management model.

Spisok literatury:

1. Avak'jan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii: V 2 t. 4-e izd. M., 2010. T. 2. S. 127;
2. Andrichenko L. V. Jevoljucija principov federalizma v Rossii v svete konstitucionnyh preobrazovanij 2020 g // Zhurnal rossijskogo prava. – 2022. – T. 26. – № 3. – S. 48-59.
3. Bondar' N.S. Konstitucija protiv korrupcii: o formirovanii nacional'noj konstitucionno-pravovoj modeli antikorrupcionnoj dejatel'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 4. S. 36 - 55.
4. Vasil'ev V. I., Postnikov A. E., Pomazanskij A. E. Razvitie demokraticheskih principov i institutov na municipal'nom urovne: pravovye osnovy: monografija M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Norma: INFRA-M, 2017 – S. 91.
5. Gricenko E. V. Federalizm i mestnoe samoupravlenie v svete Rossijskoj konstitucionnoj reformy 2020 goda // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2020. № 4(137). S. 80-97. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 08.01.2022).
6. Ezhukova O. A. Territorii s osobym publichno-pravovym statusom kak faktor federativnoj politiki Rossii //

Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 3. S. 36-45. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 08.01.2022).
7. Narutto S.V., Shugrina E.S., Isaev I.A., Alebastrova I.A. Territorija v publichnom prave. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 08.01.2022).
8. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / Otv. red. V.D. Zor'kin, L.V. Lazarev. M., 2010. S. 210;
9. Leksin I. V. Federal'nye territorii v Rossii: perspektivy i problemy realizacii konstitucionnyh novovvedenij // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 8. S. 28-33. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 08.01.2022).
10. Peshin N. L. Territorial'naja organizacija publichnoj vlasti v granicah federal'nyh territorij // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 7. S. 35-40. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 08.07.2022).
11. Semeko G. V. Territorial'nye reformy vo Francii: ot decentralizacii k recentralizacii gosudarstvennogo upravlenija // Ars Administrandi. Iskusstvo upravlenija. 2017. T. 9. № 3. S. 476-492;
12. Shugrina E. S., Mironova G. V. Obshhaja harakteristika rossijskih aglomeracij: sootnoshenie de juro i de facto // Mestnoe pravo. – 2018. – № 1. – S. 3-24. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 08.07.2022)
13. Zakonoproekt «O vnesenii izmenenij v Bjudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii v celjah sovershenstvovanija mezhbjudzhetnyh otnoshenij» URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=124617 (data obrashhenija: 10.07.2022).
14. Zakljuchenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16.03.2020 № 1-Z URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037 (data obrashhenija: 10.07.2022).
15. Koncepcija razvitija pravovogo statusa gorodskih aglomeracij. URL: https://yalta.rk.gov.ru/ru/document/show/20025 (data obrashhenija: 10.05.2022).
16. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 06.10.2000 N 5-G00-111 // Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 08.07.2022).
17. Parlamentskie slushanija ot 27 maja 2021 goda na temu «Aktual'nye voprosy koordinacii social'no-jekonomicheskogo razvitija municipal'nyh obrazovanij v ramkah aglomeracij» URL: http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/127220/ (data obrashhenija: 10.07.2022).
18. Lidstone D. Assessment of the Municipal Acts of the Provinces and Territories. Vancouver, 2004. P. 6.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 133-142.

УДК 349.2

ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕСОВЕРШЕНСТВО СОВРЕМЕННОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Носова Ю. Б.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Статья посвящена правовому анализу новых правил о дистанционной работе и выявлению проблематики в правовом регулировании труда дистанционных работников. Определены главные нововведения, касающиеся понятия дистанционной работы, установления условия о дистанционном труде, взаимодействия дистанционного работника и работодателя, регулирования режима рабочего времени и прекращения трудового договора. Обращается внимание на используемую в законе формулировку «местность выполнения трудовой функции», которая не является местом работы, определяется работником самостоятельно и в обязательном порядке не фиксируется в трудовом договоре. Рассмотрены вопросы осуществления дистанционно трудовой функции в районах Крайнего Севера, за пределами территории Российской Федерации и оплаты такого труда. Особое внимание уделено проблемам охраны труда дистанционных работников и признания несчастных случаев дистанционных работников связанными с производством.

Ключевые слова: дистанционная работа, дистанционный труд, дистанционный работник, цифровизация, регулирование труда.

Одним из самых заметных и значимых шагов на пути цифровизации трудового законодательства, наряду с введением электронных трудовых книжек и электронного кадрового документооборота явилась существенная трансформация правового регулирования дистанционной работы в России. Пандемия коронавирусной инфекции заметно ускорила процессы цифрового реформирования трудового законодательства, позволила апробировать новые гибкие формы занятости, новые формы взаимодействия работников и работодателей, а, кроме того, высветила те моменты, которые уже сейчас требуют своего скорейшего разрешения.

Настоящее исследование имеет своей целью анализ внесенных в Трудовой кодекс РФ изменений, касающихся новых правил дистанционного труда, выявление существующих и потенциальных проблем использования работы дистанционных работников и выработку научно-обоснованных предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства и практики его применения.

Как известно, глава 49.1, посвященная особенностям регулирования труда дистанционных работников, появилась в содержании Трудового кодекса РФ еще в 2013 г., однако в 2020 г. трудовое законодательство оказалось не готовым к сложившейся ситуации необходимости регулирования трудовых отношений в условиях введения ограничительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции.

Работа, массово выполняемая удаленно в этот период, к дистанционному труду по смыслу действовавшей редакции кодифицированного закона не имела никакого отношения. И только в декабре 2020 г. были внесены изменения в Трудовой кодекс РФ, вступившие в силу с 1 января 2021 г., которыми по-новому урегулирована дистанционная (удаленная) работа.

Новая редакция кодекса отождествляет понятия дистанционной и удаленной работы и понимает под таковой выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования. Из новшеств обращает на себя внимание то, что в отличие от ранее действовавшей нормы, дистанционный труд предполагает использование не только сети «Интернет», но и сетей связи общего пользования.

Главное нововведение состоит в том, что теперь предусматривается возможность установить условие о дистанционной работе не только в трудовом договоре, но и в дополнительном соглашении к нему. При этом выполнение работником трудовой функции дистанционно может осуществляться как на постоянной основе (в течение срока действия трудового договора), так и временно (непрерывно в течение определенного трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору срока, не превышающего шести месяцев, либо периодически при условии чередования периодов выполнения работником трудовой функции дистанционно и периодов выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте). Кроме того, предусматривается возможность временного перевода работника на дистанционную работу без его согласия по инициативе работодателя в случае катастрофы природного или техногенного характера, производственной аварии, несчастного случая на производстве, пожара, наводнения, землетрясения, эпидемии или эпизоотии и в любых исключительных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части, а также в случае принятия соответствующего решения органом государственной власти и (или) органом местного самоуправления.

Так же, как и в ранее действовавшей редакции, статьей 312.2 Трудового кодекса РФ определяется допустимость заключения трудового договора (допсоглашения к нему) путем обмена между работником (лицом, поступающим на работу) и работодателем электронными документами. Однако на бумажном носителе оформленный надлежащим образом экземпляр трудового договора или дополнительного соглашения к трудовому договору работодатель теперь направляет дистанционному работнику только по его письменному заявлению в течение трех рабочих дней (ранее эту обязанность работодатель должен был выполнить вне зависимости от просьбы работника в течение трех календарных дней).

Новые положения, посвященные особенностям порядка взаимодействия дистанционного работника и работодателя сводятся к тому, что лишь «важнейшие» документы, такие как трудовой договор, дополнительное соглашение к нему, договор о материальной ответственности, ученический договор на получение образования без отрыва или с отрывом от работы, а также внесение изменений в эти договоры и их расторжение предполагают обязательное использование сторонами при обмене

электронными документами усиленной квалифицированной (для работодателя) или неквалифицированной (для работника) электронных подписей.

В иных случаях взаимодействие дистанционного работника и работодателя может осуществляться путем обмена электронными документами с использованием других видов электронной подписи или в иной форме, предусмотренной коллективным договором, локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору и позволяющей обеспечить фиксацию факта получения работником и (или) работодателем документов в электронном виде. Таким образом, ознакомление работников с локальными нормативными актами, приказами (распоряжениями) работодателя, уведомлениями, требованиями и иными документами, а также обращение работника к работодателю может осуществляться не только путем обмена электронными документами, но и посредством использования локальных информационных сетей работодателя, электронной почты, мессенджеров или смс-сообщений при условии, что такая форма взаимодействия предусмотрена коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором, дополнительным соглашением к нему. Это положение вряд ли может быть оценено положительно в силу того, что неизбежно будут возникать спорные вопросы относительно момента составления и ознакомления работника с конкретной редакцией документа, подачи и получения сообщения от работника, на фоне прогнозируемой сложности доказать впоследствии в ходе судебного разбирательства соблюдение (или несоблюдение) правил ознакомления или подачи заявления.

Интересным положением видится новая норма, согласно которой время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время, что по мнению ее разработчиков направлено на упорядочение вопросов, связанных с рабочим временем дистанционных работников, в частности, их право не быть круглосуточно на связи с работодателем и не отвечать на письма и звонки в определенные временные интервалы.

Вместе с тем, представляется, что данная проблема не может быть разрешена только таким указанием, а с учетом положения статьи 312.4 Трудового кодекса РФ, согласно которому режим рабочего времени дистанционного работника устанавливается таким работником по своему усмотрению, это не приведет к адекватному закреплению так называемого «права на офлайн».

Как отмечается в литературе, в экономически развитых странах проблема разграничения рабочего времени и ограничения права работодателя беспокоить работника по рабочим вопросам после окончания рабочего дня уже вылилась в принятие нового законодательства. Наиболее яркий пример в данном отношении - Франция, где в 2012 г. было заключено социально-партнерское соглашение, предусматривающее право дистанционных работников минимум на один день в неделю, представляющий собой выходной от коммуникаций с работодателем, а с начала 2017 г. вступили в силу поправки в Кодекс труда, предусматривающие обязанность работодателей с количеством работников 50 и более человек устанавливать правила взаимодействия с работниками после окончания их основного рабочего времени. Некоторые крупные работодатели, например, автомобильный концерн «Фольксваген», приняли решение об отключении почтовых серверов в нерабочее время, в результа-

те чего руководители и коллеги в принципе лишаются возможности беспокоить работников во время отдыха. В настоящее время «право быть офлайн», или «право на отключение», - развивающаяся концепция в наиболее социально развитых странах ЕС [1, с. 80].

Справедливости ради нужно отметить, что первоначальная редакция законопроекта, так и не ставшая законом, предусматривала четкие, правильные и справедливые правила, касающиеся правовой конструкции «права на офлайн». Так, законопроектом предполагалось, что работник и работодатель устанавливают порядок взаимодействия, предусматривающий конкретное время выполнения дистанционным работником трудовой функции в пределах рабочего времени, установленного трудовым договором о дистанционной работе. В порядке взаимодействия может быть предусмотрена обязанность дистанционного работника отвечать на звонки, электронные письма и запросы работодателя, сделанные в иной форме, а также срок, в течение которого дистанционный работник обязан реагировать на запросы работодателя, связанные с выполнением трудовой функции. Работник не обязан отвечать на запросы работодателя, сделанные в любой форме, вне времени, установленного порядком взаимодействия. В случае, если порядок взаимодействия не был согласован сторонами трудового договора о дистанционной работе либо работник не был ознакомлен с соответствующим локальным нормативным актом, работник не может быть привлечен к ответственности за несвоевременный ответ или отсутствие ответа на запросы работодателя, связанные с выполнением трудовой функции. В случае производственной необходимости работодатель может с согласия работника привлечь его к выполнению трудовой функции вне времени, установленного порядком взаимодействия, с оплатой данной работы в порядке, установленном для оплаты сверхурочной работы, в соответствии со статьей 152 Трудового кодекса РФ [2]. К сожалению, приведенные положения не были закреплены в тексте принятого закона.

Наряду с указанными недостатками, новая редакция Трудового кодекса РФ демонстрирует и очевидные достоинства, к числу которых может быть отнесена норма о необходимости обеспечения работодателем дистанционного работника оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами, а в случае использования работником собственных средств, – выплаты компенсации за их использование и возмещения расходов, связанных с их использованием.

Также положительным видится исключение из содержания закона указания на то, что расторжение трудового договора о дистанционной работе по инициативе работодателя производится по основаниям, предусмотренным трудовым договором. Как указывалось разработчиками законопроекта, в трудовые договоры включались такие дискриминационные для дистанционных работников основания для увольнения, как: отсутствие у работодателя достаточного объема работы; нецелесообразность дальнейшего сотрудничества, производственная необходимость, определяемая работодателем; работа признана работодателем неэффективной; изменение стратегии развития работодателя; решение генерального директора о расторжении договора и пр.

При этом новая редакции статьи Трудового кодекса РФ, посвященная особенностям прекращения трудового договора с дистанционными работниками, предусмот-

рела два новых основания увольнения. Одно из них обусловлено инициативой работодателя в случае, если в период выполнения трудовой функции дистанционно работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя. В этом смысле понятной представляется попытка законодателя дать юридическую возможность работодателю обеспечить соблюдение дистанционным работником дисциплины труда, поскольку увольнение работника за прогул или неоднократное неисполнение трудовых обязанностей при наличии дисциплинарного взыскания является сложным, а в условиях дистанционного выполнения работы практически неосуществимым. Между тем, и новая норма Трудового кодекса РФ в полном объеме не решает указанной задачи и фактически предоставляет возможность дистанционному работнику выходить на связь один раз в два рабочих дня.

Второе дополнительное основание увольнения связано с изменением работником местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях. При этом закон говорит о том, что трудовой договор может быть прекращен в такой ситуации, то есть сам факт изменения работником местности выполнения трудовой функции не является обстоятельством, влекущим прекращение договора, должна наличествовать инициатива сторон трудового договора, направленная на прекращение трудовых отношений.

И здесь нужно обратить внимание на используемую в статье 312.8 Трудового кодекса РФ формулировку «местность выполнения трудовой функции». Это связано с тем, что место работы, которое согласно статье 57 Трудового кодекса РФ является обязательным условием трудового договора, определяется как расположенная в определенной местности (населенном пункте) конкретная организация, ее представительство, филиал, иное обособленное структурное подразделение [3]. Наряду с этим, дистанционной работой является выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя. Таким образом, местность выполнения трудовой функции, не являющаяся местом работы, определяется работником самостоятельно и в обязательном порядке не фиксируется в трудовом договоре.

В связи с этим, на практике возникают вопросы, связанные, в частности, с осуществлением дистанционно трудовой функции в районах Крайнего Севера и соответственно с оплатой такого труда при условии, что работодатель не находится в таких районах. Ответ на вопрос относительно начисления районного коэффициента и процентной надбавки дистанционным работникам, работающим в районах Крайнего Севере и приравненных к ним местностях, может быть дан с учетом следующей позиции Верховного суда РФ: «По общему правилу труд работника используется по месту работы. Труд отдельных работников организуется вне места нахождения работодателя, его представительства, филиала, иного обособленного структурного подразделения. Если в таких случаях выполнение работником трудовой функции осуществляется в районе Крайнего Севера или местности, приравненной к районам Крайнего Севера, то суды, принимая во внимание фактическое место работы

работника, приходят к правильному выводу о начислении к его заработной плате соответствующего коэффициента и процентной надбавки. Районный коэффициент и процентная надбавка начисляются к заработной плате работника в зависимости от места выполнения им трудовой функции, а не от места нахождения работодателя, в штате которого состоит работник» [4].

Таким образом, если дистанционный работник работает в районах Крайнего Севера или местностях, приравненных к ним, его заработная плата должна устанавливаться с учетом районных коэффициентов и процентных надбавок. Думается, что при заключении трудового договора о дистанционном труде, стороны должны определить местность выполнения трудовой функции, и, если эта местность первоначально не находилась в районах Крайнего Севера, а впоследствии работник принял решение о переезде в районы Крайнего Севера, но работодатель не согласен на изменение условий трудового договора об оплате труда, у последнего возникает возможность прекратить трудовой договор в соответствии со статьей 312.8 Трудового кодекса РФ. Сказанное предопределяет необходимость установления в Трудовом кодексе нормы об обязательности в трудовом договоре о дистанционной работе условия, определяющего местность выполнения трудовой функции. Это также сможет предотвратить возможные трудовые споры относительно применения положения статьи 312.6 Трудового кодекса РФ, предусматривающего то, что в случае направления работодателем дистанционного работника для выполнения служебного поручения в другую местность (на другую территорию), отличную от местности (территории) выполнения трудовой функции, на дистанционного работника распространяется действие статей 166-168 Трудового кодекса РФ.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что определение в качестве местности выполнения трудовой функции районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей повлечет также для работодателя необходимость предоставления дистанционным работникам всех гарантий, детерминированных осуществлением труда в данных местностях.

Еще один аспект осуществления трудовой функции дистанционно в разных местностях связан с регулированием рабочего времени дистанционных работников. В соответствии с новой статьей 312. 4 Трудового кодекса РФ, если иное не предусмотрено коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору, режим рабочего времени дистанционного работника устанавливается таким работником по своему усмотрению. Но, как известно, на территории Российской Федерации установлены различные часовые зоны. Дистанционный работник может выполнять трудовую функцию, например, на Камчатке для работодателя, находящегося в центральной России, что предполагает взаимодействие по московскому времени. Это в свою очередь, может привести к тому, что такому работнику придется работать в ночное время по местному времени. А согласно статье 96 Трудового кодекса РФ по общему правилу продолжительность работы в ночное время сокращается на один час без последующей отработки. Кроме того, статья 154 Трудового кодекса РФ предусматривает, что каждый час работы в ночное время оплачивается в повышенном размере по сравнению с работой в нормальных условиях. Это также демонстрирует, что в трудовом договоре с таким дистанционным работником целесообразно не только

устанавливать местность выполнения трудовой функции, но и фиксировать режим рабочего времени, а также оплату труда с учетом рассмотренных обстоятельств.

Серьезным недостатком принятого закона является также отсутствие правового внимания к проблеме регулирования отношений по дистанционному труду, осложненному иностранным элементом.

В научной литературе указывается, что в законодательстве отсутствуют нормы, предусматривающие возможность дистанционного труда иностранных граждан в пользу российских работодателей и, наоборот, российских работников в России, работающих в пользу работодателей, расположенных за границей, а также нормы, касающиеся российских работников, работающих дистанционно за границей для российских работодателей.

По этому поводу Министерство труда дало свои разъяснения, согласно которым Трудовой кодекс Российской Федерации не предусматривает возможность заключения трудового договора о дистанционной работе с гражданином Российской Федерации, с иностранным гражданином или лицом без гражданства, осуществляющими трудовую деятельность за пределами территории Российской Федерации, так как, учитывая положения статьи 312.3 Кодекса об обязанности работодателя обеспечить безопасные условия и охрану труда дистанционных работников, а также положения статьи 13 Кодекса о том, что федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, содержащие нормы трудового права, действуют только на территории Российской Федерации, обеспечение работодателем безопасных условий труда для дистанционных работников, работающих за пределами Российской Федерации, не представляется возможным. По мнению Министерства, сотрудничество с такими гражданами следует осуществлять в рамках гражданско-правовых отношений [5; 6].

Указанные разъяснения аргументированно подвергаются критике представителями науки трудового права [7; 8; 9], однако правильные ответы на поставленные вопросы реализации такой востребованной формы осуществления трудовой функции так и не найдены.

Вообще, затронутый аспект охраны труда дистанционных работников, несет проблематику сам по себе, безотносительно к нахождению их за пределами территории России. Говоря об особенностях обеспечения безопасных условий труда и охраны труда работников в период выполнения ими трудовой функции дистанционно, следует иметь в виду что согласно статье 312.7 Трудового кодекса РФ работодатель исполняет ограниченный перечень обязанностей: расследование и учет в установленном настоящим Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации порядке несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; выполнение предписаний должностных лиц федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, других федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный контроль (надзор) в установленной сфере деятельности, и рассмотрение представлений органов общественного контроля в установленные сроки; обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Как справедливо отмечает С.Ю.

Головина, многие обязанности работодателя в сфере охраны труда объективно не могут быть им выполнены, например, обеспечение контроля за состоянием условий труда на рабочем месте, принятие мер по предотвращению аварийных ситуаций. Соответственно, работник сам должен позаботиться о безопасности своей трудовой деятельности. Но если несчастный случай все же произошел, его необходимо установить и расследовать. Однако и установить, и дать правильную квалификацию несчастного случая будет крайне сложно, поскольку у дистанционного работника отсутствует рабочее место в его привычном понимании – как места, где работник должен находиться в связи с его работой и которое непосредственно либо косвенно контролируется [10, с. 312]. Исходя из этого, можно с достаточно высокой степенью вероятности предположить, что даже в случае исполнения обязанностей работодателем по расследованию несчастных случаев в ходе дистанционной работы, правоприменительная практика, формируемая ФСС, пойдет по пути отказа в признании несчастных случаев, произошедших с дистанционными работниками, связанными с производством. И, здесь, по всей видимости, придется Верховному суду РФ дать свои разъяснения относительно понимания несчастных случаев на производстве дистанционных работников.

И, завершая, необходимо отметить еще один аспект цифровизации трудовых отношений, требующий особого внимания, – это необходимость учета психосоциальных рисков в ходе трудоправового регулирования. Это касается не только дистанционных, но и работающих на традиционных рабочих местах работников, но также с использованием информационно-коммуникационных сетей. Как отмечается в литературе, цифровые технологии трансформируют трудовую деятельность в содержательном, структурном аспекте, с одной стороны, с другой стороны, они оказывают все более активное воздействие на формирование и протекание психических процессов у работников и на их взаимодействие между собой. Одним из психосоциальных рисков, представляющих наибольшую опасность в эпоху цифровизации, является стресс [11, с. 42].

Возрастающая интеллектуальная составляющая труда при увеличении потока информации сопровождается нервно-эмоциональными перегрузками. Новые технологии способствуют росту профессиональных заболеваний, связанных с работой, таких как депрессии, которые, по оценкам Всемирной организации здравоохранения, станут одной из главных причин нетрудоспособности [12, с. 8].

Подобные рассуждения приводят некоторых авторов к вполне справедливым выводам о том, что масштабы получаемой информации при выполнении работы приводят к возникновению потребности на законодательном уровне вводить нормы, ограничивающие время работы с цифровой информацией, учитывая время на ее переработку, усвоение и принятие решений. При этом, ученые предлагают дополнить ст. 108 Трудового кодекса РФ помимо перерывов для отдыха и питания перерывами в целях «информационной безопасности», которые также должны быть включены в рабочее время [11, с. 43].

Кроме того, полагаю, что предъявление к работникам новых требований, активное использование работодателя систем учета выполненной работы, внедрение кадровых технологических инноваций, изменение функционала работников, стремительное развитие технологий, постоянное напряжение работников на фоне других экстремальных факторов, порождаемых цифровизацией, диктуют в свою очередь

необходимость нормативного регулирования ограничения рабочего времени путем закрепления права на офлайн, ограничения по применению различных технологий отслеживания работников, возможность разработки новых подходов к определению профессиональных рисков, к числу которых следует отнести и психосоциальные риски, чему должна сопутствовать модернизация законодательства о специальной оценке условий труда, а также о социальном страховании. На работодателя должны быть возложены общие обязанности принимать надлежащие меры по обеспечению безопасности и защиты физического и психического здоровья работника, включающие деятельность по профилактике профессиональных рисков и недопущению ухудшения условий труда; обучению и информированию работников; внедрению адекватной организации труда и средств производства. Такие действия должны соответствовать изменяющейся обстановке и быть направлены на улучшение условий труда [13, с. 57].

Таким образом, мы не должны забывать о высокой социальной роли трудового права, которое должно надлежаще ответить на вызовы цифровизации и минимизировать негативные аспекты технологического прогресса.

Список литературы:

1. Лютов Н.Л. Законодательные инициативы, связанные с дистанционным трудом: временный ажиотаж на фоне пандемии или устойчивая тенденция? / Н.Л. Лютов // Журнал российского права. - 2020. - №12. - С. 78-88.
2. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: Законопроект № 973264-7. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7 (дата обращения: 20.06.2022).
3. Письмо Минтруда России от 17.11.2017 № 14-2/В-1012 // СПС Консультант-Плюс.
4. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.02.2014 (ред. от 26.04.2017).
5. Письмо Минтруда России от 16 января 2017 г. № 14-2/ООГ-245 // СПС Консультант-Плюс.
6. Письмо Минтруда России от 7 декабря 2016 г. N 14-2/ООГ-10811// СПС Консультант-Плюс.
7. Васильева Ю.В., Шуралева С.В. Дистанционная работа в России: вопросы правоприменения / Ю.В. Васильева, С.В. Шуралева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2016. - № 2. - С. 216 – 225.
8. Коршунова Т. Ю. Договор о дистанционной работе как способ оформления нетипичных трудовых отношений/ Т.Ю. Коршунова // Журнал российского права. - 2020. - № 2. - С. 112 – 125.
9. Черных Н.В. Влияние нетипичных форм занятости на теоретические представления о трудовом отношении (на примере норм о дистанционном труде) / Н.В. Черных // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 8 (105). - С. 108-117.
10. Головина С.Ю. О некоторых тенденциях развития трудового права России в современных экономических условиях/ С. Ю. Головина // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24 - 25 октября 2014 г.): Избранные материалы / Сост.: Г.В. Абшилава, В.В. Акинфиева, А.Б. Афанасьев [и др.]; Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, - 2015. – С. 309 - 315.
11. Филипова И.А., Соловьева С.В. Новые психосоциальные риски для работников в условиях цифровой экономики и их правовое регулирование в России и в Европейском союзе / И.А. Филипова, С.В. Соловьева // Юрист. – 2020. – 1. – С. 40 – 45.
12. Денисов Э.И. Роботы, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность: этические, правовые и гигиенические проблемы / Э.И. Денисов// Гигиена и санитария. - 2019. Т. 98. - 1. - С. 5 - 10.
13. Истомина Е.А. Предупреждение профессиональных рисков: французский опыт трудоправового регулирования / Е.А. Истомина // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. - № 3. – С. 54-57.

Nosova Y.B. Remote labor: achievements and problems of modern labor legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 133-142.

The article is devoted to the legal analysis of the new rules about remote work, which led to the identification of problems in the legal regulation of the work of remote workers. The main innovations concerning the concept of remote work, the establishment of a condition on remote work, the interaction of a remote worker and the employer, the regulation of working hours and the termination of an employment contract are considered. Attention is paid to the wording used in the law "locality of performance of the labor function", that is not a place of work, is determined by the employee independently and is not necessarily fixed in the employment contract. The issues of the implementation of a remote labor function in the regions of the Far North, outside the territory of the Russian Federation and the payment of such labor are considered. Particular attention is paid to the problems of labor protection of remote workers and the recognition of accidents of remote workers related to production.

Keywords: remote work, remote labor, remote worker, digitalization, labor regulation.

Spisok literatury:

1. Lyutov N.L. Zakonodatel'nye iniciativy, svyazannye s distancionnym trudom: vremennyj azhiotazh na fone pandemii ili ustojchivaya tendenciya? / N.L. Lyutov // ZHurnal rossijskogo prava. - 2020. - №12. - S. 78-88.
2. O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti regulirovaniya distancionnoj (udalennoj) raboty i vremennogo perevoda rabotnika na distancionnuyu (udalennuyu) rabotu po iniciative rabotodatelya v isklyuchitel'nyh sluchayah: Zakonoproekt № 973264-7. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7 (data obrashcheniya: 20.06.2022).
3. Pis'mo Mintruda Rossii ot 17.11.2017 № 14-2/V-1012 // SPS Konsul'tant-Plyus.
4. Obzor praktiki rassmotreniya sudami del, svyazannyh s osushchestvleniem grazhdanami trudovoj deyatel'nosti v rajonah Krajnego Severa i priravnennyh k nim mestnostyah: utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 26.02.2014 (red. ot 26.04.2017).
5. Pis'mo Mintruda Rossii ot 16 yanvarya 2017 g. № 14-2/OOG-245 // SPS Konsul'tant-Plyus.
6. Pis'mo Mintruda Rossii ot 7 dekabrya 2016 g. N 14-2/OOG-10811// SPS Konsul'tant-Plyus.
7. Vasil'eva YU.V., SHuraleva S.V. Distancionnaya rabota v Rossii: voprosy pravoprimeneniya / YU.V. Vasil'eva, S.V. SHuraleva // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. - 2016. - № 2. - S. 216 – 225.
8. Korshunova T. YU. Dogovor o distancionnoj rabote kak sposob oformleniya netipichnyh trudovyh otnoshenij/ T.YU. Korshunova // ZHurnal rossijskogo prava. - 2020. - № 2. - S. 112 – 125.
9. CHernyh N.V. Vliyanie netipichnyh form zanyatosti na teoreticheskie predstavleniya o trudovom otnoshenii (na primere norm o distancionnom trude) / N.V. CHernyh // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - 2019. - № 8 (105). - S. 108-117.
10. Golovina S.YU. O nekotoryh tendenciyah razvitiya trudovogo prava Rossii v sovremennyh ekonomicheskih usloviyah/ S. YU. Golovina // Pyatyj Permskij kongress uchenyh-yuristov (g. Perm', 24 - 25 oktyabrya 2014 g.): Izbrannye materialy / Sost.: G.V. Abshilava, V.V. Akinfieva, A.B. Afanas'ev [i dr.]; Otv. red. V.G. Golubcov, O.A. Kuznecova. M.: Statut, - 2015. – S. 309 - 315.
11. Filipova I.A., Solov'eva S.V. Novye psihosocial'nye riski dlya rabotnikov v usloviyah cifrovoj ekonomiki i ih pravovoe regulirovanie v Rossii i v Evropejskom soyuze / I.A. Filipova, S.V. Solov'eva // YUrist. – 2020. – 1. – S. 40 – 45.
12. Denisov E.I. Roboty, iskusstvennyj intellekt, dopolnennaya i virtual'naya real'nost': eticheskie, pravovye i gigienicheskie problemy / E.I. Denisov// Gigiena i sanitariya. - 2019. T. 98. - 1. - S. 5 - 10.
13. Istomina E.A. Preduprezhdenie professional'nyh riskov: francuzskij opyt trudopravovogo regulirovaniya / E.A. Istomina // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. – 2017. - № 3. – S. 54-57.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 143-151.

УДК 342.7

АФРИКАНСКИЙ ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ГАРАНТИРОВАНИЯ СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Новикова А. Е.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Свобода массовой информации является одинаково важным элементом для правового государства, правового статуса личности и гражданского общества. В России свобода массовой информации не только конституционно формализована, но и гарантирована, включая уровень специального законодательства. Содержание свободы массовой информации, как и любого правового феномена раскрывается и прирастает в рамках применения сравнительно-правового метода исследования. В данной работе на его основе автором осуществлен компаративный анализ текстов конституций африканский государств. Результаты позволили сделать вывод о легализации в заявленной группе конституций непосредственно свободы массовой информации, ее нормативных (бланкетных), институциональных и организационно-функциональных гарантий, а также запрета цензуры. Установлено, что треть исследованных конституций включает лишь единичный критерий, сопоставимый нами с гарантированием свободы массовой информации.

Ключевые слова: свобода массовой информации, свобода печати, конституция, цензура, запрет, ограничение, специальные гарантии, закон.

В Конституции Российской Федерации свобода массовой информации сформулирована в гарантирующем ключе ч. 5 ст. 29, что подчеркивает особый статус не только данной свободы, но и ее обеспечения.

По опросам ВЦИОМ в 2021 г. уровень свободы средств массовой информации – телевидения, СМИ и радио россияне оценили достаточным (42 %). Треть в этом вопросе придерживается обратного мнения (33 %) и 18 % – считают, что уровень свободы для СМИ сегодня слишком велик [11]. Несмотря на положительное большинство в оценке уровня отечественной свободы средств массовой, тем не менее, треть населения имеет иное представление. Полагаем, данное обстоятельство вызывает беспокойство и опосредует совершенствование существующих и поиск новых гарантий заявленной свободы.

Актуализация прикладного аспекта поддерживается и доктринальным, поскольку свобода массовой информации в различных вариантах постоянно находится в эпицентре научного внимания. В юриспруденции сопрягают свободу печати, права человека, государство и гражданское общество [1, с. 46-51; 4; 11, с. 45-48; 12, с. 114-117]; конституционные основы, гарантии, правовые ограничения и проблемы реализации свободы массовой информации в Российской Федерации [3, 5] и пр.

Одним из методов, способствующих расширению концептуальных представлений о гарантировании свободы массовой информации является правовое сравнение. В этой связи, уточним, что ученые-правоведы уже неоднократно обращались к его помощи [2, с. 297-302; 8, с. 53-58]. В целях данного исследования мы считаем целесообразными базовые разработки М.А. Тульнева о подходах к зарубежному конституционно-правовому опыту формализации гарантий свободы массовой информации. По его мнению, «типично нормы-гарантии свободы массовой информации сопряжены, с одной стороны, с запретами (цензура, иные ограничительные меры), а с

другой, – с позитивным правовым регулированием и институциональным содействием. Кроме того, базовыми в этом смысле расцениваются конституционные установления, признающие / гарантирующие именно свободу массовой информации в любых вариантах (к примеру, свобода прессы, печати)» [9, с. 66-69]. При этом, логично, что нормы сущностно «отграничатся от свободы мысли, слова, хотя, конечно, их базовый характер для свободы массовой информации не отрицаем» [10, с. 52].

Опираясь на сказанное выше, нами в данной статье представлены результаты анализа текстов конституций африканских государств [6, 7] на предмет выявления в них формализации свободы массовой информации и ее гарантий.

Отметим, что из 15 текстов конституций африканских государств заявленные нормы в различной мере были обнаружены в каждой из них в следующей структурной специализации глав / разделов, посвященных правам, свободам (Алжир, Кот-Д-Ивуар, Тунис, Чад) и обязанностям (Египет), фундаментальным правам (Либерия) и свободам (Марокко), основополагающим принципам, основным правам (Габон) и обязанностям (Мадагаскар), личным правам (Сан-Томе и Принсипи), гражданским и политическим правам (Конго), человеческому достоинству, правам и обязанностям с ним связанным (Мали), законодательной власти (Габон, Египет, Марокко, Тунис), основным принципам государства (Экваториальная Гвинея), распределению полномочий между центральной властью и провинциями (Конго), рациональному управлению (Марокко), взаимодействию законодательной и исполнительной власти (Чад), Национальному совету коммуникации (Габон), Высшему совету по регулированию средств массовой информации (Египет), Верховному органу аудиовизуальных средств и сообщения (Конго), Высшему информационному совету (Чад), переходным и заключительным положениям (Кот-Д-Ивуар), промежуточным условиям (Мавритания).

Уточним, что в Конституции Алжира зафиксирована одна нормы, сопоставимая с гарантированием свободы массовой информации, хотя и с отсутствием легализации самой свободы. Так, в ст. 38 формализовано гарантирование гражданам свободы интеллектуального, художественного и научного творчества с защитой авторских прав законом. Далее указано, что наложение ареста на любые публикации, записи или любые другие средства коммуникации и информации может осуществляться только на основании судебного решения.

Таким образом, в Конституции Алжира есть лишь фрагментарное гарантирование средств информации без легализации свободы массовой информации и сопряженных свобод печати, радио и пр.

Обращаясь к содержанию Конституции Габонской Республики также установлено отсутствие нормы, легализующей непосредственно свободу массовой информации. В ч. 2 ст. 1 выявлена только свобода совести, мысли, мнения и выражения мнения. Хотя интересно, что в главе о законодательной власти встречается формулировка государственных средств массовой информации в контексте распространения через них ретрансляции дебатов каждой из двух палат под контролем своего бюро при соблюдении принципов плюрализма и в соответствии с предписаниями своего регламента (ст. 44).

В ст. 57 отображено правом доступа и слова премьер-министра и других членов Правительства в палатах Парламента и их комиссиях. Аналогичное установление

содержится в ст. 136 Конституции Египта в отношении премьер-министра, его заместителей, министров и их заместители на заседаниях Палаты представителей.

На наш взгляд, представленные нормы, аффилированные с властью, не представляется возможным относить к гарантиям свободы массовой информации, поскольку по смыслу норм средства массовой информации лишь выступают инструментами в деятельности соответствующих публичных структур.

Необходимо обратить внимание на самостоятельный Титул VII «О Национальном совете коммуникации» Конституция Габона, поскольку в нем в контексте специального института и его полномочий все же следует формализация заявленной нами свободы. Так, согласно ст. 94 в Республике Габон аудиовизуальная и письменная коммуникация осуществляется свободно, при условии соблюдения общественного порядка, свободы и достоинства граждан. Из текста указанной статьи однозначно не следует адресована свобода персональным коммуникациям или все же аудиовизуальным и письменным средствам массовой информации. Но, если обратиться к ст. 95, то в ней прямо указано, что Национальный совет коммуникации, статус которого определен органическим законом, обязан следить за соблюдением демократических принципов и свободы прессы на всей территории; контролировать программы и регулирования в сфере коммуникации, а также правил эксплуатации; соблюдать статус специалистов по коммуникации; согласовывать программы между публичными и частными сетями радио и телевидения, политику производства аудиовизуальных и кинематографических произведений; продвижение и развитие техники связи и подготовку персонала; защищать детей и подростков при составлении программ передач, распространяемых публичными и частными предприятиями аудиовизуальной коммуникации.

Таким образом, объективен вывод конституционной легализации и свободы массовой информации, ее специальной институциональной и бланкетной (предусматривающей принятие самостоятельного закона в рассматриваемой сфере) гарантий.

Подчеркнем, что в Конституции подробным образом приведена статусная характеристика Национального совета коммуникации. К примеру, в случае нарушения закона заинтересованными сторонами, Национальный совет коммуникации может направить им публичные замечания и применить соответствующие санкции.

В ст. 98 закреплен состав Национального совета коммуникации – 9 членов, из которых 3 члена назначаются Президентом Республики, в числе которых Председатель; три члена – Председателем Сената и три члена – Председателем Национального собрания. При этом каждый из указанных органов в обязательном порядке назначает двух специалистов по коммуникации.

Продолжительность мандата членов Национального совета коммуникации составляет пять лет с правом возобновления (ст. 100).

В Конституции Египта свобода массовой информации отражена в ст. 70 самым детальным образом, включая материальный и процессуальные аспекты. Что касается первого, то формализованы гарантии свободы прессы, печати, бумажного, визуального, аудио и цифрового опубликования. Дано пояснение, что «Египтяне – физические или юридические лица, государственные или частные компании – обладают правом иметь в собственности печатные издания, а также учреждать визуальные, аудио и цифровые СМИ» [12].

В процессуальном аспекте установлено, что «печатные издания могут выпускаться сразу после уведомления, поданного в порядке, предусмотренном законом, регулирующим порядок создания и владения радио- и телевещательными станциями, а также электронными СМИ (ст. 70)» [12].

Особое внимание обратим на то, что Конституция Египта одна из немногих формализует запрет цензуры. В ст. 71 содержится положение о «запрете цензуры, конфискации, приостановке издания или закрытии египетские газеты и СМИ в любой форме. В порядке исключения они могут быть подвергнуты ограниченной цензуре в период войны или всеобщей мобилизации» [12].

Подобно Конституции Габона, в Египте также легализованы институциональные гарантии свободы массовой информации – Высший совет по регулированию средств массовой информации (ст. 211), Национальная организация прессы (ст. 212) и Национальная организация СМИ (ст. 213).

«Высший совет по регулированию СМИ является независимой организацией, которая обладает правами юридического лица, пользуется технической, финансовой и административной независимостью и имеет собственный бюджет.

Совет регулирует деятельность радио, телевидения и других визуальных СМИ, печатных, цифровых и иных СМИ.

Совет несет ответственность за обеспечение гарантий и защиты свободы печати и СМИ, как определено Конституцией, охрану их независимости, объективности, плюрализма и разнообразия, предотвращение монополистических практик, надзор за законностью источников финансирования прессы и институтов СМИ и установление контрольных механизмов и критериев, необходимых для обеспечения соблюдения организациями прессы и СМИ профессиональных и этических стандартов, а также потребностей национальной безопасности в порядке, определенном законом.

Национальная организация прессы является независимой организацией, которая развивает печатные СМИ, находящиеся в государственной собственности, и управляет их активами, а также обеспечивает их модернизацию, независимость, объективность и соблюдение ими надлежащих профессиональных, административных и экономических стандартов.

Национальная организация СМИ является независимой организацией, которая развивает находящиеся в государственной собственности визуальные, аудио и цифровые СМИ и управляет их активами, а также обеспечивает их развитие, независимость, объективность и соблюдение ими надлежащих профессиональных, административных и экономических стандартов» [12].

Любопытно, что свобода прессы и выражения встречается в Конституции Коморских Островов в единичном варианте только в преамбуле. В связи с этим закономерен вопрос о правоприменимости данной нормы, поскольку традиционно подобные конституционные введения не подлежат применению.

В ст. 24 Конституции Конго легализовано гарантирование свободы прессы, свободы информации и радио и телевещания, периодической печати и других средств коммуникации при условии соблюдения закона, общественного порядка, правил приличия. При этом именно закон устанавливает порядок осуществления данных свобод.

В материальном аспекте по поводу детализации свободы массовой информации сказано, что государственные аудиовизуальные и печатные средства массовой ин-

формации являются государственными службами, доступ к которым гарантирован справедливым образом всем политическим и социальным течениям. Статус государственных средств массовой информации установлен законом, который гарантирует беспристрастность, непредвзятость и плюрализм мнений в обработке и распространении информации.

В Конституции Конго выявлены также организационно-функциональные и институциональны гарантии свободы массовой информации. В первом случае ст. 203 к ведению конкурирующих юрисдикций центральной власти и провинций отнесла вопросы прессы, радио, телевидения, кинопромышленности.

Самостоятельный раздел посвящен специализированному институту – Верховному орган аудиовизуальных средств и сообщения (ст. 212). Его задачей является гарантировать и обеспечивать свободу и защиту прессы, также как и всех средств массовой информации при соблюдении закона.

Отметим, что в Конституции Кот-Д-Ивуара отсутствует легализация свободы массовой информации, хотя гражданам гарантирован доступ и к информации, и свобода выражения мыслей (ст.ст. 7, 9).

О средствах массовой информации имеется лишь одно упоминание в переходных и заключительных положениях о том, что Президент республики, отвечающий за переход, не имеет права в какой-либо форме изменить закон об ассоциациях и средствах массовой информации.

В Конституции Исламской Республики Мавритания только в разделе о промежуточных условиях упомянуты регуляторные тексты, касающиеся свободы печати и обязанность их принятия самое позднее, через две недели после принятия Конституции.

В Конституции Либерии ст. 15 зафиксировала, что «каждый человек имеет право на самовыражение и несет ответственность за нарушение данного права, а далее конкретизировано, что в данное право включена свобода высказываний и средств массовой информации. В данной же норме изложены ее гарантии:

– невозможности ограничения или использования правительством в приказном порядке за исключением случаев чрезвычайного положения в стране, объявляемого в соответствии с положениями конституции;

– государственные средства массовой информации не имеют права ограничивать доступ на свою территорию в случае несогласия или непринятия кем-либо высказанных им мнений. Запрет доступа влечет за собой возможность направления иска в компетентную судебную инстанцию;

– ограничения только на основании судебных действий во время судебных процессов, если свобода приводит к нарушению или ограничению права на конфиденциальность и рекламу. С коммерческой точки зрения – в случае обмана, неправильной рекламы и нарушения авторских прав.

Уточним, что гарантии, препятствующие произвольности ограничения свободы, мы расцениваем в качестве своеобразного запрета цензуры» [13].

В Конституции Мадагаскара свобода печати формализована вместе с иными свободами, такими, как «выражения мнения, отношений, союзов, собраний, передвижения (ст. 10)» [14]. В этой же статье указано, что они «могут быть ограничены только, если этого требует соблюдение уважения к правам и свободам другого лица

или это необходимо в целях защиты общественного порядка» [14]. Текстуально совпадает с представленной нормой ст. 27 Конституции Республики Чад.

В ст. 11 Конституции Мадагаскара закреплено право каждого человека на получение информации. В последующем указано, что «информация во всех ее формах не подвергается никакому предварительному ограничению, а закон и профессиональная этика определяют условия ее свободы и ответственности» [14].

Полагаем, что гарантирующие нормы об информации адресованы и разновидности массовой информации.

В Конституции Мали легализована не только свобода прессы, но и ее бланкетные гарантии (ст. 7). Так, отмечается, «что свобода прессы признается и гарантируется. Она выражается в соответствии с условиями, установленными законом.

Равный доступ всех граждан к средствам массовой информации государства обеспечивается благодаря независимой организации данного института; такая организация определяет законы, гарантирующие свободный доступ» [7].

В ст. 28 Конституции Марокко гарантирована свобода средств массовой информации, которая не может нарушаться никакими формами цензуры. Таким образом легализован и запрет цензуры.

В числе ключевых организационно-функциональных и бланкетных гарантий представлены «государственные власти, которые способствуют организации независимых средств массовой информации на демократических основах и определяют законодательные и требования по поводу их организации (ст. 28)» [15].

Конституционно указаны и иные бланкетные гарантии: «законодательство определяет правила и средства контроля государственных средств коммуникации. Закон гарантирует доступ к этим средствам на основании лингвистического, культурного и политического плюрализма марокканского сообщества (ст. 28)» [15].

В Конституции Марокко выявлены и иные организационно-функциональные гарантии. Согласно ст. 71 к сфере полномочий законодательной власти относится порядок работы аудио-, визуальных средств массовой информации и прессы во всех формах и порядок информационных и коммуникационных технологий.

В числе гарантий свободы массовой информации в Марокко установлены специальные институциональные гарантии – Высший совет по аудио визуальной коммуникации, который контролирует соблюдение плюрализма выражения мнений и права на информацию в аудио визуальной сфере соблюдая цивилизационные ценности и законы королевства (ст. 165).

В Конституции Туниса отсутствует легализованная свобода массовой информации, но есть ее нормативные и институциональные гарантии. В качестве базовой нормы можно считать ст. 32, предписывающую государственное гарантирование права на информацию и право на доступ к информации и коммуникационным сетям.

В ст. 65 предусмотрено принятие обычных законов, посвященных организации информации, прессы и публикаций (нормативная гарантия).

В Главе 6 среди независимых конституционных органов указана Комиссия по аудиовизуальным средствам массовой информации (специальные институциональные гарантии). Эта Комиссия несет ответственность за регулирование и развитие аудиовизуальных коммуникаций и обеспечивает свободу выражения и информации, а также создание многосторонних честных СМИ.

Комиссия обладает управленческими полномочиями в рамках сферы своей компетенции. С ней должны проводиться консультации относительно проектов законов, связанных с ее компетенцией.

Численно Комиссия состоит из девяти независимых, беспристрастных, компетентных, опытных и честных членов, которые выполняют свои функции в течение одного срока – 6 лет (ст. 127).

В Конституции Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи лаконично в ст. 30 гарантирована свобода прессы в рамках закона (ч. 1) и государством гарантировано общественное служение прессы, независимой от интересов политических и экономических групп (ч. 2).

В Конституции Республики Чад обнаружены нормативные гарантии свободы прессы: закон определяет условия осуществления заявленной свободы (ст. 27) и определяет основные принципы правил ассоциаций и средств массовой информации (ст. 121).

Как и во многих конституциях, в Конституции Республики Чад самостоятельный раздел посвящен Высшему информационному совету (независимый административным орган), состоящему из 9 членов, назначаемых декретом Президента республики. В сравнении с Конституцией Габона в формировании Высшего информационного совету в Республике Чад принимает большее число участников:

– два достойных члена назначаются Президентом республики;

– два достойных члена назначаются Председателем Национального Собрания;

– три специалиста в сфере аудиокоммуникации и письменных СМИ назначаются путем паритетного голосования;

– один судья назначается Председателем Верховного Суда;

– один представитель из сферы культуры, искусства и литературы назначается путем паритетного голосования.

К полномочиям Высшего информационного совета отнесено:

– контроль соблюдение правил этики в вопросах информации и коммуникации;

– гарантирование свободу прессы и плюралистического выражения мнений;

– регламентация взаимодействие между государственными органами, средствами массовой информации и общественностью;

– обеспечение равного доступа к государственным средствам массовой информации для политических партий;

– гарантирование равного доступа к средствам массовой информации для ассоциаций;

– технические консультации и рекомендации в отношении информационной сферы.

Анализ заключительного текста Конституции Экваториальной Гвинеи позволил сделать вывод об отсутствии в нем заявленной свободы. В базовом варианте наличествует только свобода слова, мысли, идей и митингов (п. «b» ч. 1 ст. 13).

В институционально-гарантирующем аспекте в ст. 29 Конституции Экваториальной Гвинеи указано на то, что ресурсами и услугами, зарезервированными за государственным сектором, являются услуги радио- и телевизионного вещания.

Подводя итоги осуществлённого исследования, уточним, тексты конституций африканских государств в связи с выявлением в них свободы массовой информации и ее гарантий целесообразно осуществлять по следующим критериям легализации:

– свободы массовой информации (Габон, Египет, Коморские острова, Конго, Либерия, Мадагаскар, Мали, Марокко, Сан-Томе и Принсипи, Чад);

– цензуры / ограничения свободы массовой информации (Алжир, Египет, Либерия, Мадагаскар, Марокко, Чад);

– бланкетных гарантий свободы массовой информации (Габон, Египет, Конго, Кот-Д-Ивуар, Мавритания, Мали, Марокко, Тунис, Чад)

– организационно-функциональных гарантий свободы массовой информации (Конго, Марокко, Экваториальная Гвинея,);

– институциональных гарантий свободы массовой информации (Габон, Египет, Марокко, Тунис, Чад).

Список литературы:

1. Агамиров К.В. Свобода печати и права человека // Архивариус. 2016. Т. 2. № 5 (9). С. 46-51.
2. Валитов О.К., Валитов И.О. Духовная безопасность, «свобода слова» и «свобода печати» в России и странах Юго-Восточной Азии // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6 (109). С. 297-302.
3. Елизаров В.Г. Свобода массовой информации в Российской Федерации: конституционные основы и правовые ограничения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 27 с.
4. Лукашук И.И. Средства массовой информации, государство, право. М.: Стольный град, 2001. 322 с
5. Каракотов Р.М. Конституционно-правовые основы и проблемы реализации свободы массовой информации в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 22 с.
6. Конституции государств Африки и Океании: сборник. Том 1. Северная и Центральная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 952 с.
7. Пашков Р.В. Конституции стран Африки. Том 3. М., 2018. 322 с.
8. Тульнев М.А. Конституционное гарантирование свободы массовой информации: американский опыт // Закон и право. 2020. № 6. С. 53-58.
9. Тульнев М.А. Конституционное гарантирование свободы массовой информации: европейский опыт // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 12 (115). С. 66-69.
10. Тульнев М.А. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации: Дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2021. 188 с.
11. Уваров А.А. Средства массовой информации как институт гражданского общества (правовые аспекты) // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 45-48.
10. Фарниев С.А. Конституционные гарантии свободы массовой информации // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). С. 114-117.
11. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svoboda-slova-i-novyi-gimn?ysclid=l5znnnp0uz881640078 (дата обращения 11.05.2022 г.).
12. https://constitutions.ru/?p=9553 (дата обращения 11.05.2022 г.).
13. https://constitutions.ru/?p=4775 (дата обращения 11.05.2022 г.).
14. https://constitutions.ru/?p=2888 (дата обращения 11.05.2022 г.).
15. https://constitutions.ru/?p=7661 (дата обращения 11.05.2022 г.).

Alevtina E. Novikova. **African experience of constitutional and legal guarantees of freedom of the media //** Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 143-151.

Freedom of the media is an equally important element for the rule of law, the legal status of the individual and civil society. In Russia, freedom of the media is not only constitutionally formalized, but also guaranteed, including the level of special legislation. The content of the freedom of mass information, as well as any legal phenomenon, is revealed and grows within the framework of the application of the comparative legal method of research. In this work, based on it, the author carried out a comparative analysis of the texts of the constitutions of African states. The results allowed us to conclude that the stated group of constitutions directly legalized the freedom of the media, its normative (blank), institutional and organizational-functional guarantees, as well as the prohibition of censorship. It is established that a third of the studied constitutions include only a single criterion comparable to the guarantee of freedom of the media.

Keywords: freedom of the mass media, freedom of the press, constitution, censorship, prohibition, restriction, special guarantees, law.

Spisok literatury:

1. Agamirov K.V. Svoboda pechati i prava cheloveka // Arhivarius. 2016. T. 2. № 5 (9). S. 46-51.
2. Valitov O.K., Valitov I.O. Duhovnaya bezopasnost', «svoboda slova» i «svoboda pechati» v Rossii i stranah YUgo-Vostochnoj Azii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 6 (109). S. 297-302.
3. Elizarov V.G. Svoboda massovoj informacii v Rossijskoj Federacii: konstitucionnye osnovy i pravovye ogranicheniya: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2002. 27 s.
4. Lukashuk I.I. Sredstva massovoj informacii, gosudarstvo, pravo. M.: Stol'nyj grad, 2001. 322 s
5. Karakotov R.M. Konstitucionno-pravovye osnovy i problemy realizacii svobody massovoj infor-macii v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013. 22 s.
6. Konstitucii gosudarstv Afriki i Okeanii: sbornik. Tom 1. Severnaya i Central'naya Afrika / otv. red. T.YA. Habrieva. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2018. 952 s.
7. Pashkov R.V. Konstitucii stran Afriki. Tom 3. M., 2018. 322 s.
8. Tul'nev M.A. Konstitucionnoe garantirovanie svobody massovoj informacii: amerikanskij opyt // Zakon i pravo. 2020. № 6. S. 53-58.
9. Tul'nev M.A. Konstitucionnoe garantirovanie svobody massovoj informacii: evropejskij opyt // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 12 (115). S. 66-69.
10. Tul'nev M.A. Konstitucionno-pravovye garantii svobody massovoj informacii: Diss. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 2021. 188 s.
11. Uvarov A.A. Sredstva massovoj informacii kak institut grazhdanskogo obshchestva (pravovye aspek-ty) // Rossijskaya yusticiya. 2014. № 6. S. 45-48.
10. Farniev S.A. Konstitucionnye garantii svobody massovoj informacii // Evrazijskaya advokatura. 2016. № 3 (22). S. 114-117.
11. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svoboda-slova-i-novyi-gimn?ysclid=l5znnnp0uz881640078 (data obrashcheniya 11.05.2022 g.).
12. https://constitutions.ru/?p=9553 (data obrashcheniya 11.05.2022 g.).
13. https://constitutions.ru/?p=4775 (data obrashcheniya 11.05.2022 g.).
14. https://constitutions.ru/?p=2888 (data obrashcheniya 11.05.2022 g.).
15. https://constitutions.ru/?p=7661 (data obrashcheniya 11.05.2022 g.).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 152-160.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ЧАСТНОМ СЕКТОРЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Рогачева О. С.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В статье проводится глубокий анализ исторического контекста и предпосылок, которые послужили причиной становления и развития деятельности по противодействию коррупции в частном секторе в Российской Федерации и в зарубежных юрисдикциях. Анализируется становление антикоррупционного комплаенса в законодательстве Российской Федерации. Автор детально изучает федеральный закон Соединенных Штатов Америки о борьбе с коррупцией, Закон Великобритании о борьбе со взяточничеством, бразильский закон о чистой компании, французское законодательство. Подводя итоги, автор констатирует, что государством была проделана обширная работа в сфере вовлечения частного сектора российской экономики в деятельность по противодействию коррупции в Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что основной проблемой в реализации данного направления государственной политики является отсутствие законодательно закрепленного стимула для внедрения в каждой организации эффективной системы противодействия коррупции.

Ключевые слова: Противодействие коррупции, административная ответственность, частный сектор, административно-правовые механизмы, антикоррупционный комплаенс.

Тема, представленная в данном исследовании, является очень актуальной на сегодняшний день как для общества в целом, так и для нас, как для будущих исследователей. Мировая экономика ежегодно недосчитывается порядка пяти процентов ВВП, то есть до $2,6 трлн, из-за коррупции, говорится в исследовании Международного валютного фонда [1]. В российской федерации совокупная сумма экономических потерь от коррупционных проявлений стремится к 45 миллиардам рублей [2]. Как мы видим, из приведенных цифр, коррупция является на сегодняшний день одной из главных общемировых проблем, она является фактором, сдерживающим экономическое развитие, а с ним и развитие социальной сферы, сферы, которая является одной из самых важных в любом правовом государстве.

С точки зрения общественной значимости, необходимо сказать, что знания и опыт в области противодействия и пресечения коррупции формируют политику государства, его правотворческую парадигму на годы вперед. Отсюда и возникает общественный заказ на изучение лучших практик в сфере противодействия и пресечения коррупции, научное обоснование тех или иных явлений и процессов. Ведь ученый в данном случае не просто занимается исследованиями в этой области, но и пытается отыскать морально-нравственный ориентир, которым должен руководствоваться законодатель.

Проблема эффективности пресечения и противодействия коррупции в масштабах страны приобрела в последнее время большое значение. Следует отметить, что данной проблемой интересовались такие ученые, как Иванов Э. А., Суйков С. Ю., Черепанова, В.А., Прищепа Б.К., и др. Прикладные исследования показывают, что среди множества задач, встающих перед государством, наиболее сложными оказы-

ваются задачи, связанные с пресечением и предупреждением коррупции именно в частном секторе.

Целью данного исследования является рассмотрение и анализ текущего состояния противодействия и пресечения коррупции в частном секторе, поиск путей улучшения за счет зарубежного опыта, а также рассмотрение специфики, присущей данной деятельности.

В конце 2008 года в Российской Федерации был принят, по-настоящему знаковый, федеральный закон «о противодействии коррупции» № 273-ФЗ [3].

Спустя несколько лет в российском правовом поле, благодаря КоАП РФ, появилась Статья 19.28. «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» [4]. В статье устанавливалась административная ответственность юридического лица за коррупционные правонарушения, совершаемые в интересах юридического лица.

В 2012 году Российская Федерация ратифицировала конвенцию ОЭСР «Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» [5]. Данное событие стало отправной точкой для внесения изменений в федеральный закон «о противодействии коррупции» № 273-ФЗ. Благодаря присоединению Российской Федерации к конвенции ОЭСР появилась статья 13.3, и на организации была возложена закрепленная в законе обязанность принимать меры по предупреждению коррупции.

На основании анализа положений ст. 13.3 № 273-ФЗ мы приходим к выводу о том, что организации были обязаны определить ответственных должностных лиц за профилактику коррупционных правонарушений. Это означало, что в организациях стали появляться профессионалы в сфере противодействия коррупции.

Помимо вышеперечисленного, организации теперь были обязаны разрабатывать внутреннюю систему менеджмента противодействия коррупции, принять и обеспечить соблюдение внутреннего кодекса этики, предотвращать и урегулировать конфликт интересов и не допускать никаких манипуляций с отчетностью и документами.

По сути, можно утверждать, что введение данной нормы является отправной точкой законодательного закрепления антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации.

Следующим этапом стала разработка во исполнение подпункта "б" пункта 25 Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. N 309 "О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции" [6] методических рекомендаций по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации [7].

Затем, на свет появился приказ Росимущества от 02.03.2016 N 80 "Об утверждении Методических рекомендаций по организации управления рисками и внутреннего контроля в области предупреждения и противодействия коррупции" [8].

В 2019 году на свет появилась обновленная версия методических рекомендаций Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 сентября 2019 г. "Меры по предупреждению коррупции в организациях" [9]. Если детально изучить предлагаемые методические рекомендации, то становится понятно, что базовой основой стали положения ISO 37001:2016 - Системы менеджмент борьбы со взяточничеством [10].

В Указе Президента РФ от 29.06.2018 N 378 "О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы" в разделе «Совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере бизнеса» [11] отсутствует такое направление, как дополнительное стимулирование частного сектора к обеспечению противодействия коррупции, в т.ч. с помощью законодательно закрепленных стимулов, которые позволят быть компаниям, которые инвестируют во внедрение и функционирование внутренних систем менеджмента противодействия коррупции, уверенными в том, что они смогут рассчитывать на ответные меры поощрительного характера со стороны государства, такие, как снижение или полное избежание ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ. Сравнительно-правовой анализ, который мы будем проводить во второй части нашего исследования существенно поможет нам определить возможные пути совершенствования и развития административно-правовых механизмов предупреждения и пресечения коррупции в частном секторе Российской Федерации.

Историю развития международно-правовых механизмов борьбы с коррупцией принято отсчитывать с 1977 г., когда был принят Foreign Corrupt Practices Act [12], федеральный закон Соединенных Штатов Америки о борьбе с коррупцией в международной деятельности, как ответная мера на знаменитый Уотергейтский скандал. Интересным фактом является то, что в результате Уотергейтского скандала Ричард Никсон стал единственным президентом США, прекратившим свои полномочия досрочно.

Далее в течение 20 лет наблюдается затишье в разработке и внедрении иных международно-правовых механизмов борьбы с коррупцией. Однако, в 1997 г. была принята Конвенция Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) по борьбе с коррупцией [13]. Далее были приняты Европейские конвенции по борьбе с коррупцией, Конвенция ООН против коррупции, UKBA 2010 (Антикоррупционный закон Великобритании), Бразильский антикоррупционный закон, названный «закон Чистой компании» 2014г., и Sapin II Французский антикоррупционный закон. Я предлагаю остановиться на наиболее значимых из них с точки зрения их влияния на частный сектор.

FCPA

Foreign Corrupt Practices Act федеральный закон Соединенных Штатов Америки о борьбе с коррупцией в международной деятельности был принят в 1977г. Его действие распространяется в отношении:

- Американских лиц и компаний
- Компаний, организованных в соответствии с законодательством США
- Компаний, которые имеют основное место деятельности в США
- Компаний, зарегистрированных на фондовых биржах США
- Компании, которые обязаны представлять периодические отчеты в SEC
- Некоторые иностранные лица и предприятия, действующие на территории США

Ответственность:

- Уголовная ответственность физических и юридических лиц
- Гражданско-правовая ответственность
- Штрафы и возмещение вреда без ограничения общего размера

Главной существенной особенностью данного нормативного акта, объясняющей почему он так важен и почему все копании, стараются соблюдать его нормы является то, что его нормы действуют по принципу «длинной руки». Это означает, что вы будете привлечены к ответственности DOJ или SEC в случае даже если Вы совершали коррупционные нарушения в своей стране, со своими чиновниками, но, к сожалению, попали под правила, определяющие действие FCPA по кругу субъектов [14]. Интересно также то, что FCPA разрешает так называемые facilitation payment, это плата за содействие (ускорение) обычных процессов в деятельности гос. органов. А также, учитывает специфику законодательства места совершения коррупционного правонарушения. «Совокупный размер штрафов, уплаченный компаниями за нарушения положений FCPA, составил 14 923 008 366$. Средний размер штрафа для одной компании составил 34 083 479$» [15].

Экстерриториальное действие FCPA подразумевает под собой привлечение к ответственности на основании принципа «длинной руки». Принцип «длинной руки» (long-arm principle) [16] широко применяется в международном трансфертном ценообразовании, однако в данном случае принцип «длинной руки» означает расширение США сферы своей юрисдикции (long-arm jurisdiction) в отношении субъектов и действий, которые, по их мнению, имеют минимально необходимую связь с их территорией [17].

Для российской компании это означает, что даже если коррупционные практики совершались далеко за пределами территории США, замешаны в таких практиках были иностранные должностные лица и никаких претензий со стороны местных властей не выдвигается, то власти США в лице SEC и DoJ могут заинтересоваться такими практиками в случае, если компания является эмитентом на фондовых рынках США, либо имеет дочернюю компанию, зарегистрированную в США или осуществляющую основную деятельность в США, и наконец, когда такие действия повлекли совершение коррупционных правонарушений на территории США.

На практике, это означает, что, если у SEC и DoJ будет малейшее основание для применения long-arm jurisdiction они обязательно воспользуются такой возможностью.

Показательными примерами действия long-arm jurisdiction являются дела TEVA Pharmaceutical [18] и Daimler AG [19]. В первом случае израильская корпорация TEVA Pharmaceutical, заплатила 520 000 000 $ за то, что в течение продолжительного времени выплачивала взятки высокопоставленным чиновникам на территории Мексики, Украины и России, для того, чтобы продвигать свое новейшее лекарство от склероза. Во втором случае Немецкий автогигант был вовлечен в коррупционные практики в 22 разных странах. Коррупционные выплаты стимулировали получение государственных контрактов на покупку автомобилей концерна. За свои действия Daimler AG заплатила 93 500 000 млн $.

Как мы видим из конкретных примеров, SEC и DoJ с большой охотой применяют long-arm jurisdiction, случаи, описанные выше, показательны тем, что в коррупционные практики были вовлечены компании из Израиля и Германии, выплаты были направлены в сторону зарубежных чиновников и производились на территории иностранных государств. Однако, подчеркнем, что обе компании были привлечены к ответственности в соответствии с американским законодательством.

Закон Великобритании о борьбе со взяточничеством (UKBA) был принят в 2010 году [20]. Его действие распространяется в отношении:

- Британских подданных,
- Резидентов Великобритании,
- Организаций, зарегистрированных на территории Великобритании
- Организаций, которые ведут бизнес на территории Великобритании полностью или частично, их представители.
- Субподрядчики, агенты, партнеры в совместных предприятиях также подпадают под действие закона.

Ответственность:

- Уголовная ответственность физических и юридических лиц
- Штрафы и возмещение вреда без ограничения общего размера

Ключевыми отличиями норм UKBA от норм FCPA являются: запрет на facilitation payments, т.е. запрет на осуществление платы за содействие, установление ответственности за отсутствие надлежащих механизмов по предотвращению подобного рода правонарушений к организациям, а также возможность применения только лишь Уголовного законодательства. Более того ответственность устанавливается и за коррупцию в частном секторе [21].

Brazilian Clean Company Act

Brazilian Clean Company Act был принят в 2014 г. [22]. Примечательным является тот факт, что данный закон был принят во время правления страной печально известного президента Дилмы Русеф, которая в последствии была замешена в крупнейшем коррупционном скандале в истории Бразилии со строительной компанией Odebrecht и нефтяной компанией Petrobras. Его действие распространяется в отношении:

- Бразильских компании
- Любых бразильских фондов и ассоциаций
- Любых компаний, присутствующих в Бразилии независимо от времени такого присутствия (ведут бизнес в Бразилии, имеют филиал или представительство и т.д.)

Ответственность:

Гражданско-правовая ответственность

Штрафы и возмещение вреда в размере от 0.1% до 20 % от общего оборота компании за предыдущий финансовый год

Публичное объявление коррупционером, публикации в СМИ в течение 30 дней

Лишение лицензий, права участия в публичных торгах, частичный запрет заниматься определенной деятельностью, ликвидация компании.

Особенностью Brazilian Clean Company Act является то, что его действие направлено исключительно на юридических лиц, кроме того, он вводит дополнительные правонарушения, такие, как сговор на публичных торгах, подкуп во время торгов [23, с. 28] В дополнении, следует сказать о том, что уголовная ответственность юридического лица отсутствует.

В отношении ответственности компаний устанавливается специальная процедура оценки внутренней комплаенс программы на предмет соответствия критериям, которые определяет федеральный законодатель. Если программа корпоративной этики и комплаенс соответствует этим критерием, то это будет напрямую влиять на

снижение негативных последствий, предусмотренных за совершенные коррупционные правонарушения [24].

Sapin II

Сапэн 2 был принят в конце 2016 года [25]. Появление этого закона неслучайно, ведь три французские компании вошли в топ-10 организаций, заплативших на 2016 год самые крупные штрафы американским регуляторам по причине нарушения Закона США о противодействии коррупции за рубежом (FCPA, Foreign Corrupt Practices Act). Его действие распространяется в отношении:

- Компании, зарегистрированные или ведущие деятельность во Франции и имеющие в штате более 500 человек, и совокупный доход не менее 100 млн евро
- Компании, штаб-квартиры которых находится во Франции и имеющие в штате более 500 человек, и совокупный доход не менее 100 млн евро
- Любые гос. компании, имеющие в штате более 500 человек, и совокупный доход не менее 100 млн евро
- Физические лица, входящие органы управления компании

Ответственность:

Штраф для компаний до 1 млн евро за несоблюдение требований о внедрении системы антикоррупционного менеджмента

Штраф для физ. лиц до 200 тыс. евро за несоблюдение требований о внедрении системы антикоррупционного менеджмента

Особенностью является то, что это первый в мире законодательный акт, который наложил обязательства на компании, соответствующие определенным критериям внедрить и поддерживать в рабочем состоянии систему антикоррупционного менеджмента [26]. Более того, за неисполнение данного требования предусмотрены достаточно существенные правовые санкции. Экстерриториальное действие в случае удовлетворения критериев для применения обязательных требований.

Подводя итоги, можно констатировать, что государством была проделана обширная работа в сфере вовлечения частного сектора российской экономики в деятельность по противодействию коррупции в Российской Федерации. Однако, существуют и некоторые нерешенные вопросы. Основной проблемой в реализации данного направления государственной политики является отсутствие законодательно закрепленного стимула для внедрения в каждой организации эффективной системы противодействия коррупции. Таким стимулом могло бы стать законодательное закрепление снижения размера ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ для организаций, в которых внедрена и функционирует эффективная система менеджмента по противодействию коррупции.

Тем более, что действующим КоАП РФ в ст. 2.1 уже предусмотрено условие, для законодательного закрепления такого стимула: «Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению». Соответственно, в предмет доказывания по таким делам должно быть в обязательном порядке добавлено выяснение наличия системы антикоррупционного менеджмента в организации, а также эффективности ее функционирования. Освобождение юридического лица от ответ-

ственности должно быть поставлено в зависимость от, не просто наличия такой системы в организации, а от эффективности ее функционирования.

Кроме того, можно пойти по пути Франции и определить критерии для введения общеобязательного построения внутренней программы противодействия коррупции. А для постоянного мониторинга, хорошим вариантом будет создания отдельного антикоррупционного агентства, опять же, по примеру Великобритании или Франции, учитывая тот факт, что такие агентства оправдывают свое финансирование из бюджетных средств, т. к. совокупные сборы штрафов кратко превышают финансирование таких органов.

Дополнительно можно воспользоваться опытом Бразилии в сфере пиар-кампаний, в отношении юридических лиц, совершивших правонарушения в сфере коррупции. Безусловно, у нас в Российской Федерации есть соответствующий реестр, который ведет Генеральная Прокуратура, но все же публичное освещение случаев в СМИ более существенно влияет на деловую репутацию организации, нежели внесение ее в список Генеральной прокуратуры, о котором мало, кто знает.

Наконец, следует ввести прогрессивную шкалу штрафов и разработать детальную процедуру оценки тех или иных коррупционных нарушений и мер, которые организация принимала для того, чтобы их не допустить. Мы считаем, что опыт США в этом направлении показывает высокую эффективность, т. к. несмотря на то, что у компаний нет обязанности внедрять внутреннюю систему противодействия коррупции, большинство компаний имеют эффективную внутреннюю систему противодействия коррупции в связи с тем, что понимаю – это ключ к снижению ответственности с точки зрения размера штрафов и уголовной ответственности топ-менеджмента.

Список литературы:

1. В результате коррупции мировая экономика каждый год теряет 2,6 трлн долларов (URL: https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344641)
2. Ущерб от коррупции по уголовным делам в 2020 году превысил 45 млрд рублей (URL: https://tass.ru/proisshestviya/10202245)
3. О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2008. N52. Ст.6228.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О присоединении РФ к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок : федер. закон от 01.02.2012 N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2012. N 6. Ст.622.
6. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции" : указ Президента Российской Федерации от 2.04.2013 № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2013. №14. Ст.1670.
7. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции (URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0)
8. Об утверждении Методических рекомендаций по организации управления рисками и внутреннего контроля в области предупреждения и противодействия коррупции : приказ Росимущества от 02.03.2016 № 80 // СПС «Консультант Плюс»
9. Меры по предупреждению коррупции в организациях от 18.09.2019 : министерство труда и социальной защиты Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс»
10. ISO 37001 Системы менеджмента противодействия коррупции (URL: https://www.iso.org/ru/iso-37001-anti-bribery-management.html)
11. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы : указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2018. №27. Ст.4038.

12. Закон о противодействии коррупции за рубежом (URL: https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-fraud/legacy/2012/11/14/fcpa-russia.pdf)
13. Конвенция Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) по борьбе с коррупцией (URL: https://oecdru.org/corr.html)
14. FCPA Resource Guide (URL: https://www.justice.gov/criminal-fraud/fcpa-resource-guide)
15. Foreign Corrupt Practices Act Clearinghouse (URL: https://fcpa.stanford.edu/)
16. International Shoe v. State of Washington, 326 U.S. 310 (1945) (URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/326/310/)
17. Asahi Metal Industry Co. v. Superior Court, 480 U.S. 102 (1987) (URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/480/102/)
18. Teva Pharmaceutical Industries Ltd. Agrees to Pay More Than $283 Million to Resolve Foreign Corrupt Practices Act Charges (URL: https://www.justice.gov/opa/pr/teva-pharmaceutical-industries-ltd-agrees-pay-more-283-million-resolve-foreign-corrupt)
19. Daimler AG and Three Subsidiaries Resolve Foreign Corrupt Practices Act Investigation and Agree to Pay $93.6 Million in Criminal Penalties (URL: https://www.justice.gov/opa/pr/daimler-ag-and-three-subsidiaries-resolve-foreign-corrupt-practices-act-investigation-and)
20. Закон Великобритании о взяточничестве (URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents)
21. The Bribery Act Guidance (URL: https://www.justice.gov.uk/downloads/legislation/bribery-act-2010-guidance.pdf)
22. Brazilian Clean Company Act (URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2015-2018/2015/Decreto/D8420.htm)
23. Э.А. Иванов Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС: Монография // Юриспруденция, 2015 С. 28
24. The Decree 8.420/2015 (URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2015-2018/2015/Decreto/D8420.htm)
25. SAPIN II
(URL: https://www.cjoint.com/doc/16_12/FLknuHuFltM_loisapin2.pdf)
26. The French Anti-Corruption Agency Guidelines (URL: https://www.agence-francaise-anticorruption.gouv.fr/files/files/French%20AC%20Agency%20Guidelines%20.pdf

Rogacheva O. S. Legal administrative mechanisms of preventing and combating corruption in the private sector: a comparative legal research // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 152-160.

This article is dedicated to deep analyses of historical context and determinants, which led to the establishment and development of anti-corruption activities in private sector in Russian Federation and foreign jurisdictions. The development of anti-corruption compliance in the legislation of the Russian Federation is analyzed. The author studies in detail the Foreign Corrupt Practices Act, The UK Anti-Bribery Act (UKBA), Brazilian Clean Company Act, Sapin II. Summing up, the author states that the state has done extensive work in the field of involving the private sector of the Russian economy in anti-corruption activities in the Russian Federation. The author concludes that the main problem in the implementation of this direction of state policy is the lack of a legally enshrined incentive for the introduction of an effective anti-corruption system in each organization.

Keywords: Anti-corruption, administrative responsibility, private sector, administrative legal mechanisms, anti-corruption compliance.

Spisok literatury:

1. V rezul'tate korrupcii mirovaya ekonomika kazhdyj god teryaet 2,6 trln dollarov (URL: https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344641)
2. Ushcherb ot korrupcii po ugolovnym delam v 2020 godu prevysil 45 mlrd rublej (URL: https://tass.ru/proisshestviya/10202245)
3. O protivodejstvii korrupcii : feder. zakon ot 25.12.2008 N 273-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii 2008. N52. St.6228.
4. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 N 195-FZ // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

5. O prisoedinenii RF k Konvencii po bor'be s podkupom inostrannyh dolzhnostnyh lic pri osushchestvlenii mezhdunarodnyh kommercheskih sdelok : feder. zakon ot 01.02.2012 N 3-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii 2012. N 6. St.622.
6. O merah po realizacii otdel'nyh polozhenij Federal'nogo zakona "O protivodejstvii korrupcii" : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2.04.2013 № 309 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii 2013. №14. St.1670.
7. Metodicheskie rekomendacii po razrabotke i prinyatiyu organizaciyami mer po preduprezhdeniyu i protivodejstviyu korrupcii (URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0)
8. Ob utverzhdenii Metodicheskih rekomendacij po organizacii upravleniya riskami i vnutrennego kontrolya v oblasti preduprezhdeniya i protivodejstviya korrupcii : prikaz Rosimushchestva ot 02.03.2016 № 80 // SPS «Konsul'tant Plyus»
9. Mery po preduprezhdeniyu korrupcii v organizaciyah ot 18.09.2019 : ministerstvo truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii // SPS «Konsul'tant Plyus»
10. ISO 37001 Sistemy menedzhmenta protivodejstviya korrupcii (URL: https://www.iso.org/ru/iso-37001-anti-bribery-management.html)
11. O Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2018 - 2020 gody : ukaz Prezidenta RF ot 29.06.2018 № 378 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii 2018. №27. St.4038.
12. Zakon o protivodejstvii korrupcii za rubezhom (URL: https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-fraud/legacy/2012/11/14/fcpa-russia.pdf)
13. Konvenciya Organizacii Ekonomicheskogo Sotrudnichestva i Razvitiya (OESR) po bor'be s korrupciej (URL: https://oecdru.org/corr.html)
14. FCPA Resource Guide (URL: https://www.justice.gov/criminal-fraud/fcpa-resource-guide)
15. Foreign Corrupt Practices Act Clearinghouse (URL: https://fcpa.stanford.edu/)
16. International Shoe v. State of Washington, 326 U.S. 310 (1945) (URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/326/310/)
17. Asahi Metal Industry Co. v. Superior Court, 480 U.S. 102 (1987) (URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/480/102/)
18. Teva Pharmaceutical Industries Ltd. Agrees to Pay More Than $283 Million to Resolve Foreign Corrupt Practices Act Charges (URL: https://www.justice.gov/opa/pr/teva-pharmaceutical-industries-ltd-agrees-pay-more-283-million-resolve-foreign-corrupt)
19. Daimler AG and Three Subsidiaries Resolve Foreign Corrupt Practices Act Investigation and Agree to Pay $93.6 Million in Criminal Penalties (URL: https://www.justice.gov/opa/pr/daimler-ag-and-three-subsidiaries-resolve-foreign-corrupt-practices-act-investigation-and)
20. Zakon Velikobritanii o vzyatochnichestve (URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents)
21. The Bribery Act Guidance (URL: https://www.justice.gov.uk/downloads/legislation/bribery-act-2010-guidance.pdf)
22. Brazilian Clean Company Act (URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2015-2018/2015/Decreto/D8420.htm)
23. E.A. Ivanov Antikorrupcionnyj komplaens-kontrol' v stranah BRIKS: Monografiya // YUrisprudenciya, 2015 C. 28
24. The Decree 8.420/2015 (URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2015-2018/2015/Decreto/D8420.htm)
25. SAPIN II
(URL: https://www.cjoint.com/doc/16_12/FLknuHuFltM_loisapin2.pdf)
26. The French Anti-Corruption Agency Guidelines (URL: https://www.agence-francaise-anticorruption.gouv.fr/files/files/French%20AC%20Agency%20Guidelines%20.pdf

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 161-169.

УДК 342.9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И АКТОВ, СОДЕРЖАЩИХ РАЗЪЯСНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОБЛАДАЮЩИХ НОРМАТИВНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Попов С. В.
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассмотрены некоторые процессуальные особенности рассмотрения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Отдельно уделено внимание анализу научных исследований относительно определения понятия нормативного правового акта. Кроме того, на основе анализа научной литературы, судебной практики выделены признаки нормативного правового акта. Изложенные процессуальные особенности рассмотрения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов свидетельствуют о том, что в качестве важнейшего средства доказывания в административном судопроизводстве законодателем определено активное участие суда в рассмотрении дела, в частности широкие полномочия по истребованию и выявлению доказательств. Анализ судебной практики свидетельствует о важной роли прокурора в рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, ведь именно на данного субъекта возложена задача по детальному изучению материалов дел, анализе законодательства и судебной практики по спорным правоотношениям.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административное дело; нормативных правовых актов, особенности рассмотрения, оспаривание.

Принятие Кодекса административного судопроизводства обусловило появление новых правоотношений, которые связаны с разрешением различных категорий административных дел. Административные дела об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, не являются исключением.

Согласно сведениям, размещенным на сайте официального интернет-портала правовой информации «garant.ru», в 2021 г. было принято 505 федеральных законов. Подавляющее большинство законов 2021 года было направлено на изменение ранее принятых (461 из 505). Так, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях за год было внесено 42 поправки, в Налоговый кодекс – 24, в Земельный кодекс – 22, в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» – 20. При этом в течение трех последних лет (2019–2021 гг.) более десяти изменений внесено в 78 федеральных законов. Ежегодно, органами власти только федерального уровня принимается более 10 тыс. нормативных правовых актов [1]. Кроме того, по состоянию на 20 сентября 2019 г. в федеральный регистр включено более 8 млн муниципальных актов, из них действующих 6 млн 441 тыс. Уполномоченными органами государственной власти субъектов Российской Федерации в 194 658 муниципальных актах (3% от числа действующих) выявлены противоречия с федеральным и региональным законодательством, а также уставами

муниципальных образований. За последние 5 лет федеральный регистр пополнился более чем на 4 млн 493 тыс. муниципальных актов [2].

Указанные статистические данные обуславливают значительное количество административных дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. В соответствии с отчетом о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции в 2020 году было рассмотрено 5239 административных дел по данной категории [3]. Коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации в 2021 г. рассмотрела и вынесла решение по 186 административным делам об оспаривании нормативных актов (187 – годом в 2020 г). Только в 3,5% случаев ВС постановил их отменить (6 решений).

Анализ судебной практики показывает, что основными категориями дел являлись дела об оспаривании нормативных правовых актов: в сфере тарифного регулирования; дела о признании недействующими документов территориального планирования и градостроительного зонирования; дела об оспаривании перечней объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость. Также, предметом оспаривания по отмененным решениям являлись Правила благоустройства и санитарного содержания территорий; схемы расположения нестационарных торговых объектов; положения, регулирующие деятельность муниципальных и иных служащих; нормативные правовые акты в сфере имущественных и земельных отношений, а также в сфере охраны природы; и иные категории дел [4]. Например, решением Красноярского краевого суда от 25.08.2021 по административному иску прокурора края признаны противоречащими федеральному законодательства положения решения Байкитского сельского Совета депутатов от 30.07.2014 № 3-377 «О контрольно-счётном органе села Байкит» в части отнесения контрольно-счётного органа села к подразделениям Совета депутатов, что не соответствует нормам ст. ст. 34, 38 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 3 Федерального закона от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счётных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» о самостоятельности и функциональной независимости контрольно-счётного органа (дело № 3а-628/2021).

Рассматривая процессуальные особенности рассмотрения данной категории дел, следует отметить, что предметом спора, является, нормативный правовой акт. В юридической литературе сложилось множество определений нормативного правового акта. Авторский коллектив учебного пособия «Административное судопроизводство» под редакцией В. В. Лаврова отмечают, что нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, а под правовой нормой – общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение [5, с. 31].

В.А. Кирсанов в диссертационном исследовании «Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов» нормативный правовой акт определяет как: «правовой акт, принимаемый органами государственной

власти и местного самоуправления, направленный на установление, изменение или отмену юридических норм, содержащий в себе юридическую норму, т.е. имеющий неконкретного адресата и рассчитанных на неоднократное применение вне зависимости от возникновения или прекращения конкретных правоотношений [6, с. 29].

Несколько иную позицию высказывает А.Г. Галимов в исследовании «Понятие нормативного правового акта в юридической науке и практике в контексте принципа законности». Ссылаясь на научные позиции, автор определяет нормативный правовой акт как: «письменный юридический документ, принятый управомоченным субъектом права (государственным органом, органом местного самоуправления, должностным лицом, народом), имеющий официальный характер и обязательную силу, содержащий нормы права, выражающий властные веления, в том числе по установлению, изменению или отмене правовых норм, и направленный на регулирование общественных отношений посредством публичноправовых процедур» [7].

Однако, мы поддерживаем позицию Ю.Г. Насонова, А.В. Басова которые определяют нормативный правовой акт как изданный в установленном порядке акт управомоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, направленные на урегулирование общественных интересов, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом [8, с. 35-36; 9, с. 20].

Базируясь на научных позициях относительно определения понятия «нормативный правовой акт», а также на актах судебного толкования можно выделить следующие признаки нормативного правового акта: разработка и принятие осуществляется в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом; наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц; данные нормы рассчитаны на неоднократное применение; данные нормы направлены на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений; официальное опубликование. Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации).

Анализ судебной практики показывает, что при разработке и принятии нормативных правовых актов, уполномоченные органы не всегда учитывают указанные признаки. Например, решением Самарского областного суда от 30.08.2021, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 07.12.2021, удовлетворено административное исковое заявление заместителя прокурора области к правительству Самарской области о признании недействующим в части распоряжения Правительства Самарской области от 03.11.2015 № 888-р «Об утверждении регламента деятельности министерства имущественных отношений Самарской области и специализированной организации при проведении аукциона на право заключения договора на установку и эксплуатацию рекламных конструк-

ций на объектах недвижимого имущества, находящихся в собственности Самарской области, а также на земельных участках, государственная собственность на которые не разграничена, в Самарской области, за исключением земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, в городском округе Самара» (далее – Распоряжение № 888-р). Обращаясь с таким заявлением в суд, заместитель прокурора области указал, что вопреки требованиям федерального законодательства (части 5.1 статьи 19 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»), п. 2 Распоряжения № 888-р наделяет государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центр размещения рекламы» правом размещать рекламные конструкции с последующим заключением с третьими лицами договоров на размещение рекламно-информационных материалов на них без проведения торгов. Возражая против удовлетворения заявленных требований, административный ответчик, в том числе указал, что распоряжение не является нормативным правовым актов и не подлежит оспариванию в порядке, установленным главой 21 КАС РФ [10].

Вместе с тем, распоряжение обладает признаками нормативного правового акта, поскольку утверждено уполномоченным органом в установленном законом порядке, содержит обязательные правила и рассчитано на неоднократное применение, в том числе неопределенным кругом лиц. С указанными доводами, изложенными в административном исковом заявлении, согласился суд первой инстанции и рассмотрел административное дело в порядке, установленном главой 21 КАС РФ.

Кроме того, при определении признаков нормативного правового акта следует руководствоваться Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» в котором определено, что: «признание того или иного акта нормативным правовым во всяком случае зависит от анализа его содержания, который осуществляется соответствующим судом».

Также, следует учитывать, что акт может являться обязательным для неопределенного круга лиц, в частности, в случаях, когда он издается в целях установления правового режима конкретного объекта публичного права (например, правовой акт об установлении границы территории, на которой осуществляется территориальное общественное самоуправление, об установлении границ зон с особыми условиями использования территории, решение о резервировании земель для государственных и муниципальных нужд, об утверждении генеральных планов поселений, городских округов, схем территориального планирования муниципальных районов, субъектов Российской Федерации, двух и более субъектов Российской Федерации, Российской Федерации).

В отдельных случаях о нормативном характере оспариваемого акта могут свидетельствовать утвержденные данным актом типовые, примерные приложения, содержащие правовые нормы. С учетом этого отсутствие в самом оспариваемом акте положений нормативного характера не может оцениваться в отрыве от приложений и служить основанием для отказа в рассмотрении дела по правилам главы 21 КАС РФ, главы 23 АПК РФ [13].

Существенными признаками, характеризующими акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами, являются: издание их

органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами, наличие в них результатов толкования норм права, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности в отношении неопределенного круга лиц.

Продолжая анализ, отметим, что установление подсудности административных дел об оспаривании ненормативных актов осуществляется в соответствии со следующими правилами:

– Верховный Суд Российской Федерации рассматривает в качестве суда первой инстанции административные дела:

1) об оспаривании нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Центрального банка РФ, Центральной избирательной комиссии РФ, государственных внебюджетных фондов, в том числе Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, а также государственных корпораций (п. 1 ст. 21 КАС РФ).

Важным достижением стало закрепление в КАС РФ возможности оспаривания в Верховном Суде РФ в порядке административного судопроизводства актов содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов, Центрального банка РФ, государственных внебюджетных фондов, в том числе Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования (п. 1.1 ст. 21 КАС РФ) [14].

Верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа рассматривают в качестве суда первой инстанции административные дела об оспаривании нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, органов государственной власти субъектов РФ, представительных органов муниципальных образований [14].

Относительно районных судов отметим, что в соответствии со ст. 19 КАС РФ районные суды рассматривают подведомственные административные дела, в том числе дела об оспаривании нормативных правовых актов, за исключением тех, которые отнесены к подсудности Верховного Суда Российской Федерации, судов субъектов Российской Федерации, военных судов.

Следует отметить, что на сегодня нельзя недооценить важность и своевременность принятия указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» в котором разрешены спорные вопросы относительно определения подсудности данной категории дел. Итак, решая вопрос о полномочиях судов по рассмотрению заявления об оспаривании нормативного правового акта, необходимо учитывать вид оспариваемого нормативного правового акта и вид нормативного правового акта, о проверке на соответствие которому ставится вопрос в заявлении.

При этом следует иметь в виду, что суды не рассматривают дела об оспаривании:

– решений межгосударственных органов на предмет их соответствия международным договорам Российской Федерации (например, решений Евразийской экономической комиссии или их отдельных положений по основаниям противоречия Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза);

– актов Президента Российской Федерации или Правительства РФ по основаниям их противоречия федеральным законам в случаях, когда проверка соответствия указанных нормативных правовых актов федеральному закону невозможна без установления их соответствия Конституции РФ;

– конституций и уставов субъектов РФ, поскольку проверка соответствия учредительного акта субъекта Российской Федерации федеральному закону сопряжена с установлением его соответствия нормам Конституции РФ;

– законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на предмет их соответствия Конституции РФ [13].

При наличии в субъекте РФ конституционного (уставного) суда субъекта РФ суды общей юрисдикции не вправе рассматривать дела о проверке соответствия законов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления конституции (уставу) субъекта РФ, поскольку в указанном случае в соответствии с ч. 1,3 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и на основании законодательства субъекта Российской Федерации рассмотрение этих дел отнесено к компетенции конституционного (уставного) суда субъекта РФ (ч. 5 ст. 208 КАС РФ). Вместе с тем, если в субъекте РФ такой суд не создан рассмотрение названных выше дел осуществляется судами общей юрисдикции [13].

Важно отметить, что одним из субъектов имеющим право участвовать в рассмотрении данной категории дел является прокурор. В соответствии с КАС РФ, ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», приказом Генерального прокурора РФ от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» прокурор может быть инициатором данного административного дела, т.е. обратиться в суд с административным исковым заявлением, а также, дать заключение по административному делу.

Основными задачами участвующего в административном судопроизводстве прокурора считаются: защита и реальное восстановление нарушенных прав, законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, а также обеспечение законности на всех стадиях судопроизводства.

Проверяя нормативные правовые акты в порядке административного судопроизводства, в соответствии со ст. 213 КАС РФ выясняется:

1) нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца или лиц, в интересах которых подано административное исковое заявление;

2) соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих: а) полномочия органа, организации, должностного лица на принятие нормативных

правовых актов; б) форму и вид, в которых орган, организация, должностное лицо вправе принимать нормативные правовые акты; в) процедуру принятия оспариваемого нормативного правового акта; г) правила введения нормативных правовых актов в действие, в том числе порядок опубликования, государственной регистрации (если государственная регистрация данных нормативных правовых актов предусмотрена законодательством Российской Федерации) и вступления их в силу;

3) соответствие оспариваемого нормативного правового акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Делая вывод, следует отметить, что изложенные процессуальные особенности рассмотрения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов свидетельствуют о том, что в качестве важнейшего средства доказывания в административном судопроизводстве законодателем определено активное участие суда в рассмотрении дела, в частности широкие полномочия по истребованию и выявлению доказательств. Справедливо отмечает С. Б. Тимошинова, указывая, что: представляется справедливым заметить, что, с одной стороны, такое расширение полномочий суда, безусловно, прогрессивно; с другой – иные новеллы КАС РФ могут поставить «слабую» сторону в административном судопроизводстве в затруднительное положение, что в свою очередь, безусловно, требует устранения неточностей законодательных формулировок и разъяснения по вопросам практического использования новелл КАС РФ [15].

Анализ судебной практики свидетельствует о важной роли прокурора в рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, ведь именно на данного субъекта возложена задача по детальному изучению материалов дел, анализе законодательства и судебной практики по спорным правоотношениям.

Список литературы:

1. Число принятых в 2021 году законов оказалось минимальным за последние пять лет [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/ (дата обращения: 05.07.2022).
2. Обзор практики ведения федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов за 2019 год [Электронный ресурс] URL: http://pravo.minjust.ru/sites/default/files/documents/obz_praktiki_vedeniya_2019.pdf (дата обращения: 05.07.2022).
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции в 2020 году [Электронный ресурс] URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения: 05.07.2022).
4. Статистика Верховного суда — 2021: главные цифры [Электронный ресурс] URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/30812/(дата обращения: 05.07.2022).
5. Административное судопроизводство : учебное пособие / С. Л. Басов, Н. А. Васильчикова, И. И. Головко, О. А. Гуреева, Э. Р. Исламова ; отв. ред. В. В. Лавров. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017.
6. Кирсанов В.А. Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
7. Галимов А. Г. Понятие нормативного правового акта в юридической науке и практике в контексте принципа законности // ВЭПС. 2012. №4. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-normativnogo-pravovogo-akta-v-yuridicheskoy-nauke-i-praktikev-kontekste-printsipa-zakonnosti (дата обращения: 14.06.2022).
8. Участие прокурора в административном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: пособие / [Ю.Г. Насонов и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017.

9. Участие прокурора в административном судопроизводстве: учебное пособие / Н.В. Субанова, Н.Н. Колюка, А.В. Басов. – Симферополь : Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. – 70 с.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021)», утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 ноября 2021 [Электронный ресурс]. URL: http://supcourt.ru/documents/practice/30502/ (дата обращения 22.05.2022).
11. Ответы СК по гражданским делам Верховного Суда РФ на вопросы судов по применению норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 марта 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1677437/#ixzz5quIniIIY (дата обращения 10.06.2022).
12. Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 58-О «По жалобе гражданина Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 251 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1679100/#ixzz5quLtEx2A (дата обращения 12.06.2022).
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764/ (дата обращения 11.06.2022).
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_176147/ (дата обращения 10.06.2022).
15. Тимошинова С. Б. Судебный контроль за законностью решений, действий (бездействия) органов публичной власти и организаций, наделенных публичными полномочиями: возможности доказывания // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 1. С. 24-30.

Popov S. V. Procedural features of consideration of administrative cases on challenging normative legal acts and acts containing explanations of the legislation and possessing normative properties // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 161-169.

The article discusses some procedural features of the consideration of administrative cases on contesting normative legal acts and acts containing clarifications of the legislation and having normative properties. Separate attention is paid to the analysis of scientific research on the definition of the concept of a normative legal act. In addition, based on the analysis of scientific literature, judicial practice, the signs of a normative legal act are highlighted. The stated procedural features of the consideration of administrative cases on contesting normative legal acts indicate that the legislator defines the active participation of the court in the consideration of the case as the most important means of proof in administrative proceedings, in particular broad powers to demand and identify evidence. Analysis of judicial practice indicates the important role of the prosecutor in consideration of administrative cases on contesting normative legal acts, because it is this subject that is entrusted with the task of studying the case materials in detail, analyzing legislation and judicial practice on disputable legal relations.

Key words: administrative legal proceedings, administrative case; normative legal acts, features of consideration, contestation.

Spisok literatury:

1. CHislo prinyatyh v 2021 godu zakonov okazalos' minimal'nym za poslednie pyat' let [Elektronnyj resurs] URL: https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/ (data obrashcheniya: 05.07.2022).
2. Obzor praktiki vedeniya federal'nogo registra municipal'nyh normativnyh pravovyh aktov za 2019 god [Elektronnyj resurs] URL: http://pravo.minjust.ru/sites/default/files/documents/obz_praktiki_vedeniya_2019.pdf (data obrashcheniya: 05.07.2022).
3. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu grazhdanskih, administrativnyh del po pervoj instancii v 2020 godu [Elektronnyj resurs] URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (data obrashcheniya: 05.07.2022).
4. Statistika Verhovnogo suda — 2021: glavnye cifry [Elektronnyj resurs] URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/30812/(data obrashcheniya: 05.07.2022).

5. Administrativnoe sudoproizvodstvo : uchebnoe posobie / S. L. Basov, N. A. Vasil'chikova, I. I. Golovko, O. A. Gureeva, E. R. Islamova ; otv. red. V. V. Lavrov. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2017.
6. Kirsanov V.A. Teoreticheskie problemy sudoproizvodstva po osparivaniyu normativnyh pravovyh aktov: dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2001.
7. Galimov A. G. Ponyatie normativnogo pravovogo akta v yuridicheskoj nauke i praktike v kontekste principa zakonnosti // VEPS. 2012. №4. [Elektronnyj resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-normativnogo-pravovogo-akta-v-yuridicheskoy-nauke-i-praktikev-kontekste-printsipa-zakonnosti (data obrashcheniya: 14.06.2022).
8. Uchastie prokurora v administrativnom sudoproizvodstve: pravovoe
regulirovanie i pravoprimenitel'naya praktika: posobie / [YU.G. Nasonov i dr.]; Gen. prokuratura Ros. Federacii; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii. – M., 2017.
9. Uchastie prokurora v administrativnom sudoproizvodstve: uchebnoe posobie / N.V. Subanova, N.N. Kolyuka, A.V. Basov. – Simferopol' : Krymskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2020. – 70 s.
10. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 2 (2021)», utverzhdennyj Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 10 noyabrya 2021 [Elektronnyj resurs]. URL: http://supcourt.ru/documents/practice/30502/ (data obrashcheniya 22.05.2022).
11. Otvety SK po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF na voprosy sudov po primeneniyu norm Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 24 marta 2004 g. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1677437/#ixzz5quIniIIY (data obrashcheniya 10.06.2022).
12. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 2 marta 2006 g. № 58-O «Po zhalobe grazhdanina Smerdova Sergeya Dmitrievicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu pervoj stat'i 251 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1679100/#ixzz5quLtEx2A (data obrashcheniya 12.06.2022).
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 50 «O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii normativnyh pravovyh aktov i aktov, soderzhashchih raz"yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchih normativnymi svojstvami» [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764/ (data obrashcheniya 11.06.2022).
14. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_176147/ (data obrashcheniya 10.06.2022).
15. Timoshinova S. B. Sudebnyj kontrol' za zakonnost'yu reshenij, dejstvij (bezdejstviya) organov publichnoj vlasti i organizacij, nadelennyh publichnymi polnomochiyami: vozmozhnosti dokazyvaniya // ZHurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2019. № 1. S. 24-30.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 170-180.

УДК 342.25

ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ткачева Н. А.
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье анализируются вопросы, связанные с определением структурно-функционального статуса органов местного самоуправления. Согласно Конституции РФ, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, но при этом входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие с органами федеральной и региональной власти. Конституционно-правовым основанием формирования и развития концепции единой публичной власти в РФ положили поправки, внесенные в текст Основного закона, и одобренные на референдуме в 2020 г.

Автор указывает, что эволюция института местного самоуправления даст новый импульс для развития норм конституционного и муниципального права в сфере регулирования общественных отношений, связанных с организацией и деятельностью органов публичной власти, наиболее приближенных к населению муниципального образования.

В заключении, автор приходит к выводу, что органы местного самоуправления, реализуя достаточно большой объем полномочий по решению вопросов местного значения, осуществляя отдельные государственные полномочия, выступают важным функциональным элементом единой системы публичной власти. Подобная предметно-функциональная включенность предопределяет и структурно-организационное единство, что позволяет рассматривать органы местного самоуправления как организационный элемент единой системы публичной власти РФ.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, единая публичная власть, структурно-функциональный элемент, местное управление, конституционно-правовое регулирование, основы конституционного строя.

Актуальность избранной темы определяется тем обстоятельством, что значительным этапом в современном развитии конституционного права Российской Федерации (и как отрасли права и как науки) стало внесение поправок в Основной закон страны в 2020 г. Изменения затронули самые разные вопросы, но, по большей части, они коснулись организации власти в Российском государстве. Текстуально сохраняя систему принципов общественно-политического устройства, закрепленных в главе I Конституции Российской Федерации, обеспечивающей стабильность и незыблемость конституционного строя, конституционные изменения заложили серьезный фундамент для модернизации власти в государстве. Речь идет, прежде всего, о появлении в конституционном тексте понятия «единая система публичной власти в Российской Федерации». Так, ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, в числе основных направлений деятельности главы государства называет «обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти» [1]. Согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ в единую систему публичной власти входят и органы местного самоуправления и органы государственной власти (как федеральные, так и региональные), которые осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Справедливости ради следует отметить, что до внесения конституционных поправок термин «публичная власть» не находил широкой институционализации в системе права. Однако анализ законодательства и

правоприменительной практики дает все основания полагать, что на протяжении значительного промежутка времени шел процесс «врастания» органов местного самоуправления в единую систему государственной власти. Основными каналами такого «встраивания» стал институт делегирования отдельных государственных полномочий, изменение порядка формирования органов местного самоуправления, их финансово-экономическое обеспечение, новые формы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед федеральными и субъектовыми органами и должностными лицами. В связи с этим, совершенно оправдана позиция Кожевникова О.А., который отмечает, что «в таких условиях объективно назрела необходимость введения категории «публичная власть» в систему российского законодательства в качестве родового, объединяющего понятия при формировании оптимальной и максимально эффективной модели публичной власти в РФ» [2, с. 18-21]. Но подобная позиция разделяется далеко не всеми муниципалистами и конституционалистами. Некоторые из них считают, что подход, направленный на централизацию власти «по вертикали», не может оказывать позитивное влияние на развитие данного института, вплоть до возможности полного исчезновения у населения соответствующих территорий права на осуществление местного самоуправления [3, с. 14-18].

Редакция ст. 12 Конституции РФ, определяющая положение органов местного самоуправления, осталась в силу невозможности ее изменения, в прежнем изложении, в соответствии с которым органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. На стадии обсуждения конституционных поправок неоднократно указывалось на несогласованность данных положений, влекущих противоречивость конституционного текста. На взгляд автора настоящей статьи, никакой коллизионности этих норм – нет. По своей сути, органы местного самоуправления не являются государственными органами, поскольку не выполняют государственных полномочий (за исключением тех случаев, когда они передаются на основании федерального или регионального закона), в их компетенцию входит решение вопросов местного значения. Этими аргументами, можно, например, объяснить неоднозначность правового статуса избирательных комиссий муниципальных образований. Согласно ч. 2 ст. 39 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» избирательная комиссия муниципального образования определяется как «муниципальный орган, который не входит в структуру местного самоуправления» [4]. Подобная двойственность в правовом статусе объясняется тем, что в компетенцию муниципальной избирательной комиссии входит организация подготовки и проведения муниципальных выборов, местного референдума и иных форм непосредственной демократии, осуществляемых на местном уровне, что не относится к вопросам местного значения ни одного из видов муниципальных образований, перечисленных в анализируемом законе.

В соответствии с ч.3 ст.132 Конституции РФ органам местного самоуправления могут передаваться отдельные государственные полномочия, но при соблюдении определенных условий: во-первых, основанием для передачи может быть только принятие федерального закона или закона субъекта РФ; во-вторых, для осуществления таких полномочий им должны быть переданы необходимые материальные и финансовые средства; в-третьих, реализация государственных полномочий подконтрольна государству, что проявляется в установлении конкретных мер ответствен-

ности за их неисполнение, ненадлежащее или несвоевременное исполнение в отношении должностных лиц местного самоуправления, за их исполнение отвечающих. Подобные конституционно-правовые положения абсолютно оправданы, поскольку признание самостоятельности местного самоуправления и закрепление нормы об их невхождении в систему органов государственной власти вовсе не означает их абсолютной структурно-функциональной обособленности. Речь идет о том, что они представляют собой низшее звено механизма государства, наиболее приближенный к населению уровень власти, который решает насущные, повседневные вопросы жизни граждан, проживающих на соответствующей территории, что позволяет назвать их органами публичной власти. Такие рассуждения автора основаны, в том числе, и на целом ряде решений Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал на конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации и «объективную необходимость взаимодействия с органами местного самоуправления органов государственной власти субъекта РФ, призванных создавать условия для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах всей территории данного субъекта Российской Федерации, как на достаточное основание для участия органов государственной власти в законодательном регулировании порядка формирования органов местного самоуправления, а также для участия выборных лиц местного сообщества, учета их мнения в рамках процедуры замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации» [5].

В развитие новой концепции «единой системы публичной власти в Российской Федерации» в декабре 2021 года был принят ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [6]. В рамках данной статьи, рассматриваться будут нормы указанного закона в части определения положения органов местного самоуправления в единой системе публичной власти, в сфере взаимоотношенитй с органами государственной власти субъектов РФ.

Примечательно, что закон не дает определение понятию «публичная власть», не указывает состав ее субъектов, в нем вообще отсутствует глоссарий, что не может положительно сказываться ни на законодательстве, на нем базирующемся, ни на правоприменительной практике, поскольку не дает единообразного подхода к понятийному и категориальному аппарату. Это не может позитивно отражаться на формировании фундаментальных, концептуальных основ построения власти в государстве, в том числе и на уровне местного самоуправления.

В одном из своих решений Конституционный Суд РФ отметил, что «под единством системы публичной власти понимается прежде всего функциональное единство, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории. Это не отрицает самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти» [7]. Это заключение тоже не дает ответа на поставленный вопрос.

Легальная дефиниция данного правового явления содержится в ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», в котором под единой системой публичной власти понимаются «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные ор-

ганы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства» [8].

Примечательно, что законодатель в единую систему публичной власти не включил многонациональный народ Российской Федерации, общественные объединения, имеющие публично-политический характер, органы общественного контроля, иные институты гражданского общества, которые в той или иной степени выполняют важнейшие публичные (но не государственные) функции. Получается, что законодатель в данном вопросе придерживается узкого подхода в определении «публичная власть», хотя всем теоретикам права хорошо известно, что понятие «публичная власть» с содержательной точки зрения шире понятия «государственная власть», поскольку и организационно и функционально направлена на решение задач, имеющих не только государственный характер. Об этом в своих исследованиях писали многие ученые-конституционалисты [9].

В данной связи хотелось бы привести несколько примеров. Многонациональный народ Российской Федерации, являющийся единственным источником власти, принимая участие в решении важнейших общественно-политических вопросов на референдуме, разве не представляет собой публично-политическую структуру? Или, например, политическая партия, не прошедшая на очередных выборах в законодательный орган власти, прекращает свое существование и утрачивает признак публичности? Нет - конечно. Она продолжает оставаться важнейшим элементом публичной власти, оказывающим существенное влияние и на политические процессы, в том числе. Так, например, при Государственном Совете Республики Крым функционирует Совет непарламентских партий при Председателе Государственного Совета. В Положении, регламентирующем деятельность данного органа, он определен как совещательный орган, образуемый в целях выявления мнения не представленных в Государственном Совете политических партий по актуальным общественно-политическим и социально-экономическим вопросам, учета интересов представляемого ими населения, выработки и внесения в Государственный Совет предложений, направленных на совершенствование законодательства, как федерального, так и регионального. На взгляд автора настоящей статьи, теоретико-доктринальная сторона понятия «единая система публичной власти» не получила должной дефиниции в системе отраслевых источников конституционного права.

Анализ принятого ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» позволяет сделать некоторые выводы относительно того, что полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации были несколько расширены и конкретизированы в отношении органов местного самоуправления, что дает нам основание полагать о сохраняющейся тенденции централизации публично-властных институтов в РФ, но при этом все же сохраняется организационная и функциональная самостоятельность наиболее приближенного к населению уровня власти. По мнению некоторых исследователей,

введение в конституционно-правовой оборот такого термина как «публичные функции» позволит «уйти от не всегда возможного и эффективного разграничения полномочий между уровнями единой публичной власти в отдельных сферах общественных отношений и создаст действенный механизм взаимодействия между органами местного самоуправления и органами государственной власти» [10, с. 7-12].

Принципы деятельности органов публичной власти, функционирующих в пределах конкретного субъекта, текстуально были значительно расширены, если сравнивать их перечень и содержание с теми, которые были регламентированы в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» 1999 г. Хотя указанный нормативно-правовой акт продолжает действовать, но в части регламентации общих положений – к настоящему времени утратил силу. Новый ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепляет принципы, которых не было в тексте его предшественника (единство системы публичной власти; согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровне). Кроме того, примечательно появление в нем статьи 6, которая устанавливает формы участия органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, в решении задач местного самоуправления. Перечень этих форм участия не представляет никакой новизны, и сводится, в основном, к осуществлению правового регулирования вопросов организации местного самоуправления в части установления общих принципов; участие в формировании органов местного самоуправления; наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями и необходимыми материальными и финансовыми средствами для их осуществления; обеспечение государственных гарантий реализации гражданами права на осуществление местного самоуправления; реализация исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий в отношении муниципальных образований и должностных лиц местного самоуправления.

Очень важным является вопрос об участии в формировании органов местного самоуправления главы субъекта РФ, что предопределяет степень организационной самостоятельности органов местного самоуправления. Характер участия региональной власти в формировании местных органов связан и с формами ответственности органов и должностных лиц муниципальных образований. Согласно п.1 ч.2 ст.36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в отношении главы муниципального образования предусмотрено три варианта наделения его полномочиями: посредством прямого избрания на муниципальных выборах, посредством косвенных выборов (представительным органом муниципального образования из своего состава) и по результатам конкурса. Первые два варианта не предполагают участия главы субъекта в процедуре избрания главы муниципального образования, причем избранное такими способами лицо может возглавлять либо представительный орган муниципального образования, либо местную администрацию. Что касается конкурсного варианта, то глава субъекта РФ назначает половину членов конкурсной комиссии, которая принимает решение о наделении полномочиями главы муниципального образования. Подобная норма действует и в отношении главы местной администрации (ч. 2 ст. 36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). В данной связи

следует иметь в виду, что «региональная власть может вмешиваться в кадровую политику и в формирование структуры органов местного самоуправления только тогда, когда она совместно с органами местного самоуправления осуществляет публичные функции» [11, с. 30-33]. Подобный подход, на взгляд автора настоящей статьи, является оправданным, поскольку позволит минимизировать проявления всякого рода волюнтаризма во взаимоотношениях между уровнями власти.

Несмотря на то, что федеральный законодатель предусматривает три варианта наделения полномочиями глав муниципальных образований, субъектовое законодательство, учитывая специфику конкретного региона, определяет собственные правовые основы организации местного самоуправления на соответствующей территории. Так, например, ч. 2 ст. 30 Закона Республики Крым «Об основах местного самоуправления в Республике Крым» 2014 г. закрепляет единственный вариант прихода к власти глав муниципальных образований – избрание представительным органом из своего состава, при этом он исполняет полномочия его председателя [12]. В уставах практически всех муниципальных образований, расположенных в пределах Республики Крым, воспроизводится это положение регионального закона.

Обращает на себя внимание противоречивость положений, закрепленных в п.4 ч.2 ст.36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ч.8 ст.31 Закона Республики Крым «Об основах местного самоуправления в Республике Крым» в части возможности одновременного исполнения главой муниципального образования полномочий председателя представительного органа муниципального образования и полномочий главы местной администрации. Федеральное законодательство в этом отношении содержит императивную норму, запрещающую совмещать одному лицу эти две должности одновременно (вне зависимости от вида муниципального образования), а законодательство Республики Крым содержит предписание, согласно которому главы поселений (и городских и сельских) могут одновременно совмещать эти должности. В п. «б» ч.2 ст.1 Закона Республики Крым «О структуре и наименовании органов местного самоуправления в Республике Крым, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва Республики Крым» 2014 г. это положение регионального закона воспроизводиться в отношении глав только сельских поселений [13].

Уставы отдельных муниципальных образований идут в этом вопросе еще дальше, закрепляя выборность глав муниципальных образований, в то время как региональное законодательство не предусматривает такого способа наделения полномочиями глав муниципальных образований (хотя в федеральном законодательстве эта норма прописана). Например, Устав муниципального образования «Угловское сельское поселение» Бахчисарайского района Республики Крым в ч. 4 ст. 28 содержит положение о том, что глава муниципального образования, исполняющий одновременно полномочия председателя представительного органа сельского поселения и главы администрации избирается на всеобщих выборах по мажоритарной избирательной системе сроком на 5 лет. В ч. 1 ст. 9 анализируемого муниципального правового акта закрепляется норма, согласно которой муниципальные выборы проводятся в целях избрания депутатов Угловского сельского совета, а глава муниципального образования избирается в последующем из числа избранных депутатов. Очень замысловатая юридическая конструкция, которая не позволяет с достоверно-

стью определить каким же способом замещается должность главы муниципального образования – посредством прямых или косвенных выборов.

Подобные законодательные несоответствия не могут позитивно влиять на формирование, прежде всего, правовой и организационной основ местного самоуправления. Вопросы формирования органов местного самоуправления, участия в этом процессе органов власти субъектов РФ предопределяют еще один очень важный аспект в статусе муниципальной власти – вопрос об ответственности перед населением муниципального образования и органами федеральной и региональной власти. Поэтому для формирования системы публичной власти требуется организационное и функциональное единство каждого из ее элементов, при сохранении самостоятельности при решении вопросов местного значения и государственных полномочий.

Вполне соглашаясь с тем, что законодательство субъектов РФ должно быть направлено на регулирование особенностей организации и деятельности публичновластных и иных институтов на соответствующей территории, все же нельзя допускать серьезных перекосов в федеральном, региональном законодательном регулировании, и основанном на нем – муниципальном уставном регулировании.

Ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» воспроизводит положение, согласно которому законами субъекта РФ может осуществляться перераспределение полномочий между региональной и муниципальной властью. Анализ законодательной базы позволяет сделать вывод о том, что реализация этой нормы сводится фактически к изъятию из муниципальной юрисдикции и передаче в субъектовую юрисдикцию полномочий в определенных сферах в одностороннем порядке. Эта правовая норма констатирует право субъекта Российской Федерации лишать органы местного самоуправления законно установленных полномочий (за некоторыми исключениями, перечисленными в ч.4 ст.6 ФЗ № 414). Более того, согласно ч. 1 ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления могут осуществлять две категории полномочий – полномочия по решению вопросов местного значения и переданные им государственные полномочия. В Основном законе не упоминается о перераспределенных от органов местного самоуправления полномочиях, исполняемых органами государственной власти субъекта РФ. Вопрос компетенции органов местного самоуправления является «краеугольным камнем» всей муниципальной реформы, и абсолютно прав в этой связи Кискин Е.В., отмечая, что «усложнившаяся структура компетенции муниципалитетов требует упорядочивания, и в этом мы видим одно из важнейших направлений дальнейшего развития законодательства о местном самоуправлении» [14, с. 107-126].

Кроме того, перераспределение полномочий между органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления по конкретному предмету ведения возможно только в том случае, если это напрямую установлено в соответствующем отраслевом федеральном законе как нормативном правовом акте более высокой юридической силы, чем закон субъекта РФ. Подобная законодательная практика встречается и на территории Республики Крым [15]. К таким актам относятся, например, Земельный кодекс РФ, ФЗ «Об отходах производства и потребления», Градостроительный кодекс РФ. Однако, в качестве противовеса законодатель в части 5 той же статьи предусмотрел возможность наделения органов местного са-

моуправления отдельными полномочиями, осуществляемыми органами государственной власти субъектов Российской Федерации (и речь, по всей видимости, идет не о процедуре наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями).

Автор статьи полагает, что подобная практика перераспределения полномочий между уровнями власти в условиях формирования новой концепции будет только расширяться. Насколько этот опыт будет позитивным, насколько он будет решать главную задачу – повышение благосостояния граждан – покажет только время, тем более что готовится принятие нового ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Этот документ станет началом формирования нового этапа в развитии местного самоуправления в России. Важность и необходимость «системного подхода к развитию местного самоуправлению» отмечает в своих научных работах Шугрина Е.С. [16, с. 3-16].

Что же касается «обратной связи», т.е. тех правовых средств и инструментов, с помощью которых органы местного самоуправления могут воздействовать, влиять на осуществление власти на субъектовом уровне, то их можно свети к двум основным группам полномочий. Во-первых, главы субъектов РФ, избираемые посредством прямых выборов гражданами, проживающими на территории соответствующего субъекта, должны пройти через т.н. «муниципальный фильтр». В соответствии с п.6 ст.22 ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» выдвижение кандидата на пост главы субъекта политической партией или в порядке самовыдвижения должны поддержать от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта Российской Федерации. Во-вторых, возможность представительных органов муниципальных образований реализовать право законодательной инициативы в законодательном органе субъекта РФ. Хотя анализ этой практики показывает, что доля законопроектов, инициируемых местной властью – весьма незначительна.

Таким образом, органы местного самоуправления, реализуя достаточно большой объем полномочий по решению вопросов местного значения и осуществляя отдельные государственные полномочия, выступают важным функциональным элементом единой системы публичной власти, конечной целью которой является повышение качества жизни людей, проживающих на территории соответствующего муниципального образования. Подобная предметно-функциональная включенность предопределяет и структурно-организационное единство, что позволяет рассматривать органы местного самоуправления как организационный элемент единой системы публичной власти Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 августа 2014 г. № 31 ст. 4398.
2. Кожевников О.А. Местное самоуправление в системе публичной власти: новое конституционное измерение // Государственная власть и местное самоуправление. - 2020. - № 8. - С. 23-26.
3. Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти // Конституционное и муниципальное право. - 2020. - № 8. - С. 24-30.

4. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2021 г. № 492-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 40 ст. 3822.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // «Консультант Плюс»: [справочная правовая система]. URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 23.03.2022); Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // «Консультант Плюс»: [справочная правовая система]. URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 23.03.2022).
6. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета от 27 декабря 2021 г. № 294 (8645).
7. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс] // «Консультант Плюс»: [справочная правовая система]. URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 25.03.2022).
8. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Российская газета от 11 декабря 2020 г. № 280.
9. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. - М., 2008. - С. 44; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции: монография. - М., 2005. - С. 76.
10. Ларичев А.А. Основы государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления до 2030 года в контексте современных тенденций эволюции муниципальных институтов и динамики их конституционного регулирования // Местное право. - 2020. - № 2. - С. 7-12.
11. МСУ: переосмыслить роль и задачи [об установочном вебинаре Федерального экспертного совета по местному и общественному самоуправлению и местным сообществам при Общенациональной ассоциации территориального общественного самоуправления] // Бюджет. - 2020. - № 10. - С. 30-33.
12. Закон Республики Крым от 21 августа 2014 г. № 54-ЗРК «Об основах местного самоуправления в Республике Крым» [Электронный ресурс] // https://rk.gov.ru (дата обращения 10.04.2022).
13. Закон Республики Крым от 4 июня 2014 г. №-16 ЗРК «О структуре и наименовании органов местного самоуправления в Республике Крым, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва Республики Крым» [Электронный ресурс] // https:.//rk.gov.ru (дата обращения 10.04.2022).
14. Кискин Е.В. Некоторые направления развития законодательства о местном самоуправлении в свете поправок к Конституции Российской Федерации // Федерализм. - 2020. - № 4. С. 107-126.
15. Закон Республики Крым от 26 декабря 2018 года № 557-ЗРК/2018 «О перераспределении полномочий в области градостроительной деятельности между органами местного самоуправления муниципальных образований в Республике Крым и органами государственной власти Республики Крым» [Электронный ресурс] // https://rk.gov.ru (дата обращения 10.04.2022)
16. Шугрина Е.С. Проектируем будущее: что должно быть в основах государственной политики в сфере местного самоуправления // Местное право. - 2020. - № 3. - С. 3-16.

Tkacheva N.A. Local self-government bodies as a structural and functional element of a unified system public authorities in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 170-180.

The article analyzes the issues related to the definition of the structural and functional status of local self-government bodies. According to the Constitution of the Russian Federation, local self-government bodies are

not part of the system of state authorities, but at the same time they are part of the unified system of public power and interact with federal and regional authorities. The constitutional and legal basis for the formation and development of the concept of a unified public authority in the Russian Federation was the amendments made to the text of the Basic Law, and approved by a referendum in 2020.

The author points out that the evolution of the institution of local self-government will give a new impetus to the development of the norms of constitutional and municipal law in the field of regulation of public relations related to the organization and activities of public authorities closest to the population of the municipality.

In conclusion, the author comes to the conclusion that local self-government bodies, exercising a sufficiently large amount of authority to resolve issues of local importance, exercising separate state powers, act as an important functional element of a unified system of public power. Such subject-functional inclusiveness also determines structural and organizational unity, which makes it possible to consider local self-government bodies as an organizational element of the unified system of public power of the Russian Federation.

Key words: local self-government bodies, unified public authority, structural and functional element, local government, constitutional and legal regulation, foundations of the constitutional system.

Spisok literaturi:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ, dated 03/14/2020 No. 1-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation dated August 4, 2014 No. 31, Article 4398.
2. Kozhevnikov O.A. Local self-government in the system of public power: a new constitutional dimension // State power and local self-government. - 2020. - No. 8. - pp. 23-26.
3. Peshin N.L. Constitutional reform of local self-government: mechanisms of embedding local self-government in the system of state power // Constitutional and municipal law. - 2020. - No. 8. - pp. 24-30.
4. Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (as amended. dated December 30, 2021, No. 492-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation dated October 6, 2003, No. 40, Article 3822.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 32-P dated December 24, 2012 "On the Case of Checking the Constitutionality of Certain Provisions of Federal Laws "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" and "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with with the request of a group of deputies of the State Duma" [Electronic resource] // "Consultant Plus": [reference legal system]. URL: http://base.consultant.ru / (accessed: 03/23/2022); Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P dated December 1, 2015 "On the Case of Checking the Constitutionality of Parts 4, 5 and 5.1 of Article 35, Parts 2 and 3.1 of Article 36 of the Federal Law "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and Part 1.1 of Article 3 of the Law of the Irkutsk Region "On Certain Issues of Formation local self-government bodies of municipalities of the Irkutsk region" in connection with the request of a group of deputies of the State Duma" [Electronic resource] // "Consultant Plus": [reference legal system]. URL: http://base.consultant.ru / (accessed: 03/23/2022).
6. Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 "On the General Principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta of December 27, 2021 No. 294 (8645).
7. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-Z dated March 16, 2020 "On Compliance with the Provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the Provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power", as well as on Compliance with the Constitution of the Russian Federation the order of entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation" [Electronic resource] // "Consultant Plus": [reference legal system]. URL: http://base.consultant.ru / (accessed: 03/25/2022).

8. Federal Law No. 394-FZ of December 8, 2020 "On the State Council of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta No. 280 of December 11, 2020.
9. Bondar N.S. Local Self-government and Constitutional Justice: Constitutionalization of Municipal Democracy in Russia. - M., 2008. - p. 44; Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Theory of the modern constitution: monograph. - M., 2005. - S. 76.
10. Larichev A.A. Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of local self-government development until 2030 in the context of modern trends in the evolution of municipal institutions and the dynamics of their constitutional regulation // Local law. - 2020. - No. 2. - pp. 7-12.
11. LSG: rethink the role and tasks [about the installation webinar of the Federal Expert Council on Local and Public Self-Government and Local Communities at the National Association of Territorial Public Self-Government] // Budget. - 2020. - No. 10. - pp. 30-33.
12. Law of the Republic of Crimea dated August 21, 2014 No. 54-ZRK "On the basics of local self-government in the Republic of Crimea" [Electronic resource] // https://rk.gov.ru (accessed 10.04.2022).
13. Law of the Republic of Crimea No. -16 of June 4, 2014 "On the structure and name of local self-government bodies in the Republic of Crimea, the number, terms of office and date of elections of deputies of representative bodies of municipalities of the first convocation of the Republic of Crimea" [Electronic resource] // https:.//rk.gov.ru (accessed 10.04.2022).
14. Kiskin E.V. Some directions of development of legislation on local self-government in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation // Federalism. - 2020. - No. 4. pp. 107-126.
15. Law of the Republic of Crimea dated December 26, 2018 No. 557-ZRK/2018 "On the redistribution of powers in the field of urban planning activities between local self-government bodies of municipalities in the Republic of Crimea and state authorities of the Republic of Crimea" [Electronic resource] // https://rk.gov.ru (date of application 10.04.2022)
16. Shugrina E.S. Designing the future: what should be in the fundamentals of state policy in the field of local self-government // Local law. - 2020. - No. 3. - pp. 3-16.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 181-191.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ

Чеботарева Г. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье. Подчеркивается, что насильственные правонарушения на семейно-бытовой почве обладают не только повышенной общественной опасностью, но и высокой латентностью, что обуславливает необходимость их более глубокого и внимательного изучения. Приводится статистика ВОЗ и правозащитных некоммерческих организаций Российской Федерации относительно распространенности случаев домашнего насилия. Анализируются правовые подходы к понятию «домашнего насилия», его видам. Рассматриваются особенности административного законодательства, направленного на противодействие насилию в семье, результаты декриминализации побоев в отношении близких лиц и проблемы, которые возникают при привлечении правонарушителя к административной ответственности. Исследуются проблемы установления административной преюдиции за побои и позиция Конституционного Суда РФ о вынесении побоев в семье из области уголовного права в административное законодательство. Для эффективного противодействия домашнему насилию предлагается принятие ряда мер, в том числе Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в РФ» и совершенствование административного законодательства, включив в него норму о выдаче охранных ордеров потерпевшим от домашнего насилия. Делается вывод о том, что проблема домашнего насилия должна находился под строгим контролем норм права, и институтов гражданского общества

Ключевые слова: домашнее насилие, закон, административное право, декриминализация, административная преюдиция, противодействие, охранный ордер.

Проблема посягательства на личность, в том числе насильственными методами воздействия на потерпевших, считалась одной из самых актуальных и весьма значимых тем в исследованиях последних лет. Противодействие физическому и психологическому насилию в обществе осуществляется путем реализации различных социальных мер. Важное место в их структуре занимает административно-правовое и уголовно-правовое воздействие в отношении виновных и оказание реальной юридической и иной помощи жертвам насилия. Насильственные посягательства образуют относительно самостоятельный «блок» правонарушений, который характеризуется внутренним единством и обусловлен социально-психологическим механизмом противоправного поведения.

В современном мире одной из самых актуальных тем является противодействие насилию в семье. При этом надо помнить, что традиционный институт семьи остается движущей силой общественного развития и семья нуждается в защите со стороны государства, как в социально-экономической, так и правовой сфере. Семейно-бытовые правонарушения относятся к числу сложных и недооценённых проблем в современной России. В этой связи хотелось бы отметить, что именно эта сфера отношений наиболее подвержена конфликтам самого различного рода: от мелких правонарушений бытового плана до преступлений, направленных против жизни и здоровья. В семейной сфере большей частью распространены посягательства насильственного характера.

Насилие в семье обладает огромным деструктивным воздействием, которое проецируется на ближайшее окружение, нарушает функционирование социальных институтов. Это вопрос безопасности каждой отдельной личности, которая должна обеспечиваться государством. Насильственные правонарушения на семейно-бытовой почве обладают не только повышенной общественной опасностью, но и высокой латентностью, что обуславливает необходимость их более глубокого и внимательного изучения. Особенно остро эта проблема встает в период кризисов, чрезвычайных ситуаций, общественных катастроф, которые усугубляют многие нерешенные вопросы.

Согласно опубликованным ВОЗ оценкам, примерно каждая третья женщина (30%) в мире на протяжении своей жизни подвергается физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера либо сексуальному насилию со стороны другого лица. В большинстве случаев это насилие со стороны интимного партнера. Во всем мире почти треть (27%) женщин в возрасте от 15 до 49 лет, состоявших в отношениях, сообщают о том, что на протяжении жизни подвергались физическому и/или сексуальному насилию в той или иной форме со стороны своего интимного партнера. Во всем мире до 38% всех убийств женщин совершается их интимными партнерами. Насилие со стороны партнера и сексуальное насилие чаще всего совершаются мужчинами в отношении женщин [1].

В Российской Федерации официальной статистики в отношении семейного (домашнего) насилия не существует, поскольку это понятие законодательством не определено, и реальное положение дел в отношении домашнего насилия в России не известно. Статистика по делам о семейном насилии строится на основе статьи «О побоях», но под домашнее насилие попадают и статьи об убийстве, и о доведении до самоубийства — при таких случаях вообще сложно доказать вину домашнего тирана. Ситуацию с насилием в семье в РФ иллюстрирует работа правозащитных некоммерческих организаций. Так, например, в 2021 году на Всероссийский телефон доверия для женщин, пострадавших от домашнего насилия, поступило 58 180 обращений. По сравнению с 2020 годом, когда было 48 869 обращений, – увеличение почти на 20 процентов. От физического насилия пострадали 72,3 процента позвонивших женщин. Большинство женщин пострадали от насилия со стороны мужа и/ли партнера (76,4 процента) и бывшего мужа (10,6 процентов). Наибольшее количество обращений поступило от женщин, водящих в возрастную группу от 20 до 40 лет (77,5 процентов). Почти у каждой второй (44,2 процента) были или есть телесные повреждения, связанные с домашним насилием. При этом 70 процентов никогда не обращались в полицию, а из обратившихся за помощью, 94 процента остались не удовлетворены действиями работников правоохранительных органов. Каждая вторая женщина (49,1%) заявила о необходимости во временном безопасном месте для проживания (убежище) [2].

В основе механизма насильственных посягательств в семейных отношениях лежит агрессивно-пренебрежительное отношение к родственникам и неприкосновенности их жизни, здоровья, чести и достоинства. Такие посягательства отличаются особой тяжестью последствий и высокой степенью общественной опасности, причиняют огромный ущерб нравственности, оказывают деморализующее и психотравмирующее воздействие на инвалидов, детей и других домочадцев уязвимых категорий.

Проблема семейного насилия усугубляется тем, что факты его применения зачастую носят латентный характер, стороны конфликта не хотят «выносить сор из избы». Вместе с тем, такие преступления как побои, умышленное причинение вреда здоровью, угроза убийством рассматриваются в криминологии как т. н. превентивные составы, т.е. своевременное и адекватное реагирование на них способно предотвратить более тяжкие посягательства на жизнь и здоровье. Именно поэтому на протяжении последних лет идет поиск оптимальных законодательных решений в части ответственности за такие преступления, совершенные в отношении членов семьи.

В настоящее время в России противодействие семейному насилию на уровне законодательного регулирования и государственной политики находится в зачаточном состоянии. И хотя сама необходимость такого регулирования оспаривается все меньше, до сих пор крайне остро стоит вопрос о создании системы мер защиты.

Все вышесказанное, безусловно, подчеркивает особую актуальность и необходимость обсуждения проблемы домашнего насилия, выработки принципиально новых решений, стратегии и тактики борьбы с данной проблемой в том числе административно-правовыми средствами.

В отечественном праве отсутствует понятие «домашнее насилие», а фраза «насилие в семье» фигурирует только в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», но без определения сущности данного термина. С целью выработки оптимальной модели противодействия домашнему насилию в первую очередь необходимо определиться с терминологией и закрепить ее законодательно. Без прописанного в законодательстве понятия о домашнем насилии невозможно четко понимать, что в него включать.

Итак, что же такое домашнее насилие? По мнению Е.П. Агапова «насилие в семье, или домашнее насилие, – это умышленное нанесение физического и/или психологического ущерба и страдания членам семьи, включая угрозы совершения таких актов, принуждения, лишение личной свободы. То есть насилие – это действие, посредством которого добиваются неограниченной власти над человеком, полного контроля над поведением, мыслями, чувствами другого человека» [3, с. 185].

А.С. Пащенко раскрывает понятие «домашнее насилие» как «противоправное, с применением физической или психической силы по отношению к членам семьи деяние, применяемое против их воли с целью причинения боли, обиды, физического стеснения (ограничения) как угрозы или наказания для того, чтобы вынудить людей совершить нежелательные для них действия» [4, с. 48].

Профессор Н.Ю Волосова определяет семейное (домашнее) насилие, как «противоправное, общественно опасное, оскорбляющее человеческое достоинство поведение виновного лица, которое ставит жертву такого насилия в унизительное материальное, сексуальное, физическое, эмоциональное и иное положение; применяемое в отношении потерпевшего физическое воздействие и иным образом оказывающее влияние на него» [5, с. 315].

С точки зрения социологических наук, И.В. Сошникова и Г.А. Чуприна представляют насилие в семье как «особое властно-силовое действие, причиняющее психический и/или физический вред (ущерб) человеку как члену семьи и ущемляющее его права и свободы» [6, с. 175].

Организация Объединенных Наций акцентирует внимание на насилии в отношении женщин, определяя такое насилие как «любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, включая угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или в личной жизни» [7].

Если обобщить вышесказанное, то домашнее насилие – это все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в семье или в быту между бывшими или нынешними супругами или партнерами. Домашнее насилие – это модель поведения, используемая одним человеком для контроля или доминирования над другим, с которым у него есть или были интимные или семейные отношения.

Домашнее насилие, может быть, в различных формах: физическое, психологическое, сексуальное и экономическое насилие. К физическому насилию можно отнести толкание, пощечину, побои кулаками, порезы и уколы ножом или другими острыми предметами. К психологическому насилию относятся такие обстоятельства как унижения, постоянная критика, постоянный контроль, слежка, проверка переписок, создание условий, в которых жертва оказывается зависимой от абьюзера (человек, склонный к агрессивному и диктаторскому поведению по отношению к своим близким) и не имеет возможности попросить о помощи. К сексуальному насилию относятся акты проникновения, изнасилования, приставания, сексуальные унижения и так далее. Также есть форма экономического насилия, то есть абьюзер не позволяет работать, создает условия для зависимости, контролирует расходы с предоставлением всех чеков и счетов по покупкам.

В международных документах, в отношении наиболее уязвимых членов семьи, выделены следующие виды насилия:

1) в отношении детей: воздействие эмоциональное, физическое, плохое обращение, психическое, сексуальное пренебрежение, отсутствие заботы, торговля или другие формы эксплуатации, которые способны привести или приводящие к фактическому ущербу для здоровья ребенка, в том числе насилие над детьми в киберпространстве и в СМИ [8].

2) в отношении пожилых людей: физическое воздействие эмоциональное, психологическое или жестокое обращение, отсутствие ухода, материальное и финансовое насилие, сексуальное насилие, т. е. «геронтологическое насилие» [9].

3) в отношении женщин: любое действие, которое наносит психологический, физический, или сексуальный ущерб, а также физическая агрессия: затрещины, пощёчины, пинки, побои; психологическое насилие: постоянное пренебрежение, запугивание, унижение; половое принуждение и иные формы сексуальных домогательств; различные формы контроля: контроль и ограничение свободы передвижения, изоляция от семьи и друзей, лишение доступа к информации и помощи [10].

С практической точки зрения, при рассмотрении насилия можно говорить о ярко выраженной мускульной специфике. К совершению физического насилия в большей степени склонны мужчины. Это обусловлено гендерными различиями и особенностями психики. Дополнительным фактором к осуществлению насилия мужчинами является состояние алкогольного и наркотического опьянения (более 70 % преступлений в сфере семейно-бытовых отношений). С другой стороны, такие виды

насилия как психологическое насилие и пренебрежение более свойственны женщинам. Они же чаще проявляют агрессию к собственным детям, чем мужчины (60,8 % против 39,2 %) [11, с. 177].

Безусловно, эта проблема должна находиться под особым вниманием у государства и непосредственно правоохранительных органов, так как любые абьюзивные отношения могут постепенно перерасти в систематические акты насилия, и, как результат, повлечь тяжкие последствия.

При отсутствии законодательного закрепления понятия «домашнего насилия» вопросы о противодействия этому явлению решаются, опираясь на действующее административное и уголовное законодательство. На сегодняшний день российское административное и уголовное законодательство содержит немало норм, позволяющих привлекать к ответственности за проявление актов домашнего насилия (ст. 115, 116, 116.1, 117 и др. УК РФ, ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Положения ст. 6.1.1 КоАП РФ наступление административной ответственности за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий связывают с причинением физической боли. Законодателем установлены следующие условия привлечения к ответственности: отсутствие последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ; отсутствие состава уголовно наказуемого деяния; совершение лицом таких действий впервые.

Уголовное законодательство также допускает возможность привлечения к уголовной ответственности за побои по ст. 116 и ст. 116.1 УК РФ. Ст. 116.1 УК РФ для привлечения к уголовной ответственности устанавливает административную преюдицию (возможность привлечения к уголовной ответственности ставится в зависимость от привлечения к административной ответственности ранее). Административная преюдиция не нова для российского уголовного права. Она широко применялась в советский период, и подобные изменения – это возвращение к предыдущему опыту ее использования.

Итак, пять лет назад законодателем был изменен подход к ответственности за деяния из категории семейного (домашнего) насилия. Речь идет об административной и уголовной ответственности за побои. Федеральный закон от 03.07.2016. № 323 разграничил два вида побоев: в отношении близких лиц – ст. 116 УК РФ, и в отношении всех остальных лиц – ст. 116.1 УК РФ. Побои в отношении близких, за которые максимальное наказание составляло два года лишения свободы, стали административным правонарушением в соответствии со ст. 6.1.1 КоАП РФ, согласно которым за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст.115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, лицо, совершившее преступление, подлежит ответственности в виде административного штрафа, в размере от 5 до 30 тысяч рублей, либо административного ареста от 10 до 15 суток, либо обязательных работ на срок от 60 до 120 часов.

7 февраля 2017 г. подверглись декриминализации и побои в отношении близких лиц, совершенные впервые. Согласно Федерального закона от 7 февраля 2017 г. N 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – Федеральный закон N 8-ФЗ) понятие домашнего насилия исключено из российского законодательства, вследствие чего нанесение побоев близкому лицу стало преследоваться по ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об администра-

тивных правонарушениях (далее – КоАП РФ) наравне с побоями по отношению к постороннему лицу. Нанесение побоев без отягчающих обстоятельств стало регулироваться по принципу административной преюдиции: к лицам, привлекавшимся к ответственности по этой статье в течение года, начали применяться санкции ст. 116.1 УК РФ. Такая реформа уголовного и административного законодательства затронула в первую очередь отношения в сфере профилактики домашнего насилия, так как в большинстве случаев оно совершается в форме побоев.

Такая ситуация привела к возникновению споров относительно необходимости таких изменений. Сторонники реформы выдвигают следующие ее положительные стороны: новый закон ограждает семью от чрезмерного вмешательства государства, улучшается положение сторон конфликта. Так, ранее жертвы редко обращались в органы МВД из-за нежелания наступления уголовной ответственности, судимости для близких лиц и невозможности прекращения дела в результате примирения сторон. В результате реформы уголовная ответственность была заменена административной, а частно-публичное обвинение – частным (позволяющим прекратить дело в связи с примирением сторон). К причинам реформы можно отнести также и экономическую выгоду: по ст. 6.1.1 КоАП РФ в качестве наказания чаще всего применяется штраф, который пополняет бюджет страны, а также улучшение статистики: количество преступлений в сфере семейно-бытового насилия сокращается, так как первичные побои, ставшие правонарушением, просто перестают учитываться.

Противники декриминализации побоев, в лице ученых Швырева Б.А., Кудряшова О.В., Выдрина И. В. отмечают, что декриминализация может способствовать формированию правового нигилизма, атмосферы безнаказанности, что противоречит интересам борьбы с преступностью [12, С. 3]. Противники декриминализации побоев в семье указывают на негативные последствия такой реформы. Как показывает практика, органы внутренних дел придают таким делам, ставшим административными правонарушениями, меньшее значение и это может восприниматься обидчиком как разрешение к насилию. Кроме того, применение санкции в виде штрафа несоразмерно рукоприкладству по отношению к близкому человеку, это не отвечает правовому принципу справедливости и штраф, как правило, выплачивается из семейного бюджета, что приводит к абсурдной ситуации: санкция ложится и на обидчика, и на жертву. Маловероятно, что потерпевшие обратятся с заявлением в полицию по той причине, что это административное правонарушения и штраф будет уплачиваться из бюджета семьи, да и виновника такая ответственность страшит гораздо меньше.

Существенные проблемы возникают и в процессуальной сфере, поскольку бывает, что возбудить административное дело по ст. 6.1.1 КоАП РФ достаточно затруднительно: отказывая в возбуждении дела, сотрудники МВД зачастую не выдают определения об отказе, а обжалование этого решения предусмотрено Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации лишь при наличии определения. Кроме того до реформы 2017 г. жертвы имели больше шансов довести дело до суда, так как Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации позволяет обжаловать как действия, так и бездействие сотрудников государственной власти. Реформа отнесла производство по ст. 116.1 УК РФ к частному обвинению, из-за чего на жертву стали возлагаться все судебные расходы и бремя доказывания, на что в большинстве случаев у нее нет ни экономических, ни психологических ре-

сурсов. Вследствие этих процессуальных препятствий сообщения о побоях со стороны близкого человека редко доходят до суда – только 3% [12]. Эту проблему отметил и Верховный Суд Российской Федерации, выступив с законодательной инициативой об отнесении ст. 116.1 УК РФ к частно-публичному обвинению [13].

Разъясняя вопрос о вынесении побоев в семье из области уголовного права, Конституционный Суд Российской Федерации вынес Постановление от 14.06.2018 № 23–П. По мнению суда, если ответственность за деяние смягчена, но не устранена, а само деяние получило другую отраслевую юридическую квалификацию, то его декриминализация при одновременном закреплении тождественного состава административного правонарушения не может рассматриваться как установление нового противоправного деяния, не наказуемого ранее. Такая декриминализация представляет собой смягчение публично-правовой ответственности за совершение соответствующего правонарушения, которая состоит во введении менее строгих административных санкций, меньшее по степени – по сравнению с уголовно-правовым институтом судимости – ограничение прав. Отмена законом уголовной ответственности за определенное деяние с одновременным его переводом под действие КоАП РФ свидетельствует о том, что федеральный законодатель продолжает рассматривать данное деяние как правонарушающее, однако по-иному оценивает характер его общественной опасности [14].

И еще одна проблема возникла при установлении административной преюдиции в отношении уголовной ответственности за побои. Если лицо привлекалось к административной, а затем к уголовной ответственности за побои в отношении члена своей семьи, последующие его подобные действия квалифицировались опять как административное правонарушение. С подобной ситуацией столкнулась гражданка Л. Сакова, которую продолжал избивать брат, даже после привлечения его к уголовной ответственности, а его деяние расценивалось как административное правонарушение. Л. Сакова подала жалобу в Конституционный Суд Российской Федерации о несоответствии ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 116.1 УК РФ Основному Закону. В обращении было указано, что «оспариваемые нормы нарушают право потерпевшей на государственную защиту ее прав, не позволяют в должной мере учесть систематический характер насилия в семье и искусственно снижают общественную опасность таких повторяющихся деяний». Конституционный Суд удовлетворил жалобу, признав ст. 116.1 УК РФ несоответствующей Конституции РФ [15].

С проблемами, возникшими при декриминализации побоев согласна и Т.Н. Москалькова, Уполномоченный по правам человека в РФ, которая назвала реформу ошибкой и выступила за принятие специального закона о семейно-бытовом насилии [16].

По нашему мнению, для эффективной профилактики домашнего насилия необходимо принять целый ряд мер. В 2011 г. была разработана Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (также известная как Стамбульская конвенция). Стамбульская конвенция обязывает ратифицирующие её страны привести национальное законодательство к следующим положениям: введение уголовной ответственности за любые формы домашнего насилия в том числе психологического, физического, экономического, сексуального; за преследование; принудительные браки; калечащие операции на половых органах; принудительные аборты и стерилизации; государственная соци-

альная политика должна пропагандировать недопустимость домашнего насилия, в том числе не оправдываться национально-культурными традициями, обычаями и религией [17]. Российская Федерация должна подписать и ратифицировать эту конвенцию и, опираясь на ее положения, разработать механизм противодействия домашнему насилию в РФ.

Важным шагом в противодействии домашнему насилию является принятие Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», где будет закреплено понятие «семейно-бытового насилия», в которое необходимо включить и те виды насилия, которые подлежат наказанию по Уголовному кодексу и Кодексу об административных правонарушениях (например, побои), виды домашнего насилия, перечень лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию (потерпевшие), понятие нарушителя и другие термины, используемые в законодательстве. В законе необходимо закрепить основные принципы профилактики домашнего насилия, органы и лица противодействия и профилактики семейно-бытового насилия и их полномочия, меры профилактики и основания их осуществления, основания и порядок вынесения защитного предписания в случае установления факта совершения семейно-бытового насилия и другие меры противодействия и профилактики домашнего насилия. При этом необходимо учитывать интересы прежде всего зависимых и беспомощных членов семьи, которые не в состоянии самостоятельно использовать имеющиеся меры защиты. По сути, ради их защиты и необходимо принятие данного закона.

Важным аспектом является также совершенствование административного законодательства в данной сфере. Так, в отсутствие специального закона, о котором говорилось выше, необходимо предусмотреть, чтобы в административном законодательстве не только устанавливалось наказание для правонарушителя, но и предусматривалась выдача потерпевшему охранного (защитного) ордера, который должен быть выдан незамедлительно после получения заявления от потерпевшего. Охранный ордер должен содержать запрет на контакты с потерпевшим правонарушителя, исключая контакты через третьих лиц, а также содержать предписание покинуть правонарушителем место проживания потерпевшего (естественно, без решения вопроса о праве собственности). Применение такого ордера показало свою эффективность во многих странах мира.

Интересным представляется предложение А.В. Куянова о включении в КоАП РФ нового состава «Семейно-бытовое дебоширство», предусматривающего ответственность за скандал, который сопровождается нецензурной бранью, шумом, рукоприкладством и (или) повреждением имущества и (или) иными действиями, которые нарушают покой членов семьи и (или) иных лиц, проживающих (пребывающих) в месте проживания (пребывания) семьи, если эти действия не содержат признаков административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, либо признаков уголовно наказуемого деяния. Автор считает, что введение предложенного состава в КоАП РФ и применение его органами внутренних дел позволят, не нарушая принципа законности, привлекать виновных лиц к административной ответственности за совершение административно противоправных действий в семейно-бытовой сфере. Это даст возможность органам внутренних дел эффективно осуществлять работу по предупреждению и пресечению преступлений, совершаемых на бытовой почве [18,

с. 55].

Нужно отметить, что привлечение лица к административной или уголовной ответственности за побои не всегда имеет положительный эффект, что связано с психологическими проблемами правонарушителя. Поэтому, кроме установления административной и уголовной ответственности, необходимо совершенствовать меры ресоциализации. В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» к ним относятся меры социально-экономического, педагогического, правового характера. В настоящее время цель применения таких мер – реинтеграция в общество лиц, подвергнутых уголовному наказанию или иным мерам уголовно-правового характера. Полагаем, что данные меры необходимо распространить и на лиц, привлеченных к административной ответственности, которые в большинстве случаев продолжают, после применения административного наказания, совершать насильственные действия в отношении своих родных и близких.

Подводя итог следует отметить, что юристы не могут оставаться в стороне от решения ставшей актуальной проблемы перенасыщения общественной жизни элементами насилия. Поэтому необходимо давать оценку рассматриваемого социального явления, корректировать меры административной и уголовной ответственности, разрабатывать более эффективные профилактические средства противодействия преступности и содействия жертвам насильственных преступлений. Однако, нельзя не учитывать, что все это – лишь один из структурных элементов в общей системе противодействия домашнему насилию. При этом необходимо чтобы с изменениями в общественном сознании пришло понимание того, что проблема насилия в семье имеет такое же общественное значение, как и любое другое насилие над личностью, запрещенное уголовным и административным законодательством.

Список литературы

1.Violence against women Prevalence Estimates, 2018. Global, regional and national prevalence estimates for intimate partner violence against women and global and regional prevalence estimates for non-partner sexual violence against women. WHO: Geneva, 2021 URL: //https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women (дата обращения: 11.07.2022).

2.Ресурсный центр "АННА". Итоги 2021 года: почти 60 тысяч обращений //https://anna-center.ru/tpost/i057ki9ri1-itogi-2021-goda-pochti-60-tisyach-obrasc (дата обращения: 12.07.2022)

3.Агапов Е.П. Семьеведение. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2012. 400 с.

4.Пащенко А.С. Понятие домашнего насилия // Теория и практика общественного развития. 2005. №1. С. 46-48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-domashnego-nasiliya (дата обращения: 11.07.2022).

5.Волосова Н.Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера //Вопросы российского и международного права. 2017. №7. С. 311-319.

6.Сошникова Ирина Владимировна, Чупина Галина Алексеев Насилие в семье: социальные предпосылки и факторы риска // Вестник ЧелГУ. 2010. №20. С.174-188 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-semie-sotsialnye-predposylki-i-faktory-riska (дата обращения: 11.07.2022).

7.Организация Объединенных Наций. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Нью-Йорк, ООН, 1993 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 11.07.2022)

8.Доклад Всемирной неправительственной организации ECPAT «Насилие над детьми в киберпространстве. 2006» // Криминальное насилие против женщин и детей: международные стандарты противодействия: сб. документов / сост. В.С. Овчинский. – М., 2008. – С. 728–736.

9. Пучков П.В. Концептуальные основания превенции геронтологического насилия в современном российском обществе: автореф. дис. д-ра соц. наук. – Саратов, 2009. – 34 с.

10. Доклад ВОЗ о насилии и здоровье. Женева, 2002 года. – 363 с. – URL: (http://www.who (дата обращения: 11.07.2022).

11. Афонькин Г.П., Додонов О.Е. Профилактическая деятельность полиции // Полицейская деятельность. –2013, №3. – С. 175–181. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-25047 DOI: 10.7256/2222-1964.2013.3.8702 (дата обращения: 13.07.2022)
12. Швырев Б.А., Кудряшов О.В., Выдрин И.В. Проблема декриминализации побоев // На пути к гражданскому обществу. 2015. №3. URL: http://goverment.esrae.ru/pdf/2015/3/341.pdf (дата обращения: 11.07.2022).
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 3 от 6 апреля 2021 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)". URL: http://www.supcourt.ru/documents/own/29852/ (дата обращения: 11.07.2022)
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 23-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" в связи с жалобами граждан А.И. Заляутдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк // Официальный портал правовой информации. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806150010?rangeSize=%D0%92%D1%81%D0%B5 (дата обращения: 11.07.2022).
15. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 25.04.2022).
16. Уполномоченный приняла участие в конференции "Женщины против насилия". URL: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/upolnomochennyj_prinjala_uchastie_v_konferencii_acirczhenshhiny_protiv_nasilijaacirc. (дата обращения: 12.07.2022).
17. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Стамбул, 11 мая 2011 года URL: //https://doccoe.home.blog/coe210/ (дата обращения: 11.07.2022).
18. Куянова А.В. Профилактика семейно-бытовых конфликтов, домашнего насилия и предупреждения преступлений, совершаемых на бытовой почве//Административное право и процесс. 2015. № 9. С. 52-56. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=91512#HwySZBTuaGRP4Gqp (дата обращения: 11.07.2022).

Chebotareva G. Administrative and legal aspects of counteraction to family violence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 181-191.

The article examines the administrative and legal aspects of combating domestic violence. It is emphasized that violent offenses on family and domestic grounds have not only an increased public danger, but also a high latency, which necessitates their deeper and more careful study. The statistics of WHO and human rights non-profit organizations of the Russian Federation on the prevalence of cases of domestic violence are given. Legal approaches to the concept of "domestic violence" and its types are analyzed. The features of administrative legislation aimed at counteracting domestic violence, the results of the decriminalization of beatings against loved ones and the problems that arise when an offender is brought to administrative responsibility are considered. The problems of establishing an administrative prejudice for beatings and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the removal of beatings in the family from the field of criminal law to administrative legislation are investigated. To effectively counter domestic violence, it is proposed to take a number of measures, including the Federal Law "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation" and the improvement of administrative legislation, including the provision on issuing protection orders to victims of domestic violence. It is concluded that the problem of domestic violence should be under the strict control of the rule of law and the institutions of civil society.

Key words: domestic violence, law, administrative law, decriminalization, administrative prejudice, opposition, protection order.

Spisok literatury:

1. Violence against women Prevalence Estimates, 2018. Global, regional and national prevalence estimates for intimate partner violence against women and global and regional prevalence estimates for non-partner

sexual violence against women. WHO: Geneva, 2021 URL: //https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women (data obrashcheniya: 11.07.2022)
2. Resursnyj centr "ANNA". Itogi 2021 goda: pochti 60 tysyach obrashchenij //https://anna-center.ru/tpost/i057ki9ri1-itogi-2021-goda-pochti-60-tisyach-obrasc (data obrashcheniya: 12.07.2022)
3. Agapov E.P. Sem'evedenie. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K°», 2012. 400 s.
4. Pashchenko A.S. Ponyatie domashnego nasiliya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2005. №1. S. 46-48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-domashnego-nasiliya (data obrashcheniya: 11.07.2022)
5. Volosova N.YU. Semejnoe (domashnee) nasilie kak problema mezhdisciplinarnogo haraktera //Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. №7. S. 311-319.
6. Soshnikova Irina Vladimirovna, CHupina Galina Alekseev Nasilie v sem'e: social'nye predposylki i faktory riska // Vestnik CHelGU. 2010. №20. S.174-188 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-semie-sotsialnye-predposylki-i-faktory-riska (data obrashcheniya: 11.07.2022).
7. Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. Deklaraciya ob iskorenenii nasiliya v otnoshenii zhenshchin. N'yu-Jork, OON, 1993 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (data obrashcheniya: 11.07.2022)
8. Doklad Vsemirnoj nepravitel'stvennoj organizacii ESRAT «Nasilie nad det'mi v kiberprostranstve. 2006» // Kriminal'noe nasilie protiv zhenshchin i detej: mezhdunarodnye standarty protivodejstviya: sb. dokumentov / sost. V.S. Ovchinskij. – M., 2008. – S. 728–736.
9. Puchkov P.V. Konceptual'nye osnovaniya prevencii gerontologicheskogo nasiliya v sovremennom rossijskom obshchestve: avtoref. dis. d-ra soc. nauk. – Saratov, 2009. – 34 s.
10. Doklad VOZ o nasilii i zdorov'e. ZHeneva, 2002 goda. – 363 s. – URL: (http://www.who (data obrashcheniya: 11.07.2022)
11. Afon'kin G.P., Dodonov O.E. Profilakticheskaya deyatel'nost' policii // Policejskaya deyatel'nost'. –2013, №3. – S. 175–181. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-25047 DOI: 10.7256/2222-1964.2013.3.8702 (data obrashcheniya: 13.07.2022)
12. SHvyrev B.A., Kudryashov O.V., Vydrin I.V. Problema dekriminalizacii poboev // Na puti k grazhdanskomu obshchestvu. 2015. №3. URL: http://goverment.esrae.ru/pdf/2015/3/341.pdf (data obrashcheniya: 11.07.2022)
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 3 ot 6 aprelya 2021 g. "O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii (v chasti izmeneniya vida ugolovnogo presledovaniya v otnoshenii prestuplenij, predusmotrennyh chast'yu pervoj stat'i 115, stat'ej 116.1 i chast'yu pervoj stat'i 128.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii)". URL: http://www.supcourt.ru/documents/own/29852/ (data obrashcheniya: 11.07.2022)
14. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14.06.2018 № 23-P po delu o proverke konstitucionnosti chasti 1 stat'i 1.7 i chasti 4 stat'i 4.5 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah, punkta 4 stat'i 1 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti" i punkta 4 stat'i 1 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti" v svyazi s zhalobami grazhdan A.I.Zalyautdinova, N.YA.Ismagilova i O.V.CHerednyak // Oficial'nyj portal pravovoj informacii. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806150010?rangeSize=%D0%92%D1%81%D0%B5 (data obrashcheniya: 11.07.2022)
15. Po delu o proverke konstitucionnosti stat'i 116.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki L. F. Sakovoj: postanovlenie Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 11 dekabrya 2014 g. № 32-P // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 25.04.2022)
16. Upolnomochennyj prinyala uchastie v konferencii "ZHenshchiny protiv nasiliya". URL: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/upolnomochennyj_prinjala_uchastie_v_konferencii_acirczhenshhiny_protiv_nasilijaacirc. (data obrashcheniya: 12.07.2022)
17. Konvenciya Soveta Evropy o predotvrashchenii i bor'be s nasiliem v otnoshenii zhenshchin i domashnim nasiliem. Stambul, 11 maya 2011 goda URL: //https://doccoe.home.blog/coe210/ (data obrashcheniya: 11.07.2022)
18. Kuyanova A.V. Profilaktika semejno-bytovyh konfliktov, domashnego nasiliya i preduprezhdeniya prestuplenij, sovershaemyh na bytovoj pochve//Administrativnoe pravo i process. 2015. № 9. S. 52-56. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=91512#HwySZBTuaGRP4Gqp (data obrashcheniya: 11.07.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 192-196

УДК 347.6

ЗАВЕЩАНИЕ ПОД УСЛОВИЕМ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Улезько А. Ю., Алексеенко Т. Р.

В статье рассматриваются некоторые аспекты совершения завещаний под условием, которые не приобрели широкого распространения в нашей стране, анализируются существующие воззрения ученых на этот предмет, предлагаются возможные пути решения.

Завещание под условием – это достаточно новое явление в российской цивилистике и оно не приобрело широкого распространения в нашей стране, несмотря на то, что является весьма существенным инструментом в реализации такого правомочия права собственности как распоряжение своим имуществом.

В предложенной ниже статье рассматриваются некоторые аспекты совершения данного нотариального действия, вскрываются трудности применения, анализируется имеющийся опыт применения исследуемого гражданско-правового инструмента в других странах на примере Украины и Казахстана, отражены существующие воззрения ученых-цивилистов, которые являются противниками введения завещания под условием в Российской Федерации, так и позиции, обосновывающие необходимость применения завещания под условием. Авторы полагают, что необходимо внедрять, развивать и закрепить в гражданском законодательстве норму, регламентирующую завещание с учетом опыта тех стран, в которых урегулирован данный институт.

Ключевые слова: Наследование, завещание, завещание под условием.

Наследование является одним из важнейших институтов гражданского права. Ст. 1111 ГК Российской Федерации предусматривает три основания для наследования: по завещанию, по наследственному договору и по закону [2].

В настоящее время довольно широкое распространение получило завещание как один из способов распоряжения своим имуществом на случай смерти. В связи с чем, значение данного основания для наследования сложно переоценить.

Данная работа посвящена такому виду завещания, как завещание под условием, которое пользуется большим спросом в зарубежных странах, но при этом не получило распространения в Российской Федерации по причине отсутствия в гражданском законодательстве Российской Федерации прямого указания на данный вид завещания, в связи с чем вопрос рассмотрения возможности введения такого вида завещания в институт наследственного права является довольно актуальным.

Вместе с тем, отдельные нормы ГК Российской Федерации позволяют сделать вывод о допустимости составления завещания под условием в Российской Федерации.

Так, согласно п. 5 ст. 1118 ГК Российской Федерации, завещание признается односторонней сделкой, которая создает права и обязанности после открытия наследства.

В свою очередь, ст. 157 ГК Российской Федерации регламентирует основные положения заключения сделки под условием. Нормы, указывающие на невозможность применения указанной статьи по отношению к завещанию как односторонней сделки, в Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствуют.

В связи с чем, руководствуясь, ст. 157 ГК Российской Федерации, можно сделать вывод, что завещание может быть составлено под отлагательный или отменительным условием.

Однако, в силу того, что наследование по завещанию является приоритетным основанием для наследования, о чем можно сделать вывод исходя из ст. 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации, где на первом месте стоит даже не наследование по закону, а именно наследование по завещанию, то существует необходимость совершенствования института наследования в части законодательного закрепления завещания под условием как одного из видов завещаний [9].

Стоит обратить внимание, что завещание под условием приобрело обширное продвижение в странах, которые ранее входили в состав СССР, а в настоящее время с которыми Россию объединяют тесные контакты на международном уровне.

Начнем с того, что после распада СССР государствами, входившими в его состав, были приняты собственные Гражданские кодексы, которые регламентируют вопросы наследования, в том числе и связанные с завещаниями.

Как отмечает А.Г. Сараев модельными гражданскими кодексами стран-участниц СНГ рассматривали возможность законодательного закрепления завещания под условием с целью «стимулировать наследника к определенному правомерному поведению» [10]. Значительная часть стран – участниц СНГ приняли во внимание данную норму и практически буквально отразили ее в гражданском законодательстве.

Норма, закрепляющая завещание под условием, имеется в Гражданских кодексах Украины, Казахстана. Рассмотрим эти нормы.

Ч. 1 ст. 1242 ГК Украины устанавливает, что завещатель может обусловить возникновение права на наследование у лица, назначенного в завещании, наличием определенного условия, как связанного, так и не связанного с его поведением [3]. Из чего следует, что суть завещания под условием заключается в том, что завещатель имеет право определить условия, исполнение которых является основанием для возникновения прав на наследование имущества.

Ст. 1047 ГК Республики Казахстан определяет, что завещатель вправе обусловить получение наследства определенным условием относительно характера поведения наследника, при этом противоправные условия признаются ничтожными, а условия, которые невыполнимы для наследника по состоянию его здоровья или в силу иных объективных причин, могут быть признаны недействительными по иску наследника [4].

Стоит отметить, что многие исследователи в сфере наследственного права являются противниками введения завещания под условием в Российской Федерации, обусловливая свою позицию следующими аргументами.

Так, Е.П. Путинцева отмечает, что при составлении завещания под условием возникает ряд проблемных вопросов, а именно:

1) отсутствие у наследственного имущества собственника;

2) неопределенность лица, которое будет нести расходы по содержанию наследственного имущества до момента наступления условий, указанных в завещании;

3) неопределенность периода времени, в течении которого наступит условие, указанное в завещание, а также неизвестность того, наступит ли это условие в принципе [8].

Указанные проблемы действительно могут привести к сложностям выполнения такого рода завещаний, а также неустойчивости гражданского оборота.

В связи с чем, во избежание указанных проблем, следует учесть мнение Т.К. Крайновой, которая полагает, что завещание должно содержать такое условие, ко-

торое не будет противоречить нормам действующего законодательства и будет содержать условие, существующее на момент смерти наследодателя, иначе право на наследство у наследника просто не возникнет [5].

К.П. Победоносцев предлагает разрешить вопрос «неопределенности» наследственного имущества, переходящего наследнику по завещанию под условием, разрешить следующим образом. Так, до наступления условия, указанного в завещании, наследственное имущество должно находится во временном владении наследника, так как наследодатель намеренно сделал их право «неполным и условным» [7]. В связи с чем, наследник на законных основаниях может владеть имуществом, нести расходы, связанные с его содержанием, производить защиту наследственного имущества, однако до наступления завещательного условия не сможет распорядиться им.

Другая часть исследователей полагает, что составление завещания под условием противоречит Конституции Российской Федерации, а именно статье 35 Конституции Российской Федерации, определяющей право наследования имуществом [1]. Данной точки зрения придерживаются Л.П. Ануфриева, А.Л. Маковский, так как завещание под условием существенно ограничивает в правах наследников, а также сознательно влияет на поведение наследников.

С данной точкой зрения довольно сложно согласиться по причине того, что наследодатель не ограничивает ничьи права, а как указывает А.Г. Сараев «своеобразно обременяет ими наследственное имущество, которое при этом уже имеет обладателя в лице наследника, но с неким ограниченным правом» [10].

То есть, исходя из указанного, можно сделать вывод, что многие исследователи в области наследственного права придерживаются консервативных взглядов и являются противниками законодательного закрепления в Российской Федерации завещания под условием по причинам, указанным выше. А.Л. Маковский даже отмечает, что возможность введения института условных завещаний была сознательно отвергнута законодателем по причине ограничения прав и свобод наследника [6].

Однако, следует полагать, что нельзя отвергать нововведения в юридической науке и правотворчестве в виду возникновения определенных трудностей, а стоит искать возможные пути решения, тем более, что данный институт получил довольно широкое распространение по всему миру, в связи с чем, целесообразно прямо закрепить в российском законодательстве возможность составления законодателем завещания под условием.

Таким образом, в настоящее время законодательство Российской Федерации в сфере наследования активно развивается, а наделение нотариуса новыми полномочиями в этой области способствует надежной защите прав и законных интересов собственников. Проводимая в последние годы в стране цифровизация государственных услуг вкупе с реформой наследственного права отражает неразрывную связь нотариальной деятельности с наследственным процессом и заключается во внедрении в российскую правовую систему сразу новых правовых институтов. Бесспорно, что любые изменения, происходящие в области наследственного права, несут в себе и изменения правового статуса и объема прав, в той или иной степени, физических и юридических лиц [11].

На основании изложенного, в связи с тем, что Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит нормативного регулирования завещания под условием, це-

лесообразно дополнить главу 62 ГК РФ нормами, регламентирующими правовую природу завещания под условием, при этом учесть опыт стран, в которых урегулирован данный институт, а также проблемные вопросы, выделенные научными исследователями в данной области, среди которых выделить следующее:

1) завещание должно содержать условие, существующее на момент смерти наследодателя;

2) завещание под условием не должно противоречить нормам действующего законодательства и ограничивать личность по признакам пола, расы, национальности и вероисповеданию;

3) до наступления условия, указанного в завещании, признать за наследником право временного владения наследственным имуществом;

4) завещание не должно содержать условий, которые невыполнимы для наследника по состоянию его здоровья или в силу иных объективных причин, могут быть признаны недействительными по иску наследника.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 1111.
3. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 № 435-IV (ред. от 01.01.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации https://urst.com.ua/ru/act/gku;
4. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27.12.1994 № 269-XIII (ред. от 01.01.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1013880&doc_id2=1013880#pos=736;-106&pos2=5079;-80
5. Крайнова Т.К. Удостоверение завещаний под условием // Нотариальный вестник. 2007. № 12. – С. 17-20.
6. Маковский А.Л. Как лучше гарантировать наследование // Законодательство и экономика. 1997. № 3. С. 37-38.
7. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: т. 2. - М.: Статут, 2003. – 639 с.
8. Путинцева Е.П. Содержание завещаний по законодательству РФ и ФРГ // Нотариальный вестник. 2008. № 5.- С. 26-30.
9. Рябцева Г.К. Условные завещания // Социально-политические науки. 2013. №1. - С. 87-89;
10. Сараев А.Г. Завещание под условиями: зарубежный опыт: диссертация. – Казань, 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.studio/pravo-rossii-nasledstvennoe/zaveschaniya-pod-usloviem-stranah-blijnego-89222.html
11. Каймакова Е.В. Общая характеристика трансформации наследственного законодательства Российской Федерации // Наследственное право. - 2021. - N 4. - С. 2-4.

Alekseenko T. R., Ulezko A. Y. The will is conditional: selected aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 192-196.

The article discusses some aspects of making wills under the condition that have not become widespread in our country, analyzes the existing views of scientists on this subject, and suggests possible solutions. A conditional testament is a fairly new phenomenon in Russian civil law and it has not become widespread in our country, despite the fact that it is a very significant tool in the implementation of such a right of ownership as the disposal of one's property.

The article below discusses some aspects of this notarial act, reveals the difficulties of application, analyzes the experience of using the studied civil law instrument in other countries on the example of Ukraine and Kazakhstan, reflects the existing views of civil scientists who are opponents of the introduction of a will under the condition in the Russian Federations, as well as positions justifying the need to apply a will under the condition.

The authors believe that it is necessary to introduce, develop and consolidate in the civil legislation the norm regulating the will, taking into account the experience of those countries in which this institution is regulated.

Keywords: Inheritance, will, conditional will.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii http://www.pravo.gov.ru
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' tret'ya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 01.07.2021) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 1111.
3. Grazhdanskiy kodeks Ukrainy ot 16.01.2003 № 435-IV (red. ot 01.01.2022) // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii https://urst.com.ua/ru/act/gku;
4. Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 27.12.1994 № 269-XIII (red. ot 01.01.2022) // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1013880&doc_id2=1013880#pos=736;-106&pos2=5079;-80
5. Kraynova T.K. Udostovereniye zaveshchaniy pod usloviyem // Notarial'nyy vestnik. 2007. № 12. – S. 17-20;
6. Makovskiy A.L. Kak luchshe garantirovat' nasledovaniye // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 1997. № 3. S. 37-38.
7. Pobedonostsev K.P. Kurs grazhdanskogo prava: t.2. - M.: Statut, 2003. -639s.
8. Putintseva Ye.P. Soderzhaniye zaveshchaniy po zakonodatel'stvu RF i FRG // Notarial'nyy vestnik. 2008. № 5.- S. 26-30;
9. Ryabtseva G.K. Uslovnyye zaveshchaniya // Sotsial'no-politicheskiye nauki. 2013. №1. - S. 87-89;
10. Sarayev A.G. Zaveshchaniye pod usloviyami: zarubezhnyy opyt: dissertatsiya. – Kazan', 2016. [Elektronnyy resurs]. URL: https://pravo.studio/pravo-rossii-nasledstvennoe/zaveschaniya-pod-usloviem-stranah-blijnego-89222.html
11. Kaymakova E.V. General characteristics of the transformation of the inheritance legislation of the Russian Federation // Inheritance law. 2021. N 4. S. 2 - 4.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 197-200.

УДК 342

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Шурыгина Ю. В.

Уральский институт ГПС МЧС России, Россия, г. Екатеринбург

В статье анализируется правовая характеристика совокупности прав, свобод, законных интересов и обязанностей человека и гражданина с одной стороны, а также гарантий со стороны государства в части создания условий реализации таких прав и свобод, а также их охраны, защиты, с другой стороны.

Конституционно-правовой институт статуса личности отражает основные начала, определяющие положение человека в обществе, а также принципы взаимоотношений человека и общества, человека и государства.

Одним из основных и важных направлений правовой политики государства является нормотворчество, направленное на создание правового инструментария, регулирующего общественные отношения в сфере реализации прав и свобод человека и гражданина, общеобязательных правил поведения, а также создания, сохранения и гарантии условий, обеспечивающих реализацию установленных прав и свобод.

Ключевые слова: правосубъектность, конституционно-правовой статус, личность, гражданин, Конституция Российской Федерации.

Практически любой человек, гражданин, личность не может существовать вне общества. Как субъект общества человек наделён определенными правами в этом обществе, а также несет определенные обязанности по отношению к другим субъектам общества, и к обществу в целом. Среди ценностей, охраняемых, защищаемых и гарантируемых государством, высшей ценностью является человек, его права и свобода, которые при нормальных условиях существования общества не могут быть ограничены либо отменены [5].

В зависимости от субъекта обладания правом принято определять права человека и права гражданина. Права человека являются исходными, поскольку они присущи человеку от рождения, независимо от того, является он гражданином того или иного государства или нет. Права гражданина охватывают сферу отношений гражданина и государства.

Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» содержит «принципы гражданства Российской Федерации и правила, регулирующие отношения, связанные с гражданством Российской Федерации, основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации» [4].

Основным нормативным правовым актом, содержащим права и обязанности личности в Российской Федерации, является Конституция, которая имеет наивысшую юридическую силу. Являясь нормативным правовым актом прямого действия, Конституция регулирует важнейшие общественные отношения, устанавливая перечень основных прав и свобод, их гарантии, а также условия, при которых установленные права и свободы могут быть временно ограничены.

При этом, все иные нормативные правовые акты, принимаемые на территории Российской Федерации, как на федеральном, так и на региональных уровнях, не должны противоречить Конституции.

Базовый принцип конституционного статуса личности закреплен в статье 2 Конституции: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1].

Конституционно-правовой статус личности Российской Федерации являет собой комплексный институт конституционного права, включающий ряд элементов:

1) правосубъектность, включая, дееспособность и правоспособность;

2) конституционные права, свободы и обязанности личности;

3) гражданство или иную политико-правовую связь личности и государства;

4) конституционные гарантии и ответственность.

Человек и гражданин, является базовой единицей общественных правоотношений, обладающей правосубъектностью.

Права и свобода человека гарантированы и защищены Конституцией. Гарантии, представляют собой процесс реализации человеком конституционных прав и свобод. Юридические гарантии представляют собой правовые средства и способы, с помощью которых обеспечивается реализация гражданами прав и свобод. Общие гарантии являются условием и средствами охраны, обеспечения защиты всех или значительной части прав и свобод. Согласно статье 45 Конституции «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется».

Гарантии правосудия по своей сути являются гарантиями свободы личности. К таким гарантиям относятся:

- равенство всех перед судом и законом, предусмотренное статьей 19 Конституции;

- гарантии подсудности, предусмотренные статьей 47 Конституции, обеспечивающие право человека на рассмотрение дела тем судом и судьей, которые в соответствии с законом должны его рассматривать, а гражданин об этом должен быть заранее извещен;

- гарантия права обвиняемого на рассмотрение его дела с участием суда присяжных заседателей, что также предусмотрено статьей 47 Конституции;

- упомянутые ранее гарантии квалифицированной юридической помощи и презумпция невиновности;

- гарантии запрета быть повторно осужденным за одно и то же преступление, предусмотренные статьей Конституции;

- недействительность незаконно полученных доказательств, право на обжалование судебного акта, а также право на помилование;

- гарантия от самообвинения, выражающаяся в запрете принуждения давать показания против себя самого и своих близких, предусмотренная статьей 51 Конституции;

- запрет обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего ответственность за преступление (правонарушение), которое в момент его совершения таковым не являлось, предусмотренный статьей 54 Конституции.

Гарантии основных прав и обязанностей выражаются в создании наиболее благоприятных условий для реализации прав и обязанностей человеком.

Принцип ограничения прав и свобод закреплен во Всеобщей Декларации прав человека: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [3].

В настоящее время лишь в рамках Федерального Конституционного закона «О чрезвычайном положении» предусматривается ограничение правового статуса человека и гражданина. Согласно статье 4 указанного Федерального Конституционного закона чрезвычайное положение может быть введено Указом Президента Российской Федерации на территории Российской Федерации либо в отдельных местностях. Такими отдельными местностями, могут являться отдельные регионы, отдельные субъекты Российской Федерации [2].

Таким образом, конституционно-правовой статус личности, его основные права, свободы и обязанности, непосредственным образом определяют и обуславливают создание сбалансированных способов взаимодействия субъектов правоотношений, а также определяют формирование гармоничных отношений человека, общества и государства.

Список литературы:

1. Конституция РФ, ст. 2, ст. 45 // Российская газета [Электронный ресурс]. – 2020. – № 144(8198) от 04.07.2020. – Режим доступа: https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html (дата обращения: 28.03.2022).
2. Федеральный Конституционный закон от 30.05.2001 №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [Электронный ресурс]. URL :http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5532 / (дата обращения: 28.03.2022).
3. Всеобщая Декларация прав человека, ст. 29 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. (дата обращения: 28.03.2022).
4. Федеральный Закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», ст. 1// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – 31.05.2002. – N 102076357 – Режим доступа: http:// pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076357 (дата обращения: 28.03.2022).
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации/ Под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011. С. 480-482, (дата обращения: 29.03.2022).

Shurygina Yu.V. Theoretical foundations of the transformation of the constitutional and legal status of the individual // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 197-200.

The article analyzes the legal characteristics of the totality of rights, freedoms, legitimate interests and duties of a person and a citizen on the one hand, as well as guarantees from the state in terms of creating conditions for the realization of such rights and freedoms, as well as their protection, protection on the other hand.

The constitutional and legal institution of the status of a person reflects the basic principles that determine the position of a person in society, as well as the principles of the relationship between a person and society, a person and the state. The constitutional and legal status of an individual unites the basic rights, freedoms, duties and guarantees enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Fundamental rights and freedoms, which are inalienable and received by a person from birth, determine a certain stability and stability of the constitutional and legal status of the individual.

However, at the same time, the constitutional and legal status of an individual cannot exist in an unchanged form, its development and transformation are inevitable due to a number of reasons and circumstances.

First of all, this is due to the improvement of democratic public institutions, scientific and technological development of society. State and public institutions, of course, determine the legal status of a person and a citizen. For example, the formation of the institution of the Commissioner for Human Rights led to the emergence of the right of a person and a citizen to protect their rights and freedoms through this structure at the regional or federal levels.

In addition, the constitutional and legal status of a person is influenced by factors such as the age of a particular person, as an individual with a certain constitutional and legal status, education, the scope of his activities, the degree of his involvement in the process of interaction with public authorities, institutions and public organizations, as well as other circumstances related to the need to ensure security of the population and the state.

One of the main and important directions of the state's legal policy is rule-making aimed at creating legal instruments regulating public relations in the field of the realization of human and civil rights and freedoms, generally binding rules of conduct, as well as the creation, preservation and guarantee of conditions ensuring the realization of established rights and freedoms.

Key words: legal personality, constitutional and legal status, personality, citizen, constitution of the Russian Federation.

Spisok literaturi:

1. Konstituciya RF, st. 2, st. 45 // Rossiiskaya gazeta [Elektronnii resurs]. – 2020. – № 144(8198) ot 04.07.2020. – Rezhim dostupa: https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html (data obrash'eniya: 28.03.2022).

2. Federalnii Konstitucionnii zakon ot 30.05.2001 №3-FKZ «O chrezvichainom polozhenii» [Elektronnii resurs]. URL :http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5532 / (data obrash'eniya: 28.03.2022)

3. Vseobsh'aya Deklaraciya prav cheloveka, st. 29// Oficialnii internet-portal pravovoi informacii [Elektronnii resurs]. (data obrash'eniya: 28.03.2022)

4. Federalnii Zakon ot 31.05.2002 № 62-FZ «O grazhdanstve Rossiiskoi Federacii», st. 1// Oficialnii internet-portal pravovoi informacii [Elektronnii resurs]. – 31.05.2002. – N 102076357 – Rezhim dostupa: http:// pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076357 (data obrash'eniya: 28.03.2022).

13. 5. Kommentarii k Konstitucii Rossiiskoi Federacii/ Pod red. V.D. Zorkina. M., 2011. S. 480-482, (data obrash'eniya: 29.03.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 201-209.

УДК 34.06

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Щербаков М. Г.
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

В статье рассматриваются этические и правовые вопросы использования эмоционального интеллекта в системе искусственного интеллекта. Автор рассматривает понятие искусственный интеллект, эмоциональный интеллект, сознание и разум, а также обосновывает необходимость использования эмоционального интеллекта в структуре искусственного интеллекта. В статье рассматривается сетевой подход к мозгу. Автор отмечает, что именно сеть выявления значимости ответственна за формирование эмоций. Кроме того, автор указывает, что создание у искусственного интеллекта сети выявления значимости и сети пассивной работы неминуемо приведет к появлению киберсознания, квазисознания. Автор обращает внимание на имеющиеся правовые и этические запреты негативного воздействия искусственного интеллекта на жизнь и здоровье человека. В заключение автор приходит к выводу, что необходимо, с одной стороны, определить правовые и этические границы использования эмоционального интеллекта ИИ, с другой стороны, обеспечить неукоснительное их соблюдение.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), эмоциональный интеллект (ЭИ), нейронная сеть, сознание, разум, эмоция, дефолт-система мозга, киберсознание.

В современном мире рост информации происходит в геометрической прогрессии. Кроме того, человеческий мозг физически не в состоянии самостоятельно анализировать и структурировать огромный объем информации. В связи с этим главным помощником человека стал искусственный интеллект.

Лидерами в области искусственного интеллекта являются Microsoft, Google, Facebook, Automation, Anywhere, IBM, Baidu, DJI-Innovations, Sensetime, Megvii, iFlytek.

В настоящее время искусственный интеллект проник во все социальные сферы.

Что же такое искусственный интеллект?

Искусственный интеллект представляет собой человекоподобную систему, имитирующую деятельность человека. Основой искусственного интеллекта является нейронные сети, которые представляют собой технологию, способную к обучению. Обучение нейронной сети – это процесс определения весов соединений между нейронами таким образом, чтобы сеть приближала необходимую функцию с заданной точностью.

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1].

Л.С. Болотова определяла искусственный интеллект как некую искусственную систему, способную имитировать интеллект человека, то есть способность получать, обрабатывать, хранить информацию и знания и выполнять над таковыми разные действия, совокупно называемые мышлением [2, с.182].

Н. Нильсон сравнивал искусственный интеллект с антропогенным продуктом [3, с. 75]. П.М. Морхат отмечает, что искусственный интеллект является инструментом расширения и усиления возможностей человеческого интеллектуального потенциала, а также призванный под контролем и волей человека заменить его при выполнении определенных функций и в решении определенных задач [4, с. 2].

Важно отметить, что основу искусственного интеллекта составляет искусственная нейронная сеть, представляющую собой совокупность элементов, соединенных друг с другом определенным образом. Другими словами, искусственная нейронная сеть представляет собой черный ящика, у которого есть входы и выходы.

Таким образом, «сильный» искусственный интеллект (Artificial Superintelligence), как правило, представляет собой киберфизическую систему с искусственным самосознанием, способную формировать представление о себе, а также способную обучаться без учителя.

Важно отметить, что искусственный интеллект не испытывает эмоций, не имеет сознания. Ручкин В.А. отмечал, что искусственный интеллект не может быть сравним в полной мере с человеком, поскольку не имеет души, сознания, чувств, интересов и свободы воли [5, с. 92].

С. Гутман указывал, что сила человека заключается в способности признавать свои слабости. В способности принимать помощь других людей и оказывать помощь нуждающимся. В способности преодолевать жизненные препятствия и преграды [6].

Иными словами, искусственный интеллект не имеет способности субъективного отражения окружающего мира (эмоций).

Между тем последние тенденции в области робототехники показывают, что прогресс идет в сторону создания антропоморфных роботов, способных имитировать человеческие эмоции. Другими словами, инженеры пытаются создать машину, которая способна «чувствовать».

Возникают вопросы: что такое эмоция? Нужны ли эмоции искусственному интеллекту?

Эмоции (от лат. emovere – возбуждать, волновать) – это состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов и выражающиеся, прежде всего, в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей» [7, с. 249]. Человек в процессе своей деятельности не только созерцает окружающий мир, но и переживает его.

Эмоции – физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения [8, с. 72].

Таким образом, эмоции – это свойства сознания, которые не доступны машине.

Эмоции являются индикаторами удовлетворенности или неудовлетворенности потребностей.

Леонтьев А.Н. отмечает, что «эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта путем отражения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности [9, с. 29].

Важно отметить, что эмоции человека, с одной стороны, являются результатом эволюции, с другой стороны, продукт общественно-исторического развития. Например, выделяют гомеостатические (низшие) и эстетические (высшие) эмоции.

Кроме того, эмоции представляют собой активные состояния специализированных мозговых структур.

Д.И. Дубровский отмечает, что «мозговая нейродинамическая система, ответственная за существование образа есть материальный носитель информации. Связь субъективного образа и соответствующей ему мозговой нейродинамической системы есть связь информации и ее носителя» [10].

Таким образом, эмоции отражают степень субъективного отношения человека к внешнему миру, следовательно, «окрашивают» сознание, мировоззрение.

К.В. Анохин под сознанием понимает трафик, который проходит в структуре разума, основанной на нейронной сети (нейронах мозга) [11].

Иными словами, можно сказать, что разум – это сеть дорог, сознание – это трафик, а эмоции – интенсивность трафика.

М. Рейчел выделяет следующие сети мозга: сеть пассивной работы (дефолт система мозга); сеть выявления значимости; центральная исполнительская сеть.

Например, сеть выявления значимости проводит субъективную оценку образов, мыслей и переживаний, а центральная исполнительская сеть отвечает за потребление информации.

Между тем особый интерес представляет собой дефолт-система мозга (default mode network).

М. Рейчел отмечает, что «предоставленный самому себе, человеческий мозг естественным образом включается в размышления о социальных отношениях» [12].

Дефолт-система мозга представляет собой взаимодействие отделов головного мозга, которые взаимодействуют друг с другом, когда человек находится в состоянии пассивного бодрствования и не занят какой-либо познавательной деятельностью [12, с. 677].

Важно указать, что наивысшую активность мозг проявляет в режиме «блуждание ума». Нейронная сеть оперативного покоя выполняет следующие функции: обработка информации о самом себе; представление и размышление о других людях; моральные рассуждения; воспоминания прошлого и размышления о будущем; понимание историй [13].

Таким образом, дефолт-система мозга позволяет мозгу работать в автономном режиме (режиме покоя).

Важно подчеркнуть, что дефолт-система мозга, работая в автономном режиме, осуществляет анализ и классификацию прошедших событий, а также формирует субъективные отношения к данным событиям. Другими словами, сеть выявления значимости формирует эмоции личности.

Рубинштейн С.Л. отмечал, что чувство человека – это отношение его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного переживания [14, с. 120].

П.К. Анохин отмечал, что «нервный аппарат отрицательных и положительных эмоций активируется в тот момент, когда обнаруживается рассогласование или совпадение акцептора действий (афферентной модели ожидаемых результатов) с импульсацией, сигнализирующей о реально достигнутом эффекте» [15, с. 301].

Таким образом, эмоции, будучи субъективными реакциями животных и человека на воздействия внутренних и внешних раздражителей, играют важную роль в регулировании поведения.

Между тем эмоции и чувства обуславливают межличностную коммуникацию, отражают отношения субъекта, его внутренние переживание.

Более того, интерпретация эмоций, а также умение воздействовать на эмоции других людей составляет эмоциональный интеллект личности.

Что же такое эмоциональный интеллект?

Термин «эмоциональный интеллект» был введен Дж. Мейер в 1990 году, который он понимал, как способность личности отслеживать свои и чужие эмоции.

М.А. Манойлова отмечает «эмоциональный интеллект как совокупность коммуникативных и регуляторных свойств личности, которые обеспечивают осознание, принятие и регуляцию своих собственных состояний и чувств, так и чувств других людей. От уровня развития эмоционального интеллекта зависит продуктивность и успешность межличностного взаимодействия и личностное развитие человека» [16, с. 82].

В содержание понятия «эмоциональный интеллект», как правило, включают следующие способности: умение понимать эмоции окружающих, умение воздействовать на эмоции других людей, способность определять причины и следствия эмоций.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эмоциональный интеллект является неотъемлемой частью общего интеллекта личности.

Возникает вопрос: нужен ли искусственному интеллекту эмоциональный интеллект?

По нашему мнению, сложно дать однозначный ответ на данный вопрос.

Так, с одной стороны, необходимо сделать робота более человечным, т.е. способным имитировать эмоции, а также уметь распознавать эмоции, с другой стороны, опасно позволять искусственному интеллекту воздействовать на эмоции людей.

Эмоция - это не только субъективная оценка окружающего мира, но и стимул.

В.М. Бехтерев отмечал, что «состояние психической сферы - это не только свойство: от того, в каком состоянии находится человек, зависит его реакция на тот или иной стимул, его поведение» [17, 18].

Имитируя эмоции, машина способна стимулировать у людей эмоции, например, имитируя гнев можно вызвать страх, счастье - зависть.

З. Фрейд замечал: «К несчастью, подавленные эмоции не умирают. Их заставили молчать. И они изнутри продолжают влиять на человека» [19, с. 97].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имитация эмоций искусственным интеллектом позволит оказывать существенное как позитивное, так и негативное влияние на поведение человека.

Важно отметить, что создав у искусственного интеллекта сеть выявления значимости, которая отвечает за оценку решений, мы, по сути, созданием субъективный опыт, внутренний мир искусственного интеллекта, цифровое сознание.

Другими словами, сильный искусственный интеллект, обладающий цифровой дефолт-системой нейронной сети (киберсознанием), которая позволит машине осознать себя, провести анализ прошлого и рассчитать вероятность будущего, сформировать отношение к окружающим, создать.

Технический прогресс не остановить, следовательно, появление сильного искусственного интеллекта, обладающего киберсознанием, это вопрос времени.

Между тем возникновение сильного искусственного интеллекта, обладающего киберсознанием, создает моральные и правовые риски.

В связи с этим необходимо создать этические и правовые нормы регулирующие отношения, связанные с использованием как искусственного интеллекта, так и эмоционального интеллекта.

В настоящее время имеются этические и правовые нормы, регулирующие отношения по поводу использования искусственного интеллекта.

А. Азимов предложил три закона робототехники:

1) робот не должен наносить какой-либо вред человеческому здоровью, создавать угрозу жизни или своим бездействием допускать аналогичные последствия;

2) роботу вменяется в обязательном порядке исполнять приказы, отдаваемые человеком. Единственное исключение – отдаваемый приказ не должен противоречить предыдущему положению;

3) роботу вменяется беспокоиться о собственной безопасности в той степени и в том объеме, в которых его действия не опровергают два предыдущих пункта [20].

Между тем, по нашему мнению, необходимо конкретизировать первый закон, указав на запрет причинение вреда как физическому, так и ментальному здоровью.

В настоящее время концепция человеческой безопасности включает, в том числе: военную, политическую, экономическую, социальную, экологическую, научно-техническую, информационную и другие значимые составляющие.

Р.Г. Яновский определяет социальную безопасность как наличие объективных и субъективных условий и факторов, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность социума и его способность противостоять неблагоприятным внешним и внутренним разрушительным воздействиям, и влияниям, сохранять свою целостность и способность к воспроизводству, а также устойчивость своего развития [21, с.18].

Р. Бедеский отмечает, что «Human Security означает общность знания, технологии, институтов и видов деятельности, которые предохраняют, защищают и сохраняют биологическое существование человеческой жизни, а также процессы, которые защищают и совершенствуют коллективный мир и процветание в целях повышения человеческой свободы» [22].

В этическом кодексе искусственного интеллекта указано, что «при развитии технологий искусственного интеллекта человек, его права и свободы должны рассматриваться как наивысшая ценность» [23].

В 2017 г. исследовательским центром проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта «Робоправо» разработан проект – Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте, в которой предусмотрели обязанность соблюдения прав человека и общепринятых норм морали и нравственности [24].

Правовая база, регулирующая отношения в области искусственного интеллекта состоит из международных актов и национальных нормативных актов.

Окинавская хартия глобального информационного общества (Okinawa Charter on Global Information Society) от 22 июля 2000 г., которая призывает создание нормативной базы в области искусственного интеллекта [25].

Рекомендации по искусственному интеллекту Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР (OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence) от 22 мая 2019 г., которые устанавливают определенные стандарты, в том числе необходимость постоянной оценки и управления потенциальными рисками [26].

В 2017 г. создан технический комитет по искусственному интеллекту (ISO/IEC JTC 1/SC 42 Artificial intelligence) [27].

В российской Федерации имеется ряд нормативных актов, регулирующих отношения в области искусственного интеллекта.

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 одним из основных принципов развития искусственного интеллекта является безопасность: недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта [1].

В соответствии с Федеральным законом от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ в целях создания условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта установлен экспериментальный правовой режим в г. Москве [28].

Важно отметить, что принципом специального режима является защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом «О техническом регулировании» от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ необходимым условием любой продукции является ее безопасность – состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений [29].

Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024, в которой закреплена необходимость регуляторного воздействия, основанного на риск-ориентированном, междисциплинарном подходе и предусматривающем принятие ограничительных норм в случае, если применение технологий искусственного интеллекта и робототехники несет объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений, правам человека и интересам общества и государства [30].

Важно отметить, что, во-первых, в настоящее время отсутствует международный акт, закрепляющий универсальные принципы в области искусственного интеллекта, во-вторых, в законодательстве Российской Федерации в области искусственного интеллекта отсутствует понятие психического и морального вреда.

Между тем 17.09.2020 г. были приняты Руководящие принципы по этике искусственного интеллекта (Ethics Guidelines for Trustworthy Artificial Intelligence), в которых закреплено право человека на физическую, психическую и (или) моральную неприкосновенность [31].

В связи с этим предлагается предусмотреть в законодательстве Российской Федерации или технических стандартах запреты на имитацию искусственным интеллектом некоторых видов эмоций, который могут причинить человеку физический, психический и моральный вред. Например, гнев, печаль, беспокойство, страх, грубость и т.п. Либо ограничить по времени имитацию искусственным интеллектом негативных эмоций при взаимодействии с человеком.

Таким образом, наделение искусственный интеллект способностью выражать (имитировать) эмоции при взаимодействии с человеком, должно осуществляться под жестким контролем психологов.

В заключение можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, необходимо развитие искусственного эмоционального интеллекта, который является неотъемлемой частью технологии искусственного интеллекта, с другой стороны, необходимо создать эффективную правовую базу, направленную на защиту прав и свобод личности в области искусственного интеллекта, в том числе установить запреты и ограничения использования искусственного эмоционального интеллекта.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 [Электронный ресурс] Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. Болотова Л.С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии основанные на знаниях: Учебник. - М., 2012. - 664 с.
3. Нильсон Н. Искусственный интеллект: методы поиска решений: Пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. С.В. Фомина. - М.: Мир, 1973. - 272 с.
4. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. - 2018. - № 4. - С. 1-8.
5. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы / В. Н. Ручкин, В. А. Фулин. - СПб.: БХВ - Петербург, 2009. - 240 с.
6. Гутман С. Жемчужины мысли. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inpearls.ru/407877. Дата обращения 10.12.2021.
7. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. СПб., 2007. - 632 с.
8. Анохин П. К. Эмоции. - БМЭ, 2-е изд., 1964, т. 35, с. 339.
9. Леонтьев, А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. - М., 1971.- 40 с.
10. Дубровский Д. И. Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» // Вопр. философии, 1976, № 11, с. 41.
11. К.В. Анохин Мыслящая гиперсеть [Электронный ресурс] Режим доступа: http: http: scientificrussia.ru/articles/myslyashchaya-giperset-v-mire-nauki-5-6-2021 (дата обращения 01.12.2021).
12. Raichle ME, MacLeod AM, Snyder AZ, Powers WJ, Gusnard DA, Shulman GL. A default mode of brain function. Proc Natl Acad Sci US A. 2001; 98 (2):676-682.
13. Christoff K, Gordon AM, Smallwood J, Smith R, Schooler JW.Experience sampling during fMRI reveals default network and executive system contributions to mind wandering. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2009; 106:8719-8724.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии - СПб: Издательство «Питер», 2000 - 712 с.
15. Анохин П. К. Системная организация физиологических функций. М.: Медицина, 1969, - 447 с.
16. Манойлова М.А. Особенности развития эмоционального интеллекта, темперамента и общего интеллекта у будущих педагогов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. - Том 12. Серия психологические науки «Акмеология образования». - № 3 - Кострома, 2006. - С. 80-84.
17. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. Психические эпидемии в истории. СПб.:Из-во К.Л. Риккера, 1908. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: litmir.me/br/?b=92750&p=1 (дата обращения: 14.12.2021).
18. В. И. Вернадский - Н. Е. Вернадской, 1886 / В. И. Вернадский // Письма Н.Е. Вернадской (1886-1889). - М.: Наука, 1988. - 304 с.
19. Фрейд З. К вопросу о дилетантском анализе: Беседы с посторонним // Собрание сочинений в 10 томах, Доп. том. - М.: ООО «Фирма СТД», - 274 с.
20. Asimov I. I, Robot. Runaround / А. Азимов. Хоровод [Электронный ресурс] URL: https://e-libra.su/read/220931-ya-robot.html_(пер. В. Постникова, Н. Хмелик).

21. Яновский, Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р.Г. Яновский. - М., 1999.- 281 с.
22. Bedeski, R. Human Security, Knowledge, and the Evolution of the Northeast Asian State / R. Bedesky. - Centre for Global Studies, University of Victoria, 2000. - [Электронный ресурс]. - URL: http://www.globalcentres.org/docs/bedeski. html.
23. Этический кодекс искусственного интеллекта [электронный ресурс] https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html.
24. РОБОПРАВО. Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта [Электронный ресурс] Сайт. URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia.
25. Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3170.
26. OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 16.12.2021).
27. Международная организация по стандартизации [Электронный ресурс] Официальный сайт. URL: https://www.iso.org/ru/committee/6794475.html?view=participation.
28. Федеральным законом от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ [электронный ресурс] Доступ из СПС «Консультант Плюс».
29. Федеральным законом «О техническом регулировании» от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ [электронный ресурс] Доступ из СПС «Консультант Плюс».
30. Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р [электронный ресурс] Доступ из СПС «Консультант Плюс».
31. Ethics Guidelines for Trustworthy Artificial Intelligence [Электронный ресурс] https://www.jdsupra.com/legalnews/ai-update-eu-high-level-expert-group-73340/.

Shcherbakov M. G. **Emotional intelligence as an element of the artificial intelligence system: ethical and legal issues //** Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 201-209.

The article examines the ethical and legal issues of using emotional intelligence in the artificial intelligence system. The author examines the concept of artificial intelligence, emotional intelligence, consciousness and intelligence, and also substantiates the need to use emotional intelligence in the structure of artificial intelligence. This article discusses a networked approach to the brain. The author notes that it is the significance elicitation network that is responsible for the formation of emotions. In addition, the author points out that the creation of a network for identifying significance and a network of passive work in artificial intelligence will inevitably lead to the emergence of cyberconsciousness, quasiconsciousness. The author draws attention to the existing legal and ethical prohibitions on the negative impact of artificial intelligence on human life and health. In conclusion, the author comes to the conclusion that it is necessary, on the one hand, to create legal and ethical boundaries for the use of emotional intelligence AI, on the other hand, to ensure their strict observance.

Keywords: artificial intelligence (AI), emotional intelligence (EI), neural network, consciousness, mind, emotion, default brain system, cyberconsciousness.

Spisok literatury:

1. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 № 490 [Electronic resource] Access from the SPS «Consultant Plus».
2. Bolotova L.S. Artificial Intelligence Systems: Knowledge-Based Models and Technologies: A Textbook. - M., 2012 .- 664 p.
3. Nilsson N. Artificial intelligence: methods of finding solutions: Per. from English V.L. Stefanyuk; ed. S.V. Fomin. - M .: Mir, 1973 .-- 272 p.
4. Morhat P.M. On the question of the legal personality of the «electronic person» // Legal research. - 2018. - № 4. - P. 1-8.
5. Universal artificial intelligence and expert systems / VN Ruchkin, VA Fulin. - SPb.: BHV - Petersburg, 2009.- 240 p.
6. Gutman S. Pearls of thought. 2018. [Electronic resource]. Access mode: http://www.inpearls.ru/407877. Date of treatment 12/10/2021.
7.Big psychological dictionary / comp. and total. ed. B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. 3rd ed., Add. and revised SPb., 2007. - 632 p.
8.Anokhin P.K. Emotions. - BME, 2nd ed., 1964, vol. 35, p. 339.
9.Leontiev, A.N. Needs, motives and emotions. - M., 1971. - 40 p.
10. Dubrovsky D.I. Informational approach to the problem of «consciousness and the brain» // Vopr. philosophy, 1976, № 11, p. 41.
11. K.V. Anokhin Thinking Hyperset [Electronic resource] URL: http: scientificrussia.ru/articles/myslyashchaya-giperset-v-mire-nauki-5-6-2021 (access date 01.12.2021).

12. Raichle ME, MacLeod AM, Snyder AZ, Powers WJ, Gusnard DA, Shulman GL. A default mode of brain function. Proc Natl Acad Sci US A. 2001; 98 (2):676-682.
13. Christoff K., Gordon A.M., Smallwood J., Smith R., Schooler J.W. Experience sampling during fMRI reveals default network and executive system contributions to mind wandering. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2009; 106:8719-8724.
14. Rubinshtein S. L. Fundamentals of General Psychology - St. Petersburg: Publishing House «Peter», 2000 - 712 p.
15. Anokhin P.K. System organization of physiological functions. M .: Medicine, 1969, - 447 p.
16. M.A. Manoilova. Features of the development of emotional intelligence, temperament and general intelligence in future teachers // Bulletin of the Kostroma State University. ON. Nekrasov. Scientific and methodical journal. - Volume 12. Series of psychological sciences «Acmeology of education». - № 3 - Kostroma, 2006. - S. 80-84.
17. Bekhterev V.M. Suggestion and its role in public life. Mental epidemics in history. SPb.: From K.L. Rikker, 1908. [Electronic resource]. URL: http: litmir.me/br/?b=92750&p=1 (date accessed: 14.12.2021).
18. V. I. Vernadsky - N. E. Vernadskoy, 1886 / V. I. Vernadsky // Letters to N. Ye. Vernadskaya (1886-1889). - M.: Nauka, 1988 .- 304 p.
19. Freud Z. On the question of amateur analysis: Conversations with an outsider // Collected works in 10 volumes, Additional volume. - M.: LLC «Firm STD», - 274 p.
20. Asimov I. I, Robot. Runaround / A. Azimov. Round dance [Electronic resource] URL: https://e-libra.su/read/220931-ya-robot.html_ (translated by V. Postnikov, N. Khmelik)
21. Yanovsky, R.G. Global changes and social security / R.G. Yanovsky. - M., 1999.-281 p.
22. Bedeski, R. Human Security, Knowledge, and the Evolution of the Northeast Asian State / R. Bedesky. - Center for Global Studies, University of Victoria, 2000. - [Electronic resource]. - URL: http://www.globalcentres.org/docs/bedeski. html.
23. Code of Ethics for Artificial Intelligence [electronic resource] https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html.
24. ROBOPRAVO. Research center for the problems of regulation of robotics and artificial intelligence [Electronic resource] Site. URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia.
25. Okinawa Charter for the Global Information Society of July 22, 2000. [Electronic resource] URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3170.
26. OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (date accessed: 12/16/2021).
27. International Organization for Standardization [Electronic resource] Official site. URL: https://www.iso.org/ru/committee/6794475.html?view=participation.
28. Federal Law of 24.04.2020, № 123-FZ [electronic resource] Access from the ATP «Consultant Plus».
29. Federal Law «On Technical Regulation» dated December 27, 2002 No. 184-FZ [electronic resource] Access from the ATP «Consultant Plus».
30. By the Order of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 № 2129-r [electronic resource] Access from the ATP «Consultant Plus».
31. Ethics Guidelines for Trustworthy Artificial Intelligence [Electronic resource] https://www.jdsupra.com/legalnews/ai-update-eu-high-level-expert-group-73340/.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 210-220.

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.451.41

ПЕРЕХОД ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Голиков Р. В.

Проблема перехода права собственности по договору имеет свои истоки ещё в римском праве, из которого вышли основные теории, касающиеся оснований и момента перехода права собственности. Это теории, отстаивающие систему traditio и систему соглашения. В настоящей статье перенос права собственности рассмотрен в контексте действующего законодательства, обращено внимание на основания перехода права собственности и возможные такого перехода. Указанная проблема требует научно обоснованного, системного подхода, что обусловливает актуальность исследований в данной области. Целью работы явилось рассмотрение перехода права собственности на движимое имущество по договору купли-продажи с целью применения полученных выводов при рассмотрении отношений транзитной поставки. Теоретико-методологическую основу работы составили труды ученых–правоведов в области гражданского и предпринимательского права, в которых упоминается рассматриваемый институт. Основными методами, использованными в настоящей статье, являются формально-юридический и сравнительно-правовой. По результатам проведенного исследования определены юридические факты, на основании которых осуществляется переход права собственности, даны схемы, на основании которых такой переход может осуществляться.

Ключевые слова: переход права собственности, основания перехода права собственности, момент перехода права собственности, система соглашения, tradition, консенсуальная система.

При классификации договоров на виды по цели (каузе) договор купли-продажи относят к договорам, направленным на передачу вещи в собственность. В общих положениях о купле-продаже помимо обязанности передать вещь (товар) говорится о титуле (право собственности), который следует за передачей вещи, это следует из п. 1 ст. 454 ГК РФ, согласно которому по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Обязанностью продавца в договоре купли-продажи является передача вещи в собственность покупателю.

В доктрине мнения учёных разделены, некоторые указывают, что «основной целью заключения договора купли-продажи является переход права собственности на товар от продавца к покупателю» [1, с. 189]. Аналогичную позицию можно встретить в работах В.В. Витрянского [2, с. 248] и И.Н. Трепицына [3, с. 416].

Имеется и иная позиция по данному вопросу. Белов В.А. обращает внимание на то, что «…договор купли-продажи непосредственно направляется только и исключительно на возникновение обязательства продавца по передаче определённой вещи (товара) во владение покупателя». Автор также говорит об отсутствии в ГК РФ норм, которые «регулировали бы вопросы исполнения «обязательства» продавца по передаче не самого товара, а права собственности на него (или хотя бы просто упоминали о существовании такого обязательства)» [4, с. 23]. Далее учёный даёт отсылку к п. 1 ст. 223 ГК РФ. Указанная норма устанавливает общее правило перехода права собственности к приобретателю вещи по договору, которое возникает у приобретателя с момента передачи ему вещи. Он отмечает, что «право собственности

на товар приобретается покупателем в силу прямого указания закона и в силу него же прекращается у продавца, если, конечно, оно у него было» [4, с. 24]. На основании чего Белов В.А. делает вывод о направленности договора купли-продажи на передачу товара или владения товаром, а не права собственности на него [4, с. 25].

Различие в позициях сводится к тому, что согласно первой точке зрения передача титула обладания вещи (право собственности) является самоцелью договора купли-продажи, согласно второй – следствием, вытекающим из непосредственной передачи вещи и действия закона, целью же является сама передача вещи. Со второй позицией трудно согласиться, так как передача вещи как экономическая цель может быть выделена и в группе договоров, направленных на передачу вещи в пользование. Но юридической целью покупателя является не только получение вещи, но и получение всего комплекса правомочий собственника. Поэтому представляется более точным разделение цели покупателя на экономическую и юридическую. А.Н. Лёвушкин выделил следующие основные обязанности покупателя: «по передаче товара покупателю и по переносу на покупателя права собственности на продаваемый товар» [5, с. 129]. Экономический аспект целеполагания выражается в обязанности продавца передать товара покупателю, юридической целью является перенос на покупателя права собственности.

Представляется возможным обратиться к положениям общей части ГК РФ, определяющим момент перехода права собственности на вещь. Согласно п. 1 ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента её передачи, если иное не предусмотрено законом или договором. Согласно п. 1 ст. 224 ГК РФ передача есть вручение вещи, а вручённой приобретателю вещь считается с момента её фактического поступления во владение приобретателя или указанного им лица. Соответственно, переход права собственности происходит в момент передачи владения приобретателю. Основанием для приобретения права собственности имущества, имеющего собственника, могут служить любые сделки, направленные на отчуждение имущества, например, договоры купли-продажи, мены, дарения и иные (п. 2 ст. 218 ГК РФ).

Для выяснения сути указанных норм представляется необходимым углубиться в доктрину, и начать с представлений о переходе права собственности в римском праве, так как именно оно и лежит в основе рассматриваемого гражданско-правового института в отечественном законодательстве.

В римском праве по договору собственность передавалась тремя способами: mancipatio, in iure cessio и traditio. Новицкий И.Б. и Перетерский И.С. характеризуют эти способы следующим образом.

Манципация вначале соединяла в себе сделку по купле и реальную передачу вещи. Формально такой способ разыгрывался как внесудебное истребование своей вещи. Реальная передача заключалась в обмене вещи на её денежный эквивалент в присутствии пяти свидетелей [6, с. 201]. Способ «in iure cessio» представлял собой мнимый судебный процесс о собственности, который «был приспособлен для цели перенесения права собственности» [6, с. 202].

«Традиция состояла в передаче фактического владения вещью от отчуждателя приобретателю. Передача эта была выполнением предварительного соглашения обеих сторон о том, что собственность переносится одним лицом на другое. В пост-

классическое время традиция вытеснила старые формальные способы и стала единственным способом передачи собственности» [6, с. 202-203].

Дальнейшее историческое развитие гражданского права в мире привело к появлению двух систем, обозначающих разные подходы к передаче права собственности: консенсуальная система (система соглашения) и система традиции (traditio). Во Франции, Италии, Англии и некоторых других странах применяется система соглашения, в то время как германский и австрийский кодексы, допускают переход права собственности на основании передачи вещи во владение приобретателя – traditio.

Сам термин «traditio», к сожалению, не является однозначным. В широком смысле он означает «перенос права собственности на основании «согласованной воли сторон», т.е. соглашения» [7, с. 133]. В узком – приобретение владения или держания [7, с. 139]. Система «tradition» предполагает наличие какого-либо дополнительного соглашения, в котором была бы выражена воля сторон на переход права собственности.

Применительно к отечественному законодательству мнения учёных относительно наиболее подходящей системы также разделены, например, Трепицын И.Н. отстаивал систему соглашения [3, с. 403], он аргументировал свою позицию отсутствием реальных выгод системы traditio и простотой системы соглашения, удобством для оборота [3, с. 251]. Автор также отмечает формальный характер различия между обеими системами, который заключается в допущении свободного отчуждения чужих вещей в системе traditio и отсутствии такой возможности в системе соглашения [3, с. 266]. И.Н. Трепицын признавал куплю-продажу, мену и дарение вещными договорами, при которых право собственности на движимое имущество приобретается в момент соглашения [3, с. 350].

Д.И. Мейер называл передачей «…акт, по которому вещь из владения одного лица переходит во владение другого, приобретающего над ней право собственности» [8, с. 390]. Учёный также отмечал, что «…законное основание передачи установляет лишь право на передачу, а передача уже составляет способ приобретения самого права собственности» [8, с. 391].

Мурзин Д.В. указывает на недостаточность для перехода права собственности одного заключения договора и на то, что для перехода права собственности необходимы дополнительные юридические факты (распорядительные действия отчуждателя или акт государственной регистрации) [9, с. 329].

Белов В.А. указывал на то, что в основе перехода права собственности лежит сложный юридический состав, в который входят обязательственный договор и действие, совершаемое во исполнение условий обязательственного договора, – передача вещи. Значение этой передачи, по мнению автора, имеет двойственный характер: с ней считается исполненным обязательство по передаче вещи, а также переходит право собственности [10, с. 131].

Под передачей Г.Ф. Шершеневич понимал вручение одним лицом другому вещи с намерением перенести право собственности, то есть передача, по мнению автора, есть тот юридический факт, с которым соединяется приобретение права собственности, а основанием ему служит какой-нибудь договор, купля-продажа, дарение [11, с. 52].

Сторонники системы «tradition» (например, Тузов Д.О.) называют передачу соглашением или договором, обосновывая это тем, что, во-первых, передача несмотря

на свою зависимость от основного договора является относительно автономным актом, во-вторых, переход права собственности обусловлен передачей, в-третьих, передача является добровольным актом [12, с. 344-350].

Васильев Г.С. отмечал: «Российское право лишь формально относится к системе традиции, по существу же оно закрепляет самостоятельную систему перехода права собственности, руководящим началом которой является переход права в момент, когда обязательство передать вещь считается исполненным» [13, с. 7]. Это значит, что передачей вещи определяется только момент перехода права собственности, но не сам факт этого перехода. Волеизъявление сторон на этот переход они закрепляют в договоре купли-продажи, в котором также и определяют момент, когда собственником станет покупатель. А этот момент может быть связан не только с передачей вещи. В связи с этим Е.А. Суханов отмечал, что переход права собственности есть правопреемство, и для перехода права собственности необходим юридический состав, в который входят факт заключения договора об отчуждении вещи и факт его исполнения в форме передачи вещи. Однако такая система носит диспозитивный характер, так как право собственности может переходить к приобретателю в момент заключения договора (как в консенсуальной системе), в момент полной оплаты вещи приобретателем, в момент наступления отлагательного условия. Вывод, который делает Е.А. Суханов, следующий: к движимым вещам применяется система традиции, к недвижимым – система регистрации [14, с. 152-161].

Скловский К.И. указывал на следующее: «Однажды выраженной сделкой воли не только совершенно достаточно, но и изменить её потом уже нельзя. Именно поэтому невозможно, недопустимо и ошибочно в каждом действии по реализации ранее выраженной воли снова и снова требовать её выражения или подтверждения. Ведь такие представления имеют в своей основе неприемлемое допущение, что сделка может быть односторонне пересмотрена после её совершения» [15, с. 41-42].

Представляется, что передача по российскому праву не является договором, более того, назвать её сделкой не представляется возможным. Автономность передачи, которая основана на внешнем её характере, не может служить основанием для признания её сделкой, так как самый «внешний» характер связан исключительно с временным промежутком, разделяющим акт выражения воли на перенос права собственности (заключение договора) – сделку– и действием, момент совершения которого обуславливает переход права собственности.

Обусловленность перехода права собственности передачей вещи также нельзя принять в качестве аргумента в пользу признания передачи сделкой (договором) ввиду того, что переход права собственности обусловлен моментом совершения передачи вещи, а не самим фактом передачи (не одно и то же). Если в качестве момента перехода права собственности будет избрано другое действие (оплата товара; исполнение иного обязательства по договору и т.д.) или событие? В этом случае передача перестаёт обуславливать переход права собственности и теряет своё значение.

Придание передаче значения добровольного акта также вызывает сомнение. Почему это действие названо актом? Ведь акт направлен, в первую очередь, на получение юридического результата. Тогда каким юридическим фактом можно обозначить передачу вещи?

Так как передача вещи в обязательстве является способом исполнения этого обязательства, то и вопрос можно несколько расширить: является ли исполнение обяза-

тельства юридическим фактом? Если да, то каким? Учитывая, что исполнением обязательства прекращается обязательственное правоотношение, трудно спорить с тем, что исполнение обязательства является юридическим фактом. Остаётся определить, каким именно юридическим фактом является исполнение обязательства.

Распространённой позицией является признание исполнения обязательства сделкой. Такую позицию разделяет Е.А. Суханов, который называет исполнение обязательства односторонней сделкой, которая является частью сложного юридического состава, влекущего прекращение обязательства. При этом учёный отделяет исполнение в реальных сделках и консенсуальных сделках, в которых исполнение сделки совпадает во времени с её заключением, от остальных консенсуальных сделок. Во втором случае исполнение – односторонняя сделка, в первом – носит фактический характер. При этом автор говорит о невозможности признания исполнения обязательства договором, так как в противном случае на него пришлось бы распространить все общие нормы о сделках и договорах [16, с. 67-68]. Последний аргумент не имеет связи с сутью такого явления как исполнение обязательства, он связан лишь с тем, что автор не желает распространять положения о сделках и договорах на исполнение обязательства (а это пришлось бы сделать, если признавать исполнение сделкой). Волеизъявлением сторон, направленным на прекращение обязательства, объясняет сделочную природу действий по исполнению обязательства Сарбаш С.В. [17, с. 81]. К аналогичному выводу приходит Тарасенко Ю.А., называя действия, направленные на освобождение сторон от лежащих на них обязанностей, правопрекращающей сделкой. Аргументирует свою позицию автор по методу «от противного», что, если исполнение не является сделкой, то оно, возникнув на основании сделки, прекращается само по себе. Здесь автор видит логическую ошибку и прямо говорит о волевом характере сделки, направленной на прекращение обязанности должника [18, с. 403]. Позиция автора вызывает следующий вопрос: а в чём логическая ошибка? С мыслью автора о том, что обязательство может прекратиться только на основании сделки как волеизъявления субъектов, трудно согласиться ввиду того, что любой юридический факт может быть основанием прекращения обязательства, а не только сделка, даже если обязательство возникло из договора, то есть в его основе лежит волеизъявление сторон. Например, таким основанием может стать событие, а именно: наступившее после возникновения обязательства обстоятельство, которое лежит вне зоны ответственности какой-либо стороны (п. 1 ст. 416 ГК РФ). Более того, представляется верным предположение, согласно которому воля лица при исполнении обязательства никакого значения не имеет. Свою волю должник уже изъявил, вступая в договорные отношения. Далее он лишь совершает действия, направленные на реализацию своего же волеизъявления.

Также представляется трудным согласиться с позициями, обозначающими исполнение обязательства как особый юридический факт или фактическое действие. В этих случаях следовало бы признать не отражающей действительность систему юридических фактов, ввиду её неспособности вместить в себя весь спектр жизненных обстоятельств, на основании которых возникают изменяются и прекращаются общественные отношения.

Наиболее обоснованным видится признание исполнения обязательства в качестве юридического поступка, под которым в науке понимают «…такие действия, которые совершаются лицом не для приобретения, изменения или прекращения

гражданских прав и обязанностей, а для получения реального хозяйственного результата или иных последствий» [19, с. 260]. Данное определение видится удачно отражающим суть юридического поступка. Передача вещи не направлена на возникновение, изменение или прекращение правоотношения, она направлена на получение хозяйственного эффекта (получение владения вещью), а юридическое последствие в виде прекращения обязательного правоотношения может наступить, являясь следствием достижения сторонами хозяйственного результата.

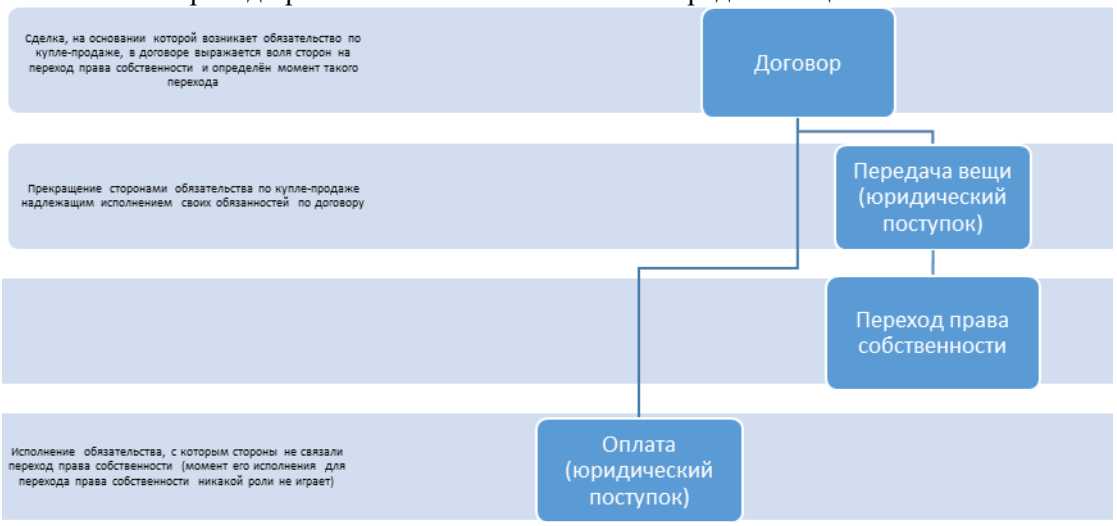
Неверным представляется указание на добровольность этого действия (передачи вещи). Стороны заключили договор. На этапе его заключения они добровольно выразили волю на возникновение обязательственного правоотношения, которым взяли на себя обязательства. Когда они приняли на себя обязательства, то их исполнение уже не может являться добровольным актом, стороны обязаны исполнить взятые на себя обязательства. Нельзя же говорить, что субъекты добровольно соблюдают законы несмотря даже на то, что воля лиц может совпадать с предписанием закона, однако несовпадение первого со вторым означает лишь то, что воля обязана подчиниться предписанию закона. В обязательстве тот же принцип, только происхождение нормы поведения, обязывающей стороны к каким-либо действиям изначально обусловлен волей сторон. Это следует из принципа свободы в установлении лицами гражданских прав и обязанностей на основе договора (п. 2 ст. 1 ГК РФ). После того, как стороны, изъявили волю, заключив договор, которым наложили на себя определённые обязанности, они уже не могут не исполнить его. Иначе действия таких лиц нельзя назвать добросовестными по смыслу п. 3 ст. 1 ГК, так как такими действиями стороны нарушают взятые на себя договорные обязательства, а, как известно, договоры должны соблюдаться («Pacta sunt servanda»).

По российскому праву договор купли-продажи является основанием возникновения обязательственного правоотношения и одновременно с этим в нём выражается воля продавца передать право собственности покупателю и воля покупателя на получение права собственности на вещь, но по общему правилу переход права собственности не носит автоматического характера, то есть не происходит в момент заключения договора, а отсрочивается до совершения продавцом юридического поступка – исполнения им своей обязанности по передаче вещи. В этом действии не содержится волеизъявления на переход права собственности. Здесь воля обоих субъектов направлена на достижение хозяйственного результата (передача вещи), а переход права собственности является следствием действия соответствующей нормы закона (которой устанавливается сама возможность передавать право собственности и соответствующие способы такой передачи), сделки (фиксируется совпадение воль субъектов на переход права собственности) и юридического поступка (определяется момент перехода права собственности, но не сам факт перехода).

Верховный суд в Определении от 02.11.2016 № 306-ЭС16-4741 по делу № А65-19616/2015 назвал передачу вещи «действием по фактической передаче в собственность другого лица имущества» и указал на следующее: «Заключение сделок в отношении арестованного имущества не запрещено, поскольку без акта передачи такое действие не относится к юридически значимым действиям по распоряжению имуществом. Исходя из этого заключение договора об отступном в отношении имущества, на которое наложен арест, является правомерным. Нелегитимными могут быть признаны только действия по фактической передаче в собственность дру-

гого лица имущества, распоряжаться которым по причине ареста запрещено. Поскольку в спорном случае был только заключен договор об отступном, а фактическая передача арестованного недвижимого имущества не состоялась, ошибочны выводы судов о том, что оспариваемая сделка (договор об отступном) является ничтожной по смыслу ст. 168 ГК РФ как совершенная в отношении имущества, распоряжение которым запрещено» [20]. Представляется, что категория действий по фактической передаче в собственность имущества совпадает по своей сути с приведённым выше определением юридического поступка. Суд не запретил стороне изъявлять волю в отношении арестованного имущества, но запретил осуществлять фактическую передачу, которая, по сути, становится завершающим элементом юридического состава, на основании которого переходит право собственности. Отсюда видно, что изъявления воли на перенесение права собственности недостаточно для того, чтобы такое перенесение состоялось, а требуется наличие юридического состава: сделки и поступка. Схематично такой переход выглядит следующим образом.

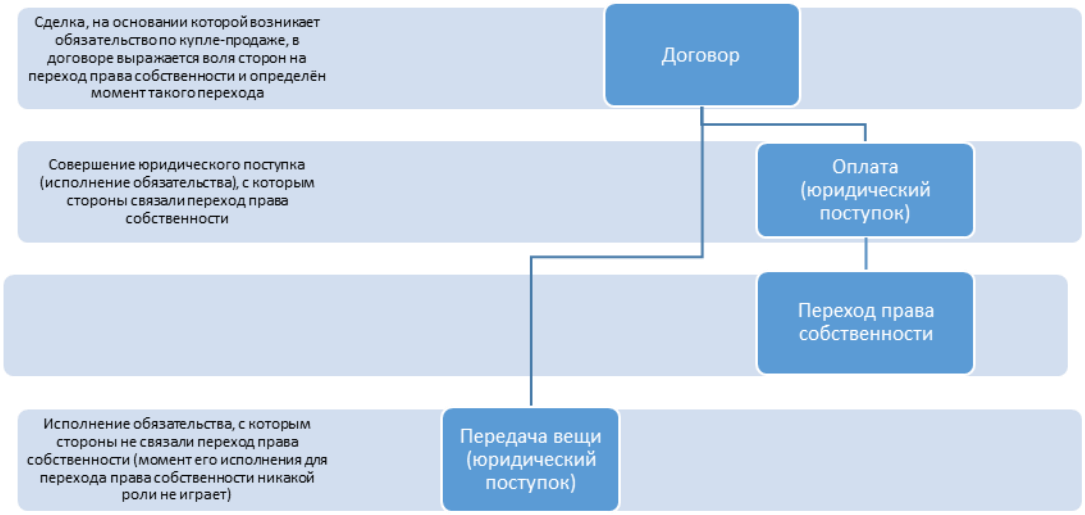
Схема 1. Переход права собственности в момент передачи вещи.



При этом для перехода права собственности в рассматриваемом случае не важен факт исполнения обязанности покупателя по оплате, то есть прекращения обязательственного правоотношения полностью.

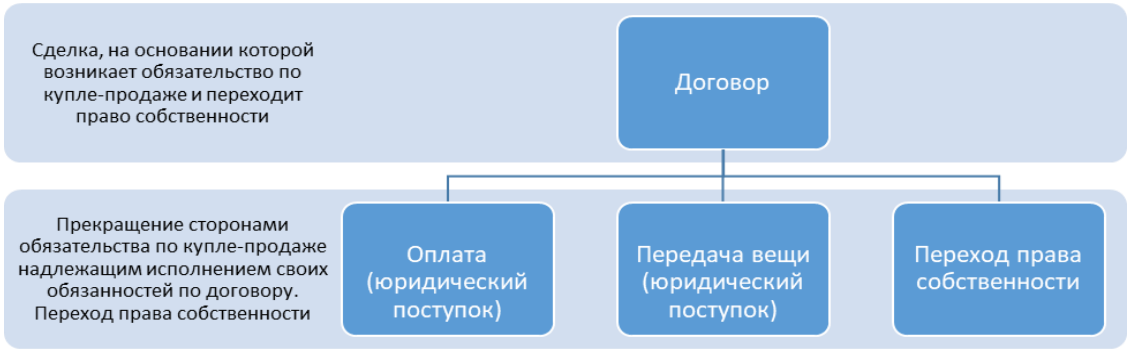
Аналогичная ситуация складывается, если момент перехода права собственности связан с оплатой товара или иным действием, направленным на исполнение договорного обязательства. В данном случае схема будет аналогичной предыдущей, только на место передачи вещи будет поставлен другой юридический поступок, например, оплата товара покупателем.

Схема 2. Переход права собственности в момент оплаты товара.



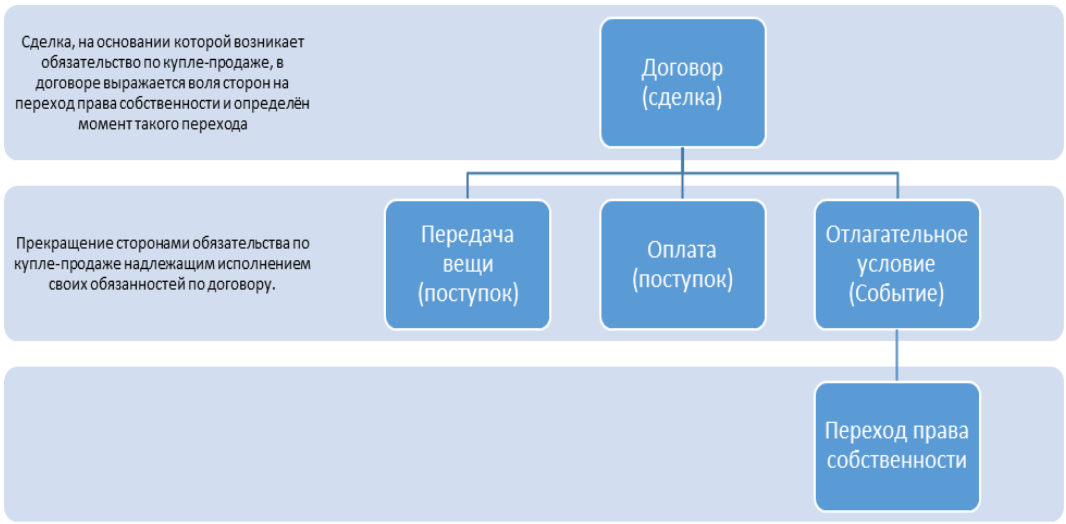
Ситуация, когда переход права собственности осуществляется в момент заключения договора будет принципиально отличаться от первых двух вариантов, в которых изменению подлежал тот юридический поступок, с которым связывался момент перехода права собственности. В данном случае не требуется наличия юридического состава, так как для перехода права собственности от продавца к покупателю достаточно выражения воли сторон посредством заключения договора, что делает такую схему наиболее простой.

Схема 3. Переход права собственности в момент заключения договора.



Ещё один возможный вариант определения момента перехода права собственности связан с наступлением отлагательного условия. В этом случае в юридическом составе, необходимом для перехода права собственности, волеизъявление сторон также будет выражено в договоре (сделке), в котором стороны определят момент перехода права собственности моментом наступления отлагательного условия, то есть события в системе юридических фактов.

Схема 3. Переход права собственности в момент заключения договора.



Представляется верным предположить, что отделение момента перехода права собственности от момента волеизъявления собственника есть юридическая фикция. Как можно обосновать данное предположение?

Продавец, заключивший договор купли-продажи, которым изъявил волю на переход права собственности к покупателю, не может в полной мере пользоваться всеми правомочиями собственника. Да, он формально остаётся собственником, реально держит вещь у себя, но её также держит у себя и хранитель по договору хранения, и арендатор по договору аренды. Распоряжаться вещью продавец, заключивший договор о продаже этой вещи, уже не может с тем, чтобы остаться добросовестным участником оборота. А если он нарушит обязательство и продаст вещь третьему лицу, то будет считаться нарушившим обязательство недобросовестным субъектом, что может повлечь привлечение его к гражданско-правовой ответственности (например, взыскание убытков, если односторонний отказ от исполнения обязательства стал причиной возникновения убытков на стороне покупателя или взыскание неустойки, предусмотренной в договоре за неисполнение обязательства). К сожалению, покупатель, заключивший договор, но по вине недобросовестного продавца не ставший собственником вещи, не имеет тех средств защиты, которые он имел бы, став собственником при заключении договора (как в системе соглашения). Речь идёт о виндикационном иске. Продавец, оставаясь добросовестным участником гражданского оборота, не может распорядиться вещью, являющейся предметом сделки. А что есть право собственности без правомочия распоряжения?

Продавец, оставаясь формально собственником вещи, обязан нести бремя по содержанию собственности до момента передачи вещи (такое бремя может выразиться, например, в обязанности уплаты налога на это имущество), а это уже создаёт неудобство продавцу, который хотел бы освободиться от такого бремени. Аналогичная проблема с риском случайной гибели имущества, что лежит по общему правилу на собственнике.

Связывание момента перехода права собственности с юридическим поступком (исполнение какого-либо договорного обязательства) создаёт иллюзию наличия у собственника права распоряжаться вещью, в консенсуальной системе такой иллюзии нет места. Когда право собственности переходит к приобретателю после

наступления отлагательного условия, происходит отделение момента перехода права собственности от момента заключения договора, как и в случаях с юридическими поступками, но существенным отличием является отсутствие воли субъектов, направленной на наступление этого момента.

Таким образом, консенсуальная система, не отделяющая момент переноса права собственности от момента изъявления воли сторонами на такой перенос в договоре, представляется более справедливой и отвечающей критериям стабильности и устойчивости гражданского оборота. Однако ввиду того, что общим правилом перенос права собственности по договору отделён от момента заключения договора, а система соглашения может быть применена в случае, если стороны прямо это предусмотрят в договоре, можно сделать следующие выводы. В основе перехода права собственности на основании договора купли-продажи (поставки) в рассмотренных в работе случаях лежит волеизъявление сторон, выраженное в самом договоре. В нём стороны могут предусмотреть момент перехода права собственности. Наиболее простым вариантом служит система соглашения, когда право собственности переходит в момент заключения договора. Значение общего правила такая система в российском гражданском законодательстве не получила, однако стороны вправе предусмотреть это правило в договоре. Во всех остальных случаях переход права собственности осуществляется на основании юридического состава, в который входит сделка и иной юридический факт – юридический поступок (передача вещи, оплата товара) и событие (отлагательное условие).

Список литературы:

1. Гражданское право: учебник: в 2 т./ под ред. Б.М. Гонгало. – 4-е изд., перераб. И доп. – Москва: Статут, 2021. Т. 2. – 602 с.
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. Ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. И доп. – Москва: Статут, 2020. Т.III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование. – 480 с.
3. Трепицын И.Н. Переход права собственности на движимые имущества посредством передачи и соглашения. Одесса. 1903.
4. Белов В.А. Договор коммерческой (торговой) купли-продажи // Коммерческое право: научно-практический журнал. Москва. 2016. № 1.
5. Лёвушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: учебник. – Москва: Проспект, 2021. – 400 с.
6. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право: учебник. – Москва: Юр. издат. Минюста СССР. 1948. 583 с.
7. Будилов В.М. Приобретение права собственности по договору в концепции вещного права Германии: к дискуссии о развитии российского вещного права [Текст] / В. М. Будилов. - Москва: Статут, 2015. – 559 с.
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. Москва: «Статут», 2003. – 831 с. (Классика российской цивилистики.).
9. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. С.А. Степанова. – 2-е изд., перераб. И доп. – Москва: проспект, 2019. Т. 1. – 704 с.
10. Белов В.А. Гражданское право. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавров/ В.А. Белов. – Москва: Издательство Юрайт, 2013. – 1189 с. – Серия: Бакалавр. Углубленный курс.
11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. В 2 т. Том 2. Особенная часть / Г.Ф. Шершеневич. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 450 с. – (Серия: Антология мысли).
12. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – Москва: Статут, 2007. – 602 с. – (Библиотека «Цивилистические исследования»).
13. Васильев Г.С. Переход права собственности на движимые вещи по договору. Автореферат дисс. к.ю.н. Санкт-Петербург. 2006.
14. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк /Е.А. Суханов. – 2-е изд., стер. – Москва: Статут, 2021. – 560 с.
15. Скловский К.И. Сделка и ее действие. – Москва: Статут, 2012. – 78 с.
16. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. Ред. Е.А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – Москва: Статут, 2016. – 1208 с.

17. Сарбаш С.В. исполнение договорного обязательства. Москва, 2005.
18. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 1 / под общ. Ред. В.А. Белова. – 2-е изд., стер. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. – 484 с. – Серия: Авторский учебник.
19. Филиппова С.Ю. Юридические факты в гражданском праве: [в 3 ч.] / С.Ю. Филиппова. – Москва: Статут, 2020. Часть I. Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. – 368 с.
20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.11.2016 № 306-ЭС16-4741 по делу № А65-19616/2015 // СПС КонсультантПлюс.

Golikov R. Vital'evich. Transfer of ownership under the contract of sale of movable property under Russian civil law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 210-220.

The problem of the transfer of ownership by contract has its origins in Roman law, from which the main theories concerning the grounds and the moment of the transfer of ownership have emerged. These are theories defending the traditio system and the agreement system. In this article, the transfer of ownership is considered in the context of the current legislation, attention is paid to the grounds for the transfer of ownership and possible schemes of such a transition. This problem requires a scientifically based, systematic approach, which determines the relevance of research in this area.

The purpose of the work was to consider the transfer of ownership of movable property under the contract of sale in order to apply the conclusions obtained when considering the relations of transit delivery.

The theoretical and methodological basis of the work was the works of legal scholars in the field of civil and business law, in which the institute in question is mentioned. The main methods used in this article are formal-legal and comparative-legal.

According to the results of the study, the legal facts on the basis of which the transfer of ownership is carried out are determined, the schemes on the basis of which such a transition can be carried out are given.

Key words: Transfer of ownership, grounds for transfer of ownership, the moment of transfer of ownership, the system of agreement, tradition, the consensual system.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t./ pod red. B.M. Gongalo. – 4-e izd., pererab. I dop. – Moskva: Statut, 2021. T. 2. – 602 s.
2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / otv. Red. E.A. Suhanov. – 2-e izd., pererab. I dop. – Moskva: Statut, 2020. T.III: Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvah i dogovorah. Dogovornye obyazatel'stva po peredache veshchej v sobstvennost' ili v pol'zovanie. – 480 s.
3. Trepicyn I.N. Perekhod prava sobstvennosti na dvizhimye imushchestva posredstvom peredachi i soglasheniya. Odessa. 1903.
4. Belov V.A. Dogovor kommercheskoj (torgovoj) kupli-prodazhi // Kommercheskoe pravo: nauchno-prakticheskij zhurnal. Moskva. 2016. № 1.
5. Lyovushkin A.N. Dogovory v predprinimatel'skoj deyatel'nosti: uchebnik. – Moskva: Prospekt, 2021. – 400 s.
6. Novickij I.B., Pereterskij I.S. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik. – Moskva: YUr. izdat. Minyusta SSSR. 1948. 583 s.
7. Budilov V.M. Priobretenie prava sobstvennosti po dogovoru v koncepcii veshchnogo prava Germanii: k diskussii o razvitii rossijskogo veshchnogo prava [Tekst] / V. M. Budilov. - Moskva: Statut, 2015. – 559 s.
8. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2 ch.). Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd., 1902. Izd. 3-e, ispr. Moskva: «Statut», 2003. – 831 s. (Klassika rossijskoj civilistiki.).
9. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. / pod red. S.A. Stepanova. – 2-e izd., pererab. I dop. – Moskva: prospekt, 2019. T. 1. – 704 s.
10. Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. T. III. Osobennaya chast'. Absolyutnye grazhdansko-pravovye formy: uchebnik dlya bakalavrov/ V.A. Belov. – Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2013. – 1189 s. – Seriya: Bakalavr. Uglublennyj kurs.
11. SHershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. V 2 t. Tom 2. Osobennaya chast' / G.F. SHershenevich. – Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. – 450 s. – (Seriya: Antologiya mysli).
12. Tuzov D.O. Teoriya nedejstvitel'nosti sdelok: opyt rossijskogo prava v kontekste evropejskoj pravovoj tradicii. – Moskva: Statut, 2007. – 602 s. – (Biblioteka «Civilisticheskie issledovaniya»).
13. Vasil'ev G.S. Perekhod prava sobstvennosti na dvizhimye veshchi po dogovoru. Avtoreferat diss. k.yu.n. Sankt-Peterburg. 2006.
14. Suhanov E.A. Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyj ocherk /E.A. Suhanov. – 2-e izd., ster. – Moskva: Statut, 2021. – 560 s.
15. Sklovskij K.I. Sdelka i ee dejstvie. – Moskva: Statut, 2012. – 78 s.
16. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T. II: Obyazatel'stvennoe pravo / Otv. Red. E.A. Suhanov. – 4-e izd., stereotip. – Moskva: Statut, 2016. – 1208 s.
17. Sarbash S.V. ispolnenie dogovornogo obyazatel'stva. Moskva, 2005.
18. Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: v 2 t. T. 1 / pod obshch. Red. V.A. Belova. – 2-e izd., ster. – Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2016. – 484 s. – Seriya: Avtorskij uchebnik.
19. Filippova S.YU. YUridicheskie fakty v grazhdanskom prave: [v 3 ch.] / S.YU. Filippova. – Moskva: Statut, 2020. CHast' I. Pravomernye yuridicheskie dejstviya: grazhdansko-pravovye problemy kvalifikacii. – 368 s.
20. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 02.11.2016 № 306-ES16-4741 po delu № A65-19616/2015 // SPS Konsul'tantPlyus.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 221-230.

УДК 347

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Жалова И. Н., Хутько Т. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье проводится анализ социальных мероприятий правового характера, направленных на поддержку и укрепление семей, вопросов их защиты в условиях обострившегося кризиса, вызванного пандемией коронавируса (COVID-19). Выявлены основные тенденции развития данного вектора в рамках государственной семейной политики, дана правовая оценка.

В частности, авторами рассмотрены предложенные Президентом РФ и поддержанные на уровне Правительства страны государственные меры социальной поддержки в области семейной политики в период начавшейся новой коронавирусной инфекции с 2020 г. по настоящее время. Авторами обозначены предложения, направленные на повышение адресности в отношении малообеспеченных семей, а значит эффективности в реализации мер по социальной поддержке. Высказана позиция о необходимости создания официального координационного и единого ведущего государственного органа для комплексной оценки нуждаемости семей, максимального упрощения пользовательского доступа к использованию законов в области социальной поддержки семей, повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми, а также социальное сопровождение льгот, пособий и выплат от государства до социально уязвимых категорий граждан, то есть создание доступного механизма «социального лифта».

Создание слаженного механизма включения различных групп населения в электронную государственную систему и строгий контроль за этим процессом позволит большему количеству малоимущих семей своевременно получить материальную помощь. Упростить процесс получения социальной помощи семьям призван проект «Социальное казначейство», основной задачей которого является создание максимально удобных условий для получения мер социальной поддержки гражданам без истребования у них документов, если гражданин не имеет такой возможности с течением определенных жизненных обстоятельств. Такая мера позволит повысить адресность и эффективность поддержки от государства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Результаты проведенного комплексного анализа и обозначенные предложения по усовершенствованию реализации законов в области государственной семейной политики могут представить интерес при дальнейшем реформировании законодательства РФ по вопросам поддержки, укрепления и защиты семей.

Ключевые слова: семейная политика, социальная поддержка, социальный контракт, защита семьи, адресность мер, денежные государственные выплаты, пандемия, поправки в Конституцию Российской Федерации.

Поддержка, укрепление и защита семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение качества жизни семей являются приоритетами современной государственной семейной политики, определяющими социально-политический курс Российской Федерации. Одним из основополагающих программных документов в данной области является Концепция государственной семейной политики на период до 2025 г. [1]. Конституция Российской Федерации гарантирует неотчуждаемые и основные права и свободы человека от рождения (п. 2 ст. 17 Конституции РФ), а также устанавливает, что государство защищает семью, материнство и детство (ст. 38 Конституции РФ) [2].

Государственная семейная политика в современный период – это проведение социальных мероприятий правового характера, направленных на поддержку, укрепление и защиту семей, так же и в кризис, вызванный пандемией коронавируса (COVID-19).

Правительством были разработаны следующие государственные меры в области семейной политики, в частности, финансовая поддержка семей с детьми: материнский капитал, установление новых выплат, ипотека и кредитование, увеличение минимального размера пособия по уходу за ребенком, упрощение порядка подсчета и получения дохода безработным гражданам с детьми. Некоторые из них были временными для поддержания семей в период самоизоляции в 2020 году, а некоторые были продлены по срокам действия и реализации на 2021 и 2022 годы.

Рассмотрим следующие виды государственной поддержки за последние три года (2020-2022 гг.).

1. Выплаты женщинам, ставшим на учет на ранних сроках беременности. До рождения ребенка они каждый месяц должны получать 6,3 тыс. руб. (50% прожиточного минимума по региону) [3].

2. Выплаты детям от 8 до 17 лет, которые растут в неполных малообеспеченных семьях. Получает такую выплату один из родителей, воспитывающий ребенка в одиночку - 5,5 тыс. рублей в месяц (50% прожиточного минимума по региону) [3].

3. Материнский (семейный) капитал, как установленная законом мера государственной поддержки семей, в которых: в период с 1 января 2007 года по 31 декабря 2026 года родился или был усыновлен второй (третий и последующий) ребенок; с 1 января 2020 года родился (был усыновлен) первый ребенок. Стоит указать, что материнский капитал с 2020 года при рождении первенца стал составлять 483 881 рублей 83 коп., при рождении второго ребенка увеличился на 155 550 рублей. Если родился второй ребенок, и ранее право на материнский капитал не возникло, то семья получает выплату в размере 639 431 руб. 83 коп. Программа материнского капитала продлена до 31 декабря 2026 г. [4]. При этом ежемесячные выплаты на первого или второго ребенка семьи получали, не подавая заявлений и подтверждающих документов для продления права на такое пособие. В период с 1 апреля 2020 г. по 1 марта 2021 г. право на пособие продлили автоматически, без нового заявления [5].

4. Проводится ежегодно индексация единовременного пособия при рождении ребенка. До 31 января 2021 года размер такого пособия составлял 18 004,12 руб., а с 1 февраля 2021 г. сумма пособия равна 18 886,32 руб. [6]. С 1 февраля 2022 г. коэффициент индексации составил 1,084 для выплат, пособий и компенсаций действующий на ряд законов, предусмотренных постановлением Правительства [7]. Пособие оформляется по месту работы одного из родителей, в случае, если оба родителя не трудоустроены – в органах социальной защиты. Если родитель получает пособие по безработице – пособие по уходу за ребенком не назначается.

5. Семьям, в которых воспитывается трое и более детей, дополнительно в 2021 г. было выделено 1,44 млрд. руб. из государственного бюджета страны по регионам Российской Федерации [8].

6. Выплата на детей до 3 лет на период пандемии, которую можно было оформить до 30 сентября 2020 года включительно [9;10]. Семьи, дети у которых родились или были усыновлены в период с 01 апреля 2017 по 30 июня 2020 г., имели право на ежемесячную выплату в размере 5000 руб. за апрель, май и июнь на каждо-

го ребенка. Заявление мог подать один из родителей/усыновителей. Так же, семья могла получить такие трёхмесячные выплаты, даже при наличии двух и более детей, родившихся с 2007 г. При этом выплату получили и те семьи, которые использовали уже материнский (семейный) капитал. Главное, чтобы право на него возникло до 1 июля 2020 г. [11; 12].

7. Ежемесячная выплата на детей в возрасте от 3 до 7 лет. Следует уточнить, что такая выплата полагалась тем семьям, у которых средний доход одного из родителей не превышал прожиточного минимума (установлен в каждом отдельном регионе свой денежный уровень) [13]. Предоставлялась возможность получить половину от прожиточного минимума на ребенка. Правилами, утвержденными Правительством РФ, рассчитывался средний доход одного родителя, что продолжает свою работу и в 2022 г. В правилах содержится требования к доходам и расчетному периоду. Пособие назначается в размере 50, 75 и 100 % от регионального прожиточного минимума. Если детей в семье несколько, то выплата назначается на каждого. Первые выплаты семьи получили уже в июне месяце 2020 г., это был жизненно важный вопрос в острый период пандемии, который был оперативно сработан государством. Даже если родители стояли на учете в центре занятости на тот момент, а потом трудоустраивались, то до конца 2020 г. их зарплата не бралась во внимание для таких выплат [14].

8. Пособия по безработице для лиц с детьми были увеличены в 2020 г. с 8 000 до 12 130 руб. в месяц. Такие выплаты касались и индивидуальных предпринимателей, которые прекратили свою деятельность из-за пандемии, то есть после 1 марта 2020 года и были признанными безработными. Эта сумма назначалась на срок не более 3 месяцев. Для того, чтобы получить такое пособие необходимо было встать на учет. Была создана возможность осуществить постановку на учет дистанционно [15].

9. Были назначены дополнительные выплаты пособий в размере 3000 руб. на детей до 18 лет безработных родителей и завершено 1 октября 2020 г. Такая доплата назначалась одному из родителей, она увеличивала пособие по безработице [16].

Государственная социальная поддержка в рассмотренный нами период была рассчитана на широкий круг семей, поскольку расширен законами список лиц ее получателей.

Выступая с Посланием Федеральному Собранию Президент РФ поручил поддержать отдельную категорию граждан, находящихся на больничном по уходу за ребенком до 8 лет. Так, с 1 сентября 2021 г. размер пособия не зависит от стажа и составляет 100% среднего заработка. На эти цели Правительство направило Фонду социального страхования (ФСС) более 930 млн. рублей [17]. Данное решение не затрагивает работодателей, больничные оплачиваются напрямую из ФСС. Также не нужно родителям оформлять документы на данную социальную процедуру, все расчеты фонд проводит на основании больничного листа. Данная нововведенная мера направлена на поддержку молодых родителей, так как размер пособия по уходу за ребенком зависит от продолжительности стажа: менее 5 лет – 60% среднего заработка, от 5 до 8 лет – 80%, а от 8 лет – 100%, и не все молодые родители имеют такой стаж работы.

С 1 июня 2020 г. начались выплаты пособий на детей в возрасте от 3 до 7 лет Министерством труда и социальной защиты РФ совместно с субъектами федерации. Гражданам необходимо было только подать электронное заявление на портале гос-

ударственных услуг РФ, все остальные документы были собраны органами социальной защиты. Такая выплата устанавливалась на год. Размер данного пособия составлял 50% от регионального прожиточного минимума на ребенка. В среднем по стране это – 5500 руб. Впервые социальная поддержка была обеспечена информационно-техническими и нормативными мероприятиями на федеральном уровне. Благодаря этому был сформирован единый и максимально упрощенный подход к оформлению выплат независимо от того, в каком регионе проживала семья. Правительство РФ продолжало и в 2021 г. оказывать данную поддержку малообеспеченным семьям. Дополнительно было направлено 21,5 млрд. рублей в регионы России на ежемесячные выплаты, согласно распоряжению Правительства РФ [18].

Единовременная выплата на детей с 3 до 16 лет. Согласно Указу Президента РФ [10, 12] семьи с детьми в возрасте от 3 до 16 лет имели право до 30 сентября 2020 г. получить единовременную выплату в размере 10 000 руб. на каждого ребенка. Заявление должно было быть подано не ранее одного месяца, в котором ребенок достиг возраста 3 лет и не позднее 30 сентября 2020 г.

Также дополнительная социальная помощь ожидала и семьи с детьми до 16 лет на основании заявлений**,** согласно Указу Президента РФ [19]. С июля 2020 г. на детей, рожденных с 11 мая 2004 по 30 июня 2020 г., назначалась новая единовременная выплата – 10 000 рублей. Эта сумма выплачивалась дополнительно к ранее назначенным выплатам на детей до 3 лет и с 3 до 16 лет, поэтому со 2 августа 2021 г. родители школьников также получили предусмотренную указом Президента РФ единовременную дополнительную выплату в 10 000 руб. [20].

Президентом РФ была внесена инициатива и принята Правительством РФ полной или частичной помощи от государства в погашении ипотеки семьям, где третий ребёнок и последующие дети родились после 1 января 2019 г. Сумма такой выплаты – до 450 тыс. руб. [21].

Правительством РФ по поручению Президента РФ до 2024 г. продлевается действие программы «Семейная ипотека». До 31 декабря 2023 г., согласно программе, можно получить кредит по льготной ставке 6% годовых на покупку жилья или строительство частного дома [22]. Главное и обязательное условие для семей РФ, дающее право получить социальные государственные выплаты – ребенок должен быть рожден на территории РФ и иметь российское гражданство.

Как мы видим, введение государством мер социальной поддержки семей с детьми требует адресных мероприятий, с изначальной целью – в борьбе с распространением короновирусной инфекции, а затем в удобстве оформления и получения социальных новых положенных выплат в субъектах Российской Федерации. Исследования нам показывают значимость таких выплат для отдельных категорий семей с детьми, которые явно нуждаются в помощи государства. Поэтому так важна четко отработанная адресная поддержка на каждого ребенка со стороны государства.

Напомним, что размер части социальных выплат зависит от величины прожиточного минимума семьи. В бюджете на 2021 г. на минимальный размер оплаты труда было предусмотрено 93,8 млрд. рублей, что составляло 12 792 руб. на душу населения. С 1 января 2022 г. прожиточный минимум для работающих граждан составил 13 890 руб. [23], то есть по сравнению с прошлым годом увеличен на 1 098 руб. или на 8,6%, что более нормализует социальную жизнь, восстановление занятости и рост экономики в целом.

В Государственной Думе РФ объяснили важность повышения прожиточного минимума для семей с детьми. Депутаты отметили, что размер части социальных выплат зависит от величины прожиточного минимума, поэтому его повышение на 8,6% приведет к заметному росту пособий для миллионов россиян и, конечно же, будет способствовать восстановительному росту доходов малообеспеченных семей.

Авторами обозначены предложения, направленные на повышение адресности в отношении малообеспеченных семей, а значит эффективности в реализации мер по социальной поддержке.

Так, на основе проведенного выше анализа действующего законодательства в области социальной поддержки семей, мы видим огромное количество нормативно-правовых актов и действий властей в данной сфере. По данным Минтруда России меры социальной поддержки составляют 387 видов, а с учетом региональных особенностей это приблизительно 30 тысяч вариантов реализаций [24]. Усложняет процесс реализаций мер социальной поддержки и подход к определению нуждающихся семей и тот факт, что назначение социальных выплат требует проверки уровня доходов граждан и выплачивается по определенным правилам [12].

Считаем необходимым создание официального координационного и единого ведущего государственного органа для комплексной оценки нуждаемости семей, а также максимального упрощения пользовательского доступа к использованию законов в области социальной поддержки семей, повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми.

Разделяем позицию председателя Совета Федерации РФ В. Матвиенко, которая внесла предложение о переименовании Министерства труда и социальной защиты РФ в Министерство труда, социальной защиты и семейной политики. Данная реорганизация создаст возможности для качественной реализации законов в статусе единого органа, осуществляющего координационную и контрольную функции и отвечать за комплексное администрирование вопросов семейной политики, поскольку будет наделено большими полномочиями в области государственной политики в сфере защиты семей.

Необходим слаженный механизм включения различных групп населения в электронную государственную систему и строгий контроль за этим процессом, что позволит большему количеству малоимущих семей получить материальную помощь уже сегодня, согласно новым законам, или выявить семьи так и не получивших обсуждаемую государственную поддержку.

Так, например, действует программа социальной адаптации получателей государственной социальной помощи. Однако спектр ее действия может расширить социальный контракт – такая материальная помощь, предоставляемая малоимущим семьям, среднедушевой доход которых составляет ниже величины прожиточного минимума. Он рассчитывается на основе доходов всех членов семьи за три последних месяца. Благодаря социальному контракту, после заключения договора можно: пройти переобучение, открыть свое дело, развить личное подсобное хозяйство, устроиться на работу. Договор заключается между нуждающимися и местными властями и в этом нужна помощь специального уполномоченного государственного органа.

Так же, в России реализуются «прямые выплаты» по больничным листам, которые выплачиваются по пособию социального страхования гражданам, имеющих детей. Выплаты должны осуществляться из Фонда социального страхования сотруднику напрямую. Полагаем, что данный процесс должен контролироваться со стороны координационного органа, и тогда это позволит избежать задержек по перечислению выплат населению или совсем их неполучения.

Работает механизм социальной поддержки в беззаявительном порядке на основании реквизитов из банковских счетов в Единой государственной информационной системе социального обеспечения, что позволяет ускорить процесс перечисления выплат населению. Считаем, что во всех этих государственных процессах необходим единый контрольный ответственный государственный орган.

Считаем справедливым, что упростить процесс получения нуждающимися семьями положенной им по закону помощи призван проект «Социальное казначейство». Одной из его целей, согласно Общенациональному плану действий – обеспечить восстановление занятости и доходов населения [25]. Основная задача проекта заключается в том, чтобы создать максимально удобные условия для получения мер социальной поддержки гражданами без истребования у них документов, если гражданин не имеет такой возможности с течением определенных жизненных обстоятельств. Такая мера также должна повысить адресность и эффективность поддержки от государства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В соответствии с принципами названного проекта новые меры государственной поддержки, в том числе необходимость в проверке уровня доходов семей, ожидающих государственные выплаты, может реализовываться через подачу заявления на портал Государственных услуг, а большинство необходимых сведений для принятия решения о социальной выплате данной семье будут подгружаться автоматически из государственных информационных систем. Проект направлен тем самым на то, чтобы гражданин не искал самостоятельно информацию о возможных ему мерах социальной поддержки в дальнейшем, а получал ее от органа власти через единый портал Государственных услуг. Единственное требование от граждан – дать согласие на такое информирование.

Следовательно, рассмотренные в статье проблемы требуют слаженных механизмов социальной адаптации и путей их решения, что эффективным образом скажется на положительной динамике развития и реализации государственной семейной политики. В качестве основных предложений, выделенными авторами, являются: 1) модернизация и развитие системы социального обслуживания семей с детьми путем усиления адресности региональных программ государственной социальной помощи, что поспособствует реальному получению такой помощи и снижению социального неравенства; 2) создание единого координационного контрольного государственного органа, отвечающего потребностям современной уязвимой части общества, который будет осуществлять совершенствование процедур проверки нуждаемости граждан с детьми; внедрение современных социальных технологий оказания помощи; социальное сопровождение льгот, пособий и выплат от государства до социально уязвимых категорий граждан, то есть создание доступного механизма «социального лифта».

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 29.08.2014/
2. Конституция Российской Федерации, (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 22.03.2022.
3. Распоряжение Правительства РФ от 26.06.2021 № 1731-р «О выделении в 2021 году бюджетных ассигнований для предоставления межбюджетных трансфертов бюджету Пенсионного фонда Российской Федерации на осуществление выплаты ежемесячного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности, и на осуществление выплаты ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/rasporyazhenie-pravitelstva-rossiyskoy-federatsii-ot-26-06-2021-1731-r/?sphrase_id=7694
4. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изменениями на 30 декабря 2021 года) // «Российская газета», № 297, 31.12.2006.
5. Федеральный закон от 01.04.2020 № 104-ФЗ (ред. от 27.10.2020) «Об особенностях исчисления пособий по временной нетрудоспособности и осуществления ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка» // «Российская газета», № 72, 03. 04. 2020.
6. Постановление Правительства РФ от 28.01.2021 № 73 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2021 году» // Собрание законодательства РФ, 01.02. 2021, № 5, ст. 856.
7. Постановление Правительства РФ от 27.01.2022 № 57 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2022 году» // Собрание законодательства РФ, 31 01. 2022, № 5 ст. 789.
8. Распоряжение Правительства РФ от 24.07.2021 № 2051-р (ред. от 18.10.2021) «О выделении бюджетных ассигнований в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации по финансовому обеспечению осуществления ежемесячной денежной выплаты, назначаемой в случае рождения третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет, предусмотренной пунктом 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // Информационно-правовой портал https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401434512/#review
9. Указ Президента РФ от 07.04.2020 № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ, 13.04. 2020 г. № 15 (часть I) ст. 2243;
10. Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2020 № 317 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ, 18.05. 2020 г. № 20 ст. 3158.
11. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2020 г. № 474 «Об утверждении Правил осуществления ежемесячной выплаты семьям, имеющим право на материнский (семейный) капитал» // Официальный интернет-портал правовой информации http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004100037
12. Постановление Правительства РФ от 11 мая 2020 г. № 652 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2020 г. № 474» // Официальный интернет-портал правовой информации http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005120001
13. Указ Президента Российской Федерации от 20.03.2020 № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Официальный интернет-портал правовой информации http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003200014
14. Постановление Правительства РФ от 31.03.2020 № 384 (ред. от 17.02.2022) «Об утверждении основных требований к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, примерного перечня документов (сведений), необходимых для назначения указанной ежемесячной выплаты, и типовой формы заявления о ее назначении» // Собрание законодательства РФ, 13.04.2020 г. № 15 (часть II) ст. 2253.
15. Постановлению Правительства Российской Федерации от 27.03.2020 № 346 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год» // Собрание законодательства РФ, 13.07.2020, № 28, ст.4438.
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2018 г. № 1466 «Об утверждении перечня иных выплат за счет средств федерального бюджета для целей применения частей 5 и 5-1 статьи 30-5 Федерального закона «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ, 10.12.2018, № 50, ст.7777.
17. Распоряжение Правительства РФ от 10 июля 2021 г. № 1887-р «О выделении Минфину России в 2021 г. из резервного фонда Правительства РФ бюджетных ассигнований для предоставления межбюджетного трансферта бюджету Фонда социального страхования РФ на финансовое обеспечение

расходов на выплату пособия по временной нетрудоспособности при необходимости осуществления ухода за больным ребенком в возрасте до 8 лет в части, превышающей размер указанного пособия, определяемый в зависимости от продолжительности страхового стажа застрахованного лица» // Информационно-правовой портал https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401365542/
18. Распоряжение Правительства РФ от 23.08.2021 № 2297-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 19.06.2021 № 1666-р». [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/69838.html/
19. Указ Президента Российской Федерации от 23.06.2020 № 412 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» // Официальный интернет-портал правовой информации http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006230048
20. Постановление Правительства РФ от 30.07.2021 № 1277 «О внесении изменений в Правила осуществления выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 396 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ, 09.08.2021, № 32 ст. 6010.
21. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1077 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2019 г. № 1170» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/69838.html/
22. Постановление Правительства РФ от 23.08.2021 № 1392 «О внесении изменений в Правила возмещения российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/69838.html/
23. Федеральный закон от 06.12.2021 № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» // Официальный интернет-портал правовой информации http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112060038
24. Шувалова М. Предоставление мер социальной поддержки по-новому: проактивный формат, комплексная оценка нуждаемости, правило нулевого дохода [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: https://www.garant.ru/news/1523889/ (дата обращения 25.02.2022).
25. Скляр А.В. Социальное казначейство и совершенствование процессов предоставления мер социальной поддержки» // Аналитический вестник № 20 (780) «О создании и перспективах развития системы «социальное казначейство» в рамках реализации общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике». – Москва, 2021. – С.8-13. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: file:///C:/Users/user/Downloads/sjiUz6P07U8VldFvZUcmwdr6kuytLOVB.pdf (дата обращения 22.02.2022).

Zhalova I.N., Khutko T. V. Implementation of the state family policy in the Russian Federation at the present stage // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 221-230.

The article analyzes social measures of a legal nature aimed at supporting and strengthening families, issues of their protection in the conditions of the aggravated crisis caused by the coronavirus pandemic (COVID-19). The main trends in the development of this vector within the framework of state family policy are identified, a legal assessment is given.

In particular, the authors considered the state measures of social support proposed by the President of the Russian Federation and supported at the level of the Government of the country in the field of family policy during the onset of a new coronavirus infection from 2020 to the present.

The authors have outlined proposals aimed at increasing the targeting of low-income families, which means efficiency in the implementation of social support measures. The position is expressed on the need to create an official coordinating and unified leading state body for a comprehensive assessment of the need of families, maximum simplification of user access to the use of laws in the field of social support for families, increasing the targeting of social support for low-income families with children, as well as social support of benefits, allowances and payments from the state to socially vulnerable categories of citizens, that is, the creation of an accessible "social elevator" mechanism.

The creation of a well-coordinated mechanism for the inclusion of various groups of the population in the electronic state system and strict control over this process will allow more low-income families to receive financial assistance in a timely manner. The Social Treasury project is designed to simplify the process of obtaining social assistance for families, the main task of which is to create the most convenient conditions for obtaining social support measures for citizens without requesting documents from them, if a citizen does not have such an opportunity over certain life circumstances. Such a measure will increase the targeting and effectiveness of state support at the federal, regional and municipal levels.

The results of the comprehensive analysis and the outlined proposals for improving the implementation of laws in the field of state family policy may be of interest in the further reform of the legislation of the Russian Federation on the support, strengthening and protection of families.

Keywords: family policy, social support, social contract, family protection, targeting of measures, monetary state payments, pandemic, amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 № 1618-r «Ob utverzhdenii Koncepcii gosudarstven-noj semejnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru, 29.08.2014/
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii, (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj internet-portal pravo-voj informacii http://www.pravo.gov.ru, 22.03.2022.
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 26.06.2021 № 1731-r «O vydelenii v 2021 godu byudzhetnyh as-signovanij dlya predostavleniya mezhbyudzhetnyh transfertov byudzhetu Pensionnogo fonda Rossijskoj Federacii na osushchestvlenie vyplaty ezhemesyachnogo posobiya zhenshchinam, vstavshim na uchet v medicin-skoj organizacii v rannie sroki beremennosti, i na osushchestvlenie vyplaty ezhemesyachnogo posobiya na rebenka v vozraste ot 8 do 17 let» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/rasporyazhenie-pravitelstva-rossiyskoy-federatsii-ot-26-06-2021-1731-r/?sphrase_id=7694
4. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2006 g. № 256-FZ «O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj pod-derzhki semej, imeyushchih detej» (s izmeneniyami na 30 dekabrya 2021 goda) // «Rossijskaya gazeta», № 297, 31.12.2006.
5. Federal'nyj zakon ot 01.04.2020 № 104-FZ (red. ot 27.10.2020) «Ob osobennostyah ischisleniya poso-bij po vremennoj netrudosposobnosti i osushchestvleniya ezhemesyachnyh vyplat v svyazi s rozhdeniem (usy-novleniem) pervogo ili vtorogo rebenka» // «Rossijskaya gazeta», № 72, 03. 04. 2020.
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.01.2021 № 73 «Ob utverzhdenii koefficienta indeksacii vyplat, posobij i kompensacij v 2021 godu» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 01.02. 2021, № 5, st. 856.
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.01.2022 № 57 «Ob utverzhdenii koefficienta indeksacii vyplat, posobij i kompensacij v 2022 godu» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 31 01. 2022, № 5 st. 789.
8. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 24.07.2021 № 2051-r (red. ot 18.10.2021) «O vydelenii byudzhet-nyh assignovanij v celyah sofinansirovaniya raskhodnyh obyazatel'stv sub''ektov Rossijskoj Federacii po finansovomu obespecheniyu osushchestvleniya ezhemesyachnoj denezhnoj vyplaty, naznachaemoj v sluchae rozhdeniya tret'ego rebenka ili posleduyushchih detej do dostizheniya rebenkom vozrasta trekh let, predu-smotrennoj punktom 2 Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2012 g. № 606 «O merah po realizacii demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii» // Informacionno-pravovoj portal https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401434512/#review
9. Ukaz Prezidenta RF ot 07.04.2020 № 249 «O dopolnitel'nyh merah social'noj podderzhki semej, imeyushchih detej» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 13.04. 2020 g. № 15 (chast' I) st. 2243;
10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 11.05.2020 № 317 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Prezi-denta Rossijskoj Federacii ot 7 aprelya 2020 g. № 249 «O dopolnitel'nyh merah social'noj podderzh-ki semej, imeyushchih detej» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 18.05. 2020 g. № 20 st. 3158.
11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 9 aprelya 2020 g. № 474 «Ob utverzhdenii Pravil osushchestvle-niya ezhemesyachnoj vyplaty sem'yam, imeyushchim pravo na materinskij (semejnyj) kapital» // Oficial'-nyj internet-portal pravovoj informacii http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004100037
12. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 maya 2020 g. № 652 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 aprelya 2020 g. № 474» // Oficial'nyj internet-portal pra-vovoj informacii http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005120001
13. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 20.03.2020 № 199 «O dopolnitel'nyh merah gosudar-stvennoj podderzhki semej, imeyushchih detej» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003200014
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.03.2020 № 384 (red. ot 17.02.2022) «Ob utverzhdenii osnov-nyh trebovanij k poryadku naznacheniya i osushchestvleniya ezhemesyachnoj denezhnoj vyplaty na rebenka v vozraste ot 3 do 7 let vklyuchitel'no, primernogo perechnya dokumentov (svedenij), neobhodimyh dlya naznacheniya ukazannoj ezhemesyachnoj vyplaty, i tipovoj formy zayavleniya o ee naznachenii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 13.04.2020 g. № 15 (chast' II) st. 2253.
15. Postanovleniyu Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 27.03.2020 № 346 «O razmerah minimal'-noj i maksimal'noj velichin posobiya po bezrabotice na 2020 god» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 13.07.2020, № 28, st.4438.
16. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 01.12.2018 g. № 1466 «Ob utverzhdenii pe-rechnya inyh vyplat za schet sredstv federal'nogo byudzheta dlya celej primeneniya chastej 5 i 5-1 stat'i 30-5 Federal'nogo zakona «O nacional'noj platezhnoj sisteme» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 10.12.2018, № 50, st.7777.
17. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 10 iyulya 2021 g. № 1887-r «O vydelenii Minfinu Rossii v 2021 g. iz rezervnogo fonda Pravitel'stva RF byudzhetnyh assignovanij dlya predostavleniya mezhbyud-zhetnogo

transferta byudzhetu Fonda social'nogo strahovaniya RF na finansovoe obespechenie raskhodov na vyplatu posobiya po vremennoj netrudosposobnosti pri neobhodimosti osushchestvleniya uhoda za bol'nym rebenkom v vozraste do 8 let v chasti, prevyshayushchej razmer ukazannogo posobiya, opredelyae-myj v zavisimosti ot prodolzhitel'nosti strahovogo stazha zastrahovannogo lica» // Informacionno-pravovoj portal https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401365542/

18. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23.08.2021 № 2297-r «O vnesenii izmenenij v rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 19.06.2021 № 1666-r». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/69838.html/

19. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 23.06.2020 № 412 «O edinovremennoj vyplate sem'yam, imeyushchim detej» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006230048

20. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.07.2021 № 1277 «O vnesenii izmenenij v Pravila osu-shchestvleniya vyplaty, predusmotrennoj Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 396 «O edinovremennoj vyplate sem'yam, imeyushchim detej» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 09.08.2021, № 32 st. 6010.

21. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.06.2021 № 1077 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 7 sentyabrya 2019 g. № 1170» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/69838.html/

22. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.08.2021 № 1392 «O vnesenii izmenenij v Pravila vozme-shcheniya rossijskim kreditnym organizaciyam i akcionernomu obshchestvu «DOM.RF» nedopoluchennyh dohodov po vydannym (priobretennym) zhilishchnym (ipotechnym) kreditam (zajmam), predostavlennym grazhdanam Rossijskoj Federacii, imeyushchim detej» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/69838.html/

23. Federal'nyj zakon ot 06.12.2021 № 406-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 1 Federal'nogo zakona «O minimal'nom razmere oplaty truda» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112060038

24. SHuvalova M. Predostavlenie mer social'noj podderzhki po-novomu: proaktivnyj format, kom-pleksnaya ocenka nuzhdaemosti, pravilo nulevogo dohoda [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: https://www.garant.ru/news/1523889/ (data obrashcheniya 25.02.2022).

25. Sklyar A.V. Social'noe kaznachejstvo i sovershenstvovanie processov predostavleniya mer social'-noj podderzhki» // Analiticheskij vestnik № 20 (780) «O sozdanii i perspektivah razvitiya sistemy «social'noe kaznachejstvo» v ramkah realizacii obshchenacional'nogo plana dejstvij, obespechivayushchih vosstanovlenie zanyatosti i dohodov naseleniya, rost ekonomiki i dolgosrochnye strukturnye izmeneniya v ekonomike». – Moskva, 2021. – S.8-13. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: file:///C:/Users/user/Downloads/sjiUz6P07U8VldFvZUcmwdr6kuytLOVB.pdf (data obrashcheniya 22.02.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 231-240.

УДК 347.1

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ УЧЕНИЯ О НОРМАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Забелин Д. Н.
Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье излагаются результаты исследования проблемы правовых норм в правоприменительном аспекте. Признается, что правовая норма приобретает юридическую силу именно через нормативный правовой акт, которым она установлена и который был принят компетентным государственным органом. Но она не должна отождествляться с фрагментом нормативного текста. Для целей правоприменения необходимо выделение «элементарной правой нормы» по аналогии с «элементарным правоотношением», которое предложил выделять Н.Г. Александров. «Элементарную правовую норму» возможно выделить, идя от нормативного текста к правоотношениям, выделяя «элементарное правоотношение», а затем – и «элементарную правовую норму». Выделение «элементарной правовой нормы» открывает возможность рационального применения, в частности правила «lex specialis derogat generali».

Для целей правоприменения важно также использовать как методологические средства понятие гипотезы и диспозиции правовой нормы.

Ключевые слова: правовая норма; правоотношение; элементарное правоотношение; элементарная правовая норма; гипотеза; диспозиция.

Правовые нормы в отечественной юридической науке исследуются уже в течение длительного времени. Однако они никогда не исследовались в правоприменительном аспекте. Это придавало учению о правовых нормах однобокий характер и не позволяло, в частности, разрешать на рациональной основе коллизии между правовыми нормами, которые (коллизии) обнаруживаются в процессе правоприменения. Да и вообще отсутствие правоприменительной направленности исследований правовых норм снижает уровень учения о правовых нормах, лишает признака конструктивности анализ соответствующих правовых явлений и снижает ценность результатов исследования. С учётом изложенного, обращение к исследованию правоприменительного аспекта правовых норм следует признать актуальным.

Исследования проблем правовых норм в отечественной юридической науке осуществлялись Н. Г. Александровым, Б.В. Шейндлиным, Ю. Г. Ткаченко, А. Я. Берченко, П. Е. Недбайло, С. С. Алексеевым, В. М. Шафировым, В.А. Беловым и другими учеными.

Целью настоящей статьи является попытка обоснования такого понимания категории правовой нормы, которое можно было бы использовать для целей создания теоретических основ разрешения коллизий между нормами гражданского права, применения к гражданским правоотношениям правила «lex specialis derogat generali».

Прежде всего необходимо выяснить, какое юридическое явление обозначается термином «lex» в приведённом выше правиле правоприменения. Уже в Древнем Риме указанному термину придавалось несколько значений [1, с. 178-179]. Из них с учётом темы настоящий статьи важно обратить внимания на два значения термина «lex» – закон (как акт, содержащий правовые нормы, а возможно, даже и положения (условия) индивидуального характера) и правило поведения (правовая норма). В наше время термин «lex» обычно переводится как «закон». Но когда речь идёт о

применении правила «lex specialis derogat generali», то возникает необходимость в том, чтобы закон и правую норму различать, что часто не делается.

Так, А.С. Еременко в докторской диссертации, посвященной исследованию теории и методологии гражданского права, пришел к выводу о том, что «гражданский закон, понимаемый … в узком позитивно-правовом смысле, есть система норм гражданского права, которые составляют гражданское законодательство данной конкретной правовой системы» [2, с. 201]. В этом коротком высказывании закон отождествляется с системой норм; система норм – с законодательством; а законодательство признается частью правовой системы. Полагаем, что так понимать соотношение права и закона (законодательства) нельзя.

Н. А. Власенко, исследуя проблемы коллизий в праве, сформулировал такую мысль: «Для устранения коллизий между общими и специальными правовыми нормами практикой выработана специальное коллизионное правило «lex specialis derogat generali» (специальный закон отменяет действие общего)» [3, с. 87]. Следует согласиться с автором в том, что приведенное правило используется для разрешения коллизий между общими и специальными правовыми нормами. Но тогда в переводе приведённое латинское выражение должно выглядеть как «специальная правовая норма отменяет действие общей». Между тем, взаимозаменяемость терминов «правовая норма» и «закон» в правиле «lex specialis derogat generali» стала едва ли не общепринятой, с чем никак нельзя согласиться. Более того, утверждается, что ещё римскими учёными установлен приоритет специального закона, устанавливающего исключение из правила, над общим законом, устанавливающим общее правило, а многолетняя правовая практика в России привела к законодательному утверждению данного приоритета в виде преимущества отраслевых кодексов перед другими законами. «Например, в ст.2 Бюджетного кодекса РФ предусмотрено, что акты бюджетного законодательства не могут противоречить Кодексу» [4, с. 33]. Между тем, правило «lex specialis derogat generali» и устанавливаемое волей законодателя преимущество одного федерального закона перед другим - это не только разные, но и не совместимые явления. И. Н. Васев указывает даже на то, что «тиражирование принципа «primus inter» pares приводит» подчас к явно нелепым последствиям [5, с. 105]. И с этим нельзя не согласиться, хотя законодатель упрямо идёт по пути утверждение преимущества кодексов перед другими законодательными актами, и осталось лишь несколько кодексов, в которых законодатель не включил положения об их преимуществе перед другими законодательными актами.

Но тот же И. Н. Васев ставит задачу «доктринального порядка: привить правоприменителю способность по интуитивному обнаружению незримой границы между внешне схожими общей и специальной нормами» [5, с. 90]. Заметим, что это - весьма странная задача, поскольку наука - это область сугубо рационального, а интуицию специалист развивает в процессе рациональной познавательной деятельности, как бы мимоходом. Поэтому задача привития способности к интуитивному постижению сущности вещей вряд ли выполнима. Указанное интуитивное «обнаружение состоит, - по мнению И. Н. Васева, - в выяснении принадлежности конкретной правовой нормы к конкретному институту права и последующем выяснении характера всего института - как общего или специального» [5, с.90]. Это уже само по себе вызывает возражения поскольку разрешение коллизий между общими и специальными нормами не предполагает, что и соответствующие правовые инсти-

туты будут квалифицироваться как общие и специальные. Но на проблемах, не выходящих за пределы системы права (т.е. на проблемах правовых норм и интситутов), автор не останавливается. Обнаружив различия в диспозициях двух правовых норм (на самом деле эти различия не выходят за пределы лингвистики) с одинаковыми гипотезами (нормой, которая была установлена п.3 ст.103 ГК РФ и действовала до 1 сентября 2014 г., и нормой, установленной ст.69 Федерального закона «Об акционерных обществах»), И. Н. Васев приходит к выводу о том, что установленная названным Федеральным законом правовая норма является специальной только потому, что она установлена специальным законом [5, с. 89-90]. Представляется, что применение правила «lex specialis derogat generali» в данном случае не имеет ни законодательных, ни логических оснований. Надо просто проявлять больше уважения к воле законодателя и совершенно логично отдавать предпочтение той воле, которая была выражена позднее (если только это не будет противоречить логике законодательства, как в случае с коллизией между ранее установленной специальной нормой и позднее установленной общей правовой нормой).

Таким образом мы должны вести речь о преимуществе при правоприменении именно специальной правовой нормы, (а не специального закона как нормативного правового акта и не правового института), а для этого необходимо уяснить, какое именно явления обозначается термином «правовая норма».

К сожалению, общепринятые определения правовой нормы не дают возможности увидеть указанное явления, прежде всего, в аспекте его соотношения с положением законодательства, в котором соответствующая правовая норма закреплена. Так, С. С. Алексеев видел «особенности правовой нормы как первичной элементарной клеточки права» в том, что она мыслима «в виде реального фрагмента правовой ткани… находящего прямое выражение в тексте нормативного или иного правового акта» [6, с. 36]. Между тем, в специальном исследовании признается существование не только прямо выраженных в нормативных актах правовых норм [7, с. 179 -211]. Даже и текстуально закрепленные в актах законодательства правовые нормы далеко не всегда бывают прямо выраженными. А есть еще огромный массив правовых норм, которые в текстах положений актов законодательства вообще не выражены, закреплены лишь логически. В философии права понимание проблемы текстуально не выраженных правовых норм существует. Так, И.П. Малинова пишет, что текстам «присуща содержательная удвоенность: определенная система значений артикулируется в них (текстах) первоначально и с учетом этого является очевидной, но за этой очевидностью прячется вторичная система значений, для которой первая является формой репрезентации [8, с.82]. Текстуально не выраженные правовые нормы невозможно представить без пробела «в виде реального фрагмента правовой ткани, находящего прямое выражение в тексте правового акта». Создается впечатление, что дальнейшее игнорирование правовых норм, не нашедших прямого выражения в текстах актов законодательства, становится преградой на пути развития исследований правоприменительных аспектов права вообще.

Не менее сложной является и проблема объема юридического содержания, который можно «втиснуть» в понятие правовой нормы. В этой связи следовало бы отказаться от понимания правовых норм как неких «полуфабрикатов». Между тем, такое понимание правовых норм в науке обосновывается уже давно. В свое время П.Е. Недбайло утверждал, что право и обязанность не должны совмещаться в одной пра-

вовой норме [9, с. 72]. В новейшее время В.М. Шафиров доказывает необходимость исключения случаев закрепления правил поведения, в которых происходит смешение (совпадение) прав и обязанностей [10, с.93]. Позволим себе не согласиться с этой позицией. Право и обязанность в содержании правовой нормы неразделимы, хотя бы право и было закреплено текстуально, а обязанность – только логически или наоборот. Иначе правовая норма утратит способность регулировать общественные отношения (будет воздействовать только на одну сторону отношений). Следовало бы учесть научное положение, сформулированное классиком мировой юриспруденции Г. Кельзеном: «… Соответствующее обязанному поведению поведение того индивида, по отношению к которому существует обязанность, уже соопределено в поведении, образующем содержание обязанности. И если соотношение между индивидом, по отношению к которому другой индивид обязан вести себя определенным образом, и этим другим индивидом обозначить как «право», то это право есть лишь отражение этой обязанности» [11, с.165]. Следовательно, в текстуальном закреплении субъективного права в законе обычно нет необходимости вообще.

Конечно, содержание правовой нормы предопределяется содержанием соответствующих положений актов, но попытка «втиснуть» такое положение в одну правовую норму не всегда возможно даже в тех случаях, когда это положение выражено одним предложением. Возьмём для примерного анализа п.1 ст.1070 ГК РФ: «Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом». Исходя только из текста приведённого законодательного положения нельзя дать однозначный ответ на вопрос о том, установлена этим положением одна правовая норма или пять, либо даже шесть правовых норм с разными гипотезами и тождественными диспозициями. Нельзя ответить даже на вопрос о том, одна или две правовые нормы устанавливаются положением о том, что в соответствии с п.1 ст.1070 ГК РФ возмещается вред, причинённый в результате незаконного применения в качестве меры пресечения заключение под стражу или подписки о невыезде (одна из них будет распространяться на отношения по поводу применения заключение по стражу, а другая - подписки о невыезде).

Между тем ответы на поставленные вопросы важны и в теоретическом и в практическом отношениях. Если мы признаем, что существует отдельная правовая норма, предусматривающая возмещение вреда, причинённого в результате незаконного осуждения, то она будет специальной по отношению к общей правовой норме, установленной положениями предложения второго п.2 ст.1070 ГК РФ («вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу»). Если же мы будем отрицать существование указанной отдельной специальной правовой нормы и при-

знавать единую правовую норму, установленную п. 1 ст.1070 ГК РФ, то коллизия между этой единой правовой нормой и правовой нормой, установленной положением предложения второго п. 2 ст. 1070 ГК РФ, и вообще окажется логически не разрешимой, поскольку сферы действия этих правовых норм частично будут совпадать, что будет исключать применения правила «lex specialis derogat generali», а других рациональных средств разрешения этой коллизии не существует.

В поисках путей решения проблемы объема содержания правовой нормы обратимся к мысли Н.Г. Александрова о том, что «юридическая норма… всегда представляется собой именно идеальное выражение правоотношения…» [10, с.8], а также к сформулированному тем же автором научному положению о «правовом отношении в его элементарном виде», которое должно выделяться в структуре сложного правоотношения [12, с.18,20]. Эти идеи представляются в высшей мере плодотворными, а сожаление следует выразить только по поводу того, что автор не стал выделять сложные правовые нормы и правовые нормы в «элементарном виде», хотя такое выделение логически следует из сформулированных им положений о юридической норме как идеальном выражении правоотношения [12, с. 9] и о недопустимости отрыва норм от правоотношений и правоотношений от норм [12, с. 11]. Между тем именно «правовые нормы в элементарном виде» и являются теми правовыми нормами, которые составляют содержание соответствующей категории правовой науки. Именно эти правовые нормы должны иметься в виду, когда речь идёт о применении правила «lex specialis derogat generali».

Выделение «правовых норм в элементарном виде» возможно и тогда, когда текст соответствующего законодательного положение по своей структуре не дает для этого каких-либо оснований, если только будет установлено, что на основании данного законодательного положения возникает не одно, а два «элементарных правоотношения». Так, ст. 606 ГК РФ устанавливает правовую норму, которая обязывает арендодателя предоставить имущество арендатору во временное владение и пользование. «Предоставить» в контексте рассматриваемого законодательного положения означает совершить два действия - передать предмет аренды арендатору и предоставить арендатору возможность владеть и пользоваться арендованным имуществом (создавать для этого необходимые условия и не создавать препятствий для этого). Поэтому, как минимум на основании п.1 ст.606 ГК РФ возникает два правоотношения: основное обязательство, в котором арендатор несёт обязанность предоставить арендатору возможность владеть и пользоваться арендованным имуществом и дополнительное обязательство, в котором арендодатель несет обязанность передать имущество во владение арендатору. Соответственно должны выделяться и две правовые нормы.

В то же время операции с положениями актов гражданского законодательства, возможно, не могут быть признаны допустимыми в тех случаях, когда в них употребляется термин, обозначающий родовое понятие, а элементарные нормы будут выделяться через видовые понятия, охватываемые соответствующим родовым понятием. Так, для сопоставления правовых норм, установленных п.1 ст.164 ГК РФ (в ней речь идёт о государственной регистрации сделок) и п.3 ст.433 ГК РФ (в ней речь идёт о регистрации договоров), и разрешение коллизий между ними недопустимо было бы единую (элементарную) общую правую норму, установленную п.1 ст.164 ГК РФ, разделить на две правые нормы, одна из которых распространялась

бы на односторонние сделки, а другая на двусторонние (договора). Отличие этого примера от рассмотренного выше (связанного с правовыми нормами, установленными ст.606 ГК РФ) заключается в том, что термин «предоставление имущества во владение и пользование» не является родовым по отношению к терминам «передать» (передача) и «предоставить возможность владеть и пользоваться» (предоставление возможности владеть и пользоваться). Предоставление имущества во владение и пользование – это собирательное понятие, состоящее из понятий передачи и предоставления возможности владеть и пользоваться имуществом. Два понятия обусловливают существование двух указанных выше правоотношений (обязательств), основанных на п.1 ст.606 ГК РФ, и двух правовых норм, текстуально закрепленных в названном пункте.

Использование категории правовой нормы как методологического средства правотолкования и правоприменения предполагает необходимость полной реабилитации логически закреплённых в актах законодательства правовых норм. В российской науке гражданского права логически закрепленные правовые нормы впервые исследовал Е.В. Васьковский [13, с. 281-361]. Несмотря на высокие оценки, которые были даны результатам осуществленного Е.В. Васьковским исследования в советское время С.Н. Вильнянским [14, с. 46], а в современной юридической литературе – В.А. Беловым [15, с. 28-29, 38], несмотря на признание идеи логически закреплённых правовых норм учёными, которые специально исследовали проблемы правотолкования в теоретико-правовом аспекте (А.Ф.Черданцев [16,17,18] и применительно к интерпретации международных договоров (И.С. Перетерский [19, с. 128-129], логически закреплённые правовые нормы не получили признания ни в науке, ни в судебной практике.

В судебной практике вообще замечаются явления, которые иначе чем парадоксальными, назвать нельзя. Так, правовая норма, которая текстуально была закреплена в части четвёртой ст.261 ТК РФ (в редакции до внесения изменений Федеральным законом от 12 ноября 2012г. №188-ФЗ) запрещала расторжение трудового договора с соответствующими категориями женщин. Конституционный Суд РФ Постановлением от 15 декабря 2011 г. №28-П признал не соответствующей Конституции РФ положение части четвёртой ст.261 ТК РФ (в указанной редакции) в той мере, в которой оно не дает такой же льготы соответствующей категории работников – отцам малолетних детей. Но о мужчинах – отцах малолетних детей в тексте упомянутого законодательного положения речь вообще не идёт. Поэтому целесообразно было бы указать на то, что в части четвёртой ст. 261 ТК РФ, которая действовала до внесения в неё упомянутых выше изменений, логически закреплена правовая норма, которая обнаруживается при толковании при помощи вывода «a contrario» и в соответствии с которой, не допускается предоставление льготы, установленной частью четвёртой ст. 261 ТК РФ, мужчинам, хотя бы они и были отцами малолетних детей. Но Конституционный Суд РФ тяготеет к политико-правовым аргументам, выявляет юридическое содержание рассматриваемого законодательного положения «в системе действующего правового регулирования». К технико-юридической стороне решаемого вопроса он вообще не обращается, какой-либо попытки выявить логически закреплённую толкуемую им в части четвёртой ст. 261 ТК РФ правовую норму не предпринимает. Такова традиция отечественной (да и зарубежной тоже) практики правоприменения и науки.

Между тем, в развитие учения Е. В. Васьковского о правотолковании группа крымских учёных подробно исследовала логически закреплённые в актах законодательства правовые нормы, в частности те, которые при толковании обнаруживаются при помощи вывода a contrario, на богатом эмпирическом материале показала особенности применения правил «lex superior derogat inferiori», «lex specialis derogat generali», «lex posterior derogat priori» для целей разрешения коллизий между рассматриваемыми и другими правовыми нормами [7, с. 212-449]. Но в столицах, очевидно, провинциальные издания не читают. Поэтому гласом вопиющего в пустыне остаются призывы упомянутой группы авторов исследовать логически закреплённые в актах законодательства правовые нормы, осваивать их применение при разрешении юридических дел. И речь ведь не идёт о каких-то десятка-двух правых норм. Речь идёт о правовых нормах, удельный вес которых в общем количестве правых норм является превалирующим.

Подобной оказалась и судьба правовых норм, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при толковании при помощи вывода степени (a fortiori), вывода от предыдущего правового явления (от условия) к последующему правовому явлению (к следствию).

Между тем, логически закреплённые в актах законодательства правовые нормы не только являются полноценным регулятором общественных отношений, но и служат цели интеграции системы права, являются каналами связей отраслей права. Так в науке длительное время ведётся дискуссия о том, устанавливают ли положения уголовных кодексов запреты на совершение уголовно-наказуемых деяний. Признание таких запретов и правовых норм, содержание которых указанные запреты составляют, открывает возможность для вывода от том, что в положениях уголовных кодексов текстуально закрепляются уголовно-правовые нормы, а логически закрепляются нормы других отраслей права, в том числе гражданского права. Эти правовые нормы обнаруживаются при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему. Они могут конкурировать при правоприменении с нормами административного, трудового, гражданского, финансового (налогового, бюджетного) права, поскольку и сами являются нормами, устанавливающими административные, трудо-правовые, гражданско-правовые, финансово-правовые запреты (то есть нормами административного, трудового, гражданского, финансового права). Так появляется возможность разрешения коллизий между уголовным кодексом и актами других отраслей права (но не коллизий между нормами уголовного права и других отраслей права, поскольку такие коллизии являются вообще невозможными).

Роль связующего звена между отраслями права могут выполнять и правовые нормы, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при толковании при помощи вывода «a contrario». Так, 30 декабря 2001 г. был принят, а с 1 июля 2002 г. введён в действие Кодекс об административных правонарушениях. Ст. 7.27 этого Кодекса устанавливала административную ответственность за хищение чужого имущества на сумму, не превышающую пяти минимальных размеров оплаты труда. При помощи вывода a contrario выявляется логически закреплённая в этом законодательном положении правовая норма уголовного права, в соответствии с которой с 1 июля 2002 года такие деяния больше не признаются обще-

ственно опасными, а потому и не могут квалифицироваться как преступления. Эта правовая норма логически закреплена в акте административного законодательства, но является уголовно-правовой.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи подробно описать правовые нормы, которые логический закреплены в актах законодательства, автор отсылает читателя к упомянутому выше изданию [7, с. 203-362], а здесь вынужден лишь сделать замечание о том, что учение о правовых нормах на данном этапе развития юридической науки и практики без учета правовых норм, логически закрепленных в актах законодательства, попросту утрачивают свою научную сущность.

Обращение к правоприменительному аспекту учения о правовых нормах обнаруживает необходимость углубления понимания значения гипотезы и диспозиции правовой нормы. Гипотеза правовой нормы в дополнение к месту правовой нормы в структуре соответствующий отрасли права и в дополнение к указанию на стороны правоотношений и их объект определяет сферу действия правовой нормы, которая (сфера действия) определяет соотношение соответствующих правовых норм как общей и специальной. При этом сфера действия специальной правовой нормы не должна выходить за пределы сферы действия общей правовой нормы. Единственное исключение из этого правила сводится к случаям, когда правотворческий орган сначала через структуру нормативного правового акта или через указание на объект правоотношения чётко определяет соотношение двух правовых норм как общей и специальной, а потом гипотезой специальной правовой нормы расширяет её сферу действия. Так, в соответствии с п.1 и 2 ст.401 ГК РФ должник несет ответственность за нарушение обязательства при наличии его вины в этом нарушении. Это - общая правовая норма. В соответствии со специальной правовой нормой, которая логически закреплена в п.3 ст.401 ГК РФ и обнаруживается при помощи соответствующего дискурса, лицо, нарушившие обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, отвечает не только за виновное нарушение обязательства, но также и за нарушение, допущенное вследствие случая. Возложением на такое лицо ответственности за нарушение обязательства вследствие случая законодатель выводит сферу действия специальной правовой нормы за пределы сферы действия общей правовой нормы. Но это не влияет на соотношение рассматриваемых двух правовых норм как общей и специальной.

Диспозиция правовой нормы определяет содержание устанавливаемого ею правила поведения (прав и обязанности сторон). А поэтому именно по содержанию диспозиций различаются общая и специальная правовые нормы. Это различие могут иметь признак контрарности, противоречия (несовместимости) или совместимости. Однако диспозиция часто выполняет и функцию определения сферы действия правовой нормы. Так, когда п.1 ст.1102 ГК РФ обязывает соответствующие лицо возвратить неосновательное обогащение, то уже эта формулировка определяет контуры отношений, в рамках которых будет производиться такой возврат.

Однако различия (в соответствующих случаях – контрарность или противоречие) между общей и специальной правовыми нормами может заключаться в различии не только в содержание их диспозиций, но также и в содержании гипотез. Так, многие нормы, установленные главой 59 ГК РФ, возлагают на причинителя вреда одну и ту же обязанность возмещения этого вреда, а различаются они особыми условиями, входящими в содержание гипотез соответствующих правовых норм. Это обстоя-

тельство в науке не замечается. Поэтому О.И. Берг пишет, что при коллизии права существует «несоответствие между диспозициями… норм при совпадении их гипотез» [20, с. 24]. И эту мысль цитируют А.А. Петров и Е.Ю. Тихонравов в подтверждение собственных рассуждений [21, с. 44].

Изложенное дает основания для вывода о том, что развитие правовой системы России предполагает необходимость углубления исследования правовых норм, являющихся непосредственно действующими «клеточками» права, что позволит постепенно перейти к формированию рациональной (в противовес интуитивной) практики толкования и применения права.

Список литературы:

1. Бартошек М. Римское право: (понятия, термины, определения). – М.: Юридическая литература, 1989. – 448 с.
2. Еременко А.С. Теория и методология гражданского правоприменения. Дисс. … доктора юрид. наук. – М., 2011. – 621 с.
3. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2018. – 100с.
4. Морозова Л.А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // LEX RUSSIA. – 2017. - №6. – С. 32 – 38.
5. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики. – М.: Проспект, 2021. – 192 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т.II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
7. Новейшее учение о толковании права/ Под ред. В.Г.Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
8. Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтики). – Екатеринбург, 1995. – 125 с.
9. Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы. – Львов, 1959. – 164 с.
10. Шафиров В.М. Общее учение о норме права и современное (интегративное) правоотношение// Вопросы правоведения. – 2013. - №2. – С. 81 – 101.
11. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.
12. Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение. – М., 1947. – 27с.
13. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508с.
14. Вильнянский С.И. Толкование и применение гражданско-правовых норм/методические материалы ВЮЗИ. Вып.2. – М., 1948. – с. 42-61.
15. Белов В.А. «…Выдающийся русский учёный – юрист…» / Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002, - С.7 – 41.
16. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. – Свердловск, 1972. – 192 с.
17. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М.: Юридическая литература, 1976. – 167 с.
18. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - 381с.
19. Перетерский И.С. Толкование международных договоров. – М.: Госюриздат, 1959. – 172 с.
20. Берг О.В. Некоторые вопросы теории нормы права// Государство и право. – 2003. - №4. – С. 20-27.
21. Петров А.А., Тихонравов Е.Ю. Пробелы и коллизии в праве. – М.: Проспект, 2019. – 80 с.

Zabelin D. N. The law-enforcement aspect of the doctrine of legal rules // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 231-240.

The article states the results of a study on the law-enforcement aspect of the legal rules. It is recognized, that a legal norm acquires legal force precisely through the normative legal act by which it is established. But it should not be identified with a fragment of a normative text. For the purposes of law-enforcement, it is necessary to single out the "elementary legal rule" by analogy with the "elementary legal relationship", which is distinguished by N.G. Aleksandrov. The “elementary legal rule” can be singled out, going from the normative text to legal relationship, highlighting the “elementary legal relationship”, and then - the “elementary legal norm”. Highlighting of the "elementary legal rule" gives the opportunity of rational application of the rule "lex specialis derogat generali" in particularly. For the purposes of law-enforcement, it is also important to use notion of hypothesis and purview of a legal rules as methodological tools.

Keywords: legal rule, legal relationship, elementary legal relationship, elementary legal rule, hypothesis, purview.

Spisok literatury:

1. Bartoshek M. Rimskoe pravo: (ponyatiya, terminy, opredeleniya). – M.: Yuridicheskaya literatura, 1989. – 448 s.
2. Eremenko A.S. Teoriya i metodologiya grazhdanskogo pravoprimeneniya. Diss. … doktora yurid. nauk. – M., 2011. – 621 c.
3. Vlasenko N.A. Kollizionnye normy v sovetskom prave. – M.: Norma: INFRA-M., 2018. – 100s.
4. Morozova L.A. Problemy tipologii yuridicheskikh kollizij (sovremennaya traktovka) // LEX RUSSIA. – 2017. - №6. – S. 32 – 38.
5. Vasev I.N. Kollizionnoe pravovoe regulirovanie v Rossii: voprosy teorii i praktiki. – M.: Prospekt, 2021. – 192 s.
6. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. V dvukh tomakh. T.II. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
7. Novejshee uchenie o tolkovanii prava/ Pod red. V.G.Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
8. Malinova I.P. Filosofiya prava (ot metafiziki k germenevtiki). – Ekaterinburg, 1995. – 125 s.
9. Nedbajlo P.E. Sovetskie socialisticheskie pravovye normy. – L'vov, 1959. – 164 s.
10. Shafirov V.M. Obshchee uchenie o norme prava i sovremennoe (integrativnoe) pravootnoshenie// Voprosy pravovedeniya. – 2013. - №2. – S. 81 – 101.
11. Kel'zen G. Chistoe uchenie o prave. – SPb.: Izdatel'skij Dom «Alef-PresS», 2015. – 542 s.
12. Aleksandrov N.G. Yuridicheskaya norma i pravootnoshenie. – M., 1947. – 27s.
13. Vas'kovskij E.V. Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov. – M.: CentRYuRInfOR, 2002. – 508s.
14. Vil'nyanskij S.I. Tolkovanie i primenenie grazhdansko-pravovykh norm/metodicheskie materialy VYUZI. Vyp.2. – M., 1948. – s. 42-61.
15. Belov V.A. «…Vydayushchijsya russkij uchyonyj – yurisT…» / Vas'kovskij E.V. Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov. – M.: CentRYuRInfOR, 2002. – S. 7 – 41.
16. Cherdancev A.F. Voprosy tolkovaniya sovetskogo prava. – Sverdlovsk, 1972. – 192 s.
17. Cherdancev A.F. Tolkovanie sovetskogo prava. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. – 167 s.
18. Cherdancev A.F. Tolkovanie prava i dogovora. - M.: YUNITI-DANA, 2003. - 381s.
19. Pereterskij I.S. Tolkovanie mezhdunarodnykh dogovorov. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 172 s.
20. Berg O.V. Nekotorye voprosy teorii normy prava// Gosudarstvo i pravo. – 2003. - №4. – S. 20-27.
21. Petrov A.A., Tikhonravov E.YU. Probely i kollizii v prave. – M.: Prospekt, 2019. – 80 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 241-246.

УДК 347.951

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Пеленицына М. В., Худоба В. Н.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Изложенное позволяет рассмотреть судебное решение, включая иностранное, как акт верховенства права, так как: во-первых, отправление правосудия является правоохранительной функцией государства, что выступает одной из составляющей государственного суверенитета; во-вторых, у государства, как независимого публично-правового образования, отсутствует какое-либо обязательство по признанию и приведению в исполнение любого иностранного распоряжения и/или решения, а в-третьих подобное признание, вследствие и исполнение, допускается лишь на основании внутреннего процессуального законодательства либо по желанию (акту, как правило) суверена, который мог исходить из международной вежливости, взаимности. Стоит отметить, что отечественный законодатель и большинство представителей доктрины рассматривает судебное решение именно в таком ключе.

Признании решений в рамках доктрины приобретенных прав базируется на следующих постулатах: судебного решение является актом, подтверждающий приобретенные в частноправовых отношениях права, которые в дальнейшем уже не могут быть предметом пересмотра никакого суда; право, приобретенное должным образом в соответствии с законодательством государства-вынесения, имеет трансграничный характер и должно признаваться остальными странами; для наделения иностранного решения свойством исполнимости необходимо разрешение со стороны национального суда государства-исполнителя/суверена.

Ключевые слова: юридический факт; акт; обязательство; суверенитет; территориальное верховенство; признание; исполнение; судебное решение.

К пониманию иностранного судебного решения преимущественно сложился в странах континентального права. С определенной долей достоверности можно говорить о том, что толчком развития послужила доктрина, предложенная Ж. Боденом о суверенитете, которая под действием социально-экономического преобразования общества, включая переход французской формы правления к абсолютной монархии, стала накладываться на личность правителя. Например, Л. Булленуа утверждал, что вынесенные судебные решения обладают обязательной силой вследствие наличия печати монарха, что свидетельствует о его вынесение именем монарха [10]. В связи с этим любое вмешательство в отправление правосудия можно было расценить, как вмешательство в личные (суверенные) полномочия монарха, что в свою очередь влекло вмешательство в национальные дела государства. Подобное поведение считалось не допустимым в рамках Вестфальской системы международного порядка, в противном случае нарушается закоренелый принцип римского права (базиса европейских правовых систем) «par in parem non habet imperium». В отечественной доктрине также можно проследить подобные мысли [13]. При рассмотрении вопроса признания решение правитель исходил из личных побуждений, которые могли основываться на уважение к личности другого суверена либо ориентироваться на признание его решений в том государстве, либо пойти на уступки и проявить свою милость. В дальнейшем историческом развитии данные внутренние ориентиры монарха трансформировались учёными-международниками в принцип вежливости, вза-

имности. Последний проявлялся в взаимно-встречных уступках, которые должным образом фиксировались в международных договорах, трактатах, как гарантия такого признания.

Также прослеживание такой природы иностранного судебного акта можно заметить в теории кумуляции [12]. Когда речь идёт о концепциях, лежащих в основе раскрытия понятий приведения и исполнения. На основе данной теории распространение действия иностранного решения возможна только до пределов, в которых действует соответствующее, аналогичное решение, вынесенное внутри признающей страны в соответствии с национальным правом [8]. Действительно, нельзя не согласиться с подобными выводами постольку, поскольку судья повинуется распоряжениям не иностранной власти, а своей, туземной, а при таком подходе наделение иностранного судебного решения большей законной силой, чем внутригосударственных свидетельствует об ущемлении суверенитета, а именно в неуважение к власти, которая наделила судью полномочиями (судья ставит под сомнение компетенцию правонаделителя, что отражается на достоинстве последнего).

В противовес концепции кумулятивности западные исследователи выдвигают иную – концепцию распространения действия, суть которой заключается в том, что иностранное решение сохраняет свою законную силу в полном объеме на территории государства-исполнителя, т.е. распространяемые последствия равны в полной мере последствиям, которые б данное решение имело в границах государства-вынесения. Примечательно, что такой подход тесно связан с теорией приобретенных прав (англ. vested rights theory), которая преимущественно сложилась и наиболее ёмко выразилась в системе общего права (англо-американской правовой семье). Суть такого подхода можно описать выражением британского коллизиониста Альберта Дайси: «Любое право, которое было надлежащим образом приобретено на основании права любого цивилизованного государства, подлежит признанию и, по общему правилу, принудительному исполнению английскими судами» [3], т.е. возможность признания зависит от принципа охраны субъективных юридических прав, которые были приобретены в иностранном государстве и не могут больше подвергаться пересмотру (сомнению) в других «цивилизованных» странах. Ярким прецедентом, где проявился описанный подход, является дело Marjoribanks v Askew (1930). В нём судья Дж. Моэм не стал применять принцип «renvoi» (обратной отсылки) по отношению к статусу дочери гражданина Германии, который был приобретён по национальному немецкому законодательству, т.к. английский судья не может его применить в силу принципов английского права (за исключением случая, если будет доказано, что данный принцип является частью закона домицилия), тем самым сохранил его при рассмотрении дела в английском суде.

Корнями истоки данной теории уходят в труды голландского правоведа XVII века Ульрика Губера. Исследую римское право, он сформулировал аксиомы в труде «Praelectiones Juris Civilis Romani et Hodierni». Описывая третью аксиому, У. Губер приходит к выводу, что непризнание иностранных решений (по причине государственного суверенитета) замедляет межнациональный торговый оборот и тем самым порождает большие неудобства для сделок. Чтобы поддержать торговые связи народов суверены других стран действуют таким образом, что права, приобретенные в пределах одного государства, сохраняются и признаются повсеместно, если они не вредят праву, власти другого суверена и его поданным [9]. Из этого следует,

что признание и исполнение происходит во воле монарха, которая обличается в определенный акт. Данный автор был не одинок в своих размышлениях, его современник и соотечественник Пауль Вут, в частности базируясь на рассуждениях Ульрика, развивает своё учение о международной взаимности, от наличия которого зависит получение согласия на исполнение решения.

Помимо голландской школы правы к теории приобретенных прав тяготились также представители французского континентального права, включая Антуана Пилле. Он связывал эту теорию дополнительно с принципом справедливости. Из его рассуждений следует, что приобретенные права в рамках понятия справедливости должны признаваться и получать защиту в другом государстве, так как это будет проявлением уважения к государству-вынесения, который осуществил отправление правосудия законно на основании своего национального права [6]. Однако, существуют такие нюансы: данный принцип применяется исключительно к частноправовым отношениям и в случае отсутствия взаимности может не применяться, существуют ограничения, основанные на публичном порядке, права не будут признаны, если в материальном права государства-исполнителя отсутствуют его аналоги. Другой француз, маркиз Паскаль де Варей-Сомьер, приравнивает временную и межпространственную коллизию. Исходя из этого, делает вывод о том, что, приобретя определенные права в одном государстве и переместившись в другое, человек сохраняет свой статус, т.к. правоотношения возникли и были зафиксированы до попадания в другую страну и не могут быть пересмотрены в силу принципа запрета обратной силы закона [5].

Вследствие активного развития юридической мысли в эпоху Нового Времени, аксиома Убера была принята представителями английского и американского права, в частности А. Дайси, о чём уже упоминалось выше. Однако, его видение была подвергнуто критике, потому что понятие «цивилизованные страны» носит абстрактный характер без уточнения признаков, которые помогли бы определить относится то или иное государства к таковым, что вызывает юридическую неопределенность [4]. Критиковал также М. Вольф, который был убеждён, что доктрина принимает без доказательств положение (решение) о приобретении права, однако остаётся вопрос приобреталось ли это право в целом [7].

Советская юриспруденция в своё время испытывала влияние теории приобретенных прав. Так, А. Лунц указывает на необходимость сохранения именно тех субъективных прав, которые возникли под действие иностранного закона, при его применении отечественными юристами. В современной России также она не осталась без внимания исследователей, в частности о ней писали А.А. Костин, Р. В. Зайцев.

Помимо основных доктрин понимания природы судебного решения существует также отдельные (менее распространённые) подходы.

Один из них рассматривает судебного решение, как приказ суда, который основывается на властных персонифицированных предписаниях для конкретных сторон, в конкретной жизненной ситуации. Такое представление о природе судебного решения имеет связь с доктриной обязательства судебного решения, предложенной бароном Парком. Она ссылается на положении о том, что вынесенное судебное решение компетентным судом создаёт договорное обязательство. Согласно доктрине общего права, иностранное судебное решение, содержащее веление по уплате денежных средств, приравнивается к денежному обязательству согласно английскому

праву и выступает основанием для иска, что указывает на отсутствие у таких решений свойства res judicata, т.к. не устанавливает запрет на обращение в английский суд. Однако, как справедливо отмечает М. Вольф, такая доктрина ссылает на фикцию договора и не в состоянии оправдать судебные решения, которые не завязаны на денежных отношениях (например, решение о расторжении брака либо изъятии вещи из чужого незаконного владения).

Имеется доктрина о гармонии права и судебного решения, сформулированная Баром. В её ядро юрист разместил взаимоотношение коллизионного права и судебного решения. Последнее, с его точки зрения, является специальным законом, регулирующим одно единственное дело, которое соответственно будет влечь последствия для физических лиц и/или организаций. На мой взгляд, подобный подход к определению природы решения сильно упрощён и несостоятельный. Во-первых, такие «судебные законы» влекут последствия только спорящих сторон, в то время, как норма закона носит неперсонифицированный характер и рассчитана на неоднократное применение. Во-вторых, да наука права рассматривает судебное решение в качестве lex specialis (специального закона), но на признания и приведения в исполнение это не влияет, так как судья, руководствуясь «туземным» законодательством санкционирует законную силу иностранного решения, так как сложно (чаще не представляется возможным) обосновать допустимость исполнения акта на основании зарубежных правовых норм. В качестве примера следует привести ст. 11 ГПК РФ [2] и ст. ст. 13, 14 АПК РФ [1]. В-третьих, подобный подход снижает количество судебных актов о принудительном исполнении решений либо вовсе ликвидировал исторических сложившийся путём эволюции данный институт процессуального права [11].

Идея о том, что судебные решения выступают юридическими фактами материального права, зародилась при рассмотрении природы иностранных решений, но стоит остановиться на отечественной доктрине, где данный вопрос не нашёл единогласного мнения.

Одни, отдавая главенствующую роль правовосстановительной функции, утверждали, что судебное решение – это акт правосудия, акт защиты, поэтому оно не может выступать в качестве материально-правового юридического факта, в то же время в цивилистическом процессе доктрина признавала существование процессуальных юридических фактов, которые влияли исключительно на процесс (например, факт признания исковых требований). Необходимо отметить, что данный подход преобладал и поддерживался преимущественно представителями советской процессуальной отрасли.

В противовес, исследователи материального гражданского права, в частности Д.М. Генкин, стали связывать порождение материальных правоотношений с судебным решением, который рассматривался как юридический акт с вытекающими из него субъективными правами и обязанностями. Для материалистов данная тема являлась наболевшей силу того, что речь идёт о гипотетическом возникновении материальных правоотношений. Нельзя не вспомнить о влиянии исследования преобразовательных исков М.А. Гуревича. Советский правовед впервые установил, что конститутивные иски ведут к преобразовательным решениям, которые следует причислять к юридическим фактам, действующим в сфере материально-правовых отношений. Вдохновившись исследованиями природы преобразовательных исков,

О.А. Красавчиков объединил описываемые выше теории. В его представлении судебного решение, как материально-процессуальный юридический факт, находится в зависимости от вида подаваемого иска, который и будет определять к какому из фактов относится определенное решение. Данное новаторство не смогло положить конец спору о взаимосвязи судебного решения с юридическим фактов, поэтому в советской науке вплоть до конца XX века сохранялся дуализм мнений. Конец данным распрям решил положить законодатель, который с принятием нового Гражданского кодекса в 1994 г. легализировал в ст. 8 ГК РФ судебное решение, как юридическим факт материального права. Любопытно, что относительно судебных решений сделано замечание, что права и обязанности будут возникать, если судебным решением они «установлены». Такая формулировка позволяет судить о том, что не все судебные решения повлияют на материальные права и обязанности, а лишь отдельные (например, решения, касающиеся статуса субъектов гражданских правоотношений, влияют на правоспособность и дееспособность, но не на материальные права и обязанности).

Таким образом, судебное решение дополнительно можно рассматривать, как юридический факт. Природа последнего может влиять как на возникновение прав/обязанностей в материальном праве, так и являться причиной процессуальных последствий.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ Собрании законодательства РФ. - 2002. - N 30. - Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - ст. 4532.
3. Dicey A.V., Morris J.H.C., Collins L.A. The Conflict of Laws — 10th edition — London: Stevens, 1980. — P. 23—24.
4. McClean D. General Course on Private International Law // Recueil Des Cours / Collected Courses (англ.). — Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2000. P. 62. — 400 p.
5. Pierre A. Lalive. The Doctrine of Acquired Rights (англ.) // Rights and Duties of Private Investors Abroad. — New York: Southwestern Legal Foundation, 1965. P. 160.
6. Pillet A. La théorie générale des droits acquis (фр.) // L'Académie de Droit International de La Haye Recueil des Cours. — Boston, 1925. — Vol. III, livr. 8. P. 491.
7. Вольф М., Международное частное право. / Пер. с англ. С.М. Рапопорт; под ред. Л.А. Лунца. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. С. 276.
8. Гетьман-Павлова И. В. Наука международного частного права: Ульрик Губер // Вопросы правоведения. — 2012. — № 4 - С. 173.
9. Зайцев Р. В. Понятие признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005 - №5 – С. 36.
10. Костин, А. А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: монография / А. А. Костин. - Москва : Статут, 2020. - 207 с.
11. Пеленицына М.В. Реализация процессуальных прав и гарантий на обращение за защитой прав и законных интересов в арбитражном процессе. XXVII Международной научно-практической конференции «Россия и Европа: связь культуры и экономики» // Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы XXIX международной научно-практической конференции (июнь 2021 года). – Отв. редактор Наумов В.А. – Прага, Чешская Республика: Изд-во WORLD PRESS s.r.o., 2021. – С.15-19
12. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: учебник; пер. с нем. Е. В. Гречишникова. – М. : БЕК, 2001. С.388.
13. Яблочников Т. М., отправлять правосудие есть одно из существенных и неприкосновенных атрибутов самого суверена; См. Яблочников Т. М., Яблочков Труды по международному частному праву. — М.: Статут, 2009. С. 159.

Pelenitsyna M.V., Khudoba V. N. The legal nature of judicial review in civil proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 241-246.

The sciences of law, including international, contain a multiplicity of approaches to determining the nature of a court decision. Each of which contains specific features that make it possible to identify it, but at the same time is closely intertwined with others. The dominant positions are occupied by two doctrines. Thus, in the Anglo-Saxon system of law, the theory of acquired rights is at the center, and in the countries of continental law, a court decision is the result of the exercise of sovereignty. The essence of the first one boils down to the fact that the rights acquired by a person remain valid even on the territory of a foreign state, and the decision by which they were secured is of a preliminary nature, since it cannot be the subject of revision. However, in order to execute such a decision, legalization by domestic law is needed. The core of the second approach is the philosophy of sovereignty and the principle of equality (partnership) of States. On the basis of this, judicial decisions have legal force only within the State of their issuance, and beyond its borders, the binding force of the decision is completely dependent on the State of recognition.

Keywords: review of a civil case; civil proceedings; civil procedure; forms of review; appeal.

Spisok literatury:

1. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24 iyulya 2002 g. N 95-FZ Sobranii zakonodatel'stva RF. - 2002. - N 30. - St. 3012.
2. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 16.04.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 2002. - № 46. - st. 4532.
3. Dicey A.V., Morris J.H.C., Collins L.A. The Conflict of Laws — 10th edition — London: Stevens, 1980. — P. 23—24.
4. McClean D. General Course on Private International Law // Recueil Des Cours / Collected Courses (angl.). — Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2000. P. 62. — 400 p.
5. Pierre A. Lalive. The Doctrine of Acquired Rights (angl.) // Rights and Duties of Private Investors Abroad. — New York: Southwestern Legal Foundation, 1965. P. 160.
6. Pillet A. La théorie générale des droits acquis (fr.) // L'Académie de Droit International de La Haye Recueil des Cours. — Boston, 1925. — Vol. III, livr. 8. P. 491.
7. Vol'f M., Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. / Per. s angl. S.M. Rapoport; pod red. L.A. Lunca. M.: Gos. izd-vo inostr. lit., 1948. S. 276.
8. Get'man-Pavlova I. V. Nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava: Ul'rik Guber // Voprosy pravovedeniya. — 2012. — № 4 - S. 173.
9. Zajcev R. V. Ponyatie priznaniya i privedeniya v ispolnenie inostrannyh sudebnyh reshenij // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2005 - №5 – S. 36.
10. Kostin, A. A. Pravovye osnovaniya priznaniya i ispolneniya inostrannyh sudebnyh reshenij v Rossijskoj Federacii: monografiya / A. A. Kostin. - Moskva : Statut, 2020. - 207 s.
11. Pelenicyna M.V. Realizaciya processual'nyh prav i garantij na obrashchenie za zashchitoj prav i zakonnyh interesov v arbitrazhnom processe. XXVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Rossiya i Evropa: svyaz' kul'tury i ekonomiki» // Rossiya i Evropa: svyaz' kul'tury i ekonomiki: Materialy XXIX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (iyun' 2021 goda). – Otv. redaktor Naumov V.A. – Praga, CHeshskaya Respublika: Izd-vo WORLD PRESS s.r.o., 2021. – S.15-19
12. SHak H .Mezhdunarodnoe grazhdanskoe processual'noe pravo: uchebnik; per. s nem. E. V. Grechishnikova. – M. : BEK, 2001. S.388.
13. YAblochnikov T. M., otpravlyat' pravosudie est' odno iz sushchestvennyh i neprikosnovennyh atributov samogo suverna; Sm. YAblochnikov T. M., YAblochkov Trudy po mezhdunarodnomu chastnomu pravu. — M.: Statut, 2009. S. 159.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 247-252.

УДК 347.622.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Процевский В. А.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

В статье исследованы проблемы правового регулирования условий вступления в брак, вопросы, связанные с достижением брачного возраста в законодательстве зарубежных стран. Акцентировано внимание, что браки, заключенные с нарушением требований, установленных законом, являются ничтожными. Проанализировано семейное законодательство зарубежных стран, отмечено, что в большинстве государств брачный возраст совпадает с возрастом приобретения физическим лицом полной гражданской дееспособности. Сделан вывод о необходимости законодательного решения проблемы детских браков в современном обществе.

Ключевые слова: брак, семья, семейное право, семейное законодательство зарубежных стран, условия вступления в брак, право на брак, брачный возраст, гражданская дееспособность, детские браки.

Право на брак является неотъемлемым правом каждого человека, гарантированным законодательством практически всех государств мира. Требования, которые являются обязательными для заключения брака, касаются норм морали, медицинских норм, вопросов, связанных с зачатием, рождением и воспитания детей, и тому подобное. Несоблюдение этих требований влечет за собой непризнание брака и брачного статуса лиц, которые его заключили. В зависимости от религии культуры, традиций государства законодательства стран мира закрепляют различные материальные условия, которых должны придерживаться лица для законности их брака.

Миграционные процессы в мире значительно увеличили количество интернациональных браков. Расхождения правового регулирования условий действительности брака являются причиной многочисленных коллизий отечественных и зарубежных правовых норм при заключении брака между гражданами разных стран, поэтому представляет интерес как для международного частного права, так и для семейного права России.

Исследование различных аспектов реализации права на брак осуществляли такие российские и иностранные специалисты, как А. Алешина, В. Бернхем, А. Нечаева, С. Соловьев и другие. Большинство приведенных научных разработок касаются формальных условий заключения брака с иностранным элементом. Исследование материальных условий вступления в брак, одной из которых является достижение брачного возраста остаются малоисследованным в науке семейного и международного частного права.

Целью статьи является выяснение особенностей правовой регламентации возраста, с которого лица имеют право заключать брак в соответствии с законодательством зарубежных стран. Законодательство большинства зарубежных стран предусматривает правовые нормы, определяющие обязательные условия заключения брака, при наличии которых обеспечивается его легитимность. Заключенные с наруше-

нием таких требований браки, считаются ничтожными согласно действующему законодательству.

Материальные условия вступления в брак − это общие принципы реализации права на брак, соблюдение которых является необходимым для его правомерности. Под материальными требованиями вступления в брак, как правило, понимаются требования, соблюдение которых обусловливает действительность брака, а также существующие ограничения относительно возможности заключения брака в правовых системах. В брачном церковном праве несоблюдение материальных условий вступления в брак делает невозможным проведение церемонии венчания.

Различаются положительные условия заключения брака и отрицательные условия, которые препятствуют заключению брака. Положительные условия – это условия правильности, действительности брака. Отрицательные условия – это такие, без соблюдения, которых брак признается недействительным.

Существует следующая классификация препятствий для вступления в брак:

- абсолютные препятствия, которые категорически исключающих для лица возможность заключения брака с кем угодно, и условные препятствия, которые делают невозможным брак только с определенным кругом лиц;

- препятствия, которые влекут за собой недействительность брака с момента его заключения и препятствия, обнаружение которых не влечет за собой расторжения брака. Последние влекут определенные санкции как для самих супругов, так и для священника, который проводил венчание супругов.

Главным препятствием для заключения законного брака всегда признавалось недостижение невестами установленного законом возраста. Брачный союз предполагает для тех, кто вступает в брак, способность к ведению супружеской жизни, которая в основном определяется достижением определённого возраста. Такой возраст определяется с учетом наступления половой зрелости, завершением формирования физического роста организма, состоянием психического, умственного, социального и морального развития человека, которые обеспечивают способность выполнять социальную роль жены, матери, мужа, отца.

Как правило брачный возраст для мужчин и женщин имеет различия в зависимости от правовых систем. Установление разного брачного возраста для женщины и мужчины не считается отступлением от принципа равенства полов, а является результатом нетождественности физиологических процессов женского и мужского организмов.

Например, в Киевской Руси брачный возраст устанавливался для мужчин – 14 лет, а для женщин – 12. Ученые отмечают, что не все князья придерживались установленных норм и женили своих сыновей в 11 лет, а дочерей в 8 лет [5, с. 8]. За время действия Литовских уставов брачный возраст для невесты составлял 15 лет, а для жениха – 18. В наше время в России определен брачный возраст для мужчин и для женщин в 18 лет. По заявлению лица, достигшего шестнадцати лет, решением суда ему может быть предоставлено право на брак, если будет установлено, что это отвечает ее интересам. Лица, желающие зарегистрировать брак, должны достичь брачного возраста на дату регистрации брака.

В соответствии со ст. 18 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье брачным возрастом в Беларуси считается 18 лет. В отдельных случаях таких как: беременность, рождение ребенка, а также в случае получения несовершеннолетними полной

дееспособности до достижения совершеннолетия орган регистрации актов гражданского состояния, может снизить брачный возраст, лицам, которые вступают в брак, но не больше, чем на три года. Снижение брачного возраста производится в соответствии с заявлением лиц, вступающих в брак. Согласие родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется. Однако брачный возраст может быть снижен не более чем на 3 года [3].

В соответствии с законодательством Германии брачный возраст для мужчин, так и для женщин установлен 18 лет, с этого возраста лица считаются совершеннолетними. Для заключения брака несовершеннолетними лицами, требуется согласие их законных представителей. Также в этой стране одно из лиц, заключающих брак имеет право обратиться с заявлением в семейный суд, который может снизить брачный возраст, при условии достижения заявителем 16-летнего возраста. Если семейный суд удовлетворит просьбу о снижении брачного на основании такого заявления, согласие законного представителя не требуется. Законодательство ФРГ предусматривает возможность обжалования несовершеннолетними в суд отказ родителей или представителей дать свое согласие на брак.

В Великобритании лица имеют право вступать в брак с 16 лет. Законодательство Франции устанавливает брачный возраст для мужчин 18 лет и для женщин – 15 лет. В Австралии 16 лет для женщин и 18 лет для мужчин. В провинциях Канады брачный возраст колеблется от 16 до 19 лет. Согласно индусскому закону о браке, брачный возраст для мужчин составляет 21 год и 18 для женщин. Брачный возраст в США регламентируется законодательством в зависимости от штата от 16 до 21 года. В некоторых штатах США, при наличии особых обстоятельств, заключение брака возможно до достижения 16-летнего возраста [2, с. 13].

В большинстве мусульманских стран молодые люди имеют право самостоятельно заключать брак в возрасте 15-18 лет. Бракосочетание по шариату требует заключения договора, в соответствии с которым женщина становится женой того мужчины, который на ней женится [1, с. 124]. Брачный возраст в ОАЭ для мужчин и женщин является одинаковым и составляет 18 лет. В этой стране запрещено вступать в однополые браки. Согласно ст. 21 Закона ОАЭ «личный статус», если пара имеет «неравный возраст» (возраст мужчины вдвое превышает возраст женщины, или более, и т. п) брак может заключаться только после получения разрешения судьи. До брака паре запрещено совместное проживание. Такие отношения могут даже наказывается тюремным заключением [1, с. 77].

В Эквадоре и Колумбии возраст для вступления в брак составляет 12 лет для женщин и 14 лет для мужчин. Законодательством Перу такой возраст определён 14 и 16 лет соответственно. В Иране возраст, установленный законодательством, для вступления в брак составляет для девушек 13 лет и для юношей – 15. При наличии разрешения суда брачный возраст для девочки может быть понижен до 9 лет.

Законодательством каждой страны предусматриваются обстоятельства, позволяющие снижать брачный возраст, либо предоставлять право на заключение брака до достижения брачного возраста при наличии разрешения соответствующего компетентного органа. Может устанавливаться минимальный возраст, когда лицо может получить право на заключение брака [4, с. 72].

Обычное право в Индии допускало существование ранних, детских браков, как правило в мусульманской среде. В XIX − начале XX вв. наиболее образованная

часть индийского общества стала требовать законодательного повышения брачного возраста. В современной Индии законодательно установленный возраст для вступления в брак поднят до 18 лет для девушек и 21 для юношей. Несмотря на этот факт, во многих семьях, в сельской местности, детские браки считаются легитимными. Такие факты во многом связаны с сохранением традиционного уклада жизни, основанного на нормах мусульманского, а не светского права. Общеиндийские законы в по установлению брачного возраста, мусульмане Индии по-прежнему трактуют как такие, что сохраняют право родителей выдавать дочерей замуж по достижении ими половой зрелости. Все больше внимания привлекает проблема замужества маленьких йеменских девушек. В связи с тем, что за невесту дается в Йемене немалый выкуп, некоторые семьи готовы расстаться с дочерями [7].

Согласно данным Национальной организации по гражданской регистрации, в Исламской республике Иран ежегодно регистрируются десятки тысяч браков несовершеннолетних. Реальная статистика может быть значительно выше, ведь, многие семьи браков несовершеннолетних не регистрируют вообще. Мостафа Ерліма − тегеранский социолог, считает, что большому количеству детских браков в Иране способствуют архаичные традиции страны и отсутствие социального прогресса. По мнению ученого, люди, которые живут в маленьких городках, очень бедны. Их не беспокоит то, что их дочерям 8 или 9 лет и их женят, на молодых мужчинах, которым также всего 18, 16 или 15 лет. В таких странах как Афганистан, Индия и Сомали девочек в 10 лет заставляют выходить замуж за гораздо более старших мужчин. Такие ранние браки часто разрушают девушек, лишают их права на саморазвитие и образование, лишают права быть ребенком.

В Пакистане полиция освободила 13-летнюю девочку-христианку после замужества с мусульманином. Девочку похитили, заставили принять ислам и выйти замуж за мусульманина. Девочку спасли после того, как ее родители заявили, что ее похитил 44-летний Али Азхар. Дело приобрело общественный резонанс, протестующие вышли на улицы столицы Пакистана Карачи. 2 ноября 2020 года Высокий суд Синда принял решение об освобождении девочки. Угонщик был арестован и предстал перед судом 3 ноября того же года.

Уязвимой социальной категорией граждан к ранним бракам в Украине считается цыганское меньшинство. Детские браки среди девушек и парней цыганской национальности вызваны патриархальными традициями и бедностью. Далеко не все ромские браки регистрируются. Среди этой категории населения наибольший уровень не завершения школы, что напрямую связано с детскими браками. Детские браки нарушают права девочек, воруют их детство, разрушают образование, ставят под угрозу здоровье и ограничивают другие возможности.

В Конвенции о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков от 10 декабря 1962 г., рекомендуется установление брачного возраста для обеих сторон не менее 15 лет (Принцип II рекомендации) [6]. Международные договоры в области прав человека и международные органы настаивают на необходимости принятия мер для борьбы против детских браков. За последние годы нормы по искоренению детских, ранних и принудительных браков получили дальнейшее развитие на национальном, региональном и международном уровнях.

Несмотря на их запрет в международном праве и во многих национальных законах, практика заключения детских браков по-прежнему является широко распро-

страненной. Остается высоким количество подростковых беременностей. Совет по правам человека обязал Верховного комиссара ООН по правам человека организовать рабочее совещание экспертов с целью рассмотрения и обсуждения эффективности существующих стратегий и инициатив для решения проблемы ранних, детских и принудительных браков и подготовить отчет об итогах обсуждения в ходе рабочего совещания. В своей резолюции Совет по правам человека отмечал, что распространенность ранних детских и принудительных браков резко возрастает в гуманитарных ситуациях. Это происходит в силу разных факторов, таких как: гендерное неравенство, повышенный риск сексуального и гендерного насилия, разрушение верховенства права и государственной власти, использование принудительных браков в качестве тактики в конфликтах, отсутствие социальных услуг в сфере планирования семьи, увеличение масштабов бедности, и тому подобное.

Прекращение заключения детских браков требует повышенного внимания, принятия надлежащих профилактических мер со стороны международного сообщества. В ООН призывают вносить изменения в семейное законодательство стран мира. Молодежь должна знать о своих правах, владеть необходимой информацией в сфере образования и здоровья во многих странах мира.

Фонд народонаселения ООН считает, что также целесообразно содействовать инвестициям, особенно в сфере образования, которые наподдадут возможность девочкам развить собственные возможности и знания. Образование девочек, особенно завершена начальная и средняя, являются важнейшими факторами, связанными с возрастом вступления в брак. Девочки особенно нуждаются в социальной поддержке и доступе к программам, которые обеспечивают жизненные навыки, грамотность, средства к существованию, информацию об услугах сексуального и репродуктивного здоровья, в частности, о планировании семьи и охране материнского здоровья.

Проблема детских браков является острой проблемой для современного общества. Несмотря на ее запрет в международном праве и во многих национальных законах, данная практика по-прежнему широко распространена. Ликвидация детских браков требует повышенного внимания, профилактических мероприятий, которые бы проводились цивилизованными странами и международными организациями. Для того чтобы защитить права детей и обеспечить гендерное равенство следует вносить изменения в законодательство и повышать брачный возраст в странах, где он ниже 18 лет.

Список литературы:

1.Алешина А.В. Международное частное право. Москва: Феникс, 2016. 320 с.
2.Бернхем В. Право США. Введение в право и правовую систему Соединенных Штатов Америки. Раздел XIII «Семейное право». 2012. № 1-2. С. 12–53.
3.Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З. URL : http://www.pravo.by/world_oflaw/text?RN.
4.Нечаева А.М. Брак, семья, закон. М.: Наука, 1984. 145 с.
5.Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. III. М., 1854. 704 с.
6.«Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков» (Заключена в г. Нью-Йорке 10.12.1962)
7.Child and parents in the 21st century. Report of the Government Committee on the Reassessment of Parenthood 27 June 2016. Government of the Netherland: website. URL : https://www.government.nl/documents/reports/2016/12/07/child-and-parent-in-the-21ste-century.

Procevskij V. A. Problems of legal regulation of conditions getting married in foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 247-252.

The article examines the problems of legal regulation of the conditions of marriage, issues related to reaching the marriageable age in the legislation of foreign countries. It is emphasized that marriages concluded in violation of the requirements established by law are null and void. The family legislation of foreign countries is analyzed, it is noted that in most states the age of marriage coincides with the age of acquisition by an individual of full civil capacity. The conclusion is made about the need for a legislative solution to the problem of child marriages in modern society.

Keywords: marriage, family, family law, family legislation of foreign countries, conditions of marriage, the right to marriage, marriageable age, civil capacity, child marriages.

Spisok literatury:

1.Aleshina A.V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Moskva: Feniks, 2016. 320 c.
2.Bernhem V. Pravo SSHA. Vvedenie v pravo i pravovuyu sistemu Soedinennyh SHtatov Ameriki. Razdel XIII «Semejnoe pravo». 2012. № 1-2. S. 12–53.
3.Kodeks Respubliki Belarus' o brake i sem'e ot 9 iyulya 1999 g. № 278-Z. URL : http://www.pravo.by/world_oflaw/text?RN.
4.Nechaeva A.M. Brak, sem'ya, zakon. M.: Nauka, 1984. 145 s.
5.Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. III. M., 1854. 704 c.
6.«Konvenciya o soglasii na vstuplenie v brak, brachnom vozraste i registracii brakov» (Zaklyuchena v g. N'yu-Jorke 10.12.1962)
7.Child and parents in the 21st century. Report of the Government Committee on the Reassessment of Parenthood 27 June 2016. Government of the Netherland: website. URL : https://www.government.nl/documents/reports/2016/12/07/child-and-parent-in-the-21ste-century.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 253-259.

УДК 347.9

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

Путренко А. Н.
Юридический институт Севастопольского государственного университета

В настоящей статье содержится анализ проблем правового регулирования процедуры изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Проанализированы основы правового регулирования отчуждения земельных участков. Особое внимание уделено выявлению актуальных правовых проблем и пробелов в законодательстве, связанных с изъятием земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Выделяется важность определения государственных и муниципальных нужд при изъятии земельных участков. На основе законодательства, судебной практики и научной литературы, авторами предпринята попытка дать определение государственных и муниципальных нужд, которое на сегодняшний день не имеет легального закрепления. Определяется взаимосвязь оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд с предметами ведения Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Рассматривается судебная практика, связанная с изъятием земельных участков в Республике Крым и городе Севастополе.

Ключевые слова: собственность, земельный участок, изъятие, государственные и муниципальные нужды, правовое регулирование, отчуждение.

В последние годы всё большую актуальность приобретают вопросы, касающиеся изъятия земельных участков для публичных нужд. Данное явление объясняется тем, что при строительстве крупных объектов как государственного, так и муниципального уровня, возникает необходимость изъятия земель у собственников.

Считаем, что проблематика изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в Республике Крым и городе Севастополе стала особо актуальной в связи с началом строительства трассы «Таврида», был затронут имущественный интерес многих собственников земельных участков.

В общей сумме, для строительства трассы «Таврида», было изъято около 2000 земельных участков, большая часть земель изъята путем составления соглашения об изъятии.

На современном этапе сохраняется необходимость изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, например, 18 августа 2020 г. было принято Распоряжение Совета Министров Республики Крым Об изъятии земельных участков и объектов недвижимого имущества для государственных нужд в целях реконструкции набережной в пгт Коктебель, г. Феодосия. Всего изымается 53 земельных участка и объекта недвижимости [1].

На основании Распоряжения Совета министров Республики Крым от 24 июня 2021 г. № 786-р, был изъят земельный участок и расположенный на нем объект недвижимого имущества в целях строительства дороги микрорайона Фонтаны – Новониколаевский в городе Симферополе [2].

Полагается, что правовое регулирование порядка изъятия земельных участков основывается на положениях Гражданского (далее – ГК РФ) и Земельного кодексов

Российской Федерации (далее – ЗК РФ). В данном случае ГК выступает основной нормой, а ЗК – специальной.

Однако, на наш взгляд, в нормативно-правовом регулировании содержится ряд значительных пробелов.

Например, перечень оснований для отчуждения земельных участков, указанный в статье 49 ЗК РФ, не является исчерпывающим [3].

В конце 2014 г. были внесены изменения в ЗК РФ, благодаря которым было реформировано текущее законодательство в сфере изъятия земельных участков и расположенных на них иных объектов недвижимости для государственных и муниципальных нужд [4].

Полагается, что несоблюдение какого-либо одного из правил или требование процедуры изъятия земельного участка для публичных нужд может считаться веским основанием, при отказе органу власти, уполномоченному для реализации права на изъятие земель. Возникшие споры должны рассматриваться в судебном порядке. В этом случае особо актуален вопрос эффективной защиты прав собственников земельного участка или иных лиц.

Исходя из положений ГК РФ, а именно ст. 280, при изъятии земельного участка, за собственником сохраняется право владения, пользования и распоряжения земельным участком до дня прекращения права собственности, определенного договором или решением суда [5].

Проанализировав содержание статьи 281 ГК РФ, можно прийти к выводу, что правообладателю земельного участка, при его изъятии полагается компенсация, однако, данная сумма не всегда соответствует реальной рыночной стоимости изымаемого имущества, что является предметом судебных разбирательств [5].

Так, ГКУ РК «Служба автомобильных дорог Республики Крым» обратилось в суд с иском к Мигун Е.А. о принудительном изъятии для государственных нужд объектов недвижимого имущества: земельного участка площадью 2300кв.м., жилого дома площадью 96,8 кв. м., нежилого здания (сарай) площадью 27,9 кв.м., нежилого здания (сарай) площадью 39,4 кв.м., нежилого здания (сарай) площадью 53 кв.м., с перечислением на банковский счет или депозитный счет нотариуса суммы возмещения за изымаемое имущество в размере 4.262.499 руб.

Однако, по делу была назначена и проведена судебная оценочная экспертиза. Согласно заключения комиссии экспертов, рыночная стоимость изымаемых объектов недвижимого имущества составила 4.501.620 руб. [6].

На практике известны случаи, когда публичные органы власти нарушали установленный порядок изъятия земельных участков, что послужило основанием обращения в суд.

Так, Лазуренко Р.Г. обратился с исковыми требованиями к Государственному казенному учреждению Республики Крым «Служба автомобильных дорог Республики Крым» о взыскании стоимости изъятых земельных участков сумме <данные изъяты>., а также <данные изъяты>. убытков и упущенной выгоды.

Лазуренко Р.Г. на основании Государственного акта о праве собственности на земельный участок является собственником участка земли размером в 2,5152 га.

На указанных землях сельскохозяйственного назначения высажен яблоневый сад.

В конце ДД.ММ.ГГГГ в ночное время суток ответчик без предварительного предупреждения и без согласия истца завел землеройную технику, выкорчевал плодовые деревья, перепахал участок, чем нанес имущественный материальный ущерб [7].

Позиция ВС РФ по данному вопросу следующая: нарушение процедуры изъятия земельного участка не означает, что оно не произведено [8].

Отсутствие решения об изъятии земельного участка (его части) или несоблюдение процедуры изъятия участка для государственных или муниципальных нужд само по себе не лишает его правообладателя права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества [9].

Важно отметить, что пока собственник земельного участка будет реализовывать права по защите своих законных интересов, как правило, проходит определенный, достаточно длительный промежуток времени, в течение которого необходимо выполнять обязанность по оплате уже не принадлежащих ему земель. Собственник несет материальные потери, что является прямым нарушением его прав, но суд, как правило, удовлетворяет интересы публичных органов, считая их интересы первоочередными [10].

При фактическом изъятии земель публичными органами власти возникает опасение, что без заключения соглашения об изъятии земельного участка между уполномоченным органом власти и собственником, этот участок не сможет перейти в публичную собственность.

Но у публичного органа власти, по нашему мнению, имеется веское основание отказаться заключить соглашение на добровольной основе, руководствуясь тем, что он, как собственник, не сможет реализовать восстановление фактического владения и пользования земельным участком в первоначальном виде, а также возникает препятствие в получении полноценной компенсации, возникающей при имущественной потере, иными словами снижается выкупная стоимость земельного участка, что ущемляет права и законные интересы собственника.

По мнению Е.Ю. Гаврилиной и Е.В. Бородкиной, отношения, возникающие в связи с изъятием, не следует рассматривать как отношения равных субъектов из-за присутствия властных полномочий при принятии решения [11].

Поскольку в законодательстве, регулирующем вопрос отчуждения земельных участков, отсутствует понятие государственных и муниципальных нужд, большое значение для правоприменительной практики имеет позиция Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) [12]. ВС РФ было предложено под государственными или муниципальными нуждами, в целях которых производится изъятие земельных участков, рассматривать существующие у публично-правовых субъектов потребности, реализация которых имеет целью удовлетворение общественных интересов, однако же реализация данных целей представляется невозможной без проведения процедуры изъятия земельных участков, находящихся в частной собственности. Указанные положения дают возможность утверждать, что изъятие земельных участков невозможно при наличии целей, которые только косвенно направлены на достижение общественных интересов и которые преимущественно направлены на получение выгоды не публично-правовыми субъектами, а частными лицами, т.е. изъятие может быть произведено лишь в исключительных случаях, когда достижение интересов общества невозможно без вмешательства в частные интересы [8].

Считаем, что внесение в ГК и ЗК РФ понятия «государственные и муниципальные нужды» устранит правовой пробел, а также прекратит дискуссию между учеными-теоретиками по данному вопросу.

Под государственными и муниципальными нуждами предлагаем понимать урегулированные правовыми нормами, финансируемые из соответствующего бюджета различные потребности (в товарах, работах, услугах), которые необходимы для реализации государством, муниципальным образованием своих функций.

Процедуре изъятия земельных участков для обозначенных выше нужд посвящена отдельная глава в Земельном кодексе РФ [13]. Это лишний раз подтверждает актуальность рассматриваемого вопроса.

Однако Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ [14] уже не содержит подобных норм, что, по нашему мнению, является пробелом действующего законодательства и негативно сказывается на его реализации.

В субъекте РФ – городе федерального значения Севастополе изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд для размещения объектов регионального и местного значения осуществляется уполномоченным исполнительным органом государственной власти, реализующим государственную политику в сфере имущественных и земельных отношений – Департаментом по имущественным и земельным отношениям города Севастополя (далее – Департамент) [15, ч. 2 ст. 3.1].

На практике не всегда возможно разрешение споров, связанных с изъятием земельных участков во внесудебном порядке.

Так, в результате недостижения сторонами (Департаментом по имущественным и земельным отношениям города Севастополя и дачно-строительным кооперативом «Скиф») мирового соглашения, Департамент по имущественным и земельным отношениям города Севастополя обратился в Балаклавский районный суд города Севастополя с исковым заявление, в котором просит признать недействительным государственный акт на право собственности на земельный общей площадью 800 кв.м, ранее присвоенный кадастровый номер земельного участка № (указан) признать отсутствующим право собственности ответчика на спорный земельный участок, истребовать его из незаконного владения ответчика в собственность города федерального значения Севастополя, а также исключить из Государственного кадастра недвижимости сведения о границах данного земельного участка.

Иск мотивирован тем, что на основании распоряжения Севастопольской городской государственной администрации «О передаче в собственность гражданам-членам обслуживающего кооператива Дачно-строительный кооператив «Скиф» земельных участков для индивидуального дачного строительства, ответчику в собственность был передан вышеуказанный земельный участок и внесены сведения в государственный кадастр недвижимости как о ранее учтенных объектах недвижимости. Между тем, согласно сведениям из Государственного казенного учреждения «Архив города Севастополя», Севастопольской городской государственной администрацией не издавалось распоряжение «Об утверждении материалов выбора земельного участка и предоставлении согласия обслуживающему кооперативу «Дачно-строительный кооператив «Скиф» на разработку проекта землеустройства по адресу: Севастопольская зона Южного берега Крыма». Таким образом, спорный земельный участок выбыл из государственной собственности, без принятия соот-

ветствующего решения уполномоченным органом, без утверждения проекта землеустройства по отводу земельных участков в установленном порядке, что свидетельствует об отсутствии правового основания приобретения ответчиком права собственности на спорный участок [16].

Практика показала, что при изъятии земель нет единой, четко сформулированной методики. В настоящий момент, при активизации процесса изъятия земель необходимо дать четкое определение следующих понятий: «государственные нужды», «муниципальные нужды», «общественные нужды».

Основанием изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд может служить: строительство крупных автотранспортных магистралей; водопровода; линий электропередач; железнодорожных веток.

Т.е. строительство объектов, обеспечивающих полноценное развития той или иной отрасли, а также экономическое развитие отдельных регионов или государства в целом [13].

Определенный и прописанный в законе перечень оснований, необходимых при отчуждении земельных участков, не является исчерпывающим.

Важно отметить, что ВС РФ дал исчерпывающее определение о невозможности принудительного изъятия земель, однозначной целью которых, является получения выгоды другими субъектами, деятельность которых не служит интересам общества [12].

Проанализировав статью 279 ГК РФ, приходим к следующему выводу: результатом изъятия земель для государственных и муниципальных нужд является: прекращение права собственности на земельный участок; прекращение права постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения земельным участком; досрочное прекращение договора аренды земельного участка или договора безвозмездного пользования таким земельным участком [5].

Считаем, что необходимо стремиться к тому, чтобы государственные и муниципальные структуры, представляющих и реализующих государственную политику во всех сферах хозяйственных и имущественных отношений, необходимо категорически отказаться от принудительных методов изъятия земельных участков. Любое изъятие земель наносит существенный ущерб собственникам или иным лицам, имеющим законные права на данные земельные участки. Во многих случаях материальный урон тесно переплетается с моральным. Необходимо дифференцированно подходить к решению этой проблемы, а прежде всего заранее грамотно проектировать строительство тех или иных объектов, учитывать где такое строительство возможно, а также альтернативные варианты.

Исходя из анализа Гражданского и Земельного законодательства, можно сделать вывод, что на момент написания статьи, закон не содержит правового закрепления таких понятий, как государственные и муниципальные нужды, что является существенным правовым пробелом. По нашему мнению, внесение в нормативные акты понятий и определений, а также конкретизированного перечня оснований, которые регулируют вопросы отчуждения земельных участков, может на практике оказать положительное влияние на реализацию процедуры изъятия земель. Это крайне важно при активном строительстве и реконструкции объектов государственного и муниципального значения.

Список литературы:

1. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 18 августа 2020 года № 1328-р «Об изъятии земельных участков и объектов недвижимого имущества для государственных нужд» - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - https://rk.gov.ru/ru/document/show/23896, (дата обращения: 12.12.2021).
2. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 24 июня 2021 года № 786-р «Об изъятии земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимого имущества для государственных нужд» - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - https://rk.gov.ru/ru/document/show/29205, (дата обращения: 12.12.2021).
3. Дибирдеев А. В. Проблема отсутствия законодательного закрепления понятия муниципальных нужд в правовом регулировании изъятия земельных участков // Молодой ученый. — 2019. — №12. — С. 163-166.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.06.2014 № 171-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://base.garant.ru/70681110/, (дата обращения: 12.12.2021).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://base.garant.ru/10164072/, (дата обращения: 12.12.2021).
6. Решение Кировского районного суда Республики Крым от 26 сентября 2019 г. по делу № 2-587/2019 - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - https://sudact.ru/regular/doc/I9WuMGjvMWYY/#top, (дата обращения: 12.12.2021).
7. Решение Киевского районного суда г. Симферополя Республики Крым от 27 декабря 2019 г. по делу № 2-20/2020 - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - https://sudact.ru/regular/doc/PzzwSWdPr2bq/#top, (дата обращения: 12.12.2021).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.04.2016). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/, (дата обращения: 12.12.2021).
9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ N 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381735/, (дата обращения: 12.12.2021).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 марта 2014 г. N 82-КГ13-5. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70532824/, (дата обращения: 12.12.2021).
11. Гаврилина Е. Ю., Бородкина Е. В. Изъятие земельных участков для публичных нужд: актуальные проблемы и тенденции [электронный ресурс]. - режим доступа. - http://center-bereg.ru/b201.html, (дата обращения: 12.12.2021).
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2015 г. № 309-КГ15-5924 по делу № А07-21632/2013. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71140676/, (дата обращения: 12.12.2021).
13. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.08.2019). [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://base.garant.ru/12124624/, (дата обращения: 12.12.2021).
14. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 № 44-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://base.garant.ru/70353464/, (дата обращения: 12.12.2021).
15. Закон города Севастополя от 25 июля 2014 года № 46-ЗС «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории города Севастополя». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://base.garant.ru/23714122/, (дата обращения: 12.12.2021).
16. Решение Балаклавского районного суда города Севастополя № 2-3015/2017 от 25 декабря 2017 г. по делу № 2-3015/2017. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - https://sudact.ru/regular/doc/wGlHEccrXpJ/, (дата обращения: 12.12.2021).

Putrenko A. N., Vanzha P. A. The issue of seizure of land plots for state and municipal needs in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 253-259.

This article contains an analysis of the problems of legal regulation of the procedure for the seizure of land plots for state and municipal needs. The fundamentals of legal regulation of seizure of land plots are analyzed. Special attention is paid to the identification of current legal problems and gaps in legislation related to the seizure of land plots for state and municipal needs. The importance of determining state and municipal needs

in the seizure of land plots is highlighted. On the basis of legislation, judicial practice and scientific literature, the authors have attempted to define state and municipal needs, which currently has no legal consolidation. The interrelation of the grounds for the seizure of land plots for state and municipal needs with the subjects of jurisdiction of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation and municipalities is determined. Judicial practice related to the seizure of land plots in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol is being considered.

Keywords: property, land plot, seizure, state and municipal needs, legal regulation, alienation.

Spisok literatury:

1. Rasporyazhenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 18 avgusta 2020 goda № 1328-r «Ob iz"yatii zemel'nyh uchastkov i ob"ektov nedvizhimogo imushchestva dlya gosudarstvennyh nuzhd» - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - https://rk.gov.ru/ru/document/show/23896, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
2. Rasporyazhenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 24 iyunya 2021 goda № 786-r «Ob iz"yatii zemel'nogo uchastka i raspolozhennogo na nem ob"ekta nedvizhimogo imushchestva dlya gosudarstvennyh nuzhd» - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - https://rk.gov.ru/ru/document/show/29205, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
3. Dibirdeev A. V. Problema otsutstviya zakonodatel'nogo zakrepleniya ponyatiya municipal'nyh nuzhd v pravovom regulirovanii iz"yatiya zemel'nyh uchastkov // Molodoj uchenyj. — 2019. — №12. — S. 163-166.
4. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 23.06.2014 № 171-FZ. - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - http://base.garant.ru/70681110/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 18.07.2019) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2019). - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - http://base.garant.ru/10164072/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
6. Reshenie Kirovskogo rajonnogo suda Respubliki Krym ot 26 sentyabrya 2019 g. po delu № 2-587/2019 - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - https://sudact.ru/regular/doc/I9WuMGjvMWYY/#top, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
7. Reshenie Kievskogo rajonnogo suda g. Simferopolya Respubliki Krym ot 27 dekabrya 2019 g. po delu № 2-20/2020 - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - https://sudact.ru/regular/doc/PzzwSWdPr2bq/#top, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
8. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1 (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 13.04.2016). - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
9. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda RF N 1 (2021) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 07.04.2021) - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381735/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
10. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 25 marta 2014 g. N 82-KG13-5. - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70532824/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
11. Gavrilina E. YU., Borodkina E. V. Iz"yatie zemel'nyh uchastkov dlya publichnyh nuzhd: aktual'nye problemy i tendencii [elektronnyj resurs]. - rezhim dostupa. - http://center-bereg.ru/b201.html, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
12. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.10.2015 g. № 309-KG15-5924 po delu № A07-21632/2013. - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71140676/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
13. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 № 136-FZ (red. ot 02.08.2019). [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - http://base.garant.ru/12124624/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
14. Federal'nyj zakon "O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd" ot 05.04.2013 № 44-FZ. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://base.garant.ru/70353464/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
15. Zakon goroda Sevastopolya ot 25 iyulya 2014 goda № 46-ZS «Ob osobennostyah regulirovaniya imushchestvennyh i zemel'nyh otnoshenij na territorii goroda Sevastopolya». - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - http://base.garant.ru/23714122/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).
16. Reshenie Balaklavskogo rajonnogo suda goroda Sevastopolya № 2-3015/2017 ot 25 dekabrya 2017 g. po delu № 2-3015/2017. - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa. - https://sudact.ru/regular/doc/wGlHEccrXpJ/, (data obrashcheniya: 12.12.2021).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 260-264.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.13

СИСТЕМНЫЕ СУДЕЙСКИЕ ОШИБКИ ИЛИ ПРОСТО СИСТЕМА?

Арсентьева С. С., Савченко А. Н.

В статье представлена точка зрения, что проблемы судебной практики вызваны пороками применения законов.

Авторы пришли к выводу, что караван правосудия должен идти, оставляя на своем пути веру в утверждение справедливости и милости в храме правосудия.

По их мнению, проблема «как применяются законы», которая представлена в статье в аспекте небрежности в мотивации судебных решений, должна быть предметом обсуждения X Всероссийского съезда судей России.

Ключевые слова: «правосудие», «толкование закона», «нравственность», «судебная практика», «интерпретация закона», «принцип законности», «логика», «доводы обращений», «мотивация судебного решения», «за автобусной остановкой».

На сайте Президента России в разделе «События» 13 декабря прошлого года представлена информация с заголовком «Встреча с Председателем Конституционного Суда Валерием Зорькиным» [1].

Оценив в целом законодательную систему России, которая, судя по практике Конституционного Суда, «стала устойчивой, сбалансированной и более профессиональной», В. Зорькин, все же отметил, что законодательная система на сегодня, образно говоря, не оставляет «на голодном пайке» работу Конституционного Суда России из-за «огрех», которые он представил как «пищу для Конституционного Суда». Но больший акцент, по его мнению, «надо бы сделать на том, как применяются законы…». И вот тут, что называется, есть проблемы.

Мы согласны с этим авторитетным мнением.

Эта проблема затрагивается порой в средствах массовой информации, к примеру, о практике применения закона о необходимой обороне. К сожалению, реакция применителей закона по отношению общества к проблеме применения закона, по нашему мнению, еще больше порождает вопросы о путях преодоления дефектов судебной практики.

Так, *главный следователь Башкирии, как сообщило UfacityNews.ru в теме «Социальная политика. Право»* [2], *назвал пиар-акцией резонанс вокруг дела Санкина,*[1] *и разъяснил депутатам Башкортостана, что они (следователи) не работают «по принципу «жалко или не жалко», в законе таких слов нет, есть слова «доказано» и «не доказано». Наша позиция проста: мы действовали по закону». И добавил – «Здесь вопросы пиара, нежели совести или закона, а на пиар* ***у меня нет времени, нет времени на каждый факт лаять*** (выделено жирным шрифтом нами – С.С.

[1] Приговор пересмотрен: обвиняемому в гибели педофила скостили срок. «Дело Санкина прогремело на всю страну. А в республике о нем говорили даже на государственном уровне, на 31-м заседании Госсобрания Башкортостана, где с ежегодным докладом выступил главный следователь региона Денис Чернятьев» https://www.vesti.ru/article/2555583

Арсентьевой и А.Н. Савченко). *У меня куча работы – 2.5 тысячи дел еще в производстве».*

Представляется, каждый читатель сам в состоянии дать оценку мотивации и нравственной составляющей содержанию выступления главного следователя перед государственными деятелями республики по резонансному уголовному делу, который почему-то посчитал*, что это «пиар» и у него нет времени им «лаять», так как у него «куча работы»*.

Мы же возвращаемся к проблеме, озвученной нашему Президенту председателем Конституционного Суда, внимание на которую, с нашей точки зрения, необходимо было обратить Валерию Зорькину лет на десять ранее, но как говорится «Potius sero, quam nunguam» (Лучше поздно, чем никогда).

В настоящей статье рассмотрим эту проблему в аспектах анализа судебной практики по толкованию закона вопреки правилам логики и игнорированию требований закона по рассмотрению всех доводов в обращениях участников уголовного судопроизводства.

Итак, о логичности рассуждений.

В книге американского философа Джона Ролза (1921-2002) отражена мысль о негативных последствиях «широкой сферы» интерпретации закона, что, по его мнению, связано «с расплывчатостью закона», а это «поощряет произвол в решениях» [3, с. 65].

В главе XII «О логике практики, или искусства (включая мораль и политику)» Дж. Ст. Милль, противопоставляя положение судьи положению законодателя в виде истины указывает, что судья, в отличие от законодателя «умозаключает от законов», «судья же лишь постольку имеет дело с основаниями закона, поскольку это может пролить свет на намерения законодателя в тех случаях, когда оно выражено недостаточно ясно» [4, с. 699].

Но проблема нашего судопроизводства, как мы понимаем, не в недостаточной ясности закона, а в другой плоскости – в практике применения закона.

Трудно не согласиться с Д.И. Аминовым в его оценке положения дел в уголовном судопроизводстве. «Вехой нынешнего времени, – по его мнению, – стало то, что пресловутый обвинительный уклон названной системы для граждан нашей страны, к сожалению, стал чем-то обыденным. Указанное стало возможным в связи с тем, что дознавателем, следователем, прокуратурой и даже судом, несмотря на совершенно различные, как следует из требований норм закона, функции, во внимание принимаются лишь такие доказательства и аргументы, которые свидетельствуют о виновности соответствующего лица».

А.А. Сумин, рассматривая тему качества судебных решений на основе анализа статистических показателей, высказал мнение, что эти показатели «свидетельствуют о весьма недостаточном профессионализме судей судов первой и апелляционной инстанций если учесть, что за каждым уголовным делом стоит судьба не только осужденного или оправданного, но и близко связанных с ним людей» [5, с. 223].

«С возможностью судебных ошибок, по мнению А.А. Сумина, можно было бы частично согласиться тогда, когда речь идет об оценке судьей доказательств. Автор далее поясняет, что он употребил сослагательное наклонение «если бы» **поскольку по здравому рассуждению объективных предпосылок к ошибкам** (выделено

черным шрифтом здесь и далее, если не оговорено иное нами – С.С. Арсентьевой и А.Н. Савченко) в оценке доказательств нет» [5. с. 223].

По его же мнению, с которым мы солидарны: **«И уж вряд ли могут быть оправданы ошибки в применении норм материального и процессуального права.** Помимо того, что уголовно-правовые нормы как Общей, так и Особенной частей УК России изложены достаточно внятно для их однозначного понимания человеком, имеющим высшее юридическое образование, существует большое число регулярно обновляемых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике применения указанных правовых норм…» [5, с. 223].

К этому необходимо добавить бесчисленное количество решений Конституционного Суда Российской Федерации, в которых представлены вполне внятные комментарии по многим вопросам уголовного и уголовно-процессуального права, что излишне обращаться к каким-либо дополнительным источникам для понимания содержания *категорий* уголовного и уголовно-процессуального законов.

Если исходить из содержательной ценности пилотных решений, то трудно что-либо еще добавить к этому перечню источников для побуждения властных участников уголовного судопроизводства (дознавателей, следователей, прокуроров и судей) к здравому рассуждению, а не ошибочному.

К примеру, «ложность показаний Р. усмотрена была в том, что через шесть месяцев после совершения им инкриминируемых ему действий на месте происшествия – «за автобусной остановкой» – не была обнаружена пачка из-под сигарет, это было расценено судьей в приговоре как способ его защиты, а значит само отсутствие той или другой пачки из-под сигарет – это прямое доказательство вины Р.» [6, с. 32-34].

Трудно представить, чтобы Верховный Суд Российской Федерации ориентировал суды на такую оценку доказательства, но в судебной практике это присутствует, что, бесспорно, негативно сказывается на авторитете судебной власти. Как представляется такое толкование закона связано с недопониманием в конкретных случаях правоприменителями такой категории как «доказательство».

Рассматривая «повод» и «основание» к возбуждению уголовного дела можно найти настолько «увлекательные» процессуальные решения со множеством «неустановленного», что интрига этой разгадки, как мы это понимаем, непосильна даже специалистам науки логики, для вывода о «неустановленности» «установленного».

Это мы к тому, что стало обыкновением судебной практики принимать как должное процессуальное решение о возбуждении уголовного дела по неисполнению гражданско-правового договора, заключенного между конкретными лицами, взявшими на себя определенные обязательства, по факту, то есть в отношении неустановленных лиц.

Представим некоторые доводы по игнорированию аргументов участников уголовного судопроизводства как проблему.

Не исключение в правоприменительной практике игнорирование доводов участников обращений, когда в ответах, судебных решениях на их обращения отсутствует какая-либо реакция. Такое положение вещей является беззаконием во всех смыслах, и оно не должно присутствовать в правоприменительной практике. Если же оно допущено в ответах прокурора, следователя, в судебных решениях, то такие правоприменительные акты, в силу их изначальной незаконности, без рассмотрения по существу обращения заявителя, должны быть отменены вышестоящими инстан-

циями с требованием проведения служебного расследования о причинах неуважительного отношения к правам участников уголовного судопроизводства и требованиям закона.

А убедиться в том, что это явление не исключение, достаточно обратиться лишь к одному из последних решений Конституционного Суда Российской Федерации по обращению гражданина Абрамова Ю.В., в котором заявитель просил признать неконституционными «главу 45.1 «Производство в суде апелляционной инстанции» и в особенности ст. 389.13 «Порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции» УПК Российской Федерации в той части, в которой они не обязывают суд апелляционной инстанции рассмотреть все доводы апелляционной жалобы и дать на них мотивированный ответ» [7].

В нем же Конституционный Суд РФ и указал, что «неоднократно» было уже указано, что в соответствии с законом – нормами, конституционность которых оспаривал гражданин Абрамов Ю.В., действующими «во взаимосвязи» с ч.4 ст. 7 УПК РФ, «не допускается отказа суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются».

Конституционный суд в данном решении в подтверждение «неоднократности» ориентировал на девять своих решений, начиная с 1995 года по 2021 год, которые не являются исчерпывающими.

Возникает естественный вопрос, а сколько еще «неоднократностей» потребуется от Конституционного Суда Российской Федерации в повторении абсолютно ясной позиции, чтобы правоприменитель требование закона принимал «в настоящем его значении, и что никакой игры слов по сему поводу не допускается» [8, с. 102]. Можно уверенно ответить: бесконечное множественно, если это явление лишь констатировать, а не принимать меры к его искоренению.

В юридической литературе довольно часто обращаются к теме судебных ошибок. Но в данном случае имеет место не ошибка, а прямое игнорирование требований закона, которые законодателем изложены «яснее ясного», на что неоднократно в своих решениях и указывал Конституционный Суд Российской Федерации.

В ноябре-декабре 2022 г. планируется проведение X Всероссийского съезда судей России. Мы полагаем, что указанная проблема, должна быть вынесена на обсуждение Научно-консультативного Совета при Верховном Суде Российской Федерации, который призван содействовать укреплению законности при отправления правосудия. решение которого по результатам обсуждения этой проблемы вынести на обсуждение съезда судей для принятия конкретных решений.

Караван правосудия должен идти, оставляя на своем пути веру в утверждение справедливости и милости в храме правосудия, ибо человечество пока не изобрело другого органа для защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67345
2. Главный следователь Башкирии назвал пиар-акцией резонанс вокруг дела Санкина // – URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/246301090

3. Ролз Джон, Теория справедливости : Пер, с англ./ Науч. ред. и предисл. В.В.Целищева. Изд. 3-е.-М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. – 536, С. 65.
4. Милль Джон Стюард «Система логики силлогической и индуктивной : Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». Пер. с англ. /Предтсл. И прил. В.К. Финна. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 832 (из наследия мировой философской мысли: логика). С.699.
5. Сумин А.А. Право на судебную ошибку – легализация судейского непрофессионализма и личной безответственности судей. // Вестник экономической безопасности. 2021; (2): 223 – 5.
6. С.С.Арсентьева Принцип своевременности осмотра места происшествия никто не отменял // Российский судья. 2022. № 1 С. 32-34.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 2689-О от 28 декабря 2021 года «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абрамова Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision580427.pdf
8. М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия. Собрание сочинений в десяти томах. Т.8. Москва. Издательство «Правда». 1988. С. 102.

Arsentieva S.S. Savchenko A.N. Article: Systemic judicial errors or just a system? // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 260-264.

The article presents the point of view that the problems of judicial practice are caused by flaws in the application of laws. The authors came to the conclusion that the caravan of justice should go, leaving faith in the assertion of justice and mercy in the temple of justice on its way. In their opinion, the problem of "how laws are applied", which is presented in the article in the aspect of negligence in motivating court decisions, should be the subject of discussion at the X All-Russian Congress of Judges of Russia. and correctly

Keywords: "justice", "interpretation of the law", "morality", "judicial practice", "interpretation of the law", "principle of legality", "logic", "arguments of appeals", "motivation of the court decision", "behind the bus stop".

Spisok literatury:

1. Prezident Rossii. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67345
2. Glavnyj sledovatel' Bashkirii nazval piar-akciej rezonans vokrug dela Sankina // – URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/246301090
3. Rolz Dzhon, Teoriya spravedlivosti : Per, s angl./ Nauch. red. i predisl. V.V.Celishcheva. Izd. 3-e.-M.: URSS: LENAND, 2017. – 536, S. 65
4. Mill' Dzhon Styuard «Sistema logiki sillogicheskoj i induktivnoj : Izlozhenie principov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya». Per. s angl. /Predtsl. I pril. V.K. Finna. Izd. stereotip. – M.: LENAND, 2020. – 832 (iz naslediya mirovoj filosofskoj mysli: logika). S.699
5. Sumin A.A. Pravo na sudebnuyu oshibku – legalizaciya sudejskogo neprofessionalizma i lichnoj bezotvetstvennosti sudej. // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2021; (2): 223 – 5.
6. S.S.Arsent'eva Princip svoevremennosti osmotra mesta proisshestviya nikto ne otmenyal // Rossijskij sud'ya. 2022. № 1 S.32-34
7. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii № 2689-O ot 28 dekabrya 2021 goda «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Abramova YUriya Viktorovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav ryadom polozhenij Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii». – URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision580427.pdf
8. M.E. Saltykov-SHCHedrin. Sovremennaya idilliya. Sobranie sochinenij v desyati tomah. T.8. Moskva. Izdatel'stvo «Pravda». 1988 S. 102.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 265-270.

УДК 343

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ахмедханова С. Т.

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Коррупционная преступность в области образования – это сложный и многогранный процесс, порождающий негативные тенденции в развивающемся обществе и способствует порождению отрицательного мировоззрения к системе бесплатного государственного образования у нынешней молодежи. Коррупционная преступность в сфере образования это противоправное, наказуемое, общественно опасное деяние, касающееся интересов государства в области обеспечения бесплатным образованием подрастающее поколение; совершаемые лицами благородной профессии, негативные, противоправные поступки непосредственно на своем рабочем месте, преследуя исключительно корыстный интерес.

Субъекты коррупционной преступности, осуществляя свои полномочия, подрывают авторитет и статус образовательного процесса и формируют негативное отношение к системе образования в обществе. Коррупционная преступность в образовательной среде характеризуется рядом отличительных признаков: представляет собой негативный противоправный процесс; касается интересов государства в сфере реализации права каждого гражданина на получение бесплатного образования; отрицательно сказывается на воспитании и развитии подрастающего поколения; связано с совершением поступлений на рабочем месте использую служебное, должностное, положение и полномочия; обязательное присутствие корыстной мотивации; подрыв авторитета и статуса образовательной деятельности; формирование негативного отношения к учебному процессу.

Ключевые слова: образование, коррупция, объективная сторона, преступление, функции, должностное лицо.

В сфере образования коррупционная преступность зарождается в области управления образовательной системой, либо обеспечения образовательного процесса. Управленческие структуры системы образования включают в себя комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих структур, осуществляющих управление всеми системами государственного и муниципального образования, разрабатывающие образовательные программы, направленные на развитие системы образования, обеспечивающие методическое и информационное сопровождение образовательного процесса, государственно регламентирующие все этапы образовательной деятельности, начиная с системы среднего образования с начальных классов.

Непосредственно сама образовательная деятельность включает в себя: учебный процесс, административное руководство, хозяйственное сопровождение. Ярко выражены коррупционные проявления в самом учебном процессе. Согласно ст. 290 УК РФ под получением взятки, понимают получение должностным лицом, как непосредственно, так через посредника определенного денежного, либо имущественного вознаграждения, совершая определенные действия, входящие в служебные полномочия должностного лица в отношении взяткодателя, либо оказывая содействие совершению определённых действий, в виде покровительства или попустительства.

Субъектом преступления не всегда являются должностные лица, которые обладают достаточными полномочиями по выполнению определенных действий в пользу взяткодателя, а могут быть лица, которые содействуют выполнению определенных действий другими должностными лицами. В качестве взятки субъекты коррупционной преступности могут получить денежные средства, ценные бумаги, материальные ценности, различные льготы, услуги [2, с. 272].

Объективная сторона получения взятки заключается в совершении определенных действий в отношении лица, предлагающего вознаграждение за совершаемые должностным лицом действия, исходящие из круга его должностных обязанностей, либо выходящее за пределы его обязательств, и при этом взяткополучатель осознавал противоправность характера своих действий, целью которых является получение материального вознаграждения.

Чтобы лицо признать виновным за совершение преступного деяния, предусмотренного ст. 290 УК РФ, необходимо установить факт получения денежного вознаграждения за совершение определенных действий в пользу взяткодателя. Не всегда предметом преступления выступают денежные средства, взяткодатель может оказать услуги имущественного характера, либо предоставить в пользование и распоряжение определенное имущество.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ, понятие как незаконное оказание услуг имущественного характера включает в себя предоставление любых имущественных выгод, а также освобождение от имущественных затрат, связанных с выплатой задолженности по кредиту, предоставление туристических путевок по низкой стоимости, предоставление транспорта, проведение строительных и ремонтных работ.

Согласно проведенному анализу, объективная сторона получения взятки ст. 290 УК РФ представляет собой получение должностным лицом определенного вознаграждения за совершение действий, либо бездействии в отношение взяткодателя, с использованием своих должностных полномочий. Понятие бездействия, в данном случае, характеризуется как воздержание должностного лица от действий, которые оно должно было выполнить при наличии определенных обстоятельств.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ, под преступным бездействием понимают воздержание должностного лица от преступных действий, которое оно обязано совершить с использованием своих служебных полномочий, либо неисполнение лицом своих служебных обязанностей. К бездействию относится не составление протокола при нарушении правил дорожного движения, отстранение от вождения транспортным средством, направление водителя на предмет установления состояния алкогольного или наркотического опьянения [6, с. 126-128].

Преступное деяние, в виде получения взятки ст. 290 УК РФ считается оконченным с момента получения хотя бы части материальных благ за совершение противоправных деяний, при этом не имеет значение наличие реальной возможности у взяткополучателя пользоваться и распоряжаться полученными денежными средствами. Взятка, полученная группой лиц по предварительному сговору, рассматривается, как оконченное преступное деяние с момента получения материальных благ хотя бы одним должностным лицом и, если в данном преступлении участвовало несколько должностных лиц, заранее обговоривших детали совместного совершения,

не зависимо от того, осознавал ли взяткодатель факт участия нескольких лиц в преступлении.

Посредничество ст. 291[1] УК РФ в даче, либо получении взятки, представляет собой процесс непосредственной передачи взятки по поручению одной сторон, преступление считается оконченным с момента достижения и реализации соглашения между сторонами о передаче материальных благ другой стороне. Это, своего рода, способствование в процессе непосредственной передаче материальных благ от взяткодателя к взяткополучателю, преступная деятельность, направленная на достижение и реализацию заключенного между сторонами соглашения.

Объективная сторона данного состава преступления предусматривает передачу должностному лицу материальных благ в целях совершения взяткополучателем определённых действий, входящих в круг его должностных полномочий, но причиняющих вред охраняемым законом интересам личности и государства. Согласно ст. 33 УК РФ, объективную сторону состава преступления, связанного с дачей взятки, выполняет непосредственно взяткодатель, следовательно, пособничество в даче взятки предусматривает действия, направленные на содействие процессу передаче материальных благ. В случаях, когда должностное лицо отказалось брать взятку и осуществлять определенные действия в интересах взяткодателя, подобные действия необходимо квалифицировать как покушение на дачу взятки [4, с. 2-9].

Получение взятки, как преступное деяние, предполагает совершение ряда альтернативных действий: принятие материальных благ должностным лицом непосредственно; принятие материальных благ родными и близкими должностного лица с его согласия, либо при отсутствии его возражения; получение материальных благ посредником с последующей передачей лицу, осуществляющему служебные полномочия; получение материального блага любым лицом, на которое указало должностное лицо.

Процесс получения взятки образует состав преступления с момента принятия хотя бы части поучаемых материальных благ, что указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 июля 2013 г. № 24. Материальные блага подразделяются на два вида в зависимости от времени их совершения: взятка-подкуп, которая передаётся с целью побуждения лица на совершение определенных действий, и материальные блага, которые передаются как вознаграждение должностному лицу после совершения действий интересующих взяткодателя.

Квалифицирующие обстоятельства состава преступления связаны с размером взятки, незаконными действиями, направленными на получение взятки, наличием специального субъекта, требования передачи взятки и наличия признаков соучастия при совершении преступления. В квалифицированном составе данной статьи в качестве самостоятельного состава предусмотрено обещание и предложение посредничества во взяточничестве. Наказуемость наступает при осуществлении конкретных действий, направленных на реализацию преступного результата, а также, если сумма взятки достигает значительного размера [7 с. 219].

Статья 291.2 УК РФ предусматривает наступление уголовной ответственности в случаях мелкого взяточничества на сумму 10000 руб., согласно диспозиции данной статьи, ответственность предусмотрена как для взяткополучателя, так и для взяткодателя. При квалификации по данной статье необходимо учитывать направленность умысла субъектов преступления, и наличие определенных обстоятельств, если к

передаче планировалась взятка, превышающая 10 тыс. рублей, однако на деле передали сумму меньше, чем 10 тыс. рублей, содеянное необходимо квалифицировать как покушение на ст.ст. 290-291 УК РФ.

Статья 292 УК РФ предусматривает ответственность за случаи внесения должностным лицом и государственным и муниципальным служащим заведомо недостоверных сведений, искажающих, несоответствующих действительности и при этом мотивируется наличием у субъекта преступления корыстной заинтересованности. Предметом преступления выступают официальные документы органов государственной власти, имеющие юридически закрепленное значение, и влекущие определенные последствия, закрепляющие права и отражающие факты, способствующие возложению обязательств, либо освобождению от них, изменению их объема.

Объективная сторона преступления предусматривает совершение должностным лицом несколько альтернативных действий: совершение хотя бы одного из них предусматривает наступление полной ответственности по данной статье. Внесение при начальном составлении официального исходящего государственного и муниципального документа заведомо недостоверных, ложных, недействительных сведений, подтверждающих факты несоответствующие действительности, путем использования бланка государственного документа, либо изготовления нового бланка документа [3, с. 230-234].

Внесение исправлений в уже составленные государственные документы, искажающие действительность раннее внесенных сведений, подписка, дописка сведений, заверяющих ложные факты в официальных документах.

К коррупционным преступлениям относятся также ст. ст. 285-286 УК РФ, требующие особого подхода при квалификации преступного деяния, совершенного должностным лицом (специальным субъектом) с использованием, либо злоупотреблением своих полномочий. Объективная сторона злоупотребления должностными полномочиями квалифицируется наличием трех обязательных признаков. Преступное деяние представляет собой совершение противоправного, запрещенного законом деяния (возможно и путем бездействия) должностным лицом используя свои полномочия, прописанные в Федеральном законе соответствующего государственного органа, причиняя вред охраняемым интересам общества и государства.

Формально, действия лица являются правомерными, так как обусловлены его компетенциями и должностными обязанностями, однако они совершаются вопреки законным интересам службы, основным целям и задачам деятельности должностного лица, не вызванные служебной необходимостью. Если должностное лицо использует неслужебные отношения, связанные с личными связями, авторитетом занимаемой должности, то квалификация по данной статье не образуется. Объективной стороной данного состава преступления предусмотрено обязательное наступление последствий в виде причинения вреда охраняемым законном интересам общества и государства, а также существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций.

Обязательным признаком данного противоправного деяния, позволяющим быстро и правильно квалифицировать совершенное преступление и значительно облегчающий процесс правоприменительной практики для сотрудников правоохранительных органов является наличии должностного лица в качестве субъекта преступления, выполняющего организационно-распорядительные и административно-

хозяйственные функции. О функциях представителя власти говорится в примечании к ст. 318 УК и п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, об иных функциях - в п. 4 - 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19.

Не всегда выполнение административно-хозяйственных и сугубо профессиональных функций присуща должностному лицу, обязательному субъекту злоупотребления должностными полномочиями, при квалификации трудность возникает в разграничении компетенций между государственными и коммерческими служащими, так-как и те, и другие выполняют управленческие функции в подконтрольных им структурах. Отличительной особенностью присущих должностному лицу функций является осуществление их постоянно, временно или по специальному полномочию.

Функции должностного лица закреплены в Федеральном законе, регламентирующем деятельность соответствующей государственной структуры, их выполнение является обязательным при назначении или избрании на должность на постоянной основе либо на законодательно закрепленный промежуток времени. Постоянное выполнение функций не ограничено временными рамками и осуществляется лицом с момента занятия им своей должности [1, с. 230-235].

Временное назначение связано с временным отсутствием должностного лица на постоянной основе выполняющим свои функции. По специальному полномочию функции осуществляются лицом посторонним по отношению к данному государственному и муниципальному органу, выполнение временно закрепленных за ним функций входят в круг обязательств лица в силу занимаемой им должности по основному месту работы (проверяющий, специалист, ревизионист, надзиратель).

Понятие должностного лица присуща лицам выполняющим административно-хозяйственные и организационно -распорядительные функции в органах государственной власти и муниципальных управлениях, государственных корпорациях и компаниях, муниципальных унитарных предприятиях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации. Данный признак выступает существенным критерием для разграничения совершенного преступного деяния, для правильной квалификации в правоприменительной практике, для отнесения к преступлениям против государственной службы и преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Список литературы:

1. Чашин А. Коррупция в России / Чашин Александр. - М.: Дело и сервис (ДиС), 2020. – 920 с.
2. Артемьев А.Б. Антропология коррупции / А.Б. Артемьев. - М.: Издательство юридического института (Санкт-Петербург), 2019. – 272 с.
3. Гончаренко Г.С. Понятие, сущность и виды коррупции современной России // Административное и муниципальное право, 2010, № 6 – С.230-234.
4. Дж. Поуп Противодействие коррупции: элемент системы Национальной целостности / Дж. Поуп – Transparency International, 2000. 1990. № 8. – С. 2-9.
5. Джозеф С. Най Коррупция и политического развития: Анализ затрат и выгод. / Джозеф С. Най // The American Political Science Review, 1967. № 2. – С. 419-423.
6. Ромашина Е.В. Правовой механизм противодействия коррупции в Советской России // История государства и права, 2010, № 17.- С. 127-150.
7. Сулакшин С.С. Доктрина государственной политики противодействия коррупции и теневой экономике в Российской Федерации (макет-проект) / С. С. Сулакшин. - М.: Научный эксперт, 2018. - 219 с.

Akhmedkhanova S.T. General characteristics of objective signs of corruption crimes committed in the field of education // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 265-270.

Corruption crime in the field of education is a complex and multifaceted process that generates negative trends in a developing society and contributes to the generation of a negative worldview towards the system of free public education among today's youth. Corruption crime in the field of education is an illegal, punishable, socially dangerous act concerning the interests of the state in the field of providing free education to the younger generation; committed by persons of a noble profession, negative, illegal acts directly at their workplace, pursuing an exclusively selfish interest.

The subjects of corruption crime, exercising their powers, undermine the authority and status of the educational process and form a negative attitude towards the education system in society. Corruption crime in the educational environment is characterized by a number of distinctive features: it is a negative illegal process; it concerns the interests of the state in the sphere of the realization of the right of every citizen to receive free education; it negatively affects the upbringing and development of the younger generation; connected with the implementation of income in the workplace, I use official, official, position and authority; the mandatory presence of selfish motivation; undermining the authority and status of educational activities; the formation of a negative attitude to the educational process.

Keywords: education, corruption, objective side, crime, functions, official.

Spisok literatury:

1. CHashin A. Korrupciya v Rossii / CHashin Aleksandr. - M.: Delo i servis (DiS), 2020. – 920 c.
2. Artem'ev A.B. Antropologiya korrupcii / A.B. Artem'ev. - M.: Izdatel'stvo yuridicheskogo instituta (Sankt-Peterburg), 2019. – 272 c.
3. Goncharenko G.S. Ponyatie, sushchnost' i vidy korrupcii sovremennoj Rossii // Administrativnoe i municipal'noe pravo, 2010, № 6 – S.230-234.
4. Dzh. Poup Protivodejstvie korrupcii: element sistemy Nacional'noj celostnosti / Dzh. Poup – Transparency International, 2000. 1990. № 8. – S. 2-9.
5. Dzhozef S. Naj Korrupciya i politicheskogo razvitiya: Analiz zatrat i vygod. / Dzhozef S. Naj // The American Political Science Review, 1967. № 2. – S. 419-423.
6. Romashina E.V. Pravovoj mekhanizm protivodejstviya korrupcii v Sovetskoj Rossii // Istoriya gosudarstva i prava, 2010, № 17.- S. 127-150.
7. Sulakshin S.S. Doktrina gosudarstvennoj politiki protivodejstviya korrupcii i tenevoj ekonomike v Rossijskoj Federacii (maket-proekt) / C. S. Sulakshin. - M.: Nauchnyj ekspert, 2018. - 219 c.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 271-274.

УДК: 342.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЕЩЕННОЙ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ», ЗАПРЕЩЕННОЙ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ

Басов А. В.
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются факторы, создающие устойчивые предпосылки к систематизации законодательства, нормы которого регулируют рассмотрения административных дел о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», запрещенной к распространению, анализируются проблемы правового регулирования в этой сфере с учетом практики правоприменения. Целью исследования является формирование представлений о содержании возникающих в процессе правоприменения проблем. В приведенном исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы познания социально-правовых явлений: системный и структурно-функциональный. Выявление проблем регулятивного и правоприменительного характера, разработка предложений по совершенствованию правового регулирования осуществлялись с использованием нормативно-логического и герменевтического методов.

Ключевые слова: административные дела, информация, запрещенная к распространению, законодательство, систематизация, правоприменительная практика, сеть.

В связи со стремительным развитием информационных, цифровых технологий, влекущих увеличение скорости передачи информации, формированием информационных систем потоки информации в глобальном правовом пространстве приобретают неуправляемый, неурегулированный характер, нарушая конституционные права граждан, и поэтому нуждаются в контроле со стороны государства, его органов. В. В. Гриценко указывает, что «наряду с информацией и информационными системами и правами на них надо защищать и самого человека, и общество от воздействия информации» [1, с. 168-169].

Представляется, что обеспечить реализацию прав граждан, в том числе информационных, может только система органов, использующая законные механизмы обеспечения. Основным органом указанной системы является прокуратура Российской Федерации, о чем свидетельствуют статистические данные. Так, в 2021 году произошло увеличение количества направленных в суд административных исковых заявлений о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», запрещенной к распространению.

Всего прокурорами в 2021 году направлено 117 356 административных исковых заявлений о признании информации запрещенной к распространению. Аналогичный показатель в 2020 году был ниже и составлял 97 776 административных исковых заявлений.

Судами рассмотрено 105 087 административных исков указанной категории, признаны обоснованными и удовлетворены требования по 94 344 делам. В целом удовлетворяемость данных дел в 2021 году составила 89 %.

По сравнению с 2020 годом уменьшилось количество административных дел, по которым отказано в удовлетворении заявленных прокурором требований (с 70 до 44). Вместе с тем увеличилось количество дел, прекращенных судом по иным основаниям (с 9 161 до 10 694).

В 2021 году рассмотрено и удовлетворено 9 апелляционных и 2 кассационных представлений прокуроров, принесенных на необоснованные судебные акты. В 2020 году судебные акты по данной категории дел оспаривались прокурорами только в апелляционном порядке, в результате по апелляционным представлениям прокуроров отменено или изменено 23 судебных постановления [2].

Рост данного показателя, по-прежнему, связан с активной позицией граждан, обращающихся в органы прокуратуры с заявлениями по данному вопросу, наличием обращений, поступающих из Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор), ростом количества данной информации и, соответственно, увеличением количества фактов выявления такой информации прокурорами по результатам мониторинга сети «Интернет».

Одной из проблем, возникающих при подготовке прокурорами административных исковых заявлений данной категории, является установление владельцев сетевых ресурсов (администратора домена или владельца доменного имени).

В соответствии с п.17 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] определено, что владелец сайта в сети «Интернет» – это лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети «Интернет», в том числе порядок размещения информации на таком сайте.

Решения, являющиеся основанием для ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, принимаются судами общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства в рамках осуществления обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям.

Поскольку судебное решение о признании информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, не только устанавливает правовое состояние такой информации и ограничивает владельца сайта в осуществлении права на свободное распространение информации любым законным способом, но и порождает для владельца сайта обязанность по ее удалению, то судебный акт затрагивает права и законные интересы указанных лиц, в связи с чем, они должны быть привлечены к участию в деле.

Указанное следует из разъяснений, приведенных в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018 [4], и положений статьи 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Вместе с тем, установить владельцев сайтов на стадии подготовки административного иска и направления его в суд для рассмотрения, как правило, не представ-

ляется возможным, ввиду отсутствия таких сведений в Роскомнадзоре и на сайте регистратора доменных имен.

Отдельные сервисы не содержат полные сведения об администраторах доменных имен, которые могут быть использованы при подготовке административного иска.

Рассматривая и удовлетворяя административные иски, суды первой инстанции принимают во внимание полученные прокурорами сведения из уполномоченного органа (Роскомнадзора) об отсутствии сведений о владельцах сетевых ресурсов и соответствующие сведения с сайта регистратора доменных имен.

Однако, в последующем имеют место факты обращения владельцев сетевых ресурсов, сведения о которых отсутствовали на момент предъявления прокурорами административных исков и их рассмотрения судом, с жалобами в суд апелляционной инстанции на состоявшиеся судебные решения в связи с нарушением норм процессуального права, что влечет отмену вышестоящим судом судебных постановлений по основаниям, предусмотренным п. 2, 4 ч. 1 статьи 310 КАС РФ, с направлением дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение (апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Мурманского областного суда по делу № 33а-587/2022) [5].

Кроме того, нельзя не отметить факт увеличения показателя прекращения судами производств по делам данной категории по иным основаниям.

Общий процент прекращенных дел по иным основаниям от числа рассмотренных судом в 2021 году составил 9,6 %, что в большинстве случаев обусловлено установлением на момент рассмотрения административного дела судом факта закрытия аккаунта, на котором размещалась запрещенная к распространению информация, либо ее удаления на основании решения судов других субъектов Российской Федерации. Указанное может повлечь негативные последствия, в виде последующего взыскания судебных издержек за счет казны Российской Федерации. В связи с отказом прокуратуры от заявленных требований.

В качестве решения данной проблемы и снижения показателя прекращения дел по иным основаниям необходимо ориентировать прокуроров на объединение в одном административном исковом заявлении сведений о нескольких интернет-сайтах, содержащих информацию, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено, тождественной тематики.

Вместе с тем, количество прекращенных дел данной категории по иным основаниям остается достаточно высоким.

Принимая во внимание, складывающуюся судебную практику, свидетельствующую о допускаемых уполномоченными органами нарушениях, представляется необходимым отметить важную роль прокуроров по обеспечению участия в рассмотрении административных дел данной категории, которая строится на тщательном изучении материалов дел, анализе законодательства и судебной практики по спорным правоотношениям, а также на своевременной реакции на незаконные и необоснованные судебные постановления путем принесения апелляционных, кассационных и надзорных представлений.

Список литературы:

1. Гриценко В. В. Проблемы предъявления прокурором административных исков в информационной сфере // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. №4 (47). С. 166–178.

2. Выборочные данные из формы ГАС «Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве» за 2020 г. и 2021 г. (утверждена приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29.05.2018 № 322).
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 11.06.2022).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294792/ (дата обращения 12.06.2022).
5. Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Мурманского областного суда по делу № 33а-587/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6754844&case_uid=b0a87b57-e491-4cdf-8e10-427f0b3f56e9&delo_id=5&new=5 (дата обращения 22.06.2022).

Basov A. V. Some aspects of the practice of the prosecutor's participation in administrative cases to recognize the information posted on the information and telecommunications network "Internet", prohibited for distribution // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 271-274.

The article discusses the factors that create stable prerequisites for the systematization of legislation, the norms of which regulate the consideration of administrative cases on the recognition of information posted on the Internet information and telecommunications network as prohibited for distribution, analyzes the problems of legal regulation in this area, taking into account the practice of law enforcement. The purpose of the study is to form ideas about the content of problems arising in the process of law enforcement. In the above study, general scientific and particular scientific methods of cognition of social and legal phenomena were used: systemic and structural-functional. Identification of problems of a regulatory and law enforcement nature, development of proposals for improving legal regulation were carried out using normative-logical and hermeneutic methods.

Key words: administrative cases, information prohibited for dissemination, legislation, systematization, law enforcement practice, network.

Spisok literatury:

1.Gricenko V. V. Problemy pred"yavleniya prokurorom administrativnyh iskov v informacionnoj sfere // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2021. №4 (47). S. 166–178.
2.Vyborochnye dannye iz formy GAS «Uchastie prokurora v grazhdanskom, administrativnom i arbitrazhnom sudoproizvodstve» za 2020 g. i 2021 g. (utverzhdena prikazom General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 29.05.2018 № 322).
3.Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (data obrashcheniya 11.06.2022).
4.Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1 (2018), utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 28.03.2018 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294792/ (data obrashcheniya 12.06.2022).
5.Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po administrativnym delam Murmanskogo oblastnogo suda po delu № 33a-587/2022 [Elektronnyj resurs]. URL: https://oblsud--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6754844&case_uid=b0a87b57-e491-4cdf-8e10-427f0b3f56e9&delo_id=5&new=5 (data obrashcheniya 22.06.2022).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 275-280.

УДК 341.231.14

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СИТУАЦИИ НЕПРИЗНАНИЯ ИХ ГОСУДАРСТВОМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ СООБЩЕСТВОМ

Гельдибаев М. Х., Михайлов В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье исследуются проблемы официального признания национальных меньшинств как признака их провосубъектности, деликтоспособности и практической гарантии ненарушения и защиты их неотъемлемых прав. Показаны противоречия современной западной либеральной правовой теории, препятствующей признанию и идентификации в качестве субъектов права национальных сообществ, что приводит к правовым коллизиям и политике «двойных стандартов» в вопросе права наций на самоопределение. Рассмотрены проблемы непризнания государственными органами и руководством Украины прав русскоязычного населения на национально-культурное самоопределение, показано как нарушения прав значительного числа граждан Украины привели к внутреннему гражданскому конфликту, в котором Украина продолжила выступать против признания прав объявивших о самоопределении республик ДНР и ЛНР. Преступления украинского руководства в ходе АТО, геноцидальная политика в отношении значительной части своего народа, а также игнорирование международным политическим и правовым сообществом этих преступлений привели к тому, что Российская Федерация признав независимость ДНР и ЛНР начала защиту прав граждан в ходе СВО.

Ключевые слова: правовая защита, гражданство, национальные меньшинства, права меньшинств, этническая идентичность, деликтоспособность, идентифицируемость национальной группы, признание правовой субъектности, русскоязычное население Украины.

Одной из сложных проблем современной теории правовой защиты национальных меньшинств является разграничение этнического и гражданского национализма. Так, в русском языке четко разделяется гражданское самоопределение, то есть принадлежность к государственному образования, и этно-национальное самоопределение, то есть принадлежность к определенной группе, обладающей культурными индетериминантами и не зависящей от проживания в том или ином государстве. При этом, как отмечает Р. Брукейкер, гражданство имеет в своей сущности не только включающий, но исключающий признак [2]. То есть, «условием гражданства является наличие неграждан, а включение в нацию предполагает некие исключенные из нее группы» [1, с. 14]. Схожая ситуация с правовым статусом возникает и в случае определения национальной группы или меньшинства в рамках единого государственного сообщества, поскольку требуется официальное признание этой этнической группой со стороны государства и его властвующих органов, как отличной от других этнических сообществ и меньшинств, проживающих на территории данного государства. Таким образом, правовая регламентация и, следовательно, правоспособность определяется формализацией признания как в случае гражданско-правовой общности (признание гражданства), так и в случае общности национальной (признание национальной идентификации).

Исторически, как отмечает Юрген Хабермас, в европейской цивилизации изначально сформировалась ситуация преимущественной гражданской и национальной

идентичности, то есть, государства имели характер национальных государств, что позволяло этим государствам определять свою особенность и самостоятельность перед фактом существования других государств [11, с. 214-216]. Тем не менее, Хабермас полагал эту ситуацию тождественности гражданства и национальной определенности мерой временно, требующей преодоления за счет создания «политически культурно-организованного» общества, в котором национальная идентичность граждан не влияет на гражданские права и социальные институты [11, с. 243].

Данная либерально-демократическая концепция, результатом которой немецкий мыслитель полагал создание общества «граждан мира», в котором любые этнонациональные различия снимаются в космополитическом социально-государственном устройстве, близко сходится с идеями мультикультурализма и теории «дифференцированного гражданства», стремящимися к глобализированному устройству как политической карты мира, так и к универсальной глобализации правовых основ международных отношений. При этом, как отмечает А.С. Алехнович, «…на практике глобализация института национального гражданства ускоряет переход от государственной нации к постнациональному государству, действующему в логике корпоративных интересов» [1, с. 24]. При этом, старательно затушевывается любая групповая идентичность, отрицаются групповые различия граждан государств.

Так, в 2004 г. турецкий теоретик Б. Алган с работе «Переосмысление «третьего поколения прав человека» утверждал, что существование в правовой системе особых групповых прав является «противопоставлением всеми признанных универсальных, всеобщих и неотъемлемых прав человека, закрепленных в основных международно-правовых актах влиятельными международными институтами, что определенно создает коллизию различий между ними» [12, p. 151-152] Так, Алган полагает, что права национальных меньшинств являются не групповыми правами тех или иных признанных и идентифицированных сообществ, но правами представителей этих меньшинств действовать сообща. Таким образом, вопроса о признании этнической общности в рамках гражданско-правового общества не ставится вообще, а право народа, по мнению автора, «должно формулироваться в границах прав личности, реализовываться практически как индивидуальное право, согласно признанным всеобщим правам человека в соответствующей декларации ООН» [12, p. 152].

В том же направлении мыслит и Дж. Мерилз, который, на примере защиты прав граждан на достойную окружающую среду, полагает, что «право на экологичность является неотъемлемым правом индивида, в противном случае, законодательство встречает проблемы, связанные с определением стандартов, которые не могут определять национальный, этнический, религиозный или любой другой групповой характер экологического вреда» [14, p. 33]. Таким образом, автор уходит от вопроса о вреде не только отдельным сообществам населения государства, но и вреде, причиненном одним государствам другому государству, по сути, лишая правовую защиту в случае нарушения окружающей среды, любых форм межгосударственного судебного разбирательства, возможности препятствия дальнейшему нарушению прав значительного населения и компенсации ему в соответствии с нормами права.

В последние годы, в связи с очевидным провалом политики мультикультурализма в таких европейских «образцовых» демократиях¸ как Франция, Германия и Британия, е еще большие проблемы, связанные с миграцией в Европу массового инона-

ционального населения, вопросы идентификации и признания религиозных, языковых, культурных прав национальных меньшинств снова стали переосмысливаться в традиционных национально-государственных правовых границах. Снова стали обсуждаться теоретические основы групповых прав, в частности, понятие «идентифицируемости» как одного из факторов юридического статуса сообщества, позволяющего ввести его в правовое поле государства и международного сообщества. Определяемые американским правоведом В. Ван Дайком критерии «идентифицируемости»: длительное и стабильное социальное существование, устойчивость к социальным изменениям, самоидентификация всех членов сообщества как целое [13, p. 21–40], очевидно, лучше всего применимы по отношению к этно-национальным сообществам, национальным и религиозным меньшинствам, однако, присутствие в большинстве определений правоспособности гражданских групп критерия «признанности» со стороны государства делает бесполезным любое самостоятельное решение национальной группы заявить о своих правах и своей правовой субъектности.

При этом, как признается большинством правоведов, правовой статус народа, нации, национального меньшинства так и не получил однозначного и общепризнанного определения в международных актах и правовых регуляциях. Так, вопрос о праве наций на самоопределение остается спорной концепцией, а практика признания самоопределившихся государств на международном уровне подвержена не только спорам, но и конкретным «двойным стандартам», в зависимости от глобальных геополитических условий, часто не относящихся к тому, что привело к решению народа объявить о своем самоопределении и самостоятельной организации государственной жизни. Это оставляет как в теории, так и в практике сохранять ситуацию «правовой неопределенности» в отношении значительного числа этнокультурных сообществ, в различных государствах, и даже отказывать в правовом статусе целым государственным образованиям.

Непризнание права наций и народов самим определять свою политическую судьбу особенно ярко проявилось на постсоветском пространстве, после распада СССР. В ходе этого процесса, прошедшего стихийно, без учета многих территориальных, этнических, культурных особенностей, проблематика защиты прав меньшинств приобрела особенную остроту. Наличие значительного числа русскоязычных «неграждан» в государствах Прибалтики [3], нарушение прав иноязычного населения в большинстве новообразованных государств на территории бывшего СССР так и не нашли отклика в международном сообществе, а одинокие усилия Российской Федерации, ее институтов и правозащитных организаций часто игнорировались как в странах-нарушителях, так и представителями международных правозащитных организаций. В результате конфликтные ситуации не разрешались, но усугублялись, а решимость национальных меньшинств, чьи права нарушались систематически, причем, эти нарушения закреплялись, как в случае с ситуацией на Украине, законодательно, усиливалась.

Так, в 2014 г. народы Крыма приняли решение выйти из состава Украины, принявшей культурно-геноцидальные законы о языке и коренных народах, и воссоединиться с Российской Федерацией, культурно, языково и исторически близким государством. Как отмечает В.В. Михайлов, в отношении Донецкой народной республики и Луганской народной республики «имеет место иная групповая расположен-

ность населения и, следовательно, иная форма прекращения пребывания в составе государства, нарушающего законные права значительных групп населения, как по национальному признаку, так и по признакам культурно-языковой идентификации. При этом русскоязычное большинство, как русских, так и украинцев и иных национальностей, имеет все права на свою языковую и культурную идентичность» [7, с. 15]. Тем не менбее, украинское руководство, продолжило политику непризнания идентичности русскоязычного меньшинства, соответственно, то есть отказа от соблюдения прав значительной части населения страны.

Начавшееся вооруженное противостояние, в ходе которого русскоязычное национальное меньшинство было объявлено в полном составе террористами, а международное сообщество много лет игнорировало призывы как населения ДНР и ЛНР, так и Российской Федерации повлиять на геноцидальную националистическую политику украинского руководства, выявило всю проблематику политики двойных стандартов, проводимую западным сообществом. Как и в случае с признанием Косово и непризнанием волеизъявления народов Крыма, международные правовые институты игнорировали нарушения прав народов Украины со стороны государства, оправдывая его антиправовые действия [10].

Здесь следует отметить, что сам факт непризнания украинским государственным аппаратом русскоязычного населения как национально-культурной общности лишает его и того, что в правовой науке называется деликтоспособностью, то есть, способность нести юридическую ответственность именно как общность. Как отмечает И.В. Самылов, признание и наличие организационного статуса отличают организации, неофициальные «социальные общества как таковые не могут быть субъектом правонарушения, поэтому меры юридической ответственности к ним применяться не должны» [9, с. 71]. Таким образом, нарушая права русскоязычного населения на своей территории, Украина, как признанное государственное образование, может и должна нести за это ответственность, а непризнанное ею самою в качестве национального меньшинства или коренного народа русскоязычное население не может в правовом смысле отвечать как юридическое целое, следовательно, так называемая «анти-террористическая операция», проводимая украинскими вооруженными силами против населения ДНР и ЛНР являлась незаконной и антиправовой [5, с. 181].

В ходе вооруженного гражданского конфликта на Украине систематически нарушались права значительного числа ее граждан, подпадающие под статьи международного, в том числе уголовного законодательства. К ним относятся:

«– умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях;

– умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями;

– умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями» [8].

Разрушалась экономика региона, незаконные действия украинского руководства вызвали массовую миграцию. Как отмечал В.В. Михайлов, «непризнание Украинским государством групповой идентичности населения Донецкой и Луганской народных республик, основанном на их национальном, языковом, культурном самоопределении, остается одним из главных препятствий к разрешению длительного военного и гражданского конфликта на Украине» [6, с. 30].

В результате, лишь официальное признание Российской Федерацией независимости этих государственных образований от Украины, не пожелавшей расстаться со статусом унитарного государства, стало основанием для возможности народам самостоятельно жить в соответствии со своими культурными ценностями и говорить на родном языке. Начавшаяся специальная военная операция вооруженных сил Российской Федерации, в юридическом смысле является законной защитой права признанных суверенных народов на самостоятельное решение своей судьбы в рамках общей системы правовой защиты, закрепленной международными правовыми актами.

Список литературы:

1. Алехнович А.С. Гражданство, нация и государство: проблема политического субъекта // Вопросы социальной теории. Том XI, 2009. С. 8-27.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2012. – 408 с.
3. В Европарламенте оправдали дискриминационные законы против русских в Прибалтике. URL: https://life.ru/1118832/ (дата обращения: 10.03.2022).
4. Доклад управления Верховного комиссара Организации Объединенных наций по правам человека. Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2018 – 15 февраля 2019 года. ООН: Управление Верховного комиссара, 209. 36 с.
5. Лосев К.В., Михайлов В.В. Групповая идентичность: проблемы теоретического определения и практической реализации групповых прав // Трансформация идентичностей: опыт Европы и России : сборник научных статей. В 2 частях. Часть 1. - Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2021. – С. 177-185.
6. Михайлов В.В. Юридические проблемы непризнания уязвимых групп на Украине // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). – С. 20-33.
7. Михайлов В.В. Третье поколение прав человека и вопрос о правовой защите русскоязычного населения Украины // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Том 11. № 5. – С. 10-18.
8. Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.: [Электронный ресурс]: URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 15.03.2022)
9. Самылов И.В. Особенности правосубъектности этнических сообществ в рамках обшей системы субъектов права // Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики: Сб. науч. трудов / отв. ред. Ю. В. Попков, И. С. Тарбастаева; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Изд-во «Манускрипт», 2017. 196 с. - С. 66–73.
10. Торребланка Х. И. Десять нарушений международного права, совершенных Россией на Украине // Иносми. 2015. 18 февр. URL: https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm (дата обращения: 10.03.2022).
11. Хабермас Ю. Демокартия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995. – 252 с.
12. Algan B. Rethinking “Third Generation” Human Rights // Ankara Law Review. Vol. 1. No 1, 2004.
13. Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982. P. 21-40.
14. Merrils J.G. Environmental Protection and Human Rights: Conceptual Aspects // Human Rights Approaches to Environmental Protection / ed. A.E. Boyles, M.R. Anderson. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 25-41.

Geldibayev M.H., Mikhailov V.V. Legal protection of national minorities in the situation of their non-recognition by the state and the international community // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 275-280.

The article examines the problems of official recognition of national minorities as a sign of their legal personality, delictworthiness and practical guarantee of non-infringement and protection of their inalienable rights. The contradictions of the modern Western liberal legal theory, which prevents the recognition and identification of national communities as subjects of law, which leads to legal conflicts and the policy of "double standards" in the issue of the right of nations to self-determination, are shown. The problems of non-recognition by state bodies and the leadership of Ukraine of the rights of the Russian-speaking population to national and cultural self-determination are considered, it is shown how violations of the rights of a significant number of citizens of Ukraine led to an internal civil conflict in which Ukraine continued to oppose the recognition of the rights of the republics of the DPR and LPR that declared self-determination. The crimes of the Ukrainian leadership during the ATO, the genocidal policy towards a significant part of its people, as well as the disregard of these crimes by the international political and legal community led to the fact that the Russian Federation, recognizing the independence of the DPR and the LPR, began protecting the rights of citizens during its own.

Keywords: legal protection, citizenship, national minorities, minority rights, ethnic identity, delictability, identifiability of a national group, recognition of legal subjectivity, Russian-speaking population of Ukraine.

Spisok literatury:

1. Alekhnovich A.S. Grazhdanstvo, naciya i gosudarstvo: problema politicheskogo sub"ekta // Voprosy social'noj teorii. Tom XI, 2009. S. 8-27.
2. Brubejker R. Etnichnost' bez grupp. – M.: Izd. dom GU VSHE, 2012. – 408 s.
3. V Evroparlamente opravdali diskriminacionnye zakony protiv russkih v Pribaltike. URL: https://life.ru/1118832/ (data obrashcheniya: 10.03.2022).
4. Doklad upravleniya Verhovnogo komissara Organizacii Ob"edinennyh nacij po pravam cheloveka. Doklad o situacii s pravami cheloveka v Ukraine 16 noyabrya 2018 – 15 fevralya 2019 goda. OON: Upravlenie Verhovnogo komissara, 209. 36 s.
5. Losev K.V., Mihajlov V.V. Gruppovaya identichnost': problemy teoreticheskogo opredeleniya i prakticheskoj realizacii gruppovyh prav // Transformaciya identichnostej: opyt Evropy i Rossii : sbornik nauchnyh statej. V 2 chastyah. CHast' 1. - Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGEU, 2021. – S. 177-185.
6. Mihajlov V.V. YUridicheskie problemy nepriznaniya uyazvimyh grupp na Ukraine // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 3 (65). – S. 20-33.
7. Mihajlov V.V. Tret'e pokolenie prav cheloveka i vopros o pravovoj zashchite russkoyazychnogo naseleniya Ukrainy // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2021. Tom 11. № 5. – S. 10-18.
8. Rimskij statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda 1998 g.: [Elektronnyj resurs]: URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (data obrashcheniya: 15.03.2022)
9. Samylov I.V. Osobennosti pravosub"ektnosti etnicheskih soobshchestv v ramkah obshej sistemy sub"ektov prava // Kollektivnye prava etnicheskih soobshchestv: problemy teorii i praktiki: Sb. nauch. trudov / otv. red. YU. V. Popkov, I. S. Tarbastaeva; IFPR SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo «Manuskript», 2017. 196 s. - S. 66–73.
10. Torreblanka H. I. Desyat' narushenij mezhdunarodnogo prava, sovershennyh Rossiej na Ukraine // Inosmi. 2015. 18 fevr. URL: https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm (data obrashcheniya: 10.03.2022).
11. Habermas YU. Demokartiya. Razum. Nravstvennost'. M.: Academia, 1995. – 252 s.
12. Algan B. Rethinking “Third Generation” Human Rights // Ankara Law Review. Vol. 1. No 1, 2004.
13. Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982. P. 21-40.
14. Merrils J.G. Environmental Protection and Human Rights: Conceptual Aspects // Human Rights Approaches to Environmental Protection / ed. A.E. Boyles, M.R. Anderson. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 25-41.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 281-286.

УДК 340.1

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ «ФЕЙКОВОЙ» ИНФОРМАЦИИ В ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ: ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Дерюгин А. А., Луценко В. В.

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

В настоящее время угрозу национальной безопасности Российской Федерации, в том числе должного уровня функционирования действующего политического режима, приносит деятельность дискредитирующих субъектов имеющих целевую установку по дестабилизации нормального уровня общественной жизни. В научной статье рассматриваются теоретико-правовые основания того, что противодействие распространению «фейковой» информации в вопросах обеспечения безопасности в настоящее время должно рассматриваться как цельная, взаимосвязанная деятельность всей системы государственных органов, направленная на гармоничное экономическое, духовное и социальное развитие общества, реализацию национальных интересов Российской Федерации.

Основным направлением работы современных фальсификаторов является разработка и внедрение в сознание масс доктрины действующей политики государства и сравнение ее с нацистским режим. О том, кто в действительности осуществляет защиту страны в современной действительности от любых негативных проявлений угрожающих национальной безопасности Российской Федерации, будут рассмотрено данной работе.

Ключевые слова: функции государства, «фейковая» информация, национальная безопасность, информационная безопасность, негативные последствия, правовое регулирование, права, свободы, доктрина национальной безопасности.

Термин «функция государства» применяется для обозначения основных, наиболее важных направлений деятельности государства, в которых проявляется его социальное назначение. Их первостепенной целью является обеспечение гармоничной жизнедеятельности общества.

Функции государства устанавливаются в зависимости от задач, стоящих перед государством на том или ином этапе его развития, являясь средством решения этих задач, основанным на содержании национальных интересов страны.

Для Российской Федерации одной из базовых государственных функций выступает функция защиты конституционных прав и свобод граждан, обеспечения гражданского мира и согласия, суверенитета, независимости и государственной целостности [1]. Реализация данной функции обеспечивается правоохранительными органами, органами публичной власти, институтами гражданского общества, которые последовательно реализуют политические, правовые, социально-экономические, информационные, организационные и иные меры.

Различные проявления кризисных ситуаций в жизни государства и общества требуют концентрации усилий всего государственного механизма по своевременной организации практических действий, направленных на предотвращение угроз государственной и общественной безопасности, выявлению и устранению причин и условий, которые их порождают.

Следует прямо сказать, что недружественные и порой откровенно враждебные силы за рубежом и внутри нашей страны, в своём арсенале средств и методов воздействия на Российскую Федерацию делают ставку на использование социально-экономических трудностей для стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, за счет манипулирования в информационной сфере.

К субъектам деятельности по разрушению общего гуманитарно-правового пространства, по мнению авторов, можно отнести политических лидеров недружественных государств, политические партии, организации и пр. деструктивные силы, которые используют в своем арсенале ложную информацию о деятельности российской власти в решении определенных общественно значимых задач. В связи с этим стоит вспомнить высказывание В.И. Ленина, который отмечал: «…люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [2].

В информационном пространстве, постоянно насыщаемом вбросами «фейковой» (от англ. fake – подделка) информации от враждебно настроенных субъектов, использующих возможности глобальных медиа-компаний, развернута деятельность по дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации, организации незаконных публичных акций, навязыванию искаженных взглядов на исторические факты, события, происходящие в мире и пр.

Стоит заметить, что вопросам достоверности распространяемой информации, законодатель уделил пристальное внимание только в 2019 г., приняв соответствующие поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Именно тогда в юридический оборот была введена дефиниция «недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений и создающая угрозу для безопасности» [4] и создан механизм обеспечения интересов общества и государства в указанной сфере [5].

Сегодня распространение «фейковой» информации (новостей), представляет собой спланированный и скоординированный процесс намеренного введения определенных субъектов (человека, национальных сообществ и т.д.) в заблуждение или же умышленное распространение заведомо искаженной информации в медиа пространстве. Конечной целью такого процесса является получение политической, экономической, военной и пр. выгоды. Так, директор Агентства национальной безопасности США Пол Накасоне заявил: «Мы должны перенести борьбу в киберпространстве на территорию противника – так же, как мы это делаем в других сферах вооруженной борьбы, поскольку ВС США не могут добиться успеха, если будут действовать только в пределах собственных сетей» [6].

На фоне возникающих информационных провокаций, способных нанести ущерб национальным интересам государства, Российская Федерация осуществляет целенаправленную правовую политику, направленную на создание законодательных барьеров распространению заведомо недостоверной информации в сфере безопасности. Так, в марте 2022 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7]. Данным нормативным право-

вым актом устанавливается уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил в целях защиты интересов государства, и общества, поддержания международного мира и безопасности. Также законодателем устанавливается уголовная ответственность за призывы к осуществлению иностранным государством, союзом или объединением мер ограничительного характера, выражающихся во введении или продлении политических или экономических санкций в отношении нашей страны, российских юридических и физических лиц.

Проведенные изменения позволяют государству эффективнее контролировать информационное пространство в целях пресечения распространения заведомо ложной информации о мероприятиях, проводимых силовыми структурами в интересах безопасности государства и общества. Поводом принятия такого решения, послужило распространение в медийном пространстве призывов к антироссийским санкциям, к насильственным действиям в отношении военнослужащих и членов их семей и пр. [8] Официальные представители государственных органов, комментируя данные правовые изменения, объясняют это тем, что все это должная необходимость, вызванная потребностью защитить правоохранителей и «правду», которую в последнее время так активно пытаются стереть противники России [9].

Следует отметить, что Россия не одинока в стремлении защитить свои национальные интересы от последствий распространения недостоверной информации. Это демонстрирует законодательный опыт Пятой французской республики, которая определила для себя наиболее уязвимые направления в области защиты национальной безопасности, нуждающиеся в дополнительной защите. Для этого Национальное Собрание Франции приняло два закона, которые запрещают использовать недостоверную информацию средствам массовой информации в ходе предвыборных компаний, проводимых в государстве. В содержании этих документов, присутствуют предписания и запреты, а также указаны последствия за несоблюдение данных требований. В список запретов входит – запрет на распространение лживых, либо же не точных обвинений и утверждений, которые могут повлиять на реальные итоги голосования. В случае возникновения таких фактов, политическая организация в праве обратиться в судебные органы. В перечень предписаний в данном правовом акте, входит обязанность любых информационных сервисов (в т.ч. социальных сетей), при размещении политической рекламы, указывать реквизиты заказчика с указанием полученных от него денежных средств. Также законодатель наделяет Высший аудиовизуальный совет Франции (аналог Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [10]), правом блокировать источники распространения «фейковой» информации на территории Франции [11].

Федеративная Республика Германия, в 2017 г. обнародовала закон, в котором предусматривается обязанность социальных сетей не размещать на своих цифровых ресурсах «фейковую» информацию. Характер такого рода информации должен содержать контент, направленный на разжигание межнациональной, межконфессиональной, религиозной и иного вида ненависти [12].

Что касается Российской Федерации, то политика государства в настоящее время направлена на выработку технологических и институциональных способов законно-

го противодействия «фейковой» информации, в том числе за счет создания каналов взаимодействия государства с гражданским обществом.

По мнению авторов, следует обратить внимание на формирование в органах власти и управления профессиональных аналитических подразделений ответственных за:

– нахождение недостоверной информации, которая способна нанести ущерб легитимности и безопасности информации наполняющей реальную действительность;

– обнаружение источников распространяющих «фейковую» информацию;

– проведение агитационно-пропагандисткой работы с населением, которым пытаются манипулировать враждебно настроенные субъекты.

«Фейковая» информация в современных условиях играет огромную роль при создании условий, которые формируют у человека смещение рационального мышления в сторону зависимости от распространяемого контента.

Для более наглядного представления алгоритма распространения ложной информации и достижения конечных целей ее распространения, можно рассмотреть такого рода процесс, который состоит из следующих стадий:

– первым этапом идет вброс ложной информации, способной дискредитировать деятельность определенного субъекта в негативном свете;

– вторым этапом, систематическое продолжение формирования отрицательного образа при помощи попыток связать его деятельность с вновь сформированным отрицательным образом в мировом сообществе через медиасреду (через новостные каналы, социальные сети и т.д.).

На примере событий, связанных с проведением специальной военной операции, проводимой на территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г., можно показать, как действует механизм дискредитации Российской Федерации, зарубежными негативно настроенными субъектами:

– во-первых, производиться распространение заведомо недостоверной информации о реальных целях проведение тех или иных мероприятий со стороны силовых структур Российской Федерации;

– во-вторых, наряду с первой стадией, происходит попытка формирования образа России как агрессора, вплоть до перевода ее в один ряд со «странами изгоями», навешиванием на власть ярлыков авторитарной власти, которая руководствуется не легитимными принципами в своей политической деятельности;

– в-третьих, самая продолжительная и трудозатратная стадия, связанная с внедрением политической цензуры в отношении Российской Федерации.

В заключение, авторы отмечают, что престиж государства, политической власти, ее поддержка населением зависят от содержания и реализации функций государства, которые должны своевременно изменяться, обеспечивать активный диалог с государством, учитывать национальные интересы и общечеловеческие ценности.

Функция государства, направленная на противодействие распространению «фейковой» информации в вопросах обеспечения безопасности, должна быть встроена в механизм государственного воздействия на общественные процессы, осуществляя созидательное воздействие [13].

Все это позволит не допустить изменения сознания граждан, на которое пытаются воздействовать злопыхатели в лице субъектов, пытающихся разрушить фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества и его политической системы.

Список литературы:

1.Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 27 (часть II), Ст. 5351. – Текст: непосредственный.
2.Полное собрание сочинений/ В. И. Ленин. Т. 43: Март - июнь 1921. – 5-е изд. – Москва: Политиздат, 1974. С. 47. – Текст: непосредственный.
3.Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Российская газета», № 165, 29.07.2006. – Текст: непосредственный.
4.Приказ Генпрокуратуры России от 26.08.2019 № 596 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет» // «Законность», № 10, 2019. – Текст: непосредственный.
5.Что такое фейковые новости и как за них будут наказывать URL: http://duma.gov.ru/news/29982/ (дата обращения 20.04.2022). – Текст: электронный.
6.Интервью заместителя Секретаря Совета Безопасности России О. Храмова URL: http://scrf.gov.ru/news/allnews/3217/ (дата обращения 18.04.2022). – Текст: электронный.
7.Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 49, 09.03.2022. – Текст: непосредственный.
8.18 марта 2022 года Роскомнадзор выступил с заявлением о том, что американские ИТ-компании, в частности, Meta Platforms Inc. и Google LLC заняли четко выраженную антироссийскую позицию. На принадлежащих данным компаниям интернет-ресурсах развернута целенаправленная кампания по дискредитации российских Вооруженных сил, средств массовой информации, общественных деятелей и государства в целом. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74196.htm (дата обращения 19.04.2022). – Текст: электронный.
9.Стогова Е. Закон об уголовном наказании за фейки. Как он изменил работу журналистов // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/03/2022/6223325d9a7947835d28df5d (дата обращения 19.04.2022) . – Текст: электронный.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // URL: https://rkn.gov.ru/about/p179/ (дата обращения 19.04.2022). – Текст: электронный.
11. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О Высшем Совете по этике и нравственности в области кинематографии и телерадиовещания в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ&dst=100285&n=20735&req=doc#H1U9O3TtspsyLAkQ (дата обращения 19.04.2022). – Текст: электронный.
12. Дорофеева В.В. Фейковые новости в современном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 4. С. 774-786. – Текст: непосредственный.
13. Луценко, В. В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 4-1. – С. 44-49. – Текст: непосредственный.

Deryugin A. A., Lutsenko V. V. Countering the spread of "fake" information in matters of security: the function of the state in modern conditions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 281-286.

Currently, the threat to the national security of the Russian Federation, including the proper level of functioning of the current political regime, is brought by the activities of discrediting entities with a target installation to destabilize the normal level of public life. The scientific article examines the theoretical and legal grounds for the fact that countering the spread of "fake" information in matters of security should now be considered as an integral, interrelated activity of the entire system of state bodies aimed at the harmonious economic, spiritual and social development of society, the realization of the national interests of the Russian Federation.

The main direction of work of modern falsifiers is the development and introduction into the consciousness of the masses of the doctrine of the current policy of the state and its comparison with the Nazi regime. About who actually protects the country in modern reality from any negative manifestations threatening the national security of the Russian Federation, will be considered in this work.

Keywords: state functions, "fake" information, national security, information security, negative consequences, legal regulation, rights, freedoms, national security doctrine.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 05.07.2021, № 27 (chast' II), St. 5351. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Polnoe sobranie sochinenij/ V. I. Lenin. T. 43: Mart - iyun' 1921. – 5-e izd. - Moskva: Politizdat, 1974. S. 47. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» // «Rossijskaya gazeta», № 165, 29.07.2006. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Prikaz Genprokuratury Rossii ot 26.08.2019 № 596 «Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke rassmotreniya uvedomlenij i zayavlenij o rasprostranyaemoj s narusheniem zakona informacii v informacionno-telekommunikacionnyh setyah, v tom chisle v seti "Internet» // «Zakonnost'», № 10, 2019. – Tekst: neposredstvennyj.
5. CHto takoe fejkovye novosti i kak za nih budut nakazyvat' URL: http://duma.gov.ru/news/29982/ (data obrashcheniya 20.04.2022) . – Tekst: elektronnyj.
6. Interv'yu zamestitelya Sekretarya Soveta Bezopasnosti Rossii O. Hramova URL: http://scrf.gov.ru/news/allnews/3217/ (data obrashcheniya 18.04.2022) . – Tekst: elektronnyj.
7. Federal'nyj zakon ot 04.03.2022 № 32-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'i 31 i 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // «Rossijskaya gazeta», № 49, 09.03.2022. – Tekst: neposredstvennyj.
8. 18 marta 2022 goda Roskomnadzor vystupil s zayavleniem o tom, chto amerikanskie IT-kompanii, v chastnosti, Meta Platforms Inc. i Google LLC zanyali chetko vyrazhennuyu antirossijskuyu poziciyu. Na prinadlezhashchih dannym kompaniyam internet-resursah razvernuta celenapravlennaya kampaniya po diskreditacii rossijskih Vooruzhennyh sil, sredstv massovoj informacii, obshchestvennyh deyatelej i gosudarstva v celom. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74196.htm (data obrashcheniya 19.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
9. Stogova E. Zakon ob ugolovnom nakazanii za fejki. Kak on izmenil rabotu zhurnalistov // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/03/2022/6223325d9a7947835d28df5d (data obrashcheniya 19.04.2022) . – Tekst: elektronnyj.
10. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 16 marta 2009 g. № 228 «O Federal'noj sluzhbe po nadzoru v sfere svyazi, informacionnyh tekhnologij i massovyh kommunikacij» // URL: https://rkn.gov.ru/about/p179/ (data obrashcheniya 19.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
11. Poyasnitel'naya zapiska «K proektu Federal'nogo zakona «O Vysshem Sovete po etike i nravstvennosti v oblasti kinematografii i teleradioveshchaniya v Rossijskoj Federacii» // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ&dst=100285&n=20735&req=doc#H1U9O3TtspsyLAkQ (data obrashcheniya 19.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
12. Dorofeeva V.V. Fejkovye novosti v sovremennom mediaprostranstve // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2019. T. 8, № 4. S. 774-786. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Lucenko, V. V. Rezhim kontrterroristicheskoj operacii kak osobyj kompleksnyj pravovoj institut / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2021. – T. 11. – № 4-1. – S. 44-49. – Tekst: neposredstvennyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 287-294.

УДК 342.56

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ, ВЫЗВАННОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИЕЙ COVID-19, В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Заброда Д. Г., Филонов А. В.

В статье осуществлен обзор зарубежного опыта организации судебной деятельности в период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19, в 2020-2021 годах.

Актуализирована роль органов судебной власти как основного субъекта защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства в период чрезвычайной ситуации, вызванной эпидемией коронавируса.

На основе анализа зарубежной практики, аналитических материалов (обзоров, записок, докладов, отчетов), издаваемых международными органами (ООН, ОБСЕ и др.) и общественными организациями, научных публикациях, в которых дается оценка состояния судебной деятельности в зарубежных странах в период пандемии, выявлен ряд подходов, отражающих её организацию в этих обстоятельствах. Первый подход, характерен для стран, в которых суды продолжали работать в обычном режиме или с незначительными ограничениями, не приостанавливающими их работ (Беларусь и Швеция). Второй (основной) предусматривал принятие большинством государств чрезвычайных противоэпидемических мер. Третий – основывался на полном приостановлении деятельности судов (Израиль, Эквадор, Мальта).

Выделены и охарактеризованы следующие основные проблемы, которые негативно влияли на организацию судебной деятельности, в зарубежных странах: вопросы соблюдения карантинных ограничений при организации судебной деятельности как участниками судебных мероприятий, так и самими судьями и работниками судов; недостаточный уровень технического и информационного обеспечения судов отдельных стран, компьютерная неграмотность значительного числа населения мира; проблемы в правовом регулировании функционирования судов в условиях чрезвычайной ситуации; игнорирование отдельными государствами угроз, связанных с распространением коронавирусной инфекции и др.

Констатация данных проблем позволяет очертить основные направления их решения, в том числе и в процессе совершенствования российской системы организации судебной деятельности в чрезвычайных условиях.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, организация судебной деятельности, зарубежный опыт, проблемы.

Пандемия, вызванная стремительным рассмотрением коронавирусной инфекции, коснулась абсолютного большинства стран мира. Статистические данные подтверждают, что в мире на 2022 г. январь 2022 года заразилось 328 421 641 человек и умерло – 5 541 217 граждан. Наиболее пострадали от пандемии США, Бразилия, Индия, Великобритания, Франция, Россия, Италия, Аргентина, Иран, Колумбия, где число заразившихся превысило от 6 до 59 млн. человек [1].

Рассматривая ситуацию с распространением коронавируса в марте 2020 года, Генеральный Секретарь ООН А. Гутерриш указал, что «…мы находимся в беспрецедентной ситуации, в которой обычные правила не действуют. В такие необычные времена мы не можем использовать обычные средства. Уникальный характер кризиса требует творческого подхода к реагированию, а его масштабы требуют столь же масштабных ответных мер. Наш мир столкнулся с общим врагом. Мы находимся в состоянии войны с вирусом» [2].

Оценивая эффективность функционирования органов судебной власти в России в 2020 г. и определяя её задачи на 2021 г., В. Путин отметил, что она «…в тяжёлый

период распространения инфекции (COVID-19) не перешла в режим торможения…», а суды – «…проявили верность своей высокой миссии и, невзирая на риски, связанные с эпидемией, с максимальной отдачей работали, защищая права граждан, интересы общества и государства» [3-4].

По данным судебной статистики объём общего количества дел, рассмотренных судами в 2020 г., превысил объём их работы в 2019 г. на три миллиона 920 тысяч (при этом 99 % дел рассмотрено с соблюдением процессуальных сроков) [5-6].

Большинством стран мира также предпринимались меры, обеспечившие бесперебойность работы, доступность и независимость судов. Однако, в ряде стран функционирование судебных органов было временно парализовано, что создало угрозу для судебной защиты прав и свобод человека. Так, специалистами ООН отмечается, что в начальный период пандемии деятельность судов Израиля, Эквадора, Мальты была приостановлена, а судами Бразилии, Фиджи или Финляндии – рассматривались только дела, отнесенные к категории срочных [7].

Считаем, что изучение закономерностей отечественного и зарубежного опыта организации судебной деятельности в период особого правового режима, имеющего признаки чрезвычайного положения, вызванного пандемией, позволит систематизировать научные подходы к пониманию сущности межгосударственных и национальных механизмов (в первую очередь, правовых, технических, информационных), созданных для безусловной защиты прав и свобод человека, законных интересов общества и государства, независимо от источника угроз общественной безопасности и здоровью.

Научной основой для данной публикации российских и зарубежных юристов-теоретиков и практиков Д.Х. Валеева, О.В. Василенко, Д. Гарсия-Саян, В. Калинковича, В.М. Лебедева, В.В. Момотова, Т. Н. Москальковой, М. Рейнольдса, Л.А. Рерих, З.З. Саттаровой, Э. Смаргулов, Й. Ончи, Т.Я. Хабриевой, Т. Хеда, Т.В. Черемисиной и др.

В апреле 2020 г. ООН была подготовлена аналитическая записка «COVID-19 и права человека», указывалось на проблемы, возникающие в области прав человека, связанные с функционированием судебных органов в условиях чрезвычайной ситуации и наличием рисков для справедливого судебного разбирательства и доступа к правосудию [8].

При этом обращено внимание на то, что основой судебной деятельности являются обязательства, взятые государствами ими для создания условий по обеспечению верховенства права, независимости суда и справедливого судебного разбирательства, доступности права человека на судебную защиту, несмотря на вводимые в связи с кризисом ограничения.

В связи с разнообразием подходов к организации судебной деятельности в различных государствах, в данной части работы нами будут систематизированы основные проблемы, возникающие в процессе функционирования судов в период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19. С этой целью предлагается проанализировать зарубежную практику, аналитические материалы (обзоры, записки, доклады, отчеты), издаваемые международными органами (ООН, ОБСЕ и др.) и общественными организациями, научные публикации, в которых дается оценка состояния судебной деятельности в других государствах в период пандемии.

В информационно-аналитические материалах выделяются следующие группы государств в зависимости от особенностей организации судебной деятельности во время пандемии, особенно в начальный период коронакризиса (январь-май 2020 г.) [9].

Первая группа – это страны, в которых суды продолжали работать в обычном режиме или с незначительными ограничениями, не приостанавливающими их работу. Примером таких стран являются Беларусь и Швеция, власти которых приняли решение об альтернативных способах борьбы с коронавирусной инфекцией: в первом случае путем непризнания её опасности и постановки во главу угла экономической составляющей, во втором – продвижения концепции «размазывания» эпидемии по времени и постепенного формирования коллективного иммунитета [11; 12]. В дальнейшем, действия властей Швеции были признаны недостаточными для сохранения здоровья лиц пожилого возраста и пребывающих в «домах престарелых» [13;14].

Однако, коронавирус оказал серьезное влияние на работу шведских судов. Это проявилось в отмене судебных заседаний в связи с невозможностью присутствовать на них как работников судов (судебных заседателей), так и участников судебных процессов, заболевших коронавирусом, определение в качестве приоритетных для рассмотрения дел по которым в качестве меры пресечения избран арест или иная форма ограничения свободы, семейным процессам, делам, в которых участвуют несовершеннолетние, а также делам о банкротстве [15].

В Беларуси в судебных учреждениях были предприняты меры для предупреждения распространения инфекции: введен масочный режим, наполнения залов заседаний осуществлялось с учетом рекомендаций органов здравоохранения по рассадке, ограничение числа присутствующих на них, отложение рассмотрения дел в связи с заболеванием участников процесса; внедрение удаленного рассмотрения отдельных категорий дел и др.

В тоже время приостановление работы судов имело место лишь в нескольких небольших районных судах в 2020 г., поскольку большинство трудового коллектива было на больничном или в изоляции в качестве контактов первого уровня [16].

Вторая группа – это государства, к которых судебная система работала в соответствии с ограничениями, установленными чрезвычайным законодательством. Эта группа является наиболее многочисленной в связи с принятием большинством государств чрезвычайных противоэпидемических мер. Например, в ряде государств суды: а) хотя и работали в обычном режиме, но ограничивались рассмотрением срочных и неотложных дел (Азербайджан, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Канада, Кыргызстан, Молдова, Нидерланды, Словения, Узбекистан, Швейцария); б) были отправлены в краткосрочный отпуск (с 15 по 30 марта 2020 г.), в последующим возобновлением деятельности (Венгрия); в) широко использовали письменную форму, исполнение ходатайств сторон в электронной форме и по телефону (Австрия, Германия и другие); г) запрещали посещение судов в целом или разрешали допуск в суды отдельных участников судопроизводства, или участников рассмотрения отдельных категорий дел (Великобритания, Болгария, Казахстан и др.); д) откладывали рассмотрение отдельных категорий дел, переносили заседания, изменяли процессуальные сроки, вплоть до «окончания пандемии» (Албания, Румыния, Гонконг и др.). Так, в Гонконге (Китай), по оценкам, «Общий судебный перерыв» с момента его введения в январе

2020 года затронул около 18 % годовой рабочей нагрузки судов всех уровней [10]. В Великобритании суды вынуждены назначать предварительные слушания на 2022 год, поскольку задержка в коронных судах Англии и Уэльса составляет почти 57 тысяч дел, в магистратских – 476 тысяч, и эти показатели могут увеличиваться [17].

Третья группа – страны, в которых деятельность судов, была приостановлена полностью. Так, в период с марта по май 2020 г. не функционировали суды Израиля, Эквадора, Мальты. В дальнейшем их деятельность была восстановлена со значительными ограничениями.

Причинами реализации того или иного подхода в организации судебной деятельности в зарубежных государствах выступали: традиционно сложившийся порядок функционирования органов судебной власти и оправления правосудия; наличие (отсутствие) нормативных правовых актов, которые регулировали специфику работы судов в чрезвычайных условиях; уровень информационного обеспечения судебной деятельности; готовность судейского корпуса, персонала судов и участников судебных процессов к соблюдению противоэпидемических ограничений, пользованию информационно-телекоммуникационными системами, в том числе и удаленно и др.

Среди основных факторов, которые негативно влияли на организацию судебной деятельности, выделяются: организация судебной системы без учета потребностей её функционирования в чрезвычайных условиях; нехватка финансовых, технологических, материальных и людских ресурсов; логистические проблемы; ограничения доступа к информации и отсутствие прозрачности, а также правовые и процедурные препятствия.

При этом, такие недостатки для большинства государств были актуализированы во время пандемии.

В частности, угрозы доступу к правосудию проявились в силу ограничения возможности непосредственного обращения в суд, неготовностью серверов судебных инстанций к увеличению нагрузки, недоступностью информационных технологий для значительного числа граждан (Албания, Румыния, страны Центральной Азии).

Кроме этого, имелись различия в определении критериев «неотложности» и «срочности» дел, подлежащих рассмотрению в первоочередном порядке. Так, в ряде стран данные критерии устанавливались органами юстиции, в отдельных – непосредственно судами (судьями) в каждом конкретном случае. Например, к таким делам относились производства, касающиеся лиц, лишенных свободы, или уязвимых групп (детей, женщин, лиц старшего возраста и лиц с инвалидностью), - особенно, когда дело касалось принятия обеспечительных мер для защиты от насилия.

На реализацию права на справедливое судебное разбирательство и надлежащую правовую процедуру повлияли: несовершенство некоторых средств дистанционной связи, задействованных для виртуальных встреч во время судебных процессов; возможность злоупотребления невербальными средствами общения, оценка которых усложнена при удалённом общении; затруднения в использовании доказательств, предусматривающих распознавание предметов и лиц; угроза гарантии конфиденциальности взаимодействия между клиентом и адвокатом (страны Латинская Америка); соблюдение требований законодательства, предусматривающих непосредственное участие обвиняемого в судебном разбирательстве; соблюдение разумных сроков и перенос их без соблюдения основных процессуальных гарантий (Египет); недо-

статочное финансирование мероприятий, обусловленных профилактикой COVID-19 (не выделение дополнительных средств (Босния и Герцеговина, Греция, Чили, Швеция, Эквадор и Южная Африка), сокращение расходов на содержание судебной системы (Бразилия, Уганда)).

Например, в Великобритании обращали внимание на необходимость соблюдения процедуры участия присяжных в условиях карантинных ограничений. Для обеспечения здоровья этих субъектов производства лорд-главный судья принял решение немедленно прекратить судебные разбирательства с их участием [19].

Определенные проблемы возникали в области оказания уполномоченными лицами правовой помощи. Например, отмечалось, что ограничение перемещения в Испании и Франции повлияло на возможность прибытия адвокатов к месту оказания юридических услуг, поскольку данная деятельность рассматривалась как вид профессиональной деятельности, требующий соответствующего разрешения властей; выявлены сложности в обеспечении конфиденциальности встреч юриста и клиента (Сербия); введение запрета на прием клиентов адвокатами до двух месяцев, что привело к увеличению необоснованных арестов и обысков (Индия) и др.

Обращается внимание и на, так называемый, «цифровой разрыв», который проявляется в неравномерном распределении возможностей пользования информационными сетями среди различных групп населения в целом, и в области правосудия в частности, недостаточной подготовленности судей, работников судебного аппарата и участников судопроизводства к их использованию, а также наличия доступа к электронным средствам.

Отдельно рассматривается необходимость обеспечения безопасности и защиты сотрудников судебных органов. При этом, считается оправданным просить судей и других работников системы правосудия согласиться на более высокую степень риска по сравнению с лицами, не занимающими государственных должностей [20].

Также в исследованиях проблематики обеспечения прав и свобод человека в период пандемии неоднократно отмечалось о необходимости дополнительных мер судебной защиты для инклюзивных групп населения, которые могут оказаться уязвимыми на основании пола, возраста, ориентации, этнической и национальной принадлежности, физических возможностей и состояния здоровья, уровня благосостояния и жизненных условий. Например, содействия таким категориям в повышении «цифровой» грамотности, создание служб консультирования их по правовым вопросам, в том числе и на основе волонтёрства и др. [21]

Кроме этого, нами установлено, что в большинстве государств основные проблемы возникали на первоначальном этапе развития пандемии, а в дальнейшем были купированы путем принятия соответствующих правовых актов и организационно-технических мер.

Таким образом, большинство государств мира принимали активные меры для стабилизации деятельности органов правосудия. Среди общих проблем, характерных для судебных систем различных государств, выделялись: вопросы соблюдения карантинных ограничений при организации судебной деятельности как участниками судебных мероприятий, так и самими судьями и работниками судов; недостаточный уровень технического и информационного обеспечения судов отдельных стран, компьютерная неграмотность значительного числа населения мира; проблемы в правовом регулировании функционирования судов в условиях чрезвычайной

ситуации; игнорирование отдельными государствами угроз, связанных с распространением коронавирусной инфекции и др.

В целом, проблемы, возникающие в сфере организации судебной власти в период начала распространения коронавирусной инфекции, были обусловлены противоречиями между традиционными подходами к функционированию судов как важнейшего государственного института и ограничениями, вызванными пандемией COVID-19, направленными, в первую очередь, на исключение массовости коммуникации в судах, а также недостатками в информационном и техническом обеспечении судопроизводства в ряде зарубежных стран.

Констатация данных проблем позволяет очертить основные направления их решения, в том числе и в процессе совершенствования российской системы организации судебной деятельности в чрезвычайных условиях. В связи с этим, считаем, что к дальнейшим направлениям исследования рассматриваемой нами проблематики могут быть отнесено: увеличении числа зарубежных государств, опыт которых анализируется, в первую очередь, в которых имело место максимальное число случаев заболевания коронавирусом, изучение факторов, снижающих эффектность деятельности судов в Российской Федерации в период пандемии; проведение сравнительно-правового анализа основных направлений их решения в России и зарубежных государствах; разработку предложений по внедрению позитивного зарубежного опыта в российское законодательство и правоприменительную практику.

Список литературы:

14. Коронавирус в мире: данные по странам и регионам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://www.bbc.com/russian/news-51706538 (дата обращения: 10.03.2022 г.)

15. Этот кризис носит прежде всего гуманитарный характер, который требует солидарности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/coronavirus/above-all-human-crisis-calls-solidarity (дата обращения: 10.03.2022 г.)

16. Путин отметил быструю адаптацию судов РФ к условиям пандемии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.interfax.ru/russia/750090 (дата обращения: 10.03.2022 г.)

17. Путин: суды РФ во время пандемии работали без перебоев в отличие от некоторых стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://tass.ru/obschestvo/10658379 (дата обращения: 10.03.2022 г.)

18. Совещание судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов (09.02.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64980 (дата обращения: 10.03.2022 г.)

19. Представители Верховного Суда РФ приняли участие в вебинаре для судей государств-членов ШОС (22.04.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.vsrf.ru/press_center/news/29897/ (дата обращения: 10.03.2022 г.)

20. Пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19), ее последствия и связанные с ней проблемы для независимого правосудия: Доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов Диего Гарсии-Саяна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://independence-judges-lawyers.org/wp-content/uploads/2021/06/A_HRC_47_35_Russian.pdf (дата обращения: 10.03.2022 г.)

21. Аналитическая записка «COVID-19 и права человека» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf (дата обращения: 10.03.2022 г.)

22. Руководство. Мониторинг мест лишения свободы в период пандемии COVID-19. Часть 2. Обязательства государств во время чрезвычайной ситуации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.osce.org/files/f/documents/b/e/477706.pdf. (дата обращения: 10.03.2022 г.)

23. Пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19), ее последствия и связанные с ней проблемы для независимого правосудия: Доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов Диего Гарсии-Саяна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://independence-judges-lawyers.org/wp-content/uploads/2021/06/A_HRC_47_35_Russian.pdf; COVID-19 – тест для правовых систем мира. – М., 2021, 416 с.

24. Одним ли путем идут Швеция и Беларусь в борьбе с коронавирусом? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.dw.com/ru/a-53283336 (дата обращения: 10.03.2022 г.)

25. В каких странах нет карантина по коронавирусу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/v-kakikh-stranakh-net-karantina-po-koronavirusu_340807/ (дата обращения: 10.03.2022 г.)
26. Конституционная комиссия Швеции признала «шведскую модель» борьбы с COVID-19 недейственной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/06/03/konstitutsionnaia-komissiia-shvetsii-priznala-shvedskuiu-model-borby-s-covid-19-nedeistvennoi (дата обращения: 10.03.2022 г.)
27. Комиссия сочла запоздалой реакцию властей Швеции на пандемию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.interfax.ru/world/800333 (дата обращения: 10.03.2022 г.)
28. В Швеции коронавирус серьезно повлиял на работу судебной системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://regnum.ru/news/society/2893802.html (дата обращения: 10.03.2022 г.)
29. Калинкович В. О работе судов в пандемию, тонкостях трудовых споров и коррупционных делах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.belta.by/interview/view/o-rabote-sudov-v-pandemiju-tonkostjah-trudovyh-sporov-i-korruptsionnyh-delah-7915 (дата обращения: 10.03.2022 г.)
30. Суды Англии в свете пандемии оказались не готовы к форс-мажорам – Палата лордов (30.03.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://rapsinews.ru/international_news/20210330/306907503.html
31. COVID-19 и британская судебная система (23.03.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.gherson.com/ru/blog/covid-19-uk-court-system (дата обращения: 10.03.2022 г.)
32. Judicial activity during the coronavirus pandemic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.iaj-uim.org/iuw/wp-content/uploads/2020/03/JUDICIAL-ACTIVITY-DURING-THE-CORONAVIRUS-PANDEMIC-REPORT-2020.pdf. (дата обращения: 10.03.2022 г.)
33. Рекомендации Международной комиссии юристов Суды и коронавирус COVID-19 (6 апреля 2020 г., г. Женева) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:PG1QaGCxAOEJ:https://www.icj.org/wp-content/uploads/2020/04/Universal-ICJ-courts-covid-Advocacy-Analysis-brief-2020-RUS.pdf+&cd=1&hl=ru&ct=clnk (дата обращения: 10.03.2022 г.)
34. Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность: Дайджест Департамента международного и регионального сотрудничества. – Счетная палата Российской Федерации, М., 2020, 37 с.

Zabroda D.G., Filonov A.V. Problems of the organization of judicial activities during the pandemic caused by coronavirus infection COVID-19, in foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 287-294.

The article provides an overview of foreign experience in organizing judicial activities during the pandemic caused by the COVID-19 coronavirus infection in 2020-2021.

The role of the judiciary as the main subject of protecting the rights and freedoms of citizens, the interests of society and the state during the emergency situation caused by the coronavirus epidemic has been updated.

Based on the analysis of foreign practice, analytical materials (reviews, notes, reports, reports) published by international bodies (UN, OSCE, etc.) and public organizations, scientific publications that assess the state of judicial activity in foreign countries during the pandemic, a number of approaches have been identified that reflect its organization in these circumstances. The first approach is typical for countries where the courts continued to operate as usual or with minor restrictions that did not stop their work (Belarus and Sweden). The second (main) provided for the adoption of emergency anti-epidemic measures by the majority of states. The third one was based on the complete suspension of the activities of the courts (Israel, Ecuador, Malta).

The following main problems that negatively affected the organization of judicial activities in foreign countries have been identified and characterized: issues of compliance with quarantine restrictions in the organization of judicial activities, both by participants in judicial events, and by the judges themselves and court employees; insufficient level of technical and information support for the courts of individual countries, computer illiteracy of a significant number of the world's population; problems in the legal regulation of the functioning of courts in an emergency; ignoring by individual states the threats associated with the spread of coronavirus infection, etc.

The statement of these problems allows us to outline the main directions for their solution, including in the process of improving the Russian system of organizing judicial activities in emergency conditions.

Keywords: pandemic, COVID-19, organization of judicial activities, foreign experience, problems

Spisok literatury:

1. Koronavirus v mire: danny`e po stranam i regionam [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL:https://www.bbc.com/russian/news-51706538 (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
2. E`tot krizis nosit prezhde vsego gumanitarny`j kharakter, kotory`j trebuet solidarnosti [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.un.org/ru/coronavirus/above-all-human-crisis-calls-solidarity (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)

3. Putin otmetil by`struyu adaptacziyu sudov RF k usloviyam pandemii [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.interfax.ru/russia/750090 (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
4. Putin: sudy` RF vo vremya pandemii rabotali bez pereboev v otlichie ot nekotory`kh stran [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://tass.ru/obschestvo/10658379 (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
5. Soveshhanie sudej sudov obshhej yurisdikczii i arbitrazhny`kh sudov (09.02.2021) [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64980 (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
6. Predstaviteli Verkhovnogo Suda RF prinyali uchastie v vebinare dlya sudej gosudarstv-chlenov ShOS (22.04.2021) [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa:https://www.vsrf.ru/press_center/news/29897/ (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
7. Pandemiya koronavirusnogo zabolevaniya (COVID-19), ee posledstviya i svyazanny`e s nej problemy` dlya nezavisimogo pravosudiya: Doklad Speczial`nogo dokladchika po voprosu o nezavisimosti sudej i advokatov Diego Garsii-Sayana [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://independence-judges-lawyers.org/wp-content/uploads/2021/06/A_HRC_47_35_Russian.pdf (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
8. Analiticheskaya zapiska «COVID-19 i prava cheloveka» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
9. Rukovodstvo. Monitoring mest lisheniya svobody` v period pandemii COVID-19. Chast` 2. Obyazatel`stva gosudarstv vo vremya chrezvy`chajnoj situaczii [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.osce.org/files/f/documents/b/e/477706.pdf. (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
10. Pandemiya koronavirusnogo zabolevaniya (COVID-19), ee posledstviya i svyazanny`e s nej problemy` dlya nezavisimogo pravosudiya: Doklad Speczial`nogo dokladchika po voprosu o nezavisimosti sudej i advokatov Diego Garsii-Sayana [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://independence-judges-lawyers.org/wp-content/uploads/2021/06/A_HRC_47_35_Russian.pdf; COVID-19 – test dlya pravovy`kh sistem mira. – M., 2021, 416 s.
11. Odnim li putem idut Shvecziya i Belarus` v bor`be s koronavirusom? [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.dw.com/ru/a-53283336 (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
12. V kakikh stranakh net karantina po koronavirusu [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/v-kakikh-stranakh-net-karantina-po-koronavirusu_340807/ (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
13. Konstituczionnaya komissiya Shveczii priznala «shvedskuyu model`» bor`by` s COVID-19 nedejstvennoj [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/06/03/konstitutsionnaia-komissiia-shvetsii-priznala-shvedskuiu-model-borby-s-covid-19-nedeistvennoi (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
14. Komissiya sochla zapozdaloj reakcziyu vlastej Shveczii na pandemiyu [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.interfax.ru/world/800333 (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
15. V Shveczii koronavirus ser`ezno povliyal na rabotu sudebnoj sistemy` [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://regnum.ru/news/society/2893802.html (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
16. Kalinkovich V. O rabote sudov v pandemiyu, tonkostyakh trudovy`kh sporov i korrupczionny`kh delakh [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.belta.by/interview/view/o-rabote-sudov-v-pandemiju-tonkostjah-trudovyh-sporov-i-korruptsionnyh-delah-7915 (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
17. Sudy` Anglii v svete pandemii okazalis` ne gotovy` k fors-mazhoram – Palata lordov (30.03.2021) [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://rapsinews.ru/international_news/20210330/306907503.html
18. COVID-19 i britanskaya sudebnaya sistema (23.03.2020) [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.gherson.com/ru/blog/covid-19-uk-court-system (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
19. Judicial activity during the coronavirus pandemic [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.iaj-uim.org/iuw/wp-content/uploads/2020/03/JUDICIAL-ACTIVITY-DURING-THE-CORONAVIRUS-PANDEMIC-REPORT-2020.pdf. (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
20. Rekomendaczii Mezhdunarodnoj komissii yuristov Sudy` i koronavirus COVID-19 (6 aprelya 2020 g., g. Zheneva) [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:PG1QaGCxAOEJ:https://www.icj.org/wp-content/uploads/2020/04/Universal-ICJ-courts-covid-Advocacy-Analysis-brief-2020-RUS.pdf+&cd=1&hl=ru&ct=clnk (data obrashheniya: 10.03.2022 g.)
21. Soczial`ny`e posledstviya pandemii COVID-19 i inklyuzivnost`: Dajdzhest Departamenta mezhdunarodnogo i regional`nogo sotrudnichestva. – Schetnaya palata Rossijskoj Federaczii, M., 2020, 37 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 295-300.

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Игнатов А. Н., Абисова К. С.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Обеспечение безопасности в сфере дорожного движения непосредственно связано с информационной сферой, как в техническом, так и коммуникативном аспектах. Практика внедрения риск-ориентированного подхода с использованием информационно-коммуникационных технологий в сфере обеспечения дорожного движения предоставляет возможность осуществлять профилактику правонарушений и преступлений в данной сфере и снижение тенденции роста дорожно-транспортных происшествий. Особенности использования информационно-коммуникационных технологий в обеспечении безопасности в сфере дорожного движения обусловлены амбивалентностью их криминогенно-превентивного потенциала, что, с одной стороны, определяет их влияние как фактора детерминации различных девиаций, в том числе, правонарушений и преступлений в данной сфере, а, с другой стороны, определяет широкий спектр возможностей использования информационного пространства и технологий в целях профилактики, выявления и пресечения соответствующих правонарушений и преступлений и минимизировать негативные последствия. Системный мониторинг информационного пространства выявлять актуальные риски (в том числе появление новых видов социально-опасного поведения в сфере дорожного движения), также на массовом уровне выявлять, фиксировать и документировать различного рода нарушения в сфере дорожного движения и вырабатывать меры (по их минимизации).

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, информационно-коммуникационные технологии, риски, риск-ориентированный подход, социальные медиа, контент, противодействие преступлениям и правонарушениям.

Сфера дорожного движения является одной из наиболее социально значимых и динамично развивающихся, но, в то же время, и рискогенной сферой общественных отношений. Экспоненциальный рост количества участников дорожного движения, технических средств, задействованных в нем и являющихся источниками повышенной опасности, существенное усложнение технического и технологического обеспечения системы дорожного движения обуславливают наличие высокого уровня разноплановых рисков, в том числе для жизни и здоровья человека, а также общественной безопасности.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, для достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности, необходимо реализовывать государственную политику, направленную на решение задач, в том числе в сфере повышения безопасности дорожного движения [1].

Безопасность дорожного движения, как процесс, отражающий степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий, а также сама деятельность, направленная на обеспечение данного процесса путем предупреждения причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий [2], относится к числу наиболее сложных компо-

нентов общественной безопасности. Сегодня, как никогда ранее отмечается взаимосвязь информационно-коммуникационных технологий и деятельности по обеспечению безопасности в сфере дорожного движения, что находит своё проявление, как с технической, так и с коммуникативной стороны.

Суть риск-ориентированного подхода определяется выявлением и снижением рисков и обеспечения эффективности управления и повышения тем самым уровня безопасности в той или иной сфере деятельности. В сфере обеспечения безопасности, риск-ориентированный подход предусматривает мониторинг, анализ, оценивание рисков, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Именно от эффективности деятельности по выявлению и оценке рисков причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям, существующих в сфере дорожного движения и принятии на основе данной информации комплекса управленческих решений зависит эффективность обеспечения безопасности в данной сфере. Практика внедрения риск-ориентированного подхода с использованием информационно-коммуникационных технологий в сфере обеспечения дорожного движения предоставляет возможность осуществлять профилактику правонарушений и преступлений в данной сфере и снижение тенденции роста дорожно-транспортных происшествий, что в свою очередь в перспективе позволяет минимизировать негативные последствия в виде человеческих потерь, имущественного ущерба и т.д.

Количество интернет-пользователей в России по состоянию на конец 2021 года составило 124 миллиона человек, в свою очередь месячная аудитория социальных сетей составляла 99 миллионов пользователей, уровень проникновения Интернета в январе 2021 года – 85%. Платформы социальных медиа являются одними из самых популярных ресурсов. Согласно данным по сайтам с наибольшим количеством трафика в России, десятку первых составляют поисковые платформы Yandex, Google, видеохостинг YouTube, социальные сети Вконтакте, Одноклассники, Instagram, Facebook (по состоянию на март 2022 года, в Российской Федерации, американская компания Meta признана экстремисткой, а деятельность её платформ Instagram, Facebook запрещена), почтовый сервис Mail.ru, интернет-энциклопедия со свободным контентом Wikipedia, интернет-сервис для размещения объявлений Avito [3].

Указанные интерактивные интернет-платформы основаны на принципах сетевой коммуникации, что подразумевает возможность создавать, хранить и распространять информацию, адресованную широкой аудитории. Информация в социальных медиа представлена в большинстве своём в визуальной или текстовой форме. Безусловно, социальные медиа коренным образом изменили коммуникативные практики в обществе, что позволило им быть инструментом формирования дозволенного поведения в общественном сознании.

Потенциал использования информационно-телекоммуникационных технологий при реализации риск-ориентированного подхода в обеспечении безопасности в сфере дорожного движения определяется, прежде всего тем, что использование данных технологий позволяет посредством системного мониторинга информационного пространства выявлять актуальные риски (в том числе появление новых видов социально-опасного поведения в сфере дорожного движения), также на массовом уровне выявлять, фиксировать и документировать различного рода нарушения в сфере до-

рожного движения и вырабатывать меры (правового, организационного, материально-технического и иного характера) по их минимизации.

В частности, следует учитывать возможности использования сотрудниками ГИБДД социальных сетей в целях выявления и фиксации различного рода правонарушений и преступлений в сфере безопасности дорожного движения, выявления и пресечения деятельности блогеров и иных лиц, пропагандирующих и тиражирующих на следят своих страницах нарушение правил дорожного движения и иные девиации в данной сфере.

Информационно-телекоммуникационные технологии являются сегодня мощным инструментом популяризации и хабитулизации разного рода, в том числе асоциальных и противоправных форм человеческого поведения, детерминируют риски появления и масштабирования различных по степени и характеру общественной опасности и социальной вредности правонарушений в сфере дорожного движения.

С количественной точки зрения социальные сети стали крупнейшим в истории хранилищем личной информации о человечестве [4, с. 10]. Феномен популярности блогов в социальных медиа напрямую коррелирует с типом выбранного контента. Архитектоника современного медиа пространства конструирует образ инфлюенсера – пользователя, имеющего обширную и лояльную аудиторию.

Превращение блогеров в лидеров общественного мнения связано с укреплением горизонтальных социокоммуникационных связей в поле интернета, из-за чего усиливается символическое значение репрезентируемого в глобальной сети (в частности в социальных медиа и блогинге) медиаконтента, который, исходя из заложенной в него смысловой нагрузки, вступает в конкуренцию с медиаконтентом «традиционных» СМИ [5, с. 35].

Одними из инфлюенсеров в рамках российских социальных медиа являлись и являются блогеры под псевдонимами «Эдвард Бил», «Литвин», «Дима Гордей», «Давидыч» и др. Вышеуказанные лица на просторах социальных медиа неоднократно публиковали контент, связанный с нарушением ими правил дорожного движения, а именно превышение скорости, несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой, проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика, нарушение правил расположения автомобиля на проезжей части, встречного разъезда или обгона. Например, по информации газеты Известия, за три месяца 2021 года у блогера под псевдонимом «Эдвард Бил» насчитывалось более 400 штрафов за превышение скорости, то есть каждый день, не менее четырех-пяти таких нарушений фиксировали только камеры, установленные в Москве.

Чаще всего публикации в социальных медиа (истории, посты и т.д.), связанные с нарушением правил дорожного движения осуществлялись для большей просматриваемости контента, а как следствия её дальнейшей монетизации. Измерить ROI (финансовый коэффициент, иллюстрирующий уровень доходности) возможно методом самостоятельного аудита с помощью инструмента «Статистика», встроенного во многие социальные медиа. Это позволяет лучше узнать аудиторию и скорректировать коммуникацию. Основываясь на статистике востребованности контента, блогер, например, врезался в машину, обклеенную как специальный полицейский автомобиль, сажал за руль школьника или сбрасывал с обрыва старый автомобиль,

рассматривая при этом социальные медиа как средство получения материальной выгоды.

Известно, что в июне 2019 года представители Общественной палаты Российской Федерации обратились к Министру внутренних дел Российской Федерации Владимиру Колокольцеву с просьбой проверить нескольких видеоблогеров, по их мнению, представляющих опасность для общества, в том числе блогера под псевдонимом «Эдвард Бил». Представители Общественной палаты Российской Федерации подчеркивали, что в социальных медиа происходит «разгул вседозволенности», а ввиду прямой взаимосвязи публикуемого контента, просматриваемости и как следствие монетизации, блогеры балансируют на грани нарушения Уголовного кодекса. Прямые трансляции, истории, фото в социальных медиа, видеоматериалы с платформ видеохостингов свидетельствуют о систематическом нарушении правил дорожного движения. Практика демонстрации подобного материала и осуществление противоправных и преступных деяний, безусловно, служит основанием для проведения профилактики и документации некоторых деяний правоохранительными органами.

Однако, 1 апреля 2021 г. в городе Москве, на Новинском бульваре при выезде из тоннеля в сторону Смоленской площади на внешней стороне Садового кольца произошло ДТП, в результате которого столкнулись 5 автомобилей. Причиной стал выезд автомобиля на встречную полосу, за рулем которого находился блогер под псевдонимом «Эдвард Бил». Управляемый им автомобиль был снят с учёта и ездил по подложным номерам, а на этой машине совершено более 400 нарушений скоростного режима.

Публикация в социальных сетях массового контента, сопряженного с демонстрацией нарушений безопасности в сфере дорожного движения несет в себе высокий криминогенный потенциал. Публичное озвучивание количества неоплачиваемых штрафов, демонстрация нарушения закона в сфере безопасности дорожного движения, некорректное поведение в отношении сотрудников правоохранительных органов, длительное продолжение противоправной и преступной деятельность и пр., детерминирует развития у широкой общественности, прежде всего, несовершеннолетних и молодежи, правового нигилизма в данной сфере и является катализатором социального подражательства.

Данный фактор влияния информационного пространства и технологий на состояние безопасности в сфере дорожного движения должен быть учтен правоохранительными органами при организации и осуществлении превентивной деятельности.

Рассматривая возможности использования информационно-телекоммуникационных технологий при реализации риск-ориентированного подхода в обеспечении безопасности в сфере дорожного движения, следует также учитывать и то, что существующее сегодня интернет-пространство является средой осуществления, а использование информационно телекоммуникационные технологий - способом совершения [6, с. 82-89] различных преступлений против безопасности дорожного движения.

Интернет ресурсы предоставляют сегодня практически в беспрепятственном доступе методическую и техническую информацию о различных способах, а также орудиях и средствах (в том числе о возможности их приобретения) преступной деятельности. Являясь крупнейшим хранилищем личной информации, социальные сети

активно используются преступниками для получения всеобъемлющей информации о потенциальной жертве преступного посягательства (угона, похищения транспортного средства и пр.).

Информационно-телекоммуникационные технологии также активно используются преступниками в целях осуществления коммуникации и кооперации преступной деятельности, а также в целях мониторинга криминального рынка, как на предмет востребованности (спроса и предложения) различных криминальных практик, так и на предмет поиска рынков сбыта имущества, добытого преступным путем.

Указанное, в свою очередь, определяют возможность использования правоохранительными органами информационно телекоммуникационных технологий в целях выявления лиц, преступных групп и организаций, специализирующихся на хищении транспортных средств, «авто-мошенничестве», «авто-подставах» и совершении иных преступлений в сфере дорожного движения, выявления и блокирования их коммуникационных каналов, каналов сбыта и розыска похищенного имущества.

Следует отметить, что особое значение использование потенциала рассматриваемых технологий в правоохранительной деятельности по обеспечению безопасности в сфере дорожного движения приобретает в сегодняшних условиях беспрецедентного санкционного давления на Россию, актуализировавших проблему массово хищения автотранспортных средств различного класса.

Отдельное внимание при рассмотрении возможностей использования информационно-телекоммуникационных технологий при реализации риск-ориентированного подхода в обеспечении безопасности в сфере дорожного движения, следует уделить проблеме взаимосвязи данных технологий с рисками экстремисткой и террористической деятельности. Информационно-телекоммуникационные технологии могут быть использованы субъектами экстремисткой и террористической деятельности в целях критического повышения уровня социальной напряженности, устрашения населения, дестабилизации работы органов власти и воздействия на принятие решения органами власти и иными уполномоченными субъектами. Речь идет как о возможностях технического воздействия на объекты критической инфраструктуры, так и умышленных, заведомо ложных, массовых «фейковых» вбросах в информационную среду информации, дестабилизирующих работу дорожных сетей и инфраструктуру (о блокировке дорог и транспортных магистралей, в том числе в силу угроз безопасности, их разрушении, крупных авариях и т.п.), которые могут спровоцировать массовое паническое поведение людей, критически осложняя состояние безопасности в сфере дорожного движения.

Таким образом, особенности использования социальных сетей в обеспечении безопасности в сфере дорожного движения обусловлены амбивалентностью их криминогенно-превентивного потенциала, что, с одной стороны, определяет их влияние как фактора детерминации различных девиаций, в том числе, правонарушений и преступлений в данной сфере, а, с другой стороны, определяет широкий спектр возможностей использования данного информационного пространства и технологий в целях профилактики, выявления и пресечения соответствующих правонарушений и преступлений и минимизировать негативные последствия. Реализация риск-ориентированного подхода в обеспечении безопасности в сфере дорожного движения определяет необходимость системного мониторинга информационного пространства с целью выявления соответствующих рисков и их минимизации.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27(часть II). Ст. 5351.
2. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.
3. Global Digital 2021[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wearesocial.com/digital-2021 (дата обращения 26.03.2022).
4. Шалимов А.Б. Бытие в социальных сетях // Система ценностей современного общества. 2011. №20. С. 10-13.
5. Ефанов А.А. Деконструкция образа инфлюенсера в современном медиапространстве // Мониторинг. 2021. №5. С.32-45.
6. Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82-89.

Ignatov A.N., Abisova K.S. The use of information and communication technologies in the implementation of a risk-based approach to ensuring safety in the field of road traffic // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 295-300.

Ensuring safety in the field of road traffic is directly related to the information sphere, both in technical and communicative aspects. The practice of introducing a risk-based approach using information and communication technologies in the field of road traffic provides an opportunity to carry out the prevention of offenses and crimes in this area and reduce the growth trend in road accidents. Features of the use of information and communication technologies in ensuring safety in the field of road traffic are due to the ambivalence of their criminogenic and preventive potential, which, on the one hand, determines their influence as a factor in the determination of various deviations, including offenses and crimes in this area, and, with on the other hand, it defines a wide range of opportunities for using the information space and technologies in order to prevent, detect and suppress relevant offenses and crimes and minimize negative consequences. Systematic monitoring of the information space to identify current risks (including the emergence of new types of socially dangerous behavior in the field of traffic), also to identify, record and document various types of violations in the field of traffic on a mass level and develop measures (to minimize them).

Keywords: traffic safety, information and communication technologies, risks, risk-based approach, social media, content, countering crimes and offences.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2021. № 27(chast' II). St. 5351.
2. Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 № 196-FZ «O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» // SZ RF. 1995. № 50. St. 4873.
3. Global Digital 2021[Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://wearesocial.com/digital-2021 (data obrashcheniya 26.03.2022).
4. SHalimov A.B. Bytie v social'nyh setyah // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. 2011. №20. S. 10-13.
5. Efanov A.A. Dekonstrukciya obraza inflyuensera v sovremennom mediaprostranstve // Monitoring. 2021. №5. S.32-45.
6. Ignatov A.N. Informacionno-kognitivnye tekhnologii v arsenale sposobov soversheniya prestuplenij // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 11-2. S. 82-89.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 301-308.

УДК 343.141

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВНОПРАВИЯ И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исмайлов Д. А., Мурузиди А. В., Ожегова Г. А.

Институт права Тольяттинского государственного университета

Статья посвящена анализу проблемы реализации принципа уголовного судопроизводства – состязательности сторон, а также рассмотрению проблемных аспектов. В статье рассматриваются термины научных трудов юристов, правоведов, специалистов в области уголовного процесса, а также сотрудников судебной системы о понимании принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе. В работе приведена статистика приговоров, вынесенных судебными органами в 2020 году, которая свидетельствует об эффективной деятельности правоохранительных органов по доказыванию вины обвиняемого лица, что подтверждается цитатным высказыванием юристов, осуществляющих адвокатскую деятельность. Также в данной работе уделено внимание историческому развитию принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе начиная с нового времени и заканчивая нашими днями. Авторами статьи сделан акцент на проблему применения принципа состязательности и равноправия сторон на практике. Предложено внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, с целью укрепления статуса адвоката по сбору доказательств и ведения адвокатского расследования в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: состязательность; равноправие; принципы уголовного судопроизводства; уголовный процесс; признание доказательств; принципы права; сторона обвинения; сторона защиты; проблемы признания доказательств; проблемы уголовного судопроизводства.

Основной целью уголовного судопроизводства в Российской Федерации является предотвращение несправедливого наказания, а также защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступных деяний. Задача предусматривает разрешение дела по существу и вынесение решения органом судебной власти. Решение суда по уголовному делу выносится в форме оправдательного или обвинительного приговора. В соответствии со статьей 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), законодатель под приговором понимает процессуальный акт, который выносится судьей от имени Российской Федерации о признании подсудимого виновным и назначении ему соответственного наказания, или невиновности подсудимого и освобождении его от ответственности [19].

Так, в части 4 статьи 15 УПК РФ, законодателем упомянута норма, закрепляющая равноправие сторон в уголовном процессе. Высшим судебным органом конституционного контроля дано разъяснение, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, что предполагает предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов» [10].

Несмотря на достаточную изученность данной темы, в настоящее время остается множество дискуссий среди ученых. Среди спорных моментов относится, например, отсутствие принципа состязательности сторон на стадии предварительного расследования и судебном разбирательстве. С одной стороны, в отсутствии исследуемого принципа, нарушается в целом уголовное судопроизводство, поскольку сторонам не дается равное право в предоставлении доказательств, поскольку со-

трудники предварительного расследования могут не удовлетворить ходатайство о приобщении доказательств к материалам дела.

Обратимся к высказываниям научных авторов, юристов и правоведов, которые рассматривали понятийный аппарат равноправия и состязательности. Советский правовед М.С. Строгович определял состязательность, как «построение судебного разбирательства, при котором обвинение отделено от суда, обвинение и защита осуществляются равноправными сторонами, а функция суда состоит в разрешении дела. При этом весь процесс выглядит как полемика сторон, защищающих свои законные интересы» [17, с. 149]. В свою очередь, специалист в области уголовного процесса И.Л. Петрухин рассматривает состязательность, как «форму организации судопроизводства, для которой характерны: строгое расчленение функций обвинения, защиты и разрешения дела соответственно между прокурором (частным обвинителем, потерпевшим), обвиняемым (защитником) и судом (судьей); процессуальное равноправие сторон обвинения и защиты; разбирательство дела путем полемики сторон перед независимым и беспристрастным судом» [12, с. 69-70]. Нельзя не согласиться и с мнением судьей 14-го арбитражного апелляционного суда Л.Ф. Шумиловой, которая под состязательностью понимает «конкуренцию участвующих в деле лиц, когда самостоятельные действия одних участвующих в деле лиц эффективно ограничивают возможность других односторонне воздействовать на исход судебного разбирательства при наличии активной роли суда, наделенного функциями правосудия по руководству и управлению процессом» [23, с. 55].

Профессор кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Ю.К. Орлов указывает на то, что норма, закрепляющая принцип состязательности в уголовном судопроизводстве хоть и есть, но действует формально, и наоборот, препятствует как установлению истины по делу, так и соблюдению прав личности [11, с. 52].

Законодатель закрепляет в части 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации положение о том, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [7]. В вышеприведенном положении выделяется новый термин – основа состязательности, под которым В.И. Даль понимает установление, утверждение и укрепление, а также то, что служит опорой или началом уголовного судопроизводства [5, с. 439].

Часть авторов при изучении характеристики принципа состязательности сторон предлагают его рассматривать вместе с понятием «судопроизводство» [24, с. 839], а другая часть – применять строго понятие, закрепленное положением статьи 15 УПК РФ [22, с. 155]. Н.Г. Муратова обращает свое внимание в труде на содержание исследуемого принципа, а именно, на глагол «состязаться», означающий, как вступление в прения, спор, борьбу [9, с. 77].

По мнению доктора юридических наук С.Б. Россинского, состязательность сторон представляет собой определенный порядок уголовного судопроизводства, где процессуальные функции разделены между двумя сторонами, при этом не могут быть возложены на одного и того же участника, где на суд возлагаются полномочия по созданию необходимых условий для исполнения стороной защиты и обвинения своих прав и обязанностей [15, с. 61].

Однако существуют также мнения многих авторов о понимании состязательности сторон. Так, одни понимают данный принцип, как тип уголовного процесса [20,

с. 61], самостоятельный принцип уголовного процесса [6, с. 15], принцип демократического правосудия [2, с. 108], а другие – судопроизводственное начало стадий судебного разбирательства [16, с. 23]. Т.Г. Бородинова комментирует позицию мнений, перечисленных выше о существовании двух противоположных трактовок: одни сторонники считают о том, что состязательность – это принцип, а представителей другого подхода – о несоответствии характеристикам общеотраслевого принципа уголовного процесса, который находится не на своем месте в УПК РФ [1, с. 29].

Из вышесказанного отметим, что в юридической науке существует множество толкований термина состязательности сторон, как принципа уголовного процесса, под которым необходимо понимать, что функции стороны обвинения и защиты, отделены друг от друга, при этом предоставляя сторонам возможность равные процессуальные права для осуществления непосредственной деятельности в ходе уголовного судопроизводства.

Из статистики Судебного Департамента при Верховном суде следует, что в 2020 году суды вынесли 1163 оправдательных приговоров против 530965 обвинительных [8]. Данное обстоятельство свидетельствует только о следующих факторах – карательной функции органов правосудия или в целом эффективной деятельности правоохранительных органов по доказыванию вины обвиняемого лица.

Советник Федеральной палаты адвокатов России С. Насонов приходит к мнению, что зачастую в настоящее время «подсудимые идут на признание не потому, что они чувствуют вину и согласны с вынесенным обвинением, а лишь потому, что не верят в возможность оправдания при традиционном рассмотрения дела. В случае, если они признают вину, они надеются на смягчение приговора или закрытие дела по не реабилитирующим основаниям» [18]. Также адвокат отмечает, что данное положение дел является «типичным примером вынужденного волеизъявления, обусловленного пониманием ничтожности шансов на оправдание» [18].

Однако общая цель всех участников уголовного процесса – предотвращение несправедливого наказания, а также поиск истины. Установлением истины занимаются органы предварительного расследования, которая окончательно устанавливается в суде.

Рассмотрим исторический анализ развития принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе. Свод законов Российской империи 1832 года, подготовленный Вторым отделением под руководством М.М. Сперанского регулировал основное законодательство, в том числе законодательство о государственных финансах и государственных учреждениях, а также гражданские и уголовные законы [13]. Анализируя указанный нормативно-правовый акт XIX века и действующее уголовное законодательство следует отметить, что законодатель в настоящее время не признает в качестве итогового судебного решения «оставление в подозрении», а наоборот, обязывает судебный орган выносить либо обвинительный, либо оправдательный приговоры. Оставление в подозрении заключалось в том, что судебный орган выносил решение по уголовному делу, при котором подсудимый не признавался виновным, но и не оставался без ответственности [13].

Во времена правления Александра II был издан Судебный устав 1864 года, который установил новые принципы судопроизводства, а также новые понятия в юридической науке. В соответствии с упомянутым нормативно-правовым актом XIX века, был установлен такой принцип, как состязательность сторон, который вводил

в уголовное судопроизводство сторону защиты и обвинения [21]. Задача данных сторон заключалась в убеждении судьи в своей правоте.

Что же касается адвокатов (присяжных поверенных), то в соответствии со статьей 44 Судебного устава 1864 года, они могли принимать к своему производству как уголовные, так и гражданские дела по соглашению от клиента [21].

По результатам Октябрьской революции 1917 года, одной из задач государства было наведение порядка. В свою очередь основой правового регулирования гражданского и уголовного судопроизводства являлись Декреты о суде и Положения о народном суде, действовавшие, как временная мера. Первоначальным нормативно-правовым актом, который регулировал отношения, связанные с состязательностью и равноправием сторон, стал Гражданский кодекс РСФСР 1923 года. Законодателем официально была закреплена активная роль судебного органа, цель которого заключалась в установлении обстоятельств и подтверждении их доказательствами. При этом суд по собственной инициативе мог проверять документы, собирать доказательства, проводить экспертизу и осмотр на месте. Говоря об уголовном судопроизводстве, термин «состязательность» впервые появился в Пленуме Верховного суда СССР от 05.12.1986 №15 «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия», до этого момента конкретных формулировок не существовало.

В современное время происходят изменения в как уголовном, так и в уголовно-процессуальном законодательстве. Последние направлены на соблюдение принципа состязательности сторон, но говорить конкретно о данном принципе не совсем целесообразно, так как он не соблюдается в полной мере. Состязательность сторон в уголовном судопроизводстве определяется наличием равных прав у сторон и участников уголовного процесса. Доказательственную базу может собирать как следователь и прокурор со стороны обвинения, так и адвокат со стороны защиты. Так, в соответствии со статьей 164 УПК РФ, законодателем определен следующий перечень лиц, кто может проводить следственные действия: сотрудники правоохранительных органов, наделенные полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность, зачастую ими выступает орган дознания, дознаватель и следователь [19].

В связи с изложенным следует отметить, что адвокат, как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты не имеет право заниматься осуществлением следственных действий по уголовному делу. Полномочия адвоката по сбору доказательств регулируются частью 3 статьи 86 УПК РФ [19], к которым относятся: опрос лиц с их согласия; истребование документации, а также получение предметов и иных сведений. В случае, если адвокат желает предоставить доказательства для приобщения к материалам уголовного дела, то он подготавливает ходатайство, которое следователь рассматривает и принимает решение об удовлетворении или о его отказе.

Законом не запрещено, если адвокат в ходе судебного процесса заявит о рассмотрении ходатайства, но снова задается вопрос, удовлетворит ли данное ходатайство суд, если зачастую все решения принимаются единолично? В данном случае речь идет о нарушении одного из принципа уголовного судопроизводства – состязательности сторон. Изначально обвинительный уклон начинается с момента назначения следователя и прокурора, как участниками уголовного процесса со стороны обвинения, перед которыми стоит задача – доказывание вины. Поиск истины в ходе

производства следственных действий уходит на дальний план, но, однако мы до сих пор формально говорим о состязательности сторон.

В реализации принципа состязательности сторон в уголовном процессе имеются определенные сложности. В настоящее время адвокат не имеет право собирать доказательства, поскольку может только опросить заинтересованных в исходе дела лиц, а также приобщить определенные справки и документацию. Однако следователь может не приобщить собранные адвокатом материалы к уголовному делу, в результате чего доказательствами они не станут.

Если речь идет о состязательности сторон, то мы должны понимать, что у всех участников уголовного судопроизводства имеются равные права. На практике получается совсем иное, что между следователем и адвокатом связь в сборе доказательства отсутствует. Весь приоритет уделяется стороне обвинения, а защите – минимальный. Говоря об обвинительном уклоне необходимо понимать, что каждый должен иметь равную возможность собирать доказательства и предъявлять их на одних условиях. Однако в настоящее время, в данной норме существуют определенные противоречия. Аналогичного мнения придерживается Л.Ф. Шумилова, так как если мы говорим об уголовном судопроизводстве, то «состязание в процессе возможно между равными сторонами» [23, с. 56].

Обратимся к правоприменительной практике гражданского судопроизводства, где от истца и ответчика принимаются доказательства, при этом каждый имеет право приносить свои документы, справки и предъявлять их в суд [3]. Из приведенного суждения следует отметить, что принцип состязательности сторон отчасти соблюдается при ведении судом гражданского дела.

Вернемся к рассмотрению уголовного судопроизводства. При представлении адвокатом необходимых доказательств, следователь отказывает и указывает на нарушение процессуальных норм, не пояснив, каких именно.

Адвокат, как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты, до момента возбуждения уголовного дела не имеет право собирать доказательства, в то время как следователь, дознаватель, орган дознания при производстве доследственной проверки уже собирает доказательственную базу. Адвокат в данном случае может только присутствовать при производстве следственных действия до момента возбуждения уголовного дела.

Необходимо также отметить, что в соответствии с Постановлением Конституционного суда РФ от 29.06.2004 № 13-п было выделено, что «дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления» [14]. Таким образом, высший судебный орган конституционного контроля РФ определил обязанность соответствующих органов собирать по делу доказательства, но при этом не упомянув сторону защиты.

В настоящее время Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации предлагается достаточное количество внесения изменений в действующее уголовное законодательство с целью укрепления статуса адвоката в уголовном судопроизводстве. Так, в 2017 году внесены поправки в статью 159 УПК РФ, определившие: «Защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, произво-

димых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого» [19].

Таким образом, необходимо подвести итог о том, что выбранная тема остается актуальной и по сей день, так как в уголовном процессе образовался дисбаланс в плане соблюдения принципов равноправия и состязательности сторон на досудебной, судебной и исключительной стадии. Однако А.А. Давлетов указывает на то, что «Состязательность – не панацея не самоцель. Ее место там, где без нее процесс немыслим, - в суде» [4, с. 68]. В нынешней Конституции Российской Федерации законодатель провозгласил основные принципы, лежащие в отраслевом законодательстве, однако надлежащим образом этого не осуществил. Правовая база нашего государства постоянно изменяется и развивается. Возможно, спустя некоторое время уголовное законодательство изменится настолько, что принципы состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве будут действовать не формально, а фактически. При этом мы считаем, что адвоката необходимо наделить достаточно широкими полномочиями по осуществлению процессуальных действий, тем самым в статье 53 УПК РФ на законодательном уровне закрепить более расширенные полномочия по сбору доказательств. Например, адвокат будет иметь право проводить собственное адвокатское расследование, не зависящее от действий органов предварительного расследования. После проведенных мероприятий, собранные доказательства носят конфиденциальный характер до момента судебного разбирательства, после чего будут оглашены и приобщены к материалам, но в том случае, если они прямо отнесены к рассматриваемому уголовному делу.

Список литературы:

1. Бородинова Т.Г. Место состязательности в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Т. Г. Бородинова // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 9(139). – С. 28-32. – DOI 10.24158/tipor.2019.9.4.
2. Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципа состязательности / Н. И. Газетдинов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 3-1(41). – С. 106-109.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. - 18.11.2002. - № 46. - ст. 4532.
4. Давлетов А.А. Состязательность в современном уголовном процессе России / А. А. Давлетов // Бизнес, менеджмент и право. – 2012. – № 2(26). – С. 65-68.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. - 560 с.
6. Карабанова Т.Н. Судебное следствие в уголовном процессе Российской Федерации / Т. Н. Карабанова, В. Н. Махов; Т. Н. Карабанова, В. Н. Махов. – Москва: Юрлитинформ, 2011. – 192 с. – ISBN 978-5-93295-813-1.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
8. Меньше 2 тысяч: доля оправдательных приговоров в России в 2020 году составила 0,34%. Первое антикоррупционное СМИ. https://pasmi.ru/archive/309187/ (дата обращения: 31.01.2022).
9. Муратова Н.Г. Состязательность сторон в уголовном судопроизводстве: мифы и реальность / Н. Г. Муратова // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 2. – С. 76-82.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 N 430-О "По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

11. Орлов Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. N 2. С. 52-53.
12. Петрухин И.Л. Реформа уголовного правосудия в России не завершилась // Законодательство. - М., 2006, № 3. - С. 69-77.
13. Полный свод законов Российской Империи: Все 16 т. со всеми относящими к ним Продолжениями и с доп. узаконениями по 1 сент. 1910 г.: В 2 кн. / Под ред. А.А. Добровольского, обер-прокурора Судебного деп. правительствующего сената; Сост. А.Л. Саатчиан Кн. 2. Т. 9-16.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «Консультант плюс».
15. Россинский С.Б. Уголовный процесс: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Эксмо, 2009. – 735 с.
16. Рыбинская Е.Т. Эволюция состязательности российского уголовного судопроизводства: учебное пособие / Е. Т. Рыбинская; Байкальский государственный университет экономики и права и др. - Иркутск: БГУЭП, 2008. - 86 с.
17. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Издательство «Наука», 1968. 468 с.
18. Суды по-прежнему рассматривают большинство уголовных дел в особом порядке. Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/sudy-po-prezhnemu-rassmatrivayut-bolshinstvo-ugolovnykh-del-v-osobom-poryadke/ (дата обращения: 31.01.2022).
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - ст. 4921.
20. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2008. — 704 с.
21. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // СПС «Гарант».
22. Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия / под ред. В.А. Якушина. т. V. - Тольятти: Волжский ун-т им. Татищева, 2005 - 203 с.
23. Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. - М.: Норма, 2005, № 11. - С. 54-61.
24. Юридическая энциклопедия / Тихомиров М.Ю., Тихомирова Л.В.; Общ. ред.: Тихомиров М.Ю. - 5-е изд., доп. и перераб. - М.: Юринформцентр, 2001. - 927 с.

Ismailov D. A., Muruzidi A. V., Ozhegova G. A. The problem of ensuring equality and adversarial treatment of parties in criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 301-308.

The article is devoted to the analysis of the problem of the implementation of the principle of criminal proceedings – the adversarial nature of the parties, as well as the consideration of problematic aspects. The article discusses the terms of scientific works of lawyers, jurists, specialists in the field of criminal procedure, as well as employees of the judicial system on the understanding of the principle of competition and equality of the parties in criminal proceedings. The paper presents statistics of sentences handed down by judicial authorities in 2020, which testifies to the effective activity of law enforcement agencies to prove the guilt of the accused person, which is confirmed by the quoted statement of lawyers engaged in advocacy. Also in this work, attention is paid to the historical development of the principle of competition and equality of the parties in criminal proceedings since modern times and ending with our days. The authors of the article focus on the problem of applying the principle of competition and equality of the parties in practice. It is proposed to amend the current criminal procedure legislation in order to strengthen the status of a lawyer for collecting evidence and conducting a lawyer's investigation in criminal proceedings.

Keywords: adversarial; equality; principles of criminal proceedings; criminal procedure; recognition of evidence; principles of law; prosecution; defense; problems of recognition of evidence; problems of criminal proceedings.

Spisok literatury:

1. Borodinova T.G. Mesto sostyazatel'nosti v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii / T. G. Borodinova // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2019. – № 9(139). – S. 28-32. – DOI 10.24158/tipor.2019.9.4.

2. Gazetdinov N.I. Sushchnost' i znachenie principa sostyazatel'nosti / N. I. Gazetdinov // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – № 3-1(41). – S. 106-109.
3. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 03.08.2018) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 18.11.2002. - № 46. - st. 4532.
4. Davletov A.A. Sostyazatel'nost' v sovremennom ugolovnom processe Rossii / A. A. Davletov // Biznes, menedzhment i pravo. – 2012. – № 2(26). – S. 65-68.
5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. - M.: ZAO Izd-vo EKSMO-Press, 2002. - 560 s.
6. Karabanova T.N. Sudebnoe sledstvie v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii / T. N. Karabanova, V. N. Mahov; T. N. Karabanova, V. N. Mahov. – Moskva: YUrlitinform, 2011. – 192 s. – ISBN 978-5-93295-813-1.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 01.07.2020 N 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 01.07.2020, N 31, st. 4398.
8. Men'she 2 tysyach: dolya opravdatel'nyh prigovorov v Rossii v 2020 godu sostavila 0,34%. Pervoe antikorrupcionnoe SMI. https://pasmi.ru/archive/309187/ (data obrashcheniya: 31.01.2022).
9. Muratova N.G. Sostyazatel'nost' storon v ugolovnom sudoproizvodstve: mify i real'nost' / N. G. Muratova // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – 2010. – № 2. – S. 76-82.
10. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 04.11.2004 N 430-O "Po zhalobe grazhdanki Starovojtovoj Ol'gi Vasil'evny na narushenie ee konstitucionnyh prav punktom 1 chasti vtoroj stat'i 42, chast'yu vos'moj stat'i 162 i chast'yu vtoroj stat'i 198 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Orlov YU. Princip sostyazatel'nosti v ugolovnom processe: znachenie i predely dejstviya // Rossijskaya yusticiya. 2004. N 2. S. 52-53.
12. Petruhin I.L. Reforma ugolovnogo pravosudiya v Rossii ne zavershilas' // Zakonodatel'stvo. - M., 2006, № 3. - S. 69-77.
13. Polnyj svod zakonov Rossijskoj Imperii: Vse 16 t. so vsemi otnosyashchimi k nim Prodolzheniyami i s dop. uzakoneniyami po 1 sent. 1910 g.: V 2 kn. / Pod red. A.A. Dobrovol'skogo, ober-prokurora Sudebnogo dep. pravitel'stvuyushchego senata; Sost. A.L. Saatchian Kn. 2. T. 9-16.
14. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29.06.2004 N 13-P «Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij statej 7, 15, 107, 234 i 450 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy» // SPS «Konsul'tant plyus».
15. Rossinskij S.B. Ugolovnyj process: Uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij. – M.: Eksmo, 2009. – 735 s.
16. Rybinskaya E.T. Evolyuciya sostyazatel'nosti rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva: uchebnoe posobie / E. T. Rybinskaya; Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i prava i dr. - Irkutsk: BGUEP, 2008. - 86 s.
17. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. Tom 1. Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo processa. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1968. 468 s.
18. Sudy po-prezhnemu rassmatrivayut bol'shinstvo ugolovnyh del v osobom poryadke. Advokatskaya gazeta. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/sudy-po-prezhnemu-rassmatrivayut-bolshinstvo-ugolovnykh-del-v-osobom-poryadke/ (data obrashcheniya: 31.01.2022).
19. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 02.08.2019) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 24.12.2001. - № 52 (ch. I). - st. 4921.
20. Ugolovnyj process: uchebnik / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskij; pod obshch. red. prof. A.V. Smirnova. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: KNORUS, 2008. — 704 s.
21. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. // SPS «Garant».
22. Hachaturov R.L. YUridicheskaya enciklopediya / pod red. V.A. YAkushina. t. V. - Tol'yatti: Volzhskij un-t im. Tatishcheva, 2005 - 203 s.
23. SHumilova L.F. Principy sostyazatel'nosti i ob"ektivnoj istiny kak fundamental'nye nachala pravoprimenitel'noj praktiki // ZHurnal rossijskogo prava. - M.: Norma, 2005, № 11. - S. 54-61.
24. YUridicheskaya enciklopediya / Tihomirov M.YU., Tihomirova L.V.; Obshch. red.: Tihomirov M.YU. - 5-e izd., dop. i pererab. - M.: YUrinformcentr, 2001. - 927 c.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 309-313.

УДК 347.97

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ СУДЬИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Кирющенко И. И.

Член Адвокатской палаты Краснодарского края

В статье рассматривается проблема медицинского обследования состояния здоровья судьи, что актуально, поскольку в настоящее время отсутствует перечень заболеваний, препятствующих осуществлению судьей полномочий, правовой механизм их выявления, не утвержден перечень медицинских исследований, необходимых для определения состояния здоровья судьи, и не определен порядок их проведения. Периодические медицинские осмотры необходимы для установления начальных стадий развития профессиональных заболеваний и предусмотрены законодательством для работников различных государственных органов и структур, государственных и частных организаций. Сделан вывод о том, что периодические медицинские осмотры судей российским законодательством не предусмотрены, отсутствует единый порядок медицинского обследования состояния здоровья судьи. Отмечено, что отсутствие правового механизма периодического медицинского обследования судьи может повлечь нарушение не только прав судьи, но и лиц, обратившихся за судебной защитой. Формулируются предложения, направленные на совершенствование правового и организационного регулирования путем внесения дополнений в Закон о статусе судей, регламентирующих обязательные периодические медицинские осмотры судей.

Ключевые слова: медицинское обследование, состояние здоровья судьи, периодический медицинский осмотр, прекращение полномочий судьи.

Часть 2 ст. 121 Конституции РФ провозгласила иммунитет судьи в части прекращения его полномочий только в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом. Что справедливо признается учеными существенной гарантией обеспечения независимости судей [1, с. 20].

Вместе с тем, правовые гарантии статуса судьи должны обеспечивать условия, при которых судьи имеют реальную возможность осуществления возложенных полномочий, подчиняясь только Конституции РФ и закону [2, с. 332].

Следовательно, процедура прекращения полномочий судьи должна обладать набором правовых и организационных мероприятий и механизма реализации, чтобы обеспечить требование о гарантиях права на судебную защиту и приоритетности прав и свобод человека и гражданина, которые, в частности, определяют смысл, содержание и применение законов (статьи 2 и 18 Конституции РФ) [3].

В ст. 14 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее - Закон о статусе судей) определены основания прекращения полномочий судей, в том числе ввиду неспособности по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи. Указанное основание ухода в отставку отнесено к объективным обстоятельствам, препятствующим продолжению исполнения судейских полномочий [4, с. 298 – 299].

Обращает на себя внимание отсутствие положений, регламентирующих порядок определения состояния судьи, при котором он не способен осуществлять свои полномочия, а также необходимые гарантии при такой процедуре. Существующий порядок не обеспечивает, с одной стороны, действительную независимость судьи при

прекращении полномочий по указанному основанию, а с другой, – не гарантирует, что судья, осуществляющий правосудие, является способным по состоянию здоровья исполнять возложенные на него полномочия.

Представляется, что совершенствование законодательства в части правовых и организационных основ процедуры прекращения полномочий судьи ввиду неспособности по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи повысит гарантии независимости судей и обеспечит судебную защиту полномочным и надлежащим судьей.

Действующее законодательство не содержит порядка выявления судей, неспособных по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи. При этом на практике имеются различные случаи прекращения полномочий судьи по состоянию здоровья, например:

- по представлению председателя областного суда квалификационной коллегией судей прекращены полномочия судьи на основании справки медико-социальной экспертизы об установлении инвалидности судьи (Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26.02.2015 № АПЛ15-39, Решение Верховного Суда РФ от 02.12.2014 № АКПИ14-1326),

- по заявлению судьи о пересмотре решения квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий по вновь открывшимся обстоятельствам (Решение Верховного Суда РФ от 18.04.2019 № АКПИ19-215, Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2006 № 75-Г06-7),

- решением квалификационной коллегии судей прекращены полномочия судьи ввиду неспособности по состоянию здоровья в течение длительного времени исполнять обязанности судьи на основании показаний свидетелей, совокупности медицинских справок и документов (Определение Верховного Суда РФ от 23.03.1999 № КАС99-3).

Указанные случаи говорят о прекращении полномочий судьи по результатам обследования, проводимого по волеизъявлению самого судьи. Между тем не исключены случаи, когда фактически судья не способен по состоянию здоровья осуществлять полномочия, но данный факт не установлен и не зафиксирован медицинскими документами, а, следовательно, такой судья продолжает работать.

Проведение медицинских осмотров и диспансеризации относится к мероприятиям по профилактике возникновения и распространения заболеваний. Как следует из части 1 статьи 46 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинский осмотр представляет собой комплекс медицинских вмешательств, направленных на выявление патологических состояний, заболеваний и факторов риска их развития.

Среди медицинских осмотров работников выделяют:

- предварительные, основной целью которого является определение состояния здоровья нового работника, соответствующего поручаемой должности;

- периодические, которые проводятся с определенной периодичностью в зависимости от вида вредного и (или) опасного производственного фактора и имеют своей целью выявление начальных форм профессиональных заболеваний, ранние признаки воздействия вредных и опасных производственных факторов на состояние здоровья работников и т.п.

Согласно ст. 4.1 Закона о статусе судей претендент на должность судьи проходит предварительный медицинский осмотр для подтверждения отсутствия у него заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, перечень которых утверждается Советом судей РФ. Следует отметить, что в законодательстве отсутствует правовой механизм прохождения периодического медицинского осмотра, в том числе позволяющего установить факт невозможности судьи по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия. Соответствующего перечня заболеваний, препятствующих исполнению обязанностей судьи, и порядка их выявления действующее законодательство также не содержит.

Медицинское обеспечение в целях своевременного предупреждения возникновения и распространения заболеваний предусмотрено для прокурорских работников (п. 6 статьи 44 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Медицинские осмотры, направленные на выявление патологических состояний, заболеваний и факторов риска их развития, предусмотрены в Вооруженных силах РФ, МВД России, ФСБ России, следственном комитете, на железнодорожном транспорте, в образовательных организациях и во многих других организациях и структурах [5, 6, 7, 8 и др.].

Между тем, исследователи выделили профессиональные заболевания, которым подвержены юристы, в том числе судьи: прогрессирующая близорукость от повышенного напряжения зрения; повышение артериального давления, различные виды болей, нарушение сна от стрессов; стенокардия, гипертония; хронические заболевания внутренних органов ввиду сидячего образа работы; болезни желудочно-кишечного тракта [9, С. 52, 53, 55, 56].

При этом причинами и факторами риска развития рассеянного склероза названы частые стрессы, гипертонической болезни III стадии, инсульта и ишемической болезни сердца - повышенное артериальное давление, отсутствие физической активности, нарушение и неправильное питание, стрессы, а вероятность развития этих и некоторых других болезней (например, Альцгеймера, Пика) увеличивается с возрастом от 50 лет. Указанные болезни включены в перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи [10]. Следовательно, перечисленные факторы риска, сопровождающие судейскую деятельность, могут стать причиной невозможности осуществления полномочий судьи по состоянию здоровья.

При отсутствии своевременного медицинского обследования и организационно-правового порядка его реализации могут быть нарушены не только права судьи на соответствующее социальное обеспечение (при выявлении первых симптомов болезней на ранних стадиях можно не допустить наступление болезни), но и лиц, обратившихся за судебной защитой (из-за болезни судьи могут быть нарушены сроки судопроизводства, может быть снижено качество правосудия и т.п.).

Безусловно, имеющаяся проблема требует правовой регламентации путем внесения изменений и дополнений в законодательство. Полагаем, что в целях определения соответствия состояния здоровья судьи и возможности выполнения им своих полномочий, Закон о статусе судей должен быть дополнен статьей 4.2 «обязательные периодические медицинские осмотры судьи» в следующей редакции:

«Судья проходит обязательные периодические медицинские осмотры в порядке, утвержденном Советом судей Российской Федерации. Перечень исследований, которые проводятся при прохождении обязательных периодических медицинских

осмотров, устанавливается Советом судей Российской Федерации по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения. Перечень заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи, утверждается решением Совета судей Российской Федерации на основании представления федерального органа исполнительной власти в сфере здравоохранения. Медицинское заключение о состоянии здоровья судьи выдается по форме, утвержденной федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения».

В данном случае медицинское заключение по результатам обязательного медицинского осмотра будет являться необходимым и достаточным основанием для вывода о состоянии здоровья судьи и его способности/неспособности осуществлять полномочия.

Реализация предлагаемых изменений позволит устранить пробельность в правовом и организационном регулировании правоотношений, касающихся состояния здоровья судьи, что не только позволит обеспечить надлежащее социальное обеспечение судьи, но и положительно скажется на законности и своевременности отправления правосудия.

Список литературы:

1. Макарова О.В. Конституционные гарантии правового положения судей // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 17 - 23.
2. Шабанов П.Н. Правовые гарантии статуса судьи как предпосылка его независимости в уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право.2008 № 2. С.323-332.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета, № 110, 25.05.2015.
4. Ермошин Г.Т. Статус судьи в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 525 С.
5. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 19.11.2007. № 47 (1 ч.). ст. 5749.
6. Приказ Минтранса России от 19.10.2020 № 428 «Об утверждении Порядка проведения обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических (в течение трудовой деятельности) медицинских осмотров на железнодорожном транспорте» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011270032 (дата обращения: 10.04.2022).
7. Приказ МВД России от 24.04.2019 № 275 «Об отдельных вопросах медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении, в медицинских организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906100011 (дата обращения: 10.04.2022).
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. № 303. 31.12.2012.
9. Симонова, Е. В. Профессиональные заболевания юриста и их профилактика средствами физической культуры / Е. В. Симонова // Актуальные проблемы и перспективы теории и практики физической культуры, спорта, туризма и двигательной рекреации в современном мире: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Челябинск, 2015. Ч. 2. С. 50-58.
10. Постановление Совета судей РФ от 26.12.2002 № 78 «Об утверждении Перечня заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи» // Российская газета, № 13, 24.01.2003.

Kiryushchenko I. I. Medical checkups of the judge's health status: problem statement and ways to solve it // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 309-313.

The article deals with the problem of medical checkups of the judge's health, which is relevant, since there is currently no list of diseases that prevent the judge from exercising his powers, a legal mechanism for their detection, a list of medical studies necessary to determine the judge's health status has not been approved, and the procedure for their conduct has not been determined. Periodic medical checkups are necessary to determine the initial stages of the development of occupational diseases and are provided by law for employees of various state bodies and structures, public and private organizations. It is concluded that periodic medical checkups of judges are not provided by Russian legislation, there is no uniform procedure for medical checkups of the judge's health. It is noted that the absence of a legal mechanism for periodic medical checkups of a judge may entail a violation not only of the rights of a judge, but also of persons who have applied for judicial protection. Proposals are formulated aimed at improving legal and organizational regulation by introducing amendments to the Law on the status of judges regulating mandatory periodic medical checkups of judges.

Key words: medical checkup, judge's state of health, periodic medical checkup, termination of judge's powers.

Spisok literatury:

1. Makarova O.V. Konstitucionnye garantii pravovogo polozhenija sudej // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 9. S. 17 - 23.
2. Shabanov P.N. Pravovye garantii statusa sud'i kak predposylka ego nezavisimosti v ugolovnom processe // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo.2008 № 2. S.323-332.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.05.2015 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 5 stat'i 11 Zakona Rossijskoj Federacii «O statuse sudej v Rossijskoj Federacii» v svjazi s zaprosom Prezidiuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta, № 110, 25.05.2015.
4. Ermoshin G.T. Status sud'i v Rossijskoj Federacii: dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2016. 525 S.
5. Ustav vnutrennej sluzhby Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 10.11.2007 № 1495 «Ob utverzhdenii obshhevoinskih ustavov Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 19.11.2007. № 47 (1 ch.). st. 5749.
6. Prikaz Mintransa Rossii ot 19.10.2020 № 428 «Ob utverzhdenii Porjadka provedenija objazatel'nyh predvaritel'nyh (pri postuplenii na rabotu) i periodicheskih (v techenie trudovoj dejatel'nosti) medicinskih osmotrov na zheleznodorozhnom transporte» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011270032 (data obrashhenija: 10.04.2022).
7. Prikaz MVD Rossii ot 24.04.2019 № 275 «Ob otdel'nyh voprosah medicinskogo obespechenija i sanatorno-kurortnogo lechenija sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, grazhdan Rossijskoj Federacii, uvolennyh so sluzhby v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii, grazhdan Rossijskoj Federacii, uvolennyh so sluzhby v organah po kontrolju za oborotom narkoticheskih sredstv i psihotropnyh veshhestv, a takzhe chlenov ih semej i lic, nahodjashhihsja na ih izhdivenii, v medicinskih organizacijah sistemy Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906100011 (data obrashhenija: 10.04.2022).
8. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29 dekabrja 2012 g. № 273-FZ (red. ot 30.12.2021) // Rossijskaja gazeta. № 303. 31.12.2012.
9. Simonova, E. V. Professional'nye zabolevanija jurista i ih profilaktika sredstvami fizicheskoj kul'tury / E. V. Simonova // Aktual'nye problemy i perspektivy teorii i praktiki fizicheskoj kul'tury, sporta, turizma i dvigatel'noj rekreacii v sovremennom mire : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. : v 2 ch. Cheljabinsk, 2015. Ch. 2. S. 50-58.
10. Postanovlenie Soveta sudej RF ot 26.12.2002 № 78 «Ob utverzhdenii Perechnja zabolevanij, prepjatstvujushhih naznacheniju na dolzhnost' sud'i» // Rossijskaja gazeta, № 13, 24.01.2003.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 314-321.

УДК 346.14

РЕГУЛЯТОРНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ: ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА[1]

Козлова Е. Б., Фоменко Е. В.
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

В статье представлено системное цивилистическое общее представление о предпринимательской среде с учетом результатов исследований в рамках теоретической экономики, раскрыты понятия микро-, мезо- и макросреды предпринимательства. Раскрыто авторское понимание термина «инфраструктура предпринимательства и особое внимание уделено такому элементу системы предпринимательской среды как «регуляторная инфраструктура». Авторами с применением системного метода научного исследования рассматриваются формы регулирующего государственного воздействия на предпринимательскую среду. Делается вывод о формировании регуляторной инфраструктуры предпринимательства как системы общественных отношений, связанных с обеспечением функционирования предпринимательских структур, в качестве элемента системы предпринимательской среды.

Ключевые слова: предпринимательская среда, инфраструктура предпринимательства, регуляторная инфраструктура предпринимательства, мезосреда предпринимательства.

Цивилистическая доктрина до настоящего времени не только не выработала дефиниции, но и в целом не сформировала своего отношения к предпринимательской среде как к сложной системе общественных отношений.

Однако следует обратить внимание на фундаментальные исследования предпринимательской среды, проведенные учеными – экономистами. В экономической теории рассматриваемая экономико – правовая категория подвергается серьезному исследованию и в этой отрасли наук представлены различные варианты ее определения, в частности, как:

– общественной экономической ситуации, включающей в себя степень экономической свободы, наличие (или возможность появления) предпринимательского корпуса, доминирование рыночного типа экономических связей, возможность формирования предпринимательского капитала и использования необходимых ресурсов [1, с.18];

– совокупности объективных и субъективных факторов, формирующих благоприятную социальную, экономическую и политическую ситуацию в стране, которая способна обеспечивать экономическую свободу населению для создания и развития предпринимательских структур [2, с. 10];

– совокупности разносторонних внешних и внутренних факторов, имеющих место на конкретном этапе развития общества, которые способствуют становлению, дальнейшему функционированию и сбалансированному развитию предпринимательской деятельности на локальном, региональном, национальном и международном уровнях и оказывают на нее прямое и косвенное воздействие на всех стадиях ее осуществления [3, с. 191];

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Влияние системных проблем развития предпринимательской среды в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации экономики и формирование путей их разрешения» (госзадание ФГБОУ ВО РГАИС, проект № 8-ГЗ-2022)

– совокупности объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на создание и функционирование субъектов предпринимательской деятельности и определяющих условия их существования и развития на основе предпринимательской инициативы и т.п. [4, с. 7].

Экономическая теория изучает предпринимательскую среду с применением системного метода научного познания, предлагая зачастую такую схему ее построения:

– микросреда предпринимательства, охватывающая исключительно субъектный состав предпринимательской деятельности;

– мезосреда предпринимательства, включающая в себя взаимодействие субъектов предпринимательства с потребителями, иными хозяйствующими субъектами (как контрагентами, так и конкурентами), публичными субъектам, а также инфраструктуру предпринимательства (финансовые инструменты, бизнес-инкубаторы и т.д.;

– макросреда предпринимательства, представляющая собой совокупность факторов, влияющих на развитие предпринимательской среды: экономических, политических, правовых, научно-технических, экологических, социально-культурных, природно-географических.

При восприятии предпринимательской среды в виде указанной системы [2, с. 10; 5, с. 12; 6, с. 7; 7, с. 146-147], очевидно, что речь идет об одной из сложных систем, к отличительным особенностям которых по общему правилу относятся многочисленные и разные по типу связи между отдельно существующими элементами системы и наличие у системы функции (назначения), которой нет у составляющих ее частей. Связи (взаимодействия) между элементами сложной системы характеризуются определенным порядком, внутренними свойствами, направленностью на выполнение функций всей системы [8, с. 5], а связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура – отличительные признаки любой системы [9, с.117].

Однако если исходить из потребностей исследования правовой среды предпринимательства, представляется, что данная схема не раскрывает особенностей именно гражданско-правовых взаимосвязей элементов системы предпринимательской среды.

Используя принятое в экономической теории восприятие макросреды предпринимательства, но с учетом адаптации с точки зрения цивилистической теории понятий микросреды и мезосреды предпринимательства, предпринимательская среда в системном виде.

С учетом адаптации экономического понимания предпринимательской среды к цивилистической теории возможно установление трехуровневой ее системы (от простого к сложному):

– микросреда предпринимательства (первый уровень) – внутрикорпоративные механизмы осуществления предпринимательской деятельности;

– мезосреда предпринимательства (второй уровень) – механизмы, обеспечивающие функционирование предпринимательских структур;

– макросреда предпринимательства (третий уровень) – вся совокупность общественных отношений, влияющих на развитие предпринимательской среды: экономических, политических, правовых, научно-технических, экологических, социально-культурных, природно-географических.

Если обратиться к понятию инфраструктуры в целом, то следует отметить, что лексическое значение слова «инфраструктура» (от лат. «infra» – ниже, под и «structura» – строение, расположение):

– совокупность сооружений, зданий, систем и служб, необходимых для функционирования отраслей материального производства и обеспечения условий жизнедеятельности общества [10, с. 445];

– совокупность предприятий, учреждений, систем управления, связи и т.п., обеспечивающая деятельность общества или какой-либо его сферы [11, с. 397] и т.д.

Основные задачи инфраструктур также определяются по-разному, но, в целом отмечаются следующие: обеспечение условий для эффективного и устойчивого развития; обеспечение координации и мониторинга деятельности элементов инфраструктуры; адекватная уровню развития соответствующих предприятий и потребностям предпринимательских структур реакция [12, с. 116].

В научных исследованиях представлены различные виды инфраструктур, в том числе выделяются социальная и рыночная, производственная и финансовая, поддержки предпринимательства и предпринимательская инфраструктуры [13, с. 16; 14, с. 38-40].

Говоря о инфраструктуре предпринимательства следует обратить внимание на утверждение, что в общем виде инфраструктура поддержки предпринимательства – есть система государственных и негосударственных органов, институтов, организаций, а также частных лиц, их взаимосвязь, деятельность которых направлена на поддержку и обслуживание предприятий и предпринимателей, обеспечивающую устойчивое экономическое развитие и функционирование поселений и межселенных территорий [15].

Однако для целей цивилистического исследования инфраструктуры одного из уровней сложной системы предпринимательской среды представляется целесообразным определить ее как совокупность субъектов общественных отношений, связанных с обеспечением функционирования предпринимательских структур соответствующих определенному уровню системы предпринимательской среды.

С учетом данного определения классифицировать различные виды инфраструктуры возможно по такому критерию как направленность реализуемых субъектом в отношении предпринимательства функций, вытекающих из правового статуса субъекта.

Одним из видов инфраструктуры мезосреды предпринимательства является регуляторная инфраструктура, содержание которой коррелирует понятию регуляторной политики.

Регуляторная политика в последние годы зачастую абсолютно незаслуженно отождествляется с понятием регуляторной гильотины. Однако понятие регуляторной политики значительно шире. Без сомнений следует присоединиться к мнению ученых, утверждающих, что регуляторную политику можно понимать как:

- обеспечение устойчивой и долгосрочной политики государства в правовой сфере;

- правовое регулирование социально-экономических и иных процессов, связанных с управлением делами государства;

- планомерное развитие законодательства и последовательное правоприменение с помощью публичных и иных институтов;

- экспертиза нормативных правовых актов, использование современных научных методов прогнозирования, правовое моделирование, диагностика правовых рисков [16, с. 13].

Именно такое широкое толкование термина «регуляторная политика» и необходимо использовать при установлении значения понятия регуляторной инфраструктуры предпринимательства.

Государство – это единственная эффективная координирующая сила, которая способна выявлять, корректировать и преодолевать конфликт частных интересов с интересами общества в целом в рамках экономических, политических, юридических и моральных ограничений. Государству предоставлено право ограничения предпринимательского оборота вследствие возникновения негативных экономических воздействий, создающих разрыв между частным и публичным интересами, который причиняет ущерб третьим лицам и не может быть распознан и самостоятельно преодолен частноправовыми субъектами [16, с. 21-37].

Можно сделать вывод о том, что суть регуляторной политики государства в сфере предпринимательства – регулирование экономических процессов, связанных с осуществлением субъектами экономических отношений предпринимательской деятельности в целях создания благоприятных условий развития предпринимательства, но при недопущении осуществления предпринимательской деятельности в ущерб публичным интересам.

С другой стороны, как справедливо отмечается учеными, у предпринимателей имеется интерес, заключающийся в участии в формировании соответствующей политики государства по отношению к предпринимательству и влиянии на формирование условий применения соответствующих средств государственного регулирования. При этом предпринимательские интересы отражают как частные интересы отдельных предпринимателей, так и общие интересы, представляемые государством [17, с. 112].

Цели, формы и способы взаимодействия бизнес-структур и государства разнообразны, зависят от конкретной, сложившейся в определенный период развития страны экономической ситуации и представляют собой самостоятельный объект научного познания, что подтверждается многочисленными фундаментальными научными исследованиями в данной области [18, с. 1693-1708], и также свидетельствует о необходимости рассмотрения предпринимательской среды именно в виде сложной системы, все элементы которой находятся в постоянном взаимодействии и взаимосвязи.

Переходя к вопросу возможных форм регуляторного воздействия на мезосреду предпринимательства, в первую очередь следует не согласиться с точкой зрения о том, что такие государственное управление предпринимательством не может носить административный или директивный характер [19, с. 166].

В юридической науке представлены различные подходы к пониманию и классификации форм государственного регулирования. Поскольку каждое исследование должно оперировать терминами, не допускающими двоякого толкования, значение которых общепринято или заранее оговаривается, необходимо уточнить, что под формой государственного регулирования предпринимательства целесообразно понимать осуществляемые государством в рамках законодательства меры воздействия

на общественные отношения в сфере осуществления субъектами предпринимательской деятельности.

Различные классификации форм государственного управления в сфере экономики также представлены в специальной литературе. В частности, предлагается выделять экономические, правовые и организационные методы [20, с. 106]. Применительно к сфере предпринимательства была предложена более развернутая система методов регулирования: общенормативные, программно-установочные (целевые программы), легализирующие (сертифицирование, лицензирование и т.п.), методы нормативно-количественного измерения (квотирование, ценообразование и т.п.), поддерживающие уровень деятельности и стимулирующие (кредитование, льготирование и т.п.), контрольно-учетные и запретные (осуществление контрольно-надзорных мероприятий и т.п.) [21, с. 6]. Очевидно, что данные подходы к методам государственного регулирования предпринимательской деятельности носят междисциплинарный характер. Особенно это свойственно государственному регулированию предпринимательской деятельности (установление регуляторных требований и контроль за осуществлением предпринимательской деятельности), сопряженному с коррупционными рисками [22; 23; 24].

Исследуя формы регуляторного воздействия на предпринимательство с точки зрения цивилистического подхода представляется возможным исходить в классификации из различных этапов «жизненного цикла» субъекта предпринимательства и динамики осуществления им деятельности. В частности, по критерию сферы государственного регулирования возможно выделение таких групп воздействия, как связанные с: созданием субъекта предпринимательской деятельности, допуском на рынок, осуществлением предпринимательской деятельности, ликвидацией субъекта предпринимательства.

Если говорить о юридическом лице как субъекте предпринимательской деятельности, то, как известно, традиционно выделяются три способа создания юридических лиц – распорядительный, разрешительный и явочно-нормативный.

При создании субъекта предпринимательской деятельности распорядительным способом требуется принятие уполномоченным органом в установленном порядке решения о создании юридического лица. При разрешительном порядке создания уполномоченному государственному органу отводится контролирующая функция, им выдается разрешение на осуществление юридическим лицом определенного вида деятельности. При третьем способе создания юридических лиц специальное разрешение не требуется, исполнение требований закона, регламентирующего правовое положение создаваемого юридического лица, априори означает наличие соответствующего согласия государства. Специального разрешения также не требуется при получении физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя. Таким образом, регулирующее воздействие государства присутствует при создании субъектов предпринимательской деятельности в распорядительном и разрешительном порядке.

Вопросы лицензирования и сертификации как элементов разрешительной системы следует отнести ко второй группе форм регулирующего воздействия на мезосреду предпринимательства.

Самая обширная группа форм воздействия связана непосредственно с осуществлением субъектами предпринимательской деятельности. В нее включаются как

функции «негативного» характера – осуществление контрольно-надзорных мероприятий в отношении предпринимателей с применением к ним установленных мер воздействия, так и функции «позитивного» воздействия, связанные с предоставлением предпринимателям государственной поддержки.

Наконец, четвертая группа форм воздействия связана с полномочиями государства, связанными с ликвидацией субъектов предпринимательства. В частности, речь идет о ликвидации юридических лиц в судебном порядке по иску уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления.

Необходимо также отметить, что все указанные формы регулирующего воздействия на предпринимательство с точки зрения системного понимания предпринимательской среды относятся к уровню мезосреды, так как опосредуются механизмами, обеспечивающими именно функционирование различных предпринимательских структур.

Таким образом, регуляторная инфраструктура предпринимательства представляет собой самостоятельную систему общественных отношений связанных с обеспечением функционирования предпринимательских структур, интегрированную, в с вою очередь, в сложную систему предпринимательской среды в качестве элемента ее мезосреды.

Список литературы:

1.Бусыгин А.В. Предпринимательство. Основной курс. М.: Интерпакс, 1994. 253 с.
2.Лопатин А.В. Обоснование перспективных направлений развития предпринимательской среды: автореф. дис. …. канд. экон. наук. Владикавказ, 2015. 22 с.
3.Хиль Т.А. «Предпринимательская среда» в правовом и научном контексте // Вестник Финансового университета. 2015. № 6. С. 185-192
4.Овчаренко В.А. Формирование и развитие предпринимательской среды региона: автореф. дис. … канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2008. 26 с.
5.Левина Я.Г. Стратегия формирования благоприятной предпринимательской среды: автореф. дис. канд. экон. наук. Астрахань, 2007. 24 с.
6.Кан С.Л. Формирование благоприятной внешней предпринимательской среды: автореф. дис. … канд. экон. наук. Москва, 2007. 26 с.
7.Козлова Е.Б., Козлов Д.О. Краудфандинг: развитие предпринимательской среды и проблемы правового регулирования // в кн.: Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 672 с.
8.Громов Ю. Ю., Земской Н. А. и др. Системный анализ в информационных технологиях: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 176 с.
9.Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.
10. Большой энциклопедический словарь. – М: Большая российская энциклопедия; С-Пб.: Норинт, 1999. 1628 с.
11. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.
12. Трибунская У.Г. Система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности: сущность, структура, основные элементы // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12. С. 115-118
13. Сафронов А.Д. Об общих понятиях «инфраструктура» //Управление экономическими системами. 2017. № 5. С7 1-12
14. Галочкина О.А., Разумова И.В. Инфраструктура предпринимательства: сущность и виды // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 38-40
15. Крылов Э.И. (и др.) Анализ эффективности и инновационной деятельности предприятия. М., 2003. 607 с.
16. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. 288с.

17. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Юрист, 2006. 311 с.
18. Бурдули В.Е. Теоретико-методологические подходы к изучению взаимодействия государства и бизнеса: региональный аспект // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 8. С. 1693-1708
19. Багиев Г.Л., Трефилова И.Н. Механизмы и инструменты регулирования в сфере предпринимательства: основные теоретические и практические подходы // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 165-168
20. Шишкин С.Н. Правовые методы и формы государственного регулирования экономики // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 27. С. 104-109
21. Тихомиров Ю.А. Юридические режимы государственного регулирования экономики // Право и экономика. 2000. № 5. С. 3015.
22. Басос Е.В., Илюшина М.Н., Ишеков К.А., Казачкова З.М., Кирилин А.В., Козлова Е.Б., Красиков В.И., Ростовцева Ю.В., Фоменко Е.В. Антикоррупционная политика субъектов Российской Федерации: монография, Москва: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017.
23. Kozlova E.B., Gureev V.A., Ilyushina M.N., Kazachkova Z.M., Fomenko E.V.Theoretical aspects of anti-corruption enlightenment as factor of system increase of efficiency of activity of federal executive authorities (on the example of the Federal Bailiff Service of Russia). Journal of Environmental Treatment Techniques, 2019, 7 (3), p. 383-388.
24. Фоменко Е.В. Подкуп: криминологический портрет и отдельные основании криминализации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3. С. 57-62.

Kozlova E. B., Fomenko E. V. Regulatory infrastructure of entrepreneurship: concept and system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 314-321.

The article presents a systematic civilistic general idea of the entrepreneurial environment, taking into account the results of research within the framework of theoretical economics, the concepts of micro-, meso- and macro-environments of entrepreneurship are disclosed. The author's understanding of the term "entrepreneurship infrastructure" is revealed and special attention is paid to such an element of the business environment system as "regulatory infrastructure". The authors, using the systematic method of scientific research, consider the forms of regulatory state influence on the business environment. The conclusion is made about the formation of the regulatory infrastructure of entrepreneurship as a system of public relations related to the functioning of entrepreneurial structures, as an element of the system of the entrepreneurial environment.

Key words: entrepreneurial environment, entrepreneurship infrastructure, regulatory infrastructure of entrepreneurship, meso-environment of entrepreneurship.

Spisok literatury:

1. Busygin A.V. Predprinimatel'stvo. Osnovnoj kurs. M.: Interpaks, 1994. 253 s.
2. Lopatin A.V. Obosnovanie perspektivnyh napravlenij razvitiya predprinimatel'skoj sredy: avtoref. dis. …. kand. ekon. nauk. Vladikavkaz, 2015. 22 s.
3. Hil' T.A. «Predprinimatel'skaya sreda» v pravovom i nauchnom kontekste // Vestnik Finansovogo universiteta. 2015. № 6. S. 185-192
4. Ovcharenko V.A. Formirovanie i razvitie predprinimatel'skoj sredy regiona: avtoref. dis. … kand. ekon. nauk. Sankt-Peterburg, 2008. 26 s.
5. Levina YA.G. Strategiya formirovaniya blagopriyatnoj predprinimatel'skoj sredy: avtoref. dis. kand. ekon. nauk. Astrahan', 2007. 24 s.
6. Kan S.L. Formirovanie blagopriyatnoj vneshnej predprinimatel'skoj sredy: avtoref. dis. … kand. ekon. nauk. Moskva, 2007. 26 s.
7. Kozlova E.B., Kozlov D.O. Kraudfanding: razvitie predprinimatel'skoj sredy i problemy pravovogo regulirovaniya // v kn.: Sovremennye problemy razvitiya predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom: monografiya. M.: YUsticinform, 2021. 672 s.
8. Gromov YU. YU., Zemskoj N. A. i dr. Sistemnyj analiz v informacionnyh tekhnologiyah: ucheb. posobie. 2-e izd., stereotip. Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta, 2007. 176 s.
9. Blauberg I.V., YUdin E.G. Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podhoda. M.: Nauka, 1973. 270 s.
10. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. – M: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya; S-Pb.: Norint, 1999. 1628 s.
11. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – SPb.: Norint, 2000. 1534 s.

12. Tribunskaya U.G. Sistema infrastrukturnogo obespecheniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti: sushchnost', struktura, osnovnye elementy // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2013. № 12. S. 115-118
13. Safronov A.D. Ob obshchih ponyatiyah «infrastruktura» //Upravlenie ekonmicheskimi sistemami. 2017. № 5. S7 1-12
14. Galochkina O.A., Razumova I.V. Infrastruktura predprinimatel'stva: sushchnost' i vidy // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2012. № 1. S. 38-40
15. Krylov E.I. (i dr.) Analiz effektivnosti i innovacionnoj deyatel'nosti predpriyatiya. M., 2003. 607 s.
16. Regulyatornaya politika Rossijskoj Federacii: pravovye problemy formirovaniya i realizacii: monografiya. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. – M.: Infotropik Media, 2022. 288s.
17. Gubin E.P. Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnoj ekonomiki i predprinimatel'stva: pravovye problemy. M.: YUrist, 2006. 311 s.
18. Burduli V.E. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniyu vzaimodeĭstviya gosudarstva i biznesa: regional'nyĭ aspekt // Kreativnaya ekonomika. 2020. T. 14. № 8. S. 1693-1708
19. Bagiev G.L., Trefilova I.N. Mekhanizmy i instrumenty regulirovaniya v sfere predprinimatel'stva: osnovnye teoreticheskie i prakticheskie podhody // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2011. № 4. S. 165-168
20. SHishkin S.N. Pravovye metody i formy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki // Vestnik YUUrGU. 2011. № 27. S. 104-109
21. Tihomirov YU.A. YUridicheskie rezhimy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki // Pravo i ekonomika. 2000. № 5. S. 3015.
22. Basos E.V., Ilyushina M.N., Ishekov K.A., Kazachkova Z.M., Kirilin A.V., Kozlova E.B., Krasikov V.I., Rostovceva YU.V., Fomenko E.V. Antikorrupcionnaya politika sub"ektov Rossijskoj Federacii: monografiya, Moskva: VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 2017.
23. Kozlova E.B., Gureev V.A., Ilyushina M.N., Kazachkova Z.M., Fomenko E.V.Theoretical aspects of anti-corruption enlightenment as factor of system increase of efficiency of activity of federal executive authorities (on the example of the Federal Bailiff Service of Russia). Journal of Environmental Treatment Techniques, 2019, 7 (3), p. 383-388.
24. Fomenko E.V. Podkup: kriminologicheskij portret i otdel'nye osnovanii kriminalizacii // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2017. № 3. S. 57-62.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 322-329.

УДК 343.2/.7

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ И ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ МАЛОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Колбасин В. В.

Краснодарский университет МВД России

Статья посвящена анализу Федерального закона №3- ФЗ от 28.01.2022 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Дана оценка положительным и отрицательным тенденциям развития отечественного уголовного права в сфере противодействия распространению педофилии. Автором приводится ряд факторов, обуславливающих увеличение числа совершенных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних на территории Российской Федерации. Рассматриваются актуальные проблемы реализации норм отечественного уголовного права, регламентирующих ответственность за совершение насильственных противоправных деяний педосексуального характера, со стороны лиц, имеющих судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Автором на основании статистических данных, предоставленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, Министерством внутренних дел РФ, Генеральной прокуратуры РФ и других государственных ведомств и служб, делается вывод о несоответствии действующего законодательства, регламентирующего ответственность за совершение сексуального насилия в отношении детей, сложившейся криминологической обстановке. Внесены предложения, направленные на повышение эффективности норм Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за половые преступления насильственного характера в отношении исследуемой автором категории потерпевших. Обозначены перспективные направления модернизации мер превентивного воздействия, способствующих достижению положительного результата в борьбе с распространением педофилии и, как следствие, сокращению числа совершенных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, изнасилование, педофилия, малолетний, несовершеннолетний, правовая регламентация, сексуальное насилие.

Количество фактов сексуальной агрессии в отношении малолетних и несовершеннолетних в современной России находится на недопустимо высоком уровне. В соответствии с данными, предоставленными А.Ю. Кузнецовой (Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в период с 2016 по 2021 г.г.), число зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, за последние 8 лет увеличилось на 72%. В 2020 г. было зарегистрировано 15822 половых преступления, жертвами которых стали дети [1, с. 92].

По нашему мнению, одним из важнейших факторов, обуславливающих данную безусловно отрицательную тенденцию, является несвоевременное реагирование государственных органов на сложившуюся в стране криминальную обстановку, обусловленную изменениями общественной жизни, а также изменениями фокуса преступного интереса педофилов. Кроме того, обсуждая вопрос увеличения числа случаев сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних, совершенных лицами, страдающими расстройством сексуального предпочтения, вы-

раженном в сексуальном влечении к детям до пубертатного и раннего пубертатного возраста (педофилией), в том числе имеющими судимость за ранее совершенное половое преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, стоит уделить особое внимание проблемам реализации норм отечественного уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за совершение противоправных деяний исследуемой нами категории.

«Убийство девятилетней Лизы Киселевой в Саратове всколыхнуло общественность. Снова развернулась дискуссия о том, как государство защищает детей от маньяков и педофилов» [2], «В октябре 2019 года после убийства 9-летней девочки была выдвинута идея создать общенациональный реестр педофилов» [3], «Детский омбудсмен предложила экстренные меры после трагедии в Рыбинске» [4] - это заголовки статей в информационной телекоммуникационной сети «Интернет», свидетельствующие о том, что какая-либо работа, направленная на пресечение половых преступлений в отношении несовершеннолетних в России, активизируется лишь после совершенного резонансного преступления и, как правило, угасает по истечении определенного времени, до следующего громкого случая насилия.

Последние значительные изменения в отечественное законодательство, направленные на модернизацию мер борьбы с сексуальным насилием в отношении малолетних и несовершеннолетних были приняты еще в 2012 г., при том, что число зарегистрированных деяний исследуемой нами категории, как можно заметить из вышеприведенных статистических данных, увеличивается с каждым годом. При этом, в Государственную Думу Российской Федерации на протяжении десяти лет поступают, реально действенные, на наш взгляд, законопроекты, способствующие в перспективе сокращению числа случаев сексуального насилия в отношении исследуемой нами категории потерпевших, на территории нашего государства. Однако ни в уголовном кодексе, ни в каком-либо другом нормативно-правовом акте они не нашли отражения. Анна Кузнецова, Сталина Гуревич, Елена Мизулина, Оксана Пушкина и многие другие не первый год пытаются реализовать свои нормотворческие инициативы, связанные с ужесточением мер правового воздействия для лиц, совершивших противоправное деяние, исследуемой нами категории, а также модернизацией профилактических мер борьбы с педофилией в Российской Федерации. К подобного рода предложениям можно отнести: установление пожизненного административного контроля за лицами ранее совершившими посягательство на интересующий нас объект, применение химической и физической кастрации, исключение возможности условно-досрочного освобождения, отмена сроков давности по делам о сексуальном насилии в отношении малолетних и несовершеннолетних, использование специального оборудования (браслетов слежения, оснащенных GPS навигацией) для отслеживания маршрутов передвижения указанной категории лиц, создание реестра (базы данных) педофилов, введение ограничений на использование Интернет ресурсов и многое другое.

Основной, по нашему мнению, причиной формирования проблемы отсутствия модернизации отечественного законодательства в части ужесточения мер правового воздействия для лиц совершивших посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, а также создания исключительно новых мер профилактической направленности, является либеральное отношение со стороны многих государственных деятелей и членов общества к иссле-

дуемой нами категории преступников, а именно, признании педофилов в первую очередь больными и нуждающимися в терапевтическом лечении и реабилитации гражданами, а не особо опасными преступниками.

Из всего вышесказанного следует, меры по повышению эффективности противодействия распространению педофилии в России, и как следствие с увеличением насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних, чаще всего не выходит за рамки научной дискуссии. Отечественное законодательство, встав на гуманистический путь развития, заботится об охране нарушенных прав преступников, уделяя большое значение процессу исправления лиц, отбывающих наказание, что как показывает практика, относительно педофилов, оказывается абсолютно безрезультативным. Одним из примеров, ярко иллюстрирующих приведенную точку зрения, можно считать уровень рецидива педосексуальных деяний на территории Российской Федерации. По словам начальника отдела уголовного розыска по раскрытию преступлений в отношении несовершеннолетних МВД г. Санкт-Петербурга, полковника полиции Алексея Родина уровень рецидива деяний исследуемой нами категории превышает 90%. «Все годы, что педофил сидит в тюрьме, он мечтает, что выйдет и начнет снова» - заявил А. Родин в интервью одному известному интернет издательству [5]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что права педофила в России и его «благополучие» ставится выше, чем права и безопасное развитие детей.

В январе 2022 г., после очередного резонансного случая сексуального насилия со стороны педофилов, жертвой которого стала 5-летняя девочка [6], в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены «долгожданные» изменения. «Государственная дума одобрила пожизненное заключение для педофилов» [7], «Путин ввел пожизненное заключение для педофилов-рецидивистов» [8], «Госдума вводит пожизненный срок для педофилов-рецидивистов» [9] - заголовки статей в отечественных СМИ. Однако не многие знают, что пожизненное лишение свободы было предусмотрено Уголовным кодексом РФ для педофилов-рецидивистов еще в 2012 г. Приведенная санкционная мера предусматривалась за совершение насильственных преступлений сексуального характера в отношении лиц, не достигших 14-летнего возраста, гражданами, имеющими судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних (педофилами-рецидивистами). Редакция же УК РФ от 28 января 2022 года расширила круг субъектов исследуемых нами преступлений (п. «а» ч.ч. 5 ст.ст. 131-132 УК РФ предусматривает ответственность за совершение насильственного полового преступления в отношении несовершеннолетнего лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (до внесения изменений - малолетнего).

Задаваясь вопросом эффективности принятых изменений, на наш взгляд, стоит проанализировать статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации с целью определения процентного соотношения лиц приговоренных к пожизненному лишению свободы от общего количества осужденных по п. «а» ч.ч. 5 ст.ст. 131-132 УК РФ, ведь санкция указанных норм в качестве альтернативного наказания предусматривает также лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет.

В период с 2012 по первое полугодие 2021 года к пожизненному лишению свободы были приговорены 3 человека из 328 осужденных по ч.ч. 5 ст.ст. 131-132 УК РФ (0,9 %) [10], что на наш взгляд является недопустимо низким показателем.

Вместе с тем, принимая во внимание тот факт, что объектом сексуального влечения для лиц, страдающих педофилией, являются дети раннего пубертатного и допубертатного возраста (до 14 лет), трудно сказать, что внесенные изменения в п. «а» ч. 5 ст.ст. 131-132 УК РФ значительно отразятся на уровне криминальной активности педофилов, что, учитывая приведенные ранее статистические данные, на наш взгляд, может свидетельствовать о неэффективности принятых изменений в борьбе с распространением педофилии.

Стоит также обратить внимание на обязательный квалифицирующий признак п. «а» ч.5 ст.ст. 131-132 УК РФ – наличие непогашенной судимости за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Данное обстоятельство не позволяет в полной мере реализовывать цели наказания, предусмотренные ст. 43 УК РФ. В первую очередь, это связано с достаточно маленькими сроками погашения судимости за совершение отдельных видов половых преступлений, жертвами которых становятся дети, что, учитывая свойственную преступникам-педофилам тенденцию повышения степени общественной опасности совершенных деяний, а также высокий уровень рецидива половых преступлений, может привести к назначению наказания, не соответствующего степени общественной опасности содеянного.

В соответствии со ст. 86 «Судимость» УК РФ судимость погашается в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказания, чем лишение свободы – по истечении одного года после отбытия наказания (ч. 2 ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера»; ч.ч. 1-2 ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»; ч. 1 ст. 135 УК РФ «Развратные действия»), к лишению свободы за противоправные деяния небольшой или средней тяжести, - по истечении трех лет после отбытия наказания (ч. 2 ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера»; ч. 1 ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»; ч. 1 ст. 135 УК РФ «Развратные действия»), лишению свободы за тяжкие преступления, - по истечению восьми лет после отбытия наказания в (ч.ч. 2-3 ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»; ч. 2 ст. 135 УК РФ «Развратные действия»), а также осужденных за особо тяжкие преступления, - по истечении десяти лет после отбытия наказания (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131 УК РФ «Изнасилование»; п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера»; ч. 4-6 ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»; ч. 3-5 ст. 135 УК РФ «Развратные действия») [11]. Кроме того, нормами указанной ранее статьи Уголовного кодекса РФ предусмотрена возможность сокращения срока судимости в случаях если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, а также возместил вред, причиненный преступлением. При этом, погашение судимость или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные УК РФ, связанные с судимостью. Таким образом педофилы имеют возможность избежать заслуженного

(соразмерного содеянному) наказания. Для решения указанной проблемы считаем необходимым рассмотреть возможность привлечения в качестве обвиняемых по п. «а» ч. 5 ст.ст. 131-132 УК РФ лиц, имеющих или имевших судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (по аналогии со ст. 331 ТК РФ «К педагогической деятельности не допускаются лица, имеющие или имевшие судимость, подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных6 и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения…») [12].

В качестве положительных преобразований в отечественном уголовном законодательстве, регламентирующем ответственность за совершение посягательства на половую свободу или половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, мы можем выделить дополнение ч. 5 ст.ст. 131-132 УК РФ п. «б» - совершение указанных деяний в отношении двух или более несовершеннолетних, а также п «в» - совершение изнасилования или насильственных действия сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних сопряженного с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных пунктом «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ [13].

Теоретически, наличие вышеуказанных положений в отечественном уголовном законодательстве, должно значительно сократить число противоправных деяний педофильного характера. Однако, учитывая приведенные нами ранее статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, следует задаться вопросом, будет ли данные нормы применяться в полном объеме и выполнять свое непосредственное назначение? Или это очередная попытка успокоить население?

По нашему мнению, положительный ответ на поставленные вопросы может быть получен лишь при исключении возможности назначения альтернативных форм наказания за совершение деяний, рассмотренных нами в рамках данного исследования. Регламентация пожизненного лишения свободы в качестве единственной санкционной меры, на наш взгляд, станет достаточно продуктивной мерой (в том числе и профилактического характера) в борьбе с распространением педофилии.

Несмотря на, приведенные нами положительные тенденции в развитии норм уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за совершение полового насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних, необходимо обратить внимание на отсутствие достаточной информации по их применению, а именно внесения изменений в Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Данное упущение, на наш взгляд, значительно затрудняет работу уполномоченных органов, направленную на предупреждение насильственной половой преступности в отношении малолетних и несовершеннолетних. В первую очередь, это касается квалификации совершенного преступления и, как следствие, вопросов назначения соразмерного наказания.

Учитывая отсутствие уточнений перечня других тяжких или особо-тяжких преступлений совокупность которых с исследуемой нами категорией противоправных деяний предусматривает возможность пожизненного лишения свободы для педофилов, а также упоминание некоторых из них в качестве квалифицирующих признаков к другим пунктам ст.ст. 131-132 УК РФ (например, при заражение потерпевшего лица ВИЧ инфекцией – действия виновного лица подлежат квалификации по п. «б» ч. 3 ст.ст. 131-132 УК РФ [14]) считаем необходимым предусмотреть исчерпывающий перечень подобного рода деяний и последствий. Таким образом к другим тяжким или особо-тяжким преступлениям против личности в редакции п. «в» ч. 5 ст.ст. 131-132 УК РФ можно отнести некоторые составы следующих преступлений: доведение до самоубийства; склонение к самоубийству или содействие самоубийству, повлекшие суицид или покушение на него; организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; истязание; заражение ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о своей болезни; похищение человека, торговля людьми, использование рабского труда. При этом необсужденным остается вопрос квалификации деяния по п. «в» ч. 5 ст.ст. 131-132 УК РФ в случаях, отнесенных Постановлением пленума Верховного Суда РФ №16 от 04.12.2014 г. к тяжким последствиям изнасилования и насильственных действия сексуального характера, но не являющимися самостоятельными составами преступлений, такими как: беременность потерпевшей, а также заражение потерпевшей ВИЧ-инфекцией лицом, не знавшим о своей болезни (неумышленно).

Подводя итог всему сказанному ранее, мы пришли к выводу, что меры, применяемые государственными органами для противодействия преступлениям, посягающим на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних лиц в современной России, не соответствуют сложившейся криминологической обстановке и нуждаются в кардинальных изменениях, в первую очередь, направленных на повышение эффективности механизма уголовно-правового регулирования. При этом, стоит заметить, что одного ужесточения мер правового воздействия, для лиц, совершивших посягательство на интересующий нас объект, по нашему мнению, будет недостаточно, ведь положительного результата в борьбе с распространением педофилии можно достичь лишь, повысив эффективность всей совокупности предупреждающих преступность мер, обратив особое внимание на профилактику исследуемой нами категории противоправных деяний. Таким образом, в качестве мер превентивного воздействия, способных в сочетании с внесенными в Уголовный кодекс РФ изменениями, ужесточающими наказание за отдельные виды сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних, значительно снизить уровень исследуемой нами категории противоправных деяний можно считать: пожизненный административный надзор за лицами имеющими или имевшими судимость за совершение деяний, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, а также лицами страдающими педофилией; формирование общедоступной базы данных педофилов; использование высоких технологий (GPS-браслетов, датчиков ГЛОНАСС), для контроля за передвижением педофилов; обязательное прохождение курса психологической и медицинской помощи (по истечении строка наказания помещение в медицинские учреждения закрытого типа); повышение информированности несовершеннолетних граждан о наличии потенциальной угрозы стать жертвой сексуального насилия и мерах предостережения

(в том числе в информационной среде); отмена возможности условно-досрочного освобождения, отмена возможности замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания; исключение возможности досрочного погашения судимости; исключение возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности и др.

Список литературы:

1. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2020 году / под ред. Р. Абдеева / М., Агилон, 24.05.2021 г. С. 92.
2. Информационный портал «Daily Storm». Государство не может казнить педофилов: как защитить детей? (от 18 октября 2019 г). [Электронный ресурс]. – URL: news.rambler.ru/other/43017678-gosudarstvo-ne-mozhet-kaznit-pedofilov-kak-zaschitit-detey/ (Дата обращения: 27.01.2022 г.).
3. Игорь Серебряный. Законопроекты против педофилов не доходят до первого чтения. [Электронный ресурс]. – URL: expert.ru/2020/11/6/pedofilyi/ (Дата и обращения: 27.01.2022 г.).
4. Информационный портал «Уралинформбюро». Детский омбудсмен предложил экстренные меры после трагедии в Рыбинске (от 17 сентября 2020 г.). [Электронный ресурс]. – URL: news.rambler.ruu/crime/44860756-detskiy-ombudsmen-predlozhila-ekstrennye-mery-posle-tragedii-v-rybinske/ (Дата обращения: 27.01.2022 г.).
5. Востроилова Татьяна. Все годы, что педофил сидит в тюрьме, он мечтает, что выйдет и начнет снова. Интервью с «охотником за маньяками» / Интервью полковника А. Родина интернет-газете «Фонтанка» (11.09.2021 г.) [Электронный ресурс]. – URL: ngs.ru/text/criminal/2021/09/11/70129424/ (Дата обращения: 27.01.2022 г.).
6. Иван Жуковский. Убийцы пятилетней девоки задержаны. Они признались в содеянном / Информационнвй портал «Газета.Ru» (от 05.01.2022 г.). [Электронный ресурс]. – URL: www.gogle.ru/amp/s/m.gazeta.ru/amp/social/2022/01/05/14377023.shtml (Дата обращения: 20.02.2022 г.).
7. Олеся Филиппова. Госдума одобрила пожизненное заключение для педофилов / Портал правовой информации «Газета.Ru» (от 18.02.2022 г.). [Электронный ресурс]. – URL: www.gazeta.ru/social/news/2022/01/18/17156983.shtml (Дата обращения: 20.02.2022 г.).
8. Информационный портал «Lenta.ru». Путин ввел пожизненное для педофилов-рецедивистов (от 28 января 2022 г.). [Электронный ресурс]. – URL: lenta.ru/news/2022/01/28/forlife/ (Дата обращения: 20.02.2022 г.).
9. Информационный портал «ТАСС». Госдума вводит пожизненный срок для едофилов-реидивистов (от 21.12.2021 г.). [Электронный ресурс]. – URL: tass.ru/obschestvo/13262213 (Дата обращения: 23.02.2022 г.).
10. Данные судебной статистики. Судейского департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: local.cdep.ru/index.php?id=79 (Дата обращения: 23.02.2022 г.).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (ред. от 28.02.2022 г.) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6b12cdea9308b35504628c3292186f5140f65a68/ (Дата обращения: 01.03.2022 г.).
12. Трудовой кодекс российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., всуп. В силу с 30.11.2021) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/71403b31593586529b94890913ae9136519d915d/ (дата обращения: 01.03.2022).
13. Федеральный закон №3-ФЗ от 28.01.2022 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».
14. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». [Электронный ресурс]. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (Дата обращения: 01.03.2022 г.).

V.V. Kolbasin On the efficiency of the implementation of the regulations of criminal law regulation of responsibility for committing crimes attacking sexual freedom and sexual inviolability of minors and minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 322-329.

The article is devoted to the analysis of the Federal Law No. 3-FZ of January 28, 2022 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation". Positive and negative trends in the development of domestic criminal law in the field of combating the spread of pedophilia are given. The author cites a number of factors that determine the trend towards an increase in the number of committed attacks on sexual freedom and sexual inviolability of minors and minors on the territory of the Russian Federation. The actual problems of the implementation of the norms of domestic criminal law regulating the responsibility for the commission of

violent illegal acts of a pedosexual nature by persons who have a criminal record for a previously committed crime against the sexual integrity of a minor are considered. The author, on the basis of statistical data provided by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the General Prosecutor's Office of the Russian Federation and other government departments and services, concludes that the current legislation regulating liability for sexual abuse of children is inconsistent with the current criminological situation. Proposals are made aimed at improving the effectiveness of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for sexual crimes of a violent nature in relation to the category of victims studied by the author. Promising directions for the modernization of preventive measures are outlined, contributing to the achievement of a positive result in the fight against the spread of pedophilia and, as a result, reducing the number of violations of sexual freedom and sexual integrity of minors and minors.

Key words: sexual integrity, rape, pedophilia, minor, minor, legal regulation, sexual violence

Spisok literatury:

1. Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka v 2020 godu / pod red. R. Abdeyeva / M., Agilon, 24.05.2021 g. S. 92.
2. Informatsionnyy portal «Daily Storm». Gosudarstvo ne mozhet kaznit' pedofilov: kak zashchitit' detey? (ot 18 oktyabrya 2019 g). [Elektronnyy resurs]. – URL: news.rambler.ru/other/43017678-gosudarstvo-ne-mozhet-kaznit-pedofilov-kak-zaschitit-detey/ (Data obrashcheniya: 27.01.2022 g.).
3. Igor' Serebryanyy. Zakonoproyekty protiv pedofilov ne dokhodyat do pervogo chteniya. [Elektronnyy resurs]. – URL: expert.ru/2020/11/6/pedofilyi/ (Data i obrashcheniya: 27.01.2022 g.).
4. Informatsionnyy portal «Uralinformbyuro». Detskiy ombudsmen predlozhil ekstrennyye mery posle tragedii v Rybinske (ot 17 sentyabrya 2020 g.). [Elektronnyy resurs]. – URL: news.rambler.ruu/crime/44860756-detskiy-ombudsmen-predlozhila-ekstrennye-mery-posle-tragedii-v-rybinske/ (Data obrashcheniya: 27.01.2022 g.).
5. Vostroilova Tat'yana. Vse gody, chto pedofil sidit v tyur'me, on mechtayet, chto vyydet i nachnet snova. Interv'yu s «okhotnikom za man'yakami» / Interv'yu polkovnika A. Rodina internet-gazete «Fontanka» (11.09.2021 g.) [Elektronnyy resurs]. – URL: ngs.ru/text/criminal/2021/09/11/70129424/ (Data obrashcheniya: 27.01.2022 g.).
6. Ivan Zhukovskiy. Ubiytsy pyatiletney devoki zaderzhany. Oni priznalis' v sodeyannom / Informatsionnvy portal «Gazeta.Ru» (ot 05.01.2022 g.). [Elektronnyy resurs]. – URL: www.gogle.ru/amp/s/m.gazeta.ru/amp/social/2022/01/05/14377023.shtml (Data obrashcheniya: 20.02.2022 g.).
7. Olesya Filippova. Gosduma odobrila pozhiznennoye zaklyucheniye dlya pedofilov / Portal pravovoy informatsii «Gazeta.Ru» (ot 18.02.2022 g.). [Elektronnyy resurs]. – URL: www.gazeta.ru/social/news/2022/01/18/17156983.shtml (Data obrashcheniya: 20.02.2022 g.).
8. Informatsionnyy portal «Lenta.ru». Putin vvel pozhiznennoye dlya pedofilov-retsedivistov (ot 28 yanvarya 2022 g.). [Elektronnyy resurs]. – URL: lenta.ru/news/2022/01/28/forlife/ (Data obrashcheniya: 20.02.2022 g.).
9. Informatsionnyy portal «TASS». Gosduma vvodit pozhiznennyy srok dlya yedofilov-reidivistov (ot 21.12.2021 g.). [Elektronnyy resurs]. – URL: tass.ru/obschestvo/13262213 (Data obrashcheniya: 23.02.2022 g.).
10. Dannyye sudebnoy statistiki. Sudeyskogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii. [Elektronnyy resurs]. – URL: local.cdep.ru/index.php?id=79 (Data obrashcheniya: 23.02.2022 g.).
11. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63 – FZ (red. ot 28.02.2022 g.) // SPS Konsul'tantPlyus [Elektronnyy resurs]. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6b12cdea9308b35504628c3292186f5140f65a68/ (Data obrashcheniya: 01.03.2022 g.).
12. Trudovoy kodeks rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 №197-FZ (red. ot 22.11.2021) (s izm. i dop., vsup. V silu s 30.11.2021) // SPS Konsul'tantPlyus [Elektronnyy resurs]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/71403b31593586529b94890913ae9136519d915d/ (data obrashcheniya: 01.03.2022).
13. Federal'nyy zakon №3-FZ ot 28.01.2022 g. «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii».
14. Postanovleniye plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 04.12.2014 g. №16 «O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti». [Elektronnyy resurs]. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (Data obrashcheniya: 01.03.2022 g.).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 330-335.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Комарова Е. А.
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Работа посвящена анализу проблем применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. В работе приводятся статистические данные, свидетельствующие об активном применении данного института и соответственно о последовательном увеличении количества решений принимаемых судами об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Анализируются мнения различных авторов, которые проводят исследование в данной сфере. Несмотря на достаточное законодательное закрепление указанной меры уголовно-правового характера на практике возникают сложности в процессе ее реализации. В связи с этим в работе рассмотрены основные проблемы правоприменительной практики и предложены пути оптимизации применения института судебного штрафа. В частности, обоснована необходимость законодательного закрепления срока уплаты судебного штрафа. А также, рекомендовано закрепить процедуру согласования следователем ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с прокурором или направлять ему копии постановления о возбуждении перед судом указанного ходатайства, и материалы его подтверждающие. Это позволит путем реализации прокурором своих надзорных полномочий устранить допускаемые органами предварительного следствия нарушения до направления уголовного дела в суд. Все сделанные в работе выводы подтверждаются материалами судебной практики Республики Крым.

Ключевые слова: институт судебного штрафа, мера уголовно-правового характера, прекращение уголовного дела (уголовного преследования), органы предварительного расследования, прокурор, суд.

Процедура освобождения лица от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера применяется в рамках уголовного судопроизводства с 2016 года [1].

Статистические данные свидетельствуют об активном применении данного института и соответственно о последовательном увеличении количества решений принимаемых судами об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Так, в 2018 г. по основанию, предусмотренному ст. 76.2 УК РФ, суды прекратили 29,4 тыс., в 2019 г. – 47,6 тыс., а в 2020 г. 52,1 тыс. дел, что на 9,4 % больше, чем в 2019 г., и более чем в 1,5 раза больше (на 77 %), чем в 2018 г. [2, с. 99].

На территории Республики Крым также отмечается тенденция к увеличению количества принимаемых решений об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ, что подтверждает востребованность данного института. Так, в 2019 г. было рассмотрено 254 ходатайства, из них удовлетворено – 232, а в 2020 г. – 355, удовлетворено – 331 ходатайство [3].

Применение судебного штрафа как меры уголовно-правового характера регулируется нормами как уголовного, так и уголовно-процессуального закона. В частности, в Уголовном кодексе Российской Федерации определено понятие судебного

штрафа (ст. 104.4) и перечислены условия его применения (ст.76.2), а в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации закреплены основания, порядок и последствия прекращения судом уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (гл. 51.1).

Инициатива применения данной меры уголовно-правового характера исходит либо от самого суда, либо от лиц, ведущих производство по уголовному делу, – от следователя или дознавателя с согласия соответственно руководителя следственного органа или прокурора посредством подачи ходатайства.

Несмотря на то, что законодатель конкретно закрепил понятие, условия, и порядок применения указанной меры уголовно-правового характера на практике возникают сложности в процессе ее реализации.

Во-первых, в законе не закреплен срок уплаты штрафа [4, с. 60]. Этот вопрос оставлен на разрешение суда, который самостоятельно определяет минимальный и максимальный сроки его уплаты. Так, часть 6 статьи 446.2 УПК РФ закрепляет, что судья, принимая решение по вопросу прекращения уголовного дела или уголовного преследования и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с учетом материального положения лица и его семьи устанавливает срок его оплаты. Последствия неуплаты лицом судебного штрафа указаны в статье 446.5 УПК РФ.

Несмотря на возможность прекращения уголовного дела (уголовного преследования) вследствие применения данной меры, случаи ее неисполнения нельзя признать единичными. Так, в 2019 г. по данным Верховного суда РФ удовлетворено 1384 представления должностных лиц органов принудительного исполнения об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначенного судебного штрафа в связи с его неуплатой, а в 2020 году судами удовлетворено уже 2107 таких представлений [5].

Как показывает анализ судебной практики суды устанавливают либо временные рамки, как правило, 30 или 60 дней, либо определяют четкую дату оплаты судебного штрафа. При разрешении данного вопроса можно согласиться с позицией, сформированной Д.Ю. Фисенко, согласно которой необходимо установить четкий временной диапазон, на который должны ориентироваться суды при установлении конкретного срока, в течение которого лицо, освобождаемое от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ, обязано уплатить судебный штраф [6, с. 41-45].

Во-вторых, неоднозначной является роль прокурора в рамках прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера. В частности, прокурор вступает в процесс применения данной меры, инициатором которой выступает следователь, зачастую лишь на стадии судебного рассмотрения ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Происходит это по причине того, что у лица, осуществляющего предварительное расследование нет обязанности согласовывать указанное ходатайство с прокурором или направлять ему копии постановления о возбуждении перед судом ходатайства о применении судебного штрафа, а также материалы его подтверждающие.

Кроме того, у прокурора отсутствуют процессуальные сроки на проверку обос-

нованности заявленного следователем ходатайства и материалов, его подтверждающих. Так, учитывая, что прекращение уголовного дела с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, отнесено к исключительной компетенции суда (ч. 1 ст. 446.2 УПК РФ), вынесение следователем постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела и применении указанной меры не является по сути окончательным процессуальным решением по уголовному делу, в связи с чем сроки следствия продолжают течь и следователь направляет уголовное дело в рамках срока предварительного следствия.

Все эти пробелы приводят к тому, что прокурор лишен реальной возможности своевременно выявить допущенные органом предварительного расследования нарушения и реализовать свои надзорные полномочия еще до направления уголовного дела в суд.

В-третьих, наличие нарушений уголовно-процессуального закона при составлении ходатайств, исключающих их рассмотрение судом. К их числу можно отнести: отсутствие согласия лица на применение к нему положений ст. 76.2 УК РФ, либо отсутствие сведений о виде и размере причиненного ущерба или вреда, а также о способах возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда.

Процессуальным условием прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа является согласие лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести. При этом не имеет значения признает ли лицо свою вину, уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямого указания на это, закрепляя в ч.2 ст.27 УПК РФ – не допускается прекращение по данному основанию, если обвиняемый или подозреваемый против этого возражает.

К примеру, постановлением мирового судьи судебного участка № 84 Советского судебного района Республики Крым от 10.04.2019 в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела в отношении Б., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, и назначении ей меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа – отказано по следующим основаниям.

При рассмотрении данного уголовного дела мировым судьей было установлено, что подозреваемая возражает против прекращения в отношении нее уголовного дела по заявленным в ходатайстве основаниям. Учитывая данное обстоятельство, а также то, что в материалах дела отсутствовали достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, мировым судьей было вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства следователя. Указанное дело было возвращено органу, проводившему предварительное расследование [7].

Еще одно уголовно-процессуальное нарушение — это отсутствие сведений об ущербе и способах его возмещения. В законе нет четкой регламентации данного вопроса, в связи с чем на практике используются разъяснения, данные Верховным судом Российской Федерации [8].

Отсутствие в постановлении следователя о возбуждении перед судом ходатайства, а также в материалах уголовного дела, в судебном заседании достоверных сведений о возмещении причиненного вреда или иных мерах по заглаживанию вреда,

является существенным нарушением требований УПК РФ, поскольку исключает возможность оценить достаточность принятых подозреваемым мер по возмещению ущерба или заглаживанию вреда для признания выполненными условия, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, принятия судом итогового решения о прекращении уголовного дела, и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 5 Железнодорожного судебного района г. Симферополя Республики Крым от 05.11.2019 отказано в принятии к рассмотрению постановления следователя о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении З., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ.

Основанием для принятия судом данного решения, среди прочих, явилось то, что причиненный материальный и моральный вред потерпевшим возмещен З. в полном объеме. Однако не указано, когда именно и в каком объеме им была погашена задолженность по заработной плате перед лицами, признанными потерпевшими. Тогда как согласно Примечанию, к статье 145.1 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч.1 или 2 ст. 145.1 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела в полном объеме погасило задолженность по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате, определяемой законодательством Российской Федерации, и, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Отсутствие данных о времени и размере погашения задолженности по заработной плате как в постановлении следователя, так и в материалах уголовного дела, имеет существенное значение для правильного определения основания, по которому подлежит решению вопрос о прекращении дела.

При таких обстоятельствах ходатайство с материалами уголовного дела возвращено руководителю следственного органа [9].

Поскольку возмещение причиненного совершенным преступлением ущерба (или заглаживание вреда) это одно из значимых оснований применения данной меры уголовно-правового характера суд, с целью вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения должен быть уверен, что возмещение было совершено и в полном объеме. С этой целью можно согласиться с предложением В.В. Мишина, относительно необходимости отражения этого требования в виде дополнения к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данным им в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [10, с. 59].

На основе анализа всех рассмотренных положений можно сделать вывод о том, что данный институт по-прежнему нуждается в совершенствовании, несмотря на существующую правовую регламентацию. В частности, необходимо на законодательном уровне установить четкий временной диапазон срока, в течение которого лицо, освобождаемое от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ, обязано уплатить судебный штраф.

Кроме того, считается целесообразным ввести процедуру согласования прокурором ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа,

направляемого в суд, и для следователя, с одновременным представлением прокурору материалов уголовного дела. Данный институт позволит путем реализации прокурором своих надзорных полномочий устранить допускаемые органами предварительного следствия нарушения до направления уголовного дела в суд.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Консультант Плюс».
2. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2020 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. ректора Университета прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2021.
3. Справка Верховного Суда Республики Крым по результатам изучения практики применения судами статьи 76.2 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа) в 2019 - 2020 годах // http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=178
4. Участие прокурора в производстве о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: науч.-практ. пособие / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2021.
5. Данные судебной статистики Верховного Суда Российской Федерации // http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 04.03.2022).
6. Фисенко Д.Ю. Судебный штраф: проблемы правовой регламентации и практики применения // Законодательство и практика. 2017. № 2.
7. Постановление о возвращении уголовного дела прокурору, в орган следствия от 10.04.2019 № 01-0007/84/2019 // http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/decisionus/?id=491353&year=2022 (дата обращения 04.03.2022).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Консультант Плюс».
9. Постановление о возвращении уголовного дела прокурору, в орган следствия от 05.11.2019 № 01-0014/5/2019 // http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/decisionus/?id=1691460&year=2022 (дата обращения 04.03.2022).
10. Мишин В.В. Дискуссионные вопросы применения судебного штрафа // Российский судья. 2021. № 7.

Komarova E. A. Problems of the application of a criminal legal measure in the form of a judicial fine for exemption from criminal liability // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 330-335.

The work is devoted to the analysis of the problems of applying a criminal law measure in the form of a court fine when releasing a person from criminal liability in connection with the imposition of a court fine. The paper presents statistical data indicating the active use of this institution and, accordingly, a consistent increase in the number of decisions taken by courts on exemption from criminal liability with the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine. The opinions of various authors conducting research in this area are analyzed. Despite the sufficient legislative consolidation of this criminal law measure, in practice there are difficulties in the process of its implementation. In this regard, the work considers the main problems of law enforcement practice and suggests ways to optimize the use of the institution of a judicial fine. In particular, the necessity of legislative fixing of the term for payment of a court fine is substantiated. And also, it is recommended to consolidate the procedure for the investigator to agree on a petition to terminate a criminal case or criminal prosecution and to impose a criminal law measure in the form of a judicial fine with the prosecutor or send him copies of the decision to initiate the said petition before the court, and materials confirming it. This will allow, through the exercise of the prosecutor's supervisory powers, to eliminate violations committed by the preliminary investigation bodies before sending the criminal case to court. All the conclusions made in the work are confirmed by the materials of the judicial practice of the Republic of Crimea.

Key words: the institution of a judicial fine, criminal legal measure, termination of a criminal case (criminal prosecution), preliminary investigation bodies, prosecutor, court.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 323-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» // SPS «Konsul'tant Plyus».
2. Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossijskoj Federacii i rabota organov prokuratury. 2020 god: inform.-analit. zapiska / pod obshch. red. rektora Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii d-ra yurid. nauk, prof. O.S. Kapinus. – M.: Un-t prokuratury Ros. Federacii, 2021.
3. Spravka Verhovnogo Suda Respubliki Krym po rezul'tatam izucheniya praktiki primeneniya sudami stat'i 76.2 UK RF (osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa) v 2019 - 2020 godah // http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=178
4. Uchastie prokurora v proizvodstve o naznachenii mery ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa: nauch.-prakt. posobie / Un-t prokuratury Ros. Federacii. – M., 2021.
5. Dannye sudebnoj statistiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii // http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (data obrashcheniya 04.03.2022).
6. Fisenko D.YU. Sudebnyj shtraf: problemy pravovoj reglamentacii i praktiki primeneniya // Zakonodatel'stvo i praktika. 2017. № 2.
7. Postanovlenie o vozvrashchenii ugolovnogo dela prokuroru, v organ sledstviya ot 10.04.2019 № 01-0007/84/2019 // http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/decisionus/?id=491353&year=2022 (data obrashcheniya 04.03.2022).
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016) «O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» // SPS «Konsul'tant Plyus».
9. Postanovlenie o vozvrashchenii ugolovnogo dela prokuroru, v organ sledstviya ot 05.11.2019 № 01-0014/5/2019 // http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/decisionus/?id=1691460&year=2022 (data obrashcheniya 04.03.2022).
10. Mishin V.V. Diskussionnye voprosy primeneniya sudebnogo shtrafa // Rossijskij sud'ya. 2021. № 7.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 336-341.

УДК 343.214

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В РОССИИ

Нагорный А. П.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Правовая норма о необходимой обороне в современном уголовном праве России, является одной из-наиболее спорной и сложной в практическом применении. Актуальность исследования вопроса квалификации данной статьи и имеющихся в связи с этим проблем, является тот факт, что, несмотря на постоянное редактирование уголовного кодекса и уточнение формулировок, вопрос по ст. 37 УК РФ в настоящее время до сих пор остается открытым и допускает расплывчатое толкование.

В связи с этим, в настоящей статье рассмотрен вопрос квалификации необходимой обороны в России, а также, его понятие и пределы действия данной статьи. Помимо этого, в статье рассмотрено такое понятия, как реальность посягательства и его оценка судебными органами Российской Федерации.

В результате проведенного анализа предложены пути решения имеющегося противоречия.

Ключевые слова: необходимая оборона, уголовная ответственность, личность, реальность преступления, квалификация.

Сегодня в России большое количество исследований посвящено раскрытию вопроса определения необходимой самообороны, согласно статье 37 УК РФ, и как следствие – справедливости по решению данных дел в суде. Данная проблема волнует огромное количество ученых и правоведов. Одной из самых больших проблем, связанных с вопросом необходимой самообороны в России – отсутствие четкой и однозначной трактовки данного понятия, и как результат – затруднение принятия справедливого решения судьями, рассматривающими дела по данной статье. Несмотря на большой интерес, проблема остается актуальной и сегодня, а больших подвижек на законодательном уровне в сторону её решения до сих пор нет. Помимо прочего это порождает проблему невозможности гражданами адекватно и в полной мере реализовывать свои права по самообороне и защите своей чести и достоинства, что предписано Конституцией России, как один из основополагающих принципов.

Необходимая оборона рассматривается как одно из самых важных средств в борьбе человека за свободу личности, неприкосновенность личных границ, а также, как действенное средство борьбы с любым видом преступности. Важно отметить, что борьба с преступностью – это обязанность не только государства, но и граждан, всего общества. Только с помощью совместной работы государства и граждан можно достигнуть положительного эффекта в борьбе с преступностью, и необходимая оборона является важным инструментом в данном деле.

Большой проблемой, помимо вышеуказанных сложностей с квалификацией данного деяния является отсутствие у граждан необходимого знания своих прав на необходимую самооборону в случае посягательства на их жизнь и свободу. Далеко не все знают, что необходимая самооборона исключает применение уголовного и любого другого вида наказания по отношению к человеку, действовавшего в рамках данной статьи.

Возвращаясь к вопросу квалификации необходимой самообороны в уголовном праве, можно выделить два аспекта, вызывающих затруднения:

1. Формулировка, представленная в уголовном кодексе России, допускает большое количество толкований, которые часто остаются на совести следственных органов и судей.

2. Специфичность самого правового института необходимой самообороны. Дело в том, что данная статья входит в состав главы 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». Такое месторасположение данной правовой нормы говорит о том, что человек, деяния которого подпадают под действие данной статьи, потенциально является преступником до выяснения обстоятельств. Тут важно отметить, в статье не прописаны границы, где заканчивается необходимая оборона и границы её превышения. В связи с этим, бывает достаточно сложно доказать, что человек действовал именно в рамках статьи 37 УК РФ, и его действия не подпадают под санкции статей 108 и 114 УК РФ. В данном случае возникает также и этический вопрос – становясь подсудимым по данному вопросу ставиться под сомнение право человека на жизнь и свободу, а также их защиту, о чем было сказано ранее.

Необходимая оборона рассматривается в нескольких статьях уголовного права России, в частности – ст. 37 УК РФ, необходимая оборона является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Также, её затрагивают вышеупомянутые статьи 108 и 114 УК РФ, в которых необходимая оборона рассматривается с точки зрения её превышения и причинения вследствие этого смерти, тяжких телесных повреждений или телесных повреждений средней степени тяжести [1]. Помимо этого, в России данный вопрос регламентирует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [2].

Эксперты выдвигают разные точки зрения по поводу квалификации необходимой обороны и особенностей применения данной статьи. А.В. Наумов отмечает, что «большинство ошибок в применении уголовного закона о необходимой обороне заключается в том, что решение по делу в стадии как предварительного следствия, так и судебного разбирательства (в его первой инстанции) выносятся обычно не в пользу оборонявшегося, а в пользу лица, совершившего общественно опасное посягательство» [3, с.349].

Д.В. Перцев в своем исследовании отмечает, что Институты необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, призваны обеспечить баланс интересов, связанных с реализацией предусмотренных в части 1 статьи 2 УК РФ задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей, с одной стороны, и с возможностью правомерного причинения им вреда – с другой. [4, с.37-38]. В этих целях в статьях 37 и 38 УК РФ установлены условия, при наличии которых действия, причинившие тот или иной вред объектам уголовно-правовой охраны, не образуют преступления.

Основными обстоятельствами, которые являются условиями для правомерности применения необходимой обороны, является опасность, наличность и реальность посягательства.

Общественная опасность характеризуется вредом, который причиняется в результате посягательства тем или иным общественным отношениям, охраняемым законом.

Наличность означает, что посягательство началось и ещё не окончилось. Наличность определяет время начала и окончания посягательства и, соответственно, время существования состояния необходимой обороны.

Реальность посягательства означает, что факт посягательства действительно имел место.

Одним из наиболее спорных среди всех обстоятельств является реальность преступления. В первую очередь, сложность заключается в том, что жертва далеко не всегда может адекватно оценить степень опасности. В данном случае роль может сыграть большое количество факторов – характер, личностные установки, жизненный опыт, психологические особенности человека. В данном случае важно не забывать о том, что в п. 2 ст. 37 УК РФ сказано, что если обстоятельство применения необходимой обороны не сопряжено с насилием, опасным для жизни деянием, то убийство или тяжкие телесные повреждения будут являться превышением допустимой обороны. Приведем пример: девушка, в прошлом пережившая насилие и имеющая психологическую травму может воспринять как реальное преступление действия мужчины, которые не сопряжены с попыткой применения насилия и в результате превысить допустимую оборону. Другим примером может служить ситуация, когда превышение допустимой обороны произошло вследствие большой физической силы потерпевшего, который желая обезвредить преступника, нанес ему серьезные травмы, не сумев рассчитать силу удара. В данном случае его действия могут быть квалифицированы по ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности».

При этом не стоит забывать, что Постановление Пленума Верховного суда разъясняет все вышеуказанные термины, а также, понятие «мнимой обороны», когда жертва, ошибочно полагая, что ей угрожает опасность, применяет действия для своей защиты. В судебной практике такие ситуации встречаются достаточно часто. Только за 2020 год по статье 114 УК РФ было осуждено более 200 чел., а по ст. 108 УК РФ – более 100 чел. [5; 6].

Если оборонительные действия считаются соразмерными опасности, то они не являются преступными и под действия статей 108 и 114 УК РФ не подпадают.

Важно отметить, что нормы права не уделяют достаточно большого внимания субъективным категориям, которые упоминались ранее – психологическое состояние жертвы, осознание происходящего, и т.д. Однако невозможно со 100% вероятностью выявить содержание данных факторов, и их учет при вынесении приговора остается на усмотрение судей. Ни в одном из правовых документов нет подробной информации на данный счет.

Соразмерность обороны, также, вызывает достаточно много споров. Единственным видом посягательства, которое допускает применение всех возможных видов обороны, которые есть у человека в момент опасности, является посягательство на жизнь. Только в этом случае убийство преступника при обороне не считается её превышением и квалифицируется именно по ст. 37 УК РФ. Касательно оружия, его применение правомерно только в том случае, если аналогичное применялось преступником, либо это и было его оружие. Другие факторы, такие как разница физи-

ческих сил или количество человек с обеих сторон согласно законодательству могут приниматься судьями во внимание по разному, хотя они могут иметь принципиально важное значение в ходе судебного разбирательства и при их учете в корне изменить суть дела.

Еще одним обстоятельством, вызывающим споры у исследователей, являются способы защиты неприкосновенности жилища и их правомерность в целях необходимой обороны.

С одной стороны, многие способы защиты жилища являются незаконными, например, использование автоматических устройств, причиняющих смерть или ультразвуковой сигнализации, вместо обычной, являются нарушением необходимой обороны. С другой стороны, неучтенным остается тот факт, что их применение стало необходимым в конкретном случае посягательства на чужое жилище. Дискуссия возникает также по поводу возможности применения убийства, как способа защиты от посягательства на жилище и вообще, границы рамок необходимой обороны жилища [7].

Решая вопрос об изменениях в законодательстве по данному обстоятельству, особое внимание необходимо уделить расширению перечня действий потерпевшего, которые не будут квалифицироваться как превышение пределов необходимой обороны в случае посягательства на жизнь, половую неприкосновенность и жилище. Такое предложение связано с тем, что во всех трех случаях человек, совершающий посягательство заведомо виновен по нескольким статьях УК РФ, в том числе, статьям 105, 131, 132, 139 УК РФ и т.д. В данном случае является правомерным любой вид обороны и защиты своих конституционных прав. Помимо этого, расширение данных полномочий является полезным с точки зрения общественного порядка. Снижение уровня преступности будет достигаться уже за счет перспективы получения достойного отпора, в том числе причинения смерти и тяжких телесных повреждений, что будет мотивировать потенциального правонарушителя отказаться от своей затеи.

По вопросу квалификации необходимой обороны на сегодняшний день собрана обширная судебная практика.

Особенности рассмотрения дел по необходимой обороне разъяснены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №19 от 27.09.2012 г. Согласно данному документу, а также УК РФ, необходимая оборона допустима в том случае, если в отношении обороняющегося или иного лица совершается деяние, создающее реальную угрозу жизни, либо нападающий высказывает угрозу совершения подобных действий. В Постановлении указывается, что такими действиями могут быть:

- причинение вреда здоровью вне зависимости от степени тяжести;
- применение оружия или предметов используемых в качестве оружия;
- высказывание угрозы обороняющемуся или другому лицу, при этом нападающий в состоянии её воплотить в реальность;
- демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия, сопряженная с угрозой и возможностью его применения.

Проанализировав все вышесказанное можно сделать вывод, что вопрос квалификации необходимой обороны не зря сегодня остается актуальным и требующим особого внимания – в законодательстве очень много белых пятен, которые крайне

негативно влияют на качество применения данной правовой нормы в уголовной праве России.

В связи с этим, необходимо внести ряд поправок в законодательство, которые сделают понятие необходимой обороны более простым в применении и четко сформулированным:

1. В первую очередь, необходимо доработать статью 37 УК РФ и внести в неё ряд поправок, в том числе, обозначить границы допустимой обороны, сформулировать критерии данного понятия, которые упомянуты в Постановлении Пленуму Верховного Суда РФ, а также, закрепить обязанность судов учитывать данные критерии.

2. Ввести возможность рассматривать дела по данной правовой норме судом присяжных. Эта меры является крайне важной, так как суд присяжных состоит из нескольких человек, которые смогут рассмотреть дело о необходимой обороне с разных точек зрения, основываясь на множестве различных факторов, в том числе и на субъективных критериях дела, о которых шла речь в данной статье. Как было сказано ранее, суды часто не учитывают субъективные критерии дела, а суд присяжных не оставит их без внимания и сможет вынести более справедливое решение.

3. Закрепить на законодательном уровне право граждан на неприкосновенность не только жизни, но и жилища и половой неприкосновенности любыми возможными методами. Право на неприкосновенность жилища закреплено в статье 25 Конституции России и должно охраняться любыми способами наравне с неприкосновенностью личности и половой неприкосновенности [8].

4. Признать реальность посягательства на жизнь, половую неприкосновенность и неприкосновенность жилища достаточным основанием для признания обороны необходимой.

5. Смягчить рамки, устанавливающие «соразмерность общественной опасности», учитывая, что в ситуации посягательства, обороняющееся лицо далеко не всегда имеет возможность рассчитывать силы и осознавать степень опасности. Например, признать правомочным нанесение обороняющимся тяжких телесных повреждений нападающему при незаконном вторжении в жилище, причинение смерти при посягательстве на половую неприкосновенность. Возможно, вообще декриминализовать превышение необходимой обороны, если доказано, что имела место именно оборона от преступного посягательства [9].

6. Отказаться от обвинительной направленности по подобным делам, сделать приоритетным доказательство факта посягательства и обвинение посягнувшего, а не оборонявшегося.

Все выше предложенные меры по корректированию законодательства о необходимой самообороне решат многие существующие сегодня проблемы в отношении квалификации данного уголовного деяния.

Список литературы:

1.Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021).

2.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление".

3.Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М. : Юрист, 1998. С. 511.

4.Перцев Д.В. Необходимая оборона: вопросы теории и судебной практики. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4. С. 36-41.
5.Статистика преступности за 2020 год. Режим доступа: https:// epp.genproc.gov.ru/documents/3727227/51098978. (дата обращения: 03.02.2022).
6.Статистика преступности за 2019 год. Режим доступа: https:// www.vsrf.ru/documents/thematics/28046/ (дата обращения: 03.02.2022).
7.Гарикова Мария Денисовна Проблемы квалификации при применении необходимой обороны: спорные вопросы и их решения // E-Scio. 2021. № 6 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-pri-primenenii-neobhodimoy-oborony-spornye-voprosy-i-ih-resheniya (дата обращения: 19.01.2022).
8."Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
9.Казарина Марина Игоревна, Барканов Иван Алексеевич. О критериях отграничения необходимой обороны от превышения пределов необходимой обороны // Глагол правосудия. 2020. № 2 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kriteriyah-otgranicheniya-neobhodimoy-oborony-ot-revysheniya-predelov-neobhodimoy-oborony (дата обращения: 03.02.2022).

A.P. Nagornyi. Problems of qualification of necessary defense in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 336-341.

One of the most controversial and difficult to apply articles in modern criminal law is the article on the use of necessary defense. The relevance of the study of the issue of qualifying this article in Russia and the problems that arise in connection with this is the fact that, despite the constant editing of the criminal code and clarification of the wording, the issue under Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation is currently still open and allows for a vague interpretation.

In this regard, this article discusses the issue of qualifying the necessary defense in Russia, as well as its concept and the scope of this article. In addition, the article considers such concepts as the reality of the encroachment and its assessment by the judicial authorities of the Russian Federation.

As a result of the analysis, the ways of solving the existing contradiction are proposed.

Key words: necessary defense, criminal liability, personality, reality of a crime, qualification.

Spisok literatury:

1.Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 30.12.2021).
2.Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.09.2012 N 19 "O primenenii sudami zakonodatelstva o neobhodimoj oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshego prestuplenie".
3.Naumov A.V. Osnovnye koncepcii sovremennogo ugolovnogo prava. M. : Yurist, 1998. S. 511.
4.Percev D.V. Neobhodimaya oborona: voprosy teorii i sudebnoj praktiki. Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshestvennye nauki. 2016. № 4. S. 36-41.
5.Statistika prestupnosti za 2020 god. Rezhim dostupa: https:// epp.genproc.gov.ru/documents/3727227/51098978. (data obrasheniya: 03.02.2022).
6.Statistika prestupnosti za 2019 god. Rezhim dostupa: https:// www.vsrf.ru/documents/thematics/28046/ (data obrasheniya: 03.02.2022).
7.Garikova Mariya Denisovna Problemy kvalifikacii pri primenenii neobhodimoj oborony: spornye voprosy i ih resheniya // E-Scio. 2021. № 6 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-pri-primenenii-neobhodimoy-oborony-spornye-voprosy-i-ih-resheniya (data obrasheniya: 19.01.2022).
8."Konstituciya Rossijskoj Federacii" (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obsherossijskogo golosovaniya 01.07.2020)
9.Kazarina Marina Igorevna, Barkanov Ivan Alekseevich. O kriteriyah otgranicheniya neobhodimoj oborony ot prevysheniya predelov neobhodimoj oborony // Glagol pravosudiya. 2020. № 2 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kriteriyah-otgranicheniya-neobhodimoy-oborony-ot-revysheniya-predelov-neobhodimoy-oborony (data obrasheniya: 03.02.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 342-349.

УДК 343.8

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ

Пикина Т. В.

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В статье рассматриваются проблемные аспекты реализации правового статуса осужденных из числа иностранных граждан и лиц без гражданства, особенности отбывания наказания такими лицами в местах лишения свободы на территории Российской Федерации и предлагаются возможные пути решения некоторых проблем, с которыми сталкиваются сотрудники исправительных учреждений при исполнении возложенных на учреждения обязанностей по реализации некоторых прав осужденных.

Ключевые слова: правовой статус, иностранные граждане, лица без гражданства, свобода вероисповедания, национальный язык, исполнение наказания.

В настоящее время в Российской Федерации при обеспечении правового статуса осужденных иностранных граждан достаточно остро встает вопрос о реализации их прав, обязанностей и в целом их положение среди других осужденных. В последние годы вопросы реализации правового статуса личности и его ограничения получили широкое распространение в юридической науке, но, несмотря на это, проблемами правового статуса осужденных иностранных граждан посвящено небольшое количество научных трудов.

Общие понятия правового статуса личности достаточно широко раскрыты учеными-правоведами. Теоретические основы правового статуса личности были определены Алексеевым С.С., который рассматривал правовой статус как «поведение участников общественных отношений в котором реализуются требования и возможности, содержащиеся в праве» [8, с. 99].

В.Д. Перевалов определил правовой статус личности, как «положение человека, отражающее его фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством» [13, с. 324-326] и определял эту категорию как собирательный универсальный характер, отражающее особенности человека, в нашем случае осужденных из числа иностранных граждан и лиц без гражданства.

Хотелось бы отметить определение, которое закрепил А.В. Баранов: «Правовой статус – правовое положение лица, выраженное в закрепленных законодательством правах, свободах, законных интересах, обязанностях лица» [9, с. 15].

Таким образом, правовой статус личности отражает статус лица в тесной связи его с государством в конкретный момент взаимоотношений. Поэтому необходимо рассмотреть законодательное регулирование, которое закрепляет основы прав и обязанностей иностранных граждан и лиц без гражданства, осужденных к лишению свободы. Нормативные правовые акты, формируют правовой статус личности в привычные для современного человека рамки законности и дозволенности и правовом статусе осужденных достаточно широко раскрыт законодателем.

Основополагающим документом, закрепляющим основы правового статуса человека и гражданина, является Конституция Российской Федерации. Здесь весьма важна ст. 62, потому что, именно нормы данной статьи являются источником поло-

жений, указанных в Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Основой пенитенциарных учреждений является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, а именно в статье 10 говориться об основах правового положения осужденных граждан: «Осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации». Данное понятие является полным, но не отражает особенности реализации отдельных прав в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, осужденных к лишению свободы.

Также хотелось отметить ст. 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в которой говорится о иностранных гражданах, которые пользуются теми же правами и обязанностями, а также несут такую же ответственность наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением определенных случаев, которые устанавливает законодательство, помимо этого неплохо было бы рассказать о специальном правовом статусе, а именно их положение в пенитенциарной системе, положение достаточно непонятное и до конца не продуманы некоторые пробелы в законодательстве.

Анализ действующего законодательство позволяет сделать выводы о том, что иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие на территорию Российской Федерации обладают такими же правами и обязанностями, как и граждане нашей страны. Но, не смотря на это, на иностранных граждан и лиц без гражданства распространяется ряд ограничений, например, они не вправе занимать некоторые государственные должности, всеобщая воинская обязанность распространяется только на граждан России, для иностранцев и апатридов ограничена свобода передвижения, для иностранных граждан, лиц без гражданства и лиц имеющих двойное гражданство ограничен доступ к государственной тайне, не имеют права на митинги, собрания, а так же лица не имеющие гражданства Российской Федерации не вправе свободно возвращаться на территорию страны. Таким образом, мы наблюдаем ряд ограничений правового статуса иностранцев и приравненных к ним категорий, что может говорить об их особом правовом статусе, отличительным от правового статуса гражданина Российской Федерации.

Конечно, не достаточно обладать правами, чтобы претендовать на их реализацию, необходимо также выполнять очень важную обязанность – не нарушать действующий закон и не посягать на права и законные интересы других лиц, но мы наблюдаем злоупотребление нашим гостеприимством иностранными гражданами, которые все чаще становятся субъектами преступлений.

По данным МВД за январь-март 2020 г. граждане иностранных государств стали чаще совершать преступления на территории нашей страны. В общей сложность иностранными гражданами совершено 9,4 тыс. противоправных деяний различной степени тяжести, это на 2,2 % больше, чем за 1 квартал 2019 г. [14].

Причины совершения преступления иностранными гражданами и лицами без гражданства называется нехватка денег из-за отсутствия работы, а в условиях ре-

жима самоизоляции одним из условий было – невозможность вернуться домой, но вопреки ожиданиям скептиков роста преступности мигрантов в условиях самоизоляции и сложной экономической ситуации в стране «взрыва» преступности, указанными лицами, не произошло.

Данные обстоятельства наводят на размышление о том, что внешние факторы целиком и полностью могут влиять на совершение противозаконных действий иностранными гражданами, что может отразиться на объеме работ не только органов внутренних дел, но и конечно же органов, исполняющих уголовные наказания.

С момента совершения противоправного деяния, иностранные граждане и лица без гражданства приобретают специальный правовой статус – уголовно-правовой. По мнению И.В. Пикина и А.М. Зюкова «уголовно-правовой статус – это разновидность отраслевого правового статуса, в самом общем виде его можно определить, как совокупность прав, свобод и обязанностей, установленных нормами уголовного права» [11, с. 45]. Частью уголовно-правового статуса являются права и обязанности осужденных, которые перечисляются в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Свою актуальность с проблемами уголовно-правового статуса иностранных лиц приобрела во время последних изменений Уголовного кодекса Российской Федерации.

По мнению Н.В. Губарева под реализацией прав осужденных следует понимать юридическое воздействие на общественные отношения, складывающиеся в процессе исполнения наказания по изменению их правового положения [10, с. 20]. А.Е. Наташев, справедливо отмечает, что объем прав и обязанностей, осужденных не может полностью совпадать с объемом и обязанностями всех граждан [12, с. 120].

Таким образом, несмотря на то, что Конституция РФ наделяет иностранных граждан правами и обязанностями с ограничениями в их реализации. Рассматриваемая категория лиц приобретет специальный статус, становясь правонарушителями, а затем и осужденными и вступают в особые отношения с государством, регулирование которых осуществляется уголовно-исполнительным законодательством.

Изучение уголовно-правового статуса иностранного гражданина приобретает свою актуальность в связи с нестабильной миграционной политикой, усиление межнациональных движений и экономической обстановкой, которые приводят к увеличению преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Помимо этого, присутствует ряд проблем, которые ущемляют права иностранных граждан, хотя в рассматриваемых в нашей работе нормативных правовых актах указывается, что они несут одинаковые права и обязанности с другими осужденными.

Одним из примеров существующих проблемных моментов является реализация права на свободу вероисповедания, которое в принципе довольно подробно описано в УИК РФ, но на практике во взаимодействие религиозных организаций и администрации пенитенциарных учреждений возникают ситуации, которые законодательно нерегламентированные. Остро стоит вопрос об обеспечении заключенных разных религий соответствующими помещениями для осуществления религиозных обрядов, посещение учреждений священнослужителями разных религий. Так, например, администрация учреждений заключает соглашение о взаимодействии только с некоторыми религиозными организациями, деятельность которых разрешена на территории Российской Федерации, а остальным отказывает, ссылаясь на свободу дого-

вора [16], поэтому некоторые заключенные остаются не охваченным такими соглашениями, а значит, они в меньшей степени получат возможности встречи со священнослужителями своей религии, уединении для совершения религиозных обрядов в специально отведенных помещениях.

Администрация учреждений выполняет обязательства в сфере получения всеми заключенными равных условий по свободе вероисповедания, но в связи с отсутствием законодательного регулирования этого вопроса, администрации пенитенциарных учреждений делать это сложно. Например, актуальным является вопрос о праве собственности вновь построенных религиозных помещений на территории учреждения. Религиозные организации опасаются, что помещение, которое по праву находиться на территории учреждения может быть использовано не по назначению. Поэтому сегодня все вновь вводимые сооружения или обустроенные специально выделенные администрацией помещения, юридического закрепления не имеют и нахождение собственности религиозных организаций на территории учреждений закреплено отдельными соглашениями о взаимодействии. Данное обстоятельство, кстати, отражается не только на иностранных гражданах, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, но и на всем контингенте осужденных.

При рассмотрении нашего вопроса нужно отметить, что администрации учреждений сложно обеспечить право на свободу вероисповедания всех таких заключенных, потому что, во-первых, нахождение осуждённого может носить временных характер, в зависимости от назначенного наказания, и отводить специально для одного или нескольких заключенных иностранных граждан отдельное помещение вполне нерационально, ведь пенитенциарные учреждения строились без учета современных международных стандартов по обеспечению прав осужденных, да и усилия по созданию соответствующих условий для обеспечения осужденного правом совершать религиозные обряды могут занимать попросту длительный период.

Для решения возникающих проблем и в целях обеспечения всех заключенных равными правами наиболее перспективным представляется существование отдельного учреждения для иностранцев, в котором возможно было организовать равные условия для обеспечения осужденных лиц разных конфессий их правом на свободу вероисповедования, а другие учреждения уголовно-исполнительной системы освободить от обязанности собственным усилиями решать пробелы действующего законодательства.

Существование специального учреждения для иностранных граждан, отбывающих наказание на территории Российской Федерации, либо специальных участков для таких осуждённых не территории учреждения, так же избавит администрацию учреждений от ряда других сложностей, возникающих при работе с иностранными гражданами. Так, например, для представителей отдельных иностранных граждан из стран с теплыми климатическими условиями крепкие морозы могут пагубно сказаться на здоровье. Согласно с материалами УФСИН по республике Мордовия: «чтобы теплолюбивые постояльцы выстояли в двадцатиградусные морозы, им необходимо выделять дополнительную утепленную одежду, а прежде чем выпустить осужденных на мороз, врачи должны измерить им давление, ведь из-за физиологических особенностей у выходцев, например, из Африки, может развиться гипертония» [17].

В соответствии с действующим порядком, до осужденных должны быть доведены правила внутреннего распорядка учреждения, права и обязанности осужденных, сделать это можно либо на родном языке, либо с помощью переводчика или с помощью других осужденных-иностранцев, владеющих русским или английским языком.

В учреждениях, в которых отбывают наказание иностранные граждане, должна быть наглядная агитация как минимум на английском языке, но даже наличии такой информации, не гарантирует, что осужденный сможет ее изучить, так как в основном иностранцы приезжают в Российскую Федерацию на заработки и малообразованные, не знают английского языка.

Проблема с использованием родного языка в местах лишения свободы приводят к сложностям обучения осужденных иностранных граждан швейному делу, обработке дерева, работе с металлами и прочим ремеслам. В этом случае наличие носителей родного языка, совместно отбывающих наказание с иностранцем не только бы помогло их обучению, но и способствовало реализации обязанности осужденного к выполнению таких работ.

Стоит отметить, что в уголовно-исполнительной системе имеется хороший опыт отдельного содержания иностранных граждан в Федеральном казенном учреждении «Исправительная колония № 22 УФСИН России по республики Мордовия», но по неизвестным причинам на сегодняшний день такая практика прекращена и отдельных учреждений для содержания иностранных граждан, осужденных к лишению свободы нет.

Раздельное содержание иностранных граждан позволяет обеспечить равные условия отбывания наказания с гражданами Российской Федерации, а именно реализации права на свободу вероисповедания, доведение правил внутреннего распорядка, прав и обязанностей заключенных, возможность изъясняться на родном языке и что немало важно способствует поддержанию дисциплины среди осужденных. Антиобщественные настроения в стране приводят к личной заинтересованности осужденных к антинациональным настроениям в виде различных движений как внутри учреждения, так и снаружи, что чаще всего приводит к тому, что субъектами совершения преступления становятся сами иностранные граждане, либо они выступают в качестве потерпевших. Поэтому отдельное содержание иностранных граждан будет способствовать поддержанию порядка и дисциплины хотя бы в отдельном таком учреждении.

Для того чтобы иностранные граждане, осужденные к лишению свободы на территории РФ смогли отбывать наказание отдельно от других категорий осужденных, необходимо внесение изменений в п. 3 статьи 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а именно изложит данный пункт в следующей редакции: «В отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов, иностранные граждане. В эти учреждения могут быть направлены и иные осужденные».

В настоящее время причины об отсутствии нормы об отдельном содержании иностранцев остаются не ясными. Возможно, для этого у государства имеются объективные причины. Поэтому можно предложить следующий вариант совершенствования законодательства, которые позволят избежать ограничений прав осужденных, рассмотренных выше.

Рационально рассмотреть возможность выдворения иностранных граждан, осужденных за преступления совершенными ими на территории РФ, как иные меры уголовно-правового характера. Выдворение иностранных граждан практикуется за совершение ими административных правонарушений (ст. 3.10 КоАП РФ «Административное выдворение»), но данный вопрос требует детальной проработке, так как отправить на родину можно только тех иностранцев, которые не имеют долгов по исковым требованиям [15].

Отправка осужденных на родину регулируется многосторонними конвенциями и двусторонними договорами, участником которых является Россия, но не со всеми государствами такие международные акты заключены, поэтому для того, чтобы осужденный любого государства смог отбывать наказание на родине, возможно, внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно дополнить раздел 6 УК РФ главой 15.3 «Принудительное выдворение за территории Российской Федерации иностранного гражданина». Данное дополнение позволит избежать нагрузки на учреждения уголовно-исполнительной системы по реализации прав осужденных иностранных граждан с учетом особенностей, рассмотренных в данной работе.

Как уже отмечалось, данная мера может быть применима только для иностранных граждан, в случае, если у них нет задолженности по исковым требованиям. Поэтому лица с такой задолженностью будут продолжать отбывать уголовные наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы на территории России. В этом случая для обеспечения правового статуса таких лиц, снижение количества жалоб и судебных исков в отношении учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по нарушению прав осужденных возможно выделение отдельного учреждения либо отдельных участков для содержания иностранных граждан в учреждении, которое территориально находиться ближе к границе государства, гражданином которого является осужденный. Это позволит таким учреждениям приобрести опыт по созданию условий реализации рассмотренных нами прав, осужденных и сократить затраты по транспортировки осужденного из более дальнего региона к границе родного государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отбывание наказания иностранными гражданами на территории Российской Федерации имеет ряд отличительных особенностей. В целом правовой статус иностранцев является специфическим и не может быть отождествлен с правовым статусом осужденного, гражданина Российской Федерации, так как имеет ряд особенностей в процессе исполнения наказания.

Несмотря на это, осужденные иностранные граждане отбывают наказание на общих условиях и соответственно им должны быть созданы равные условия реализации их права на вероисповедание, использование родного языка, упрощен порядок ознакомления с правилами внутреннего распорядка и в целом с правами и обязанностями осужденных на территории исправительного учреждения. Самым оптимальным решением реализации правового статуса, осужденного – иностранца нам видится в сохранении традиций и опыта специальных исправительных колоний для отбывания наказания лицами без гражданства и иностранными гражданами.

В данной работе выявлены некоторые проблемные моменты неурегулированные законодателем на должном уровне, некоторые вопросы оставлены на решение их учреждениями самостоятельно, что приводит к неоднородности в таких решениях.

Согласно выявленным пробелам сделаны предложения по совершенствованию законодательства, которое не только обеспечит реализацию некоторых прав осужденных в полном объеме, но и окажет содействие учреждениям уголовно-исполнительной системы в их работе.

Список литературы:

1.Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ)] // Рос. газ. – 2020. – № 144.

2.Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: с изм. 27 апреля 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1, ст. 1.;

3.Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

4.Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : принят Гос. Думой от 08.01.1997 : с изм. на 21 декабря 2021 г. – Российская газета от 06 января 1997 г. № 9 ст. 198;

5.О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 115-ФЗ от 25.07.2002: с изм. на 01 июля 2021. – Электронный ресурс - режим доступа ООО "НПП "Гарант-сервис", 2015 (дата обращения: 15.05.2022);

6.О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон Российской Федерации № 103-ФЗ от 15.07.1995 : с изм. на 30 декабря 2021 г. – Электронный ресурс - режим доступа ООО "НПП "Гарант-сервис" (дата обращения: 15.05.2022);

7.Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 205 от 3 ноября 2005 г. – Опубликован в Бюллетене Министерства юстиции Российской Федерации, 2005 г., N 12. – Электронный ресурс – режим доступа ООО "НПП "Гарант-сервис" (дата обращения: 15.05.2022);

8.Алексеев С.С. Общая теория права. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.

9.Баранов А.В. «Теория государства и права» в схемах и определениях : учебное пособие / А. В. Баранов ; под ред. М. М. Журавлева ; - М.: Юнити, 2008. – 149 с.

10. Губарев Н.В. Реализация прав осужденных к лишению свободы в процессе отбывания наказания в исправительных колониях в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. – 20 с.;

11. Зюков А.М., Пикин И.В. Проблемы исполнения наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства : учебное пособие / А.М. Зюков, И.В. Пикин. – Владимир, 2008. – 212 с.;

12. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. – М.: Юрид. лит., 1997. – 120 с.;

13. Теория государства и права: Учебник / С. С. Алексеев [и др.]; под ред. В. Д. Перевалова. М., 2011. – 324-326 с.;

14. Министерство внутренних дел : [Электронный ресурс] // URL : https://regnum.ru/news/society/2926554.html (дата обращения: 20.03.2022);

15. Федеральная служба исполнения наказаний : [Электронный ресурс] // URL : https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=87680 &sphrase_id=1428816 (дата обращения 22.03.2022);

16. Адвокатская газета : [Электронный ресурс] // URL : https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-stal-rassmatrivat-zhalobu-osuzhdennogo-na-narushenie-prava-na-svobodu-veroispovedaniya-v-kolonii/ (дата обращения: 20.03.2022);

17. Исправительная колония № 22 для иностранцев (пос. Леплей), Республика Мордовия : [Электронный ресурс] // URL : http://prisonlife.ru/mesta-lishenya-svobodi/996-ispravitelnaya-koloniya-22-dlya-inostrancev-pos.-lepley-respublika-mordoviya. (Дата обращения: 27.03.2022).

Pikina T. V. Problematic aspects of the realization of the rights of foreign citizens in penitentiary institutions of Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 342-349.

The article examines the problematic aspects of the implementation of the legal status of convicts from among foreign citizens and stateless persons, the peculiarities of serving sentences by such persons in places of deprivation of liberty on the territory of the Russian Federation and suggests possible ways to solve some of the problems faced by correctional officers in the performance of the duties assigned to institutions for the implementation of certain rights of convicts.

Keywords: legal status, foreign citizens, stateless persons, freedom of religion, national language, execution of punishment.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ)] // Ros. gaz. – 2020. – № 144.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: Federal'nyj zakon ot 30 dek. 2001 g. № 195-FZ: s izm. 27 aprelya 2022 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2002. – № 1, ch. 1, st. 1.;
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoj 24 maya 1996 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1996. – № 25, st. 2954.
4. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : prinyat Gos. Dumoj ot 08.01.1997 : s izm. na 21 dekabrya 2021 g. – Rossijskaya gazeta ot 06 yanvarya 1997 g. № 9 st. 198;
5. O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon № 115-FZ ot 25.07.2002: s izm. na 01 iyulya 2021. – Elektronnyj resurs - rezhim dostupa OOO "NPP "Garant-servis", 2015 (data obrashcheniya: 15.05.2022);
6. O soderzhanii pod strazhej podozrevaemyh i obvinyaemyh v sovershenii prestuplenij: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii № 103-FZ ot 15.07.1995 : s izm. na 30 dekabrya 2021 g. – Elektronnyj resurs - rezhim dostupa OOO "NPP "Garant-servis" (data obrashcheniya: 15.05.2022);
7. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh uchrezhdenij: Prikaz Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii № 205 ot 3 noyabrya 2005 g. – Opublikovan v Byulletene Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii, 2005 g., N 12. – Elektronnyj resurs – rezhim dostupa OOO "NPP "Garant-servis" (data obrashcheniya: 15.05.2022);
8. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. – 576 s.
9. Baranov A.V. «Teoriya gosudarstva i prava» v skhemah i opredeleniyah : uchebnoe posobie / A. V. Baranov ; pod red. M. M. ZHuravleva ; - M.: YUniti, 2008. – 149 s.
10. Gubarev N.V. Realizaciya prav osuzhdennyh k lisheniyu svobody v processe otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nyh koloniyah v usloviyah reformirovaniya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2006. – 20 s.;
11. Zyukov A.M., Pikin I.V. Problemy ispolneniya nakazanij v otnoshenii inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva : uchebnoe posobie / A.M. Zyukov, I.V. Pikin. – Vladimir, 2008. – 212 s.;
12. Natashev A. E., Struchkov N. A. Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava. – M.: YUrid. lit., 1997. – 120 s.;
13. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / S. S. Alekseev [i dr.]; pod red. V. D. Perevalova. M., 2011. – 324-326 s.;
14. Ministerstvo vnutrennih del : [Elektronnyj resurs] // URL : https://regnum.ru/news/society/2926554.html (data obrashcheniya: 20.03.2022);
15. Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanij : [Elektronnyj resurs] // URL : https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=87680 &sphrase_id=1428816 (data obrashcheniya 22.03.2022);
16. Advokatskaya gazeta : [Elektronnyj resurs] // URL : https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-stal-rassmatrivat-zhalobu-osuzhdennogo-na-narushenie-prava-na-svobodu-veroispovedaniya-v-kolonii/ (data obrashcheniya: 20.03.2022);
17. Ispravitel'naya koloniya № 22 dlya inostrancev (pos. Leplej), Respublika Mordoviya : [Elektronnyj resurs] // URL : http://prisonlife.ru/mesta-lishenya-svobodi/996-ispravitelnaya-koloniya-22-dlya-inostrancev-pos.-lepley-respublika-mordoviya. (Data obrashcheniya: 27.03.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 350-358.

УДК 349.2

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ В СИСТЕМЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ТРУДОВОМ ПРАВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Агашев Д. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Статья посвящена рассмотрению проблемы развития судебной формы защиты в системе коллективных правоотношений. На основе положений действующего законодательства и судебной практики приводятся примеры использования указанного механизма, моделируются перспективные способы защиты и варианты его применения. Озвучены некоторые предложения по совершенствованию норм российского трудового права в целях расширения альтернативы в вопросах эффективного обеспечения прав и интересов участников коллективных правоотношений в современных условиях.

Ключевые слова: трудовое право, иск, способ защиты, субъект, суд, защита, коллективные правоотношения, исковая давность.

Отчасти сама постановка проблемы обеспечения надлежащей реализации прав и обязанностей субъектов коллективного трудового права, включая возможность их судебной защиты, находится в некотором диссонансе с принятым в отечественном трудовом законодательстве подходом (ст. 23 ТК РФ) к характеристике социального партнерства как некоей самоуправляемой, самореализуемой системы взаимодействий, ставя во главу угла интересы участников и идеи консенсуса.

В этом смысле права, обязанности субъектов и их юридические гарантии предстают как некая процедурная условность, «побочный продукт», будто бы явление производное, не требующее специального теоретического анализа. Вероятно, по этой причине данный вопрос крайне редко становится предметом внимания исследователей.

Тем не менее, в ряде современных исследований по трудовому праву совершенно обоснованно отмечается, что интересы (экономические, производственные и др.) сторон партнерства представляют собой ни что иное, как предмет правового регулирования в рамках коллективного трудового права [1, с. 257-259], а частное взаимодействие участников под воздействием соответствующих норм порождает особые (коллективные) правовые отношения со всеми характерными для этой категории атрибутами [2, с. 45-48].

Несомненно, в коллективных правоотношениях концепция примирительного взаимодействия и разрешения разногласий является предпочтительной в организационно-экономическом, в методическом и в психологическом плане. В литературе даже высказываются предложения о ее расширении за счет третейской и медиационной моделей [3, с. 57; 4, с. 87-93].

Однако, эти варианты, как правило, не предполагают принудительной защиты и восстановления для тех прав (материальных и процедурных), которые вытекают из

системы правовой регламентации отдельных видов отношений в рамках социального партнерства (ст. 27 ТК РФ).

Конечно, юридическое принуждение свойственно и административной форме защиты, которая в рамках действующего законодательства уже сейчас реализуется в коллективных правоотношениях (ст. 5.28-5.34 КоАП РФ). Но ее эффективность в этой области является предметом для дискуссии, учитывая, помимо прочего, невозможность в существующей парадигме административной ответственности применение соответствующих мер к представителям работников. К тому же всегда полезна разумная альтернатива в развитие положений ст. 46 Конституции РФ и абз. 15 ст. 2 ТК РФ.

Одной из слабых сторон ТК РФ в целом нужно считать отсутствие в нем специальных статей, аналогичных ст. 12 ГК РФ, где закреплялась бы единая система способов защиты права, причем не только коллективных, но и индивидуальных. Рассматривать же в таком качестве ст. 352 ТК РФ нет достаточных оснований с доктринальной точки зрения, поскольку в данном случае недопустимо смешиваются понятия «форма» и «способ» защиты, что уже отмечалось в отраслевой литературе [5, с. 9-10].

Обнадеживает то, что в ТК РФ сейчас отсутствует прямой запрет на использование судебного механизма в коллективных правоотношениях, а отдельные положения трудового законодательства и правоприменительная практика подтверждают реализацию именно в таком порядке защиты и восстановления прав субъектов.

Так, согласно ч. 4 ст. 413 ТК РФ работодатель вправе требовать *признания забастовки незаконной*, если она объявлена с нарушением правил и процедур, предусмотренных законодательством. То, что речь идет именно о способе защиты права не может быть сомнений, но его, очевидно, нужно отличать от мер по отложению не начавшейся или приостановлению начавшейся забастовки (ч. 7 ст. 413 ТК РФ), поскольку указанные инструменты относятся к процессуальным мерам обеспечения иска (ст. 140 ГПК РФ).

Далее, в соответствии со ст. 417 ТК РФ работодатель имеет право на *возмещение убытков*, причиненных забастовкой, которая не была прекращена после признания ее судом незаконной. Тем не менее, уже имеющиеся в арсенале трудового права способы защиты, безусловно, не достаточны, а некоторые требуют совершенствования, на что в дальнейшем будет обращено внимание.

Судебная форма разрешения разногласий сторон социального сотрудничества также ассоциируется со ст. 29 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [6].

Подчеркнем, что указанная статья фиксирует вариант защиты именно прав (а не интересов!) профсоюзов, что в системном единстве норм ст. 11, 16, 17, 19 этого Закона и отдельных положений ТК РФ (ч. 2 ст. 36, ч. 7 ст. 37, ч. 9 ст. 39, ч. 2 ст. 40, ч. 8 ст. 47, ч. 2 ст. 51, ст. 377 и других) свидетельствует о признании предпосылками для таких разбирательств самых разных материальных и процедурных нарушений, допускаемых контрагентами в рамках коллективных правоотношений.

Как показывает судебная практика, в настоящее время в большом числе случаев судебная защита прав профсоюзов связана с вопросами взыскания профсоюзными организациями членских профсоюзных взносов из заработной платы работников в связи с ненадлежащим исполнением работодателем обязанностей по их перечисле-

нию. Отнесение этих споров к компетенции арбитражных судов ввиду наличия в них экономического содержания [7], на наш взгляд, не изменяет правовую природу предшествующих судебному разбирательству правоотношений.

Они, очевидно, имеют коллективный характер, поскольку в целом связаны с созданием условий для функционирования деятельности первичной профсоюзной организации (ч. 5 ст. 377 ТК РФ). Вместе с тем, например, в части обязанности предоставления работодателем помещения профсоюзу (ч. 1 и 2 ст. 377 ТК РФ) судебной практикой сформулирован иной подход [8], согласно которому такого рода споры в силу отсутствия в них экономического содержания не относятся к компетенции арбитражных судов.

Однако, проблема компетенции в этом плане вторична, имеет формальный характер. Более важно другое: судебной практикой зафиксирован непоименованный в ТК РФ способ защиты прав в коллективных правоотношениях – *понуждение к исполнению обязанности (совершению определенных действий)*.

Указанный прием целесообразно транслировать и на другие случаи, когда речь идет, например, о необходимости стороны исполнить некоторые процедурные требования, например, ч. 2 ст. 36 ТК РФ о вступлении стороны в коллективные переговоры или ч. 7 ст. 37 ТК РФ (особенно, если это касается представителей работников). В практическом контексте при реализации этих норм могут возникнуть, как минимум, две проблемы.

С одной стороны, возможно уклонение контрагента от вступления в переговоры. Если в отношении работодателя определенным стимулом становится административная ответственность (ст. 5.28 КоАП РФ), то для представителей работников она не установлена.

С другой стороны, вступление сторон в переговоры еще не означает, что возникшее процедурное правоотношение начнет реализовываться в заданном режиме. В данном случае проблема обнаруживается в норме ч. 9 ст. 37 ТК РФ, предполагающей необходимость согласования *регламента работы* сторон, утверждение которого вполне может растянуться на неопределенное время.

При этом, как представляется, уклонения работодателя от участия в переговорах формально (в смысле ст. 5.28 КоАП РФ) не будет, как в итоге может не оказаться и подписанного протокола разногласий по этому несогласованному регламенту, который необходим представителю работников для перехода к процедуре коллективного трудового спора (ст. 38 ТК РФ).

Такая ситуация вновь указывает на назревшую необходимость законодательного закрепления в ТК РФ принципов недопустимости злоупотребления правом и добросовестности.

Тем не менее, в указанных случаях может возникнуть нарушение нескольких принципов именно коллективного трудового права (абз. 3, 4, 6 ст. 24 ТК РФ), обеспечению исполнения которых в настоящее время препятствует скудность отраслевого правового инструментария.

Надо иметь в виду, что даже удовлетворенное судом требование о понуждение к исполнению обязанности (совершению определенных действий) может оказаться не достаточной мерой воздействия на сторону, учитывая, что принудительное исполнение судебного решения, как правило, занимает некоторое время.

Кроме этого, ст. 105 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [9] устанавливает лишь общие условия исполнения, что требует от суда скрупулезной работы по конкретизации в резолютивной части решения и исполнительном документе требуемых от ответчика действий. Применение же приставом исполнительского сбора за несвоевременное исполнение далеко не всегда эффективно, учитывая возможность его оспаривания в суде, когда размер может быть уменьшен или ответчик может быть полностью от него освобожден.

В этом плане в дополнение к ранее названному способу защиты целесообразно предусмотреть в трудовом законодательстве неустойки в пользу контрагента в качестве вспомогательных мер, в частности, за счет адаптации к этим ситуациям гражданско-правовой *модели астрента* (ст. 308.3 ГК РФ).

В таком случае понуждение к исполнению обязанности (совершению определенных действий) будет подкреплено имущественной санкцией, что лишь подчеркнет расширение частноправовых начал в коллективном трудовом праве.

Это, полагаю, также создаст мощный стимул для сторон, станет действенным гарантийным механизмом реализации принципа заинтересованности в социальном партнерстве.

Оценивая содержание ст. 417 ТК РФ, нельзя не обратить внимание на следующие спорные моменты. Считаем, законодателем не вполне оправданно выбрана схема прямого применения гражданско-правового способа защиты (ст. 15, 393 ГК РФ) без должного внимания к деталям.

Дело в том, что в данном случае идет речь не о гражданско-правовом обязательстве со свойственной ему персонификацией и предметом, а о массовых выступлениях работников с экономическими требованиями в рамках особых социальных отношений.

Например, при указании на орган, возглавляющий забастовку, не учтено возможное различие в его правовом положении: этот орган может иметь или не иметь статус юридического лица. Очевидно, что в первом случае ответчиком становится организация как самостоятельный субъект.

Во втором же случае, учитывая несколько «размытую» формулировку ст. 417 ТК РФ должна, вероятно, возникнуть солидарная ответственность физических лиц (ст. 322 ГК РФ), сформировавших этот орган.

Такой вывод подтверждается ч. 2 ст. 41 Федерального закона «Об общественных объединениях» [10]. Полагаем, подобное отождествление организационной формы представителей работников, допущенное в ст. 417 ТК РФ, является необоснованным и требует корректировки.

Одновременно нужно принимать во внимание целый комплекс правовых условий возмещения убытков, содержащихся в ГК РФ и п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 [11] на этот счет, включая презумпцию вины должника, что не вполне коррелирует со спецификой социального партнерства.

При этом мнение о том, что на практике работодатели или прокуратура по ст. 417 ТК РФ убытки не взыскивают [12], вряд ли является достаточной гарантией: такая практика может резко измениться при определенном векторе развития экономической ситуации в стране.

Все это свидетельствует не столько о необходимости корректировки нормы ст. 417 ТК РФ, сколько о пересмотре всей концепции обеспечения прав и интересов сторон коллективного правоотношения в указанных случаях. Прежде всего следует ограничить объем возмещения реальным ущербом, а также перераспределить бремя доказывания по этим делам, возложив его на истца, поскольку речь идет не о стандартном гражданском обороте и обеспечении прав частных лиц, а о правоотношениях особого типа и иной отраслевой природы.

Вместе с тем, поскольку принципиальный подход законодателя заключается в обеспечении оптимального согласования интересов субъектов и их равноправия, это требует внимания к правовым возможностям представителя работников и прежде всего профсоюза.

По этой причине в ТК РФ необходимо предусмотреть его право на *возмещение реального ущерба*, причиненного неисполнением или несвоевременным исполнением обязанностей работодателем, вытекающих, в частности, из ст. 377 ТК РФ, с возложением бремени доказывания на истца и выполнением обычных требований в части уплаты государственной пошлины.

Например, речь может идти о нарушении работодателем обязанности по предоставлению профсоюзу помещения, когда у последнего возникают затраты на аренду такого помещения у третьего лица или иные подобные расходы.

В целях обеспечения равенства прав профсоюзов и иных представителей работников на судебную защиту следует дополнить ст. 31 ТК РФ нормой о распространении на последних ст. 29 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» с установлением обязанности прокурора подавать иск по требованию и в интересах представителя работников, не являющегося юридическим лицом.

Кроме этого, необходимо закрепление такого способа защиты как признание *недействительными отдельных условий коллективного договора, соглашения*. В настоящее время стороны этой возможности лишены.

Прежде всего, это касается работодателя (учредителя), который не может оспорить положения, создающие опасность его экономической устойчивости и грозить банкротством вследствие необоснованных или злонамеренных действий руководителей (управляющих). Этому есть конкретные практические примеры [13]. Предлагаемый механизм будет направлен на воплощение принципа реальности обязательств, принимаемых на себя сторонами (абз. 10 ст. 24 ТК РФ), который в настоящее время в целом имеет несколько декоративный характер.

Однако развитие данной идеи поднимает целый пласт смежных проблем, в частности, о возможной квалификации коллективных договоров в качестве крупных сделок со всеми вытекающими из этого последствиями.

Одновременно это, вероятно, потребует обновления отдельных концептуальных положений ТК РФ, включая признание и введение в трудовое законодательство категории «трудовая сделка», потребность в чем очевидна и обосновывается в литературе [14, с. 457-459; 15].

Еще один существенный момент связан со сроками принудительной защиты права в коллективных правоотношениях. В настоящее время в ТК РФ этот вопрос в целом оставлен без внимания. В отношении ст. 417 ТК РФ, по всей видимости, подлежит применению общий срок исковой давности (п. 1 ст. 196 ГК РФ).

В других случаях все не так очевидно. Полагаем, есть необходимость в установлении в ТК РФ специальных сокращенных сроков исковой давности в интервале от трех-шести месяцев (понуждение к исполнению обязанности, астрент, взыскание ущерба и др.) до одного года (признание недействительными условий коллективного договора, соглашения), учитывая функцию способа защиты, потребность в оперативном воздействии на контрагента для быстрого и эффективного разрешения спора как условий оптимального согласования интересов сторон. Обоснованием для этого может служить правовая позиция, выраженная в п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 38-П [16].

Вариативность защиты в контексте коллективных правоотношений – явление необходимое и неизбежное, поскольку это объективно вытекает из природы соответствующих общественных связей и особенностей механизма их правового регулирования.

При этом имеющая место в отдельных случаях декларативность норм коллективного трудового права не может быть преодолена при использовании только государственных принудительных мер. Совершенно очевидно, что отечественное трудовое право все ещё ограничено в инструментарии, который бы в полной мере соответствовал объективной необходимости более полного учета частного элемента, в том числе в рамках социального партнерства. Проведенный в настоящей статье анализ показывает, что работа по совершенствованию трудового законодательства обеспечения прав субъектов коллективных правоотношений должна включать решение следующих задач:

– корректировку имеющихся правовых средств и их расширение за счет новых мер, а именно: возмещение причиненного незаконной забастовкой ущерба; понуждение к исполнению обязанности; взыскание ущерба, причиненного работодателем представителю работников; астрент; признание недействительными отдельных условий коллективного договора, соглашения;

– нормативное закрепление в ТК РФ системы коллективных средств и способов защиты, реализуемых в судебной форме;

– более четкое определение субъектов права на иск;

– установление особенностей при распределении бремени доказывания;

– закрепление сокращенных сроков исковой давности по делам, вытекающим из коллективных правоотношений.

Безусловно, представленное исследование не претендует на полноту и бесспорность, поскольку главным образом было ориентировано на постановку проблемы и примерные варианты ее решения. Однако озвученная в ее рамках модель защиты прав сторон коллективных правоотношений в случае ее реализации может оказаться полезной.

Представляется целесообразной также широкая дискуссия представителей научного сообщества и правоприменительной системы о включении в отраслевое законодательство предлагаемого в настоящей работе юридического инструментария.

Список литературы:

1. Лебедев В.М., Мельникова В.Г., Назметдинов Р.Р. Трудовое право: опыт сравнительно-правового исследования/ ред.: Лебедев В.М. – М.: Норма Инфра-М, 2018. 480 с.

2. Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. – М.: Статут, 2009. 1151 с.
3. Сошникова Т.А. Проблемы совершенствования законодательства о трудовых спорах в современной России//Трудовое право в России и за рубежом. 2011. №3. С. 54-57.
4. Князева Н.А. Правовые средства и формы защиты трудовых прав работников: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. 176 с.
5. Князева Н.А. Правовые средства и формы защиты трудовых прав работников: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2015. 22 с.
6. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения - 17.10.2022).
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09 января 1998 г. № 25 «О подведомственности арбитражным судам споров профсоюзных организаций о взыскании с юридических лиц – работодателей, не перечисливших на счет профсоюзных организаций членские профсоюзные взносы, удержанные из заработной платы работников» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://вс.рф/documents/arbitration/17608/ (дата обращения - 17.10.2022).
8. Постановление ФАС Московского округа от 7 апреля 2008 г. № КГ-А40/2440-08 по делу № А40-22283/07-57-162//СПС «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/(дата обращения - 15.10.2022).
10. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/(дата обращения - 12.10.2022).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения - 17.10.2022).
12. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный)/ отв. ред. Ю.П. Орловский. 8-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: Контракт. 2019. X. 254 с.
13. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 23 июля 2012 г. по делу № А32-50074/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Card/0e0fd429-268e-48b4-9194-ee62a7e2c1cf (дата обращения - 17.10.2022).
14. Головина С.Ю. Использование частноправовых конструкций при кодификации российского трудового законодательства// Ст. в кн. «Кодификация российского частного права 2019» / Под ред. Д.А. Медведева; Исслед. центр частн. права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ. – М.: Статут. 2019. 492 с.
15. Агашев Д.В. О проблеме формирования института сделок в трудовом праве России // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2012. № 2 (4). С. 55–66.
16. Постановления Конституционного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 127 и части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.В. Данилова, К.В. Кондакова и других» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309836/ (дата обращения - 17.10.2022).
17.

Agashev D.V. Problems of development of the judicial protection form in the system of collective legal relations in Russian labor law: current status and promising models // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 350-358.

The article is devoted to the development problem of the judicial protection form in the collective legal relations system. On the basis of current legislation and court practice, examples of the use of this mechanism are given, and promising methods of protection and options for its application are modeled. Some proposals to improving Russian labour law and expand the options of the judicial protection for participants in order to expand alternatives in matters of effective enforcement of the rights and interests in collective legal relationship in modern conditions are announced.

Keywords: labor law, lawsuit, method of protection, subject, court, protection, collective legal relations, statute of limitations.

Spisok literatury:

1. Lebedev V.M., Mel'nikova V.G., Nazmetdinov R.R. Trudovoe pravo: opyt sravnitel'no-pravovogo issledovaniia/ red.: Lebedev V.M. – M.: Norma Infra-M, 2018. 480 s.
2. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Kurs trudovogo prava: Uchebnik: V 2 t. T. 2. Kollektivnoe trudovoe pravo. Individual'noe trudovoe pravo. Protsessual'noe trudovoe pravo. – M.: Statut, 2009. 1151 s.
3. Soshnikova T.A. Problemy sovershenstvovaniia zakonodatel'stva o trudovykh sporakh v sovremennoi Rossii//Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2011. №3. S. 54-57.
4. Kniazeva N.A. Pravovye sredstva i formy zashchity trudovykh prav rabotnikov: monografiia. – M.: Iurlitinform, 2016. 176 s.
5. Kniazeva N.A. Pravovye sredstva i formy zashchity trudovykh prav rabotnikov: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk. – Voronezh, 2015. 22 s.
6. Federal'nyi zakon ot 12 ianvaria 1996 g. № 10-FZ «O professional'nykh soiuzakh, ikh pravakh i garantiiakh deiatel'nosti» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (data obrashcheniia - 17.10.2022).
7. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 09 ianvaria 1998 g. № 25 «O podvedomstvennosti arbitrazhnym sudam sporov profsoiuznykh organizatsii o vzyskanii s iuridicheskikh lits – rabotodatelei, ne perechislivshikh na schet profsoiuznykh organizatsii chlenskie profsoiuznye vznosy, uderzhannye iz zarabotnoi platy rabotnikov» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://vs.rf/documents/arbitration/17608/ (data obrashcheniia - 17.10.2022).
8. Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 7 aprelia 2008 g. № KG-A40/2440-08 po delu № A40-22283/07-57-162//SPS «Konsul'tant Plius».
9. Federal'nyi zakon ot 2 oktiabria 2007 g. № 229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/(data obrashcheniia - 15.10.2022).
10. Federal'nyi zakon ot 19 maia 1995 g. № 82-FZ «Ob obshchestvennykh ob"edineniiakh» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/(data obrashcheniia - 12.10.2022).
11. Kommentarii k Trudovomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)/ otv. red. Iu.P. Orlovskii. 8-e izd., ispr., dop. i pererab. – M.: Kontrakt. 2019. X. 254 s.
12. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraia ot 23 iiulia 2012 g. po delu № A32-50074/2011 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Card/0e0fd429-268e-48b4-9194-ee62a7e2c1cf (data obrashcheniia - 17.10.2022).
13. Golovina S.Iu. Ispol'zovanie chastnopravovykh konstruktsii pri kodifikatsii rossiiskogo trudovogo zakonodatel'stva// St. v kn. «Kodifikatsiia rossiiskogo chastnogo prava 2019» / Pod red. D.A. Medvedeva; Issled. tsentr chastn. prava im. S. S. Alekseeva pri Prezidente RF. – M.: Statut. 2019. 492 s.
14. Agashev D.V. O probleme formirovaniia instituta sdelok v trudovom prave Rossii // Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo. 2012. № 2 (4). C. 55–66.

15. Postanovleniia Konstitutsionnogo Suda RF ot 25 oktiabria 2018 g. № 38-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti pervoi stat'i 127 i chasti pervoi stat'i 392 Trudovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v sviazi s zhalobami grazhdan M.V. Danilova, K.V. Kondakova i drugikh» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309836/ (data obrashcheniia - 17.10.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 359-365.

УДК 343. 57

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ: ЗА И ПРОТИВ

Сергиенко Н. Б.
Крымского филиал Российского государственного университета правосудия

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ приобретает все возрастающую угрозу международному миру и безопасности. В настоящее время криминальный рынок наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов занимает лидирующее место по объемам в структуре преступности.

В статье анализируются основания криминализации незаконного оборота указанных предметов. Уделяется внимание основаниям декриминализации данных предметов. Анализируются позиции отдельных стран относительно легализации оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Установлено, что общественная опасность незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов не вызывает сомнений, поскольку данные предметы представляют непосредственную угрозу не только для здоровья, но и для жизни человека, который их употребляет, без медицинских показаний. Кроме того, она выражается в том, что их незаконный оборот представляет угрозу для неопределенного круга лиц и крайне негативным влиянием на организм (отдельные виды данных предметов, в современности, могут вызывать зависимость после одного или нескольких употреблений)

Обосновано, что криминализация незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов является необходимым и обоснованным шагом законодателя. Декримиализация отдельных деяний, в том числе хранения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов не является целесообразным, поскольку представляет опасность для развития и существования общества нашего государства.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в России с каждым годом приобретает все более значительные масштабы. Увеличение числа больных наркоманией закономерно влечет за собой рост совершенных преступлений, связанных с наркотиками, а, следовательно, и преступных доходов.

Определение «незаконный оборот наркотиков» находит свое отражение не только в отечественных нормативных актах, но и в международно-правовых. Охватывая весь комплекс противоправных действий по незаконному выращиванию наркосодержащих растений, изготовлению (производству), приобретению, переработке, хранению, перевозке, сбыту наркотиков, склонению к их потреблению, организации (содержанию) притонов для такого потребления [1, с. 414].

Наркотические средства и психотропные вещества не определены в Уголовном кодексе Российской Федерации как таковые. Все понятия, связанные с родовым определением, содержатся в статье 1 Федеральном Законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» № 3-ФЗ от 8 января 1998 года.

Под наркотическими средствами понимается вещества синтетического или естественного происхождения, препараты включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Россий-

ской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года.

Психотропные вещества – вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, природные материалы, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией о психотропных веществах 1971 года ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Аналоги наркотических средств и психотропных веществ – запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят [2].

Необходимо отметить, что действия законодателя по криминализации и декриминализации тех или иных деяний, реализуются в рамках уголовной политики государства. Данные вопросы, а также проблемы усиления или смягчения санкций за отдельные деяния, решаются, как в рамках политики государства, так и в соответствии с существующими в обществе общечеловеческими ценностями. Какое-либо деяние должно признаваться преступным только тогда, когда оно выгодно не только государственным органам или политическим силам, но и объективно отвечает разработанным уголовной наукой основаниям криминализации.

Под криминализацией понимается определенный порядок отнесения деяния к преступлениям [3, с. 15]. В целом, криминализация представляет собой определенный процесс, результатом которого является признания тех или иных деяний преступлениями и установление наказания за их совершение. Данный процесс выражается в выяснении наличий оснований, вследствие которых возможно признание деяния преступным и привлечение лица к уголовной ответственности за его совершение.

Под декриминализацией понимается обратный процесс, вследствие которого деяние, которое является преступлением, преобразуется в иной вид правонарушений либо исключается какая-либо ответственность за его совершение. Вследствие такого процесса, лица, ранее совершившие такое деяния, освобождаются от уголовного преследования либо освобождается от какого-либо вида ответственности.

Криминализация деяний должна быть обусловлена наличием определенных оснований, которые позволяют констатировать обоснованность и необходимость их уголовно-правового запрета. Основаниями являются процессы, происходящие в жизни общества, возникновение или развитие которых вызывает объективную необходимость установления уголовно-правовой охраны [4, с. 204]. Рассмотрим основные.

Основополагающим является общественная опасность деяния. По нашему мнению, общественная опасность незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов не вызывает сомнений, поскольку данные пред-

меты представляют непосредственную угрозу не только для здоровья, но и для жизни человека, который их употребляет, без медицинских показаний. Кроме того, она выражается в том, что их незаконный оборот представляет угрозу для неопределенного круга лиц и крайне негативным влиянием на организм (отдельные виды данных предметов, в современности, могут вызывать зависимость после одного или нескольких употреблений).

Также основанием криминализации является относительная распространенность деяния. В целом, необходимо отметить, что криминальный рынок наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов занимает лидирующее место по объемам в структуре преступности [5, с. 103]. В соответствии со статистическим данными, на территории Российской Федерации в 2019 г. было выявлено 190197 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 2020 г. – 189905, в 2021 г.– 179132. Исходя из того, что на территории России в 2019 г. общее количество зарегистрированных преступлений составило 1868,8 тыс., в 2020 г. – 2004,2 тыс., в 2021 г. – 2004,4 тыс. [6], на основании чего можно сделать вывод, что анализируемые преступления составляют порядка 10 % от общего количества. Указанные статистические данные свидетельствуют о значительной распространенности в России, на современном этапе, анализируемой категории преступлений, что свидетельствует о целесообразности наличия в уголовном законодательстве нормы, которая предусматривает ответственность за данное деяние. На основе вышеуказанного, по нашему мнению, безусловным является факт, что криминализация анализируемых деяний соответствует данному основанию.

Следующим основанием криминализации является умеренность позитивных и негативных последствий криминализации, который, заключается в преобладании социальных результатов над негативными последствиями уголовной репрессии. Безусловным является факт, что криминализация того или иного деяния не может являть собой однозначно положительный процесс, поскольку она обязательно порождает негативные социальные явления, выражающиеся в отрицательном воздействии на осужденного, в виду его определенной изоляции от общества, уголовного окружения, ухудшения положения членов семьи осужденного и т.п. Ответственность за незаконный оборот указанных предметов, предусматривает, в том числе и возможность назначения наказания в виде лишения свободы. По нашему мнению, данные негативные последствия, уступают по значимости социальным результатам, поскольку лицо осуществляет оборот предметов, которые, как указывалось, прямо представляют угрозу не только для здоровья, но и жизни людей, способствует спросу либо приобретению таких предметов, детерминирует совершение иных преступлений.

Также основанием криминализации является уголовно-политическая адекватность, который выражается в ее соответствии социальной политики, уровню и характеру общественного сознания. Соответствие данному основанию, по нашему мнению, также не вызывает сомнения, поскольку в соответствии с пп. 11 п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации одним из условий обеспечения государственной и общественной безопасности является предупреждение и пресечение преступлений, в том числе, направленных на распространение наркотических средств и психотропных веществ [7].

Необходимо также отметить процессуальную осуществимость преследования, который заключается в возможности процессуального доказывания преступной деятельности. В виду того, что анализируемые преступления являются предметными, фактическое выявления (обнаружение, изъятие и т.п.) может свидетельствовать о наличии состава преступления, что свидетельствует о соответствии данному основанию.

Рассмотрим основания декриминализации деяний.

Основополагающим основанием является утрата деянием общественной опасности, вследствие исчезновения какого-либо вида общественных отношений, которые были поставлены под охрану уголовного закона. В виду того, что, как указывалось, криминальный рынок наркотиков занимает лидирующее место среди иных рынков, по нашему мнению, такое основание не может быть применимо относительно предметов, исследованию которых посвящена данная работа.

Следующим основанием является утрата деянием степени общественной опасности, которая ранее требовала применения мер уголовно-правового характера. На территории Российской Федерации, в соответствии с постановлением правительства от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [8] запрещен незаконный оборот указанных предметов. В данном нормативном правовом акте закреплен их исчерпывающий перечень, а также указаны размеры, наличие которых предусматривает уголовную ответственность, за незаконный оборот. Необходимо отметить, что за незаконный оборот также предусмотрена административная ответственность, в зависимости от размеров данных предметов. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что на территории Российской Федерации незаконный оборот анализируемых веществ полностью запрещен.

Раскрывая данное основание целесообразно отметить, что в ряде стран легализован оборот определенных видов наркотических средств и психотропных веществ, в определенных размерах. Так, в Корейской народно-демократической республике, разрешены к обороту марихуана и гашиш, при условии, что разрешенное количество веществ для хранения неограниченно. В Австралии также разрешены данные вещества, однако установлен лимит на хранение – не более 25 грамм. Такие же вещества разрешены для хранения в Аргентине, весом не более 15 грамм. В Бельгии также разрешены указанные вещества, весом не боле 10 грамм. В Канаде данные вещества легализованы весом не более 30 грамм. В Колумбии, помимо указанных, весом до 30 грамм, также разрешены галлюциногенные грибы, таким же весом. В Колумбии данный список расширен, помимо указанных предметов, весом 20 грамм, также разрешен кокаин, весом не более 1 грамма. В Чехии разрешены – марихуана, гашиш, галлюциногенные грибы, первинтин, героин, кокаин, весом от 2 до 15 грамм, в зависимости от тяжести веществ. В Мексике перечень является еще более широк – марихуана, гашиш, кокаин, опий, героин, метамфетамин, ЛСД, весом от 0,015 до 5 грамм, в зависимости от тяжести веществ.

Однако необходимо отметить, по мнению отдельных авторов, либерализация ответственности за оборот наркотических средств, в отдельных странах, привела к значительному увеличению количества подростков, их употребляющих. Так, в частности, из-за указанного обстоятельства в Нидерландах, властям страны пришлось закрыть большинство «кофе-шопов» (специальные места предназначенные

для продажи и употребления указанных веществ) и сократить количество разрешенных к обороту средств [9, с. 587].

Также необходимо отметить, что по мнению отдельных авторов целесообразным является декриминализировать отдельные статьи в сфере незаконного оборота оружия, в частности ответственность за хранение. Одним из оснований является то, что лица, имеющие стойкую зависимость, должны увеличивать «дозы», что влияет на размер приобретаемых веществ и соответственно на наказание [10, с. 146]. По нашему мнению, с такой позицией не вполне можно согласиться.

Отдельные авторы указывают, что усиление ответственности, за те или иные деяния, порождает противоположный результат, т.е. репрессивная политика не влияет на снижение преступности, а наоборот является негативным фактором [11, с. 441]. Иные отмечают, что «тенденция сужения сферы уголовно-правового регулирования отношений с одновременным расширением административно-правового воздействия есть закономерное следствие общественного развития в условиях формирования правового государства» [12, с. 16].

Также необходимо отметить, отдельные авторы, занимающиеся исследованием данного вопроса, акцентировали внимание на общественной группе «Глобальная комиссия по вопросам наркополитики», объединившая бывших политиков международного уровня, члены которой указывали о целесообразности отказа от жестких мер в наркополитике и необходимостью смирения с данным процессом. Однако, позиция указанных авторов заключается в том, что «либерализация» антинаркотического законодательства ущербна [13, с. 94].

Целесообразно указать, что анализ уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, за последнее время претерпела несколько изменений, которые были направлены на увеличение сроков и размеров наказаний, что, в том числе, повлияло на улучшение ситуации наркотизации населения. Необходимо отметить, что на территории Российской Федерации, наблюдается стойкая тенденция наркозависимых лиц, которая, однако, имеет тенденцию на снижение, чему способствует, в первую очередь, осуществляемая пропаганда здорового образа жизни. Так, в 2020 г. в стране было официально зарегистрировано 460 тысяч наркозависимых лиц, в 2021 г. 452 тысячи лиц.

Кроме того, следует указать, что в настоящее время периодически употребляют наркотические средства и психотропные вещества порядка 13 млн человек, а систематически употребляют порядка 5 млн человек. Средний возраст наркозависимых составляет 15-19 лет. По нашему мнению, в случае совершений действий по доступности к обороту указанных предметов число таких лиц кратно вырастет и появится угроза снижения среднего возраста наркозависимых.

Кроме того, по нашему мнению, необходимо отметить, что в настоящее время выявление лиц, управляющих транспортными средствами, в состоянии наркотического опьянения, составляет порядка 10 %, от общего числа. Транспортные средства представляют собой источники повышенной опасности. Безусловным является факт, что управление транспортным средством в состоянии опьянения, в разы увеличивает его опасность для окружающих. В связи чем, по нашему мнению, декриминализация, в частности, хранения данных веществ может негативно повлиять на данную ситуацию.

На основании вышеуказанного, по нашему мнению, можно сделать вывод, что криминализация незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов является необходимым и обоснованным шагом законодателя. Декримиализация отдельных деяний, в том числе хранения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов не является целесообразным, поскольку представляет опасность для развития и существования общества нашего государства.

Список литературы:

1. Уголовное право России. Общ. и Особ. ч.: Уч. / В.К.Дуюнов – 5 изд. – РИОР: ИНФРА. – М, 2017. – 695с.
2. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (дата обращения 26.03.2022).
3. Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. – СПб.: Изд-во “Юрид. центр Пресс”, 2003. – 295 с.
4. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / Под ред. В.Н.Кудрявцева и А.М.Яковлева – М.: Наука, 1982. – 304 с.
5. Живаев Д. В. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект / Д. В. Живаев // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 1. – С. 103–114.
6. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 27.03.2022).
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27. ст. 5351.
8. Постановление правительства от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/12112176/? (дата обращения 28.03.2022).
9. Жеенмырзаева Б. Ж. Эффективность законодательства стран дальнего зарубежья за употребление наркотиков / Б. Ж. Жеенмырзаева // «Молодой ученый». – 2015. – № 22 (102). – С. 585–588.
10. Ломакина Е. Н. Декриминализация действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Е. Н. Ломакина // Эпомен. – 2019. – № 26. – С. 142–146.
11. Гилинский Я. И. Призонизация по-российски / Я. И. Гилинский // Отечественные записки. – 2003. – № 2. – С. 434–441.
12. Николаев А.М. Криминализация общественно-опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений (основания и направления совершенствования) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Нижний-Новгород, 2004. – 29 с.
13. Рыбакова Л.Н. Дилемма наркополитики // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – Т. 4. – № 4 (16). – С. 89–105.

Sergienko N. B. Decriminalization of individual acts related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues: pros and cons // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 359-365.

Illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances is becoming a growing threat to international peace and security. Currently, the criminal market for narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues occupies a leading position in terms of volume in the structure of crime.

The article analyzes the grounds for criminalizing the illegal circulation of these items. Attention is paid to the grounds for the decriminalization of these items. The positions of individual countries regarding the legalization of the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances are analyzed.

It has been established that the public danger of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues is beyond doubt, since these items pose a direct threat not only to health, but also to the life of the person who uses them, without medical indications. In addition, it is expressed in the fact that

their illicit trafficking poses a threat to an indefinite circle of people and an extremely negative effect on the body (certain types of these items, in modern times, can cause addiction after one or more uses)

It is substantiated that the criminalization of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues is a necessary and reasonable step of the legislator. Decriminalization of certain acts, including the possession of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, is not advisable, since it poses a danger to the development and existence of the society of our state.

Keywords: criminalization, decriminalization, narcotic drugs, psychotropic substances, analogues, illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues

Spisok literatury:

1. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshch. i Osob. ch.: Uch. / V.K.Duyunov – 5 izd. – RIOR: INFRA. – M, 2017. – 695s.
2. Federal'nyj zakon ot 8 yanvarya 1998 g. № 3-FZ «O narkoticheskih sredstvah i psihotropnyh veshchestvah». [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (data obrashcheniya 26.03.2022).
3. Plohova V. I. Nenasil'stvennye prestupleniya protiv sobstvennosti: kriminologicheskaya i pravovaya obosnovannost'. – SPb.: Izd-vo “YUrid. centr Press”, 2003. – 295 s.
4. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya / Pod red. V.N.Kudryavceva i A.M.YAkovleva – M.: Nauka, 1982. – 304 s.
5. ZHivaev D. V. Nezakonnyj oborot oruzhiya, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv v sovremennoj Rossii: ugolovno-pravovoj aspekt / D. V. ZHivaev // Pravo v Vooruzhennyh Silah. – 2014. – № 1. – S. 103–114.
6. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. Portal pravovoj statistiki. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (data obrashcheniya 27.03.2022).
7. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 02 iyulya 2021 g. № 400 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2021. – № 27. st. 5351.
8. Postanovlenie pravitel'stva ot 30 iyunya 1998 g. № 681 «Ob utverzhdenii perechnya narkoticheskih sredstv, psihotropnyh veshchestv i ih prekursorov, podlezhashchih kontrolyu v Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://base.garant.ru/12112176/? (data obrashcheniya 28.03.2022).
9. ZHeenmyrzaeva B. ZH. Effektivnost' zakonodatel'stva stran dal'nego zarubezh'ya za upotreblenie narkotikov / B. ZH. ZHeenmyrzaeva // «Molodoj uchenyj». – 2015. – № 22 (102). – S. 585–588.
10. Lomakina E. N. Dekriminalizaciya dejstvij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkotikov / E. N. Lomakina // Epomen. – 2019. – № 26. – S. 142–146.
11. Gilinskij YA. I. Prizonizaciya po-rossijski / YA. I. Gilinskij // Otechestvennye zapiski. – 2003. – № 2. – S. 434–441.
12. Nikolaev A.M. Kriminalizaciya obshchestvenno-opasnyh deyanij, granichashchih so sferoj administrativnyh pravonarushenij (osnovaniya i napravleniya sovershenstvovaniya) : avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – Nizhnij-Novgorod, 2004. – 29 s.
13. Rybakova L.N. Dilemma narkopolitiki // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. – 2016. – T. 4. – № 4 (16). – S. 89–105.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 366-369.

УДК 341.343

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И КРИМИНАЛЬНЫЙ РЫНОК ОРУЖИЯ

Робак В. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В работе анализируются положения экономической теории преступности. Указываются мнения авторов относительно характеристики положений регламентирующих указанную теорию. Анализируется соответствие установление уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, как неотъемлемую часть криминального рынка оружия, с положениями экономической теорией преступности. Отмечается значительная общественная опасность предметов указанной категории преступлений, которые непосредственно предназначены для причинения вреда не только здоровью, но и жизни человека. Отмечается, что данные преступления выступают детерминантами совершения иных преступных деяний, в том числе и обладающих большей степенью общественной опасности.

На основе проведенного исследования сформирован вывод, что установление ответственности за преступления в сфере незаконного оборота оружия, как неотъемлемой части криминального рынка оружия, а также реформирование уголовного законодательства, в данной сфере, в связи с изменением, появлением новых форм данной категории преступлений, в полной мере соответствует положениям экономической теории преступности. Также соответствие подтверждается детерминантностью данной категории преступлений относительно совершения иных преступных деяний, в том числе и обладающих большей степенью общественной опасности.

Ключевые слова: экономическая теория преступности, криминальный рынок оружия, незаконный оборот оружия, уголовная ответственность, детерминанты.

Впервые взаимосвязь уголовного права и экономики, как самостоятельная научная проблема, была поставлена Г. Беккером в 1968 г [1, с. 29]. В современности данной проблеме уделяется значительное внимание, как относительно применения методов экономического анализа для познания права, так и относительно влияния уголовного права на развитие экономических отношений. По нашему мнению, абсолютно верной является позиция авторов, которые отмечают, что между правом и экономикой следует признавать вместо отношений подчиненности отношения взаимозависимости и солидарности [2, с. 35].

Мы считаем, что верной является позиция Ю.С. Гамбарова, который отмечает, что между правом и экономикой имеет место отношения взаимосвязанности и солидарности, что обуславливает тесную связь экономики и права [2, с. 35].

Большинство граждан считают, что принятие какого-либо нормативного правового акта, внесение изменений в акт, отмена акта не требует каких-либо затрат, т.к. такие процедуры представляются в следующем виде: напечатали – распечатали – проголосовали – приняли. Однако, данное мнение абсолютно ошибочно. Также необходимо отметить, что подавляющие большинство законопроектов, которые вносятся в Государственную Думу, не исследуются на предмет их цены, т.е. сколько затрат необходимо осуществить на его рассмотрение и принятие, одного в каждом содержится абзац: «Принятие настоящего закона не потребует дополнительных расходов федерального бюджета».

Необходимо отметить, абсолютно верной является позиция авторов, которые отмечают, что борьба с преступностью, а именно так называемая «цена преступно-

сти», включает в себя следующие виды затрат: закон (затраты на разработку, обсуждение проектов, изменение и отмена его отдельных норм, комментирование, издание); учреждения (затраты на создание и содержание органов, которые осуществляют борьбу с преступностью); наука (затраты на создание и содержание учреждений, которые занимаются разработкой проблем правоохранительной деятельности); люди (затраты на оплату труда занятых в этой сфере людей) [2, с. 119].

Кроме того, в «цену преступности» необходимо включать не только указанные затраты, но и деятельность органов, которые осуществляют борьбу с преступностью, органов правосудия и органов исполнения наказания. Также в данную цену, в случае криминализации деяния или усиления ответственности (например, увеличение срока лишения свободы), необходимо включать затраты на содержание осужденных. И еще одним критерием затрат, в данном случае является то, что после отбывания наказания, в частности лишения свободы, во многих случаях имеет место обратный эффект «перевоспитания», как цели наказания, который выражается в повышении уровня рецидива.

Безусловно верной является позиция авторов, которые указывают, что политика противодействия преступности является исключительно убыточной, поскольку ориентирована только на затраты деятельности органов и содержание, в том числе обеспечение лиц совершивших преступление [3, с. 23]. В связи с чем приобретают актуальность исследования данной проблемы, ориентированные на преобразования уголовной политики, посредством которых компенсация государственных расходов на борьбу с преступностью могла бы решаться средствами уголовного права.

Мы абсолютно согласны с позицией авторов, которые отмечают, что поведение преступника детерминировано оценкой затрат на совершение преступления и выгод от него. Под затратами, в данном случае, подразумеваются издержки, связанные с потенциально ожидаемым уголовным наказанием, а именно тяжесть ожидаемого наказания и степень вероятности данного наказания. С экономической точки зрения суровое, но маловероятное наказание будет иметь тот же вес, тот же вклад в поведение субъекта, как и наказание менее суровое, но назначаемое с высокой вероятностью. В связи с чем, политика предупреждения преступлений должна учитывать роль издержек, связанных с наказанием, в механизме детерминации преступности, и стремиться к тому, чтобы сделать совершение преступления невыгодным с экономической точки зрения [4, с. 131].

Относительно криминального рынка оружия, а именно неотъемлемой его части незаконного оборота оружия, необходимо отметить следующее.

Установление именно уголовной ответственности за указанные деяния, не вызывает сомнений, поскольку незаконный оборот предметов, которые непосредственно предназначены для причинения вреда не только здоровью, но и жизни человека, не может подлежать иному виду ответственности. Обоснование данного обстоятельства очевидно, поскольку человеческая жизнь не имеет стоимости, также, как и здоровье, в отдельных случаях, не имеет цены, необходимой для его восстановления и, кроме того, человеческая жизнь является высшей социальной ценностью, и подлежит охране всеми возможными средствами, со стороны государства.

При совершении преступлений, мотив преступников имеет две составляющие, что возможно получить и какие последствия могут иметь место. Как установлено, в

ходе проведения исследования, при совершении преступлений в сфере незаконного оборота оружия, корыстный мотив является основным.

Необходимо отметить, любое наказание имеет экономическую составляющую для лица, совершившего преступление. Так, отдельные прямо предусматривают определенные суммы, которые необходимо будет оплатить виновному лицу, иные, например, лишение свободы на определенный срок – лишает лицо возможности получить какую-либо прибыль. Также необходимо обратить внимание, что данная категория преступлений, является детерминантом совершения иных преступных деяний, в том числе и обладающих большей степенью общественной опасности (террористический акт, убийство и т.п.). Совершение таких деяний, с использованием данных предметов, в большинстве случаев обладает экономической составляющей, т.е. получение прибыли от их совершения.

Относительно возможности доказывания, по данной категории дел, следует отметить, что данные преступления являются предметными, наличие которого является обязательным и он же является свидетельством умысла лица на совершение того или иного деяния. В ходе исследования установлено, что основные трудности вызывает доказывания лишь такой формы объективной стороны, как приобретение, однако, даже в случае невозможности ее установления, лицо привлекается к уголовной ответственности, поскольку данная форма имеет место в совокупности с такой, как хранение. В связи с чем, по нашему мнению, какие-либо излишние расходы для реализации процесса доказывания, относительно данной категории преступлений, не требуются и не могут потребоваться, в результате изменения иных факторов, составляющих их «цену».

По нашему мнению, исходя из экономической теории преступности, относительно, в первую очередь, корыстных преступлений, целесообразным шагом является учет тяжести и общественной опасности преступления при определении сроков и размеров наказаний. Повышение размеров наказания, как отмечено, также будет являться одной из предупредительных мер, относительно лиц, которые преследуют корыстные цели, поскольку лица будут утрачивать возможность обогатиться в силу объективных причин. Данное обстоятельство отчасти явилось основанием увеличения размеров и сроков наказания за отдельные деяния в сфере незаконного оборота оружия, в частности сбыта данных предметов, в соответствии с Федеральным законом от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5].

Кроме того, в настоящее время, наблюдается трансформация мирового криминального рынка, свидетельствующая об изменении его предметов и форм деятельности. В связи с чем, по нашему мнению, усиление ответственности и реформирование уголовного законодательства, в данной сфере, является необходимым и целесообразным шагом, в полной мере соответствующим положениям экономической теории преступности.

Однако необходимо отметить, что безусловным является то обстоятельство, что чрезмерная криминализация деяний в данной сфере либо необоснованное увеличение наказаний не является приемлемым, т.к. не обладает положительным эффектом и однозначно будет негативно влиять на «цену» данной категории преступлений. В связи с чем, по нашему мнению, например, не отвечает ни экономическим критериям, ни является всесторонне обоснованным введение ст. 222.2 УК РФ, предусматри-

вающий ответственность за незаконный оборот крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (Федеральным законом от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5]).

На основании вышеизложенного, по нашему мнению, установление ответственности за преступления в сфере незаконного оборота оружия, как неотъемлемой части криминального рынка оружия, а также реформирование уголовного законодательства, в данной сфере, в связи с изменением, появлением новых форм данной категории преступлений, в полной мере соответствует положениям экономической теории преступности. Также соответствие подтверждается детерминантностью данной категории преступлений относительно совершения иных преступных деяний, в том числе и обладающих большей степенью общественной опасности.

Список литературы:

1.Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – Вып. 4. – М., 2000. – С. 28–90.
2.Экономика и право: соотношение, проблемы взаимодействия : кол. монография / В.С. Белых, С.Г. Важенин, И.С. Важенина [и др.]. – Екатеринбург, 2018. – 165 с.
3.Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени докт. юрид. Наук / Бажанов Станислав Васильевич; Нижегор. акад. МВД России. - Нижний Новгород, 2002. - 58 с.
4.Бабаев М.М Российская уголовная политика XXI века : монография / Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 208 с.
5.О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. Закон от 1 июля 2021 № 281-ФЗ // Российская газета. – 2021. – 6 июля.

Robak V. A. Economic theory of crime and the criminal arms market // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 366-369.

The article analyzes the correspondence of the establishment of criminal liability for illegal arms trafficking, as an integral part of the criminal arms market, with the provisions of the economic theory of crime. There is a significant public danger of objects of this category of crimes, which are directly intended to cause harm not only to health, but also to human life. It is noted that these crimes are determinants of the commission of other criminal acts, including those with a greater degree of public danger.

On the basis of the study, the conclusion was drawn that the establishment of responsibility for crimes in the field of illicit arms trafficking, as an integral part of the criminal arms market, as well as the reform of criminal legislation in this area, due to the change, the emergence of new forms of this category of crimes, fully corresponds to the provisions of the economic theory of crime. Also, compliance is confirmed by the determinism of this category of crimes in relation to the commission of other criminal acts, including those with a greater degree of public danger.

Keywords: economic theory of crime, criminal arms market, illegal arms trafficking, criminal liability, determinants.

Spisok literatury:

1. Bekker G. Prestuplenie i nakazanie: ekonomicheskij podhod // Istoki: voprosy istorii narodnogo hozyajstva i ekonomicheskoj mysli. – Vyp. 4. – M., 2000. – S. 28–90.
2. Ekonomika i pravo: sootnoshenie, problemy vzaimodejstviya : kol. monografiya / V.S. Belyh, S.G. Vazhenin, I.S. Vazhenina [i dr.]. – Ekaterinburg, 2018. – 165 s.
3. Bazhanov S.V. Stoimost' ugolovnogo processa : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soiskanie uchen. stepeni dokt. yurid. Nauk / Bazhanov Stanislav Vasil'evich; Nizhegor. akad. MVD Rossii. - Nizhnij Novgorod, 2002. - 58 s.
4. Babaev M.M Rossijskaya ugolovnaya politika XXI veka : monografiya / Babaev M.M., Pudovochkin YU.E. – M.: YUrlitinform, 2020. – S. 208 s.
5. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : Feder. Zakon ot 1 iyulya 2021 № 281-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2021. – 6 iyulya.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 370-386.

УДК 343.222.7:343.973

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Скворцова О. В., Зитулаева Д. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена анализу правоохранительной и судебной практики применения статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации с учетом исторического становления и развития института уголовной ответственности за криминальное банкротство. В работе приведены статистические данные количества раскрытых и нераскрытых органами предварительного расследования преступлений, причиняющих ущерб интересам кредиторов, за 2020-2021 годы, проанализирована судебная практика применения статьи 195 УК РФ, изучены новеллы уголовного закона с точки зрения наличия правовых пробелов и коллизий при их конструировании, предложены пути преодоления несовершенств уголовного законодательства в сфере пресечения криминального банкротства.

Ключевые слова: криминальное банкротство, неправомерные действия, ущерб интересам кредиторов, арбитражные управляющие, контролирующие должника лица.

Свобода экономической деятельности – основополагающий конституционный принцип, обеспечивающий развитие рыночных отношений в стране, в условиях свободы конкуренции и ограничения монополий [1, с. 24]. Вместе с тем, гражданское законодательство, определяя понятие «предпринимательской деятельности», делает акцент на осуществлении такой деятельности на риск самого субъекта хозяйствования, что нередко приводит к прекращению хозяйственных операций, реорганизации или ликвидации предприятия, а в случае невозможности удовлетворения требований контрагентов по гражданско-правовым сделкам, иных кредиторов – к банкротству должника.

Арбитражными судами Российской Федерации в 2021 году признаны банкротами 10 319 российских компаний, на 3,9% больше, чем в 2020 году [2]. При этом согласно данным Статистического бюллетеня Единого федерального реестра сведений о банкротстве (далее по тексту – ЕФРСБ) значительно возросло количество решений судов о банкротстве граждан, включая индивидуальных предпринимателей: в 2021 году составило 192 846 шт., что на 62% больше, чем в 2020 году. Специалисты в области банкротства отмечают замедление роста потребительского банкротства: в 2020 году число банкротств граждан выросло на 72,6% к 2019 году. В общей сложности, за время существования механизма потребительского банкротства им воспользовались 475 126 российских гражданина [3].

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19, снижение уровня экономического благосостояния российского населения, как следствие, – приостановление деятельности ряда отраслей национального производства, – все эти факторы послужили основой роста числа производств, возбуждаемых арбитражными судами по заявлению о признании должника банкротом. Наблюдается и пропорциональный рост числа криминальных банкротств, к которым отечественным законодателем отнесены составы преступлений экономической направленности, предусмотренные ст. ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», 196 «Преднамеренное банкротство» и 197 «Фиктивное банкротство» действующего уголовного законодатель-

ства, которые были впервые введены с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее по тексту – УК РФ), пришедшего на смену Уголовному кодексу РСФСР 1960 года. Существенные изменения в уголовном законодательстве коснулись именно экономических отношений в обществе. Положения нового УК РФ, в целях устранения злоупотреблений в отношении интересов кредиторов, впервые установили уголовную ответственность за указанные выше противоправные деяния при банкротстве. Появление нового специального объекта правового регулирования потребовало от всей правоохранительной системы в целом изучения не только нормативной базы, но и понимания регулируемых ею общественных отношений, принятых под охрану новым уголовным законом.

Так, согласно данным правовой статистики, размещенным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, на территории Республики Крым зарегистрировано преступлений экономической направленности (за 2021 год) – 1022 преступления, из которых: выявлено лиц, совершивших указанные деяния, – 673; предварительно расследовано преступлений экономической направленности – 843; уголовные дела по которым переданы в суд – 606.

Заметно снижается показатель количества преступлений экономической направленности, не раскрытых органами предварительного расследования, образованными на территории Республики Крым. По состоянию на декабрь 2021 года количество нераскрытых преступлений составило 144 преступления экономической направленности, что ниже на 2,7 % аналогичных показателей за 2020 год [4].

За совершение деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ, в 2021 году осуждено 5 лиц, вынесен 1 оправдательный приговор, в то время как в 2020 году оправдательных приговоров постановлено не было. По ч. 2 ст. 195 УК РФ судами общей юрисдикции вынесен 1 обвинительный приговор, в то время как в 2020 году – 3 обвинительных приговора, освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа 1 лицо. В отличие от показателей судебной статистики за 2020 год, согласно которым обвинительных приговоров по ч. 3 ст. 195 УК РФ российскими судами не было постановлено, в 2021 году к реальным срокам были приговорены 2 лиц [5].

Сравнивая статистику рассмотренных арбитражными судами заявлений о признании должника банкротом, о признании сделок недействительными в рамках дел о банкротстве и количество постановленных федеральными судами приговоров по ст. 195 УК РФ, можно прийти к выводу, что правоприменительная практика еще неоднозначна: небольшое количество обвинительных приговоров обусловлено не низким уровнем совершения криминальных банкротств, а неоднозначностью построения норм диспозиций статей Особенной части, что приводит к латентности банкротной преступности, как следствие – прекращению производств по уголовным делам в связи с истечением сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности. Предметом настоящего исследования является изучение правовых коллизий и пробелов, позволяющих лицам, причиняющим ущерб поставленным под охрану уголовного закона интересам кредиторов, избежать уголовной ответственности, и предложение путей преодоления указанных проблем уголовно-правового регулирования, в том числе, на основе изучения исторического пути формирования нормативно-правовой базы регулирования криминального банкротства.

Первое упоминание о криминализации торгового банкротства мы находим в Пространной редакции «Русской правды», согласно ст. 54 которой дифференцировалась ответственность купца за утрату товара, приобретенного на денежные средства, полученные в займ: в случае утраты товара не по вине самого купца, устанавливался запрет на применение физического насилия либо продажу его в рабство. Если купец вверенный товар «пропьет или проиграет», устанавливалось альтернативное наказание: «Хотят – ждут, хотят – продадут в рабство, на то их воля» [6].

Принятый Иваном III Судебник установил новый подход к определению банкротства: если утрата товара или денег происходила по не зависящим от должника обстоятельствам («утонет, сгорит»), боярину давалось право обратиться к дьяку за получением грамоты о предоставлении должнику рассрочки в уплате долга. В случае утраты товара по вине должника, он подлежал выдаче «головою на продажу» [7]. Анализ указанных норм позволяет сделать следующие выводы: 1) в законодательной конструкции банкротства появляется категория «злого умысла»; 2) законом возлагается обязанность на самого должника, а также уполномоченные органы в лице дьяка провести расследование и установить, действительно ли имел место форс-мажор.

В Соборном уложении 1649 года впервые были разграничены торговая несостоятельность купца и общегражданская несостоятельность, основанием возникновения которой являлась невозможность исполнения сделки. Таким образом, появился новый субъект банкротства – физическое лицо, не связанное с осуществлением рисковой предпринимательской деятельности. Особого внимания заслуживают процессуальные изменения, коснувшиеся порядка признания должника несостоятельным: полномочия были возложены не на дьяка, а на суд [8].

Уставом о банкротстве 1800 года была окончательно закреплена процедура судебного банкротства: «Признавать банкротом подлежит всех, кто сам о себе объявит в каком-либо Судебном месте, что платить долгов не в состоянии». Кроме того, субъектом дела о банкротстве становятся инициирующие кредиторы, что имеет важное значение, поскольку нередки случаи вступления в преступный сговор инициирующего кредитора с руководителями должника в целях получения удовлетворения своих требований из ликвидной конкурсной массы [9].

В отличие от ранее действовавших норм, в Артикуле воинском Петра I уголовной ответственности за «злостное банкротство» не предусматривалось. Однако, в случае, если в отношении должника в ходе производства по делу о банкротстве было установлено совершение им одного из следующих действий: 1) совершение сделки, по которой заведомо для виновного невозможно осуществление платежа; 2) лицо, которое станет платежеспособно, однако, не явится «по публикациям суда»; 3) лицо, которое, не оплатив долгов, «каким-либо происком запишется в солдаты или пострижется в монахи», должник подлежал привлечению к уголовной ответственности [10].

Значительное развитие институт криминального банкротства получил в Уголовном уложении 1903 года, в которое была внесена специальная глава 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях недобросовестности». Четкого разграничения между составами преднамеренного и фиктивного банкротства, как и прежде, не было, но законодателем впервые называется такое деяние, как сокрытие имущества должником при объявлении его банкротом «умолчанием или ложным о нем показа-

нием с целью избежать платежа долгов» [11]. Можно сделать вывод о схожести норм, содержавшихся в статье 601 Уголовного уложения 1903 года и ч. 1.1 действующей в настоящее время ст. 195 УК РФ.

Частями 1.1, 2.1, 4, 5 ст. 195 УК РФ была дополнена 01.07.2021 года по итогу реализации поручения, данного Президентом Правительству Российской Федерации, рассмотреть вопрос о совершенствовании законодательства о банкротстве. Частью 1.1 ст. 195 УК РФ предусмотрен квалифицированный состав преступления: законодателем к числу лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, по смыслу части 1, отнесены лица, совершающие общественно опасные деяния с использованием ими своего служебного положения, а равно контролирующее должника лица либо руководитель этого контролирующего лица – специальные субъекты, наделенные особыми полномочиями при управлении хозяйственной деятельностью предприятия-должника. Несмотря на установление законодателем круга специальных субъектов, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, диспозиции частей ст. 195 УК РФ, с точки зрения юридической техники, построены как бланкетные, ввиду чего при определении субъективных признаков состава преступления правоприменителю необходимо обращаться к специальному законодательству о банкротстве, а также руководствоваться общими нормами гражданского законодательства, чтобы определить объем полномочий, которыми наделен субъект совершения противоправного деяния.

Исследуя термин «руководитель» юридического лица как субъекта преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, на наш взгляд, необходимо руководствоваться легальным определением, содержащимся в статье 2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому под руководителем понимается: 1) единоличный исполнительный орган юридического лица; 2) руководитель коллегиального исполнительного органа; 3) иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности [12, с. 5]. В зависимости от организационно-правовой формы юридического лица орган управления должника и объем возложенных на него полномочий может разниться. Так, статьей 69 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусмотрено осуществление руководства текущей деятельностью как публичного, так и непубличного акционерного общества единоличным исполнительным органом, в лице директора или генерального директора, и коллегиальным исполнительным органом общества (правлением или дирекцией), следовательно, в случае функционирования коллегиального исполнительного органа юридического лица при установлении органами предварительного расследования наличия признаков совершения неправомерных действий при банкротстве привлечению к уголовной ответственности будет подлежать как глава правления (дирекции) акционерного общества, так и председатель совета директоров (наблюдательного совета) такого общества, которому подотчетен и подконтролен в своей деятельности единоличный и коллегиальный исполнительный орган [13, с. 14]. В силу статьи 26 Федерального закона от 08.12.1995 N 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» исполнительными органами кооператива являются председатель кооператива и правление кооператива, а руководителем полного товарищества является председатель правления такого товарищества. Та-

ким образом, правоприменителю, в случае выявления в ходе производства по делу о банкротстве признаков преднамеренного банкротства, необходимо установить:

1) было ли лицо наделено в силу закона и учредительных документов должника правом выступать от имени и в его интересах, вступая в гражданско-правовые, трудовые, иные правоотношения, что впоследствии повлекло негативные последствия в виде неспособности должника удовлетворить требования кредиторов по обязательствам, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены;

2) если лицо было наделено правом выступать от имени и в интересах юридического лица, то действовало ли оно в пределах предоставленных полномочий. Например, заключение крупной сделки, связанной с приобретением или отчуждением имущества, цена или балансовая стоимость которого составляет 25% и более от стоимости активов акционерного общества, подлежит обязательному согласованию с советом директоров такого общества. Вместе с тем, в случае, если такая сделка была заключена без согласия наблюдательного органа общества, что привело впоследствии к невозможности погашения обязательств перед кредиторами, то необходима квалификация деяний руководителя акционерного общества по ст. 201 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями, под которым понимается совершение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением им своих прав и обязанностей, однако, не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили законным интересам данной коммерческой или иной организации, а также тем целям и задачам, для достижения которых это лицо было наделено соответствующими полномочиями. Кроме того, к числу таких деяний Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 N 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях» отнесены также: заключение трудовых договоров (контрактов) с лицами, которые фактически трудовые обязанности не исполняют, освобождением работников организации от исполнения трудовых обязанностей с направлением для ремонта квартиры, если эти деяния повлекли общественно опасные последствия в виде причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства [14]. Установление вывода активов через заработную плату сотрудников предприятия-банкрота, как правило, сложно доказуемо, поскольку речь идет не об одной крупной сделке, на которую не дали согласия члены совета директоров, а о нескольких договорах, заключение которых, заведомо для виновного, было направлено не на порождение трудовых правоотношений, и, как следствие, появление взаимных обязанностей работника и работодателя, а на принятие работника на работу, но невыполнение работником своей трудовой функции, за которую, однако, работодателем выплачивается заработная плата. Если органами предварительного расследования будет установлено, что действия руководителя юридического лица были направлены на создание ситуации, при которой руководимое им юридическое лицо утрачивает платежеспособность по взятым им обязательствам, необходима дополнительная квалификация по ст. 196 УК РФ, то есть одним деянием охватывается два состава преступления, образуется «идеальная» совокупность.

В связи с внесением изменений в ст. 195 УК РФ, дискуссионным становится вопрос, относятся ли к субъектам преступления, предусмотренного ч. 1.1 УК РФ, арбитражные управляющие и отнесены ли они к числу лиц, использующих служебные полномочия. На наш взгляд, должны быть отнесены временные, внешние и административные управляющие, за исключением конкурсных управляющих, поскольку, как было отмечено ранее, преступление считается оконченным до момента вступления в силу решения о признании должника банкротом и назначении кандидатуры конкурсного управляющего. Данный вывод сделан нами, исходя из того, что в силу положений статей 66, 83, 99 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» указанные лица наделены полномочиями распоряжаться имуществом должника, заключать от его имени мировое соглашение, заявлять отказ от исполнения договоров, обращаться в арбитражный суд от имени должника с исками и заявлениями. Таким образом, арбитражные управляющие, как лица, наделенные в силу закона финансово-хозяйственными и организационно-распорядительными функциями, могут быть специальными субъектами преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 195 УК РФ.

Кроме того, новеллой уголовного законодательства стало и введение уголовной ответственности в отношении контролирующего должника лица либо руководителя такого лица. К таким лицам, в силу закона и сложившейся судебной практики арбитражных судов, рассматривающих заявления о банкротстве и корпоративные споры, отнесены не только руководители, наделенные формально-юридическими полномочиями по управлению финансово-хозяйственной деятельностью должника, о которых речь шла выше, но и лица, имеющие по иным основаниям фактическую возможность давать должнику обязательные для исполнения указания, в том числе – аффилированные лица. Законом определены формально-юридические критерии возможности оказания воздействующего влияния на действия должника: 1) нахождение с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения; 2) наличие полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии; 3) замещение должности главного бухгалтера, финансового директора должника, иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника; 4) иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом.

При этом законом установлено, что сам факт нахождения лица в положении, позволяющем ему оказывать влияние на финансово-хозяйственные операции должника, не является презумпцией наличия у лица фактической возможности осуществлять такие действия. Таким образом, в каждом отдельном случае предметом доказывания по уголовному делу является фактическая возможность лица участвовать в принятии управленческих решений (принятие работников на работу, заключение гражданско-правовых договоров, контрактов, иных сделок) в течение трех лет, предшествовавших обращению с заявлением о признании должника несостоятельным.

Нередки случаи, когда руководитель как основной контролирующий орган лица является номинальным, то есть не осуществляет фактическое управление должни-

ком, например, вследствие передоверия управления третьему лицу на основании доверенности, либо такой руководитель принимал ключевые решения в период, предшествовавший процедуре банкротства, однако, такие решения принимались по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не наделенного соответствующими полномочиями. Пленум Верховного суда Российской Федерации от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее по тексту – Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53) разъяснил, что в таком случае речь идет о фактическом руководителе юридического лица, который привлекается и к гражданско-правовой (субсидиарной ответственности) перед кредиторами, и к уголовно-правовой ответственности, если будет установлено наличие в его действиях состава уголовно наказуемого деяния. Вместе с тем, номинальный руководитель не освобождается от уголовной ответственности, поскольку сам факт наличия фактического руководителя не означает утрату номинальным руководителем статуса контролирующего органа должника, поскольку подобное поведение не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом [15].

На наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на то, что действующим законодательством о банкротстве предусмотрена презумпция недобросовестного поведения, которая означает, что предполагается контролирующим лицом признавать лицо, извлекшее существенную выгоду из незаконного и недобросовестного поведения руководителя должника. Категория существенности в законе не раскрыта, вследствие чего она остается оценочной и подлежит определению в каждом отдельном производстве, с учетом масштабов деятельности должника. Как следует, такая прибыль в виде увеличения либо сбережения активов должника могла бы не образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали требованиям закона. К числу таких контролирующих лиц отнесены третьи лица, которые получили актив должника (как путем заключения единой сделки, так и по цепочке последовательных сделок), выбывший из владения должника в ущерб его интересам и интересам кредиторов (на заведомо невыгодных для должника условиях, по заведомо заниженным ценам на принадлежащее должнику имущество на праве собственности, например, продажа производственных мощностей, без которых невозможно осуществление основной или дополнительной предпринимательской деятельности, зарегистрированной за должником согласно ОКВЭД), по сделке, заключенной руководителем в нарушение требований закона. Достаточно распространенной «схемой» подобного преступного сговора руководителя должника и третьего лица, направленного на вывод активов предприятия, в целях дальнейшего неисполнения взятых обязательств, является заключение сделок с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом, так называемые, «фирмы-однодневки», с размером уставного капитала в 10 тысяч рублей, фактически не осуществляющие хозяйственную деятельность, зарегистрированные в Едином государственном реестре юридических лиц не по адресу фактического нахождения.

Кроме того, основаниями для признания лица контролирующим должника могут быть любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-розыскными мероприятиями, например, совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке, то есть сожительстве), длительная совместная

служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т.п.

Следующей проблемой, способствующей, на наш взгляд, латентности совершаемых преступлений в области криминального банкротства, является отсутствие однозначного подхода к толкованию признаков банкротства лица, как следствие, – возникает правоприменительная проблема как при определении момента окончания преступления, так и при определении общественной опасности деяния в целом. Ранее нами указывалось, что нормы о криминальном банкротстве носят бланкетный характер, соответственно, при квалификации деяния правоприменителю необходимо обращаться к специальному законодательству о банкротстве, которое также не является единообразным. Так, в силу ст. 2 Федерального закона о банкротстве под банкротством понимается неспособность должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий, об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. Вместе с тем, п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 дает нам легальное понятие «объективного банкротства», под которым высшей судебной инстанцией понимается фактическое возникновение признаков банкротства в трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов. В Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ от 29.01.2020 года, применено такое понятие, как «имущественный кризис», под которым, системно толкуя нормы разъяснения, понимается трудное экономическое положение, в котором находится должник при наличии обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 3 Закона о банкротстве, при которых на должника (его руководителя) возлагается обязанность обратиться в суд с заявлением о признании себя несостоятельным (ч. 1 ст. 9 Закона о банкротстве) [16]. Таким образом, противоречивость законодательного акта, подлежащего обязательному применению в деле о банкротстве, и действующих разъяснений Верховного суда Российской Федерации, призванных обеспечить единообразие судебной практики, вызывает различие толкований в правоохранительной деятельности. И, если в ст. 196 УК РФ раскрывается законодателем, что именно им понимается под банкротством, а именно: неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, то в ст. 195 законодатель ограничился фразой «при наличии признаков банкротства», не определив, о каких именно признаках идет речь. В то же время, в ст. 196 УК РФ отсутствуют примечания, которые определили бы возможность применения признаков, обозначенных в ч. 1, к определению банкротства, применительно к диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ. Поскольку, в силу ч. 2 ст. 3 УК РФ, применение уголовного закона по аналогии не допускается, то на практике создается правовой пробел, который влечет несвоевременное выявление правоохранительными органами призна-

ков состава преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, а, учитывая, что данное преступление относится к категории небольшой тяжести, то срок давности по нему составляет два года. Все это влечет освобождение лица от уголовной ответственности по ст. 78 УК РФ и прекращению производства по уголовному делу (Постановление Ленинского районного суда г. Владивостока по делу № 1-181/2017 от 25.04.2017 года, Постановление по делу № 1-238/2017 от 11.05.2017 г.). Ввиду указанного, на наш взгляд, необходимо введение в примечание к ст. 195 УК РФ пункта 2, разъясняющего, что: «Признаками банкротства, по смыслу ст. 195 УК РФ, признается неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей».

Несовершенство законодательной конструкции при построении диспозиций частей ст. 195 УК РФ проявляется и в неточности формулирования перечня деяний, входящих в объективную сторону преступлений. Для более детального исследования правовых пробелов нами ниже представлен анализ судебной практики применения ст. 195 УК РФ судами первой инстанции (с учетом обжалования в суды апелляционной инстанции) различных субъектов Российской Федерации.

Законом к числу деяний, входящих в состав объективной стороны преступления, предусмотренного в диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ, отнесены:

1) сокрытие имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, под которым, для правильной квалификации содеянного, в силу «Методических рекомендаций по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства» (утв. ФССП России 15.04.2013 N 04-4), являющихся руководящими началами при установлении наличия признаков криминального банкротства, необходимо понимать как полное, так и частичное утаивание активов должника и сведений о них [17]. Нальчикским городским судом Кабардино-Балкарской Республики был осужден генеральный директор общества, совершивший в крупном размере сокрытие денежных средств организации, за счет которых, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, должно было быть произведено взыскание недоимки по налогам. В связи с истечением срока уплаты налогов, учитывая, что хозяйствующим субъектом требование об уплате налогов в добровольном порядке не исполнено, налоговый орган, с целью взыскания задолженности по налогам за счет денежных средств на счетах налогоплательщика, в соответствии со статьей 46 Налогового кодекса РФ, принял решение о взыскании налога, сбора, пени, штрафа за просрочку оплаты, на основании которых выставлены инкассовые поручения. Генеральный директор, используя полномочия руководителя по распоряжению денежными средствами, незаконно, в адрес дебитора начал направлять распорядительные письмо о перечислении денежных средств в счет погашения задолженности на расчетные счета третьих лиц (кредиторов), минуя расчетные счета должника, для дальнейшей оплаты обязательств по гражданско-правовым обязательствам;

2) передача имущества во владение иным лицам, под которым понимает временное избавление от него. Постановлением Андроповского районного суда Ставропольского края было прекращено уголовное дело в отношении руководителя

сельскохозяйственного потребительского кооператива, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Вместе с тем, судом было установлено, что в течение года, предшествовавшего появлению признаков банкротства у юридического лица, все земли кооператива, находящиеся у него в аренде, а также те, что принадлежали кооперативу на праве собственности, перешли в пользование третьего лица, в результате чего был причинен имущественный вред кредиторам. Как видим, прослеживается прямая связь между деянием в виде передачи в пользование имущества, необходимого для нормального осуществления производственной деятельности кооперативом, и наступившими негативными последствиями – возникновением задолженности перед кредиторами, появлением признаков банкротства;

3) отчуждение имущества – это его сбыт третьим лицам в любой форме, как возмездной, так и безвозмездной. Бугульминским городским судом Республики Татарстан индивидуальный предприниматель был признан виновным (оставлено без изменения Верховным судом Республики Татарстан) в совершении действий, предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ, в качестве наказания был назначен штраф в размере 150 тысяч рублей. Судом было установлено, что Арбитражным судом Республики Татарстан индивидуальный предприниматель был признан банкротом. Определением суда от 12.10.2015 года были истребованы у индивидуального предпринимателя жилой дом с надворными постройками и земельный участок, указанные объекты были включены в конкурсную массу. Осужденный предоставил в регистрационную палату документы, при этом, ему было известно, что распоряжаться вышеуказанным имуществом он не может, ввиду отсутствия правовых оснований. Должник обращался в Арбитражный суд с ходатайством об исключении имущества из конкурсной массы, однако, в удовлетворении указанного ходатайство судом было отказано, после чего, 24.03.2016 года, имея установленный в ходе предварительного расследования умысел, направленный на получение денежных средств за продажу имущества по сделке, умышленно для виновного заключающейся неправомерно, продал жилой дом и земельный участок третьему лицу. Судом индивидуальный предприниматель был признан виновным в том, что при наличии признаков банкротства совершил отчуждение имущества, находящегося в конкурсной массе, с причинением крупного ущерба кредиторам;

4) уничтожение имущества, бухгалтерских или иных учетных документов представляет собой такое воздействие на них, в результате которого они приводятся в полную непригодность для их целевого использования.

5) фальсификация бухгалтерских или иных учетных документов – это их подделка, направленная на изменение подлинности. Дзержинским районным судом города Нижний Тагил был вынесен приговор, оставленный в силе постановлением Свердловского областного суда, которым руководитель должника был признан виновным в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 500 тысяч руб. Судом было установлено, что осужденный, будучи руководителем Общества, достоверно зная о признании этого общества банкротом, намеренно составлял фиктивные договоры подряда с третьим лицом, и знал, что фактического исполнения по указанным договорам со стороны должника не может быть предоставлено. Указанные документы он скрывал в ходе производства по делу о банкротстве от финансового управляющего и не отражал в бухгалтерской документации. Кроме того, осужденный обратился от имени

Общества с исковым заявлением о взыскании с третьего лица задолженности по выполненным работам в Арбитражный суд Свердловской области, предоставив суду фиктивные акты приема-передачи выполненных работ, вследствие чего Арбитражный суд, не назначив судебную экспертизы, в целях установления подлинности предоставленных документов, вынес решение в пользу истца. Как видим, деяния лица в данном случае посягают на два объекта: охраняемые законом общественные отношения, характеризующие установленный порядок процедуры банкротства субъектов предпринимательской деятельности, а также общественные отношения, охраняющие порядок отправления правосудия, ввиду чего необходима квалификация содеянного и по ч. 1 ст. 303 УК РФ – за фальсификацию доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем. В силу ст. 40 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, к участникам процесса отнесены стороны, в лице истца и ответчика по гражданскому делу.

К уголовно-наказуемым деяниям, предусмотренным ч. 2 ст. 195 УК РФ, относится неправомерное удовлетворение имущественных требований кредитора, которое выражается в совершении финансовых операций и (или) сделок с имуществом должника - юридического лица, направленных на полное или частичное погашение кредиторской задолженности отдельным кредиторам в нарушение порядка, предусмотренного действующим законодательством. Например, в ходе финансового оздоровления должник осуществляет платежи отдельным кредиторам в нарушение графика погашения задолженности. Кроме того, к числу таких действий, исходя из сложившейся судебной практики, можно отнести: необоснованное начисление и выплату заработной платы, заключение соглашения о взаимозачете с контрагентом, удовлетворение имущественных требований подконтрольной организации при наличии признаков банкротства, заключение договора уступки прав требования (цессии) для погашения задолженности перед конкретным контрагентом, передачу имущества отдельному кредитору по договору купли-продажи в ущерб другим кредиторам, оформление фиктивных договоров купли-продажи имущества должника. Смидовичским районным судом Еврейской автономной области был постановлен приговор в отношении руководителя Общества, обладающего признаками банкротства, совершившего умышленные действия, направленные на удовлетворение требований отдельных кредиторов вопреки интересам остальных кредиторов, выразившихся в: заключении соглашения об отступном, в результате которого лицу перешли права собственности на имущество Общества; передаче прав собственности на земельный участок по мировому соглашению; передаче лицу имущественных прав на комбайн в счет погашения задолженности. В результате перечисленных неправомерных действий подсудимого, направленных на удовлетворение требований отдельных кредиторов в ущерб интересам других кредиторов, с момента введения процедуры банкротства и по момент возбуждения производства по уголовному делу Общество не имело возможности удовлетворить требования кредиторов третьей очереди, включенных Арбитражным судом Тамбовской области в реестр требований кредиторов, чем кредиторам Общества был причинен крупный ущерб, поскольку размер реестровых требований составил 3 838 637, 86 рублей.

Следующей новеллой ст. 195 УК РФ стало введение квалифицированного состава в ч. 2.1 УК РФ, предусматривающего повышенную ответственность за совершение предусмотренных ч. 2 деяний специальными субъектами – арбитражным управ-

ляющим или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором), а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица. Между тем, как отмечалось нами выше, Методическими рекомендациями по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики выделен обязательный признак объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ. Таковым является время его совершения – до вынесения судом решения о несостоятельности и об открытии конкурсного производства при наличии признаков банкротства. Решением о несостоятельности назначается и кандидатура конкурсного управляющего. Между тем, арбитражный управляющий – понятие собирательное, под которым понимается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Порядок осуществления им деятельности и объем наделяемых полномочий разнится в зависимости от процедуры банкротства. В процедуре конкурсного производства по делу о несостоятельности арбитражный управляющий получает на себя тот объем правомочий, который фактически дает ему возможность распоряжаться всеми активами должника, однако, как следует из Методических рекомендаций, совершение деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ, после введения процедуры конкурсного производства невозможно. Таким образом, на наш взгляд, необходимо конкретизировать субъектов совершения квалифицированного деяния, предусмотренного ч. 2.1 ст. 195 УК РФ, указав в законе на конкретных лиц, действующих от имени должника: временный управляющий (при введении процедуры наблюдения), административный управляющий (при введении процедуры финансового оздоровления), внешний управляющий (при введении процедуры внешнего управления), тем самым исключив возможность привлечения к уголовной ответственности конкурсного управляющего.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 195 УК РФ, выражается в следующих действиях (бездействии):

1) в незаконном воспрепятствовании деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации, под которым понимается создание таких условий, которые не позволяют руководителю должника в полной мере осуществлять свои функции. Например, ограничение доступа временной администрации в помещение кредитной организации или к ее документации и иным носителям информации. Так, Кущевским районным судом Краснодарского края, оставленным без изменения Краснодарским краевым судом, был признан виновным в совершении деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 195 УК РФ, руководитель Общества. Судом было установлено, что конкурсным управляющим было направлено по почте требование о передаче всей документации по юридическому адресу Общества и по адресу проживания подсудимого. Направлялись запросы в государственные регистрирующие органы о наличии за обществом зарегистрированных прав на объекты недвижимости и транспортные средств, в ходе чего было установлено, что данные объекты были сданы в аренду ООО «Барс» в феврале 2014 года подсудимым. Представители ООО «Барс» отказались пускать конкурсного управляющего на территорию, принадлежащую Обществу, аргументировав свой отказ тем, что данная территория принадлежит ООО «Барс» на правах аренды на срок 11 месяцев. Однако договоры не были предоставлены конкурсному управляющему. В связи с оказанным противодействием со стороны подсудимого, а также руководства ООО

«Барс», а также в связи с отсутствием бухгалтерской документации, конкурсный управляющий не смог произвести инвентаризацию имущества, принадлежавшего Обществу, что повлекло затягивание процедуры банкротства, увеличение текущих расходов, уменьшение конкурсной массы имущества Общества и причинение ущерба кредиторам. Из изложенного усматривается, что фактические действия подсудимого были направлены на умышленное уклонение от передачи арбитражному управляющему документов, необходимых для исполнения возложенных на него обязанностей, и принадлежащего юридическому лицу имущества. В первую очередь, подсудимому было достоверно известно о введении Арбитражным судом процедуры банкротства, и, как следствие, – о назначении арбитражного управляющего. Во-вторых, в трехдневный срок он не принял мер к возврату от аудитора всех бухгалтерских документов и не передал их арбитражному управляющему. Передача имущества также не произведена без уважительных причин, а используемые им доводы были созданы для придания видимости невозможности выполнить законные предписания конкурсного управляющего, направленные на удовлетворение требований конкурсных кредиторов, и, тем самым, для уменьшения конкурсной массы ликвидных активов предприятия;

2) в уклонении или в отказе от передачи администрации кредитной организации документов, необходимых для исполнения возложенных на них обязанностей, или имущества, принадлежащего юридическому лицу либо кредитной организации, в случаях, когда функции руководителя юридического лица либо кредитной организации возложены на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной организации, которые впоследствии причинили крупный ущерб. При этом обязательным признаком объективной стороны является отсутствие явно выраженного отказа от передачи документов или имущества. Как правило, действия виновного носят характер открытых и демонстративных, свидетельствующих о нежелании передавать документы или имущество. Так, Горно-Алтайским городским судом Республики Алтай был постановлен обвинительный приговор в отношении руководителя юридического лица, который обязан был в 15-дневный срок передать временному управляющему перечень имущества должника, включая имущественные права, а также бухгалтерские и иные документы, отражающие экономическую деятельность должника за три года, предшествовавших введению процедуры наблюдения. Однако осужденный с целью сокрытия ранее совершенных им противоправных деяний, содержащих в себе признаки составов преступлений – присвоения (ст. 160 УК РФ) и мошенничества (ст. 159 УК РФ), умышленно скрыл от временного управляющего указанные выше сведения и документы, необходимые для исполнения арбитражным управляющим возложенных на него функций. Общество было признано несостоятельным, был назначен конкурсный управляющий, которому, в силу ч. 2 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», руководитель общества должен был передать бухгалтерскую и иную документацию, печати, штампы, материальные ценности, однако, осуждённый с целью сокрытия сведений о совершенных им преступлениях в виде присвоения денежных средств участников долевого строительства отказался предоставить конкурсному управляющему документы по учету кредиторской и дебиторской задолженности. Из изложенного следует, что своими незаконными действиями, заключающимися в отказе от передачи арбитражному управляющему документов

юридического лица, в том числе, касающихся учета основных средств должника и иного имущества, необходимых для исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей, осуждённый причинил крупный ущерб организации-должнику, который выразился в невозможности удовлетворения требований кредиторов в размере 15 184 961,09 рублей, что, по смыслу примечания к ст. 170.2, отнесено к особо крупному размеру. Однако диспозицией ч. 3 ст. 195 УК РФ в качестве обязательного признака объективной стороны выделено причинение ущерба в крупном размере, т.е. в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, тогда как, разграничения между крупным и особо крупным размером причиненного ущерба законодателем не проводится, хотя в большинстве диспозиций статей Особенности части проводится разграничение уголовной ответственности за причинение ущерба в крупном и особо крупном размере. Таким образом, на наш взгляд, учитывая, что общественная опасность деяния, в результате которого интересам кредиторов причиняется ущерб в размере, превышающем девять миллионов рублей (по смыслу примечания к ст. 170.2 УК РФ), выше, чем деяния, в результате которого причиняемый ущерб превышает два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, законодателю необходимо сконструировать квалифицированный состав деяний, описанных в частях 1-4, путем введения части 6, предусматривающей повышенную санкцию за совершение «деяния, предусмотренного частями первой - четвертой настоящей статьи, причинившего особо крупный ущерб» [18].

Определенной проблемой при определении размера причиненного ущерба кредиторам при квалификации деяния по ч. 3 ст. 195 УК РФ является разграничение суммы причиненного ущерба при воспрепятствовании деятельности арбитражного управляющего и размера ущерба, причиняемого интересам кредиторов в целом, в случае, если, как в приведенном выше примере, в деяниях лица одновременно содержатся признаки нескольких преступлений. Так, с одной стороны, осуждённый, занимавший руководящую должность и определявший хозяйственную деятельность предприятия-должника, присваивал денежные средства участников долевого строительства, что повлекло за собой неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, чем причинил последним имущественный ущерб (состав ст. 196 УК РФ). С другой стороны, имея преступную цель – сокрыть указанные деяния, осуждённый отказался передавать документацию арбитражному управляющему, вследствие чего сначала временный, а затем – конкурсный управляющий из-за отсутствия документов, отражающих достоверные сведения об имуществе должника, его размере, местонахождении, бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих реальную экономическую деятельность предприятия, не имели возможности провести финансовый анализ деятельности предприятия, совершенных сделок за предшествующие три года (законодательство о банкротстве предусматривает возможность обращения с заявлением о признании сделки недействительной, в случае его удовлетворения – реституции полученного сторонами по сделке, либо взыскания денежных средств, а также процентов за пользование чужими денежными средствами, что впоследствии может быть обращено в конкурсную массу). Таким образом, из-за отсутствия документов, конкурсный управляющий не смог выполнить возложенные на него полномочия по погашению задолженности перед кредиторами, которая, в случае предоставления всех имевшихся сведений у руководителя, была бы погашена на 15 184 961,09 рублей.

Подводя итог настоящему исследованию, представляется необходимым тезисно очертить основные изменения, предложенные авторами работы, внесение которых может существенно повлиять на правоприменительный подход к ст. 195 УК РФ, сократить число уголовных производств, прекращаемых в связи с истечением сроков давности привлечения лиц к уголовной ответственности, и повысить число раскрываемых преступлений:

1. Легально, в уголовно-правовом смысле, закрепить понятие признаков банкротства путем внесения в примечание к ст. 195 УК РФ пункта 2, разъясняющего, что: «Признаками банкротства, по смыслу ст. 195 УК РФ, признается неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей».

2. Необходимо конкретизировать субъектов совершения квалифицированного деяния, предусмотренного ч. 2.1 ст. 195 УК РФ, указав в законе на конкретных лиц, действующих от имени должника: временный управляющий (при введении процедуры наблюдения), административный управляющий (при введении процедуры финансового оздоровления), внешний управляющий (при введении процедуры внешнего управления), тем самым исключив возможность привлечения к уголовной ответственности конкурсного управляющего, который не может быть субъектом совершаемого деяния, поскольку время совершения преступления должно быть не позднее вынесения решения арбитражным судом о признании должника несостоятельным и назначении конкурсного управляющего.

3. Учитывая, что общественная опасность деяния, в результате которого интересам кредиторов причиняется ущерб в размере, превышающем девять миллионов рублей (по смыслу примечания к ст. 170.2 отнесено к особо крупному размеру ущерба), выше, чем деяния, в результате которого причиняемый ущерб превышает два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, законодателю необходимо сконструировать квалифицированный состав деяний, описанных в частях 1-4, путем введения части 6, предусматривающей повышенную санкцию за совершение «деяния, предусмотренного частями первой – четвертой настоящей статьи, причинившего особо крупный ущерб интересам кредиторов».

Список литературы:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Проспект, 2022. – 62 с. – Текст: непосредственный.
2. Электронное правосудие: Картотека арбитражных дел «Мой Арбитр»: сайт. – Москва, 2022. – URL: https://ras.arbitr.ru (дата обращения: 17.04.2022). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
3. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве : сайт. – Москва, 2022. - URL: https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2?attempt=1 (дата обращения: 13.04.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
4. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: сайт. – Москва, 2022. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 22.04.2022). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.
5. Судебная статистика РФ: уголовное судопроизводство: данные о назначенном наказании по статьям УК: сайт. – Москва, 2022. – URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 13.04.2022). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст: электронный.
6. Тихомиров, М.Н. Пособие для изучения Русской правды / М.Н. Тихомиров : издание Московского университета. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html (дата обращения: 11.04.2022). – Текст: электронный.

7. Российское военно-историческое общество: 100 главных документов Российской истории: Судебник Ивана III: электронный ресурс. – Москва, 2020. – URL: https://doc.histrf.ru/10-16/sudebnik-ivana-iii/ (дата обращения: 12.04.2022). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст: электронный.
8. Тихомиров, М.Н. Пособие для изучения Соборного уложения 1649 года / М.Н. Тихомиров : издание Московского университета. - 1961. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm (дата обращения: 09.04.2022). – Текст: электронный.
9. Национальная ассоциация «Банкротный клуб»: Уставъ о Банкротахъ: электронный ресурс. – Москва, 2019. – URL: https://bankruptcyclub.ru/2019/12/20/ustav1800/ (дата обращения: 04.04.2022). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст: электронный.
10. Тихомиров, М.Н. Пособие для изучения Артикула воинского 1715 / М.Н. Тихомиров : издание Московского университета. - 1958. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения: 04.04.2022). – Текст: электронный.
11. Уголовное уложение : [принят 16 апреля 1903 года]. – Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – Текст : электронный. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 04.04.2022).
12. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002. – Москва : Кодекс, 2022. – 67 с. – Текст: непосредственный.
13. Об акционерных обществах: Федеральный закон № 208-ФЗ от 26.12.1995. - Москва : Кодекс, 2022. – 44 с. – Текст: непосредственный.
14. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. N 21 г. Москва "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях". – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/ (дата обращения: 20.04.2022).
15. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. N 53 г. Москва "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве". – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 19.04.2022).
16. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Обзор Президиума Верховного Суда РФ от 29.01.2020 г. " Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установление в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц". – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344078/ (дата обращения: 20.04.2022).
17. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства: [утв. ФССП России 15.04.2013 N 04-4]. – Электронный ресурс. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151139/ (дата обращения: 19.04.2022).
18. Обзор судебной практики применения статьи 195 УК РФ: сборник / Стешенцев А., Ефремов Р., Долотов Р., Коляденко Н., Малькова А. – Текст: электронный: [сайт]. – URL: https://arbitrageru.legal/analytics/view/195-2020 (дата обращения: 18.04.2022).

Skvortsova O.V., Zitulaeva D.A. Criminal liability for illegal acts in insolvency: legislative novellas and judicial practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 370-386.

The article is devoted to the analysis of law enforcement and judicial practice of applying Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the historical formation and development of the institution of criminal liability for criminal bankruptcy. The paper provides statistical data on the number of crimes disclosed and undisclosed by the preliminary investigation bodies that damage the interests of creditors for 2020-2021, analyzed the judicial practice of applying Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation, studied the novelties of the criminal law from the point of view of the presence of legal gaps and collisions in their design, the ways of overcoming the imperfections of the criminal legislation in the field of suppressing criminal bankruptcy are proposed.

Keywords: criminal insolvency, illegal actions, damage to the interests of creditors, arbitration managers, controlling the debtor.

Spisok literatury:

1. Rossijskaya Federaciya. Konstituciya (1993). Konstituciya Rossijskoj Federacii: ofic. tekst. – M.: Prospekt, 2022. – 62 s. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Elektronnoe pravosudie: Kartoteka arbitrazhnyh del «Moj Arbitr»: sajt. – Moskva, 2022. – URL: https://ras.arbitr.ru (data obrashcheniya: 17.04.2022). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. – Tekst: elektronnyj.

3. Edinyj federal'nyj reestr svedenij o bankrotstve : sajt. – Moskva, 2022. - URL: https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2?attempt=1 (data obrashcheniya: 13.04.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. – Tekst: elektronnyj.
4. Portal pravovoj statistiki General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii: sajt. – Moskva, 2022. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (data obrashcheniya: 22.04.2022). – Rezhim dostupa: dlya zaregistr. pol'zovatelej. – Tekst: elektronnyj.
5. Sudebnaya statistika RF: ugolovnoe sudoproizvodstvo: dannye o naznachennom nakazanii po stat'yam UK: sajt. – Moskva, 2022. – URL: http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17 (data obrashcheniya: 13.04.2022). – Rezhim dostupa: dlya avtoriz. pol'zovatelej. – Tekst: elektronnyj.
6. Tihomirov, M.N. Posobie dlya izucheniya Russkoj pravdy / M.N. Tihomirov : izdanie Moskovskogo universiteta. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html (data obrashcheniya: 11.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
7. Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo: 100 glavnyh dokumentov Rossijskoj istorii: Sudebnik Ivana III: elektronnyj resurs. – Moskva, 2020. – URL: https://doc.histrf.ru/10-16/sudebnik-ivana-iii/ (data obrashcheniya: 12.04.2022). – Rezhim dostupa: dlya avtoriz. pol'zovatelej. – Tekst: elektronnyj.
8. Tihomirov, M.N. Posobie dlya izucheniya Sobornogo ulozheniya 1649 goda / M.N. Tihomirov : izdanie Moskovskogo universiteta. - 1961. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm (data obrashcheniya: 09.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
9. Nacional'naya associaciya «Bankrotnyj klub»: Ustav" o Bankrotah": elektronnyj resurs. – Moskva, 2019. – URL: https://bankruptcyclub.ru/2019/12/20/ustav1800/ (data obrashcheniya: 04.04.2022). – Rezhim dostupa: dlya avtoriz. pol'zovatelej. – Tekst: elektronnyj.
10. Tihomirov, M.N. Posobie dlya izucheniya Artikula voinskogo 1715 / M.N. Tihomirov : izdanie Moskovskogo universiteta. - 1958. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (data obrashcheniya: 04.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
11. Ugolovnoe ulozhenie : [prinyat 16 aprelya 1903 goda]. – Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. – Tekst : elektronnyj. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (data obrashcheniya: 04.04.2022).
12. O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) : Federal'nyj zakon № 127-FZ ot 26.10.2002. – Moskva : Kodeks, 2022. – 67 s. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Ob akcionernyh obshchestvah: Federal'nyj zakon № 208-FZ ot 26.12.1995. - Moskva : Kodeks, 2022. – 44 s. – Tekst: neposredstvennyj.
14. «Konsul'tantPlyus» [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29 iyunya 2021 g. N 21 g. Moskva "O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyah protiv interesov sluzhby v kommercheskih i inyh organizaciyah". – Elektronnye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/ (data obrashcheniya: 20.04.2022).
15. «Konsul'tantPlyus» [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21 dekabrya 2017 g. N 53 g. Moskva "O nekotoryh voprosah, svyazannyh s privlecheniem kontroliruyushchih dolzhnika lic k otvetstvennosti pri bankrotstve". – Elektronnye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (data obrashcheniya: 19.04.2022).
16. «Konsul'tantPlyus» [Elektronnyj resurs]: Obzor Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 29.01.2020 g. " Obzor sudebnoj praktiki razresheniya sporov, svyazannyh s ustanovlenie v procedurah bankrotstva trebovanij kontroliruyushchih dolzhnika i affilirovannyh s nim lic". – Elektronnye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344078/ (data obrashcheniya: 20.04.2022).
17. Metodicheskie rekomendacii po vyyavleniyu i presecheniyu prestuplenij v sfere ekonomiki i protiv poryadka upravleniya, sovershennyh storonami ispolnitel'nogo proizvodstva: [utv. FSSP Rossii 15.04.2013 N 04-4]. – Elektronnyj resurs. – Elektronnye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151139/ (data obrashcheniya: 19.04.2022).
18. Obzor sudebnoj praktiki primeneniya stat'i 195 UK RF: sbornik / Steshencev A., Efremov R., Dolotov R., Kolyadenko N., Mal'kova A. – Tekst: elektronnyj: [sajt]. – URL: https://arbitrageru.legal/analytics/view/195-2020 (data obrashcheniya: 18.04.2022).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 387-392.

УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Тюнин В. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы изучения планов национальных проектов, утверждённых Президентом Российской Федерации, полномочия и функции органов прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законодательства при их реализации на территории государства. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования национальных проектов, выявления органами прокуратуры проблемных направлений их реализации, освещения наиболее типичных нарушений, а также внесения предложений возможных путей решения выявленных проблем и устранения недостатков. В содержании статьи раскрывается особенности организации прокурорского надзора за деятельностью органов местного самоуправления по обеспечению законности при реализации национальных проектов, принятии ими действий и решений, оценка законности нормативных правовых актов.

Ключевые слова. Национальные проекты, прокурорский надзор, «Образование», «Жилье», «Здравоохранение, городская среда.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, в первую очередь, постоянно возрастающим вниманием к такому механизму, как национальные проекты, как со стороны государства, так и общества в целом. Начиная с 2005 г., когда были определены первые основные сферы общественной жизни, нуждающиеся в поддержке и развитии, и вплоть до 2018 г., когда произошли наиболее масштабные изменения, контроль и надзор за соблюдением законности при их исполнении являлся одной из приоритетных задач, как специализированных государственных органов, так и прокуратуры, соответственно. Кроме того, данному вопросу посвящен специальный Приказ Генерального прокурора Российской Федерации, в котором указывается, что надзор за реализацией национальных проектов осуществляется в целях обеспечения и поддержания законности, защиты государственных интересов, прав и свобод человека и гражданина, а также – содействия решению масштабных задач по научно-техническому и социально-экономическому развитию России в целом. Особенно подчеркивается тот факт, что реализация данных проектов потребует принятия значительного количества нормативны правовых актов, напрямую затрагивающих права и свободы граждан, и расходования денежных средств в достаточно больших количествах. Что делает указанное направление потенциально уязвимым для возникновения фактов злоупотреблений, растрат, наложения незаконных ограничений и запретов, осуществления преступных действий, и потому надзор за ним является приоритетным для органов прокуратуры.

Исходя из описанного, целью данного исследования является изучение прокурорского надзора за деятельностью органов местного самоуправления по обеспечению законности при реализации национальных проектов на предмет, а также осве-

щение наиболее проблемных вопросов.

Реализация поставленной цели обусловила необходимость решения таких основных задач как: рассмотреть правовое регулирование реализации национальных проектов; собрать и проанализировать статистические данные о работе органов прокуратуры по рассматриваемому вопросу; выявить проблемные стороны, осветить наиболее типичные нарушения; предложить возможные пути решения выявленных проблем и устранения недостатков.

После принятия Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ № 172) повсеместно доминировало ожидание его практической реализации, в том числе в части завершения работы над его ключевыми документами, прежде всего, основополагающей Стратегией социально-экономического развития страны, многочисленные инициативные проекты которой многократно обсуждались экспертами на различных площадках.

В итоге появилась не стратегия, а национальные проекты. В самом Федеральном законе № 172-ФЗ нет указаний на национальные проекты, как на документы стратегического планирования. Это вызывает неоднозначность в понимании их места в данной системе управления. Или это альтернатива всем иным документам стратегического планирования как федерального, так и регионального уровня; или некий каркас целеуказания, который должен быть далее расширен и конкретизирован, в том числе и до уровня Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации. В конце концов, по мнению О. Б. Иванова и Е. М. Бухвальда «национальные проекты могут быть поняты как новая форма структуризации государственных программ по приоритетным направлениям хозяйственного и социального развития страны» [2, с. 38].

Программа приоритетных национальных проектов (далее – ПНП) впервые была сформулирована Президентом РФ 5 сентября 2005 г. в обращении к Правительству, Парламенту и руководителям регионов. В качестве приоритетных направлений повышения качества жизни граждан России главой государства выделены сферы, от которых зависит социальное благополучие общества: здравоохранение, образование, жилье, сельское хозяйство, наука, предпринимательство, цифровая экономика, и так далее. Эти сферы определяют качество жизни каждого человека и в совокупности формируют образованную, здоровую и благополучную нацию.

Для разработки мер, направленных на реализацию Плана национальных проектов, Указом Президента РФ от 21 октября 2005 г. был образован Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. В соответствии с Указом Совет рассматривал концептуальные основы, цели и задачи приоритетных национальных проектов и демографической политики, определяет способы, формы и этапы их реализации, проводит анализ практики реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики и подготовку предложений по ее совершенствованию.

В соответствии с этим, был принят Приказ Генерального прокурора РФ от 19 января 2007 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации приоритетных национальных проектов». В нем указывалось, что на прокуроров субъектов Федерации, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров других специализированных прокуратур, возложена персо-

нальная ответственность за организацию прокурорского надзора за исполнением законодательства в указанной сфере.

В 2014 году Указ был отменен, а новым Указом Президента Российской Федерации от 30.06.2016 № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам» [3] Совет был преобразован в одноименный с названием акта орган. Указом Президента Российской Федерации от 19.07.2018 № 444 «Об упорядочении деятельности совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации» в названии Совета фраза «приоритетным проектам» была заменена на «национальным проектам» и им же было утверждено новое положение [4].

Реагируя на происходящие изменения, первоначальный Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 11 был признан утратившим силу в 2014 году, и взамен него принят Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» [5]. Его положения точно также предписывают возложить персональную ответственность за организацию прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов возложить на прокуроров субъектов Российской Федерации, приравненных к ним военных прокуроров и иных специализированных прокуроров.

Говоря о самих национальных проектах, представляется важным отметить, что на 2021 г. их существует 14, в каждом из которых выделяются от 3 до 10 направлений, являющихся принципиальными для реализации конкретного проекта. Реализацией их предписаний занимаются различные органы власти, а также, частично, органы местного самоуправления.

Говоря о прокурорском надзоре за деятельностью органов местного самоуправления по обеспечению законности при реализации национальных проектов представляется важным отметить, что он является одной из форм взаимодействия между указанными органами. Несмотря на тот факт, что данный процесс имеет односторонний характер – активные действия осуществляются со стороны прокуратуры, в виде проведения проверок с целью выявить нарушения, а также реагирования на них соответствующим образом, его все равно целесообразно рассматривать в пределах более широкой концепции – «взаимодействия».

Рассматривая конкретные национальные проекты и проблемы в их реализации, представляется разумным начать с такого, как «Жилье и городская среда». Данный проект напрямую связан с такой сферой, как закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о долевом жилищном строительстве. По обоим направлениям органами прокуратуры осуществляется надзорная деятельность, и, согласно статистике за 2018-2019 года нарушения все равно имеют место быть. Так, в 2019 г. при надзоре за проведением закупок прокурорами выявлено 8104 нарушения и принесено 936 протестов, направлено 105 исков, внесено 2215 представлений, против 8562 нарушений, 671 протеста, 130 исков и 2134 представлений за 2018 год, соответственно. Несмотря на положительную динамику, говорящую о постепенном улучшении ситуации по снижению количества общих выявленных нарушений, количество протестов возросло почти на 40 %, представлений – почти на 4 [6]. Основные проблемы связаны с нарушениями в нормативных правовых актах местного уровня, что заметно исходя из количества про-

тестов, например в постановлениях глав муниципальных образований, администраций или глав администраций. Как правило, это предоставление гражданам и юридическим лицам земельных участков без проведения торгов или ненадлежащим должностным лицом; не установление предельных минимальных и максимальных размеров земельных участков, предоставляемых гражданам в собственность для индивидуального жилищного строительства или установление таковых с нарушением федерального законодательства; изменение перечня документов, предоставляемых заявителем для участия в аукционе в сторону его усложнения с целью не допустить до участия тех или иных субъектов. Очень частыми являются нарушения, связанные с выдачей разрешения на осуществление строительства в рамках реализации одного из положений национального проекта «Жилье и городская среда», предусматривающих серьезное увеличение объемов жилищного строительства в России вплоть до 2030 г. Нередко, разрешения выдаются без проведения соответствующей проверки документов заявителя, в нарушение или обход конкурсных процедур, игнорируется мнение местных жителей [7].

Также проблемой, вызывающей постоянный общественный резонанс, является ситуация с незаконным изменением категории земли - выведением ее из парковых зон, массовая вырубка зеленых насаждений в ходе работ, в том числе и «случайно» в соседних областях с непосредственным местом строительства. Установленные законом публичные слушания проводятся с многочисленными нарушениями, в неудобное для граждан время, когда большая часть людей находятся на работе или по иным причинам не могут явиться, либо таковые проходят исключительно «на бумаге», тогда как по факту их не существовало.

Не менее проблематичным является и надзор за соблюдением прав несовершеннолетних, права и интересы которых затрагиваются сразу несколькими национальными проектами – «Образование», «Жилье», «Здравоохранение» и так далее. Согласно статистическим данным за 2019 г. при осуществлении надзора за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних, в целом, выявлено 673323 нарушения, принесено 59458 протестов, направлено 80385 исков и внесено 149273 представлений против, за 2018 г., 654736 выявленных нарушений, 53850 протестов, 77082 исков и 140893 представлений. Здесь, в отличии от надзора за проведением закупок, налицо достаточно негативная тенденция по возрастанию количества нарушений на 3%, и, вместе с тем, возрастающая активность органов прокуратуры, выражающаяся в увеличении количества протестов на 10%, исков на 4%, а представлений на 6%, что, учитывая столь значительные суммы, выражается в тысячах, а то и десятках тысяч [6].

Говоря о конкретных нарушениях, стоит отметить, что в сфере реализации проекта «Образование» чаще всего выявляются нарушения в части издания приказов об установлении размеров вознаграждения за классное руководство без учета районного коэффициента и процентной надбавки; нередки факты возложения обязанностей по выполнению функций классных руководителей по организации и координации воспитательной работы с обучающимися в классе без письменных согласий (заявлений) педагогических работников о возложении на них этих функций. Отдельно, достаточно часто нарушаются права детей-инвалидов, обучающихся в специальных центрах. Причем, нарушения связаны как конкретно с организацией самого образовательного процесса, например, недопуск детей к специальному оборудованию или

непредставление средств дистанционного образования, так и в целом при несвоевременном размещении заказов на закупку необходимого оборудования.

При реализации проекта «Здоровье», к числу выявленных нарушений относятся факты отсутствие у отдельных медицинских учреждений лицензий, как на необходимые для реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» виды деятельности, так и в целом на те или иные направления. Особенно часты нарушения при проведении иммунопрофилактики населения в части дачи согласия родителей, законных представителей несовершеннолетних на проведение профилактических прививок, что выражается в вакцинации вопреки отсутствию такого согласия или даже вовсе без оповещения родителей или законных представителей. Актуальным являются и нарушения в части организации медицинского кабинета в общих образовательных учреждениях, где нередко отсутствуют необходимые лекарственные средства, не соблюдаются условия для их хранения, ведутся с нарушениями медицинские карты, либо таковые вовсе отсутствуют. Также, среди распространенных нарушений называется использование автотранспорта, поступившего в рамках нацпроекта «Здоровье», в личных целях.

В качестве вывода представляется возможным указать на то, что поставленные задачи успешно разрешены. Говоря о правовом регулировании вопросов, связанных с национальными проектами, необходимо, в первую очередь, назвать Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2005 г., которым был образован Совет при Президенте Российской федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике [8]. На данный момент указанный акт признан утратившим силу из-за принятия нового Указа Президента РФ от 30.06.2016 № 306 [9], которым Совет был несколько преобразован. Дополнительно, в рамках поддержания состояния законности и обеспечения соблюдении прав и свобод человека при реализации национальных проектов, было принято несколько Приказов Генерального прокурора РФ: в 2007 г., утратил силу на данный момент, и действующий – Приказ Генерального прокурора РФ от 14.03.2019 № 192 [5]. Помимо того, были изучены статистически данные о работе органов прокуратуры в части выявленных нарушений за 2018 и 2019 г., проведено их сравнительное исследование и выявлены основные нарушения при реализации нескольких наиболее масштабных проектов – «Жилье и городская среда», «Здравоохранение» и «Образование».

Полное устранение названных проблем не представляется возможным в связи с объективной невозможностью полностью искоренить коррупцию, использование государственной собственности в личных целях, а также регулировать всегда и во всем деятельность органов местного самоуправления со стороны органов прокуратуры.

Наилучшим путем минимизации и сглаживания последствий представляется выделение максимальной приоритетности для данного направления, тем более, что оно нередко пересекается с другими видами надзора, например, за соблюдением прав несовершеннолетних или за исполнением законодательства о закупках для государственных и муниципальных нужд.

Список литературы:

1.Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 26 (часть I). - Ст. 3378.
2.Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП. -

2019. - №1. - С. 38;
3.Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2016 № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. - № 27 (часть III). - Ст. 4459;
4. Указ Президента Российской Федерации от 19.07.2018 № 444 «Об упорядочении деятельности совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. - № 30. - Ст. 4717.
5.Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» // Законность. - 2019. - № 5.
6.Статистические данные сайта прокуратуры Республики Крым. [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_91/activity/statistics (дата обращения: 29.06.2022).
7.Информация прокуратуры Республики Крым от 21.10.2021 [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_91/activity/statistics (дата обращения: 29.06.2022).
8.Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2005 г. № 1226 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2005, № 43, ст. 4374).
9.Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2016 № 306 (ред. от 19.07.2018) «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам».

Tyunin V.A. Actual problems of prosecutorial supervision over the activities of local self-government bodies to ensure the rule of law in the implementation of national projects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 387-392.

The article deals with the implementation of plans of national projects approved by the President of the Russian Federation, the powers and functions of the Prosecutor's office to exercise prosecutorial supervision over the implementation of legislation when they are implemented on the territory of the state.

Particular attention is paid to the issues of legal regulation of national projects, identification by the prosecutor's office of problematic areas of their implementation, highlighting the most typical violations, as well as making proposals for possible ways to solve the identified problems and eliminate shortcomings.

The content of the article reveals the specifics of the organization of prosecutorial supervision over the activities of local self-government bodies to ensure legality in the implementation of national projects, their actions and decisions, assessment of the legality of regulatory legal acts.

Keywords. National projects, prosecutor's supervision, "Education", "Housing", "Healthcare, urban environment.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. - 2014. - № 26 (chast' I). - St. 3378.
2. Ivanov O.B., Buhval'd E.M. Nacional'nye proekty Rossii: regional'noe izmerenie // ETAP. - 2019. - №1. - S. 38;
3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.06.2016 № 306 «O Sovete pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. - 2016. - № 27 (chast' III). - St. 4459;
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.07.2018 № 444 «Ob uporyadochenii deyatel'nosti soveshchatel'nyh i konsul'tativnyh organov pri Prezidente Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2018. - № 30. - St. 4717.
5. Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 14.03.2019 № 192 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva pri realizacii nacional'nyh proektov» // Zakonnost'. - № 5. - 2019.
6. Statisticheskie dannye sajta prokuratury Respubliki Krym [Elektronnyj resurs] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_91/activity/statistics (data obrashcheniya: 29.06.2022).
7. Informaciya prokuratury Respubliki Krym ot 21.10.2021[Elektronnyj resurs] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_91/activity/statistics (data obrashcheniya: 29.06.2022).
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 oktyabrya 2005 g. № 1226 «O Sovete pri Prezidente Rossijskoj Federacii po realizacii prioritetnyh nacional'nyh proektov» (Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2005, N 43, st. 4374);
9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.06.2016 N 306 (red. ot 19.07.2018) «O Sovete pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam».

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 393-401.

УДК 349.2

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ В НОРМАТИВНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВНЕШНЕМУ САНКЦИОННОМУ ДАВЛЕНИЮ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Чуча С. Ю.

ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»

В статье предпринята попытка исследовать отдельные полномочия сторон социального партнерства федерального уровня по формированию нормативной базы трудового права и противодействию внешнему санкционному давлению недружественных государств. Рассматривается практика деятельности Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений по согласованию проектов федеральных нормативных актов в сфере труда и занятости. Предпринят анализ действий Правительства РФ по противодействию неблагоприятным последствиям внешнего санкционного давления на рынок труда, трудовые и социально-обеспечительные отношения.

На примере рассмотрения РТК проекта постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий Фондом социального страхования Российской Федерации в 2022 году из бюджета Фонда социального страхования Российской Федерации юридическим лицам, включая некоммерческие организации, и индивидуальным предпринимателям в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан», расширяющего перечень категорий граждан-участников мероприятий по стимулированию занятости отдельных категорий граждан в 2022 г., показан результат согласования позиций Правительства, общероссийских объединений профсоюзов, общероссийских объединений работодателей, представленных в постоянно действующем органе социального партнерства.

Ключевые слова: трудовое право; социальное партнерство; РТК; соглашение; нормативный акт; санкции; недружественные государства; занятость; безработные; беженцы.

Обновленная Конституция Российской Федерации расширила границы социального партнерства далеко за пределы сферы труда. Согласно статье 75.1 Конституции, в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Сравните с пунктом е.4 ст. 114, согласно которому Правительство Российской Федерации обеспечивает реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Речь в указанных нормах Конституции РФ идет о разных правовых явлениях - социальном партнерстве в сфере труда как части социального партнерства в общественных отношениях в целом [1, с. 40-44; 2; 3].

Представляется, что механизм, принципы социального партнерства могут быть перенесены из трудовых отношений и в иные сферы общественного бытия, которые от этого только выиграют [4; 5]. Но дело в том, что действующая формализованная система социального партнерства в России на сегодняшний день одна – и это партнерство в социально-трудовой сфере. На федеральном уровне эту систему согласования интересов венчает Российская трёхсторонняя комиссия по регулированию

социально-трудовых отношений (далее – РТК) и регулярно заключаемое Генеральное соглашение.

Согласно п. 3-4 ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ, основными задачами РТК являются, в частности, проведение консультаций по вопросам, связанным с разработкой проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области социально-трудовых отношений, федеральных программ в сфере труда, занятости населения, миграции рабочей силы, социального обеспечения и согласование позиций сторон по основным направлениям социальной политики. Реализовать эти задачи позволяют закрепленные п. 2, 8 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ права РТК разрабатывать и вносить в федеральные органы государственной власти в согласованном с ними порядке предложения о принятии федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области социально-трудовых отношений и принимать по согласованию с Правительством Российской Федерации участие в подготовке разрабатываемых им проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области социально-трудовых отношений, а по согласованию с комитетами и комиссиями палат Федерального Собрания Российской Федерации – в предварительном рассмотрении ими законопроектов и подготовке их к рассмотрению Государственной Думой. Решение РТК считается принятым, если за него проголосовали все три стороны в комиссии – представители общероссийских объединений профсоюзов, общероссийских объединений работодателей и Правительства РФ (ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ).

Одной из версий регулярно дополняемого новыми мероприятиями в зависимости от выявляемых рисков и потребностей Плана первоочередных действий Правительства РФ по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления в части социальной поддержки, в том числе поддержки рынка труда, предусмотрен [6] не только еженедельный мониторинг рынка труда и смягчение временных мер по регулированию правового положения иностранных граждан (отраслевых специалистов), введенных на период преодоления последствий распространения коронавирусной инфекции. Массовая трудовая миграция неквалифицированных кадров должна при этом иссякнуть сама собой вслед за исчезновением экономических оснований в условиях изменения курса мировых валют, и уж во всяком случае не требует стимулирования со стороны государства и бизнеса, равно как и внутреннего давления на рынок труда.

Более эффективным станет и второй пакет мер Правительства РФ: организация и проведение общественных работ до трех месяцев для 300 тыс. чел.; поддержка до трех месяцев работников неполной занятости в виде компенсации части заработной платы трудящимся с неполной рабочей неделей для 500 тыс. чел.; организация переобучения, повышения квалификации и профессиональной переподготовки до 200 тыс. чел.; выплата пособий по безработице в условиях роста численности безработных граждан (без изменения размера); индексация размеров пособий, включая детские, иных социальных выплат, пенсий, либо осуществление единовременных выплат отдельным категориям граждан. Теперь Правительство РФ вправе самостоятельно принимать решение об индексации пенсий и фиксированной выплаты к

страховой пенсии, установлении размера социальных доплат к пенсии, увеличении стоимости пенсионного коэффициента (статьи 2, 3 и 10 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]). Нетрудно заметить, что поддержку в виде организации возможности выполнения оплачиваемых общественных работ, компенсации разницы в заработной плате при неполной продолжительности рабочего времени и переподготовки за счет бюджета планируется оказать примерно миллиону граждан, последствия остального роста безработицы предполагается сглаживать увеличением числа лиц, получающих соответствующее пособие. Кроме того, необоснованным сокращениям численности работников будут препятствовать меры судебного преследования за умышленное банкротство недобросовестных работодателей, присоединившихся к санкциям против Российской Федерации [8].

Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в марте 2022 г., по данным Росстата, составила 74 500 тыс. человек, в том числе 71 400 тыс. человек (95,8 процентов рабочей силы) были заняты экономической деятельностью и 3 100 тыс. человек (4,1 процента) не имели доходного занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной организации труда (далее – МОТ) они классифицируются как безработные). По сравнению с февралём 2022 г. численность занятого населения в возрасте 15 лет и старше снизилась на 300 тыс. человек или на 0,4 процента (в феврале 2022 г. численность занятого населения составляла 71 700 тыс. человек). Численность безработных в возрасте 15 лет и старше не изменилась (в феврале 2022 г. численность безработных составляла 3 100 тыс. человек). По сравнению с мартом 2021 г. численность занятого населения в возрасте 15 лет и старше увеличилась на 442 тыс. человек или на 0,6 процентов (в марте 2021 г. численность занятого населения составляла 70 958 тыс. человек), численность безработных в возрасте 15 лет и старше снизилась на 957 тыс. человек или на 23,6 процентов (в марте 2021 г. численность безработных составляла 4 057 тыс. человек). Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше составил в марте 2022 г. 4,1 процента от численности рабочей силы и не изменился по сравнению с февралём 2022 г. По сравнению с мартом 2021 г. уровень безработицы снизился на 1,3 процентных пункта. Самый низкий уровень безработицы, определенный в соответствии с критериями МОТ, отмечается в Центральном федеральном округе (3,0 процента от численности рабочей силы), самый высокий – в Северо-Кавказском федеральном округе (11,4 процента).

По данным мониторинга Минтруда России на 19 мая 2022 г., 44 738 организаций с общей численностью 10,1 млн. человек заявили об изменении режимов занятости работников. В режиме неполного рабочего дня, неполной рабочей недели работали 1,2 процента общей численности работников, заявленных в мониторинг; в простое находились 1,4 процента; в отпуск без сохранения заработной платы отправлены 0,05 процентов; к увольнению предполагаются 0,6 процентов; на удаленной работе находятся 0,8 процентов от общей численности работников, заявленных в мониторинг [9].

Министерством труда и социальной защиты РФ 29 апреля 2022 г. на рассмотрение РТК был направлен проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий Фондом социального страхования Российской Федерации в 2022 году из бюджета Фонда социального страхования

Российской Федерации юридическим лицам, включая некоммерческие организации, и индивидуальным предпринимателям в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан» [10]. Проектом этого документа предполагается расширить перечень категорий граждан-участников мероприятий по стимулированию занятости отдельных категорий граждан в 2022 г. Так, предлагается включить в число участников:

безработных граждан, трудовой договор с которыми был прекращен в текущем году по основаниям, предусмотренным п. 1-2 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ);

работников, находившихся под риском увольнения, включая введение режима неполного рабочего времени, простой, временную приостановку работ, предоставление отпусков без сохранения заработной платы, проведение мероприятий по высвобождению работников, трудовой договор с которыми заключен в текущем году в порядке перевода от другого работодателя по согласованию между работодателями в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 77 ТК РФ;

граждан Украины, граждан Донецкой Народной Республики, граждан Луганской Народной Республики и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, получивших свидетельство о признании беженцем или получивших свидетельство о предоставлении временного убежища на территории РФ. Предоставление субсидий работодателям за трудоустройство предлагаемых категорий граждан предусматривается осуществлять Фондом социального страхования РФ в пределах средств, предусмотренных в бюджете Фонда на указанные цели в 2022 г.

Согласно финансово-экономическому обоснованию и пояснительной записке к проекту постановления Правительства РФ, общая численность участников мероприятий составит 75 тыс. человек. В период наибольшего пика напряженности на рынке труда в 2020 г., связанного с распространением новой коронавирусной инфекции, под риском увольнения находилось порядка 1,2 млн человек. Аналогичный прогноз возможен в 2022 г. в связи с внешним санкционным геополитическим и экономическим давлением недружественных стран. По оценкам Минтруда России, численность граждан, которым будет оказано содействие в трудоустройстве в рамках реализуемого мероприятия, может составить 5 процентов от указанной численности, что соответствует 60 тыс. человек. Расчетная численность участников мероприятий из числа граждан Российской Федерации, Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, получивших свидетельство о признании беженцем или получивших свидетельство о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации, составит порядка 15 процентов от численности граждан указанной категории (96 тыс. человек в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 349 «О распределении по субъектам Российской Федерации граждан Российской Федерации, Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территориях Украины, Донецкой Народной Республики,

Луганской Народной Республики, вынужденно покинувших территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке» [11]).

Объем средств на мероприятие по стимулированию найма отдельных категорий граждан составит порядка 4,5 млрд руб. при том, что выплачиваться субсидия работодателем будет тремя траншами: первый транш в размере 1 минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) по итогам первого месяца работы трудоустроенного гражданина, второй транш - 1 МРОТ по итогам четырех месяцев работы, третий транш - 1 МРОТ по итогам семи месяцев работы.

Среди всех органов исполнительной власти, привлеченных к разработке и согласованию проекта постановления Правительства РФ, первоначально проект не был поддержан Министерством финансов РФ. Основанием для отрицательного отзыва Минфина послужили следующие обстоятельства.

Планом первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления [12], одобренного на заседании Президиума Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций 15 марта 2022 г. (далее - План), уже предусмотрены необходимые меры, направленные на стабилизацию ситуации на рынке труда в связи с последствиями действий недружественных стран и международных организаций на российскую экономику. Предлагаемое проектом постановления мероприятие Планом не предусмотрено. В рамках первого этапа из резервного фонда Правительства РФ выделено 39,1 млрд рублей на реализацию мероприятий по организации временного трудоустройства работников, находящихся под риском увольнения, профессионального обучения и дополнительного профессионального образования работников, находящихся под риском увольнения (включая работников промышленных предприятий), а также безработных граждан в том числе под потребность работодателей, а также по организации оплачиваемых общественных работ ищущих работу и безработных граждан с сохранением выплаты пособия по безработице. Данные меры носят превентивный характер (большинство мероприятий), а также направлены на трудоустройство уже незанятых граждан. Их реализация позволит минимизировать негативные последствия складывающейся в настоящее время социально-экономической ситуации.

План кроме мероприятий, непосредственно связанных с рынком труда, включает также ряд отраслевых мер по дополнительной поддержке предприятий и организаций реального сектора экономики, в том числе системообразующих и иных, а также относящихся к малому и среднему предпринимательству, что также будет способствовать сохранению занятости работников. Дополнительно к предусмотренным Планом мерам, Указом Президента РФ от 16 марта 2022 г. № 121 «О мерах по обеспечению социально - экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации» [13] высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации поручено принять исчерпывающие меры по обеспечению социально - экономической стабильности, в том числе проведение оперативного мониторинга ситуации на рынке труда, реализацию мер проактивной поддержки занятости населения (включая организацию переобучения и повышения квалификации), оказание организациям, индивидуальным предпринимателям, самозанятым гражданам мер поддержки, в том числе адресной, в виде предоставления денежных средств, другого

имущества, иных льгот и преференций, включая установление особенностей закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд и нужд отдельных юридических лиц, в том числе для реализации проектов развития, оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам, содействия развитию внутренней трудовой миграции. В этой связи органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации также реализуются дополнительные меры, направленные на поддержку рынка труда, а также на содействие в трудоустройстве.

Кроме того, Минтрудом России утверждены и сопровождается применение (использование) методических рекомендаций для органов службы занятости населения субъектов Российской Федерации по организации превентивного мониторинга состояния рынка труда регионов при высвобождении работников и проведению мероприятий по содействию в трудоустройстве и социальной адаптации высвобождаемых работников. Таким образом, по мнению Минфина России, в настоящее время целесообразно реализовывать мероприятия, направленные на сохранение существующей занятости работников организаций и упреждающие увеличение напряженности на рынке труда, в том числе в рамках уже предусмотренных мер, а не предлагаемые проектом постановления. Обращается внимание, что по данным мониторинга Минтруда России, осуществляемого на ЕЦП «Работа в России», в марте текущего года существенного увеличения численности граждан, предполагаемых к увольнению, не наблюдается. Численность таких граждан по состоянию на 21 марта 2022 г. составляет 58,8 тыс. человек, что в 2 раза меньше чем в декабре 2021 г. Численность граждан, находящихся под риском увольнения, в целом по состоянию на 21 марта 2022 г. составила 276,6 тыс. человек, что также в 2 раза меньше аналогичного показателя декабря 2021 г. Что касается мероприятий по субсидированию найма, предусмотренных Правилами в 2021 г., то в бюджете ФСС на 2021 г. на предоставление субсидий были предусмотрены бюджетные ассигнования в объеме 12,0 млрд рублей. Кассовое исполнение расходов по состоянию на 1 января 2022 г. составило всего 0,85 млрд рублей или 7 процентов от предусмотренных средств. Органами службы занятости населения в 2021 г. выдано 293,1 тыс. направлений на работу безработным гражданам. По результатам выданных направлений принято на работу 36,0 тыс. человек или 12,3 процента от предлагаемых к трудоустройству.

В 2022 г. в бюджете ФСС на предоставление субсидий при трудоустройстве в текущем году граждан из числа молодежи предусмотрено 7,0 млрд рублей, при этом по состоянию на 29 марта 2022 г. кассовые расходы отсутствуют. Таким образом, по мнению Минфина России, итоги и ход реализации мероприятия свидетельствуют о его низкой востребованности со стороны работодателей и, соответственно, низкой эффективности и результативности [14].

Несмотря на разногласия внутри правительственной стороны РТК, на заседании РТК 27 мая 2022 г. проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий Фондом социального страхования Российской Федерации в 2022 г. из бюджета Фонда социального страхования Российской Федерации юридическим лицам, включая некоммерческие организации, и индивидуальным предпринимателям в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан» был согласован всеми тремя сторонами в РТК [15] – представителями социальных партнеров. Документом предлагается распространить программу субсидирования найма на граждан, потерявших работу в связи с сокращением, на соис-

кателей, которые находятся под риском увольнения, и на граждан, прибывших с территорий ДНР и ЛНР и получивших статус беженца или временное убежище на территории нашей страны. Социальные партнеры пришли к консенсусу, что это позволит организациям, нанимающим на работу таких сотрудников по направлению службы занятости, получать дополнительную помощь от государства в размере трёх минимальные размеров оплаты труда. Сейчас такую поддержку уже получают работодатели, трудоустраивающие соискателей в возрасте до 30 лет из числа уязвимых на рынке труда категорий. Программа субсидирования найма реализуется уже второй год и востребована работодателями.

Таким образом, Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений как постоянно действующий орган системы социального партнерства в очередной раз продемонстрировала свою состоятельность как субъекта, позволяющего достичь компромиссного решения представителей работников, работодателей и государства в лице Правительства РФ по наиболее важным и злободневным вопросам правового регулирования в сфере труда и социальной защиты граждан, поддержки субъектов трудовых отношений теперь уже и в вопросах нормативного обеспечения противодействия внешнему санкционному давлению недружественных государств.

Список литературы:

1. Хананашвили, Н.Л. Смутные времена социальной политики в России / Н.Л. Хананашвили, В.Н. Якимец. - М.: Интердиалект+, 1999. С. 40-44.
2. Дмитриев, А.В. Конфликтология: Учебное пособие. - М.: Гардарики, 2000. - 320 с.
3. Ховрин, А.Ю. Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики: дис. … д-ра социол. наук. М., 2010. - 357 с.
4. Чуча, С.Ю. Конституционализация и расширение юридического содержания понятия социального партнерства в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Том 5. № 3. С. 249-261. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).249-261.
5. Чуча, С.Ю. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений // Государство и право. 2022. № 1. С. 130-142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9.
6. План первоочередных действий Правительства РФ по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления [Электронный ресурс] // [Режим доступа] URL: http://chernigovka.org/node/5108 (дата обращения 11.03.2022 г.).
7. Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // [Режим доступа] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203080001 (дата обращения 10.03.2022 г.).
8. Правительство России примет меры для поддержки занятости в связи с уходом иностранных компаний с российского рынка [Электронный ресурс] // [Режим доступа] URL: http://government.ru/news/44712/ (дата обращения 10.03.2022 г.).
9. Информация Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о ситуации на рынке труда Российской Федерации к очередному заседанию Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 20 мая 2022 г. № 16-2/10/П-3352 [Электронный ресурс] // [Режим доступа] URL: https://rtk.fnpr.ru/upload/iblock/bfb/5le2ye1s60pkfb1m0xagej9o1gs2jl99.pdf (дата обращения 30.05.2022 г.).
10. Проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий Фондом социального страхования Российской Федерации в 2022 году из бюджета Фонда социального страхования Российской Федерации юридическим лицам, включая некоммерческие организации, и индивидуальным предпринимателям в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан» [Электронный ресурс] // [Режим доступа] URL: https://rtk.fnpr.ru/events/zasedaniya-rtk/zasedanie-rtk-27-maya-2022-goda.html (дата обращения 30.05.2022 г.).
11. Постановление Правительства РФ от 12 марта 2022 г. № 349 «О распределении по субъектам Российской Федерации граждан Российской Федерации, Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, вынужденно покинувших территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и прибыв-

ших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1835.
12. План первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления, одобренный на заседании Президиума Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций 15 марта 2022 г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] URL: https://www.tks.ru/files/other/plan_pervoocherednych_deistvi_snkzii.pdf (дата обращения 30.05.2022 г.).
13. Указ Президента РФ от 16 марта 2022 г. № 121 «О мерах по обеспечению социально - экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1807.
14. Виноградова, Е. Власти предложили доплачивать работодателям за наем беженцев [Электронный ресурс] // [Режим доступа] URL: https://www.rbc.ru/economics/25/05/2022/628cb4cb9a7947427c7ebe4a?from=column_38 (дата обращения 30.05.2022 г.).
15. Официальный сайт Правительства РФ [Электронный ресурс] // [Режим доступа] URL: http://government.ru/news/45530/ (дата обращения 30.05.2022 г.).

Chucha S.Yu. Some aspects of the participation of social partners in the normative support of countering external sanctions pressure of unfriendly states // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 393-401.

The article attempts to explore some of the powers of the parties to the social partnership at the federal level in the formation of the regulatory framework for labor law and counteracting external sanctions pressure from unfriendly states. The practice of the Russian tripartite commission for the regulation of social and labor relations on the coordination of draft federal regulations in the field of labor and employment is considered.

An analysis was made of the actions of the Government of the Russian Federation to counteract the adverse effects of external sanctions pressure on the labor market, labor and social security relations. On the example of consideration by the RTC of a draft resolution of the Government of the Russian Federation "On Amendments to the Rules for Providing Subsidies by the Social Insurance Fund of the Russian Federation in 2022 from the budget of the Social Insurance Fund of the Russian Federation to legal entities, including non-profit organizations, and individual entrepreneurs in order to stimulate the employment of certain categories of citizens", expanding the list of categories of citizens participating in measures to stimulate the employment of certain categories of citizens in 2022, shows the result of coordinating the positions of the Government, all-Russian associations of trade unions, all-Russian associations of employers represented in the permanent body of social partnership.

Key words: labor law; social partnership; Russian tripartite commission; RTK; agreement; normative act; sanctions; unfriendly states; employment; unemployed; refugees.

Spisok literaturi:

1. Khananashvili N.L., Yakimets V.N. Smutnyye vremena sotsial'noy politiki v Rossii / N.L. Khananashvili, V.N. Yakimets. - M.: Interdialekt+, 1999. S. 40-44.
2. Dmitriyev A.V. Conflictology: Uchebnoye posobie. - M.: Gardariki, 2000. - 320 s.
3. Khovrin A.Yu. Sotsial'noye partnerstvo v sfere realizatsii molodezhnoy politiki: dis. … d-ra sotsiol. nauk. M., 2010. - 357 s.
4. Chucha S.Yu. Konstitutsionalizatsiya i rasshireniye yuridicheskogo soderzhaniya ponyatiya sotsial'nogo partnerstva v Rossiyskoy Federatsii // Pravoprimeneniye. 2021. Tom 5. № 3. S. 249-261. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).249-261.
5. Chucha, S.Yu. Sotsial'noye partnerstvo v sfere regulirovaniya trudovykh i inykh neposredstvenno svyazannykh s nimi otnosheniy // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 1. S. 130-142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9.
6. Plan pervoocherednykh deystviy Pravitel'stva RF po obespecheniyu razvitiya rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh vneshnego sanktsionnogo davleniya [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] URL: http://chernigovka.org/node/5108 (data obrashcheniya 11.03.2022 g.).
7. Federal'nyy zakon ot 8 marta 2022 g. № 46-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203080001 (data obrashcheniya 10.03.2022 g.).
8. Pravitel'stvo Rossii primet mery dlya podderzhki zanyatosti v svyazi s ukhodom inostrannykh kompaniy s rossiyskogo rynka [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] URL: http://government.ru/news/44712/ (data obrashcheniya 10.03.2022 g.).
9. Informatsiya Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii o situatsii na rynke truda Rossiyskoy Federatsii k ocherednomu zasedaniyu Rossiyskoy trekhstoronney komissii po regulirovaniyu sotsial'no-trudovykh otnosheniy ot 20 maya 2022 g. № 16-2/10/P-3352 [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] URL: https://rtk.fnpr.ru/upload/iblock/bfb/5le2ye1s60pkfb1m0xagej9o1gs2jl99.pdf (data obrashcheniya 30.05.2022 g.).

10. Proyekt postanovleniya Pravitel'stva RF «O vnesenii izmeneniy v Pravila predostavleniya subsidiy Fondom sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii v 2022 godu iz byudzheta Fonda sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii yuridicheskim litsam, vklyuchaya nekommercheskiye organizatsii, i individual'nym predprinimatelyam v tselyakh stimulirovaniya zanyatosti otdel'nykh kategoriy grazhdan» [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] URL: https://rtk.fnpr.ru/events/zasedaniya-rtk/zasedanie-rtk-27-maya-2022-goda.html (data obrashcheniya 30.05.2022 g.).
11. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 12 marta 2022 g. № 349 «O raspredelenii po sub"yektam Rossiyskoy Federatsii grazhdan Rossiyskoy Federatsii, Ukrainy, Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoy Narodnoy Respubliki i lits bez grazhdanstva, postoyanno prozhivayushchikh na territoriyakh Ukrainy, Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoy Narodnoy Respubliki, vynuzhdenno pokinuvshikh territorii Ukrainy, Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoy Narodnoy Respubliki i pribyvshikh na territoriyu Rossiyskoy Federatsii v ekstrennom massovom poryadke» // SZ RF. 2022. № 12. St. 1835.
12. Plan pervoocherednykh deystviy po obespecheniyu razvitiya rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh vneshnego sanktsionnogo davleniya, odobrennyy na zasedanii Prezidiuma Pravitel'stvennoy komissii po povysheniyu ustoychivosti rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh sanktsiy 15 marta 2022 g. [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] URL: https://www.tks.ru/files/other/plan_pervoocherednych_deistvi_snkzii.pdf (data obrashcheniya 30.05.2022 g.).
13. Ukaz Prezidenta RF ot 16 marta 2022 g. № 121 «O merakh po obespecheniyu sotsial'no - ekonomicheskoy stabil'nosti i zashchity naseleniya v Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2022. № 12. St. 1807.
14. Vinogradova Ye. Vlasti predlozhili doplachivat' rabotodatelyam za nayem bezhentsev [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] URL: https://www.rbc.ru/economics/25/05/2022/628cb4cb9a7947427c7ebe4a?from=column_38 (data obrashcheniya 30.05.2022 g.).
15. Ofitsial'nyy sayt Pravitel'stva RF [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] URL: http://government.ru/news/45530/ (data obrashcheniya 30.05.2022 g.).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 402-407.

УДК 343.221

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» В ЦЕЛЯХ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Шишина Е. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены проблемы вовлечения граждан в экстремистскую деятельность и распространения радикализма посредством использования современных информационно-телекоммуникационных систем. Перечислены коммуникационные веб-платформы, используемые экстремистскими организациями, а также формы пропагандистских материалов.

Охарактеризована вербовочная деятельность как многоступенчатый характер система последовательных этапов, каждый из которых служит средством достижения конечной цели. Рассмотрены способы и механизм психологического воздействия на лиц при вовлечении их в экстремистскую деятельность. Охарактеризованы этапы вовлечения в экстремистскую деятельность. Рассмотрена предполагаемая мотивация таких лиц, способствующая вовлечению в экстремистскую деятельность и лиц более подверженных к информационно-психологическому воздействию со стороны экстремистов.

Рассмотрены демографические, социальные, нравственно-психологические характеристики личности вербовщика

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, вербовка, информационно-психологическое воздействие.

На современном этапе развития человечества проблема экстремизма сохраняет свою актуальность, сохраняются и тенденция к дальнейшему распространению радикализма среди отдельных групп населения – преимущественно молодежи.

Ряд государств, как инструмент передела мирового господства, используют методы поддержки и стимулирования деструктивной деятельности посредством деятельности иностранных или международных неправительственных организаций. Деятельность указанных организаций направлена на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации, попытки осуществления посягательств на единство и территориальную целостность Российской Федерации, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также содействие деятельности международных экстремистских и террористических организаций, посредством распространения экстремистской идеологии и радикализма в обществе.

Популяризация приемлемости разрешения конфликтов и достижения поставленных целей путем применения насилия угрожает государственной и общественной безопасности ввиду усиления агрессивности и увеличения масштабов пропаганды экстремистской идеологии в обществе.

Основным средством связи, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии и привлечения в свои ряды новых членов стали информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет». Реализуя цели рекрутирования в состав экстремистских организаций используются не только информационные сайты экстремистов и террористов, но и коммуникационные веб-платформы: чаты, блоги, социальные сети, IP-телефония, мессенджеры и электронная почта.

Обычно пропагандистские материалы имеют форму мультимедийных коммуникаций, содержащих идеологические и практические наставления, разъяснения, оправдание или рекламу экстремистских и террористических действий. К ним могут относиться виртуальные сообщения, презентации, журналы, аудио- и видеофайлы, а также электронные игры, разрабатываемые экстремистскими организациями или их сторонниками.

Различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также вовлечения новых сторонников экстремистской идеологии [4]. Распространение экстремистской идеологии не ограничивается лишь распространением идей, а содержит набор конкретных установок, наставлений, разъяснений, рекомендаций, направленных на решение сложных социальных, экономических, политических, национальных иных проблем простыми радикальными, насильственными мерами. Указанные действия способствуют созданию психологической почвы для радикализации и вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность либо пособничество такой деятельности. Как результат – формирование лояльно настроенной массы индивидов, которая при определенных условиях может оказывать активную поддержку экстремистским и террористическим организациям.

Вербовочная деятельность, как разновидность социальной деятельности имеет структуру, цель, инструменты и ожидаемые результаты. Подбирая плодотворную почву для вербовки важное значение представляет изучение личности жертвы информационно-психологического воздействия. Разрабатывая сценарий вовлечения лица в экстремистскую идеологию, как правило учитывается социальный запрос личности, её мотивация при вовлечении в экстремистскую деятельность. Мотивация личности представлена таким образом: 1) попытка самоутверждения; 2) возможность самоидентификации; 3) молодежная романтика (в большей степени касается представителей женского пола); 4) героизм (в большей степени касается представителей мужского пола); 5) придание своему существованию особой значимости; 6) преодоление отчуждения, конформизма, стандартизации, маргинальности, пресыщения и т. п. [9, с. 75-89]. Не редким является и наличие корыстных мотивов, которые могут вытеснять идейные или переплетаться с ними. Основным мотивом считается «идейный абсолютизм», «железные» убеждения в обладании единственной, высшей, окончательной истиной, уникальным рецептом спасения своей субкультуры или даже человечества. Некоторым присущ нарциссизм, который, не получая должного удовлетворения, ведет к недостаточному чувству самоуважения. При нарциссических установках личность все причины своих неудач и ошибок видит только в окружающем их обществе, они уверены, что все эти причины никак не могут быть порождением их собственной группы или их самих.

Лицам, склонным к совершению преступлений экстремистской направленности также свойственна нетерпимость к тем, кто думает иначе, они исключают всякую критическую мысль и свободу выбора. Следствием данных действий является узость и односторонность взглядов, которая ведет к максималистской абсолютизации частного, совершенно не учитывающего другие позиции и представления.

При подборе так называемой «жертвы» психологического воздействия может

использоваться кибербуллинг (кибериздевательства). Это способ представляет собой психологическую атаку, которая происходит в социальных сетях посредством ряда следующих действий: неоднократные сообщения с угрозами; публикация фотографий и видеоматериалов представителей молодежи, которые они не хотели бы, чтобы стали достоянием широкого круга посторонних лиц и т. д. [2, с. 63-65].

Не секрет, что вербовка в экстремистские и террористические организации осуществляется специально подготовленными специалистами, обладающими знаниями в области психологии, в том числе и различными психотехниками. Рассмотрим особенности так называемых пропагандистов экстремистской идеологии [1].

Личность вербовщика в экстремистские ячейки нельзя отождествлять с определенной религией, полом, национальностью, гражданством, тем не менее, она имеет определенные признаки. Так, например, мнение о том, что вербовщиками становятся только лица мужского пола– ошибочно. Практике известны случаи, когда вдовы, матери, сестры убитых боевиков участвовали в вербовочной деятельности, являясь носителями псевдоисламской идеологии и преисполненные чувства мести. В Северо-Кавказском регионе продолжает существовать практика, когда женщины продолжают заниматься террористической или экстремистской деятельностью после уничтожения своего близкого родственника в ходе контртеррористической операции. Они самостоятельно создают общественные организации и объединения, деятельность которых направлена на пропаганду непринятия существующего государственного строя и порядка управления. Например, данные организации формируют у общества негативное мнение о работе правоохранительных органов и т.д. Имеется мнение, что вербуемые лица наиболее предрасположены к установлению контакта с лицом противоположного пола, тем не менее данное правило не является определяющим, поскольку большинством вербующих являются все-таки мужчины в молодом возрасте (до 35 лет).

Рассматривая образовательный уровень вербовщика, следует сказать, что в основном вербовщики, в отличие от боевиков более образованы (неполное среднее образование менее, чем у 30%) [10]. Поскольку активным боевикам образование ни к чему. Их обучают основам тактики, боевой подготовке, боевым искусствам, в то время, как вербовщики развивают интеллект, навыки коммуникации, установления психологического контакта с вербуемыми и другие навыки, необходимые для успешной вербовки лиц. Реальность диктует вербовщикам такие требования, как необходимость знания психологических приемов и методик, определения потенциальной жертвы, поэтому личность вербовщика можно охарактеризовать как лицо, обладающее специальными знаниями в области психологии. При этом отметим, что вербовщики обладают высоким уровнем коммуникативных, организаторских способностей, нестандартными методами убеждения и «вживления» своей идеологии.

Важное значение при характеристике личности пропагандиста-экстремиста имеют нравственно-психологические черты. Чаще всего у данных лиц трагическая судьба (смерть близкого для них человека, тяжелое заболевание). Нередко присутствует и меркантильный мотив, когда вербовщики испытывают острую потребность в финансовой поддержке для себя или своей семьи. Нередко указанная категория лиц имеет криминальное прошлое. Наблюдается деформация этических идеалов и принципов человеческой жизни (честность, уважение к старшему поколению, патриотизм, трудолюбие) – изменены на противоположные качества и принципы, мо-

ральные и нравственные ценности (совесть, стыд) им чужды. Вовлечение в экстремистские и террористические группы новых приверженцев, лицами, ранее судимыми за совершение указанной категории преступлений, порой становится потребностью, необходимость в удовлетворении которой с каждым разом только растет, что дает нам возможность судить об устоявшихся экстремистских взглядах и убеждениях. Помимо вышеперечисленного, с нравственной стороны экстремистов-пропагандистов отличает аморальный образ жизни, эгоизм. Они дорожат своей жизнью и полностью пренебрегают жизнью других. Данная категория лиц довольно агрессивна, они жестоки и хладнокровны, мстительны и расчетливы. Экстремисты-пропагандисты являются садистами по своей натуре, склонны к непредсказуемым действиям, в том числе, издевательским, а также к наведению страха на окружающих, насилию и физическому уничтожению лиц, которых считают своими «врагами». Потребность в систематическом переживании сильных аффективных состояний позволяет экстремисту-пропагандисту временно снизить свои эмоциональные переживания. Данные лица обладают любовью к себе как к исполнителю действий экстремистского и террористического характера, они гордятся тем, во что верят и что совершают.

Процесс вербовки имеет многоступенчатый характер и представляет собой систему последовательных этапов, каждый из которых служит средством достижения конечной цели. Существуют различные мнения по поводу содержания процесса вербовки. Выделяется первоначальный (подготовительный), исполнительный и заключительный.

Первоначальный этап носит информационно-оценочный характер, как со стороны идеологов и руководителей экстремистских организаций, так и со стороны потенциальной «жертвы»: распространение информации, оценка степени её влияния и корректировка, а также оценка информации в ходе её восприятия пользователями.

Непосредственное вовлечение происходит на втором этапе, когда радикальные идеи приобретают характер убеждений в сознании вовлекаемого лица и обеспечение готовности к активным действиям («радикализация»). Исследователь Крис Хеффельфингер предложил модель радикализации, охватывающую четыре стадии: 1) введение в экстремистскую идеологию; 2) погружение в «тип мышления и образ мыслей» данной идеологии; 3) разочарование бездействием других приверженцев идеологии; 4) решимость осуществить насилие во имя утверждения идеи [6].

Завершающий этап предполагает готовность к практическим действиям по реализации воспринятых идей экстремисткой пропаганды и сформировавшихся мотивировок: планирование конкретных акций, приискание средств совершения преступлений, изучение условий, при которых будет совершено преступление и т.д. На завершающем этапе происходит самоопределение личности индивида как последователя радикальной идеологии и сторонников экстремистских методов её реализации.

Сеть «Интернет» выступает в роли катализатора, предоставляя вербовщикам возможность анонимно общаться с жертвами. Состояние идеологического вакуума современного общества, заполнение идеологического пространства радикальными объединениями путем бесконтрольного использования системы «Интернет», служащей площадкой для обращения к аудитории напрямую, возможность бесконтрольного использования нелегитимных технологий управления и манипуляции по-

ведением человека и социальных сообществ создают дополнительные благоприятные условия для распространения экстремистской идеологии [3, с.106]. На сегодняшний день достижения информационных технологий широко используются для упрощения, удешевления и эффективности вовлечения и завуалированной координации экстремистских акций.

Совокупная аудитория «Интернета» обеспечивает экстремистским организациям глобальный резерв потенциальных новобранцев. Сеть «Интернет» переполнена контентном, содержащим информацию, оказывающую психологическое и идеологическое влияние на сознание; информацией для поиска ресурсов, средств, инвестиций, резервов и сторонников экстремистских акций; информацией о картах, схемах, планах, местах особо опасных объектов, ядовитых и других веществ, боеприпасов и тому подобное, их приобретения, изготовления и последующего использования и т.д. [5, с.113-118].

Основная задача информационных операций заключается в манипулировании массовым сознанием, преследуя различные цели: внесение в сознание террористических и экстремистских идей и взглядов; дезориентация и дезинформация личности; ослабление антитеррористических и антиэкстремистских убеждений; запугивание в киберпространстве и т.д. [8, с. 1-13]. Как правило вербовка осуществляется при помощи фальшивых аккаунтов в социальных сетях посредством психологического воздействия на молодежь [7, с. 32-34]. Это связано с тем, что виртуальный мир работает быстрее и безопаснее, чем традиционные массмедиа. Таким образом, использование интернет-технологий террористическими и экстремистскими организациями с целью распространения своей идеологии в кругу молодежи значительно затрудняет дальнейшую возможность их выявления и ликвидацию сетевых центров.

Умело играя на чувствах верующих, а также на человеческих потребностях они вовлекают в преступную деятельность новых и новых последователей. Идеологическое противодействие экстремизму с копированием старых форм идеологической работы не оказывает эффективного воздействия и значительно проигрывает наступательной экстремизации населения. Для осуществления противодействия преступным элементам необходимо разрабатывать действенные превентивные меры, а также проводить соответствующую репрессивную политику в отношении лиц, уже уличенных в такой деятельности. Все это на благо цивилизованного и процветающего общества, лишенного насилия и радикальных движений.

Список литературы:

1. Алдохина В.В. Субъект в преступлениях экстремистской направленности и криминологические признаки личности преступника, совершающего эти деяния // ЮП. 2017. №1 (80). С. 54-58.
2. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник ГУУ. 2018. №2. С. 63-65.
3. Иванов С.И, Шишина Е.А. Проблемы профилактики радикального религиозного экстремизма и некоторые направления их решения в современных условиях // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., 12 окт. 2018 г. / редкол.: А.А. Сафронов, В.В. Стукалов, К.В. Бедарев, А.Г. Белый, А.Ю. Петухов, А.Н. Горбунов, А.В. Алехин, А.Э. Добросмыслов, Д.Б. Данилов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. – С. 100–107.
4. Колесникова И.Е., Шишина Е.А. Призыв: юридический и лингвистический аспект.
5. Луговенко Т.С. Криминологические технологии изучения масштабов и механизмов вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность // Общество и право. 2017. №4 (62). С. 113-118.

6. Радикализация и насилие в интернете. Интервью с директором Центра изучения террористической радикализации Давидом Гартенстайн-Россом//Российский совет по международным делам. http: // russiancouncil/ru (дата обращения 03.06.2022).
7. Рудик М.В., Волков Д.В. Социальные сети как средство распространения экстремизма // Вестник КрУ МВД России. 2017. №2 (36). С. 32-34.
8. Седых Н.С. Современный терроризм и молодежь: проблемы информационно-психологического противодействия // Мусульманский мир. 2017. №2. С. 1-13.
9. Столяренко А.М. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия// Психология и право. 2019. № 4. С. 75-89.
10. Харзинова В.М. Социально-психологическая, криминологическая характеристика личности экстремиста, террориста, занимающегося пропагандой среди молодежи. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 4. Часть 1. С. 66-69.

Shishina E.A. Use of the internet network for the purposes of involving in extremism activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 402-407.

The article deals with the problems of involving citizens in extremist activities and the spread of radicalism through the use of modern information and telecommunication systems. The web communication platforms used by extremist organizations are listed, as well as the forms of propaganda materials.

The recruitment activity is characterized as a multi-stage system of successive stages, each of which serves as a means to achieve the ultimate goal. The ways and mechanism of psychological influence on persons when they are involved in extremist activity are considered. The stages of involvement in extremist activity are characterized. The alleged motivation of such persons, which contributes to the involvement in extremist activities and persons more susceptible to information and psychological influence from extremists, is considered. The demographic, social, moral and psychological characteristics of the recruiter's personality are considered.

Key words: extremism, radicalism, recruitment, information and psychological impact.

Spisok literatury:

1. Aldoxina V.V. Sub``ekt v prestupleniyax e`kstremistskoj napravlennosti i kriminologicheskie priznaki lichnosti prestupnika, sovershayushhego e`ti deyaniya // YuP. 2017. №1 (80). S. 54-58.
2. Bengina E.A., Grishaeva S.A. Kiberbulling kak novaya forma ugrozy` psixologicheskomu zdorov`yu lichnosti podrostka // Vestnik GUU. 2018. №2. S. 63-65.
3. Ivanov S.I, Shishina E.A. Problemy` profilaktiki radikal`nogo religioznogo e`kstremizma i nekotory`e napravleniya ix resheniya v sovremenny`x usloviyax // Aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: materialy` VII Vseros. nauch.-prakt. konf., 12 okt. 2018 g. / redkol.: A.A. Safronov, V.V. Stukalov, K.V. Bedarev, A.G. Bely`j, A.Yu. Petuxov, A.N. Gorbunov, A.V. Alexin, A.E`. Dobrosmy`slov, D.B. Danilov. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2019. – S. 100–107.
4. Kolesnikova I.E., Shishina E.A. Prizy`v: yuridicheskij i lingvisticheskij aspekt
5. Lugovenko T.S. Kriminologicheskie texnologii izucheniya masshtabov i mexanizmov vovlecheniya molodezhi v e`kstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel`nost` // Obshhestvo i pravo. 2017. №4 (62). S. 113-118.
6. Radikalizaciya i nasilie v internete. Interv`yu s direktorom Centra izucheniya terroristicheskoj radikalizacii Davidom Gartenstajn-Rossom//Rossijskij sovet po mezhdunarodny`m delam. http: // russiancouncil/ru (data obrashheniya 03.06.2022).
7. Rudik M.V., Volkov D.V. Social`ny`e seti kak sredstvo rasprostraneniya e`kstremizma // Vestnik KrU MVD Rossii. 2017. №2 (36). S. 32-34.
8. Sedy`x N.S. Sovremenny`j terrorizm i molodezh`: problemy` informacionno-psixologicheskogo protivodejstviya // Musul`manskij mir. 2017. №2. S. 1-13.
9. Stolyarenko A.M. Psixologicheskie aspekty` destruktivnogo informacionno-psixologicheskogo vozdejstviya// Psixologiya i pravo. 2019. № 4. S. 75-89.
10. Xarzinova V.M. Social`no-psixologicheskaya, kriminologicheskaya xarakteristika lichnosti e`kstremista, terrorista, zanimayushhegosya propagandoj sredi molodezhi. Krasnodar: Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl`. 2016. Tom. 8. № 4. Chast` 1. S. 66-69.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 408-414.

УДК 343.2

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ В КОРРУПЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ И УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Шуринов В. В.

Краснодарский университет МВД России

В публикации рассмотрены признаки и характеристики, которые раскрывают механизмы вовлечения должностных лиц и или работников контрактных служб органов публичной власти в коррупционные преступления в сфере закупок товаров и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. В статье детально рассмотрены и проанализированы способы склонения и вовлечения в коррупционную деятельность должностных лиц и или работников в коррупционную детальность в исследуемой сфере. Отмечено, что вовлечение в преступную деятельность в сфере закупок товаров и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и склонение к преступной деятельности в исследуемой сфере по сути отличаются друг от друга. В статье аргументировано, доказано, что вовлечение в коррупционную деятельность и склонение к ней в сфере закупок товаров и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд отличается от аналогичной деятельности в иных сферах жизнедеятельности общества. Доработано криминологическое понятие «коррупционное инфицирование», исходя из чего обосновано, что коррупционное инфицирование приводит самодетерминации коррупционной преступности, не только в сфере государственных закупок, но и в обществе в целом.

Ключевые слова: преступление в сфере госзакупок, личность преступника, должностное лицо, орган публичной власти, субъект преступления, характеристика, преступление.

Изучение различных методических [1; 2], нормативных и нормативных правовых документов федерального [3; 4;] и регионального [5; 6; 7] уровня свидетельствует, что выполнение должностным лицом, работником органа публичной власти функций связанных с закупкой товаров, услуг, работ для государственных либо муниципальных нужд (выполнения функций государственного заказчика федеральных и иных программ и проектов в определённой сфере деятельности) связаны с высокими коррупционными рисками.

Наличие коррупционных рисков в деятельности должностных лиц и/или работников контрактных служб органов публичной власти обусловлено тем, что вышеуказанные лица обладают организационно-распределительным, административно-хозяйственными, профессиональными, служебными и иными полномочиями и функциями в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Именно эти лица принимают решения либо могут существенным образом повлиять на распределение бюджетных средств, продление контракта по реализации закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, определить того либо иного хозяйствующего субъекта в качестве исполнителя государственного заказа.

Коррупционные риски в сфере государственных закупок связаны с вовлечением и склонением должностных лиц и/или работников контрактных служб органов публичной власти в преступную деятельность. Вовлечение в преступную деятельность и склонение к преступной деятельности, как известно, это

определенного рода психический процесс, связанный с принятием «правили игры» либо созданием собственных. Процесс вовлечения в преступную деятельность, а также склонения к преступной деятельности и соответственно выбору противоправной модели поведения не возможен без иных лица (влияние может быть прямым или иными словами активно-наступательным, либо опосредованным), за исключением редких случаев инициативного самововлечения в преступную деятельность. Также на вовлечение в преступную деятельность могут оказывать влияние и объективные факторы, которые сложились в обществе, к такого рода факторам могут быть отнесены: социальные, культурные, исторические и иные факторы. В публикациях, которые посвящены коррупционным рискам, отмечается потенциальная виктимность должностного лица органа публичной[8, с. 35-38]. Должность государственного служащего представляет угрозу для лица, её занимающего, ибо это лицо, «обладая такой должностью, становится потенциальной жертвой криминального подкупа» [9, с. 144-151]. Общеизвестным фактом является то, что большинство преступлений коррупционной направленности являются много субъектными, например, во взяточничестве присутствует взяткодатель и взяткополучатель. Учитывая вышеизложенное, следует согласиться с тем, что на формирование модели коррупционного поведения должностного лица и/или работника контрактной службы органа публичной власти оказывают существенное влияние их контрагенты [10, с. 149; 11, с. 14-15], лица, вступающие в определенные общественные отношения, обусловленные профессиональной или служебной деятельностью, а также наличием личной, корпоративной либо иной материальной заинтересованностью.

Исходя из выше приведённого отметим, что вовлечение в преступную деятельность либо склонение к преступной деятельности должностных лиц и/или работников контрактных служб органов публичной власти являются объективно-субъективным процессом, при котором внешнее воздействие находит свое выражение в сознании и последующем выражении в поведении вовлеченного либо склоненного.

Исследователи виктимности должностных преступлений К.В. Вишневецкий и А.А. Кашкаров указывают, что вопросы, связанные с криминологической, виктимологической и психологической характеристикой механизмов вовлечения/склонения должностных лиц органов публичной власти к коррупционной деятельности на надлежащем теоретическом уровне современной криминологической доктриной не рассматривались[12, с. 68]. Изучая социальную природу и психологические механизмы взяточничества, как одной из разновидностей коррупционных преступлений, А.А. Кашкаров пришел к выводу о том, что коррупция обладает амбивалентными признаками [8, с. 35-38], то есть жертвой преступления может выступать как должностное лицо и/или работник контрактной службы органа публичной власти либо их контрагент, индивидуальный предприниматель или представитель хозяйствующего субъекта.

Описывая механизм формирования коррупционной модели повеления должностного лица и/или работника контрактной службы органа публичной власти следует исходить из того, что такого рода модель поведения может формироваться путем склонения или вовлечения в коррупционную деятельность. Как нам представляется, механизм вовлечения или склонения в преступную деятельность

должностного лица и/или работника контрактной службы органа публичной власти отличается от вовлечения или склонения должностных лиц к коррупционной деятельности в иных сферах. Вовлечение или склонение в коррупционную деятельность должностного лица и/или работника контрактной службы органа публичной власти не может быть спонтанным или ситуативным, что иногда встречается при вовлечении должностных лиц органов публичной власти, обладающими контрольно-надзорными полномочиями и функциями, например сотрудников ДПС ГИБДД МВД России [13, с. 68]. Это обусловлено тем, что при спонтанном вовлечении, инициатор вовлечения вынужден реагировать на внезапно возникшую ситуацию, например связанную с внеплановой проверкой хозяйственной деятельности контрольно-надзорного органа либо с остановкой транспортного средства.

Вовлечение в преступную деятельность и склонение к преступной деятельности являются, по сути, разными понятиями. В литературе отмечается, что «под вовлечением в преступление либо иное противоправное деяние понимать умышленные действия лица, направленные на фактическое совершение вовлекаемым лицом преступления либо противоправного деяния, в то время как под склонением к совершению преступления либо иного противоправного (аморального) деяния – умышленные действия лица, направленные на возбуждение желания участвовать в совершении преступления либо противоправного (аморального) деяния» [14, с. 141-146]. Исходя из изложенного можно сделать вывод, что вовлекать в преступную деятельность и склонять к преступной деятельности могут разные лица.

Коррупционные практики в сфере госзакупок могут признаваться допустимыми, приемлемыми и поощряться, обучение коррупционным практикам происходит не только внутри коррупционно ангажированного коллектива, но и в него его пределов, так как должностное лицо (работник) контрактной службы взаимодействует с контрагентами (индивидуальными предпринимателями, представителями юридических лиц), которые лоббируют собственные интересы различными способами, в том числе и противозаконными [15, с. 251].

Мы полагаем, вовлекать должностное лицо и/или работника контрактной службы органа публичной власти в коррупционную деятельность могут, как уже было отмечено ранее должностные лица контрагентов либо коррупционно заангажированные коллеги – сотрудники органов публичной власти. Вовлечение происходит в уже сложившиеся и устоявшиеся коррупционные практики, имеющие свои сформированные связи и отношения.

Контрагенты – должностные лица хозяйствующих субъектов, желающих заключить контракт на поставку товаров, оказания услуг и работ для государственных либо муниципальных нужд могут инициативно и сознательно, осознавая экономические и иные риски, преследуя лично-корыстные либо корпоративно-корыстные цели, стремятся вовлечь должностное лицо и/или работника контрактной службы органа публичной власти в коррупционную деятельность. Вовлечение должностных лиц и/или работников контрактных служб органов публичной власти аналогично агентурной работе, перед началом вовлечения изучается психология, предпочтения, увлечения, образ жизни, наличие общих знакомых и прочее. Лицо, желающее вовлечь сотрудника контрактной

службы органа публичной власти, на первоначальном этапе старается расположить вовлекаемого к себе, завоевать его доверие и симпатию. Такого рода вовлечение направлено на формирование длительных коррупционных отношений между указанными субъектами. Представляется, что коррупционное вовлечение, осуществляемое представителями хозяйствующих субъектов, чаще всего направленно на руководящее звено органа публичной власти либо руководителей контрактных служб органов публичной власти. Вовлечение и склонение должностного лица и/или работника контрактной службы органа публичной власти в коррупционную деятельность должностными лицами контрагентов может осуществляться различными способами, наиболее распространенный и доминирующий – подкуп, передача денег, оплата или предоставление услуг по заниженной цене, передача иных товарно-материальных ценностей. Отметим что, встречаются и иные способы вовлечения, запугивание и шантаж, включение в элитарные клубы, однако они не являются господствующими.

При вовлечении должностного лица и/или работника контрактной службы органа публичной власти в коррупционную деятельность посредством подкупа следует понимать, что такого рода подкуп является активной разновидностью подкупа. При активном подкупе виновное лицо направляет свои психические и физические усилия к осуществлению передачи предмета подкупа подкупаемому лицу в связи с выполнением им каких-либо действий либо отказом от таковых в пользу подкупающего или представляемых им лиц [16, с. 163]. В данном случае можно утверждать, что оба лица и вовлекающий, и вовлекаемый преследуют корыстную цель, однако вовлекающий помимо прочего возбуждает у вовлекаемого желание совершить действия коррупционного характера и тем самым достичь необходимого контроля поведения вовлекаемого.

Момент передачи предмета преступного (коррупционного) подкупа на процесс вовлечения существенного влияния не оказывает. Предмет преступного подкупа может быть передан как до начала выполнения вовлекаемым определенных действий (наиболее распространенная практика, свидетельствует о доверии вовлекающего вовлекаемому и наоборот о недоверии вовлекающего), так и после выполнения вовлекаемым ранее обговоренных действий (встречается при реализации так называемых схем «откатов», что свойственно сфере госзакупок), отмечается, что подкуп может иметь и характер расчета – немедленной передачи денег за совершенные противозаконные действия[17]. Основой является то, что вовлекаемый и вовлекающий определили основные позиции, связанные с выполнением преступления и достигли согласия, при этом в сознании вовлекаемого сформировалась корыстная мотивация и четкое, стойкое желание совершить коррупционное преступление.

Коррупционное инфицирование [18, с. 21, с. 223] сознания должностного лица и/или работника контрактной службы органа публичной власти может также происходить и в профессиональной среде, трудовом (служебном) коллективе. Должностное лицо и/или работника контрактной службы органа публичной власти, особенно вновь назначенное должностное лицо или работник, при вовлечении в коррупционную деятельность в собственном коллективе, находится под психологическим влиянием сложившихся в коллективе коррупционных устоев и практик. На модель профессионального поведения оказывают влияние

«наставники», более опытные работники со стажем иные коллеги, имеющие опыт работы (службы) в органах публичной власти. В связи, с чем у ангажируемого сотрудника/работника контрактной службы органа публичной власти возникает желание не выделяться, «действовать как все» соблюдать корпоративный кодекс поведения. Таким образом «коррупционное инфицирование» это передача коррупционных знаний, контактов и практик от одного должностного лица и/или работника другому. Такого рода «коррупционное инфицирование» приводит к так называемой самодетерминации коррупционной преступности, не только в сфере государственных закупок, но и в обществе в целом.

Как нам представляется склонение должностных лиц и/или работников контрактных служб органов публичной власти к совершению коррупционных преступлений могут осуществлять родственники и/или близкие лица. Влияние близких лиц и/или родственников на модель поведения большинства людей является существенным, так как совместный быт, общие социальные вопросы требую общности усилий. Именно с родственниками и/или близкими лицами обсуждаются важные и сложные вопросы, в том числе и служебного характера. Часто бывает, что родственники и/или близкие лица достаточно хорошо осведомлены о процессах, которые происходят в сфере служебной деятельности должностного лица органа публичной власти. Как представляется родственники и/или близкие лица формируют в сознании человека социально-психологические установки и принципы. Такого рода установки и принципы могут иметь позитивную или негативную направленность. Негативные установки и принципы, формируемые родственниками и/или близкими лицами, могут быть связаны с развитием у должностного лица и/или работника контрактной службы органа публичной власти культа потребления, жадности, стяжательства, неоправданного накопительства, что неизбежно приводит к противоправной, чаще всего к коррупционной модели поведения.

В качестве выводов отметим, что склонение и вовлечение должностных лиц и/или работников контрактных служб органов публичной власти, которые осуществляют деятельность в сфере закупок товаров и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд отличаются от склонения и вовлечения в иные виды преступной деятельности в том числе и коррупционной. Склонение к коррупционной деятельности и вовлечение в коррупционную деятельность осуществляется разными лицами, которые находятся во взаимодействии с должностными лицами и/или работниками контрактных служб органов публичной власти в сфере закупок товаров и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Список литературы:

1. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций. Оценка коррупционных рисков, возникающих при реализации функций // https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/8;
2. Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации. // https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-106-src-1568817604.7941.pdf
3. Перечень коррупционно-опасных функций при осуществлении Федеральной службой по аккредитации полномочий в установленной сфере деятельности // https://fsa.gov.ru/documents/1255/
4. Перечень коррупционно опасных функций Федеральной службы судебных приставов // https://fssp.gov.ru/2639203/;
5. Перечень коррупционно-опасных функций Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Одобрено на заседании Комиссии Министерства труда и социальной защиты Российской

Федерации по соблюдению требований к служебному (должностному) поведению федеральных государственных гражданских служащих и работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, и урегулированию конфликта интересов, протокол от«20» октября 2017 г. № 3. // https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/work/35
6. Перечень коррупционно-опасных функций министерства и подведомственных ему органов и организаций. Приказ Министерства социальной политики Свердловской области от 03.02.2016 № 36 (.rtf 137.29 KB) «Об утверждении перечня коррупционно-опасных функций Министерства социальной политики Свердловской области и подведомственных ему органов и организаций» // https://msp.midural.ru/protivodeystvie-korrupcii/normativnye-pravovye-i-inye-akty/perechen-korrupcionno-opasnyh-funkciy-ministerstvapodvedomstvennyh-emu-organov-i-organizaciy.html;
7. Перечень коррупционно – опасных функций в Администрации городского округа Самара. Одобрен на заседании комиссии Администрации городского округа Самара по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов, протокол от 11.07.2019 № 3-2019 (дополнен протоколами от 13.12.2019 № 4-2019, от 23.10.2020 № 3-2020) // https://samadm.ru/authority/anti-corruption/the-list-of-corrupt-and-dangerous-functions-in-the-administration-of-the-samara-urban-district/
8. Кашкаров А.А. Виктимная амбивалентность на примере взяточничества // Виктимология. 2017. № 2 (12). С. 35-38.
9. Горшенков Г.Н. Виктимологическая составляющая в детерминации коррупционного поведения // Актуальные проблемы криминологического исследования региональной преступности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Баку, 2015. – С. 144–151
10. Сидоренко Э.Л. Коррупционная преступность в контексте комплексного криминологического анализа // Библиотека уголовного права и криминологии № 1 (19) 2017 с. 144 – 150
11. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1994. – 151 с.
12. Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А. Виктимологическая характеристика коррумпирования должностного лица органа публичной власти // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 68-72.
13. Кашкаров А.А., Сейтаблаев А.Н. Криминологическая характеристика вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность // Наука. Образование. Современность. 2021. № 1. С. 66-71.
14. Кашкаров А.А. Уголовно-правовая характеристика склонения и вовлечения в преступную деятельность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 141-146.
15. Шуринов В.В. Корысть как признак, характеризующий личность преступника в сфере государственных закупок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 249-253
16. Фоменко Е.В. Об общем понятии состава преступления, связанного с подкупом: обоснование необходимости его введения в научный оборот // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 151–168. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.151-168.
17. Головин А.Ю., Бугаевская Н. В. Механизм коррупционных преступлений, совершаемых путем подкупа, и установление его элементов в ходе допроса // Известия ТулГУ . Экономические и юридические науки. 2013. №5-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-korruptsionnyhprestupleniy-sovershaemyh-putem-podkupa-i-ustanovlenie-ego-elementov-v-hodedoprosa
18. Кашкаров А.А. Должностная преступность в органах публичной власти и её предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории: дис. док. юрид. наук: 12.00.08. - Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2019. 423 с.

Shurinov V.V. Criminological characteristics of involvement in corruption activities in the sphere of procurement of goods and services to supply state or municipal needs // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 408-414.

The publication considers the signs and characteristics that reveal the mechanisms of involvement of officials and or employees of contract services of public authorities in corruption crimes in the field of procurement of goods and services to meet state or municipal needs. The article considers and analyzes in detail the methods of inducing and involving officials and or employees in corrupt activities in corrupt detail in the area under study. It is noted that involvement in criminal activity in the field of procurement of goods and services to meet state or municipal needs and inducement to criminal activity in the area under study are essentially different from each other. The article argued, proved that involvement in corrupt activities and inducement to it in the field of procurement of goods and services to meet state or municipal needs differs from similar activities in other areas of society. The criminological concept of “corruption infection” has been improved, on the basis of which it is justified that corruption infection leads to self-determination of corruption crime, not only in the field of public procurement, but also in society as a whole.

Key words: crime in the field of public procurement, personality of the offender, official, public authority, subject of the crime, characterization, crime.

Spisok literatury:

1. Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu ocenki korrupcionnyh riskov, voznikayushchih pri realizacii funkcij. Ocenka korrupcionnyh riskov, voznikayushchih pri realizacii funkcij.// https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/8;
2. Rekomendacii po poryadku provedeniya ocenki korrupcionnyh riskov v organizacii. // https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-106-src-1568817604.7941.pdf
3. Perechen' korrupcionno-opasnyh funkcij pri osushchestvlenii Federal'noj sluzhboj po akkreditacii polnomochij v ustanovlennoj sfere deyatel'nosti // https://fsa.gov.ru/documents/1255/
4. Perechen' korrupcionno opasnyh funkcij Federal'noj sluzhby sudebnyh pristavov // https://fssp.gov.ru/2639203/;
5. Perechen' korrupcionno-opasnyh funkcij Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii. Odobreno na zasedanii Komissii Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii po soblyudeniyu trebovanij k sluzhebnomu (dolzhnostnomu) povedeniyu federal'nyh gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih i rabotnikov organizacij, sozdannyh dlya vypolneniya zadach, postavlennyh pered Ministerstvom truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii, i uregulirovaniyu konflikta interesov, protokol ot«20» oktyabrya 2017 g. № 3. // https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/work/35
6. Perechen' korrupcionno-opasnyh funkcij ministerstva i podvedomstvennyh emu organov i organizacij. Prikaz Ministerstva social'noj politiki Sverdlovskoj oblasti ot 03.02.2016 № 36 (.rtf 137.29 KB) «Ob utverzhdenii perechnya korrupcionno-opasnyh funkcij Ministerstva social'noj politiki Sverdlovskoj oblasti i podvedomstvennyh emu organov i organizacij» // https://msp.midural.ru/protivodeystvie-korrupcii/normativnye-pravovye-i-inye-akty/perechen-korrupcionno-opasnyh-funkciy-ministerstvapodvedomstvennyh-emu-organov-i-organizaciy.html;
7. Perechen' korrupcionno – opasnyh funkcij v Administracii gorodskogo okruga Samara. Odobren na zasedanii komissii Administracii gorodskogo okruga Samara po soblyudeniyu trebovanij k sluzhebnomu povedeniyu municipal'nyh sluzhashchih i uregulirovaniyu konflikta interesov, protokol ot 11.07.2019 № 3-2019 (dopolnen protokolami ot 13.12.2019 № 4-2019, ot 23.10.2020 № 3-2020) // https://samadm.ru/authority/anti-corruption/the-list-of-corrupt-and-dangerous-functions-in-the-administration-of-the-samara-urban-district/
8. Kashkarov A.A. Viktimnaya ambivalentnost' na primere vzyatochnichestva // Viktimologiya. 2017. № 2 (12). S. 35-38.
9. Gorshenkov G.N. Viktimologicheskaya sostavlyayushchaya v determinacii korrupcionnogo povedeniya // Aktual'nye problemy kriminologicheskogo issledovaniya regional'noj prestupnosti: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Baku, 2015. – S. 144–151
10. Sidorenko E.L. Korrupcionnaya prestupnost' v kontekste kompleksnogo kriminologicheskogo analiza // Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii № 1 (19) 2017 s. 144 – 150
11. Repeckaya A.L. Vinovnoe povedenie poterpevshego i princip spravedlivosti v ugolovnoj politike. – Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1994. – 151 s.
12. Vishneveckij K.V., Kashkarov A.A. Viktimologicheskaya harakteristika korrumpirovaniya dolzhnostnogo lica organa publichnoj vlasti // Filosofiya prava. 2021. № 3 (98). S. 68-72.
13. Kashkarov A.A., Sejtablaev A.N. Kriminologicheskaya harakteristika vovlecheniya sotrudnikov OVD v korrupcionnuyu deyatel'nost' // Nauka. Obrazovanie. Sovremennost'. 2021. № 1. S. 66-71.
14. Kashkarov A.A. Ugolovno-pravovaya harakteristika skloneniya i vovlecheniya v prestupnuyu deyatel'nost' // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2021. T. 7. № 2. S. 141-146.
15. SHurinov V.V. Koryst' kak priznak, harakterizuyushchij lichnost' prestupnika v sfere gosudarstvennyh zakupok // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2021. № 10. S. 249-253
16. Fomenko E.V. Ob obshchem ponyatii sostava prestupleniya, svyazannogo s podkupom: obosnovanie neobhodimosti ego vvedeniya v nauchnyj oborot // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. – 2019. – T. 161, kn. 1. – S. 151–168. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.151-168.
17. Golovin A.YU., Bugaevskaya N. V. Mekhanizm korrupcionnyh prestuplenij, sovershaemyh putem podkupa, i ustanovlenie ego elementov v hode doprosa // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2013. №5-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-korruptsionnyhprestupleniy-sovershaemyh-putem-podkupa-i-ustanovlenie-ego-elementov-v-hodedoprosa
18. Kashkarov A.A. Dolzhnostnaya prestupnost' v organah publichnoj vlasti i eyo preduprezhdenie v usloviyah smeny gosudarstvennoj prinadlezhnosti territorii: dis. dok. yurid. nauk: 12.00.08. - Krasnodarskij universitet MVD Rossii. Krasnodar, 2019. 423 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 415-426.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 341 341.1

НЕЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРАВОТВОРЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ В ПРАВЕ ЕС – РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ

Астапенко И. В.
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

В статье исследован вопрос принятия Комиссией ЕС не законодательных актов. Проведен анализ процедур принятия ЕК делегированных и исполнительных актов, выделены их ключевые характеристики. Затронут вопрос выявления юридической природы делегированных и исполнительных актов и их соотношения между собой, в частности, отмечается «квазизаконодательная» сущность делегированного законодательства в ЕС. Отмечено, что процедура принятия делегированных актов напрямую не закреплена в учредительных договорах и была прописана в межинституциональном соглашении 2016 года. Помимо этого, подробно рассмотрены аспекты межинституционального взаимодействия в рамках согласования процедур принятия Комиссией указанных типов актов. По сравнению с долиссабонским периодом Комиссия, особенно в части принятия делегированных актов, получила большую свободу действий, освободившись от контроля со стороны комитологических комитетов. В то же время, европейский законодатель предусмотрел достаточно общие, оценочные критерии отграничения делегированного законодательства от исполнительного, что приводит к возникновению противоречий между Парламентом, Советом и Комиссией. В конечном итоге процедуры принятия не законодательных актов Комиссией напрямую связаны с достижением широкого межинституционального компромисса уже на этапе внесения в основной акт положений о возможности принятия на его основе делегированных или исполнительных актов.

Ключевые слова: право ЕС, Европейская Комиссия, законодательные акты, незаконодательные акты, делегированные акты, исполнительные акты, имплементационные акты, Европейский парламент, Совет ЕС, нормотворчество.

В международном праве традиционный интерес для ученых представляет исследование правовой природы, механизмов деятельности и принятия решений руководящих органов международных организаций. На фоне развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, прежде всего в рамках ЕАЭС, особое внимание уделяется выработке оптимальных механизмов взаимодействия основных институтов Союза в рамках нормотворческого процесса. В этом контексте исследователи регулярно обращаются к опыту европейской интеграции, одним из символов которой является Европейская комиссия ЕС (далее – Комиссия, ЕК) – наднациональный институт управления, на протяжении всей истории Евросоюза содействующий углублению интеграции государств-членов в различных сферах. ЕК играет важную роль в нормотворческом процессе Европейского союза. Договор о функционировании ЕС, 1957 г. (ДФЕС) в редакции Лиссабонского договора дифференцирует весь массив нормативных актов Союза на две основные категории: законодательные и незаконодательные акты (См. Гл. 2 ДФЕС ст.ст. 288-292). Первая категория актов принимается законодательными институтами – Парламентом и Советом (в ряде случаев Парламентом или Советов) в соответствии с обычной и специальной законодательными процедурами.

Комиссия в данном контексте, хотя и не отнесена учредительными договорами к числу законодательных институтов, тем не менее, имеет существенное влияние на процесс подготовки и принятия проекта законодательного акта (регламента, директивы или решения). Так, ЕК наделена практически монопольным правом законодательной инициативы – именно она разрабатывает и выносит на рассмотрение Парламента и/или Совета проекты законодательных актов. Комиссия также имеет возможность отзыва проекта акта, его корректировки. Кроме того, представители ЕК принимают участие в неформальных межинституциональных консультациях (так называемых триалогах) с представителями Парламента и Совета для согласования общей позиции в ходе рассмотрения проекта законодательного акта в рамках обычной законодательной процедуры. При специальной законодательной процедуре Комиссия также участвует в подготовке проекта акта, внесении в него изменений, а также в ряде случаев в подготовке заключения (opinion), в частности в случаях, когда акт принимается единолично Парламентом.

Помимо участия в процессе принятия законодательных актов Комиссия располагает полномочиями и по единоличному изданию нормативных актов ЕС незаконодательного характера. Подобные акты, в соответствии с ДФЕС, подразделяются на две основные подгруппы: делегированные (delegated acts) и исполнительные (implementing acts). В настоящее время в отечественной доктрине права ЕС присутствует также и иное наименование исполнительных актов – имплементационные акты. Первый вариант активно используется рядом признанных авторитетов в области европейского права, в том числе Кашкиным С.Ю., Четвериковым А.О., Калиниченко П.А., Капустиным А.Я. Термин «импементационный акт» применительно к нормотворчеству Европейской комиссии употребляется в работах таких авторов, как Стельникова Н.А., Романова М.Е., а также в ряде неофициальных переводов указанных актов, размещенных на сайтах некоторых государственных ведомств и ВУЗов РФ [1, 2]. В настоящей работе будет использоваться более традиционный с точки зрения российского правоведения и благозвучный, исходя из норм русского языка, термин «исполнительный акт» ЕК. Дифференциация принимаемых Комиссией актов на делегированные и исполнительные является одной из новелл Лиссабонского договора: до его принятия все акты рассматриваемых типов именовались исполнительными и могли приниматься как Комиссией, так и Советом. При этом вносимые Комиссией посредством таких актов изменения в «основное законодательство» (primary legislation) не могли затрагивать «существенных элементов» последнего [3, с. 111]. Реализация ЕК указанных полномочий контролировалась так называемыми комитологическими комитетами.

Комитологические комитеты представляются собой специальные органы, состоящие из представителей государств-членов ЕС. В европейской правовой доктрине система контроля за реализацией Комиссией полномочий по принятию исполнительных актов при участии данных комитетов носит название «комитология». В настоящее время процедуры в рамках указанных комитетов регулируются соответствующим Регламентом Парламента и Совета №182/2011 от 16 февраля 2011 г.

Делегированные акты.

Понятие «делегированного акта» и процедуры его принятия регулируется ст. 290

ДФЕС. В соответствии с данной статьей делегированный акт представляет собой незаконодательный, юридически обязательный акт ЕС общего действия, который издается Комиссией на основании специальных полномочий, делегированных ей в конкретном законодательном акте. При помощи делегированного акта могут вносится дополнения и поправки в несущественные элементы основного акта (basic act). Делегированные акты по общему правилу являются актами общего применения. Полномочия по принятию делегированного акта передаются Комиссии индивидуально в каждом конкретном случае: принимая законодательный акт, Парламент и/или Совет могут включить в него положения, касающиеся целей, содержания, сферы действия срока делегирования полномочия. Элементы, имеющие существенное значение в основном акте, делегированию не подлежат (ст. 290 ДФЕС). В название указанных актов в обязательном порядке должно вносится слово «делегированный».

Примечательно, что приведенное в ст. 290 ДФЕС легальное определение делегированного акта содержит в себе ряд дискуссионных моментов, требующих прояснения. В первую очередь, это касается такого понятия как «несущественные элементы» основного акта, в которые могут вноситься изменения и дополнения по инициативе Комиссии. Данное понятие никак не раскрывается в приведенной статей учредительного договора и очевидно может характеризоваться как оценочный признак, причем допускающий достаточно широкое толкование. На трудность в установлении конкретных рамок в определении «несущественных элементов» основного акта указывала и сама Комиссия в своем Коммюнике, адресованном Парламенту и Совету относительно имплементации ст. 290 ДФЕС [4]. В указанном документе ЕК заявила, в частности, что не берется толковать или каким-либо образом интерпретировать рассматриваемый критерий по причине широкого набора мер, которые могут быть применены при реализации данного нормативного положения. Очевидным представляется, что «несущественные элементы» вносимые делегированным актом в положения основного акта не могут затрагивать его цели, радикальным образом изменять прописанные в нем механизмы достижения указанных целей. Несколько облегчить вопрос толкования внутреннего содержания «несущественных элементов» может прочтение этого термина во взаимоувязке со следующим абзацем ст. 290 ДФЕС, где закрепляется обязанность законодателя четко прописывать в тексте основного акта положения, касающиеся целей, содержания, сферы действия и срока делегирования полномочия. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что «несущественными элементами» основного акта, могут считать только те положения, в отношении которых законодателем были прямо предоставлены делегированные полномочия Комиссии по их изменению или дополнению.

После принятия делегированного акта в период, указанный в основном акте, Комиссия представляет его напрямую Парламенту и/или Совету, каждый из которых может выразить возражение против его вступления в силу. Для этого Парламент принимает решение большинством голосов от общего числа депутатов, а Совет – квалифицированным большинством (в соответствии со ст. 16 Договора о ЕС и ст. 238 ДФЕС). Если Парламент или Совет не высказали возражений, то делегированный акт вступает в силу. Законодательные институты также могут уведомить Комиссию о своем согласии с текстом делегированного акта досрочно,

для ускорения процедуры [5, с. 30]. Парламент и Совет также наделены, в соответствии со ст. 290 ДФЕС, правом отзыва у Комиссии полномочия по принятию делегированного акта. Положительным для ЕК аспектом в данном контексте является отсутствие необходимости представления проекта акта в комитологические комитеты и согласования своей позиции напрямую с представителями государств-членов. В то время как до вступления в силу Лиссабонского договора процесс принятие Комиссией любых собственных актов, вносящих изменений в «основное законодательство» ЕС, в обязательном порядке контролировалось комитологическими комитетами.

Исходя из положения ДФЕС об установке в основном акте срока делегирования без какой-либо конкретизации можно сделать вывод о том, что указанный период может быть, как ограниченным, так и неограниченным. Сразу после вступления в силу Лиссабонского договора Комиссия настаивала на целесообразности неограниченного срока делегирования, однако в настоящее время Парламент и Совет обычно устанавливают фиксированный период делегирования (3, 4 или 5 лет) с автоматической пролонгацией на тот же срок, если от Парламента и/или Совета не поступит возражений по данному аспекту не позднее трех месяцев до истечения указанного периода [3, с. 111].

Необходимо отметить, что ни в ст. 290 ДФЕС, ни в других статьях учредительных договоров подробно не регламентируется сама процедура принятия Комиссией делегированного акта, а также отсутствуют положения о необходимости принятия дополнительных актов, регулирующих вопросы делегирования. Примечательно, что с точки зрения Парламента такой законодательный пробел был вполне обоснован, поскольку при наделении Комиссии полномочиями по принятию делегированного акта, затрагиваются вопросы, относящиеся непосредственно к ведению законодательных институтов ЕС, а само решение о делегировании является исключительным правом указанных институтов, то рамки делегирования устанавливаются законодателем в каждом конкретном основном акте [6]. При этом сама ЕК посчитала отсутствие четкой регламентации процедуры в ст. 290 ДФЕС, как предоставление ей определенной автономии в данном вопросе, что нашло свое отражение в Коммюнике, адресованном Парламенту и Совету относительно имплементации ст. 290 ДФЕС. В 2011 году Комиссия, Парламент и Совет пришли к соглашению относительно основных моментов процедуры принятия делегированного акта, что было закреплено в документе, озаглавленном Common Understanding – многие ученые отмечали, что указанный документ не является юридически обязательным межинституциональным соглашением в смысле ст. 295 ДФЕС и представляет собой своего рода «джентельменское соглашение» – источник «мягкого права» [7]. Исходя из такого понимания правовой формы Common Understanding некоторые отечественные, исследователи пришли к выводу, что делегированные акты являются скорее политическим, а не правовым инструментом, так как в каждом конкретном случае для их принятия необходимо достижение межинституционального компромисса по всем существенным условиям и пределам делегирования [8, с. 146]. С подобной точкой зрения трудно согласиться, поскольку практически весь нормотворческий процесс в ЕС, в частности, в рамках обычной законодательной процедуры, неразрывно связан с поиском межинституционального компромисса, который часто достигается на неформальных консультациях.

Впоследствии вопросы процедуры принятия делегированных актов были затронуты в Межинституциональном соглашении по улучшению законотворческого процесса 2016 года [9]. К указанному документу был приложен текст обновленного Common Understanding on delegated acts. Данный акт в очередной раз подтвердил принцип сотрудничества между Комиссией, Парламентом и Советом в качестве одного из основных принципов, регулирующих нормотворческий процесс в ЕС. Кроме того, при подготовке проекта делегированного акта на Комиссию была возложена обязанность проводить консультации, в том числе с представителями государств-членов по линии экспертных групп. Результаты проведения консультаций должны в обязательном порядке включаться в итоговый пакет документов по каждому проекту акта и своевременно направляться Парламенту и Совету. Указанные институты также наделены правом направлять собственных экспертов на указанные консультативные встречи.

Межинституциональное соглашение также регулирует экстренную процедуру принятия делегированного акта (urgency procedure) в случае, если того требует необходимость обеспечения безопасности и в ряде других неотложных случаев. Возможность использования Комиссией данной процедуры закрепляется в основном акте. ЕК также, в случае начала подготовки подобного проекта делегированного акта, должна в неформальном порядке уведомить об этом секретариаты Парламента и Совета. Делегированный акт, принятый в рамках экстренной процедуры, вступает в силу немедленно и применяется, если на него не поступит возражений от Парламента или Совета. В случае поступления таких возражений Комиссия незамедлительно аннулирует указанный делегированный акт.

Таким образом, очевидно, что законодательные институты ЕС стремятся добиться как можно большего влияния и контроля над Комиссией при осуществлении ей делегированных полномочий. Как и в рамках законодательных процедур, рассмотрение и принятие делегированного акта связано с достижением широкого межинституционального компромисса, который начинает складываться уже на этапе закрепления сроков и условий делегирования в основном акте.

Принятие Комиссией делегированных актов может рассматриваться, с точки зрения ряда ученых, не как политический, а, наоборот, как «квазизаконодательный» процесс, так как он способствует изменению основного акта, пусть и не затрагивая его существенных положений (при этом сама категория «существенность» в актах первичного права ЕС не находит четкого определения и является оценочной категорией). Подобную точку зрения на правовую суть делегированных актов разделяют, в том числе профессора Крейг и Хофманн [10, с. 672; 11, с. 494].

Исполнительные акты.

Согласно ст. 291 ДФЕС Комиссия наделена правом по принятию исполнительных актов в том случае, когда требуется установление единообразных условий исполнения юридически обязательных актов ЕС. При этом в ряде случаев полномочиями по изданию исполнительного акта наделяется не только Комиссия, но и Совет. Исходя из своего предназначения исполнительные акты, как отмечает профессор Крейг, в общем случае будут являются актами общего применения [12, с. 116], хотя не исключается и возможность принятия индивидуальных исполнительных актов [3, с. 118]. Полномочия Комиссии по принятию такого типа актов не имеют какой-либо «квазизаконодательной» природы, как в случае с

делегированными полномочиями, поскольку не подразумевают какого-либо дополнения или изменения текста основного акта.

Одним из ключевых отличительных признаков исполнительного акта от делегированного является механизм контроля над деятельностью Комиссии со стороны Парламента и Совета. Ст. 291 в отличие от ст. 190 ДФЕС предусматривает принятие специального законодательного акта (Регламент Парламента и Совета №182/2011 от 16 февраля 2011 года [13]), регулирующего процедуру контроля за реализацией Комиссией полномочий по принятию исполнительных актов. Исполнительные акты подлежат контролю со стороны государств-членов по линии вышеупомянутых комитологических комитетов. В настоящее время Регламент №182/2011 предусматривает (в ст. 2) два вида комитологической процедуры:

- процедура проверки (examination procedure) используется применительно к актам общего применения (of general scope), программам, предусматривающим существенное бюджетное финансирование, актам, относящимся к общей сельскохозяйственной политике и политике в области рыболовства, общей торговой политике, к вопросам налогообложения, безопасности, защиты окружающей среды и здоровья населения;
- консультативная процедура (advisory procedure) применяется, как правило, во всех случаях, которые не предусматривают применение examination procedure.

При процедуре проверки Комиссия направляет проект исполнительного акта в комитологический комитет, который может:

- проголосовать за принятие проекта акта квалифицированным большинством, в результате чего акт будет принят;
- проголосовать квалифицированным большинством против принятия проекта акта. В этом случае Комиссия может либо отказаться от принятия акта, либо внести правки в проект и вновь представить его в комитет в течение 2 месяцев со дня получения негативного заключения, либо в течение 1 месяца направить проект акта без изменений в апелляционный комитет;
- в случае, если комитет не сможет проголосовать квалифицированным большинством ни за, ни против проекта акта, в таком случае Комиссия может принять указанный акт за исключением ряда случаев, специально оговоренных в ст. 4 Регламента №182/2011 — применительно к этим пунктам Комиссия должна реализовать ту же последовательность действий, что и при получении негативного отзыва на проект.

Апелляционный комитет состоит из одного представителя от каждого государства-члена (на уровне не ниже главы департамента МИД, что подразумевает политический уровень представительства) и председателя, делегируемого Комиссией [5, с. 31]. Рассматривая проект исполнительного акта данный комитет может вносить в него поправки и в итоге проголосовать квалифицированным большинством за или против его принятия или, не выразить какого-либо мнения. В последнем случае, а также при утверждении проекта комитетом акт может быть принят Комиссией.

Консультативная процедура подразумевает направление проекта акта Комиссией в соответствующий комитет, который рассматривает его и может принять итоговое заключение по нему простым большинством голосов, после чего проект передается обратно ЕК, которая принимает решение о целесообразности его принятия после

внимательного изучения (taking utmost account) итогов обсуждения в комитете и принятого по их результатам заключения. Важно подчеркнуть, что заключение комитета в данном случае не является юридически обязывающим Комиссию документом. Указанный тип процедуры в основном применяется к актам, касающимся выделение грантового финансирования различных программ [5, с. 30].

Помимо двух основных процедур Регламент №182/2011 предусматривает возможность принятия исполнительного акта Комиссией даже в случае негативного решения по нему в комитологическом комитете (а также в случае отсутствия такого решения в ситуации, когда положительное решение необходимо), если существуют серьезные угрозы стабильности на аграрном рынке или риски, связанные с интересами Союза в финансовой сфере. В данном контексте ЕК должна незамедлительно после принятия такого акта направить его в апелляционный комитет. Если апелляционный комитет проголосует против принятия такого акта, он должен быть немедленно аннулирован Комиссией. Кроме того, предусмотрена специальная процедура принятия исполнительных актов, требующих безотлагательного вступления в силу. В таком случае акт принимается Комиссией и в течение 14 дней направляется в комитологический комитет, который рассматривает его по соответствующей процедуре. В случае отрицательного заключения комитета акт немедленно аннулируется ЕК.

Проблемы разграничения делегированных и исполнительных актов.

В теории, издаваемые Комиссией делегированные и исполнительные акты достаточно четко разграничены друг от друга в определениях, приведенных в ст. 290 и ст. 291 ДФЕС. Исходя из этого, ряд авторов указывает на «принципиальное различие» между ними, в первую очередь, исходя из цели принятия актов каждого типа: делегированный акт принимается для внесения несущественных дополнений и изменений в основной акт, а целью принятия исполнительного акта является установление единообразных условий применений основного акта [14, с. 178]. В то же время другие исследователи, учитывая не только теоретическую, но и практическую составляющую данного аспекта, указывают на сложность разграничения делегированных и исполнительных актов: в западной доктрине высказываются точки зрения относительного того, что указанные акты в принципе являются взаимоисключающими [15, с. 70-71]. Трудность указанного вопроса связана с формулировкой цели принятия акта, а именно с трудностью отграничения на практике норм, призванных изменять и дополнять основной акт (делегированный акт), и норм, направленных на установление единообразных правил исполнения основного акта (исполнительный акт). Очевидно, что в данном случае понятия «дополнение» и «установление единообразных правил применения» основного акта выступают в качестве оценочных признаков. Очевидно, что меры, направленные на достижение единообразия в применении могут в то же время и определенным образом дополнять и уточнять основной акт. В качестве примера можно рассмотреть Исполнительный регламент Комиссии 2019/627 от 15 марта 2019 года, устанавливающий унифицированные практические меры для осуществления официального контроля в отношении продуктов животного происхождения, предназначенных для потребления человеком, в соответствии с Регламентом (ЕС) 2017/625 Европейского парламента и Совета [16]. Указанный акт, в частности, вводит отдельные требования по маркировке продукции, регулирует порядок

проведения контрольных мероприятий, в том числе аудита, различных инспекций и т.д. Причем в основном акте указанные меры детально не прописаны, в нем в ряде случаев, например, в ст. 25 [17] делается лишь отсылка на возможность принятия Комиссией соответствующего **исполнительного** акта, устанавливающего правила и процедуры контроля в отношении продуктов животного происхождения. Здесь ст. 25 Регламента (ЕС) 2017/625 Европейского парламента и Совета очевидно выступает в качестве бланкетной нормы, содержание которой конкретизируется в конкретных положениях Исполнительного регламента Комиссии 2019/627. Можно ли считать, что указанный акт формулирует единообразные условия в отношении форм контроля производства продукции животного происхождения? Очевидно, что это так: единообразие достигается посредством установления в указанном регламенте единых правил процедуры, к примеру, проведения послеубойной инспекции туш животных. В то же время можно ли считать, что установление в указанном акте конкретных правил процедур контроля определенным образом дополняет положения основного акта (который лишь отсылает к возможности установления подобных правил, но их не содержит)? Такое утверждение также представляется убедительным.

Для большей наглядности в исследовании данного вопроса стоит обратиться к имеющемуся на официальном сайте Еврокомиссии реестру делегированных и исполнительных актов (как принятых и опубликованных, так и находящихся в стадии согласования) [18]. По итогам ознакомления с занесенными в указанный реестр исполнительными актами можно провести их дифференциацию по цели их принятия, отраженной в названии акта. Так, значительная группа исполнительных актов, исходя из их названия, призвана обеспечить установление единообразных правил применения основного акта. Для иллюстрации можно привести Исполнительный регламент Комиссии 2022/44 от 13 января 2022 г., устанавливающий правила применения Регламента Парламента и Совета 2021/1139 от 7 июля 2021 г. в части, касающейся критериев определения уровня финансовых корректировок и применения фиксированных ставок, связанных с серьезным несоблюдением Общих правил политики в области рыболовства (Commission Implementing Regulation (EU) 2022/44 of 13 January 2022 laying down rules for the application of Regulation (EU) 2021/1139 of the European Parliament and of the Council as regards the criteria for establishing the level of financial corrections and for applying flat-rates linked to serious non-compliance with Common Fisheries Policy rules). В приложении к рассматриваемому Исполнительному регламенту приводится таблица, в которой устанавливается соотношение различных случаев несоблюдения Общих правил политики в области рыболовства и применения к ним соответствующего уровня финансовых корректировок. За счет этого происходит унификация применения государствами-членами ЕС финансовых корректировок и фиксированных ставок в случае нарушения Общих правил политики в области рыболовства. Таким образом можно признать, что в целом указанный исполнительный акт соответствует цели принятия актов, подобного типа, обозначенной в ст. 291 ДФЕС. Однако, стоит отметить, что непосредственный размер, установленных ставок и финансовых корректировок, безусловно, также можно рассматривать и как привнесение в базовый Регламента Парламент и Совета 2021/1139 определенных незначительных дополнений. Аналогичные утверждения

можно отнести и Исполнительный регламент Комиссии 2021/2224 от 16 ноября 2021 года устанавливающий некоторые детали, касающиеся функционирования автоматизированных механизмов и процедур, связанных с контролем за массивами данных, а также касающиеся индикаторов качества общих данных и минимальных стандартов качества хранения данных в соответствии со ст. 37(4) Регламента 2019/817 Европейского парламента и Совета (Commission Implementing Regulation (EU) 2021/2224 of 16 November 2021 laying down the details of the automated data quality control mechanisms and procedures, the common data quality indicators and the minimum quality standards for storage of data, pursuant to Article 37(4) of Regulation (EU) 2019/818 of the European Parliament and of the Council).

Примечательным примером, характеризующим «зыбкую грань» между исполнительными и делегированными актами, представляет собой Исполнительный регламент Комиссии 2022/84 от 19 января 2022 г., **вносящий поправки** *(выделено автором)* в Регламент Совета 881/2002, накладывающий ряд специальных ограничительных мер против ряда лиц и организаций, ассоциированных с ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каидой (Commission Implementing Regulation (EU) 2022/84 of 19 January 2022 amending for the 327-th time Council Regulation (EC) No 881/2002 imposing certain specific restrictive measures against certain persons and entities associated with the ISIL (Da'esh) and Al-Qaida organisations). Указанный акт вносит дополнительных лиц в рестрикционный список (Приложение I к основному акту). Внесение нового лица в указанный список никоем образом нельзя отнести к установлению «единообразных условий исполнения» данного Регламента Совета, очевидно, что в этом случае речь идет о дополнении положений основного акта. Примечательно также, что рассматриваемый Регламент Совета 881/2002 был принят еще до Лиссабонского договора, закрепившему новые типы незаконодательных актов (исполнительных и делегированных). В связи с этим ст. 7 Регламента 881/2002, наделяющая Комиссию правом по дополнению и изменению Приложения I, не содержит условия по использованию конкретного типа акта исполнительного или делегированного (поскольку в момент принятия Регламента данного разделения еще не существовало). Таким образом, с формальной точки зрения ЕК была свободна в выборе формы незаконодательного акта, **вносящего поправки** в указанный Регламент, однако, тем не менее, выбор Комиссии остановился именно на форме исполнительного акта. В развитие затронутой темы можно отметить, что ряд отечественных исследователей, в частности Стельникова Н.А., в качестве примера неоднозначности критерия разграничения делегированных и исполнительных актов приводят обновленную классификацию актов, принятых Комиссией до вступления в силу Лиссабонского договора. Большинство из них содержит дополнения и детализирующие основной акт положения, однако впоследствии указанные акты были классифицированы в качестве исполнительных, а не делегированных [8, с. 157]. Вопрос установления четкой дифференциации делегированных и исполнительных полномочий Комиссии становился предметом рассмотрения Суда ЕС. Однако высшая судебная инстанция Союза в своих решениях также не внесла правовой определенности в рассматриваемую проблему [19]. Так, в своем решении по делу C-427/12 Комиссия против Парламента и Совета от 18 марта 2014 года Суд отказал в удовлетворении требования ЕК, которая считала некорректным возложения на нее полномочий по принятию

исполнительного, а не делегированного акта в соответствии с Регламентом Парламента и Совета о биоцидных продуктах [20]. Суд отметил, что наделение Комиссии исполнительными или делегированными полномочиями применительно к соответствующему основному акту является дискретным правом Парламента и Совета.

Наделение Комиссии правом по принятию того или иного типа акта, таким образом, зависит не столько от декларируемой цели такого акта, исходя из легальных определений в ст. 290 и ст.291 ДФЕС, а скорее от решения Совета и Парламента по наделению ЕК соответствующими полномочиями, применительно к каждому конкретному акту. При этом, исходя из различных механизмов контроля за исполнением Комиссией своих полномочий, для Парламента предпочтительнее представляется наделение ЕК делегированными полномочиями (поскольку в этом случае он может выразить возражение против принятия такого акта), для Совета, состоящего их представителей государств-членов, наоборот – исполнительными, поскольку это передает контроль над принятием такого акта в комитологические комитеты, которые формируются из представителей государств-членов.

Выводы.

Комиссия обладает достаточно широкими полномочиями по принятию делегированных (носящих квазизаконодательный характер) и исполнительных актов. По сравнению с долиссабонским периодом новая система незаконодательных актов, принимаемых ЕК, на первый взгляд выглядит более структурированной, а процедуры и механизмы контроля за деятельностью Комиссии более упрощенными и рационализированными. При этом специфические критерии разграничения делегированных и исполнительных актов делают процесс их принятия очередной ареной противостояния Парламента, Совета, Комиссии, которые вынуждены в каждом конкретном случае принимать компромиссное решение о наделении ЕК конкретными полномочиями, подразумевающими определенные механизмы контроля. Механизм принятия делегированных и исполнительных актов в ЕС страдает от отсутствия четкой правовой регламентации указанного процесса, особенно на уровне учредительных договоров, и нацелен, в первую очередь, на максимальное согласование и учет позиций всех заинтересованных институциональных «игроков». В этой связи целесообразным представляется в принципе отказаться от существующей дихотомии делегированных и исполнительных актов и наделить Комиссию полномочиями по принятию одного типа актов, который включал бы в себя возможность для ЕК как дополнять несущественные элементы основного акта, так и устанавливать единообразные рамки применения последнего. Исходя из существующей логики норм права ЕС в этой сфере представлялось бы уместным оставить за подобными актами названия «делегированных».

Список литературы:

1. Неофициальный перевод Регламента Совета (ЕС) 2016/1104 от 24 июня 2016 (выполнен Липатовой Е.) – размещен на официальном сайте НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс] – URL: https://pravo.hse.ru/data/2019/01/21/1147358997/%D0%A0%D0%95%D0%93%D0%9B%D0%90%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%A2%20(%D0%95%D0%A1)%20%E2%84%96%2020161104.pdf (дата последнего обращения - 21.01.2022).
2. Имплементационный регламент Комиссии (ЕС) №577/2013 от 28 июня 2013 года // Официальный сайт Россельхознадзора. [Электронный ресурс] – URL: https://fsvps.gov.ru/fsvps/laws/4036.html (дата последнего обращения - 21.01.2022).

3. Стельникова Н.А. Делегированное законодательство в Европейском Союзе // Вестник Московского Университета. Сер.11. ПРАВО. 2015. №3.
4. Communication from the Comission to the European Parliament and the Council on implementattion of Article 290 of the Treaty on the functioning of the European Union./ COM/2009/0673 final // [Electronic source]. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009DC0673&qid=1635308208755 (last accessed date: 04.11.2021).
5. Hardacre Alan, Michael Kaeding. Delegated & Implementing Acts: The New Worlds of Comitology – Implications for European and National Public Administrations. EIPAScope, 2011 (1): 29–32.
6. European Parliament Resolution of 5 May 2010 on the power of legislative delegation. // [Electronic source]. - URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2010-0127_EN.html (last accessed date: 04.11.2021).
7. Christiansen Th., Dobbels M. Non-Legislative Rule Making after the Lisbon Treaty: Implementing the New System of Comitology and Delegated Acts // Europ. L.J. 2013 Vol. 19 №1. P. 49-54.
8. Стельникова Н.А. Делегированное законодательство в системе европейского права: теоретико-правовые вопросы. дисс. кандидата юридических наук: 12.00.01 / Стрельникова Наталия Алексеевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2016. - 210 с.
9. Interinstitutional Agreement between the European Parliament, the Council of the European Union and the European Commission on Better Law-Making. // Official Journal of the European Union. L.123/1 12.05.2016.
10. Craig P. Delegated Acts, Implementing Acts and the New Comitology Regulation // Europ. L. Rev. 2011. Vol. 36 № 5.
11. Hofmann H. Legislation, Delegation and Implementation under the Treaty of Lisbon: Typology Meets Reality // Europ. L.J. 2009. Vol. 15. №4.
12. Craig P., Burca G. EU Law: text, cases, materials. Oxford, 2011. - 1344 P.
13. Regulation №182/2011 of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 laying down the rules and general principals concerning mechanisms for control by Member States of the Commission's exercise of implementing powers // O. J. 2011. L. 55/13 of 28.2.2011.
14. Романова, М. Е. Роль «незаконодательных» актов в таможенном регулировании Европейского Союза // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 5(45). – С. 175-182.
15. Steiner & Woods. EU Law. Oxford University Press, 2012. - 738 P.
16. Имплементационный регламент Комиссии 2019/627 от 15 марта 2019 года, устанавливающий унифицированные практические меры для осуществления официального контроля в отношении продуктов животного происхождения, предназначенных для потребления человеком, в соответствии с Регламентом (ЕС) 2017/625 Европейского парламента и Совета, и вносящий поправки в Регламент Комиссии (ЕС) 2074/2005 в части официального контроля. // Текст - [Электронный ресурс]. – URL: https://fishquality.ru/assets/files/Documents%20on%20activities/Legislation/EU/%D0%98%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%202019-627.pdf (дата последнего обращения: 04.11.2021).
17. Regulation (EU) 2017/625 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on official controls and other official activities performed to ensure the application of food and feed law, rules on animal health and welfare, plant health and plant protection products // O.J. 2017. L 95/1. 7 April 2017.
18. Реестр делегированных и исполнительных актов. Официальный сайт ЕК [Электронный ресурс] – URL: https://webgate.ec.europa.eu/regdel/#/implementingActs?lang=en (дата последнего обращения 03.02.2022).
19. Bast, Jürgen, Is There a Hierarchy of Legislative, Delegated and Implementing Acts? (August 17, 2015). In: Carl Fredrik Bergström and Dominique Ritleng (eds.), Rulemaking by the European Commission: The New System for Delegation of Powers (Oxford University Press 2016) P 157-171.
20. Regulation (EU) N 528/2012 of the European Parliament and of the Council of 22 May 2012 concerning the making available on the market and use of biocidal products // O.J. 2012. L 167. 27 June. Art 80(1).

Ilya V. Astapenko. Non-legislative law-making procedures in EU law - the role of the European Commission // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 415-426.

The article examines the issue of adoption of non-legislative acts by the EU Commission. The analysis of the procedures for the adoption of delegated and implementing acts by the EC is carried out, their key characteristics are highlighted. The issue of identifying the legal nature of delegated and implementing acts and their relationship to each other is touched upon, in particular, the "quasi-legislative" essence of delegated legislation in the EU is noted. It is noted that the procedure for the adoption of delegated acts is not directly fixed in the constituent agreements and was spelled out in the interinstitutional agreement of 2016. In addition, the aspects of interinstitutional interaction within the framework of coordination of procedures for the adoption of these types of acts by the Commission are considered in detail. In comparison with the pre-Lisbon period, the Commission, especially in terms of the adoption of delegated acts, received greater freedom of

action, freed from the control of the Comitological committees. At the same time, the European legislator has provided for fairly general evaluation criteria.

Key words: EU law, European Commission, non-legislative acts, delegated acts, implementing acts, European Parliament, EU Council, rulemaking.

Spisok literatury:

1.Neoficial'nyj perevod Reglamenta Soveta (ES) 2016/1104 ot 24 iyunya 2016 (vypolnen Lipatovoj E.) – razmeshchen na oficial'nom sajte NIU VSHE. [Elektronnyj resurs] – URL: https://pravo.hse.ru/data/2019/01/21/1147358997/%D0%A0%D0%95%D0%93%D0%9B%D0%90%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%A2%20(%D0%95%D0%A1)%20%E2%84%96%2020161104.pdf (data poslednego obrashcheniya - 21.01.2022).
2.Implementacionnyj reglament Komissii (ES) №577/2013 ot 28 iyunya 2013 goda // Oficial'nyj sajt Rossel'hoznadzora. [Elektronnyj resurs] – URL: https://fsvps.gov.ru/fsvps/laws/4036.html (data poslednego obrashcheniya - 21.01.2022).
3.Stel'nikova N.A. Delegirovannoe zakonodatel'stvo v Evropejskom Soyuze // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser.11. PRAVO. 2015. №3.
4.Communication from the Comission to the European Parliament and the Council on implementattion of Article 290 of the Treaty on the functioning of the European Union./ COM/2009/0673 final // [Electronic source]. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009DC0673&qid=1635308208755 (last accessed date: 04.11.2021).
5.Hardacre Alan, Michael Kaeding. Delegated & Implementing Acts: The New Worlds of Comitology – Implications for European and National Public Administrations. EIPAScope, 2011 (1): 29–32.
6.European Parliament Resolution of 5 May 2010 on the power of legislative delegation. // [Electronic source]. - URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2010-0127_EN.html (last accessed date: 04.11.2021).
7.Christiansen Th., Dobbels M. Non-Legislative Rule Making after the Lisbon Treaty: Implementing the New System of Comitology and Delegated Acts // Europ. L.J. 2013 Vol. 19 №1. P. 49-54.
8.Stel'nikova N.A. Delegirovannoe zakonodatel'stvo v sisteme evropejskogo prava: teoretiko-pravovye voprosy. diss. kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.01 / Strel'nikova Nataliya Alekseevna; [Mesto zashchity: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova]. - Moskva, 2016. - 210 s.
9.Interinstitutional Agreement between the European Parliament, the Council of the European Union and the European Commission on Better Law-Making. // Official Journal of the European Union. L.123/1 12.05.2016.
10. Craig P. Delegated Acts, Implementing Acts and the New Comitology Regulation // Europ. L. Rev. 2011. Vol. 36 № 5.
11. Hofmann H. Legislation, Delegation and Implementation under the Treaty of Lisbon: Typology Meets Reality // Europ. L.J. 2009. Vol. 15. №4.
12. Craig P., Burca G. EU Law: text, cases, materials. Oxford, 2011. - 1344 P.
13. Regulation №182/2011 of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 laying down the rules and general principals concerning mechanisms for control by Member States of the Commission's exercise of implementing powers // O. J. 2011. L. 55/13 of 28.2.2011.
14. Romanova, M. E. Rol' «nezakonodatel'nyh» aktov v tamozhennom regulirovanii Evropejskogo Soyuza // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2018. – № 5(45). – S. 175-182.
15. Steiner & Woods. EU Law. Oxford University Press, 2012. - 738 P.
16. Implementacionnyj reglament Komissii 2019/627 ot 15 marta 2019 goda, ustanavlivayushchij unificirovannye prakticheskie mery dlya osushchestvleniya oficial'nogo kontrolya v otnoshenii produktov zhivotnogo proiskhozhdeniya, prednaznachennyh dlya potrebleniya chelovekom, v sootvetstvii s Reglamentom (ES) 2017/625 Evropejskogo parlamenta i Soveta, i vnosyashchij popravki v Reglament Komissii (ES) 2074/2005 v chasti oficial'nogo kontrolya. // Tekst - [Elektronnyj resurs].– URL: https://fishquality.ru/assets/files/Documents%20on%20activities/Legislation/EU/%D0%98%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%202019-627.pdf (data poslednego obrashcheniya: 04.11.2021).
17. Regulation (EU) 2017/625 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on official controls and other official activities performed to ensure the application of food and feed law, rules on animal health and welfare, plant health and plant protection products // O.J. 2017. L 95/1. 7 April 2017.
18. Reestr delegirovannyh i ispolnitel'nyh aktov. Oficial'nyj sajt EK [Elektronnyj resurs] – URL: https://webgate.ec.europa.eu/regdel/#/implementingActs?lang=en (data poslednego obrashcheniya 03.02.2022).
19. Bast, Jürgen, Is There a Hierarchy of Legislative, Delegated and Implementing Acts? (August 17, 2015). In: Carl Fredrik Bergström and Dominique Ritleng (eds.), Rulemaking by the European Commission: The New System for Delegation of Powers (Oxford University Press 2016) P 157-171.
20. Regulation (EU) N 528/2012 of the European Parliament and of the Council of 22 May 2012 concerning the making available on the market and use of biocidal products // O.J. 2012. L 167. 27 June. Art 80(1).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 427-434.

УДК 340.132.1

ПОЗИТИВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Галустян Н. В.

Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье анализируется проблема выстраивания отношений между личностью, обществом и государством в рамках существующего на сегодняшний день состояния взаимной ответственности, формах и степени ее проявления на основании норм законодательства Российской Федерации, обозначаются предпосылки их дальнейшего совершенствования, берется во внимание влияние процессов глобализации на изменение трактовки концепции властных проявлений на современном этапе. Предприняты попытки исследовать категорию позитивной ответственности, юридической ответственности, исследуется сущность ответственности государства за деятельность должностных лиц. Предлагаются рекомендации, способствующие дальнейшему совершенствованию механизма реализации позитивной юридической ответственности государства перед личностью с учетом последних тенденции и изменений в общественной и политической жизни.

Ключевые слова: правовое государство; правовая активность личности; правовая культура; взаимная ответственность; публичная власть; гражданское общество; юридическая позитивная ответственность; должностное лицо; административная ответственность; защита прав и свобод человека и гражданина; контроль со стороны гражданского общества.

Взаимоотношения власти и личности по-прежнему представляет собой один из главных вопросов формирования правового государства на современном этапе, поскольку источником всей власти, которой располагает государство, является именно народ. В обществе, имеющем стойкие демократические, правовые, культурные и политические традиции, которые уже одним фактом существования обеспечивают независимое и свободное положение человека, в личностно ориентированном гражданском обществе, представляющем собой главную цель формирования правовой государственности в российском правовом пространстве, наивысшей ценностью является человек. Взаимная ответственность государства и личности - это один из ведущих признаков правового государства, направленных на обеспечение автономии и независимости личности. Она дает возможность каждому ощущать себя в качестве члена гражданского общества. Поэтому государство берет на себя обязательство обеспечить справедливость в отношениях с каждым гражданином, где отношения между государством, как носителем политической власти, и гражданином, как участником ее формирования и осуществления, должны строиться на началах равенства и справедливости.

Определенные гарантии как реализации права на обращение, так и повышения эффективности общественного контроля граждан за деятельностью государственно-

го аппарата на сегодняшний день содержит новое законодательство. От общественной, правовой активности и желания самих граждан, а также уровня правовой культуры зависит вопрос их практического использования. Конституция Российской Федерации не только признает существование гражданских прав и свобод и провозглашает их приоритет, но и устанавливает принцип «связанности» государства правами и свободами: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст.2 Конституции РФ) [1]. На тех же правовых началах строится ответственность личности перед государством.

Отношения государства с личностью должны строиться на принципе равенства, партнерства и взаимной ответственности, государство обязано обеспечить справедливость в отношениях с каждым гражданином, отмечает Бабаджанян К.А., а за несоблюдение обязанностей государство в лице своих органов и должностных лиц обязано нести ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Без реализации юридической ответственности государства и его представителей перед личностью представляется невозможным формирование правового государства [2, с. 40].

Государственно-властные обязанности и юридическая ответственность являются одним из центральных звеньев статуса органов публичной власти и должностных лиц. Конкретное и прямое закрепление обязанностей в нормативно-правовых актах позволяет обеспечивать правильную модель поведения властных субъектов и способствует эффективному осуществлению ими своих задач и функций. При этом обязанности должны быть обеспечены соответствующими мерами ответственности для понуждения обязанного субъекта к их исполнению. По мнению Малько А.В. и Маркунина Р.С., нормы права должны содержать зафиксированный механизм ответственности, отсутствие которого позволяет публичным органам не выполнять надлежащим образом возложенные на них обязанности. В этом и заключается тесная взаимосвязь этих двух явлений [3].

Очевиден тот факт, что права и свободы индивида являются важнейшим противовесом всесилию государственной власти, обеспечивают ее ограничение и самоограничение, замечает в своем исследовании Патюлин Г.С. [4, с. 46].

Трансформация государственной власти подразумевает укрепление государственных институтов, в том числе системы исполнительной власти, где среди основных задач системно-структурного подхода выделяется анализ противоречия между централизацией и децентрализацией в государственном управлении. Выстраивание вертикали власти в России будут иметь определенные последствия для дальнейшего развития федерализма, а также муниципальных органов власти. Государство и государственная власть как системный объект существует как во внутреннем, так и во внешнем, международном окружении. В связи с этим возникает необходимость анализа изменения государства и государственной власти в мире в эпоху глобализации. Если на протяжении длительного периода времени государства держались преимущественно на территориальных завоеваниях, сегодня они переориентируются на контроль над распределением мировых ресурсов как на основное средство обеспечения своего благосостояния. Товары постепенно приобрели большую мобильность, чем капитал и рабочая сила, что привело к возникновению торгового государства [5].

По мнению Очеретного И.С., юридическая ответственность представляет собой признаваемую государством способность лица отдавать себе отчет о своем противоправном деянии и претерпевать на себе меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения благ, непосредственно ему принадлежащих, поэтому юридическая ответственность связана с правом, государством и, конечно же, законом [6, с. 13].

Юридическая наука уделяет большое внимание изучению проблем юридической ответственности, административной ответственности, изучению понятия должностного лица, отмечает Ю.А. Любчиков. Однако определения данных понятий попрежнему содержат в себе многочисленные противоречия. Если коснуться одного из важнейших понятий права – должностное лицо, то на поверхность выплывут отсутствующие до сих пор не только согласие о содержании этого понятия, но и само единство подходов к его поиску [7, с. 46].Усиление же ответственности (в большей степени в административном праве) проявляется в детализации имеющихся и введение новых составов административных правонарушений, пишет Кушнир И. В. [8, с. 57].

В своем исследовании Зубарев С.М. приходит к выводу о том, что создана новая нормативная база, призванная повысить эффективность участия граждан в управлении делами государства и контроле за деятельностью государственного аппарата [9, с. 23]. Так, в частности, этапным моментом в реализации стратегического направления реализации народовластия, приводит доводы в своей работе Сидоренко Г. И., явилось учреждение Общественной палаты Российской федерации, как института гражданского общества, призванного обеспечивать взаимодействие граждан Российской Федерации, общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, а также иных некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты интересов профессиональных и социальных групп с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений и иных некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания [10].

Для того, чтобы добиться более эффективной реализации механизма взаимной ответственности государства и граждан необходимо, на наш взгляд, исследовать основные особенности содержания осуществления государственной власти должностными лицами, а также степень правовой активности граждан в сегодняшних реалиях, место и роль гражданского общества в указанных процессах. На основе анализа нормативно-правовой регламентации указанных институтов предложить

меры по дальнейшему совершенствованию данных отношений в современных условиях развития гражданского общества и государства.

Ответственность публичных органов перед гражданами вытекает из ст. 53 Конституции Российской Федерации, в которой закрепляется возможность возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц [3].

Однако действующее на данный момент законодательство устанавливает предельно широкий арсенал иммунитетов, прав и свобод одновременно с гораздо меньшим по объему, несистематизированным в законодательстве перечнем обязанностей и ответственности. Российские системы иммунитетов и гарантий, обеспечивающие независимость должностных лиц органов публичной власти, на практике создают опасность проявления вседозволенности, поскольку могут затруднять, а иногда и вовсе исключать возможность реализации процедуры привлечения должностных лиц к юридической ответственности. Существующая нормативно-правовая база практически не предусматривает какой-либо конкретной ответственности субъектов публичной власти по результатам их деятельности, т. е. за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей. Большинство норм, связанных с ответственностью государства и государственных органов, носят больше декларативный характер.

На данный момент складывающаяся общесоциальная и политическая ситуация вокруг деятельности органов власти, в частности, на уровне некоторых субъектов Российской Федерации, связана с устоявшимся в сознании большинства членов общества мнением о безответственности властных субъектов за результаты своей деятельности и о том, что их статус используется ими для выражения лишь корпоративных или личных интересов. Подобная ситуация может привести к снижению легитимности власти, доверия к ней и отрицанию ее ценности. Публичная власть должна нести также позитивную ответственность, поскольку органы власти, даже при отсутствии с их стороны каких-либо противоправных действий, тем не менее, несут общую ответственность за безопасность своих граждан, создание необходимых условий для их нормальной жизнедеятельности, реализацию принадлежащих им прав и свобод. Чтобы успешно справляться с этой функцией, власть должна быть достаточно сильной, эффективной и дееспособной [3, с. 45].

На сегодняшний день представляется актуальным решение вопроса о введении в российскую правовую систему, помимо уже существующих видов правовой ответственности, института ответственности должностных лиц федеральных органов власти и органов власти субъектов Российской Федерации перед государством. При этом предполагается, что ответственность наступает как за нарушение права, так и за нарушение закона. При ответственности за нарушение закона речь идет о негативной ответственности, а при ответственности за нарушение права – о позитивной ответственности, которую можно определить, как обязанность субъектов абсолютного правоотношения соблюдать права других участников данного правоотношения, не причинять своими действиями (бездействием) им вреда и обязанность соблюдать законы.

Базылев Б.Т. характеризует позитивную юридическую ответственность как предусмотренную правовыми нормами социальную связь личности и общества,

юридическое выражение объективной зависимости личности и общества, гражданина от государства. Она представляет собой правовое отношение общего характера, т. е. такую правовую связь, которая заключается в праве государства требовать от всех субъектов исполнения конкретных юридических обязанностей и их обязанности правомерного поведения. Неисполнение конкретного предписания есть нарушение данной правовой связи и, следовательно, основание возникновения индивидуализированных отношений ответственности, (ответственности в ретроспективном смысле) [11].

Соглашаясь с мнением Бабаджанян К.А., укажем, что, прежде всего, государство несет общую позитивную ответственность за создание необходимых условий для реализации гражданами принадлежащих им конституционных прав и свобод, за поддержание должного общественного порядка в стране, ответственность за обеспечение личной безопасности членов общества, их защиту от преступных посягательств. Оно также несет гражданско-правовую ответственность за моральный и материальный ущерб, причиненный его чиновниками гражданам. Субъектами такой ответственности являются как само государство, так и должностные лица, и государственные органы, представляющие государство. Привлечение к ответственности органов государственной власти означает привлечение к ответственности государства в целом [2 , с. 38].

Вместе данные два вида ответственности (позитивная и негативная), имеющие общие цели (охрана прав и законных интересов субъектов правовой жизни, законности и правопорядка, предотвращение правонарушений и др.) и общие функции (к примеру, охранительную), образуют единый институт юридической ответственности [4, с.7].

Что касается вопроса о видах юридической ответственности, то он является ключевым как для определения отдельных видов юридической ответственности во всей системе последней, так и, в частности, для определения административной ответственности. Как правило, в юридической науке выделяют 6 видов юридической ответственности: конституционную, уголовную, административную, гражданскую, дисциплинарную, материальную. Однако в последнее время как ученые, так и законодатель расширяют этот устоявшийся перечень видов юридической ответственности (упоминаются экологическая, налоговая, бюджетная и другие виды ответственности). Безусловно, для относительно молодой российской правовой системы подобное явление предсказуемо, и выделение различных видов ответственности имеет некоторую пользу. Вместе с тем можно констатировать размывание системы юридической ответственности и потерю четкости критериев разграничения одного вида ответственности от другого. Наиболее страдает от этого административная ответственность, вопрос о декодификации составов которой поднимался ведущими учеными-правоведами Д. Н. Бахрах, В. Д. Сорокин, Ю. Н. Старилов. Усложняет ситуацию и неопределенность законодателя, и разнообразие позиций по этой проблеме в науке.

Согласимся с мнением Любчикова Ю.А. о том, что в настоящее время проблема юридической ответственности по-прежнему актуальна[7, с.46].Под ответственностью следует понимать отрицательную оценку содеянного и наличие предусмот-

ренных законом соответствующих наказаний за содеянное лицом. Если в прошлом ее решение в юриспруденции носило прикладной характер, то на современном этапе развития общества она приобрела методологическое значение, более того, в теории права стала мировоззренческой, что, в свою очередь, предопределяет новые тенденции развития института юридической ответственности. Двойственный характер ответственности проявляется в усилении или ужесточении ответственности, а также в либерализации ответственности.

Детально рассматривая административно-правовые нормы во всей их совокупности и многообразии, можно прийти к выводу о необходимости систематизированного подхода к проблеме ответственности должностных лиц, так как содержащиеся на сегодняшний день нормы об ответственности органов исполнительной власти (в сущности, это ответственность должностных лиц, так как они в совокупности или единолично и образуют эти органы) очень разрозненны. В Кодексе РФ об административных правонарушениях должностные лица указаны субъектами административной ответственности более чем в 430 случаях [12, с. 44]. Поэтому мы солидарны с мнением Федосеевой Н.Н. и Шеремета К.А., которые в своем исследовании отмечают, что возникает необходимость принять закон, отдельно регламентирующий вопросы ответственности должностных лиц, представителей исполнительной ветви власти Российской Федерации, подробно освещая процессуальные моменты [13, с. 11].

Юридическая ответственность должна найти свое отражение, начиная от должностных лиц высшего звена государственного аппарата управления и заканчивая государственным служащим низшего звена. Для этого необходимо введение открытого и прозрачного режима власти, что должно быть наиболее важным условием контроля со стороны гражданского общества и прочих средств прямого и опосредованного влияния на содержание деятельности ее представителей. Правовой характер взаимной ответственности государства и личности представляет собой важную составную часть складывающегося в обществе правового регулирования. Но не стоит забывать, что отдельное место среди прав и свобод, перечисленных в Конституции Российской Федерации, занимают гражданские права и свободы, под которыми принято понимать свободу каждого человека принимать решения независимо от государства. Необходимостью является не только провозглашение указанных прав и свобод, но и обеспечение (осуществление) их реализации в общественных отношениях.

Проявление инициативы при осуществлении государственно-властной деятельности и социально-правовая активность личности тесно переплетаются с позитивной ответственностью в процессе построения правового государства и гражданского общества. Приучение обществом представителей публичной власти испытывать чувство необходимости поступать ответственно происходит посредством принятых в самом обществе ценностей и идеалов. На наш взгляд, ключевым фактором построения позитивной юридической ответственности является пропаганда идей взаимной ответственности и уважения по отношению ко всем членам общества. Восприятие позитивной юридической ответственности как долга является важнейшей гарантией того, что в работе органов публичной власти будут принимать участие должностные лица, которым по силам осознанно нести такого рода ответственность.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 01.07.2020. – N 31. – ст. 4398.
2. Бабаджанян, К. А. Ответственность государства перед личностью как принцип правового государства [Текст]/ К.А. Бабаджанян // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – № 3 (86) . – 2012. – С.36-40.
3. Малько, А.В. Маркунин, Р.С.(2016) Место и роль юридической ответственности органов публичной власти в концепции правовой политики в сфере юридической ответственности [Текст]/ А.В. Малько //Вектор науки ТГУ. – Тольятти: Изд-во ТГУ. – 2016. – №2. – С. 45-48.
4. Патюлин, Г.С. Взаимная юридическая ответственность государства и человека [Текст]/Г.С. Патюлин//Труды института государства и права Российской академии наук Москва: Издательство: Институт государства и права РАН, 2010. – №6. – С. 7-22.
5. Rosecrance R. The Rise of the Trading State:Commerce and Conquest in the Modern World. N.Y, 1986.P. 160; Lansford T. Post-Westphalia Europe? Sovereigntyand the Modern Nation-State. International Studies. – 2000. – № 1.
6. Очеретный, И.С. (2016) Юридическая ответственность [Текст]/ И.С. Очеретный// Отечественная юриспруденция. – Иваново: Изд-во Олимп. – 2016. – № 7. – С. 13-16.
7. Любчиков, Ю.А. К вопросу об определении административной ответственности должностных лиц [Текст]/ Ю.А. Любчиков// Управленческое консультирование. – Санкт-Петербург: Изд-во:Северо-Западная академия государственной службы. – 2009. – №2. – С. 43 - 46.
8. Кушнир, И.В. Некоторые тенденции развития института юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации [Текст]/ И.В.Кушнир// Вестник Саратовской государственной юридической академии. – Саратов. – Издательство: Саратовская государственная юридическая академия. – 2017. – № 6. – С. 57- 64.
9. Зубарев, С.М. Участие граждан в общественном контроле за деятельностью государственного аппарата: новые законодательные гарантии [Текст]/ С.М. Зубарев// Административное право и процесс.– Москва: Издательство: Издательская группа «Юрист» – 2007. – № 4. – С. 20-25.
10. Сидоренко, Г. И. Развитие гражданского общества в современной России: тенденции и проблемы взаимодействия с государством [Текст]/ Г. И. Сидоренко// Молодой ученый. — 2015. — № 8 (88). — С. 749-753. — URL: https://moluch.ru/archive/88/17074/ (дата обращения: 08.04.2022).
11. Базылев, Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности [Текст]/ Б. Т. Базылев // Правоведение. -1979. - № 4. - С. 40 – 46.
12. Кудашев, Ш.А. (2010) Должностные лица – субъекты административной ответственности за нарушения законодательства о государственных закупках [Текст]/ Ш.А. Кудашев// Государственная власть и местное самоуправление. Москва: Издательство: Издательская группа «Юрист» – 2010. – № 8. – С. 44-47.
13. Федосеева, Н.Н., Шеремет К.А. Должностные лица как субъекты административной ответственности: теоретические и практические проблемы[Текст]/ Н.Н. Федосеева// Административное право и процесс. Москва: Издательство: Издательская группа «Юрист». – 2008. – №5. – С. 11-14.

Galustyan N. V. Positive legal responsibility of the state to the individual in modern conditions of development of the rule of law state and civil society// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022.– T. 8 (74). № 3. – P. 427-434.

The article analyzes the problem of building relations between the individual, society and the state within the framework of the current state of mutual responsibility, the forms and degree of its manifestation on the basis of the norms of the legislation of the Russian Federation, the prerequisites for their further improvement are indicated, the influence of globalization processes on changing the interpretation of the concept is taken into account. power manifestations at the present stage. Attempts have been made to explore the category of positive responsibility, legal responsibility, the essence of the responsibility of the state for the activities of officials is being explored. Recommendations are proposed that contribute to the further improvement of the mechanism for implementing the positive legal responsibility of the state to the individual, taking into account the latest trends and changes in public and political life.

Key words: rule of law, legal activity of a person, legal culture, mutual responsibility, public authority, civil society, legal positive responsibility, official, administrative responsibility, protection of human and civil rights and freedoms, control by civil society

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federa-cii ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 01.07.2020 № 11-FKZ) [Tekst] // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 01.07.2020. – N 31. – st. 4398.

2.Babadzhanyan, K.A. Otvetstvennost' gosudarstva pered lichnost'yu kak princip pravovo-go gosudarstva [Tekst]/ K.A. Babadzhanyan // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akade-mii. – № 3 (86) . – 2012. – S.36-40.

3.Mal'ko, A.V. Markunin, R.S.(2016) Mesto i rol' yuridicheskoj otvetstvennosti organov publichnoj vlasti v koncepcii pravovoj politiki v sfere yuridicheskoj otvetstvennosti [Tekst]/ A.V. Mal'ko //Vektor nauki TGU. – Tol'yatti: Izd-vo TGU. – 2016. – №2. – S. 45-48.

4.Patyulin, G.S. Vzaimnaya yuridicheskaya otvetstvennost' gosudarstva i cheloveka [Tekst]/G.S. Patyulin//Trudy instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk Moskva: Izdatel'stvo: In-stitut gosudarstva i prava RAN, 2010. – №6. – S. 7-22.

5.Rosecrance R. The Rise of the Trading State:Commerce and Conquest in the Modern World. N.Y, 1986.R. 160; Lansford T. Post-Westphalia Europe? Sovereigntyand the Modern Nation-State. International Studies. – 2000. – № 1.

6.Ocheretnyj, I.S. (2016) YUridicheskaya otvetstvennost' [Tekst]/ I.S. Ocheretnyj// Otechestvennaya yurisprudenciya. – Ivanovo: Izd-vo Olimp. – 2016. – № 7. – S. 13-16.

7.Lyubchikov, YU.A. K voprosu ob opredelenii administrativnoj otvetstvennosti dolzhnostnyh lic [Tekst]/ YU.A. Lyubchikov// Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – Sankt-Peterburg: Izd-vo:Severo-Zapadnaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby. – 2009. – №2. – S. 43 - 46.

8. Kushnir, I.V. Nekotorye tendencii razvitiya instituta yuridicheskoj otvetstvennosti v zakonoda-tel'stve Rossijskoj Federacii [Tekst]/ I.V.Kushnir// Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridiche-skoj akademii. – Saratov. – Izdatel'stvo: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. – 2017. – № 6. – S. 57- 64.

9.Zubarev, S.M. Uchastie grazhdan v obshchestvennom kontrole za deyatel'nost'yu gosudarstvennogo appa-rata: novye zakonodatel'nye garantii [Tekst]/ S.M. Zubarev// Administrativnoe pravo i process.– Moskva: Izdatel'stvo: Izdatel'skaya gruppa «YUrist» – 2007. – № 4. – S. 20-25.

10.Sidorenko, G. I. Razvitie grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii: tendencii i problemy vzaimodejstviya s gosudarstvom [Tekst]/ G. I. Sidorenko// Molodoj uchenyj. — 2015. — № 8 (88). — S. 749-753. — URL: https://moluch.ru/archive/88/17074/ (data obrashcheniya: 08.04.2022).

11.Bazylev, B. T. Sushchnost' pozitivnoj yuridicheskoj otvetstvennosti [Tekst]/ B. T. Bazylev // Pravo-vedenie. -1979. - № 4. - S. 40 – 46.

12.Kudashev, SH.A. (2010) Dolzhnostnye lica – sub"ekty administrativnoj otvetstvennosti za narushe-niya zakonodatel'stva o gosudarstvennyh zakupkah [Tekst]/ SH.A. Kudashev// Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. Moskva: Izdatel'stvo: Izdatel'skaya gruppa «YUrist» – 2010. – № 8. – S. 44-47.

13.Fedoseeva, N.N., SHeremet K.A. Dolzhnostnye lica kak sub"ekty administrativnoj otvetstvennosti: teoreticheskie i prakticheskie problemy[Tekst]/ N.N. Fedoseeva// Administrativnoe pravo i process. Moskva: Izdatel'stvo: Izdatel'skaya gruppa «YUrist». – 2008. – №5. – S. 11-14.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 435-441.

УДК 343.8 (091)

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧИХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Великая О. С.
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Данная статья посвящена изучению правовой организации рабочих и исправительных заведений в Великом княжестве Финляндском в первой половине XIX в. В работе указано, что создание данных пенитенциарных заведений произошло в ходе эволюции как финского, так и европейского уголовно-исполнительного права, начавшейся в Великобритании и Нидерландах еще в XVI в. Одним из направлений этой эволюции стало также разделение заключенных, осужденных не за тяжкие и особо тяжкие преступления, по возрастному и гендерному признаку с обязательным привлечением к труду и обучением профессиям, которые могли бы стать им полезными после выхода из заключения.

Одним из важнейших компонентов (составляющих) данного процесса, стало создание специальным указом рабочих и исправительных заведений в Финляндии в декабре 1839 г., ставшего последовательным развитием указа от 19 октября 1829 г. регламента «…для тюремного заведения в Свеаборгской крепости». Таким образом было создано еще четыре рабочих и исправительных заведения, каждое из которых было ориентированно та определенный регион. рабочие и исправительные заведения в Финляндии, официально появившиеся лишь в 1839 г., стали лишь закономерным оформлением и развитием общей пенитенциарной политики данного государственного образования, в соответствии с которой принудительный труд и обучение ремеслам заключенных, с применением различных методов стимулирования (перевода в высший разряд, ослабление режима, менее тяжёлые работы, материальное поощрение) были направлены на: а) максимальное удешевление для казны содержания подобных заведений; б) исполнение наказаний в соответствии с решениями уполномоченных на то органов и изоляция правонарушителей; в) возможное перевоспитание заключенных; г) обучение их отдельным профессиям в ходе подготовки к последующему возвращению в общество; д) компенсация за счет заработка заключенных потерпевшей стороне; е) профилактика преступности с учетом неотвратимости наказания.

Ключевые слова: рабочие и исправительные заведения, Великое княжество Финляндское, исправление, привлечение к труду, социализация, поощрения, духовное воспитание.

В Западной Европе (Великобритания, Нидерланды) форма заключения с принудительным трудом, стали активно развиваться еще в XVI в. В XVII в. подобные заведения появились в Швеции, а вместе с тем и в Финляндии [1].

Официальные формы пенитенциарных заведения (специальное заведение, тюрьма, крепость) долгое время принципиального значения не имели, т.к. практически в каждом из них, в том числе независимо от страны, применялся тяжёлый труд заключенных, в том числе и женщин [2].

Как отмечает финский исследователь Пяйви Пукеро «но принцип заключался в том, что бедные должны были платить за полученную помощь работой, так как считалось, что бесплатная помощь порождает лень. Перемещенные лица, с другой стороны, должны были быть обучены трудом, чтобы стать хорошими гражданами. Важность и ценность труда неоднократно подтверждалась в трудах того периода, ибо "дело человека - работать"» [3, с. 23–40].

Не отставал в этом вопросе и финский законодатель начального периода развития пенитенциарной системы Великого княжества Финляндского, закрепив соответствующие нормы [4, с. 96].

Практически параллельно с этим принятый документ также уделил особое внимание регламентации труда заключенных [5, с. 87].

В последующем данная практика лишь развивалась, опять же, не смотря на формы пенитенциарных заведений (общие, специальные для женщин, особые для подростков и т.п.).

Таким образом, труд заключенных в Великом княжестве Финляндском, как и в иных странах Европы, а также Российской империи, стал общепринятым и естественным явлением, которое, как считалось, существенно способствует их перевоспитанию. При этом, следует отметить, что различные формы применения труда заключенных в Финляндии применяются и сегодня, в основном с теми же целями, т.е. как для перевоспитания их, так и для будущей ресоциализации [6].

Безусловно, что в течении в XIX в., в ходе развития как специализированных ветвей уголовного и уголовно-исполнительного права вообще и Финляндии в частности, можно отметить, такие разновидности как каторжный труд (на особо тяжёлых работах для совершивших тяжкие преступления; применение труда с обучающими целями, в отношении малолетних правонарушителей для подготовки к их ресоциализации; иные виды применения труда заключенных в зависимости от потребностей государства, самих пенитенциарных заведений.

В тоже время, степень привлечения к труду заключенных и осужденных в различных заведениях также весьма существенно отличалась, как и формы данного привлечения.

Очевидно, что одним из важнейших компонентов (составляющих) данного процесса, стало создание специальным указом рабочих и исправительных заведений в Финляндии в 1839 г. [7].

Данный документ в целях нашего исследования интересен также тем, что в какой-то степени раскрывает нам причины его появления.

Так, в частности, в преамбуле документа неоднозначно указано, что причиной появления именно этого документа, в вместе с ним и целой сети рабочих и исправительных «заведений» в Финляндии стала необходимость «…изыскания между прочим средств к устранению неудобств, проистекающих от непомерного накопления в Свеаборгской крепости, заключенных … тесноты помещения их там» [7, с. 53-54].

Здесь следует указать, что в принципе, только 19 октября 1829 г. был принят «Высочайший его Императорского Величества регламент для тюремного заведения в Свеаборгской крепости», в котором неоднозначно указывалось, что «Для улучшения в обще тюрьме Свеаборгской крепости надзора и за арестантами и нравственного их исправления… действовать по регламенту «пока не приведено будет в действо назначенное Нами общее рабочее и смирительное заведение, и пока не воспоследуют как о сем заведении, так и о крепостной тюрьме, Высочайшие Наши постановления» [8, с. 112].

Столь несущественная разница во времени принятия между этими нормативными актами (около 2-х месяцев), говорит о том, что проблема с «перенаселением» крепости в Свеаборге была весьма острой и государству пришлось разрешать ее в срочном, однако, в комплексном порядке.

География размещения рабочих и исправительных заведений предусматривала, кроме уже действующего с 1829 г. в Выборгской губернии, «один рабочий и исправительный дом обще для губерний Нюландской и Тавастгусской, в Тавастгусском шлоссе, один для Абоско-Бернеборгской губернии с Аландскими островами, в роде Або или близ него, один для губерний С. Михельской и Куопиоской, в упраздненной Нейшлотской крепости; и один для Вазаской и Улеоборгско-Каянской губернии, в городе Вазе или в окрестностях онаго» [7, с. 54].

В эти места заключения, как устанавливалось, должны были направлять мужчин «дурного поведения и праздношатающихся… в сии заведения принимаются люди, кои присуждаются к общественной работе, как не имеющие дозволенного промысла и лишенные законного заступления» (пар. 2), ну и, конечно, воры, отбывшие за само воровство наказание, но не отработавшие стоимость нанесенного ущерба; обвиненные в четвертый раз в пьянстве; обвиненные в членовредительстве во избежание военной службы (пар. 3).

Несколько отступая от основной темы, следует пояснить, что в Великом княжестве Финляндском еще 22 мая 1819 г. за №30 было принято «Высочайшее Его Императорского Величества постановление, каким образом ворам зарабатывать краденное». Такое решение было принято для компенсации обворованным в тех случаях, когда вор не мог в полной мере возместить ущерб. Потому и решено было использовать их в казенных работах, что соответствовало пар. 4 главы 40 титула о преступления общего уложения. Также закон предусматривал, что истцы брали к себе на работу таких вопросов. Конечно истцы этого не желали, а воры оставались безнаказанными. С идеей изменить ситуацию, выступили Гофгерихты и прокурор сената [9, с. 98].

С учетом же произошедших изменений в законодательстве ВКФ, 6 октября 1842 г. было принято Высочайшее Его Императорского Величества объявление «Об отменении постановления касательно обязанности вора заработкою в казну заменить цену украденного имущества» от 22 мая 1819 г. «…касательно обязанности вора заработкою в казну заменить цену украденного имущества, по представившимся обстоятельствам… повелеть, чтобы означенная заработка в казну была присуждаема вору только тогда, когда рабочий срок, на изложенных в объявлении правилах, восходит по крайней мере до шести месяцев, и чтобы наибольший срок содержания вора на подобной работе в каком-либо общем рабочем заведении не превышал двух лет» [10, с. 113].

Возвращаясь к изучению проблемы регламентации деятельности рабочих и исправительных заведений, следует указать, что указ о них содержал и нормы, ограждающие данные учреждения от попадания в них нежелательного элемента (пар. 4).

Надзор и местное управление за подобными заведениями возлагался на местного губернатора и дирекций «состоящей в Тавастгусе, Або и Вазе из шести, а в Нейшлоте из четырех членов. В сем последнем месте полагается сверх того вице-председатель дирекции» (пар. 5). Вместе с тем устанавливалось взаимодополняющая система назначения и избрания членов дирекций (пар. 6).

К обязанности дирекций было отнесено: заготовка одежды, мебели, орудий труда, сырья; следить за порядком в заведении и его служащими; обеспечивать заклю-

ченных работой; подавать на утверждение хозяйственному департаменту Сената проекты рациона заключенных; освидетельствовать закупаемый товар для заведения до уплаты; осуществлять контроль за обеспечением заключенных согласно законодательства; производить ежемесячные осмотры заключенных, запасов и казны заведения в составе специальной комиссии, выслушивая и разбирая жалобы; оказывать помощь в освобождении заслуживающих того заключенных; вести контроль финансовых операций; представлять необходимые отчеты о изменении состав заключенных; заботится о воспитательной работе с заключенными и тщательно подбирать персонал; ходатайствовать о необходимых изменениях действующих законоположений (пп. 11-12) [7, с. 404].

Третья глава постановления посвящалась проблеме определения штатного числа чинов и иных служащих в данных заведениях (смотритель, вахмистры, проповедник, лекарь, секретарь, бухгалтер, смотрители), способам их назначения и определения, обязанностям.

Все заключенные в рабочих заведениях изначально распределялись по двум отделениям. В первое определялись оказавшиеся в таком заведении впервые, а во втором – более отягощенные своими деяниями осужденные (пар. 22). При этом, постановление допускало как возможность перевода наиболее хорошо себя проявивших заключенных из второго отделения в первое, так и наоборот (п. 23).

Весьма интересно то, что закон предусматривал возможность, когда «Заключенный высшего отделения, оказывавший продолжительное время добропорядочное поведение, может быть назначать дирекцией в пособие сторожам для присмотра внутри заведения за другими заключенными того же отделения и обучать их тому ремеслу или работе, в которой сведущи; за все же время такой порученности он получает вознаграждение по особенной определенной таксе, как изложено в пар. 28» (пар. 23).

Кроме того, заключенным из разных отделений запрещалось не только встречаться, но и разговаривать друг с другом.

Личная одежда осужденных отбиралась (до выхода из заведения), взамен ее они получали довольно полный комплект казенных вещей (пар. 26) [7, с. 408].

Особой заботой дирекции должен был быть поиск индивидуальной работы каждому заключенному, однако с тем, чтобы по заключении полученные навыки могли оказаться им полезными на воле. В связи с этим основные виды работ разделялись на 2 части: а) грубы и тяжелые, т.е. такие, где не требовалось специальных умений) и, б) требующие специальных знаний (столярные, точильные, портняжные, бочарные, башмачные, кузнечные, каменотесные, лесопильные и иные виды работ) (пар. 27).

Все работ оплачивались, согласно установленной таксе, в том числе для того, чтобы заключенные могли рассчитаться с государством (отработать) понесенные на них издержки (пища, одежда, постель). Возможные излишки заключенные, по освобождении, получал на руки, однако, в виде поощрения, дирекции позволялось некоторым из них выдавать часть этой суммы и еще в заключении.

Рабочий день второго отделения был на 1 час больше нежели рабочий день заключенных первого. Отличался и их рацион [7, с. 409].

Кроме работы, заключенным особо выделалось время (не считая ежедневных молитв) на богословские занятия и личные хозяйственные надобности (уборка помещения, мытье, починка одежды и т.п.)

Как видим, даже весьма частичный анализ произведенного нами документа говорит о том, что данные заведения в первую очередь были именно исправительного характера, а привлечение заключенных к труду имело целью как их исправление, последующую ресоциализацию, так и снижение к минимуму для казны издержек на их содержание [11; 12].

Развитие общества, уголовно-исправительной мысли, а также сложный процесс разработки и принятия уголовного уложения Финляндии 1889 г. во многом задержал перестройку действовавшей пенитенциарной системы, однако, необходимые изменения происходили как в самом уголовном законодательстве, так и регулировании деятельности пенитенциарных заведений, с обязательным привлечением к труду. В том числе и в отношении смирительных домов.

По нашему мнению, данные рабочие и исправительные заведения являлись одной из наиболее тяжёлых форм привлечения к труду заключенных вплоть до появления устава карательных тюрем в 1886 г. [13], где заключенные по особому приговору могли содержаться и пожизненно [14, 339-341].

При этом, следует отметить, что лица, совершившие особо тяжкие преступления, в «обычные» пенитенциарные заведения не заключались. К примеру, осужденные из военнослужащих попадали в принадлежащие армии учреждения, каковыми были и военно-исправительные роты, где применялся действительно весьма строгий режим и практически каторжный труд [15, с. 94–101], Гражданские же лица, приговоренные к смертной казни, как известно в основном отправлялись в Сибирь на поселение [16].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рабочие и исправительные заведения в Финляндии, официально появившиеся лишь в 1839 г., стали лишь закономерным оформлением и развитием общей пенитенциарной политики данного государственного образования, в соответствии с которой принудительный труд и обучение ремеслам заключенных, с применением различных методов стимулирования (перевода в высший разряд, ослабление режима, менее тяжёлые работы, материальное поощрение) были направлены на: а) максимальное удешевление для казны содержания подобных заведений; б) исполнение наказаний в соответствии с решениями уполномоченных на то органов и изоляция правонарушителей; в) возможное перевоспитание заключенных; г) обучение их отдельным профессиям в ходе подготовки к последующему возвращению в общество; д) компенсация за счет заработка заключенных потерпевшей стороне; е) профилактика преступности с учетом неотвратимости наказания.

Список литературы:

1. Upplands-Bro Kulturhistoriska Forskningsinstitut: *1144 - О судьбе большого детского дома*. – URL: https://ukforsk2.se/hushalldb/hushall.php?artid=1201
2. Emilia Henttonen. Kolmen valtakunnan perillinen Turun kehruuhuoneen arkiston asiakirjojen elinkaari ja asema tutkimuksessa. – Pro gradu -tutkielma Suomen historia Historian, kulttuurin ja taiteiden tutkimuksen laitos Turun yliopisto Helmikuu 2019. 71 c.
3. Päivi Pukero. ”Harhaantuneiden ja eksyneiden parantaja” Luostanlinna irtolaisten kasvatuskokeiluna 1859–1880 // Kasvatus & Aika 2 (1) 2008.

4. (24. 21 ноября 1818 г. Регламент. – О колодниках, содержащихся в губернских казенных тюрьмах Великого Княжества Финляндского // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПБ, 1902. С. 86.
5. 25 ноября 1818 г. Инструкция вахмистрам и тюремным работникам при губернских казенных тюрьмах Великого Княжества Финляндского // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПБ, 1902. С. 87.
6. Rikosseuraamusvirasto. – URL: Главная - Агентство по уголовным санкциям (rikosseuraamus.fi).
7. 17 декабря 1839 г. Высочайший ЕИВ устав для рабочих и исправительных заведений в Финляндии // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПБ, 1902.
8. 19 октября 1829 г. Высочайший его Императорского Величества регламент для тюремного заведения в Свеаборгской крепости // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПБ, 1902. С. 112
9. 22 мая 1819 г. Высочайшее Его Императорского Величества постановление, каким образом ворам зарабатывать краденное. №30 // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПБ, 1902. С.
10. 6 октября 1842 г. Высочайшее Его Императорского Величества объявление «Об отменении постановления касательно обязанности вора заработкою в казну заменить цену украденного имущества». №258. С. 113.
11. Дмитрий Дрыль. Вопросы исправительного воспитания / Д. Дрыль // Тюремный вестник. – 1903 г. – №1. – С 48 – 54.
12. Четвертакова И. В. Основные тенденции и реализация воспитательной политики Министерства юстиции Российской империи в отношении тюремных арестантов в конце XIX – начале XX вв. (на примере материалов Калужской губернии) / И. В. Четвертакова // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Онохова; ред. кол.: А. И. Хаснутдинова [и др.] ; ГОУ ВПО РПА Минюста России, Иркутский юридический институт (филиал). – М.; Иркутск : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2010. Вып. 7. – 0,2 п. л.
13. Устав карательных тюрем для Финляндии. 12 апреля 1886 г. №12. Hans Keiſerliga Maieſtäts rådiga Reglemente för tufthujen i Finland.
14. Общее уложение Финляндии 1734 года и дополнительные нему узаконения с приложениями и указателями. В трех томах. Том 1. Общее уложением. Составил Н. Н. Корево. – С-Петербург. Государственная Типография. 1912. С. 339-341.
15. Островский, А. А. Правовые основы создания и деятельности арестантских рот гражданского ведомства в Российской империи / А. А. Островский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). – №1. – С. 94–101.
16. Alpo Juntunen. Suomalaisten karkottaminen siperiaan autonomian aikana ja karkotetut Siperiassa. - Siirtolaisuusinstituutti - Migrationsinstitutet Turku – Finland, 1983. – 210 c.

Velikaya O.S. Skrementova. Legal organization of working and correctional institutions in the Grand duchy of Finland in the first half of the 19th century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022.– T. 8 (74). № 3. – P. 435-441.

This article is devoted to the study of the legal organization of workers and correctional institutions in the Grand Duchy of Finland in the first half of the 19th century. The paper states that the creation of these penitentiary institutions took place during the evolution of both Finnish and European penitentiary law, which began in Great Britain and the Netherlands as early as the 16th century. One of the directions of this evolution was also the division of prisoners convicted of not serious and especially serious crimes, according to age and gender, with mandatory involvement in work and training in professions that could become useful to them after release from prison. One of the most important components (components) of this process was the creation by a special decree of workers and correctional institutions in Finland in December 1839, which became a consistent development of the decree of October 19, 1829 of the regulation "... for a prison institution in the Sveaborg fortress." Thus, four more workers and correctional institutions were created, each of which was oriented to a specific region. workers and correctional institutions in Finland, which officially appeared only in 1839, became only a logical design and development of the general penitentiary policy of this state entity, according to which forced labor and training of prisoners in crafts, using various methods of stimulation (transfer to the highest rank, weakening the regime, less hard work, material incentives) were aimed at: a) the maximum reduction in the cost of maintaining such institutions for the treasury; b) the execution of punishments in accordance with the decisions of the authorized bodies and the isolation of offenders; c) possible re-education of prisoners; d) training them in certain professions in preparation for their subsequent return to society; e) compensation from the earnings of prisoners to the injured party; f) prevention of crime, taking into account the inevitability of punishment.

Key words: workers and correctional institutions, the Grand Duchy of Finland, correction, involvement in work, socialization, incentives, spiritual education.

Spisok literatury:

1. Upplands-Bro Kulturhistoriska Forskningsinstitut: 1144 - O sud'be bol'shogo detskogo doma. – URL: https://ukforsk2.se/hushalldb/hushall.php?artid=1201
2. Emilia Henttonen. Kolmen valtakunnan perillinen Turun kehruuhuoneen arkiston asiakirjojen elinkaari ja asema tutkimuksessa. – Pro gradu -tutkielma Suomen historia Historian, kulttuurin ja taiteiden tutkimuksen laitos Turun yliopisto Helmikuu 2019. 71 c.
3. Päivi Pukero. ”Harhaantuneiden ja eksyneiden parantaja” Luostanlinna irtolaisten kasvatuskokeiluna 1859–1880 // Kasvatus & Aika 2 (1) 2008.
4. (24. 21 noyabrya 1818 g. Reglament. – O kolodnikah, soderzhashchihsya v gubernskih kazennyh tyur'mah Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902. S. 86.
5. 25 noyabrya 1818 g. Instrukciya vahmistram i tyuremnym rabotnikam pri gubernskih kazennyh tyur'mah Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902. S. 87.
6. Rikosseuraamusvirasto. – – URL: Glavnaya - Agentstvo po ugolovnym sankciyam (rikosseuraamus.fi).
7. 17 dekabrya 1839 g. Vysochajshij EIV ustav dlya rabochih i ispravitel'nyh zavedenij v Finlyandii // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902.
8. 19 oktyabrya 1829 g. Vysochajshij ego Imperatorskogo Velichestva reglament dlya tyuremnogo zavedeniya v Sveaborgskoj kreposti // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902. S. 112
9. 22 maya 1819 g. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva postanovlenie, kakim obrazom voram zarabatyvat' kradennoe. №30 // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902. S.
10. 6 oktyabrya 1842 g. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva ob"yavlenie «Ob otmenenii postanovleniya kasatel'no obyazannosti vora zarabotkoyu v kaznu zamenit' cenu ukradennogo imushchestva». №258. S. 113.
11. Dmitrij Dryl'. Voprosy ispravitel'nogo vospitaniya / D. Dryl' // Tyuremnyj vestnik. – 1903 g. – №1. – S 48 – 54.
12. CHetvertakova I. V. Osnovnye tendencii i realizaciya vospitatel'noj politiki Ministerstva yusticii Rossijskoj imperii v otnoshenii tyuremnyh arestantov v konce XIX – nachale XX vv. (na primere materialov Kaluzhskoj gubernii) / I. V. CHetvertakova // Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya : sb. nauch. tr. / otv. red. V. V. Onohova; red. kol.: A. I. Hasnutdinova [i dr.] ; GOU VPO RPA Minyusta Rossii, Irkutskij yuridicheskij institut (filial). – M.; Irkutsk : GOU VPO RPA Minyusta Rossii, 2010. Vyp. 7. – 0,2 p. l.
13. Ustav karatel'nyh tyurem dlya Finlyandii. 12 aprelya 1886 g. №12. Hans Keiſerliga Maieſtäts rådiga Reglemente för tufthujen i Finland.
14. Obshchee ulozhenie Finlyandii 1734 goda i dopolnitel'nye nemu uzakoneniya s prilozheniyami i ukazatelyami. V trekh tomah. Tom 1. Obshchee ulozheniem. Sostavil N. N. Korevo. – S-Peterburg. Gosudarstvennaya Tipografiya. 1912. S. 339-341.
15. Ostrovskij, A. A. Pravovye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti arestantskih rot grazhdanskogo vedomstva v Rossijskoj imperii / A. A. Ostrovskij // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2015. T. 1 (67). – №1. – S. 94–101.
16. Alpo Juntunen. Suomalaisten karkottaminen siperiaan autonomian aikana ja karkotetut Siperiassa. - Siirtolaisuusinstituutti - Migrationsinstitutet Turku – Finland, 1983. – 210 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 442-446.

УДК 340

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I

Тонков Е. Е., Рассказов В. Л.

Раскрываются основные тенденции развития гражданско-процессуального права в петровскую эпоху. Анализируются соответствующие законодательные акты (Указ1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб»1715 г., Указ «О форме суда» 1723 г. и др.), научные труды по исследуемой теме. Отмечается, что гражданский процесс совершенствовался с точки зрения законодательной техники, уточнения статуса тяжущихся, их прав и обязанностей. Вместе с тем, изменения в законодательство о судопроизводстве в определенной части носили противоречивый характер, что отражало, с одной стороны, объективную потребность развивающейся экономики в более быстром и нормативно закрепляемом суде, а с другой стороны, абсолютистской формой управления государством.

Ключевые слова: Суд, Петр I, гражданский процесс, судопроизводство, розыск, истец, ответчик.

В петровскую эпоху, как известно, произошли огромные изменения и в политической, и в социальной, и в экономических сферах жизнедеятельности общества. Особое внимание Петр I уделял развитию промышленности, без которой невозможно было победить в Северной войне могущественного противника. Все эти факторы не могли не оказать влияний на сферу законодательства, в том числе и на совершенствование гражданско-процессуального права и гражданского процесса [8, с. 56].

Однако отметим, что в экономической сфере в петровские времена в сфере экономики возросла роль государства. В силу этого споры между хозяйствующими субъектами решались, прежде всего, в пользу государственных, а не частных интересов. Поэтому и в судебном процессе состязательное начало стало уступать розыскному [2, с. 640].

Вместе с тем нужно сделать оговорку о том, что некоторое время законодательство Петра I еще сохранялось на позициях Соборного уложения 1649 г. и последующего нормотворческого процесса [1, с. 12]. В начале царствования Петра I при рассмотрении торговых (хозяйственных) споров по-прежнему действовал утвержденный в 1667 г. особый приказ «для суда и расправы купецким людям», однако в литературе указывается, что сведений о реальном функционировании такого приказа не найдено [7, с. 7].

Значительные изменения в судебном процессе при Петре I связаны с принятием 21 февраля 1697 г. Указа, повлекшим судебную реформу [9]. Однако сам по себе этот закон не создавал принципиально новых форм процесса, и в нем речь идет прежде всего об организационно-структурных изменениях. Прежде всего Указ отменяет суды и очные ставки, при этом суд является формой процесса, которая носит состязательный характер, а очная ставка превращалась в промежуточную стадию между розыском и судом.

По мнению К.Д. Кавелина очными ставками решались в первую очередь поместные дела [4, с. 275]. Можно предположить, что споры, затрагивающие сферу экономических отношений, также решались очными ставками. В связи с этим отметим, что с отменой очных ставок, то есть, по сути, с формальной отменой возможности

сторонам приводить доводы и контрдоводы друг другу в суде, данный Указ некоторым образом снижает уровень состязательности [8, с. 56]. Как мы отмечали ранее, во времена Петра I споры между хозяйствующими субъектами решались, прежде всего, в пользу государственных, а не частных интересов. В силу этого с точки зрения Петра I отмена очных ставок уменьшало власть тяжущихся и способствовало увеличению контроля судей над процессом. [4, с. 403].

В то же время усиления власти государства в экономической сфере, а, следовательно, увеличения контроля судей над процессом и уменьшение роли в суде тяжущихся не могло быть абсолютным. Ибо в таком случае суд, как орган, решающий спорные дела, конфликты, был бы не нужен.

Следует отметить еще один момент, связанный с принятием Указа 1697 года, приведшему к изменению в судебной сфере. Как известно, Петр I, был ярым противником мздоимства и вел с этим негативным моментом, имевшим широкое распространение в России, ярую борьбу. Мздоимство не обошло стороной и судебную сферу [8, с. 57]. И не случайно, например, в Указе 1697 г. повышенное значение придается не юридической, а моральной стороне [5, с. 27]. И в силу этого принятие Указа можно расценивать как эмоциональную реакцию российского монарха на те злоупотребления, которые имели место при отправлении правосудия. Это в первую очередь касалось причин и порядка отвода свидетелей тяжущимися сторонами. Так, в Указе проводится мысль о том, что если ответчик заявит отвод свидетелю истца, то суд должен разобраться на каком основании ответчик заявляет данное ходатайство и если будет доказано, что свидетель является лицом заинтересованным, то суд имеет право не допрашивать его [9].

В то же время отметим, что указанный пример показывает, что элементы состязательности в судебном процессе вполне сохраняются, а по своему характеру эти нормы (касающиеся состязательности сторон) относимы прежде всего к гражданско-процессуальным делам [8, с. 57].

Отметим также, что некоторые положения Указа противоречат друг другу (например, нормы об упразднении «судов и очных ставок по челобитью» противоречат возможности тяжущимся излагать свои доводы в части свидетельской базы. Кроме того, законодатель не отказывается все же и от других типичных институтов состязательной формы, в частности, если обе стороны ссылаются на одних и тех же свидетелей, то показания этих свидетелей признаются решающими для дела. В целом же Указ 1697 г. внес определенные изменения в порядок рассмотрения судебных споров, однако на деле он пока лишь обозначил тенденцию дальнейшего развития судебной системы в России, которая содержательно заключалась в постепенном преобладании розыскных начал над состязательными формами. При этом нужно иметь в виду, что многие вопросы, связанный с функционированием судов, регулировались нормами Соборного уложения 1649 г.

В 1715 г. вышел в свет очередной петровский правовой акт, сыгравший значимую роль для развития российского суда – «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» [5].

Как видно временной разрыв между двумя петровскими законами, посвященных развитию судебной системы составляет 18 лет. Такой большой временной отрезок

между этими актами, учитывая энергичность российского монарха, его желание все быстро переустроить, в том числе и в законодательстве, подтверждает, на наш взгляд, позицию, согласно которой фактически и суд (как судоговорение), и очные ставки (как непосредственное общение сторон при судебном разбирательстве) все же функционировали [8, с. 58].

«Краткое изображение»- это качественно более совершенный акт с точки зрения законодательной техники. В нем в процессуальном праве появляются новые формы и институты. В частности, для решения судебных создаются уже специальные органы. В то же время, как и ранее, суд не до конца был отделен от администрации. В этом акте заметен акцент на военный аспект, но мы придерживается точки зрения историков права, считающих, что таковой был в целом в правовой системе Петра I.

В «Кратком изображении…» определялся сосав суда. В него входили президент и асессоры. Помимо этого, определялся и технический персонал: секретарь, или протоколист, адъютант. Также при суде должен был быть аудитор (эта должность впервые была введена в суде. При этом он являлся штатным сотрудником суда). Хотя аудиторы не имели права голоса при вынесении приговора, у них была особая функция – следить за беспристрастностью суда [5].

В законе предусматривается две категории дел: частного и публичного обвинения и два способа возбуждения дела, хотя порядок производства дела в обоих случаях одинаков, и они следующим образом отражены в законе: 1 – когда челобитчик подает в суд на ответчика; 2 – когда судья самостоятельно инициирует процесс. Стоит отметить, что в обоих случаях порядок судопроизводства одинаков.

Из смысла закона следует, что тяжущимися сторонами были ответчики и челобитчики [8, с. 58]. В законе дается определение челобитчика. В связи с тем, гражданский и уголовный процесс еще не был разделен, челобитчик являлся не только истцом, но и частным обвинителем. Ответчиком являлось лицо, которое в соответствии с заявлением истца вызывался в суд по его требованию [5]. Указывается, что ответчик должен дать свои пояснения письменно, а истец может на них дать свое мнение, а ответчик на это мнение мог дать свой ответ, но на этом такое представление аргументов должно было заканчиваться. Как видно, законодатель более четко очерчивает рамки самого хода судебного разбирательства, стремясь сократить судоговорение, ограждая суд от длительных дискуссий, и, кроме того, стороны в дальнейшем уже не могли приводить новые аргументы, равно как и задавать вопросы свидетелям.

В «Кратком изображении…» развивается общее учение о доказательствах, [8, с. 59]. По сравнению с Соборным Уложением система доказательств выглядит более стройно и логично. Законодатель вначале выделяет собственное признание, потом следуют свидетельские показания и письменные доводы. К формам доказательств относится и присяга участников процесса. Этот аспект достаточно подробно исследован в литературе, и мы не заостряем на нем своего внимания. По мнению В. Н. Латкинав этом документе законодатель впервые закрепляет теорию формальных доказательств, сложившуюся уже в Европе [6, с. 521].

Отметим, что при рассмотрении гражданско-правовых имущественных споров теория формальных доказательств стала играть все более значимую роль (так, расписка, заключенный надлежащим образом договор и другие документы являлись

для суда бесспорными доказательствами и значительно сокращали срок судебно-процессуального рассмотрения дел) [8, с. 57].

В петровские времена появился еще один известный нормативный акт, сыгравший значительную роль в совершенствовании гражданского процесса. Этот акт появился 5 ноября 1723 года. В соответствии с Указом «О форме суда» [10] отменялся розыск, а суд делался единственной формой процесса. По вопросу о причинах замены розыска судом имеются различные точки зрения. Так, с точки зрения К.Д. Кавелина причины таких изменений неизвестны [4, с. 410]. С.В. Юшков считает, что замена розыска судом связана с неэффективностью первого [11, с. 378]. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, Указ применялся лишь в невоенных судах, военная же юстиция и уголовная продолжала пользоваться «Кратким изображением» процессов [2, с. 642]. Мы полагаем, что Указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» кардинально не изменил существовавшую систему правосудия, так как гражданский и уголовный процессы оставались не разделенными, а значит и розыск продолжал действовать.

При этом нужно иметь в виду, что данный Указ совершенствовал организационно-процессуальные аспекты. В этом смысле заслуживает внимания норма, согласно которой различаются два вида челобитчиков: истец – в гражданском процессе и доноситель в уголовном, хотя противная сторона еще носит прежнее общее для тех и других дел название – ответчик. Очень важно также и то, что законодатель предписывает и истцу, и ответчику при предъявлении доказательств действовать в четко очерченных процессуальных рамках [1, с. 31].

Указом предусматривается институт обеспечения иска (поручительство, а при их отсутствии был возможен арест ответчика). В свою очередь определенным образом защищалось право ответчика от недобросовестного истца путем установления границ предмета иска. Отметим еще, что законодатель регламентировал порядок судебного разбирательства. Так запрещалось возбуждать встречный иск или встречное обвинение до окончания следствия по основному делу. Существенно расширялось судебное представительство. Также в соответствии с Указом вводился институт доверенности [1, с. 39].

Отметим еще одну новацию в гражданском процессе в Российском государстве в годы правления Петра I. В 1718 – 1719 гг. была преобразована система городского управления. В соответствии с ней были созданы магистраты, которые являлись органами местной городской администрации. Магистраты были выборными органами. В выборах в состав магистратов могли принимать так называемы «регулярные» граждане из числа «добрых, пожиточных и умных людей» на мирских посадских сходах. Данные органы находились в подчинении Главного магистрата. Этим органам местной городской администрации (магистратам) были переданы дела судебные, гражданские и уголовные в отношении горожан.

Магистраты являлись судебными органами первой инстанции по гражданским делам. На их решения можно было подать апелляцию в провинциальные магистраты, потом президентам магистратов больших городов, затем в Главный магистрат и, наконец, в Сенат [3, с. 64].

В целом гражданско-процессуальное право в петровскую эпоху претерпело существенные изменения, что отражало активное развитие экономики, в том числе предпринимательства, а также эволюцию законодательной техники. При этом, в силу того, что экономика довольно жестко управлялась государством, возникающие споры в хозяйственной сфере разрешались исходя прежде всего из государственных, а не частных интересов [8, с. 56]. Такой подход во многом объясняет определенную противоречивость развития гражданского процесса.

Список литературы:

1. Батиев Л.В. Судопроизводство в России в середине XVII – начале XVIII вв. Ростов-на-Дону, 1994.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 1905.
3. Ефремова Н.Н. Судоустройство России в ХУ111 – первой половине Х1Х вв. М., 1993.
4. Кавелин К. Д. Собрание сочинений. СПб., 1904. Т. IV.
5. Краткое изображение процессов или судебных тяжеб 1715 г. // Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997.
6. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи. СПб., 1899.
7. Очерки истории Московского коммерческого суда (1833-1908 гг.) и его современные деятели / Под ред. Н.А. Победоносцева, Т.М. Годзевича. СПб., 1909.
8. Рассказов В.Л. Законодательство Петра I в области судоустройства и судопроизводства по вопросам торговых отношений. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116).
9. Указ 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» // ПСЗ-1. № 1572.
10. Указ 1723 г. «О форме суда» // ПСЗ-1. № 4344.
11. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч.1. М., 1950.

Tonkov E. E., Rasskazov V. L. Civil procedure in the Russian state during the reign of Peter the Great // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 442-446.

The main trends in the development of civil procedure law in the Peter the Great era are revealed. The relevant legislative acts are analyzed (Decree of 1697 "On the abolition of confrontations in court cases, on being questioned and searched instead of them, on witnesses, on the recusal of them, on oath, on the punishment of false witnesses and on duty money", "A brief image of trials or litigation" of 1715, Decree "On the form of the court" 1723, etc.), scientific works on the topic under study. It is noted that the civil process has been improved in terms of legislative technique, clarification of the status of litigants, their rights and obligations. At the same time, changes to the legislation on judicial proceedings in a certain part were contradictory in nature, which reflected, on the one hand, the objective need of a developing economy for a faster and more normatively fixed court, and on the other hand, an absolutist form of government.

Keywords: Court, Peter I, civil procedure, judicial proceedings, search, plaintiff, defendant.

Spisok literatury:

1. Batiev L. V. Legal proceedings in Russia in the middle of the XVII-early XVIII centuries. Rostov-on-don, 1994.
2. Vladimirsky-Budanov M. F. a review of the history of Russian law. M., 1905.
3. Efremova N. N. The judicial system of Russia in ХУ111 the first half of the century H1H. M., 1993.
4. Kavelin K. D. works. SPb., 1904. T. IV.
5. A brief image of the processes or litigation in 1715 / / The legislation of Peter I. M.: Legal literature, 1997.
6. Latkin V. N. Textbook of the history of Russian law of the Empire period. St. Petersburg, 1899.
7. Essays on the history of the Moscow Commercial Court (1833-1908) and its co-temporary figures / Edited by N. A. Pobedonostsev, T. M. Godzevich. St. Petersburg, 1909.
8. Rasskazov V. L. The legislation of Peter I in the field of judicial system and court proceedings on trade relations. // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2020. № 1 (116).
9. Decree of 1697 "On the abolition of confrontations in court cases, on being questioned and searched instead of them, on witnesses, on the recusal of them, on the oath, on the punishment of false witnesses and on duty money" / / PSZ-1. No. 1572.
10. Decree of 1723 "On the form of the court" / / PSZ-1. No. 4344.
11. Yushkov S. V. History of State and Law of the USSR. Part 1. Moscow, 1950.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 447-452.

УДК 340.158

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ (1917 - СЕРЕДИНА 1920 – Х ГГ.)

Рассказов Л. П., Рассказов В. Л.
Кубанский государственный аграрный университет

В статье выявляются и раскрываются особенности процесса огосударствления и национализации и его интерпретация в советском законодательстве в жилищной сфере в период от октябрьской революции 1917 г. до середины 1920 гг. Отмечается, что огосударствление экономики предполагало не только устранение капиталистов в сфере жилищного строительства, но и конфискацию жилья у представителей имущего сословия. Отмечается, что жилищный вопрос с самого начала был для большевиков весьма актуальным, поскольку в стране имел место жилищный кризис. На начальном этапе эта проблема решалась изданием актов, предусматривавших изъятие (национализацию) жилья, в дальнейшем акцент был сделан на регулировании кооперативного способа строительства и содержания жилья.

Ключевые слова: огосударствление, национализация, жилищное право, советская власть, муниципализация, жилые дома, Советы, кодекс, собственность.

Жилищный вопрос для России традиционно является актуальным, причем вряд ли можно обнаружить какой-либо период российской истории, где жилищная сфера не составляла бы предмета озабоченности как государственных органов, так и, разумеется, тех людей, которые нуждались бы в улучшении жилищных условий, более эффективной работе коммунальных служб. Такое положение вызывается тем обстоятельством, что общество развивается, численность населения в целом, если иметь в виду вековые масштабы, увеличивается, соответственно возникает потребность в дополнительном жилье, причем, учитывая развитие научно-технического прогресса, более высокого качества. И не случайно в России даже в период революционного кризиса большевикам непосредственно после октябрьской революции 1917 г. пришлось вплотную заняться жилищной проблемой.

Здесь следует заметить, что жилищная проблема для советской власти дополнительно обострялась по ряду причин. Во-первых, рабочие заводов и фабрик, то есть, олицетворители пролетариата, являвшегося, как известно, ведущей и решающей политической силой социалистической революции, в абсолютном совсем большинстве не имели собственного жилья и проживали вместе со своими семьями в тесных и очень скромных квартирках и комнатах в рабочих поселках, устраиваемых собственниками предприятий недалеко от производства. Во-вторых, огосударствление экономики предполагало устранение капиталистов в сфере жилищного строительства, соответственно требовалась реорганизация всего архитектурно-строительного дела на государственные рельсы, а это требовало немалого времени. В-третьих, в связи с революционными событиями и нахождением России в состоянии войны обе российские столицы (Петроград и Москва) были наводнены самыми разнообразными категориями лиц (чиновниками – как старорежимными, так и работавшие в со-

ветских учреждениях, военнослужащими, многочисленными делегациями с мест, прибывавших на разного рода съезды, совещания и т.д.) И всем указанным и иным категориям лиц нужно было жилище.

В первые годы советской власти, разумеется, ни о какой системности в решении жилищных отношений не могло быть и речи, поскольку отсутствовало жилищное законодательство. Вместе с тем органы власти довольно оперативно решали конкретные жилищные ситуации, учитывая их злободневность и огромное число нуждающихся в местах для проживания, для чего издавались многочисленные правовые акты, определявшие регулирование жилищных отношений по отдельным аспектам и с учетом складывавшейся обстановкой. Так, уже 30 октября 1917 г. А.И. Рыков, как народный комиссар внутренних дел, подписал постановление, касавшееся права городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса [1]. В соответствии с данным постановлением органы городского самоуправления имели право использовать пустующие помещения для вселения нуждающихся в жилье. Однако данное постановление практически так и не вступило в силу, поскольку советская власть вскоре упразднила вообще действовавший ранее институт местного самоуправления.

В этой связи для нового советского госаппарата руководством к действию стали «Тезисы закона о конфискации домов со сдаваемыми внаем квартирами» В.И. Ленина [2], на основе которого были приняты два закона: об отмене частной собственности на городские недвижимости [3] и о запрещении сделок с недвижимостью [4], которые позволяли местным Советам изымать и принимать на свой баланс частные жилые дома.

При реализации этих актов Советы неожиданно для себя столкнулись с проблемой надлежащего содержания и использования изымаемой недвижимости, часть которой, к тому же, оказалась не нужной, что требовало определенных, и немалых, затрат. В этой связи из центра последовали указания провести инвентаризацию изъятого недвижимого имущества и, соответственно, вернуть собственникам затратные и ненужные власти объекты, то есть, осуществить демунипализацию этих объектов.

Следует заметить, что такого рода позиция советской власти была характерной в первые годы после октябрьской революции: если нет возможностей (финансово-экономических прежде всего) организовать содержание недвижимости государственными средствами, то эта проблема перекладывалась на собственников и пользователей жилыми помещениями. В этой связи в соответствии с принятым в августе 1921 г. Постановлением СНК РСФСР [5] Советы получали право сдавать экспроприированные жилые дома в длительное пользование жильцам за определенную плату и на условиях поддержания коммунальной инфраструктуры в надлежащем порядке, соответственно коммунальные отделы исполкомов должны были направлять в НКВД перечни жилых домов для последующей их передачи коллективам жильцов. Такой подход вполне вписывался в принципы новой экономической политики, которая для жилищной сферы, и особенно в городах, на несколько лет оказалась в значительной степени «палочкой-выручалочкой», поскольку строительство новых жилых объектов и их содержание в основном объеме перекладывалось на предпринимателей и самих жильцов.

Между тем в процессе огосударствления и национализации собственности, проводимом советской властью, применительно к жилищной сфере стали возникать

неясности по поводу правового статуса некоторых категорий жилых объектов. К таковым, в частности, относился вопрос о муниципализированном жилье. И вот ВЦИК в декрете от 14 мая 1923 г. перечислил виды жилых объектов, которые следует считать муниципализированными. К ним, в частности, были отнесены «строения, фактически изъятые от владельцев до 22 мая 1922 года; строения, которые целиком или частично были заняты у прежних владельцев до 22 мая 1920 г. для нужд государственных и приравненных к ним учреждений и предприятий, находящихся в ведении местных исполнительных комитетов… » [6].

Отметим, что одной из особенностью жилищного права первой половины 1920-х гг. являлось то, что значительное число актов носило не столько регулирующий, сколько текущий управленческий характер. В частности, на уровне декрета СНК РСФСР) ставился конкретный срок представления перечней объектов муниципализированной жилой недвижимости (1 апреля 1924 г.) [7].

Отметим также, что в первые годы советской власти большевики стали использовать дефицит жилья в политических и экономических вопросах для продвижения своих программных целей. В частности, для того, чтобы закреплять рабочих за предприятиями, им жилье предоставлялось только при условии работы на данном предприятии, при этом лица, ведущие «паразитический» образ жизни, ограничивались в пользовании своими жилыми помещениями [8, с. 83]. Достаточно широко стали предоставляться различным организациям право в административном порядке выселять жильцов из жилых помещений. Так, правительственным решением от 28 июля 1922 г. университетам и им подобным учебным заведениям предоставлялось полномочие выселять всех граждан, не состоящих на службе в означенных университетах, из жилых помещений, которые находились в ведении вузов [9]. А менее чем через два месяца также согласно правительственному декрету предписывалось выселять лиц, «не принадлежащих к данному предприятию, из всех без исключения домов, закрепленных за предприятиями и учреждениями» [10]. Примечательно, что и рабочих-иммигрантов, прибывавших на петроградские заводы в 1920-1921 гг. из других стран (о малоизвестной трудовой миграции тех лет пишет М.В. Ходяков [11]), также предполагалось расселять вблизи заводов на заводской жилплощади [16, с. 88].

После нескольких лет, когда в жилищной сфере издавались многочисленных актов по отдельным вопросам, стали предприниматься попытки их обобщения, тем более, что кодификационный опыт советского законодателя себя уже неплохо показал в виде ряда кодексов: гражданского кодекса, уголовного кодекса, уголовно-процессуального кодекса, кодекса законов о труде и др. Однако до кодификации дело так и не дошло [12, с. 34]. При этом следует отметить, что в 1924 году комиссия при Главном управлении коммунального хозяйства НКВД создала проект жилищного кодекса РСФСР (ЖК РСФСР), в котором обозначалось, что в государственном фонде строений должны находиться как национализированные, так и муниципализированные жилища. Первые должны находиться в распоряжении центральных органов, а вторые – местных Советов [13].

Наряду с проектом ЖК РСФСР Главное управление коммунального хозяйства НКВД подготовило также проект Строительного кодекса, связанного с жилищным

кодексом. Однако оба эти проекта так и не были приняты [14]. Как отмечает Т.Ф. Ящук, «при всем различии мотивов и обстоятельств, препятствующих завершению подготовительных работ и законодательному утверждению документов, присутствовали общие причины. Главная из них обусловливалась спецификой советской модели государственного управления, основанной на централизме, но в то же время допускающей децентрализацию. Соотношение этих принципов в организации центрального и местного управления на протяжении исследуемого периода менялось. Кодекс как акт, ориентированный на регулирование устойчивых, длительно повторяющихся общественных отношений, не мог создаваться в таких условиях. Надо учитывать и то обстоятельство, что подготовка кодексов ввиду особой сложности и многоаспектности работы всегда сопряжена с объективными трудностями» [12, с. 35].

Отметим, что вместо кодексов создавались нормативные акты, регулирующие жилищные отношения. Так, 19 августа 1924 г. было принято Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О жилищной кооперации» от 19 августа 1924 г. [15]. В этом законе признавался факт наличия жилищного кризиса в стране, который не удалось преодолеть в рамках указанной выше акции правительства по демуниципализации жилья. И, поскольку была определена политика переложить на физических и юридических лиц задачу строительства и содержания жилого фонда (в городах), то следовало определить соответствующие права и полномочия, что и было сделано в этом законе. В нем, в частности, предусматривалось принятие уставов жилищно-кооперативных товариществ и их регистрацию [15].

Таким образом, Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О жилищной кооперации» от 19 августа 1924 г. явилось законодательным актом, в котором были заложены основы жилищной кооперации, использовавшиеся в дальнейшем до конца существования СССР, а многие положения не потеряли актуальности и в современной России. Вместе с тем советский законодатель в рассматриваемый период так и не сумел столь же системно отрегулировать жилищные отношения в более широком плане, имея в виду не только кооперативное жилье, но и жилой фонд иного правового статуса (государственный, профсоюзный, общественный жилфонд, индивидуальное жилье), и соответствующие общественные отношения длительное время регулировались подзаконными (преимущественно ведомственными) правовыми актами, а первый (он же последний) Жилищный кодекс РСФСР был принят только в 1983 г.

Как мы предполагаем, одной из причин такого положения послужило то обстоятельство, что для советского законодательства регулирование такого рода жилищных отношений было делом относительно новым – не имелось ни достаточного опыта прежнего, имперского законодательства (в отличие от гражданского, уголовного, уголовно-процессуального и т.д.), ни соответствующей научной базы и ученых в данной сфере, равно как отсутствовали в достаточно количестве инженеры в области строительства и жилищно-коммунального хозяйства [17, с. 141]. Кроме того, в жилищной сфере с неизбежностью переплетались разные виды собственности, и определить их баланс, имея в виду необходимость привлекать средства пользователей жилого фонда (жильцов) и с учетом общего вектора на огосударствление собственности в контексте строительства социализма, было очень трудно. В целом можно констатировать, что к середине 1920-х гг. в жилищной сфере проявился при-

оритет в предмете законодательного регулирования, каковым стал кооперативный жилой фонд.

Список литературы:

1. Постановление НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» от 30.10.1917 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 2.
2. Ленин В.И. Тезисы закона о конфискации домов со сдаваемыми внаем квартирами от 20.11. 1917 г. // Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 133.
3. Декрет СНК «Об отмене частной собственности на городские недвижимости» от 23. 11. 1917 г. // Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 135.
4. Декрет ВЦИК «О запрещении сделок с недвижимостью» от 23. 11. 1917 г.// Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 135.
5. Постановление СНК РСФСР «Об управлении домами» от 08.08.1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 411.
6. Декрет ВЦИК «О муниципализированных строениях» от 14.05.1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 44. Ст. 465.
7.Постановление СНК РСФСР «Об установлении предельного срока для составления местными исполнительными комитетами списков муниципализированных строений» от 12.11. 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 7. Ст. 40.
8. Меерович М.Г. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализации в архитектурном проектировании. 1917-1941 гг. Иркутск, 2003.
9. Декрет СНК «О предоставлении Коммунистическим Университетам права выселения в административном порядке из занимаемых ими зданий» от 28.07. 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 48. Ст. 605.
10. Декрет СНК «Об изменении декрета о невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими помещений» от 06.09.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 57. Ст. 724.
11. Ходяков М.В. Трудовая иммиграция в советскую Россию на завершающем этапе Гражданской войны. 1920-1921 гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета / История России: экономика, политика, человек: к 80-летию академика РАН Б. В. Ананьича. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 252-266
12. Ящук Т.Ф. О работе по кодификации советского законодательства о местном управлении в 1920-е годы // История государства и права. 2006. № 7. С. 34-37.
13. Проект Жилищного кодекса // Коммунальное дело. 1924. № 1-2. С. 83-91.
14. Петров М. Строительный кодекс РСФСР // Коммунальное дело. 1922. № 2. С. 27-31.
15. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 19.08.1924 г. «О жилищной кооперации» // Известия ЦИК СССР. 1924. 21 августа.
16. Попов М.Ю., Упоров И.В. Развитие жилищно-строительного законодательства и особенности его реализации в довоенном СССР (1941-1945 гг.) / Экономические и гуманитарные исследования регионов №6. 2015. С. 88-92
17. Семенцов С.В. Градостроительство Петрограда-Ленинграда: от революционного разгрома 1917-1918 годов к возрождению 1935 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2012. № 1. С. 130-144.

Rasskazov L. P., Rasskazov V. L. Features of the process of nationalization and nationalization and its interpretation in Soviet legislation in the housing sector (1917 - mid-1920s) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 447-452.

The article identifies and reveals the features of the process of nationalization and nationalization and its interpretation in the Soviet legislation in the housing sector in the period from the October Revolution of 1917 to the mid-1920s. It is noted that the nationalization of the economy assumed not only the elimination of capitalists in the field of housing construction, but also the confiscation of housing from representatives of the propertied class. It is noted that the housing issue was very relevant for the Bolsheviks from the very beginning, since there was a housing crisis in the country. At the initial stage, this problem was solved by issuing acts providing for the withdrawal (nationalization) of housing, later the emphasis was placed on regulating the cooperative method of housing construction and maintenance.

Keywords: nationalization, nationalization, housing law, Soviet power, municipalization, residential

buildings, Councils, code, property.

Spisok literatury:

1. Resolution of the NKVD "On the rights of city self-governments in regulating the housing issue" of 30.10.1917 / / Gazeta of the Provisional Workers 'and Peasants' Government. 1917. № 2.
2. Lenin, V. I., Abstracts of the law on the confiscation of houses with rented apartments from 20.11. 1917 // decrees of the Soviet government. M., 1957. Vol. 1. P. 133.
3. SNK decree "On the abolition of private ownership of urban real estate" 23. 11. 1917 // decrees of the Soviet government. M., 1957. Vol. 1. P. 135.
4. The decree of the Central Executive Committee "On the prohibition of real estate transactions" dated 23. 11. 1917// decrees of the Soviet government. M., 1957. Vol. 1. P. 135.
5. The decision of the CPC of the RSFSR "On the control houses" from 08.08.1921 G. // SU RSFSR. 1921. No. 60. St. 411.
6. The decree of the Central Executive Committee "On was municipalized buildings" from 14.05.1923 G. // SU RSFSR. 1923. No. 44. St. 465.
7.The decision of the CPC of the RSFSR "On the establishment of a deadline for the compilation of local Executive committees of the lists was municipalized buildings" from 12.11. 1924 // SU RSFSR. 1924. No. 7. St. 40.
8. Meerovich M. G. Essays on the history of housing policy in the USSR and its implementation in architectural design. 1917-1941 Irkutsk, 2003.
9. SNK decree "On granting the Communist Universities right out in the administrative procedure of occupied buildings," from 28.07. 1922 // SU RSFSR. 1922. No. 48. St. 605.
10. SNK decree "On amendment of the decree on neveselaya administratively citizens from their premises" from 06.09.1922 G. // SU RSFSR. 1922. No. 57. St. 724.
11. Khodyakov M. V. Labor immigration to Soviet Russia at the final stage of the Civil War. 1920-1921. / / Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University / History of Russia: economics, politics, man: to the 80th anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences B. V. Ananyich. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2011. pp. 252-266
12. Yaschuk T. F. On the work on the codification of Soviet legislation on local government in the 1920s // History of the State and law. 2006. No. 7. pp. 34-37.
13. The draft Housing Code / / Kommunalnoe delo. 1924. No. 1-2. pp. 83-91.
14. Petrov M. The Building Code of the RSFSR / / Kommunalnoe delo. 1922. No. 2. pp. 27-31.
15. Resolution of the CEC of the USSR, the SNK of the USSR of 19.08.1924 "On housing cooperation" / / Izvestiya CEC of the USSR. 1924. August 21.
16. Popov M.Y., Uporov I.V. Development of housing and construction legislation and features of its implementation in the pre-war USSR (1941-1945) / Economic and humanitarian studies of regions No.6. 2015. pp. 88-92
17. Sementsov S. V. Urban planning of Petrograd-Leningrad: from the revolutionary defeat of 1917-1918 to the revival of 1935 // Bulletin of the St. Petersburg University. Art history. 2012. No. 1. pp. 130-144.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 453-460.

УДК 349

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ХОЛЕРЫ В ФИНЛЯНДИИ В 1831 Г. (Ч. 1)

Клименко П. М., Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная статья посвящена изучению и освещению проблемы организационно-правовых мер борьбы с распространением холеры в Финляндии в 1831 г. Указано, что в ходе второй пандемии холеры в Европе данное заболевание распространилось в центре и на севере континента, затронув страны и территории, ранее не подверженные данной болезни.

Основными путями распространения данной болезни, как и многих других в данный период, являлись морские, что делало государства с существенной морской границей и торговыми портами в наиболее опасное положение. В отдельных регионах болезнь распространялась и сухопутными путями.

С целью предотвращения дальнейшего распространения холеры и вызванных пандемией в 1830-1831 гг. случаев общественного возмущения предпринимались меры организационно-правового, лечебного и профилактического характера предусмотренные карантинным уставом 1818 г. Однако, основные нормы данного нормативного акта были разработаны с опорой на деятельность карантинных учреждений, в основном имеющихся лишь на юге Российской империи. Важнейшими же нормативными актами в Великом княжестве Финляндском в этом направлении стали специально разработанные объявление «О нужных мерах предосторожности от заразы холера морбусъ» и «Наставление о мерах предосторожности от эпидемической болезни холеры, равно о способах к излечению и прекращению дальнейшего распространения сей язвы» 1831 г.

Ключевые слова: холера, распространение, Финляндия, нормативно-правовой акт, организационно-правовые меры.

Эпидемиологические заболевая, не смотря на кажущийся очевидный прогресс развития современной медицины, все еще продолжают уносить миллионы жизней людей. Даже относительно богатые и развитие страны с вполне современной медицинской системой все также не могут гарантировано быть уверенны, что они избежат пандемии какого-либо заболевания.

Человечество, сделав свою жизнь более динамичной и подвижной тем самым лишь способствует быстрому распространению различных заболеваний.

В данной работе мы обратимся к отдельным аспектам попыток организации борьбы с холерой в Великом княжестве Финляндском в 1831 г.

Как известно, так называемая вторая пандемия холеры 1830-1831 гг. унесла множество жизней во всей Европе, Российской империи. Основными ее движителями, как и прежде, стало перемещение населения (занесение болезни на торговых судах, при передвижении пеших групп людей).

Холера впервые попала в Финляндию в 1831 г. в рамках второй пандемии холеры, как принято считать, через Прибалтику [1]. По разным данным в этот период в Финляндии погибло от болезни не менее 600-700 человек [2].

С самого начала появления эпидемии финляндский Сенат приказал Андерсу Фальку, занимавшего пост в экономическом департаменте, возглавить непростую борьбу с эпидемией холеры.

В это время врачей и больниц в стране было мало, о борьбе с опасным заболеванием также знали немного. Известно было только, что она передавалась от человека к человеку. Разработанная «Инструкция» А. Фалька, рекомендовала пострадавшим ходить в нагретую сауну, массировать себя, отдыхать и потеть на банных лавках, тепло одеваться после бани, каждое воскресенье читались прихожанам с кафедры и вывешивались в публичных местах.

Здесь, очевидно, следует отдельно указать, что Финляндия не была затронута первой пандемией холеры (1814-1824 гг.), т.к. в Европе она затронула лишь Средиземноморье, а потому, как и для всей Российской империи пандемия 1830-1831 гг. стала первой [3, с. 259-288].

Конечно, определенный опыт борьбы с эпидемическими болезнями в России к тому времени уже был накоплен. О об этом свидетельствует создание и весьма активное действие системы карантинных учреждений [4]. В тоже время, данные учреждения в первую очередь защищали Причерноморье, т.к. север страны считался относительно безопасным.

Достаточно сложно такой подход назвать беспечным, т.к., в наиболее сложное эпидемиологическое время в этот период все необходимые суда проходили карантин еще на входе в Балтийское море, обычно в Кристианзанде. Если суммировать время подхода парусных судов к установленным карантинам, а также время обсервации, то можно уверенно утверждать, что данного периода вполне хватало для выявления большинства инфекционных болезней, инкубационный период которых был значительно меньше.

Появление же болезни в Финляндии могло произойти лишь по двум причинам: а) нарушение карантина для торговых судов; б) занесение ее сухопутным путем.

Можно также указать на то, что действовавший в данный период карантинный устав Российской империи 1818 г., хотя и не учитывал последних научных достижений, однако даже и при его соблюдении, хотя бы в части обсервации, мог весьма содействовать сдерживанию эпидемий. Существенным же его недостатком следует считать весьма низкий уровень мер, предписанных для предотвращения эпидемических болезней среди населения [5, с. 37-38]. Также, «чумной бунт» в Севастополе 1830 г. показал несостоятельность военного и гражданского руководства в понимании смысла, духа и исполнения устава 1818 г.

В условиях распространения холеры в Финляндии потребовались новые, специально для нее разработанные меры. Важнейшей из них стало принятие указа 8 июня 1831 г. Высочайшее Его Императорского Величества объявление. «О нужных мерах предосторожности от заразы холера морбусъ».

В нем, от имени высшей власти предписывалось местной администрации «Ландгевдингам и прочим подлежащим лицам» следить за ранее введенным запретом на с прибалтийскими регионами («не отправлялся в губернии Лифляндию, Эстляндию и Курляндию»), одновременно запрещая прибрежным жителям общаться с прибывшими из них, а также докладывать о таковых местному начальству («ближайшим земским и городским полицейским служителям или другим определенным надзирателям, если большие или меньшие суда и лодки из тех мест прибудут в сей край и когда именно, или же в прочем появятся признаки заразы, дабы нужные против нее меры немедленно могли быть приняты») [6, с. 244].

Согласно документу, под названием «Наставление о мерах предосторожности от эпидемической болезни холеры, равно о способах к излечению и прекращению дальнейшего распространения сей язвы», так как данная болезнь еще не являлась в полной мере изученной, публиковались известные на тот момент сведения, в которые также входили «О свойстве болезни» и «Причины, способствующие распространению холеры» [6, с. 89-90].

Тем не менее, документом предусматривалось, что «если, не взирая на вышеписанные предохранительные меры», к которым, кроме прочего были отнесены проветривание, свежий воздух, хорошее настроение, питье чаю из разных трав, чистота в помещениях, борьба с чревоугодием и злоупотреблением спиртным «хотя впрочем рюмка хорошего вина или водки анисовой, мятной, можжевеловой не только не вредны, но способствуют испарине и пищеварению…» и т.п., за строгим исполнением которых поручалось следить магистратам и коронным служителям, полагалось при обнаружении болезни немедленно выставить оцепление: «ежели откроется она разом в нескольких домах, в одной деревне или квартале города, то оцеплять всю деревню или весь квартал; а буде язва окажется в разных местах города или уезда, то оцеплять весь город или уезд. И как исполнение и распоряжение сего, равно и постановление кордонов и обсервационных караулов вокруг зараженных мест, доставление прислуги больным, лежащие на самих обывателях, к чему войско только в важнейших случаях может быть использованном, то избирать в зараженных местах из городских обывателей и с каждого имения или геймата в уездах, не взирая на то, казенный ли он или принадлежащий к какому либо общественному учреждению или частному лицу, в соразмерности населения достаточное число людей, для оцепления, с тем, что всякий мог быть используем сколь ближе к дому своему, дабы сим устранить неудобство в снабжении их продовольствием. Кроме сего следует избирать достаточное число людей, дабы они, если нужно будет оцепляли какой-либо город или деревню, по появлении язвы, и могли быть использованы для караула и для прислуги больных».

Не желание государства привлекать к оцеплению военных, конечно логична. Во-первых, войск в Финляндии было не так и много. Во-вторых, у них были и свои обязанности, в том числе следить за сухопутными и морскими границами. В-третьих, распространение инфекционных болезней при скоплении людей, каковым по определению является любая воинская часть, могло лишь способствовать ее распространению.

Руководство данной работой возлагалось на коллективные органы (комитеты), в которые должны были входить в губернских городах представители армейского руководства, в провинциях местный врач или иные врачи; в уездных городах «бургомистр, начальник расположенных там войск, главный или приходской пастор, равно городские или другие лекаря, где нет особого городского медика».

Все эти города следовало разделять на кварталы, где назначались, под присмотром комитетов: а) комиссар с некоторыми помощниками; б) «лекарь, буде кроме определенных в комитеты, кто-либо находится на лицо»; в) «достаточное число полицейских чинов; вообще всех сих чиновников должно отвести квартиры, как недальнем расстоянии одна от другой».

Все уезды следовало разделить на особые отделения или кварталы, которые состояли из нескольких деревень, какие позже разделялись на 2 или 3 квартала. Для каждого из этих отделений и кварталов назначались смотрители, которым следовало предоставлять 2 или 3 помощника.

Кроме пограничных оцеплений вокруг губернии и могущих оказаться необходимыми внутренних кордонов, следовало, для отделения зараженных мест от благополучных, а также для «очищения» проезжающих и пешеходов, выставлять временные обсервационные караулы.

Под присмотром лансгевдингов, линии оцепления рекомендовалось поручить надзору предпочтительно штаб и обер-офицерам жандармского корпуса; а при их отсутствии ландсгевдинги должны были назначить в начальники этих оцеплений, отделений, кварталов и караулов, как в комиссары и в комиссарские помощники, предпочтительно из местных офицеров и унтер-офицеров бывшего «финского войска, кои вероятно не откажутся от помощи… в сем важном деле, или же других к сему способных лиц, равно в городах – членов купеческого и мещанского сословий».

Созданным таким образом и назначенным органам и должностным лицам следовало при помощи духовенства, «равно коронных и городских служителей, строжайше смотреть за точным исполнением вышеописанных мер предосторожности против холеры, но и вообще блюсти о состоянии здоровья между обывателями и в особенности в нижних классах народа, кои часто от нерадения не радеют о болезни, не имеют предохранительных средств и даже не скрывают язву, тогда, когда ей заражены и тем причиняют себе и другим вред».

Комиссары и помощники их, а особенно полицейские чины в городах, должны были, по утрам и вечерам, а в уездах назначенные старшие и младшие смотрители, беспрерывно осведомляться о состоянии здоровья на своих дистанциях, которые для того следовало постоянно объезжать, а о всех событиях сообщать врачам; домовладельцам и землевладельцы в свою очередь обязывались о заражении своих близких, работников уполномоченным к тому лицам (6, с. 90) для своевременного принятия мер к заботе о больном и предотвращения дальнейшего распространения болезни.

Также предписывалось усилить «строгий надзор за шатающимися нищими, которые в отношении непостоянного образа их жизни более других подвержены заразе. Вследствие сего, когда такие задерживаются и если нет сомнения насчет здоровья их, он под надежным присмотром должны быть отсылаемы к тем приходам, к которым принадлежат, а в ином случае тотчас отправляются в ближайшую больницу или в обсервационную заставу».

При первых признаках холеры следовало обращаться к врачам или фельдшерам, а при их отсутствии – к священникам «или другим знающим людям». При выявлении больного ночью владельцу следовало вывесить на улице фонарь, или поставить на окно свечу, в знак смотрителям или полиции для уведомления медика. Одновременно с этим заболевшего рекомендовалось «сажать в теплую ванну…».

Врачам, в местах появления холеры, «для изучения болезни», предписывалось осуществлять подробные наблюдения, описывать свои наблюдения, свойства болезни, ее ход и причины, насколько она заразна, в какой степени и при каких обстоятельствах и т.п. Выявлять меры ее предотвращения и излечения. С этой целью им

следовало вскрывать отдельные тела умерших в «разных видах и периодах сей болезни, и при каждом вскрытии разрывать пищеварительный канал, по всем его протяжении, и наблюдать, какие откроются признаки воспаления, а донесения свои о том представлять Ландсгевдингам, для дальнейшей, куда следует, отсылки».

Конечно же предписывалось решительно «прекращать народные скопления в трактирах, постоялых домах и даже на улицах и строго наблюдать дабы не происходило пьянства. С семи часов вечера никому не ходить на по улицам, кроме Комиссаров, Смотрителей и назначенных служителей; равномерно наблюдать, чтобы в сие время все публичные места в черте оцепления, как то, питейные дома, трактиры и харчевни были заперты. Поутру в шесть, а вечером в семь часов, по колокольням или иным образом производить… в первом случае выхода из домов и в последнем воспрещения».

Кроме того, указывалось на необходимость в каждом доме, в публичных домах и дамах, где были умершие «ежедневно окуривать минеральной кислотой, хлором или уксусом, а при хорошей погоде открывать окна» специальной смесью, в состав которой входили поваренная соль, селитра серная кислота (купоросное масло).

В домах, в которых умерли страдавшие холерой, следовало производить окуривание 3 дня подряд по 2 раза в день, а там, где заболевший выздоровел, по одному разу в день. По окончании такой окурки полагалось «выставить окна, проветрить покои в течение 3-х дней и после выбелки негашеннной известью, а полы вымыть золяным щелоком, а самую окурку производить под руководством и наблюдением местных медиков и аптекарских чинов, коим также, как помянутый состав, так и способ употребления его, показать всем тем, кои для сего к ним явятся».

Иной способ окурки состоял из смеси селитры и серы «смешанных вместе в горшке или чугуне, наполненных раскаленным углем». Его также предлагалось использовать «3 дня сряду; а после вымыть стены, пол, палаты и потолок крутым золяным щелоком и проветрить комнаты в течение 2-х дней, прокуривая после того всякий день можжевельником, смолой или дегтем, наливаемым на раскаленные уголья».

В «холерических больницах, равно как в частных домах, где были умершие от холеры» предписывалось все белье, простыни, одеяла, подушки, войлоки и т.п. окурить, «и после вымыть в щелоке и проветрить под открытым небом до совершенной просушки». Во избежание спекуляции одновременно устанавливались фиксированные цены «хлориновых препаратов» [6, с. 91].

В населенных пунктах где была выявлена холера, по мере надобности, на возвышенных сухих местах, «а лучше всего отдельно или в конце города или деревни», следовало устроить больницы, отправляя туда больных немедленно по выявлении болезни. Контроль за этими заведениями возлагался на комитеты и старших смотрителей. Прислуга в больницах должна была быть «обоего пола, с получением платы вносимой каждым приходом в городах и уездах». Прочие же издержки следовало отпускать «из общих сумм».

Дома и дворы, принадлежащие лицам, взятым в больницы, между тем, заботой комитетов и смотрителей должны быть оцеплены, невзирая на то, поражены ли живущие в них язвой или нет. Под

Порядок оцепления домов и дворов с заболевши предусматривал, что все выходы на задние дворы или огороды следовало наглухо забить, а у ворот на улице поставить караул во избежание выхода жителей на улицу. Каждый дом, лавки, магазины, где кто-либо заболел холерой, хотя больной после того и был принят в больницу, следовало в течение 6, а где больной умер, в течение 14 дней, во время такого оцепления каждый день несколько раз курить можжевельником, одновременно осведомляясь о здоровье оцепленных, после чего произвести «очистку дома, прежде нежели кому-либо позволено будет занимать покои, в которых кто умер от холеры».

Если после 6 дней, в доме, где был заболевший, или 14, где был умерший, никто не заболел, то оцепление следовало снять, а дом окурить и проветрить.

При оцеплении населенного пункта в случае появления болезни предписывалось создавать рынки при заставах, перед чертой оцепления. Комитеты же и смотрители должны были распоряжаться так, чтобы высланные из оцепления люди, по надлежащем их омытии и окуривании их одежды, покупали все нужное жителям, служили в черте оцепления, откуда каждый должен был развозить необходимое. Однако, если оцеплялись лишь отдельные здания, то воду и указанные припасы для находящихся в них лиц, полагалось доставлять младшим смотрителям и караульщикам, после чего припасы развозились по домам.

С этой целью домовладельцы должны были объявлять нужное количество необходимых припасов перед базаром комиссару или смотрителю. Тем же образом позволялось живущим вместе купцам предъявлять подобные требования о закупках. Комиссарам и смотрителям следовало распоряжаться, чтобы все необходимое для питания обывателей оцепленных мест, по возможности, требовалось и привозилось из принадлежащих им имений с помощью управителей и иных надежных лиц. Этим же лицам, с помощью коронных и городских служителей, полагалось наблюдать, чтобы находящиеся вне черты оцепления принадлежности оцепленных, как движимые, так и недвижимые, оставались под необходимым присмотром, для чего следовало определять особых лиц, создав для них лиц, по необходимости, соломенные или дощатые шалаши, перед которыми, для предотвращения болезни, предписывалось жечь навоз и сырую слому.

Что до бедных жителей, средства которых в изоляции могли быстро закончится, комиссарам и смотрителям следовало составить их списки и подать их Ландсгевдингу, который и распоряжался о производстве таким лицам за счет казны нужного числа припасов. При это следовало даже весьма бедных, не имеющие наличных средств также снабжать питанием, с тем условием, чтобы «цена за оные вознаграждалась, по прекращении оцепления, при взыскании какового вознаграждения соображаться с правилами о казенной недоимке».

При этом, «Меры продовольственные, отпускаемые государством бедным и неимущим, состоят в том, чтобы каждому взрослому отпускать полный паек рядового, каждому ребенку – половину пайка, а кроме того, давать деньгами в сутки по 5 коп. ассигнациями и на каждый бедный дом, при необходимости, нужное количество дров».

Особо следовало обращать внимание на сирот, оставшихся после холеры, следить чтобы они не оставались без должного присмотра, при необходимости следовало назначать им опекунов, а приходам принять на себя заботу о малолетних и

безнаследных детях или же отдавать трудоспособных сирот частным лицам на службу [6, с. 92].

В подверженных опасности населенных пунктах предписывалось следить за качеством продающихся пищевых продуктов, доставкой из сел и хуторов таковых; соблюдение порядка в местах их продажи.

В оцепленных же местах следовало продавать необходимые припасы по утвержденным ландсгевдингами ценам [6, с. 93].

Особо устанавливалось, что общие расходы на помощь нуждающимся в каждой губернии не должны были превышать 5 000 руб. банковскими ассигнациями, с строгим отчетом о всех расходах сначала ландсгевдигну, а затем и в Сенат [6, с. 94-95].

При погребении умерших от холеры, предписывалось готовить покойников к похоронам тем же лицам, что «прислуживали им во время болезни, не дозволяя никакого омовения и положа в гроб, опрыскивать, если есть, раствором охлоренной извести и осыпать золой, или негашенной известью, или же мелкоистолченным углем и, покрыв чистой холстиной, опрыскать или полить оную тем раствором».

Также строго запрещалось никого не допускать «в сидельники к покойнику и прощаться и не дозволяя читать над покойником псалтыря, накрыть гробовой доской и сколь можно скорее вынести и погребать не позже, как в сутки после смерти». При этом, клавших покойника в гроб следовало немедленно «окурить очистительным составом из соли, селитры и серной кислоты или приказать им вымыться крутым щелоком».

Белье умершего полагалось класть к нему в гроб, или сжигать, или окуривать, ничего не оставляя, тем более не продавать. Погребение следовало производить наедине, желательно ночью с минимальным количество людей; умерших в церковь вносить не разрешалось, а сразу везти сразу на кладбище где погребать в особых местах. В случаях, когда для доставки на общие кладбища нужно было пронести умершего через все селение или город, следовало отводить особые кладбища.

Глубина могилы устанавливалась в 3,5 локтей. Лишь обеспеченных усопших разрешалось хоронить отдельно, а для бедных полагались «общие усыпальницы, или обширные ямы, для совокупного принятия большого числа жертв холеры». Причем «Гробы как тех, так и других, засыпать на дюйм вышиной, погашенной известью, или золой, или толченым углем и после землей, и когда … убивать оную долбнями плотно, и на поверхности земли сверх могилы делать достаточные насыпи, ибо от упущения сего могилы могли бы выпускать гнилые и вонючие испарения, от которых могли бы возродится холера и другие эпидемические болезни».

Как видно из представленного материала первой части нашей публикации, меры, предпринимаемые в Финляндии в 1831 г. с целью предотвращения распространения холеры, были достаточно разумны для своего времени и вполне соответствовали имеющемуся опыту, а также карантинному уставу 1818 г.

Важнейшей из них было предотвращение распространения болезни между населенными пунктами, а при проникновении холеры в населенный пункт – изоляция усадеб с больными, ограничения посещения общественных мест, времени нахождения на улице; оцепление населенных пунктов и т.п. Все эти меры регулировались

нормативно, а их исполнение возлагалось на представителей местных органов власти.

Список литературы:

1.Arno Forsius. Kolera eli aasialainen kolera. - Холера или азиатская холера (www-saunalahti-fi.translate.goog)
2. Sofia Paasikivi. Lakastuvat uhrit iskustasi kaatuvat" Koleran pelko 1800-luvun Turussa // Arvio vuodelta 2014. Ks. WHO: Fact sheet N°107.
3. Л.В. Выскочков, А.А. Шелаева. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // STUDIA HISTORICA GEDANENSIA TOM XII (2021). S. 259-288.
4. Змерзлый Б. В. Создание карантинных учреждений в Крыму в конце XVIII – начале XIX вв. // Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма. Материалы V Международной научной конференции. (6-7 октября 2012 г.). – Симферополь; Новый Свет, 2013.
5.Змерзлый Б.В., Воронина Е. О. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии). - Симферополь, 2014. – 262 с.
6. 8 июня 1831 г. Высочайшее Его Императорского Величества объявление «О нужных мерах предосторожности от заразы холера морбусъ» // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПБ, 1902. С. 244.
6. 1831 г. Наставление о мерах предосторожности от эпидемической болезни холеры, равно о способах к излечению и прекращению дальнейшего распространения сей язвы // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПБ, 1902.

Klimenko P. M., Zmerzly B.V. Legal and institutional measures to combat the spread of cholera in Finland in 1831 (part 1) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 453-460.

This article examines and highlights the problem of institutional and legal measures to control the spread of cholera in Finland in 1831. It points out that during the second cholera pandemic in Europe, the disease spread in the centre and north of the continent, affecting countries and territories previously not affected by the disease.

The main routes for the spread of the disease, as for many others in this period, were by sea, putting countries with significant maritime borders and trading ports in the most perilous position. In some regions, the disease also spread by land routes.

In order to prevent further spread of cholera and cases of public disturbance caused by the pandemic in 1830-1831 legal, therapeutic and prophylactic measures were taken in the quarantine statute of 1818. The most important laws in the Grand Duchy of Finland in this respect were the specially elaborated decree "On necessary precautions against cholera morbus" and "Instructions on precautions against cholera epidemic disease, equally on ways to cure and stopping further spread of this plague" of 1831.

Key words: cholera, spreading, Finland, regulation, organizational and legal measures.

Spisok literatury:

1.Arno Forsius. Kolera eli aasialainen kolera. - Holera ili aziatskaya holera (www-saunalahti-fi.translate.goog)
2. Sofia Paasikivi. Lakastuvat uhrit iskustasi kaatuvat" Koleran pelko 1800-luvun Turussa // Arvio vuodelta 2014. Ks. WHO: Fact sheet N°107.
3. L.V. Vyskochkov, A.A. SHelaeva. Holernaya pandemiya 1830–1831 gg. v Rossijskoj imperii po vospominaniyam i pis'mam, gazetnym zametkam, tekstam administrativnyh ukazov i drugim lichnym i oficial'nym istochnikam // STUDIA HISTORICA GEDANENSIA TOM XII (2021). S. 259-288.
4. Zmerzlyj B. V. Sozdanie karantinnyh uchrezhdenij v Krymu v konce XVIII – nachale XIX vv. // Aktual'nye voprosy istorii, kul'tury i etnografii YUgo-Vostochnogo Kryma. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. (6-7 oktyabrya 2012 g.). – Simferopol'; Novyj Svet, 2013.
5.Zmerzlyj B.V., Voronina E. O. Pravovye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti karantinnyh uchrezhdenij v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX vv. (na materialah Tavricheskoj gubernii). - Simferopol', 2014. – 262 s.
6. 8 iyunya 1831 g. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva ob"yavlenie «O nuzhnyh merah predostorozhnosti ot zarazy holera morbus"» // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902. S. 244.
6. 1831 g. Nastavlenie o merah predostorozhnosti ot epidemicheskoj bolezni holery, ravno o sposobah k izlecheniyu i prekrashcheniyu dal'nejshego rasprostraneniya sej yazvy // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 461-470.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. М. СПЕРАНСКОГО В ИЗДАТЕЛЬСКИХ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ (Источниковедческий обзор)[1]

Кодан С. В.

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

В обзоре показываются особенности формирования и современное состояние источниковой базы изучения творческого наследия М. М. Сперанского. Автор выделяет и анализирует во взаимосвязи как источники доктринального характера – произведения мыслителя, так и историографические носители информации – исследования о нем. В данном контексте показывается динамика формирования массива произведений и их изданий, а также акцентируется внимание на необходимости введения в научный оборот неопубликованных и находящихся на архивном хранении трудов М. М. Сперанского.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, российская политико-правовая мысль; история политических и правовых учений; историография и источниковедение развития политико-правовой мысли.

250-летний юбилей со дня рождения выдающегося российского государственного деятеля, реформатора и правоведа Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839) – хороший повод для подведения итогов изучения его творческого наследия. Для этого необходимо представлять состояние источниковой базы, имеющейся в распоряжении исследователей произведений мыслителя. В рамках данного обзора остановимся на этом вопросе.

* * *

Специфика формирования творческого наследия М. М. Сперанского была связана с особенностями его деятельности – своеобразной триадой его ипостасей как Государственного деятеля, Систематизатора законов и Философа права. Они были так тесно взаимосвязаны и переплетены между собой, что порой бывает трудно позиционировать каждую из них в качестве главной. Место и роль М. М. Сперанского в отечественной истории на протяжении более двух веков изучалась представителями различных наук и достаточно чётко артикулирована в самых различных проекциях его деятельности как идеолога и практика преобразований в сфере государственного управления и законодательной деятельности.

Формирование творческого наследия М. М. Сперанского уходит корнями в бытность его обучения и последующего преподавания в духовных образовательных учреждениях – Владимирской семинарии, а затем в столичной Александро-Невской академии. В последней он преподаёт математику, физику, красноречие и философию, критически разбирает философские труды начиная с древне-греческих мыслителей и до современных ему произведений философского, политического и правового характера. Именно в этот период формируется «золотое перо» Сперанского – стиль мышления, осмысления и практического видения окружающей действитель-

[1] Публикация подготовлена в рамка финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

ности, ясность передачи мысли и язык выражения суждений и аргументации, которые впоследствии соединились в содержании и форме его сочинений – заметок, записок, проектов, деловых бумаг и других документов.

Вовлечение М. М. Сперанского в активные занятия на поприще государственной службы в правление Александра I отразилось в его первых произведениях – служебных записках 1802 г. – «Отрывок о комиссии Уложения», «О коренных законах государства», «Примечания о Сенате», «О постепенности усовершения общественного», «О силе общего мнения», «Ещё нечто о свободе и рабстве», «Размышлениях о государственном устройстве империи» и др. Они буквально пронизаны философскими и практическими рассуждениями о «правильной монархии», распределении власти «по разным частям управления, «столпах разума и законов», необходимости упорядочения законов и иными злободневными проблемами социального, политического и государственно-правового характера. Эти отдельные мысли были объединены и проработаны в первом проекте М. М. Сперанского о реформирования системы власти, государственного управления и законодательства и представлены императору в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», состоящей из философско-теоретической и практической частей [15].

Апогеем осмысления М. М. Сперанским общих политических, государствоведческих и правовых проблем развития Российской империи и оформления концепции реформаторских преобразований стал 1809 г., когда он по поручению Александра I подготовил и представил ему «Введение к Уложению государственных законов» и примыкающие к нему документы – «Проект Уложения государственных законов Российской империи», «Краткое начертание государственного образования» и «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам». «Введение…» явилось первым в истории страны довольно чётким и достаточно сбалансированным философско-юридическим трактатом с практической направленностью об эволюционном переустройстве формы правления и государственно-правового устройство России. М. М. Сперанский ориентировал монарха на постепенный переход к монархии, основанной на основных законах, функциональной специализации деятельности отдельных ветвей власти, чётком определении законодательного механизма, процедуры форм издания законов, существенных изменений в общественном устройстве страны, повышении роли закона и законности в управлении и др. [15]

В правление Николая I М. М. Сперанский по поручению императора занимался систематизацией законодательства, фактически возглавив II отделение Собственной е. и. в. канцелярии. И здесь его деятельность сосредоточилась на создании Полного собрания и Свода законов Российской империи. Его знание истории кодификации римских и европейских узаконений, познания в различных социальных науках и юриспруденции позволили определить философские, теоретические и технико-юридические положения относительно упорядочивания законодательства. М. М. Сперанский написал для чиновников отделения короткие записки теоретического и практического характера с освещением общих вопросов понимания права, его системы, приёмов обработки узаконений и т. п. Эти труды получили оформление в текстах – «Предисловии» к первому Полному собранию законов Российской империи (1830 г.) [10] и «Обозрении исторических сведений о Своде законов» (1833 г.) [11]. Их подготовил М. М. Сперанский, но они носили официальный характер и его

авторство указано не было, оно было установлено позднее при изучении архивных документов.

В конце жизненного пути М. М. Сперанский обратился к обобщению своих философских и теоретических правовых воззрений. Этому способствовало его участие, по поручению Николая I, в обучении наследника престола, великого князя Александра Николаевича – будущего императора Александра II, с которым Сперанский в октябре 1835 – апреле 1837 гг. провел занятия по правоведению. По итогам занятий в 1837 последовало «высочайшее поручение» монарха – «Составить вообще для юношества нашего краткое руководство к познанию отечественных законов». М. М. Сперанский приступил к работе, но написание этого труда был прервано смертью мыслителя в 1839 г., и только в 1845 г. по императорскому распоряжению последовало издание «Руководство к познанию законов. Сочинение графа Сперанского» [12]. Лекционные тексты занятий с цесаревичем были опубликованы в 1877 г. в Сборнике Императорского русского исторического общества под названием «О законах. Беседы графа М. М. Сперанского с его императорским высочеством государем наследником цесаревичем великим князем Александром Николаевичем» [13].

Рассматривая формирование творческого наследия М. М. Сперанского в контексте конкретно-исторических условий 1800 – 1840-х гг., важно учитывать общую специфику развития российской юриспруденции. Для нее в отличие от европейской юридической науки было характерно отсутствие разработанности большинства философских, теоретических и практических вопросов изучения права и преобразований в сфере законодательства, а сами правовые исследования находились лишь в зачаточном состоянии. При этом М. М. Сперанский прекрасно понимал суть естественного отставания России в развитии юридического образования и науки, стремился изучить, адаптировать и внести в российскую действительность опыт деятельности европейских университетов и специальных образовательных структур по подготовке юристов, использовать его для нужд государства и развития государственно-правовых исследований. Он в своей государственной и законодательной деятельности на протяжении всей жизни опирался на мировые достижения в юриспруденции и заложил основы их интеллектуальной рецепции и адаптации как важных культурно-познавательных средств в развитии российского правоведения.

С точки зрения обращения к мировому культурному наследию показателен состав библиотеки М. М. Сперанского, которая включала более 1,1 тыс. изданий на древнегреческом, латинском, английском, немецком и французском языках по самой разнообразной тематике. Сохранившийся каталог книг показателен по своей направленности и распределён по разделам: «Rechtswissenschaft» («Юриспруденция») – 358 изданий – (Corpus juris civilis, Corpus juris germanici, дигесты Юстиниана, французские кодексы, произведения Пухты, Бунге, Савиньи, Миттермайера, Фейербаха и др.); «Staatswissenschaft» («Государственная наука») – 210 изданий (сочинения Монтескье, Пелитца, Макиавелли, Рейналя, Смита, Бентама, Констана, Мирабо, Рикардо и др.); «Geschichte, Geographie und Statistik» («История, география и статистика») - 300 изданий (произведения Нибура, Гиббона, Сисмонди, Мишле, литература по истории Французской революции, биографии Наполеона и др.); «Religion» («Религия») – 199 изданий (Библия на древнееврейском, латинском,

древнегреческом и чешском языках, богословские книги); «Philologie und Paedagogik» («Филология и педагогика») – 285 изданий (сочинения Гомера, Эсхила, Софокла, Ксенофонта, Геродота, Плутарха, Платона, Аристотеля, Вергилия, Горация, Лукреция, Цицерона), Цезаря, Сенеки, Тацита, Светония и др.); «Philosophie» («Философия») – 109 изданий (труды Канта, Юма, Гегеля, Шеллинга, Декарта, Спинозы, Бэкона, Лейбница, Пуфендорфа, Паскаля и др.); «Literatur und Kunst» («Литература и искусство») – 50 изданий (произведения Камоэнса, Монтеня, Ламартина, Фонтенеля, Руссо и др.). Библиотечное собрание также свидетельствует об интересе её владельца к астрономии, математике, горному делу, природоведению и медицине [2, с. 98-99]. Также по инициативе М. М. Сперанского была создана библиотека при II отделении Собственной е.и.в., для которой зарубежные дипломатические представительства приобретали литературу по юриспруденции.

Характерно, что число официально изданных прижизненных изданий произведений М. М. Сперанского было весьма незначительно. Его творческое наследие оседало чаще всего в материалах официального делопроизводства государственных учреждений и его личном собрании, а затем перешло на хранение в архивные учреждения и отделы рукописей библиотек. Это были преимущественно проекты и записки служебного характера, которые предназначались лишь для прочтения и обсуждения на уровне представителей верховной власти и высшей бюрократии, а не для обсуждения в обществе. Так почти столетие публикация «Введения к Уложению государственных законов» находилась под запретом властей и цензуры, и только в 1905 г. под названием «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского» вместе с рядом других документов стало доступным общественности [14].

Введение творческого наследия М. М. Сперанского в исследовательские практики в обществоведении начинается на рубеже второй половины XIX в. - с вступлением России в пору Великих реформ. Здесь важно учитывать огромный интерес в обществе и научной среде к оценке предшествующих периодов правлений Александра I и Николая I, поискам путей развития политико-правовой системы. Этому способствовало и интенсивное развитие различных отраслей обществоведения, включая и юриспруденцию, что стимулировало повышенное внимание к личности и деятельности М. М. Сперанского как государственного деятеля, реформатора и систематизатора законов. В это время складываются и основные направления изучения носителей информации о нем – биографическое, историческое, историко-юридическое, философско-правовое и др.

Особая заслуга в привлечении внимания к деятельности М. М. Сперанского принадлежит М. А. Корфу, который ранее работал с ним в Комиссии составления законов и во II отделении Собственной е. и. в. канцелярии, принимал участие в составлении Полного собрания и Свода законов Российской империи, а в последующие годы лично общался в качестве управляющего Комитетом министров и государственного секретаря. В 1857 г., когда М. А. Корф возглавлял Императорскую публичную библиотеку, в рукописное собрание последней дочь М. М. Сперанского - Елизавета Михайловна (в замужестве Фролова-Багреева) – передала оставшиеся после отца бумаги и переписку с ним. Эти материалы в совокупности с личным опытом общения со Сперанским и изучением других имеющихся источников были использованы М. А. Корфом в его двухтомном биографическом труде - «Жизнь

графа Сперанского», который был опубликован в 1861 г. [5] Следует подчеркнуть, что М. А. Корф стал основоположником биографического направления в исследовании жизни и деятельности М. М. Сперанского, а его книга как источник фактических сведений стало базой для дальнейших изысканий. Это издание не потеряло своего значения и используется в современных исследовательских практиках.

Во второй половине XIX – начале XX вв. накапливается значительный массив публикаций, связанных с М. М. Сперанским и включающий его наследие. Биографические работы показали различные стороны деятельности реформатора, характер его личных связей, отношение к нему в обществе и др. аспекты (Ф. М. Дмитриев, А. В. Романович-Славатинский, С. М. Сердонин, Ф. М. Уманец, В. З. Завитневич, В. О. Ключевский, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Фадеев, С. Н. Южаков, В. Е. Якушкин, А. Э. Нольде и др.). Многие исследования по истории дореформенной России при изучении политики, истории государственных учреждений и права так или иначе связывались с именем М. М. Сперанского и отмечали его роль и значение в государственных и законодательных преобразованиях (В. И. Вагин, Г. Э. Блосфельдт, Н. Н. Корево, Н. М. Коркунов, П. М. Майков, В. Г. Щеголев и др.). Новые штрихи к портрету реформатора внесли и многочисленные отдельные публикации документов, записок и замечаний в различных периодических изданиях. В обращении к творческому наследию М. М. Сперанского особое значение имел и 100-летний юбилей со дня его рождения М. М. Сперанского в 1872 г., который был отмечен значительным числом опубликованных речей и воспоминаний, а также изданием книги «В память графа М. М. Сперанского» (под ред. А. Ф. Бычкова), в которой содержалась переписка М. М. Сперанского, статьи и отдельные заметки [1].

Особо обратим внимание на то, что уже в начале XX столетия назрела необходимость обобщения и научного анализа творческого наследия М. М. Сперанского. В Историческом обществе при Петроградском университете «возникла мысль о желательности издать собрание бумаг, сочинений и писем гр. М. М. Сперанского, частью появившихся в самых разнообразных изданиях, далеко не всегда, однако, снабжённых научно-критическим аппаратом». Одновременно указывалось на необходимость подготовки к предстоящему в 1922 г. 150-летнему юбилею со дня рождения М. М. Сперанского. 30 марта 1916 г. была образована «Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского» под председательством российского историка А. С. Лаппо-Данилевского, в ее состав вошли известные историки и юристы – И. А. Бычков, А. В. Васильев, Н. В. Голицын, А. А. Корнилов, С. А. Корф, А. Э. Нольде, С. В. Рождественский и др. В их намерение входило «напечатать описи бумаг М. М. Сперанского, сделанные при его ссылке в 1812 г. и после его смерти в 1839 г., а также описать его рукописи, выяснить состав его библиотеки и приступить к библиографическому обозрению изданных его трудов и тех сочинений (книг, статей и т. п.), которые специально касаются его биографии и деятельности». Комиссия подготовила обзор рукописного наследия и опубликовала в конце 1916 г. «Опись бумаг М. М. Сперанского 1812 года» [9]. Последующие события отодвинули идею обобщения трудов мыслителя на многие десятилетия.

Исследование творческого наследия М. М. Сперанского в советском обществоведении достаточно противоречиво. С одной стороны его идеи, деятельность и роль

в истории России нельзя было игнорировать, но они препарировались через призму идеологических оценок и требований к партийности науки. Исследовательские практики часто не жаловали изучение жизни и деятельности М. М. Сперанского стремлением к многостороннему и объективному анализу его жизненного пути и государственной деятельности, и ограничивались их описанием и оценками с классовых позиций. С другой стороны - шло исследование различных аспектов деятельности и взглядов реформатора, расширение проблематики и накопление фактологического материала. В итоге накопился достаточно большой пласт исследований, который при определённой их партийно-идеологической заданности (нередко достаточно формальной и вынужденной) представляет интерес и в срезе современного изучения проблематики, связанной с М. М. Сперанским.

В 1961 г. источниковая база изучения творческого наследия М. М. Сперанского была значительно расширена академическим изданием «М. М. Сперанский. Проекты и записки» под редакцией и с аналитическо- археографическим предисловием С. Н. Валка. В него вошли публикации основных произведений М. М. Сперанского первого десятилетия XIX в. по первоисточниками – архивным материалам с отсылкой к документам и примечаниями. При этом часть документов была введена в научный оборот впервые[15]. С этого времени ни одно серьёзное исследование о М. М. Сперанском не обходится без обращения к указанному изданию, которое положило начало научному изданию трудов мыслителя и сохраняет свою актуальность. В 1962 г. для «внутреннего пользования» был издан составленный М. Я. Стецкевичем «Каталог фонда М.М. Сперанского (№731)», хранящихся в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и позволивший исследователям сориентироваться в трудах мыслителя [4].

Современный период изучения творчества М. М. Сперанского относится к концу 1980-х гг., что во многом было связано с необходимостью обращения к опыту российских реформ и характеризуется всплеском исследовательского интереса к этой проблематике. В конце 1980-х – начале 2020-х гг. издаются монографии биографического и предметно аналитического характера (Н. Я. Эйдельман, В. А. Федоров, С. А. Чибиряев, Д. И. Луковская, С. В. Мироненко, С. С. Гречишкин, В. И. Морозов, Н. В. Минаева, С. В. Кодан, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, П. В. Крашенинников и др.). Среди этих работ особо выделю биографические исследования профессора Московского университета В. А. Томсинова – его монографии «Светило русской бюрократии» (1991 г. и последующие издания)[24] и «Сперанский» в серии «Жизнь замечательных людей» (2006) [25], а также его многочисленные статьи биографическо-проблемного характера.

Интерес к творческому наследию М. М. Сперанского выразился и в переизданиях ранее известных его произведений. В 2002 г. был издан сборник опубликованных трудов и писем под общим названием «Руководство к познанию законов», которое подготовил профессор Санкт-Петербургского университета И. Д. Осипов. Издание предваряет вводная статья составителя «Истинная монархия графа М. М. Сперанского» с глубоким философско-правовым анализом воззрений мыслителя. Издание сопровождалось библиографическим списком произведений М. М. Сперанского, комментариями и научно-справочным аппаратом, что существенно расширило исследовательские значение этой публикации источников [16]. В 2008 г. последовало издание «Сперанский М. М. Юридические произведения», которую подготовил и

снабдил биографическим очерком В. А. Томсинов [17]. В 2010 г. последовал сборник произведений «М. М. Сперанский. Избранное» с вступительной статьёй и комментариями профессора Высшей школы экономики В. С. Парсамова, изданный в рамках «Библиотеки отечественной общественной мысли» [18]. Сборник «М. М. Сперанский. Избранное», изданный в 2013 и 2015 гг., представил подборку произведений с биографическим введением П. В. Крашенинникова [19]. В 2017 и 2022 г. подборка произведений была издана под названием «М. М. Сперанский. О законах. Избранные работы и письма» [20]. Отдельные неопубликованные произведения мыслителя были помещены в журнале «Правоведение»(1997, 2001 гг.) [21; 22]. В 2009 г. Н. В. Минаевой опубликована подборка личных свидетельств современников о М. М. Сперанском [8].

Информационная доступность к творческому наследию М. М. Сперанского в последние десятилетия существенно расширилась и за счёт возможности выхода из традиционных библиотек с «бумажными изданиями» в информационное пространство электронных баз Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Государственной публичная историческая библиотеки России, университетских и специализированных библиотек, информационно-правовых баз данных «Гарант» и «Консультант-плюс» и др.

250-летие со дня рождения М. М. Сперанского в 2022 г. вызвало новую волну внимания к деятельности и творчеству М. М. Сперанского. Многочисленные конференции и публикации повысили интерес к этой проблематике, подводят итоги и определяют направления новых исследований. Особо подчёркивается, что наследие М. М. Сперанского вошло и утвердилось в отечественном научном и образовательном пространстве [3].

В ряду «юбилейных мероприятий» интерес представляет обращение к имеющемуся творческому наследию мыслителя и введение в научный оборот новых источников в информационном пространстве сети «Интернет». В этом отношении знаковым событием является создание и размещение на сайте Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина коллекции «М. М. Сперанский (1772-1839)», которая включат произведения и переписку мыслителя, воспоминания о нём и исследования о его жизни и деятельности, опубликованные сочинения, а также изобразительные материалы. Особое значение имеет систематизированная подборка документов из фонда «Бумаги М. М. Сперанского» Российского государственного исторического архива, а также привлечение материалов других архивных учреждений и библиотек. Интересная подборка материалов представлена на сайте Российского исторического общества.

Анализируя юбилейные мероприятия следует сказать, что достаточно большая часть докладов базируется на хорошо известных источниках и нередко является интерпретацией уже хорошо проработанных сюжетов с некоторым их уточнением или детализацией. Без введения в научный оборот новых носителей информации о жизни, деятельности и творческом наследии М. М. Сперанского, которые хранятся в архивных учреждениях, дальнейшая проработка проблематики становится недостаточно продуктивной.

Публикации произведений М. М. Сперанского, безусловно, имеют большое значение - привлекают внимание к проблематике, обеспечивают доступность и возможности использования в исследовательских практиках творческого наследия мыслителя, содержат авторские оценки и комментарии составителей, но они не решают главной проблемы – расширения источниковой базы, поскольку лишь незначительная часть творческого наследия М. М. Сперанского введена в научный оборот. На это в 2001 г. обращает внимание Е. В. Тимошина, акцентируя внимание на многогранности наследия и подчёркивая, что «опубликованные работы М. М. Сперанского составляют в лучшем случае десятую часть рукописного наследия мыслителя, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Это работы по теории и философии права, гражданскому праву, истории зарубежного и русского законодательства, знакомство с которыми открывает новые, неожиданные возможности мировоззрения учёного» [23, с. 224]. Именно поэтому расширение источниковой базы работы с наследием М. М. Сперанского является чрезвычайно важной составляющей в дальнейшем развитии исследований.

В этом отношении чрезвычайно актуальным является подготовленное и анонсированное профессором К. П. Краковским издание неопубликованных юридических произведений М. М. Сперанского. В него предполагается включить значительный объем произведений, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Издание должно содержать значительный массив трудов, которые находятся на архивном хранении и на основе которых возможно изучение и раскрытие новых существенных характеристик его как философа, теоретика и историка права [6; 7]. Представляется, что это издание даст новый импульс к изучению и анализу творческого наследия М. М. Сперанского в самых различных проекциях и раскроет новые черты его мировоззрения и практической деятельности.

* * *

Творческое наследие М. М. Сперанского, которое первоначально оставалось в недрах официального делопроизводства, со второй половины XIX – начала XX вв. в условиях повышенного внимания к жизни и деятельности реформатора начинает постепенно издаваться и входить в исследовательские практики. В советское время массив изданных произведений М. М. Сперанского несколько расширился. И только в конце 1990-х – 2020-е гг. наследие реформатора обрело достойное место в изучении российской истории и истории государственности и права. Тем не менее главная проблема остаётся нерешённой – назрела необходимость продолжения изданий неопубликованных трудов М. М. Сперанского, а в перспективе и собрания его сочинений.

Список литературы:

1. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772-1872. - СПб.: Издание Императорской публичной библиотеке, 1872. - 855 с.
2. Гречишкин С. С. Луковская Д. И., Морозов В. И. Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). - М.;Augsburg: «WERDEN'VERLAG», 2001. - 118 с.
3. Зипунникова Н. Н., Лапшина Л. П. Наследие М. М. Сперанского в юридическом научно-образовательном «метадискурсе» (к 250-летию великого реформатора) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. - 2022. - Т. 32. - № 4. - С. 699-706.
4. Каталог фонда М. М. Сперанского (№ 731). Сост. М. Я. Стецкевич. - Л,, 1962. - 442 с.
5. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. - СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. Т. 1. - 283 с.; Т. 2. - 388 с.

6. Краковский К. П. Неизвестные работы великого мечтателя (к 250-летию со дня рождения графа М. М. Сперанского) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2022. - Т. 9. - № 1. - С. 99-108.
7. Краковский К. П. «Право появляется там, где есть добро и согласие...» (неопубликованные труды выдающегося правоведа М. М. Сперанского) // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2022. - № 1. - С. 67-77.
8. Минаева, Н. В. М. М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVII - первая половина XIX веков. - М.: Собрание, 2009. - 343 с.
9. Опись бумаг М. М. Сперанскаго 1812 года, изданная под редакцией князя Н. В. Голицына. - Петроград: Типография Императорской акад. наук, 1916. - 51 с.
10. Сперанский М. М. Предисловие // Полное собрание законов Российской империи. - СПб., 1830. - Т. 1. - С. 1-28.
11. Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II отделении Собственной его Императорского Величества канцелярии. - СПб.: Типография II отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1833. - 200 с.
12. Сперанский, М.М. Руководство к познанию законов. Сочинение графа Сперанского. – СПб.: Типография II отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии,1845. - 171 с.
13. Сперанский М. М. О законах. Беседы графа М. М. Сперанского с его императорским высочеством государем наследником цесаревичем великим князем Александром Николаевичем, с 12 октября 1835 по 10 апреля 1837 года // Сборник Императорского русского исторического общества. - 1877. - Т. 30. - С. 333-491.
14. Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского : (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). С приложением «Записки об устройстве судебных и правительств. учреждений в России», (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». - М. : Русская мысль, 1905. - 359 с.
15. Сперанский М. М. Проекты и записки. Подготовили к печати А. И. Копанев и М. В. Кукушкина. Под редакцией и с предисловием С. Н. Валка. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. - 244 с.
16. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. - СПб. : Наука, 2002. - 678 С.
17. Сперанский М. М. Юридические произведения. - М.: Зерцало-М, 2014. - 479 с.
18. Сперанский М. М. Избранное. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. - 776 с
19. Сперанский М. М. Избранное. - М.: Статут, 2013. - 356 с.
20. Сперанский М. М. О законах. Избранные работы и письма. - М.: Издательство Юрайт, 2022. - 206 с
21. Сперанский М. М. Четыре беседы с наследником престола. Публикация Д.И. Луковской, С. С. Гречишкина // Правоведение. - 1997. - № 4. - С. 66-82;
22. Сперанский М. М. Основания российского права. Публикация Е В. Тимошиной // Правоведение. - 2001. - № 3. - С. 225-338.
23.Тимошина Е. В. Рукописное наследие М.М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. - 2001. - № 3. - С. 220-224.
24.Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. - М.: Молодая гвардия, 1991. - 334 с.
25.Томсинов В. А. Сперанский. - М.: Молодая гвардия, 2006. - 451 с.

Kodan S. V. The creative heritage of M. M. Speransky in publishing and research practices (Source study review) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 461-470.

The review shows the peculiarities of formation and the current state of the source base for the study of M. M. Speransky's creative heritage. The author distinguishes and analyzes in interrelation both doctrinal sources - works of the thinker, and historiographical information carriers - researches on him. In this context the author shows the dynamics of formation of an array of works and their editions and focuses attention on the need to introduce into scientific circulation unpublished works of M. M. Speransky kept in archival institutions.

Key words: M. M. Speransky, Russian political-legal thought; history of political and legal doctrines; historiography and source study of the development of political-legal thought.

Spisok literatury:

1. V pamyat' grafa Mihaila Mihajlovicha Speranskogo. 1772-1872. - SPb.: Izdanie Imperatorskoj publichnoj biblioteke, 1872. - 855 s.
2. Grechishkin S. S., Lukovskaya D. I., Morozov V. I. Mihail Mihajlovich Speranskij (materialy k biografii). – M.;Augsburg: «WERDEN'VERLAG», 2001. - 118 s.
3. Zipunnikova N. N., Lapshina L. P. Nasledie M. M. Speranskogo v yuridicheskom nauchno-obrazovatel'nom "metadiskurse" (k 250-letiyu velikogo reformatora) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. - 2022. - T. 32. - № 4. – S. 699-706.
4. Katalog fonda M. M. Speranskogo (№ 731). Sost. M. YA. Steckevich. – L,, 1962. - 442 s.
5. Korf M. A. ZHizn' grafa Speranskogo. – SPb.: Izdanie Imperatorskoj publichnoj biblioteki, 1861. T. 1. – 283 s.; T. 2. – 388 s.
6. Krakovskij K. P. Neizvestnye raboty velikogo mechtatelya (k 250-letiyu so dnya rozhdeniya grafa M. M. Speranskogo) // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta YUzhnogo federal'nogo universiteta. - 2022. - T. 9. - № 1. - S. 99-108.
7. Krakovskij K. P. «Pravo poyavlyaetsya tam, gde est' dobro i soglasie...» (neopublikovannye trudy vydayushchegosya pravoveda M. M. Speranskogo) // Severo-Kavkazskiĭ yuridicheskiĭ vestnik. - 2022. - № 1. - S. 67–77.
8. Minaeva, N. V. M. M. Speranskij v vospominaniyah sovremennikov: Konec XVII - pervaya polovina XIX vekov. - M.: Sobranie, 2009. - 343 s.
9. Opis' bumag M. M. Speranskago 1812 goda, izdannaya pod redakciej knyazya N. V. Golicyna. - Petrograd : Tipogorafiya Imperatorskoj akad. nauk, 1916. – 51 s.
10. Speranskij M. M. Predislovie // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. - SPb., 1830. - T. 1. - S. 1-28.
11. Speranskij M. M. Obozrenie istoricheskih svedenij o Svode zakonov. Sostavleno iz aktov, hranyashchihsya vo II otdelenii Sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii. - SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1833. – 200 s.
12. Speranskij, M.M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. Sochinenie grafa Speranskogo. – SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1845. - 171 s.
13. Speranskij M. M. O zakonah. Besedy grafa M. M. Speranskogo s ego imperatorskim vysochestvom gosudarem naslednikom cesarevichem velikim knyazem Aleksandrom Nikolaevichem, s 12 oktyabrya 1835 po 10 aprelya 1837 goda // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. - 1877. - T. 30. - S. 333-491.
14. Speranskij M. M. Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M. M. Speranskogo : (Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennyh zakonov 1809 g.). S prilozheniem «Zapiski ob ustrojstve sudebnyh i pravitel'stv. uchrezhdenij v Rossii», (1803 g.), statej «O gosudarstvennyh ustanovleniyah», «O krepostnyh lyudyah» i «Permskogo pis'ma k imperatoru Aleksandru». - M. : Russkaya mysl', 1905. - 359 s.
15. Speranskij M. M. Proekty i zapiski. Podgotovili k pechati A. I. Kopanev i M. V. Kukushkina. Pod redakciej i s predisloviem S. N. Valka. – M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. - 244 s.
16. Speranskij M. M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. - SPb. : Nauka, 2002. – 678 S.
17. Speranskij M. M. YUridicheskie proizvedeniya. – M.: Zercalo-M, 2014. - 479 s.
18. Speranskij M. M. Izbrannoe. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2010. - 776 s
19. Speranskij M. M. Izbrannoe. – M.: Statut, 2013. – 356 s.
20. Speranskij M. M. O zakonah. Izbrannye raboty i pis'ma. — M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2022. — 206 s
21. Speranskij M. M. CHetyre besedy s naslednikom prestola. / Publikaciya D.I. Lukovskoj, S. S. Grechishkina // Pravovedenie. - 1997. - № 4. - S. 66-82;
22. Speranskij M. M. Osnovaniya rossijskogo prava / Publikaciya E V. Timoshinoj // Pravovedenie. - 2001. - № 3. – S. 225-338.
23.Timoshina E. V. Rukopisnoe nasledie M.M. Speranskogo kak istochnik issledovaniya ego pravovogo mirovozzreniya // Pravovedenie. - 2001. - № 3. - S. 224.
24.Tomsinov V. A. Svetilo rossijskoj byurokratii. Istoricheskij portret M. M. Speranskogo. - M.: Molodaya gvardiya, 1991. – 334 s.
25.Tomsinov V. A. Speranskij: - M.: Molodaya gvardiya, 2006. - 451 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 471-478.

УДК 342.9

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Боренштейн А. Л.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

В настоящей статье актуализированы проблемы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия российского населения в условиях распространения коронавирусной инфекции. Доказано, что пандемия COVID-19 выступила серьезным фактором, требующим пересмотра государственной политики в области соблюдения санитарно-гигиенических требований. Обоснована необходимость установления административной преюдиции в отношении норм о нарушении законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Определена значимость реализации региональных программ в данной сфере, доказана целесообразность наделения правом на участие в их разработке Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Сделан вывод о необходимости усиления координации российских субъектов с федеральным центром в вопросах борьбы с пандемией COVID-19.

В процессе исследования активно применялись общенаучные и частнонаучные методы юридического исследования (правового прогнозирования, формально-юридический и т.д.). Метод правового прогнозирования помог разработать перспективы по усилению взаимодействия российских субъектов с федеральным центром в области противодействия коронавирусной инфекции. Формально-юридический метод дал возможность доказать обоснованность наделения Роспотребназдора правом на участие в разработке региональных программ по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Ключевые слова: благополучие, население, здоровье, пандемия, инфекция, административная ответственность, правонарушение, региональная программа, санитарно-эпидемиологические требования, взаимодействие.

В непростых условиях существования современного общества всё большее внимание акцентируется на вопросах обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Ежегодные государственные доклады о благополучии российских граждан в данной сфере дают неутешительные цифры [1]. Охватившая весь мир, глобальная по своим масштабам проблема, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), стала серьезной угрозой для жизни и здоровья населения и заставила пересмотреть арсенал имеющихся механизмов поддержания благополучия российского общества.

Одним из наиболее эффективных способов реагирования государства на нарушение нормальной санитарно-эпидемиологической обстановки выступают меры юридической ответственности, применяемые к лицам, пренебрегающим требованиями, установленными в законе. Примечательно, что действующее уголовное законодательство в единственной норме предусматривает ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил при условии наступления конкретных неблагоприятных последствий (массовое заболевание, смерть человека и т.д.). Основной массив нарушений в данной сфере приходится на административно-правовую юрисдикцию, что требует тщательного исследования особенностей и проблем реа-

лизации административной ответственности в области нарушения санитарно-эпидемиологических требований в Российской Федерации (далее – РФ).

Обозначенным вопросам в современном научном сообществе уделено недостаточно внимания. Большинство имеющихся исследований посвящены общей характеристике правового регулирования данной сферы [2] и, как правило, носят неактуальный характер [3; 4]. Единичные труды освещают особенности административно-правового регулирования обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия в отдельных областях жизни общества. Например, Л.В. Павлова в качестве объекта исследования рассматривает учреждения и органы уголовно-исполнительной системы [5], С.И. Фёклин – сферу образования [6] и т.д.

Другой важнейший вопрос, фактически проигнорированный на страницах современных научных исследований, связан с разработкой и реализацией в субъектах РФ региональных программ по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, которые, как представляется, в нынешних условиях выступают одним из эффективных механизмов борьбы с пандемией. Основная масса исследований, как правило, связана с реализацией ведомственных программ в данной сфере [7; 8].

Вместе с тем в научной среде отсутствует единое, комплексное исследование, отражающее современные проблемы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в условиях противодействия новой коронавирусной инфекции.

Вопросы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия российского населения актуализируются на фоне активного противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции. Первые вспышки заболеваемости в российских регионах потребовали немедленного реагирования со стороны не только исполнительной, но и законодательной власти. В апреле 2020 г. норма, предусматривающая ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, пополнилась двумя новыми квалифицированными составами, связанными с уклонением от выполнения санитарных правил в условиях чрезвычайной ситуации, а также при угрозе ее возникновения.

Высокий рост заболеваемости среди российского населения спровоцировал резкий скачок регистрируемых по соответствующим статьям Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) деликтов, о чем свидетельствуют данные официальной статистики

Таблица №1.

Год	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Количество рассмотренных дел об административных правонарушениях за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия (ст.6.3-6.6. КоАП РФ)	15429	13838	13374	11711	60941
Количество лиц, подвергнутых административному наказанию	12845	11319	11238	9735	36992

за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия (ст.6.3-6.6. КоАП РФ)					

Таблица 1. Статистика административных правонарушений за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия за 2016-2020 гг. [9].

Анализ представленных статистических данных за пятилетний период говорит о бурном росте административных правонарушений в рассматриваемой сфере в 2020 году (показатели регистрации почти в 4,5 раза превысили среднюю «норму» правонарушений по ст.6.3-6.6 КоАП РФ). Подобные факты свидетельствуют об увеличении активности среди правонарушителей, что требует повышенного внимания к вопросам противодействия нарушениям санитарно-эпидемиологических норм и заставляет детально рассмотреть проблемы, возникающие в данной сфере.

Прежде всего, речь идет о необходимости пересмотра средств и методов противодействия нарушениям в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Представляется возможным утверждать, что залогом успешной борьбы с тем или иным негативным явлением является оптимизация и обновление способов его искоренения. Непростая эпидемиологическая обстановка, сложившаяся в стране более двух лет назад и продолжающаяся в наши дни, требует ужесточения механизмов по противодействию многочисленным нарушениям санитарных и гигиенических норм.

Анализируя статистические показатели регистрируемых правонарушений, динамику роста заболеваемости по стране и ряд иных факторов, отметим, что российские граждане нередко пренебрегают предписанными правилами ввиду относительной мягкости применяемых к ним санкций. К примеру, для многим правонарушителей уплата штрафа (который по статистике является самым «популярным» административным наказанием, назначаемым по ст. 6.3-6.7 КоАП РФ[9]) давно стала обыденной процедурой, что рождает у виновного чувство безнаказанности и заставляет вновь прибегать к нарушению закона. Соответственно, цель административного наказания в виде предупреждения новых правонарушений, прописанная в ст.3.1 КоАП РФ, становится недостигнутой.

Не умаляя правовой потенциал и значимость штрафа как вида административного наказания, отметим, что для рассматриваемой группы правонарушений, общественная опасность которых «зашкаливает» в условиях современной эпидемиологической обстановки, необходимы более радикальные санкции. В данном аспекте видится перспективной идея распространения на деяние, предусмотренное ст. 6.3 КоАП РФ, административной юрисдикции.

В предлагаемом варианте повторное нарушение нормы, закрепленной в рамках ст. 6.3 КоАП РФ, совершенное в течение года, будет наказываться в порядке уголовного законодательства. В частности, видится целесообразным дополнить УК РФ статьей 236^1 «Нарушение лицом, подвергнутым административному наказанию, законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения». Полагаем, что перспективный по своему характеру институт адми-

нистративной преюдиции представляется наиболее оптимальным и результативным средством совершенствования ответственности за несоблюдение санитарно-эпидемиологических правил, которое позволит существенно снизить массовые правонарушения в данной сфере.

Существенную помощь механизму административно-правового противодействия нарушениям санитарно-эпидемиологических норм способны оказать региональные меры, направленные на поддержание нормальной эпидемиологической среды обитания. Зачастую мероприятий, проводимых на федеральном уровне, оказывается недостаточно, ведь эффективное решение любой проблемы предполагает постоянное, системное и качественное взаимодействие всех заинтересованных субъектов. В первую очередь, речь идет о реализации в российских регионах программ по вопросам обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Согласно официальным данным в 2020 году в субъектах РФ в данной сфере было утверждено более 5700 региональных программ (к сравнению, в 2013 году количество подобных программ доходило почти до 9000[1]). При этом большинство реально принятых в 2020 году решений (31%) связаны с вопросами улучшения качества питьевого водоснабжения населения в регионах[1].

Представляется, что в условиях непростой эпидемиологической обстановки в стране необходимо не только активизировать деятельность по принятию региональных программ в рассматриваемой области, но и пересмотреть приоритетные направления их реализации. В частности, на уровне субъектов РФ следует уделять особое внимание вопросам противодействия распространению коронавирусной инфекции. Речь идет о реализации комплекса последовательных и системных мер, ориентированных на особенности конкретного региона. Планомерное и последовательное принятие и претворение в жизнь подобных региональных программ позволит снизить нагрузку на административный аппарат и сократить количество правонарушений в данной сфере (ст.6.3-6.6 КоАП РФ), ведь гораздо эффективнее предотвратить проблему, чем бороться с её последствиями.

Следует отметить, что при разработке обозначенных региональных программ необходимо учитывать ряд факторов, среди которых состояние среды обитания региона, актуальные проблемы в области эпидемиологии и гигиены, проблемы и риски реализации конкретных мероприятий и многие другие обстоятельства. Однако органы субъектов РФ, уполномоченные разрабатывать и принимать подобные программы, не всегда имеют в распоряжении необходимую и достоверную информацию о санитарно-эпидемиологической обстановке и не обладают знаниями, достаточными для выбора необходимых методов и средств нормализации такой обстановки.

Как представляется, непосредственное участие в составлении таких региональных программ должны принимать органы, основная деятельность которых направлена на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия отечественного населения. Речь идёт о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор).

Деятельность указанного федерального органа носит довольно широкий и разносторонний характер и сводится к выполнению двух основных функций:

1) защита прав потребителей;

2) контроль и надзор в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения РФ.

Рассматривая последнюю функцию, необходимо отметить, что Роспотребназдору законом предоставлены многочисленные полномочия, направленные на достижение благоприятных условий жизнедеятельности населения. Иначе говоря, основная задача рассматриваемого субъекта сводится к охране здоровья российских граждан. В свою очередь, средством обеспечения такой охраны выступает предупреждение, обнаружение, а также пресечение случаев нарушения санитарно-эпидемиологических норм [10, с. 653].

Однако, среди законодательно закрепленных полномочий Роспотребназдора на сегодняшний день отсутствует право на участие в разработке вышеуказанных региональных программ, что представляется серьёзным законодательным упущением. Целесообразно говорить о том, что неудовлетворительное состояние охраны здоровья населения, характерное для подавляющего большинства российских регионов, предопределяет необходимость непосредственного участия Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в данных вопросах. Перспективным направлением развития в данной области, на наш взгляд, является предоставление Роспотребнадзору возможности принимать участие в деятельности, связанной с разработкой и принятием региональных программ по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, что целесообразно отразить нормах раздела II Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Необходимость наделения указанного федерального органа новым полномочием обусловлена рядом объективных причин.

Во-первых, выступая общероссийским «центром» поддержания нормальной эпидемиологической обстановки в стране, Роспотребназдор способен объективно оценить текущие проблемы конкретного субъекта. Так, ежегодно данный орган готовит доклад, в котором детально, по многим параметрам оценивает состояние санитарно-эпидемиологического благополучия как в целом по стране, так и по регионам. В частности, ведомство осуществляет постоянный мониторинг состояние среды обитания российского населения, анализ заболеваемости и санитарной охраны в РФ, проводит ряд научных исследований в сфере гигиены и эпидемиологии и т.д.

Во-вторых, без участия Роспотребназдора субъектам РФ довольно проблематично самостоятельно разрабатывать региональные программы по защите санитарно-эпидемиологической среды. Основная сложность связана с тем, что на уровне конкретной территориальной единицы трудно сопоставить ряд факторов, которые должны ложиться в основу составления указанных программ. Речь идет об объеме распределения финансовых средств, выделенных на реализацию региональных программ, социально-экономическом развитии субъектов, особенностях их демографии и прочих значимых показателях. Вместе с тем Роспотребназдор как федеральный орган имеет в распоряжении указанную информацию и уполномочен осуществлять программно-целевое планирование, что является его значительным преимуществом над его региональными представительствами.

В-третьих, современные неблагоприятные условия существования российского общества, обусловленные распространением новой коронавирусной инфекции, требуют активной поддержки регионов со стороны федерального центра. Одной из оп-

тимальных форм такой поддержки, на наш взгляд, будет выступать полномочие Роспотребнадзора по разработке и принятию региональных программ, выступающих для субъектов РФ важнейшим механизмом охраны и поддержания здоровья населения.

Важно отметить, что мероприятия по санитарно-эпидемиологической защите населения, осуществляемые в рамках региональных программ, должны подкрепляться соответствующей финансовой поддержкой. На необходимость проведения мер по поддержке региональной экономики в условиях пандемии указывает и М.В. Мильчаков, сделавший вывод о неудовлетворительном финансовом состоянии бюджетов субъектов РФ [11, с. 29].

Безусловно, не все российские регионы оказались готовы справиться с рядом проблем, возникших в связи с распространением новой инфекции. К наиболее острым из них можно отнести нехватку средств индивидуальной защиты, аппаратов ИВЛ, количества медицинских учреждений и койко-мест для размещения инфицированных, кадровый дефицит врачей-инфекционистов.

Отдельный блок проблем связан с тяжелейшими условиями труда медицинских работников, а также с фактическим неполучением обещанных государством выплат сотрудникам «красных зон». Ярким примером может стать ситуация, произошедшая в Севастополе в августе 2020 года, когда медицинским работникам оказались вовремя не выплачены положенные им средства за работу с пациентами, зараженными коронавирусной инфекцией. Причиной такой задержки региональные власти назвали нехватку средств городского бюджета [12]. Аналогичные проблемы наблюдались также в Курганской, Орловской и Челябинской областях, Пермском крае и в иных субъектах РФ.

Наиболее оптимальный выход из сложившейся, довольно проблематичной ситуации, наблюдаемой в ряде регионов РФ, связан с острой необходимостью координации и усиления взаимодействия российских субъектов с федеральным центром. В условиях продолжающейся в стране на протяжении нескольких лет чрезвычайной ситуации на фоне эпидемиии коронавирусной инфекции следует проводить совместные мероприятия по минимизации рисков заражения, профилактике заболеваемости, а также осуществлять приоритетное финансирование мероприятий по борьбе с пандемией. Особое внимание, как представляется, стоит уделить финансовой поддержке региональных программ, принимаемых властями субъектов РФ.

Современное состояние обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в РФ характеризуется наличием ряда организационных и правовых трудностей. Пандемия коронавирусной инфекции стала серьезным неблагоприятным фактором, который потребовал существенного пересмотра структуры, механизма, форм обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения страны, а также обновления законодательства в данной сфере. Политические и социальные реалии современного времени продиктовали необходимость формирования нового взгляда на правовое регулирование санитарно-гигиенического благополучия российских граждан.

Среди перспективных направлений дальнейшего развития указанной области можно выделить следующие:

во-первых, установление в отношении деяния, предусмотренного ст. 6.3 КоАП РФ, административной преюдиции с одновременным закреплением в УК РФ новой нормы (ст.236^1УК РФ);

во-вторых, активизация принятия региональных программ в данной области с одновременным наделением Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребназдора) полномочия по участию в разработке и принятии таких программ;

в-третьих, координация и усиление взаимодействия российских субъектов с федеральным центром по вопросам противодействия новой коронавирусной инфекции, включая усиление финансовой поддержки региональных программ, принимаемых субъектами РФ.

Грамотное и последовательное претворение в жизнь предложенных рекомендаций позволит вывести борьбу с пандемией на новый уровень, а также оптимизировать механизм административно-правового регулирования санитарно-гигиенического благополучия населения, сделав его более гибким и эффективным.

Список литературы:

1. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году». – URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/5fa/gd-seb_02.06-_s-podpisyu_.pdf (дата обращения: 21.02.2022). – Текст: электронный.
2. Борзенкова, Е. А. Общая характеристика административной ответственности за правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность / Е.А. Борзенкова // Молодой ученый. – 2021. – № 46 (388). – С. 138-140. – Текст: непосредственный.
3. Алиев, Т.Т. Понятие и содержание административной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологического законодательства / Т.Т. Алиев, Л.М. Мележик // Современное право. – 2007. – №12. – С.80-83. – Текст: непосредственный.
4. Стефанивская, О.А. Особенности административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения / О.А. Стефанивская // Полицейское право. – 2008. – №1(11). – С. 91-93. – Текст: непосредственный.
5. Павлова, Л.В. Об административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / Л.В. Павлова // Ведомости УИС. – 2017. – №8 (183). – С.40-43. – Текст: непосредственный.
6. Фёклин, С.И. Ответственность за нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства в сфере образования / С.И. Фёклин // Народное образование. – 2011. – №9. –С.140-145. – Текст: непосредственный.
7. Гайдаров, Г.М. Эффективность программно-целевого планирования по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения и защиты прав потребителей в субъекте Федерации / Г.М. Гайдаров, Т.И. Алексеевская, О.Ю. Софронов // Здравоохранение РФ. – 2017. –№5. – С.241-249. – Текст: непосредственный.
8. Китаева, Э.А. Обзор межведомственных программ по охране здоровья населения / Э.А. Китаева // Менеджер здравоохранения. – 2019. – №10. – С.42-47. – Текст: непосредственный.
9. Судебная статистика РФ. Административные правонарушения. – URL: http://stat.апипресс.рф/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 24.02.2022). – Текст: электронный.
10. Красова, Т. В. Некоторые вопросы правового регулирования функций Роспотребнадзора / Т.В. Красова // Молодой ученый. – 2015. – № 3 (83). – С. 652-655. – Текст: непосредственный.
11. Мильчаков, М.В. Реализация национальных проектов в регионах в условиях противодействия коронавирусной инфекции / М.В. Мильчаков // Финансовый журнал. – 2020. – №3. – С. 28-47. – Текст: непосредственный.
12. СМИ узнали о невыплате медикам коронавирусных надбавок в Севастополе. – URL: https://www.rbc.ru/society/12/08/2020/5f342ef39a7947f5e9ea59f7 (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.

Borenstein A.L. Sanitary and epidemiological well-being of the population as an object of administrative and legal regulation: federal and regional problems in the context of the COVID-19 pandemic //

// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – P. 471-478.

This article updates the problems of ensuring the sanitary and epidemiological well-being of the Russian population in the context of the spread of coronavirus infection. It has been proven that the COVID-19 pandemic has become a serious factor requiring a revision of the state policy in the field of compliance with sanitary and hygienic requirements. The necessity of establishing an administrative prejudice in relation to the norms on violation of legislation in the field of ensuring the sanitary and epidemiological welfare of the population is substantiated. The significance of the implementation of regional programs in this area is determined, the expediency of granting the right to participate in their development to the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare is proved. It is concluded that it is necessary to strengthen the coordination of Russian subjects with the federal center in the fight against the COVID-19 pandemic.

In the process of research, general scientific and particular scientific methods of legal research (legal forecasting, formal legal, etc.) were actively used. The method of legal forecasting helped to develop prospects for strengthening the interaction of Russian subjects with the federal center in the field of combating coronavirus infection. The formal legal method made it possible to prove the validity of giving Rospotrebnazdor the right to participate in the development of regional programs to ensure the sanitary and epidemiological welfare of the population.

Key words: well-being, population, health, pandemic, infection, administrative responsibility, offense, regional program, sanitary and epidemiological requirements, interaction.

Spisok literatury:

1. Gosudarstvennyj doklad «O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossijskoj Federacii v 2020 godu». – URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/5fa/gd-seb_02.06-_s-podpisyu_.pdf (data obrashcheniya: 21.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
2. Borzenkova, E. A. Obshchaya harakteristika administrativnoj otvetstvennosti za pravonarusheniya, posyagayushchie na zdorov'e, sanitarno-epidemiologicheskoe blagopoluchie naseleniya i obshchestvennuyu nravstvennost' / E.A. Borzenkova // Molodoj uchenyj. – 2021. – № 46 (388). – S. 138-140. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Aliev, T.T. Ponyatie i soderzhanie administrativnoj otvetstvennosti za narushenie sanitarno-epidemiologicheskogo zakonodatel'stva / T.T. Aliev, L.M. Melezhik // Sovremennoe pravo. – 2007. – №12. – S.80-83. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Stefanivskaya, O.A. Osobennosti administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya / O.A. Stefanivskaya // Policejskoe pravo. – 2008. – №1(11). – S. 91-93. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Pavlova, L.V. Ob administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy / L.V. Pavlova // Vedomosti UIS. – 2017. – №8 (183). – S. 40-43. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Fyoklin, S.I. Otvetstvennost' za narusheniya sanitarno-epidemiologicheskogo zakonodatel'stva v sfere obrazovaniya / S.I. Fyoklin // Narodnoe obrazovanie. – 2011. – №9. –S. 140-145. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Gajdarov, G.M. Effektivnost' programmno-celevogo planirovaniya po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya i zashchity prav potrebitelej v sub"ekte Federacii / G.M. Gajdarov, T.I. Alekseevskaya, O.YU. Sofronov // Zdravoohranenie RF. – 2017. –№5. – S. 241-249. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Kitaeva, E.A. Obzor mezhvedomstvennyh programm po ohrane zdorov'ya naseleniya / E.A. Kitaeva // Menedzher zdravoohraneniya. – 2019. – №10. – S. 42-47. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Sudebnaya statistika RF. Administrativnye pravonarusheniya. – URL: http://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/1 (data obrashcheniya: 24.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
10. Krasova, T. V. Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya funkcij Rospotrebnadzora / T.V. Krasova // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 3 (83). – S. 652-655. – Tekst: neposredstvennyj.
11. Mil'chakov, M.V. Realizaciya nacional'nyh proektov v regionah v usloviyah protivodejstviya koronavirusnoj infekcii / M.V. Mil'chakov // Finansovyj zhurnal. – 2020. – №3. – S. 28-47. – Tekst: neposredstvennyj.
12. SMI uznali o nevyplate medikam koronavirusnyh nadbavok v Sevastopole. – URL: https://www.rbc.ru/society/12/08/2020/5f342ef39a7947f5e9ea59f7 (data obrashcheniya: 26.02.2022). – Tekst: elektronnyj.

.

НАШИ АВТОРЫ

Абисова К. С.	*преподаватель-методист группы профессионального обучения учебного отдела Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России*
Арсентьева С. С.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета*
Астапенко И. В.	*аспирант Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Москва, Россия)*
Алексеенко Т. Р.	*ведущий специалист экономико-правового отдела Министерство экономического развития ДНР*
Алфёров С. Н.	*д.ю.н., проф., главный научный сотрудник юридического факультета, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*
Ахмедханова С. Т.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры уголовного права. Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)*
Ашурбекова А. А.	*соискатель ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)*
Басов А. В.	*д.ю.н., доц., зав. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) университета прокураьуры Российской Федерации*
Басова Ю. Ю.	*к.ю.н., доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Биляев В. А.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры уголовно-процессуального права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Бореншстейн А. Л.	*к.ю.н., доцент кафедры административного и трудового права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».*
Борецкая Л. Р.	*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Великая О. С.	*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, полковник*

	внутренней службы
Выпирайло А. О.	*студент 1 курса магистратуры факультета подготовки специалистов для судебной системы Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Галустян Н. В.	*к.ю.н., доцент кафедры правоведения СЭГИ «КФУ им В.И. Вернадского»*
Гельдибаев М. Х.	*д.ю.н., проф. Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения"*
Голиков Р. В.	*ведущий юрисконсульт, Общество с ограниченной ответственностью «Завод Георгиевский. Традиции Качества» (Белуга Групп)*
Грицюк М. В.	*аспирант, ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)*
Дерюгин А. А.	*к.ю.н., доц., начальник кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации*
Долгов С. Ф.	*аспирант ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»); старший преподаватель ФГБОУ ВО «БашГУ»*
Емельянов А. С.	*к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»*
Жалова И. Н.	*старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Забелин Д. Н.	*аспирант 2 курса, кафедры «Гражданское право и процесс», Юридического института, Севастопольского государственного университета*
Заброда Д. Г.	*к.ю.н., доцент, профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Зитулаева Д. А.	*обучающаяся 2-го курса магистратуры юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского*
Змерзлый Б. В.	*д.и.н., д.ю.н., проф., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского*

Игнатов А. Н.	*д.ю.н., профессор, профессор кафедры криминологии Московского университет МВД России имени В.Я. Кикотя*
Исмайлов Д. А.	*студент 3 курса Института права Тольяттинского государственного университета*
Кашкаров А. А.	*д.ю.н., доц., начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Квасова О. А.	*соискатель, ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)*
Кирющенко И. И.	*адвокат, г. Краснодар, член Адвокатской палаты Краснодарского края*
Клименко П. М.	*д.мед.н., проф., профессор кафедры детской хирургии с курсом урологии Медицинской академии Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского*
Кодан С. В.	*д.ю.н., проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева*
Козлова Е. Б.	*д.ю.н., профессор кафедры гражданского права МГЮА им. Кутафина*
Колбасин В. В.	*адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарский университет МВД России*
Комарова Е. А.	*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Коноплев В. В.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры предпринимательского и экологического права Юридического факультета Таврической Академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского*
Лихачёв С. В.	*д.ю.н., проф., главный научный сотрудник Таврической Академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*
Лукманов И. Д.	*Аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, советник Управления по связям с представительными и исполнительными органами власти префектуры Центрального административного округа города Москвы*
Луценко В. В.	*адъюнкт факультета по подготовке кадров высшей*

	квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Михайлов В. В.	*д.и.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения*
Мурузиди А. В.	*старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Института права Тольяттинского государственного университета*
Нагорный А. П.	*преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Новикова А. Е.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры конституционного и международного права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета*
Носова Ю. Б.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры трудового права, доц. к-ры административного и административного процессуального права*
Ожегова Г. А.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Института права Тольяттинского государственного университета*
Пастухова Л. В.	*к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал)*
Пеленицына М. В.	*к.ю.н., доц., доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Петрищева Н. С.	*к.и.н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»)*
Пикина Т. В.	*старший преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир*
Пономаренко А. А.	*д.ю.н., проф. старший научный сотрудник Юридического факультета Таврической Академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского*
Попов А. Н.	*преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*

Попов С. В.	*д.ю.н., Главный научный сотрудник юридического фактуальтета Таврической Академии Крымского федерального университетат им. В. И. Вернадского*
Процевский В. А.	*д.ю.н., проф., профессор кафедры «Гражданского права и процесса» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет*
Путренко А. Н.	*к.ю.н., доц., доцент кафедры «Гражданского права и процесса» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Ракша Н. С.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры административного и трудового права Юго-западный государственнй университет, г. Курск*
Рассказов В. Л.	*к.ю.н., доц., доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанский государственный аграрный университет*
Рассказов Л. П.	*д.ю.н., д.и.н., проф., Кубанский государственный аграрный университет*
Робак В. А.	*к.ю.н., доц., заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Рогачева О. С.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры административного и административного процессуального права ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*
Саченко А. Н.	*федеральный судья в отставке*
Сафронова Е. В.	*д.ю.н., проф., профессор ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)*
Сергиенко Н. Б.	*старший преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Скворцова О. В.	*к.ю.н., доц. кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского*
Ткачева Н. А.	*к.ю.н., доцент, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Тонков Е. Е.	*д.ю.н., д. пед. н., проф., директор юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)*
Тофан М.	*аспирант, ФГАОУ ВО «Белгородский национальный*

	исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
Тюнин В. А.	*к.ю.н., Заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процесс Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Улезько А. Ю.	*к.ю.н., доцент Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*
Худоба В. Н.	*старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Хутько Т. В.	*к.ю.н., доц., заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Чеботарева Г. В.	*д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и процесса юридического ф-та институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Чуча С. Ю.	*д.ю.н., руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения Института государства и права Российской Академии Наук*
Шишина Е. А.	*старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Шуринов В. В.	*адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России*
Шурыгина Ю. В.	*к.пед.н., доц., доц. к-ры «Иностранные языки и методики преподавания иностранных языков» Пензенского государственного университета*
Щербаков М. Г.	*соискатель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ*
Филонов А. В.	*д.ю.н., доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Фоменко Е. В.	*к.ю.н., доц., доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ашурбекова А. А.
Специфика соотношения и взаимодействия адата и шариата как Основных источников правового регулирования у мусульман Российской Империи……..…. 3
Басова Ю. Ю.
Гносеологическая характеристика понятия «чрезвычайная ситуация»…….7
Борецкая Л. Р.
Особенности реализации отдельных процессуальных прав сторонами в контексте злоупотребления процессуальными правами в цивилистическом процессе……...….. 17
Грицюк М. В.
К вопросу об идеологии российской государственности……..24
Долгов С. Ф.
Правовой обычай: современный взгляд на понятие……...….. 31
Емельянов А. С., Сафронова Е. В.
Консульские иммунитеты и привилегии в договорной практике России…..... 37
Квасова О. А.
Теория единства государственной воли и дифференциации властей В. М. Гессена…… 43
Коноплев В. В.
Основные направления деятельности органов власти Республики Крым в сфере формирования и развития регионального инновационного научно-образовательного кластера полуострова: вопросы теории и практики…….. 50
Пастухова Л. В.
Право на доступ к научным знаниям: международно-правовая регламентация и обеспечение…….. 56
Петрищева Н. С.
Исторический опыт борьбы с «опасными и прилипчивыми» болезнями в законодательных актах государства российского первой половины XVIII века…….…. 68
Пономаренко А. А.
Правотворчество органов государственной власти в условиях цифровизации: цели, задачи и принципы……..….. 83
Тофан М.
О влиянии смены власти на сирийских граждан на северо-востоке Сирии в ходе сирийской войны с 2011 г……...…..90

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Алфёров С. Н.
Административные коррупционные правонарушения: понятие и особенности ответственности за их совершение…….. 95

Биляев В. А.
К вопросу о понятии административно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации…… 102
Кашкаров А. А.
Особенности административной и уголовной ответственности пешеходов или иных лиц, участвующих в процессе дорожного движения (кроме водителей механических транспортных средств, предусмотренных ст. 264 УК РФ)……108
Лихачёв С. В., Ракша Н. С.
Основные правила обеспечения безопасности дорожного движения в конструкции механизма административного принуждения……..….. 115
Лукманов И. Д.
Государственная модель управления городскими агломерациями……124
Носова Ю. Б.
Дистанционный труд: достижения и несовершенство современного трудового законодательства…….. 133
Новикова А. Е.
Африканский опыт конституционно-правового гарантирования свободы массовой информации……..……. 143
Рогачева О. С.
Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в частном секторе: сравнительно-правовое исследование…..….. 152
Попов С. В.
Процессуальные особенности рассмотрения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами…..161
Ткачева Н. А.
Органы местного самоуправления как структурно-функциональный элемент единой системы публичной власти в Российской Федерации……..170
Чеботарева Г. В.
Административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье..… 181
Улезько А. Ю., Алексеенко Т. Р.
Завещание под условием: отдельные аспекты……..….. 192
Шурыгина Ю. В.
Теоретические основы трансформации конституционно-правового статуса личности……..….. 197
Щербаков М. Г.
Эмоциональный интеллект как элемент системы искусственного интеллекта: этические и правовые вопросы…….…... 201

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Голиков Р. В.
Переход права собственности по договору купли-продажи движимого имущества в российском гражданском праве……..210
Жалова И. Н., Хутько Т. В.
Реализация государственной семейной политики в Российской Федерации на современном этапе……...……. 221

Забелин Д. Н.
Правоприменительный аспект учения о нормах гражданского права……..231
Пеленицына М. В., Худоба В. Н.
Правовые аспекты признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений……241
Процевский В. А.
Проблемы правового регулирования условий вступления в брак в зарубежных странах……247
Путренко А. Н.
Особенности изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в Республике Крым и городе Севастополе…….253

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арсентьева С. С., Савченко А. Н.
Системные судейские ошибки или просто система?..... 260
Ахмедханова С. Т.
Общая характеристика объективных признаков коррупционных преступлений, совершаемых в сфере образования…… 265
Басов А. В.
Некоторые аспекты практики участия прокурора в рассмотрении административных дел о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», запрещенной к распространению…… 271
Гельдибаев М. Х., Михайлов В. В.
Правовая защита национальных меньшинств в ситуации непризнания их государством и международным сообществом……..275
Дерюгин А. А., Луценко В. В.
Противодействие распространению «фейковой» информации в вопросах обеспечения безопасности: функция государства в современных условиях…281
Заброда Д. Г., Филонов А. В.
Проблемы организации судебной деятельности в период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией covid-19, в зарубежных странах…….287
Игнатов А. Н., Абисова К. С.
Использование информационно-коммуникационных технологий при реализации риск-ориентированного подхода в обеспечении безопасности в сфере дорожного движения……295
Исмайлов Д. А., Мурузиди А. В., Ожегова Г. А.
Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе…….301
Кирющенко И. И.
Медицинское обследование состояния здоровья судьи: постановка проблемы и пути ее решения…….309
Козлова Е. Б., Фоменко Е. В.
Регуляторная инфраструктура предпринимательской среды: понятие и система…….. 314

Колбасин В. В.
Об эффективности реализации норм уголовного права, регламентирующих ответственность за совершение преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних…322
Комарова Е. А.
Проблемы применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности…….330
Нагорный А. П.
Проблемы квалификации необходимой обороны в России……336
Пикина Т. В.
Проблемные аспекты реализации прав иностранных граждан в пенитенциарных учреждениях России…….. 342
Агашев Д. В.
Проблемы развития судебной формы защиты в системе коллективных правоотношений в российской трудовом праве: современное состояние и перспективы модели ……...……..350
Сергиенко Н. Б.
Декриминализация отдельных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: за и против……...……. 359
Робак В. А.
Экономическая теория преступности и криминальный рынок оружия……..366
Скворцова О. В., Зитулаева Д. А.
Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве: законодательные новеллы и судебная практика……...… 370
Тюнин В. А.
Актуальные проблемы прокурорского надзора за деятельностью органов местного самоуправления по обеспечению законности при реализации национальных проектов…….. 387
Чуча С. Ю.
Некоторые аспекты участия социальных партнеров в нормативном обеспечении противодействия внешнему санкционному давлению недружественных государств…… 393
Шишина Е. А.
Использование сети «Интернет» в целях вовлечения в экстремистскую деятельность…… 402
Шуринов В. В.
Криминологическая характеристика вовлечения в коррупционную деятельность в сфере закупок товаров и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд…… 408

СРОЧНО В НОМЕР

Астапенко И. В.
Незаконодательные правотворческие процедуры в праве ЕС – роль европейской комиссии…….. 415

Галустян Н. В.
Позитивная юридическая ответственность государства в современных условиях развития правового государства и гражданского общества…….427
Великая О. С.
Правовая организация рабочих и исправительных заведений в Великом княжестве Финляндском в первой половине XIX в……..435
Тонков Е. Е., Рассказов В.Л.
Гражданский процесс в Российском государстве в годы правления Петра I……442
Рассказов Л. П., Рассказов В. Л.
Особенности процесса огосударствления и национализации и его интерпретация в советском законодательстве в жилищной сфере (1917- середина 1920-х гг.)……..447
Клименко П. М., Змерзлый Б. В.
Организационно-правовые меры борьбы с распространением холеры в Финляндии в 1831 г. (Ч. 1)……..453
Кодан С. В.
Творческое наследие М. М. Сперанского в издательских и исследовательских практиках (Источниковедческий обзор)……..461
Бореншейн А. Л.
Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения как объект административно-правового регулирования: федеральные и региональные проблемы в условиях пандемии COVID-19…….471